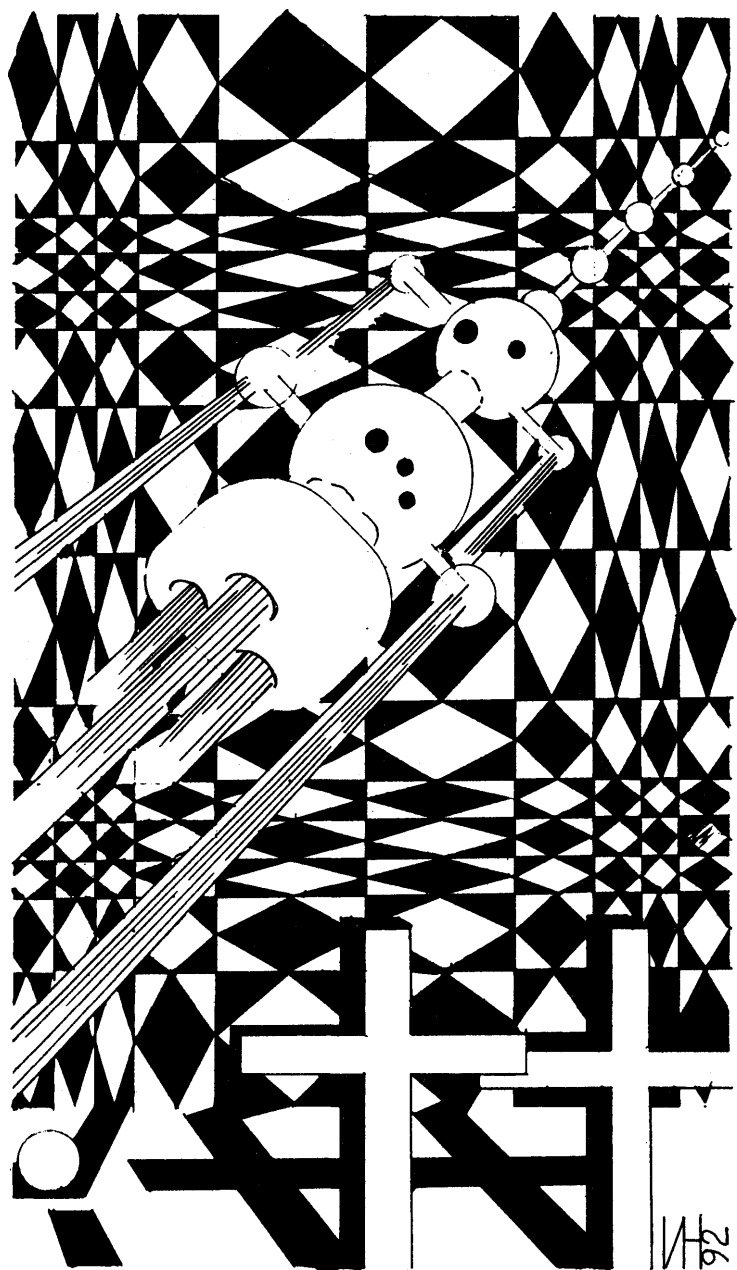

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ

КЛИФФОРД
САЙМАК
МОГИЛЬНИК

Сборник
научно-фантастических
произведений

Перевод с английского

Москва 1992

Составитель А. Белевцева

Саймак К.

- С14 Могильник: Сб. науч.-фантаст. произведений: Пер. с англ./Сост. А.Белевцева. — М.: ФЕЯ, 1992. — 461 с. — (Клуб любителей фантаст.)
ISBN5-86740-21-6

В сборник произведений одного из классиков научно-фантастического жанра американского писателя Клиффорда Саймака вошли романы "Могильник" и "Почти как люди", а также повести и рассказы, ранее не выходившие на русском языке.

С 4703040100-14
Ц92

ББК 84.7США

ISBN5-86740-21-6

© состав, Белевцева А.Г., 1992
© оформление, Иванова Н.Е.,
1992

От издателя

Клиффорд Саймак (1904 — 1988) принадлежит к славной плеяде писателей, творчество которых определило "золотой век" американской фантастики. В 1977 году он был удостоен звания "Гранд мастер", так сами американские писатели-фантасты оценили поистине выдающийся вклад, который он внес в мировую фантастику.

Клиффорд Доналд Саймак родился в 1904 году на ферме деда в округе Милвилл, штат Висконсин. Ферма располагалась на высоком крутом обрыве, там, где река Висконсин впадает в Миссисипи. Сам писатель не раз признавался, что часто использовал описание этих мест в своих произведениях. Такая авторская приверженность, с одной стороны, делает его творчество неотъемлемой частью американской литературы, а с другой — помогает читателю переходить из реального повседневного мира в мир фантазии.

Закончив Висконсинский университет, где он изучал журналистику, Саймак работает репортером и редактором в небольших городских газетах в самых разных штатах, пока в 1939 году не обосновывается в Миннеаполисе. Сначала он работает в "Миннеаполис стар" в отделе новостей, а потом ведет рубрику "Научные обзоры" в "Миннеаполис трибьюн" (подборка статей за 1963-1964 годы составила авторский сборник "От атома к бесконечности", 1965). После 1970 года Саймак занимался главным образом воскресными приложениями и ушел в отставку 1 сентября 1976 года. Таким образом, замечательный писатель более полувека отдал журналистике. И тем более не может не удивлять его литературная плодотворность — из-под пера Саймака-фантаста вышло более тридцати романов и сборников повестей и рассказов.

Свое первое произведение, рассказ "Мир красного солнца", Саймак напечатал в 1931 году, однако он, как и роман "Создатель" (1935), успеха автору не принес. Признание пришло к нему позже, когда с 1938 года он начал сотрудничать в журнале "Эстаундинг", редактором которого был Джон Кэмпбелл, собравший вокруг своего издания таких будущих корифеев фантастики, как Азимов, ван Вогт, Дель Рей, Каттнер, Старджон, Хайнлайн.

Широкую известность принес Саймаку роман "Город" (1952), с которого начинается расцвет творчества писателя. За него Саймак получает свою первую литературную премию — Всемирного конг-

ресса писателей-фантастов (1953). Теперь романы следуют один за другим, перемежаясь с повестями и рассказами. "Кольцо вокруг Солнца" (1953), "Как-2", "Ва-банк", "Упасть замертво", "Галактический сундук" (1956), "Все ловушки Земли", "Неприятности в кратере Тихо" (1960), "Пересадочная станция" (1963), "Совсем как люди" (1964), "Все живос..." (1965), "Заповедник гоблинов", "Зачем их гнать с небес" (1968), "Слезы в глубине души" (1969), "Из головы" (1970), "Кукла судьбы" (1971), "Мир — кладбище" (в нашем переводе "Могильник", 1972), "Наследие звезд" (1981) — вот далеко не полный перечень произведений, что увидели свет.

За этот период Саймак трижды становится лауреатом самой престижной в американской фантастике премии — "Хьюго", получает премию Ассоциации американских писателей-фантастов "Небьюла", премии "Юпитер", "Локус" и другие награды.

Название одной из книг Саймака — "Пришельцы в качестве соседей" могло бы послужить эпиграфом ко всему творчеству писателя. Многообразие форм разумной жизни и форм контакта между ними — центральная тема его творчества. Саймак неизменно поражает многообразием своих "миров". И через все его произведения красной нитью проходит стремление показать, что при наличии доброй воли разумные существа всегда могут и должны договориться между собой, как бы непривычен ни был для партнеров физический облик друг друга.

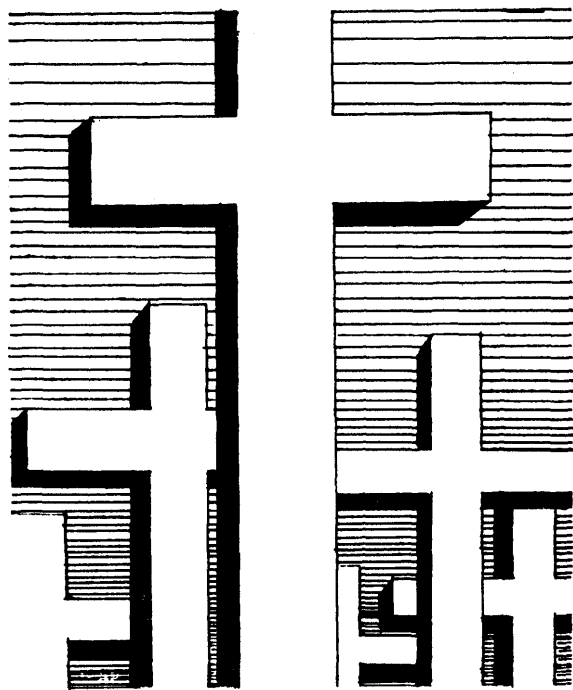
В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли ранее не переводившиеся на русский язык произведения Саймака. Исключения составляют лишь "Совсем как люди" и "Однажды на Меркурии", которые стали библиографической редкостью. Все их объединяет вера писателя в доброе начало в человеке и человечестве, в необходимости единения всех, кто живет на Земле и с кем еще, возможно, землянам доведется встретиться.

МОГИЛЬНИК

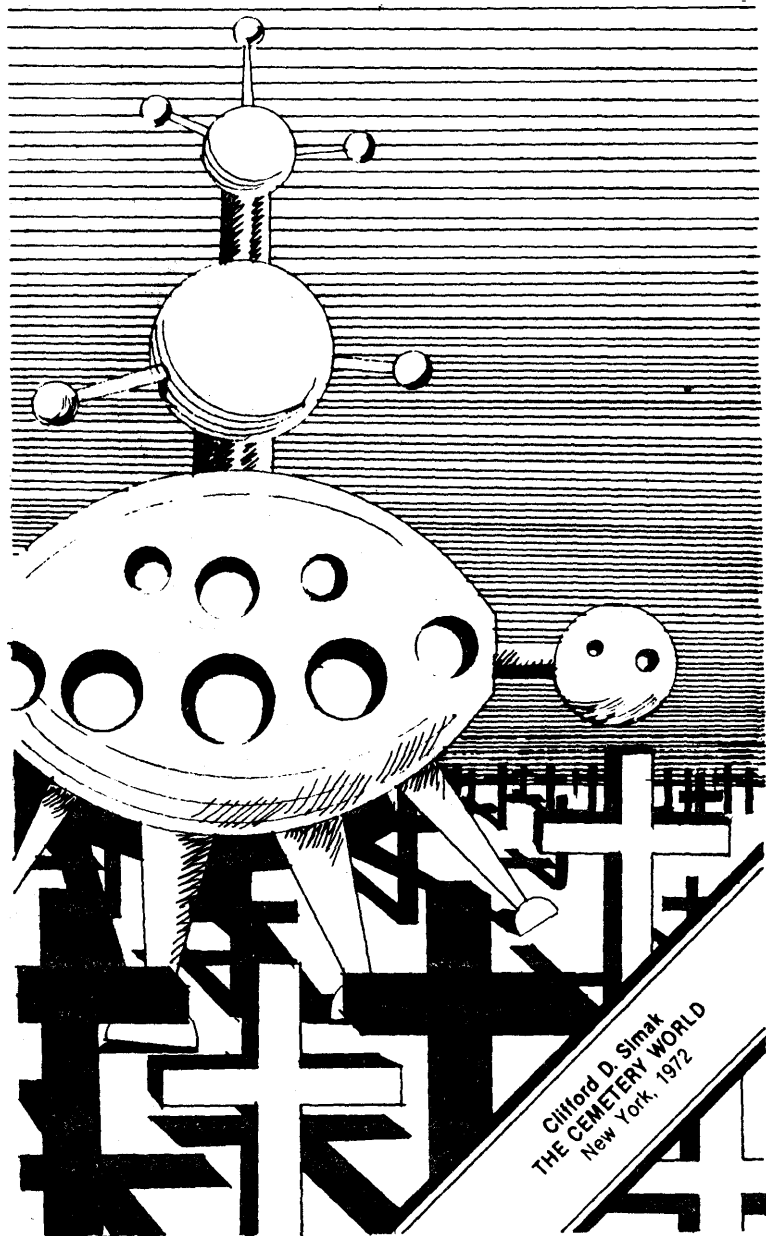
Перевод
К. Королева

© перевод на русский
язык, Королева К.М., 1992

Clifford D. Simak
THE CEMETERY WORLD
New York, 1972

1 Впервые я увидел Кладбище при свете дня. От его красоты захватывало дух. Сверкающие надгробные памятники рядами тянулись по долине и покрывали склоны близлежащих холмов. Аккуратно подстриженная, нигде не вытоптанная трава изумрудным ковром устилала землю. Величественные сосны, которые отделяли одну аллею могил от другой, тихо и заунывно шелестели.

— Прямо за душу берет, — проговорил капитан звездолета похоронной службы.

Он постучал себя по груди, очевидно, показывая мне, где у него находится душа. У меня сложилось впечатление, что человек он не очень далекий.

— Сколько бы ты ни шатался по космосу, сколько бы планет ни перевидал, Мать-Земля тебя не отпускает, — продолжал он. — Ты всегда помнишь о ней. Но стоит лишь приземлиться здесь и выйти из корабля, как обнаруживаешь, что подзабылось-то, оказывается, куда как много. Мать-Земля слишком велика и прекрасна, чтобы ее можно было удержать в памяти целиком.

Корпус звездолета, разогревшийся при посадке, теперь, потрескивая, отдавал тепло. Экипаж, не дожидаясь, пока корабль остынет окончательно, приступил к разгрузке. Распахнулись черные бортовые люки; оттуда, позвякивая и лязгая цепями, высунулись стрелы кранов. От длинного приземистого здания, которое, судя по всему, исполняло роль этапного ангара, к звездолету устремились автомобили.

Капитана, похоже, все это нисколько не заботило. Он по-прежнему зачарованно разглядывал Кладбище. Вдруг он величаво повел рукой.

— Какие просторы! — сказал он. — А ведь сейчас мы видим только крохотный его кусочек. Оно давно переросло Северную Америку.

Он не сообщил мне ничего нового. Я прочитал гору книг о Земле, просмотрел и прослушал сотни киноленток и магнитных лент. Я бредил Землей в детства. Наконец-то сбылась моя мечта, а этот придурок капитан вещает с таким видом, как будто планета принадлежит ему одному. Хотя, быть может, тому есть основания: ведь он работает на Кладбище.

Он ничуть не преувеличивал, говоря о крохотном кусочке. Ряды

памятников, бархатное покрывало травы, величественные сосны — подобная картина являлась, пожалуй, неотъемлемой частью пейзажа как в Северной Америке, так и на древнем острове Британия, на европейском континенте, в северной Африке и в Китае.

— И каждый его дюйм, — не унимался капитан, — так же тих и покоен, и торжествен, и содержится в таком же порядке, что и уголок, который мы видим перед собой.

— А остальное? — спросил я.

Капитан обернулся ко мне.

— Что остальное? — раздраженно бросил он.

— Остальная территория планеты. Как с ней? Насколько мне известно, Кладбище владеет не всей Землей.

— Помнится, — заметил капитан ядовито, — вы меня об этом уже спрашивали. И что вам неймется? Поймите, кроме Кладбища, тут нет ничего, заслуживающего внимания.

Так оно, в общем-то, и было. Во всех современных, то есть менее чем тысячелетней давности, книгах о свободной от захоронений территории едва упоминалось. Земля была Кладбищем, если не считать немногих мест, которые представляли интерес с точки зрения истории или культуры. Эти места широко рекламировались, для их посещения организовывались специальные Паломничества. Однако у тех, кто побывал там, неизбежно возникало впечатление, что существуют они лишь до поры до времени — пока Кладбищу не надоест ломать комедию. Так вот, по книгам выходило, что, помимо тех мест, Земля представляет собой всего лишь площадку для захоронений, на которой так давно ничего не строилось, что всякая память о былых днях успела улетучиться.

Капитан, по-видимому, не собирался менять гнев на милость.

— Мы выгрузим ваши вещи и переправим их в ангар, — сказал он. — Там вы без труда их найдете. Я прикажу ребятам быть повнимательнее и не перепутать с гробами ваши ящики.

— Вы очень добры, — отозвался я. Он утомил меня до последней степени. Уже на третий день полета я не чаял, как от него избавиться. Я, как мог, избегал его — без особого, впрочем, успеха, ибо, летя пассажиром на корабле похоронной службы, я тем самым становился на время перелета гостем капитана. Надо сказать, эта привилегия обошлась мне недешево.

— Надеюсь, — в его голосе все еще слышались раздраженные нотки, — ваш груз не содержит ничего запрещенного к ввозу.

— А я и не подозревал, что фирма "Мать-Земля, Инк." опасается крамолы.

— Вы напрасились ко мне в пассажиры, и я взял вас потому, что вы показались мне благородным человеком.

— О благородстве у нас не было и речи, — напомнил я ему. — Разговор шел только о деньгах.

Быть может, подумалось мне, не стоило упоминать о свободных пространствах Земли. Мы с капитаном не раз касались этой темы, и, как я мог заметить, он всегда реагировал на нее весьма болезненно. Мне следовало бы получше помнить прочитанное и держать рот на замке. Однако я не в силах был смириться с мыслью, что старушка Земля за десять тысяч лет превратилась в совершенно безликую планету. Во мне жила уверенность, что, если поискать, можно обнаружить старые шрамы и извлечь из-под пыли веков запечатленную в камне летопись былых времен.

Капитан повернулся, чтобы уйти, но я остановил его вопросом:

— Тот человек, к которому я должен обратиться, управляющий. Где я могу с ним встретиться?

— Его зовут Максуэлл Питер Белл, — бросил капитан. — Вы найдете его, вон там, в административном корпусе.

Он показал на высокое серебристое здание в дальнем конце космодрома, к которому бежала дорога. Прикинув на глаз расстояние, я решил, что путь мне предстоит неблизкий. Никаких средств передвижения видно не было, если не считать выстроившихся в ряд у грузового люка корабля автомобилей-катафалков. Ну и ладно, прогуляемся по свежему воздуху.

— В соседнем здании, — продолжал капитан, — располагается гостиница, где останавливаются те, кто совершает Паломничество. Возможно, вам повезет получить там номер.

Выполнив свои обязательства по отношению ко мне до конца, капитан развернулся и пошел прочь.

До гостиницы, приземистого сооружения в три этажа высотой, было гораздо дальше, чем до административного корпуса. Космодром выглядел чуть ли не заброшенным. На поле не было ни одного звездолета помимо того, на котором я сюда прибыл, и, если забыть про катафалки, ни одного автомобиля.

Я направился к административному корпусу, думая о том, как хорошо размять мышцы, как хорошо снова чувствовать под ногами твердый грунт и дышать свежим воздухом. Как хорошо очутиться на Земле, — особенно после того, как неоднократно отчаивался сюда попасть.

Элмер, должно быть, бесится в своем ящике, гадая, почему я не распаковал его сразу после посадки. Это было бы разумное решение, ибо за то время, которое уйдет у меня на посещение Белла, он мог бы привести в порядок Бронко. Но тогда пришлось бы дожидаться, пока мои вещи выгрузят и переправят в ангар, а мне не терпелось сделать ну хоть что-нибудь.

Откровенно говоря, меня заинтриговало — с какой стати я должен отмечаться у этого самого Максуэлла Питера Белла? Капитан выразился в том смысле, что того, мол, требует простая вежливость, но я ему не поверил. Его поведение в полете, на который ушли без остатка все сбережения Элмера, отнюдь нельзя было назвать образцом любезности. Походило на то, что Кладбище считает себя чем-то вроде правительства и ожидает соответствующего уважения со стороны гостей планеты. На деле же оно было ничем иным, как преуспевающей фирмой, которую мало интересовали моральные проблемы. За годы, посвященные изучению Земли, у меня выработалось весьма определенное мнение о компании "Мать-Земля, Инк."

2 Максуэлл Питер Белл, управляющий североамериканским отделением фирмы "Мать-Земля, Инк." оказался пухленьким коротышкой с претензиями на роль всеобщего любимца. Когда я вошел в его офис в особняке на крыше административного корпуса, он встретил меня, восседая в громоздком зачехленном кресле за большим сверкающим столом. Потерев руки, он приветливо, если не сказать нежно, улыбнулся мне. Начни его карие глаза таять и сбегать ручейками по щекам, оставляя на них следы как от шоколада, я бы ничуть не удивился.

— Вы довольны перелетом? — спросил он. — У вас нет претензий к капитану Андерсону?

Я покачал головой.

— Никаких. Я ему очень признателен. Мне не хватило бы денег, чтобы заплатить за место на корабле для паломников.

— Ну что вы, что вы, — проговорил он. — Это мы должны быть вам признательны. В наши дни мало кто из людей искусства проявляет интерес к Матери-Земле.

Тут он, разыгрывая из себя радушного хозяина, пожалуй, слегка переборщил. Мне было известно, что Земля вовсе не обделена вниманием, как он выразился, "людей искусства"; причем любой из них, прилетев сюда, незамедлительно попадал под "материнское" крылышко фирмы. Об опеке со стороны компании мог не догадаться разве что полный недотепа. Потому-то многое из того, что было здесь написано или снято, выглядело, как состряпанная высокооплачиваемыми мастерами своего дела кладбищенская реклама.

— У вас тут хорошо, — сказал я лишь для того, чтобы поддержать разговор.

Получилось так, что я сам напросился на лекцию. Белл завозился, поудобнее устраиваясь в кресле, — точь-в-точь наседка, распускающая перья над гнездом с яйцами.

— Вы, разумеется, слышали сосны, — начал он. — Они поют. Даже отсюда, если распахнуть окно, можно услышать их пение. Я слушаю их вот уже тридцать лет и никак не наслушаюсь. Они поют о вечном покое, который нельзя обрести нигде, кроме как на Земле. Порой мне кажется, что это песня не только сосен и ветра, но разбросанного по космосу человечества, которое наконец возвращается домой.

— Ничего такого я не слышал, — признался я. — Наверно, прошло слишком мало времени. Но вообще-то, я для того и пришел, чтобы слушать.

С тем же успехом я мог бы не раскрывать рта. Он меня не слышал. Он не желал меня слышать. Он был поглощен исполнением давным-давно заученного монолога.

— Тридцать с лишним лет, — вещал он, — я забочусь об Окончательно Вернувшихся. За такую работу берутся, лишь хорошенько все взвесив. У меня было много предшественников; в этом кресле сживали многие управляющие, и все они были людьми благородными и возвышенными. И моя обязанность — продолжать их дело. Еще я считаю своим долгом поддерживать великие традиции, которые зародились в далеком прошлом Матери-Земли.

Он откинулся на спинку кресла. В уголках его карих глаз выступила влага.

— Временами, — сообщил он, — мне приходится нелегко. Сами понимаете, обстоятельства бывают разные. Порочащие измышления, всякие слухи, обвинения, которые никогда не высказываются открыто. Полагаю, вам они известны.

— Да, я кое-что слышал.

— Вы верите им?

— Не всем.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — предложил он, пожалуй, чуть резковато. — Давайте поговорим начистоту. Во-первых, фирма "Мать-Земля, Инкорпорейтед" есть ассоциация похоронных услуг, а Земля — кладбище. Далее, наша компания — отнюдь не мыльный пузырь, созданный ради легкой наживы, не ловушка для простаков и не какая-нибудь там посредническая контора, которая распродает за бешеные деньги лакомые кусочки бесценных угодий. Разумеется, мы в своей работе пользуемся существующими деловыми каналами. А как же иначе? Только этим путем мы можем предложить свои услуги населенной людьми галактике. Отсюда возникает необходимость создания организации настолько крупной, что подобное трудно себе вообразить. Но у каждой медали есть обратная сторона. В силу грандиозности предприятия практически невозможно говорить об осуществлении надлежащего конт-

роля за ходом всей деятельности организации. Другими словами, вполне вероятно, что мы, руководители, зачастую остаемся в неведении относительно событий, которым, зная мы о них, вряд ли позволили бы произойти.

Мы нанимаем бесчисленных специалистов по рекламе. Мы вынуждены рекламировать свои товары в самых отдаленных уголках обжитого космоса. Мы с готовностью признаем, что на всех планетах, колонизованных людьми, находятся наши торговые агенты. Для делового мира все это в порядке вещей. Учтите также, что, навязывая свои услуги, мы тем самым проявляем заботу о благе человека. В нашей деятельности можно выделить по меньшей мере два аспекта.

— Два? — переспросил я ошарашенно. Меня поразила не столько та лавина сведений, которую обрушил мне на голову Белл, сколько личность моего собеседника. — Я думал...

— Первый из них — индивидуальный подход, — перебил он. — О нем-то вы, без сомнения, и подумали. Разумеется, мы ставим индивида во главу угла. Поверьте мне: зная, что твои усопшие родственники покоятся в священной земле материнской планеты, ощущаешь в душе радость и умиротворение. И как приятно сознавать, что, окончив все счета с жизнью, ты тоже окажешься тут — на планете, которая была колыбелью человечества!

Я повел плечами. Мне стало за него стыдно. Он поставил меня в неловкое положение, и потому я слегка рассердился. Должно быть, подумалось мне, он считает меня крутым дураком, если рассчитывает сладкими речами успокоить мои подозрения насчет истинного лица фирмы "Мать-Земля, Инк." и обратить меня в свою веру.

— Второй аспект, — продолжал он, — является, пожалуй, еще более значимым. Мы, то есть наша фирма, сохраняем человечество как единое целое. Позабыв о Матери-Земле, человек превратился бы в пережаты-поле. Он потерял бы всякую память и всякие связи с этим относительно небольшим кусочком материи, который кружит вокруг ничем не примечательной звезды. А так — пускай связь неимоверно хрупка, но она объединяет людей. Земля — вот то, что принадлежит всем нам без исключения. Лишившись ее, человек обратится в бродягу, не помнящего родства.

Белл сделал паузу и поглядел на меня. Мне показалось, он ожидает с моей стороны одобрительного замечания. Если так оно и было на самом деле, то ему пришлось разочароваться.

— Итак, Земля представляет собой огромное галактическое кладбище, — произнес он, сообразив, видно, что я не намерен раскрывать рот. — Однако это отнюдь не просто могильник. Она — памятник, она — нить, которая связывает человечество воедино. Без нас люди

бы давным-давно предали Землю забвению. Сложись обстоятельства иначе, и планета, которая дала жизнь человеку, вполне вероятно, превратилась бы в предмет академического интереса и пустых споров. Изредка в поисках туманных свидетельств о временах юности галактической расы, сюда заглядывали бы археологические экспедиции — и все.

Он подался вперед и оперся локтями на стол.

— Я утомил вас, мистер Карсон?

— Нисколько, — отозвался я, ничуть не покривив душой. Он вовсе меня не утомил, скорее, зачаровал. Неужели он и вправду верит всему тому, что наговорил мне?

— Мистер Карсон, — повторил он. — А имя? Боюсь, я его запомнил.

— Флетчер, — подсказал я.

— Ну конечно! Флетчер Карсон. Значит, вы слышали все эти рассказы. Что мы дерем с клиентов три шкуры, что мы облапошиваем их, что мы...

— Слышал, но не все, — заметил я.

— И принимаете их за чистую монету, не так ли?

— Послушайте, мистер Белл, — сказал я, — мне непонятно... Он перебил меня.

— Надо признать, некоторые наши представители излишне усердны, — проговорил он. — А рекламщики, преисполняясь творческого пыла, забывают порой о хорошем вкусе. Но в общем и целом мы прилагаем немалые усилия, чтобы поддержать лицо фирмы, которая взялась за такое, прямо скажем, нелегкое дело.

Любой из паломников, побывавших на Матери-Земле, подтвердит, что на планете не найти ничего краше участков, к которым мы приложили руку. Благоустроенные, обсаженные вечнозеленым кустарником и тисом... трава бархатистая и аккуратно подстрижена... великолепные цветочные клумбы... да ведь вы видели все своими глазами, мистер Карсон.

— Липш мельком, — сказал я.

— Что касается проблем, с которыми мы сталкиваемся, позвольте привести вам маленький пример, — он словно вдруг проникся доверием ко мне. — Несколько лет назад одному нашему агенту в дальнем секторе Галактики вздумалось распустить слух, что на Земле почти не осталось места и что тем семьям, которые хотели бы похоронить там своих покойников, настоятельно рекомендуется заблаговременно приобрести пока еще свободные территории.

— Разумеется, что была "утка", — закончил я. — Не так ли, мистер Белл?

Мой вопрос был чисто риторическим. Просто мне захотелось

подколоть Белла. Однако он, если и уловил насмешку в моем голосе, то не подал вида.

Он вздохнул.

— Естественнo. Приведись мне услышать такое, я бы, откровенно говоря, не поверил. Я бы пожал плечами и посмеялся в лицо тому, кто мне это бы рассказал. Но многие поверили и побежали жаловаться, а власти затеяли расследование. Короче, нам пришлось несладко во всех отношениях. Хуже всего то, что слух не умер, что к нему до сих пор некоторые относятся вполне серьезно. Мы стараемся искоренить его. Мы тратим на борьбу с ним силы и деньги. Мы опубликовали не одно опровержение, но пока безрезультатно.

— Мне кажется, этот слух в какой-то степени вам на пользу, — заметил я. — На вашем месте я бы не особенно боролся с ним. Белл надул пухлые щеки.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Наши отношения с клиентами всегда строились на основе честности и взаимного доверия. Именно поэтому мы считаем, что фирма не должна нести ответственности за опрометчивый поступок одного из агентов. Если принять во внимание грандиозный масштаб нашей деятельности и трудности поддержания связи, то неудивительно, что такое иногда может произойти.

— Не могли бы вы рассказать мне об остальной Земле, — попросил я, — о той ее части, которая не является Кладбищем. Было бы весьма...

Взмахом пухленькой ручки Белл отмел мой вопрос и остальную Землю вместе с ним.

— Ничего там нет, — ответил он. — Дикая природа. Совершенно дикая. Интерес на планете представляет лишь Кладбище. С практической точки зрения, Земля — это могильник и ничего больше.

— Тем не менее, — не отступался я, — мне бы...

Не дав мне договорить, он возобновил свою лекцию.

— Нам никуда не деться от вопроса о наших доходах. Почему-то считается, что они у нас колоссальные. Но давайте прикинем с вами издержки. Во-первых, затраты на обеспечение существования фирмы — от них одних волосы дыбом встают. Прибавьте сюда расходы на содержание флота похоронной службы: ведь наши корабли привозят на Землю покойников со всей галактики. Приплюсуйте еще деньги, которые тратятся на приведение в порядок участков на планете, и вы получите сумму, по сравнению с которой расценки на наши услуги покажутся мизерными.

Немногие из родственников соглашаются сопровождать умерших на борту корабля похоронной службы. А потом, мы сами зачастую

не разрешаем им этого. Вы провели несколько месяцев на одном из кораблей и знаете теперь, что до комфорта туристских лайнеров нашим звездолетам далеко. Зафрахтовать корабль могут позволить себе лишь те, у кого денег куры не клюют, а прибытие звездолетов с паломниками, путешествие на которых, кстати сказать, тоже обходится недешево, как правило, не совпадает по времени с посадкой кораблей похоронной службы. Таким образом, поскольку родственники обычно не в состоянии наблюдать за преданием усопшего земле, на нашу долю выпадает позаботиться о соблюдении традиций. Невозможно представить себе, чтобы человека погребли в священной почве Матери-Земли, не проронив над ним ни слезинки! Поэтому мы содержим большой штат плакальщиц и тех, кто несет гробы до могилы. Кого у нас только нет — цветочницы и могильщики, скульпторы и садовники, не говоря уж о священниках. Со священниками вопрос особый. Их у нас видимо-невидимо. Вера в божественное, которую люди понесли с собой к звездам, неоднократно видоизменялась, и на сегодняшний день мы имеем тысячи культов и сект. Однако наша фирма по праву гордится тем, что тело опускается в могилу лишь после того, как над ним прочитают заупокойную службу, которая предписывается его вероисповеданием. Отсюда — невообразимое количество священников, причем кое-кому из них приходится отправлять свои обязанности не чаще, чем раз или два в год. Но, чтобы они всегда были под рукой, мы платим им жалованье круглогодично.

Разумеется, мы смогли бы сэкономить известные средства, воспользовавшись, к примеру, механическими экскаваторами для рытья могил. Но мы не хотим нарушать традиции, и потому у нас служит не одна тысяча могильщиков. Другой пример: значительно дешевле было бы устанавливать на могилах металлические таблички. Но опять-таки — традиция есть традиция. Все надгробные памятники на кладбищах вырезаны вручную из камней Матери-Земли.

Кроме того, существует еще вот такая проблема. Наступит день — не завтра, но тем не менее, — когда на Земле не останется свободного места. Источник нашего дохода иссякнет, но кому-то ведь надо будет заботиться о захоронениях и тратить деньги на их содержание. По этой причине мы ежегодно отчисляем определенную сумму в страховой фонд, гарантируя клиентам, что, пока Земля кружит по своей орбите, могилам их близких ничто не угрожает.

— Очень интересно, — сказал я. — Спасибо за доставленное удовольствие. Однако не откажите в любезности объяснить, зачем вы все это мне рассказали.

— Как зачем? — удивился Белл. — Чтобы прояснить ситуацию.

Чтобы не допустить извращения истины. Чтобы вы осознали, с какими трудностями мы сталкиваемся.

— И чтобы я заметил, вдобавок, как развито у вас чувство долга и насколько вы преданы делу.

— А почему бы нет? — спросил он, ничуть не смутившись. — Мы хотим показать вам все, что тут есть интересного. Прелестные деревушки, где живут наши рабочие, удивительно красивые часовни, мастерские, в которых изготавливают памятники.

— Мистер Белл, — сказал я, — мне не нужны экскурсоводы. Я прибыл сюда не как паломник.

— Но ведь вы не откажетесь от нашей помощи, которую мы вам с удовольствием предоставим?

Я покачал головой, надеясь, что Белл не обидится.

— Извините, но это не входит в мои планы. Нам надо работать — мне, Элмеру и Бронко.

— Вам, Элмеру и кому?

— Бронко.

— Бронко? Что-то я вас не пойму.

— Мистер Белл, — сказал я, — чтобы как следует понять меня, вам придется изучить историю Земли и познакомиться кое с какими древними легендами.

— А причем здесь Бронко?

— Так раньше на Земле называли лошадей. Не всех, правда, а особой породы*.

— Значит, ваш Бронко — лопадь?

— Нет, — ответил я.

— Мистер Карсон, я не уверен, что понимаю, кто вы такой и что намереваетесь делать на Земле.

— Я специалист по композиции, мистер Белл. Я собираюсь сочинить композицию о планете Земля.

Он величественно кивнул, избавившись, как видно, от всяческих подозрений на мой счет.

— Вот оно что. И как я сразу не догадался! Ведь в вас с первого взгляда чувствуется что-то этакое... Вы сделали великолепный выбор. Мать-Земля подарит вам вдохновение. Ей присуще какое-то неуловимое очарование. Музыка переполняет ее...

— Дело не в музыке, — перебил я. — Вернее, не только в музыке.

— Вы хотите сказать, что музыка не имеет ничего общего с композицией?

---

* Бронко (амер.) — полудикая лошадь американских прерий. — Здесь и далее примечания переводчика.

— Конечно, нет. Просто музыка — лишь часть композиции. Композиция есть абсолютная форма искусства. Она включает в себя музыку, письмо и устную речь, скульптуру, живопись и пение.

— И вы все это вместе делать?

Я покачал головой.

— По правде сказать, я мало что умею. А вот Бронко — да.

Он хлопнул в ладоши.

— Боюсь, я слегка запутался.

— Бронко — композитор, — объяснил я. — Он впитывает в себя настроения, внешние впечатления, малозаметные нюансы, звуки, формы и очертания. Он поглощает все это и выдает полуфабрикат — пленки и рисунки. Тогда наступает моя очередь. На время я как бы становлюсь придатком Бронко. Он подбирает материал, а я располагаю его в гармоническом порядке, но не весь, а только часть. Остальное доделывает тоже Бронко. Похоже, я ничего не сумел объяснить.

Белл покачал головой.

— Никогда ни о чем таком не слышал. Ну и дела!

— Теория композиции возникла на планете Олден лишь пару столетий назад, — сказал я, — и с тех пор ее непрерывно развивают. Двух одинаковых инструментов для композиции просто не существует. Как бы ни был хорош тот или иной экземпляр, всегда найдется какая-нибудь деталька, которая требует доработки. Поэтому, когда садишься конструировать, композитор — неудачное название, но лучшего пока не придумали, — трудно сказать заранее, что получится.

— Вы назвали свой аппарат Бронко. Наверно, на то была какая-то причина?

— Понимаете, — ответил я, — композитор — штука довольно громоздкая. У него сложный механизм со множеством хрупких деталей, для защиты которых от повреждений требуется прочный корпус. Иными словами, на себе его не потаскаешь. Следовательно, он должен двигаться самостоятельно. Вдобавок, мы приделали к нему седло для тех, кто захочет на нем прокатиться.

— Если мне не изменяет память, вы упомянули Элмера. Почему вы пришли без него?

— Элмер находится в ящике, потому что он — робот, — пояснил я. — Он совершил перелет до Земли в качестве груза.

Белл беспокойно зашевелился.

— Мистер Карсон, — заявил он, — вам наверняка известно, что роботам запрещено ступать на Землю. Боюсь, нам придется...

— У вас ничего не выйдет, — сказал я. — Вы не вправе прогнать

его с планеты. Он — коренной житель Земли, на что мы с вами явно не в силах претендовать.

— Коренной житель? Невероятно! Должно быть, вы шутите, мистер Карсон?

— Ни в коей мере. Его изготовили здесь в дни Решающей Войны. Он участвовал в создании последней из огромных боевых машин. С наступлением мирных дней он стал свободным роботом и, согласно галактическому закону, за очень небольшим исключением обладает теми же правами, что и любой человек.

Белл снова покачал головой.

— Не знаю, — протянул он, — не знаю...

— Знать тут нечего, — сказал я. — Между прочим, я внимательно изучил свод галактических законов. Из них следует, что Элмер, ко всему прочему, считается уроженцем Земли. Не изготовленным на Земле, а рожденным на ней. Я прихватил с собой копию документа, который все это подтверждает. Сам документ остался на Олдене.

Копию предъявить меня не попросили.

— По существу, — заключил я, — Элмер все равно что человек.

— Но капитан должен был поинтересоваться...

— Капитану было все равно, — ответил я. — Его вполне устроила взятка, которую я ему дал. А на случай, если вам окажется мало законных оснований, учтите: в Элмере восемь футов роста, и нрав у него далеко не покладистый. А еще он весьма чувствителен. Когда я запаковывал его в ящик, он запретил мне выключать себя. Скажу вам откровенно, мне не хочется думать о том, что может случиться, если его ящик открою не я, а кто-то другой.

Глазки Белла сонно сощурились, но взгляд у него был настороженный.

— Почему вы такого плохого мнения о нас, мистер Карсон? — поинтересовался он. — Мы рады вашему приезду, рады, что вы решили навестить старушку Землю. Стоит вам только попросить, и мы тут же придем вам на помощь. Если у вас возникнут трудности с финансами...

— Уже возникли. Но никакой помощи мне не надо.

— Бывали случаи, — гнул свое Белл, — когда мы субсидировали людей искусства. Писатели, художники...

— Я и так и этак старался дать вам понять, что мы не хотим связываться ни с вашей фирмой, ни с Кладбищем. Однако вы упорно не желаете ничего замечать. Нужно ли мне сказать об этом впрямую?

— Думаю, ни к чему, — отозвался он. — У вас сложилось в корне ошибочное представление, будто на Земле есть что-то еще,

кроме Кладбища. Поверьте мне, милейший, ничего на ней больше нет. Земля — никудышная планета. Десять тысяч лет назад люди изгадили ее и бежали в космос, и если бы не мы, кто бы сейчас про нее помнил? Поразмыслите хорошенько. Мы можем договориться к взаимному удовольствию. Меня заинтересовала та новая форма искусства, о которой вы говорили.

— Послушайте, — сказал я, — давайте кончать. Я не собираюсь пахать на Кладбище. И должность штатного писака в вашей фирме меня не устраивает. Я вам ничего не должен. Более того, я заплатил вашему драгоценному капитану пять тысяч кредиток, чтобы он доставил нас сюда...

— А на звездолете паломников, — перебил Белл раздраженно, — вам пришлось бы заплатить куда больше. Да и груз ваш сократили бы вполтину.

— По-моему, — бросил я, — заплачено было достаточно.

Я повернулся и вышел не попрощавшись. Спускаясь по ступенькам крыльца, я увидел автомобиль красного цвета, припаркованный у подъезда административного корпуса, на отведенном для стоянки месте. Сидевшая в нем женщина глядела прямо на меня с таким видом, как будто мы с ней были знакомы.

Цвет машины неожиданно напомнил мне об Олдене, где все и началось.

3 Дело было под вечер. Я сидел в саду, разглядывая пурпурное облако на розовом горизонте (небеса Олдена — розового цвета), слушая пение птиц, которое доносилось из небольшой рощицы у подножия садового холма. Я наслаждался их песнями, и тут на пыльной дороге, что бежала через песчаную равнину, показалось это чудище восьми футов ростом. Двигалось оно неуклюжей походкой пьяного бегемота. Наблюдая за ним, я мысленно умолял его пройти мимо и оставить меня наедине с чудесным вечером и пением птиц. Я пребывал в глубокой депрессии и больше всего на свете хотел остаться один, рассчитывая найти в одиночестве исцеление. Ибо в тот день я столкнулся лицом к лицу с жестокой реальностью и вынужден был признать, что у меня нет ни малейшей возможности попасть на Землю, пока я не раздобуду где-нибудь еще денег. А раздобыть их мне было нигде. Что-то я наскреб сам, что-то одолжил, но сумма оказалась крохотной. Будь у меня надежда на успех, я бы, наверно, отправился воровать. Будущее виделось мне окутанным беспросветным мраком. Я твердил себе, что хватит предаваться бесплодным мечтаниям, — ведь построить такого композитора, как мне хочется, я все равно не в состоянии.

Сидя в саду, я наблюдал за восьмифутовым чудищем и желал всей душой, чтобы оно прошло мимо. Но надеяться на это было бессмысленно, поскольку, кроме моего сада, вокруг ничего не было.

Судя по всему, чудище было рабочим роботом — быть может, роботом-строителем. Хотя что делать роботу-строителю на Олдене? Никакого активного строительства тут не ведется.

Подковыляв к калитке, робот остановился.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал он.

— Добро пожаловать, — проговорил я сквозь зубы.

Он отодвинул щеколду, прошел в калитку и аккуратно запер ее снова. Приблизившись ко мне, он медленно опустился на землю и прошипел что-то вежливое. Вы слышали, как шипит трехтонный робот? Уверяю вас, впечатление остается жуткое.

— Хорошо поют птички, — произнесла гора металла, сидя на короточках рядом со мной.

— Да, неплохо, — согласился я.

— Позвольте представиться, — сказал робот.

— Прощу, — ответил я.

— Меня зовут Элмер, — сказал робот. — Я свободный робот. Меня отпустили на свободу много веков назад, и с тех пор я принадлежу самому себе.

— Поздравляю, — хмыкнул я. — И как жизнь?

— Неплохо, — ответил Элмер. — Брожу, знаете, туда-сюда.

Я кивнул. Мне доводилось встречать свободных роботов-бродяг. После многих лет рабства закон наконец уравнил их в правах с людьми.

— Я слышал, — продолжал Элмер, — что вы собираетесь вернуться на Землю.

Именно так он и сказал — "вернуться на Землю". Минуло десять тысячелетий, и какой-то робот надумал вернуться на Землю. Как будто человечество покинуло ее только вчера!

— Тебя неправильно информировали, — сказал я.

— Но у вас есть композитор...

— Всего лишь каркас, с которым придется немало повозиться, прежде чем он окажется на что-либо способным. Такой хлам на Землю тащить не стоит.

— Плохо, — вздохнул Элмер. — Где же еще сочинять композиции, как не на Земле! Правда, тут есть одно "но"...

Неизвестно почему, он замаялся. Я терпеливо ждал, не желая смущать его вопросами.

— Я вот что хочу сказать, сэр... не знаю, имею ли я право так говорить... в общем, не дайте Кладбищу поймать себя на удочку.

Кладбище — чужое. Оно присосалось к Земле. Присосалось, понимаете ли, как пиявка.

Услышав такие слова, я наострил уши. Гляди-ка, сказал я себе с изрядной долей удивления, не ты один не доверяешь Кладбищу.

Я внимательнее пригляделся к роботу. Ничего особенного в нем не было. Тело его, по крайней мере по олденским меркам, было старомодным и топорно сработанным, но сильным и крепким. Что касается головы, то изготовителям Элмера, как видно, некогда было думать о такой чепухе, как приятное выражение лица. Выглядел он довольно неряшливо, но по манере говорить никак не напоминал устаревшего неповоротливого рабочего робота.

— Нечасто встретишь робота, который интересуется искусством, — промолвил я, — да еще таким трудным для понимания. Ты порадовал меня.

— Я пытался стать человеком, — объяснил Элмер. — Я ведь им никогда не был. Вот почему, наверно, я так старался. Сначала я получил документы об освобождении, а потом вышел закон о правах роботов; ну, и я решил, что мой долг — попробовать стать человеком. Конечно, это невозможно. Во мне до сих пор много чего от машины...

— Однако вернемся ко мне, — сказал я. — Откуда ты узнал, что я собираю композиторов?

— Понимаете, я механик, — ответил Элмер. — Я был механиком всю жизнь. Я так устроен, что достаточно мне поглядеть на прибор, и я уже знаю, как он работает и что в нем сломалось. Скажите мне, какая вам нужна машина, и я построю ее для вас. А что до композитора, он — чрезвычайно сложный аппарат, и разработка его далека от завершения. Я вижу, вы смотрите на мои руки. Наверняка вы думаете, как такие лапы могут управляться с композитором. А ответ простой: у меня много рук. Когда требуется, я отворачиваю свои, так сказать, повседневные руки и привинчиваю вместо них другие. Вы, конечно, о таком слышали?

Я кивнул.

— Да. И глаз, надо полагать, у тебя тоже не одна пара?

— Разумеется, — отозвался Элмер.

— Так что, композитор бросил вызов твоим способностям механика?

— Какой там вызов, — отмахнулся Элмер. — Предупающее словечко! Мне нравится работать со сложными механизмами. Я словно оживаю и начинаю чувствовать себя на что-то годным. Вы спрашивали, откуда я узнал про вас. По-моему, кто-то обронил невзначай, что вы строите композиторов и хотите вернуться на Землю. Я услышал, навел о вас справки, узнал, что вы учились в универ-

ситете, сходил туда и поговорил с народом. Один профессор сказал мне, что верит в вас. Он сказал, что вы рождены для больших дел, что у вас талант от природы. Кажется, его зовут Адамс.

— Доктор Адамс, — поправил я. — Он всегда был добр ко мне, а теперь постарел и стал очень рассеянным.

Я хихикнул, представив себе, как огромный Элмер заявляется в университет, рассказывает по исполненному академическому духа коридорам моей альма-матер и пристает к профессорам с глупыми вопросами о бывшем студенте, которого многие из них, несомненно, давным-давно забыли.

— Там был еще один профессор, — продолжал Элмер, — который произвел на меня сильное впечатление. Мы долго с ним разговаривали. Он профессор не гуманитарных наук, а археологии. По его словам, он близко знаком с вами.

— Должно быть, Торндайк. Он мой старый и верный друг.

— Именно так его и звали, — сказал Элмер.

Я слегка развеселился и в то же время ощутил нарастающее раздражение. С какой стати этот детина сует нос в мои дела?

— Теперь ты убедился, что мне по силам построить композитор? — спросил я.

— Совершенно верно, — отозвался он.

— Если ты пришел наниматься мне в помощники, то только зря потерял время, — сказал я. — Помощник мне нужен, да и парень ты вроде ничего, но вот денег у меня нет.

— Понимаете, сэр, — пробормотал Элмер, — конечно, я был бы рад работать с вами. Но пришел я к вам по другой причине. Я хочу вернуться на Землю. Я родился на ней. Меня там изготовили.

— Что? — воскликнул я.

— Меня создали на Земле, — сказал Элмер. — Я уроженец Земли. Мне хотелось бы снова увидеть родную планету. И я подумал, что раз вы летите...

— Еще раз, — попросил я, — и помедленнее. Ты что, в самом деле с Земли?

— Я видел последние дни Земли, — ответил Элмер. — Я работал над последней боевой машиной и был руководителем проекта.

— Как же ты до сих пор не рассыпался? — удивился я. — Разумеется, роботы — машины долговечные, однако...

— Я был ценным работником, — заметил Элмер. — Когда люди собрались улетать к звездам, для меня нашли место на корабле. Я был не просто роботом. Я был механиком, инженером. Людям нужны были роботы вроде меня, чтобы обжиться на далеких планетах. Они заботились обо мне, меняли детали, которые изнашивались, и вообще следили за мной. А получив свободу, я стал заботиться о себе

сам. Мне и в голову никогда не приходило поменять тело. Я не давал ему ржаветь да время от времени плакировал, но о замене не помышлял. Главное — то, что внутри, а не то, что снаружи. И потом, сегодня туловище так запросто не поменяешь. Их нет в наличии. Значит, надо оформлять специальный заказ.

Похоже, он если и привирал, то совсем чуть-чуть. Когда люди бежали с Земли, ибо их уже ничто не удерживало на разрушенной и поруганной планете, — они действительно могли захватить с собой роботов типа Элмера. Да и вид у него был внушающий доверие.

Вот он сидит рядом со мной, и если я его попрошу, он расскажет мне о Земле. Он помнит ее, помнит все, что видел, слышал и знал, ибо роботы, в отличие от живых существ, никогда и ничего не забывают. Воспоминания о древней Земле хранятся в его памяти, отчетливые и незамутненные, как будто он приобрел их лишь накануне.

Я понял, что дрожу — не физически, а внутренне. Многие годы я изучал историю Земли; по правде сказать, изучать было почти нечего. Записи и книги сохранились в лучшем случае в виде фрагментов и обрывков. Убега с Земли, люди слишком торопились, чтобы задумываться о сохранении наследия планеты. И где оно теперь? Разбросано по тысячам планет, позабытое и потому сохраненное, спрятано в самых невообразимых местах. Чтобы разыскать его, никакой жизни не хватит. Причем наверняка большая часть его не заслуживает внимания исследователя.

А тут нате вам, пожалуйста, — робот, который видел Землю и может рассказать о ней; быть может, не так полно, как хотелось бы, поскольку находился он там в тяжелое время, когда многое из былой красоты Земли уже исчезло.

Я попытался сформулировать вопрос, но не смог придумать ничего такого, на что, как мне казалось, мог бы ответить Элмер. Я отвергал вопросы один за другим, потому что они не годились для робота, который строил боевые машины.

И вдруг он сказал такое, от чего я в первый момент обомлел.

— Я бродяжничал не один год, — проговорил он, — поменял не одну работу, и платили мне всюду прилично. Деньги я откладывал про запас, потому как, сами понимаете, на что роботу их тратить? Но, кажется, я наконец-то дождался подходящего случая. Если вы, сэр, не обидитесь...

— На что? — спросил я, не вполне уловив, куда он клонит.

— Да я хотел предложить вам истратить их на композитор, — ответил он. — По-моему, их должно хватить на то, чтобы закончить его.

Наверно, мне следовало ошалеть от радости, встать на голову и заболтать в воздухе ногами. А я сидел, боясь пошевелиться, боясь неосторожным движением согнать улыбку с лица фортуны.

— Я бы не советовал тебе этого, — выдал я из себя, с трудом разжав губы. — Невыгодно.

В его голосе послышались просительные нотки.

— Ну пожалуйста, сэр! Деньги — дело десятое. Я ведь хороший механик. Вдвоем с вами мы сможем построить аппарат, какого свет еще не видел.

4 . Когда я спустился с крыльца, женщина, сидевшая за рулем красного автомобиля, обратилась ко мне.

— Вас зовут Флетчер Карсон, не так ли?

— Да, — ответил я озадаченно, — но откуда вы узнали о том, что я здесь? Я вроде бы никому об этом не сообщал.

— Я поджидала вас, — сказала она. — Я знала, что вы прилетите на корабле похоронной службы, но немного запоздала — слишком далеко ехать. Меня зовут Синтия Лансинг, и мне надо с вами поговорить.

— У меня мало времени, — сказал я. — Давайте в другой раз.

Красавицей ее никто бы не назвал, однако в ней было что-то такое, что притягивало взгляд. Приятное кругловатое лицо, черные волосы до плеч, невозмутимый взор. Когда она улыбалась, впечатление было такое, словно вам дарит улыбку каждая черточка ее лица.

— Вы направляетесь в ангар распаковывать Бронко с Элмером, — проговорила она. — Могу вас подбросить.

— Похоже, вам известно обо мне больше моего, — съязвил я. Она улыбнулась.

— Я знала, что сразу после посадки вы отправитесь наносить визит Макссуэлу Питеру Беллу. Как он, кстати, прошел?

— Макссуэлл Питер записал меня в отщепенцы.

— Значит, заарканить ему вас не удалось?

Я покачал головой, решив из осторожности промолчать. Откуда, черт побери, она все это узнала? Должно быть, тоже побывала в олденском университете. Да, хорошие ребята мои друзья, но нельзя же настолько распускать языки!

— Садитесь, — пригласила она. — Мы можем продолжить разговор по дороге. Мне очень хочется увидеть вашего чудесного Элмера.

Я забрался в машину. На коленях у женщины лежал конверт. Она протянула его мне.

— Для вас, — сказала она.

На лицевой стороне конверта было накорябано мое имя. Я знал только одного человека с таким безобразным почерком. Торни, сказал я себе. Что общего может быть у Торни с Синтией Лансинг, которая пристала ко мне как репей в первый же час моего пребывания на Земле?

Синтия выжала сцепление; автомобиль тронулся с места. Я разорвал конверт. Внутри оказался официальный бланк олденского университета. В левом верхнем углу было напечатано: "Уильям Дж. Торндайк, доктор философии, археологический факультет".

Письмо было написано тем же самым почерком, что и адрес на конверте. Оно гласило:

Дорогой Флетч!

Ты должен верить всему, что расскажет тебе податель сего письма, мисс Синтия Лансинг. Я проверил факты и готов поручиться за их достоверность собственной репутацией. Она желает сопровождать тебя; если ты примиришься с этим, то окажешь мне большую услугу. Она отправится на Землю кораблем для паломников и будет встречать тебя на космодроме. Я предоставил в ее распоряжение определенную сумму из средств факультета; если тебе понадобятся деньги, можешь ими воспользоваться. Что касается мисс Синтии, у нее на Земле есть дело, связанное с тем, о чем мы с тобой говорили в последний раз; когда ты заглянул ко мне попрощаться перед отлетом.

Сжимая письмо в руке, я закрыл глаза и представил себе Торндайка — такого, каким я видел его в последний раз. Мы были в захлавленной комнате, которую он именовал кабинетом. Книжные полки до потолка, невзрачного вида мебель; в камине, перед которым на коврик клубком свернулся пес, горел огонь; неподалеку возлежала на своей подушечке кошка. Сидя на пуфике, Торндайк перекачивал в ладонях стакан с бренди. "Флетч, — сказал он, — я уверен, что моя теория верна. Те мои коллеги, которые считают анахронизм галактическими торговцами, серьезно заблуждаются. Они — наблюдатели, разведчики, если хочешь. И это вовсе не безумное предположение. Допустим, что существует некая великая цивилизация, которая уже проторила дорогу к звездам. Допустим, что они обнаружили планету, на которой ожидается всплеск интеллектуальной культуры. Они посылают туда наблюдателя с заданием сообщать обо всем, что может представлять мало-мальский интерес. Как тебе известно, двух одинаковых культур не бывает. Возьми, к примеру, колонии, основанные покинувшими Землю людьми. Потребовалось совсем немного времени, чтобы выявились значитель-

ные отличия. А что уж говорить о тех мирах, культуры которых по сути своей являются чуждыми человечеству? Разумные существа двух разных видов никогда не повторяют друг друга в развитии. Они могут добиться одинаковых или похожих результатов, но воспользуются ими по-разному, и у каждого вида со временем проявится какая-нибудь отличительная особенность. Таков путь развития любой галактической цивилизации, малой или великой; поэтому многое остается незамеченным или пропускается. Раз так, даже великим цивилизациям стоило бы заняться изучением достижений других культур, — достижений, которые они сами упустили из вида. Быть может, полезным окажется лишь одно из десятка этих достижений, но что, если именно оно откроет новые горизонты познания? Предположим, любопытства ради, что до колеса додумались только на Земле. Все великие цивилизации прошли мимо колеса, сделав упор на иной принцип движения. Но так ли невероятно, что, узнав о колесе, они заинтересуются им? Ведь колесо — штука весьма и весьма полезная”.

Я открыл глаза. Письмо по-прежнему было зажато у меня в руке. Мы приближались к ангару. Звездолет одиноко возвышался над посадочной площадкой; никаких автомобилей рядом не было. Должно быть, разгрузка закончилась.

— Если верить Торни, вы собираетесь присоединиться к нам, — сказал я Синтии Лансинг. — Не уверен, стоит ли. Мы будем жить походной жизнью.

— Ну и что? Походная жизнь меня не пугает.

Я покачал головой.

— Послушайте, — заявила она, — я отдала все, что имела, чтобы встретиться с вами. Я кое-как наскребла денег на билет на звездолет для паломников...

— Да, Торни упомянул о какой-то субсидии.

— Мне не хватало на билет, — призналась она, — поэтому пришлось воспользоваться любезностью Торндайка. Поджидая вас, я сняла номер в гостинице для паломников, что тоже обошлось в кругленькую сумму. Короче говоря, денег осталось кот наплакал...

— Плохо, — сказал я. — Но вы, похоже, знали, на что шли. Не думали же вы, в самом деле...

— Думала, — перебила она. — Мы с вами — два сапога пара.

— То есть?

— Когда вы закончите свою композицию, вам не на что будет возвращаться на Олден, правильно?

— Правильно, — согласился я, — но если композиция...

— Денег нет, — пробормотала она, — и у “Матери-Земли” вы не в фаворе.

— Ну да, однако я не понимаю, причем тут вы...

— Ну так выслушайте меня. Наверно, вы посмеетесь...

Она замолчала и посмотрела на меня. Улыбка сошла с ее лица.

— Черт возьми, — воскликнула она, — вы что, в рот воды набрали? Помогите же мне. Спросите меня, что я хочу вам рассказать.

— Ладно. Что вы хотите мне рассказать?

— Я знаю, где лежит клад.

— Святое небо! Какой клад?

— Анахронианский.

— Торни убежден, что анахрониане побывали на Земле, — сказал я. — Он просил меня поискать следы их пребывания. Судя по его словам, игра не стоит свеч. Археологи сомневаются, существовал ли такой народ вообще. Планету их обнаружить не удалось. Всего и доказательств, что фрагменты надписей, найденные на нескольких мирах. Отсюда заключили, что некогда представители этой таинственной расы жили на многих планетах. Большинство археологов считает их торговцами, по мнению Торни, они были наблюдателями — а может быть, ни теми и ни другими. Он мог рассуждать о них часами, однако ни о каком кладе не упоминал.

— Но клад, тем не менее, существует, — возразила она. — Его перевезли из Греции в Америку в дни Решающей Войны. Я узнала про него, а профессор Торндайк...

— Давайте разберемся, — остановил я ее. — Если Торни прав, они прилетали сюда не за сокровищами. Они наблюдали, собирали данные...

— Разумеется, — согласилась она. — Наблюдатель должен был быть профессионалом, не правда ли? Историком, даже больше, чем просто историком. Он мог оценить культурное значение известных артефактов — скажем, церемониального ручного топора доисторической эпохи, греческой вазы, египетских украшений...

Сунув письмо в карман куртки, я выбрался из машины.

— Пора заниматься делом, — объявил я. — Надо выпустить Элмера и распаковать Бронко.

— Вы берете меня с собой?

— Посмотрим.

Интересно, как я могу ее не взять? У нее рекомендация от Торни; она кое-что знает об анахронианах, да и клады на дороге не валяются. И потом, она окончательно разорится, если останется в гостинице для паломников, а другого жилья тут нет. Вообще-то, мне она ни к чему. Наверняка будет мешаться под ногами. Я вовсе не охотник закладами. Я прилетел на Землю, чтобы сочинить композицию. Я надеялся уловить очарование Земли — той Земли,

которая избежала пока шупалец Кладбища. На кой мне сдались анахроничанские сокровища? Мы с Торни ни о чем подобном не договаривались.

Я направился к раскрытой двери ангара. Синтия шагала за мной по пятам. Внутри ангара было темно, и я остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Что-то шевельнулось во мраке, и я различил троих мужчин. Судя по одежде, это были рабочие.

— Тут должны быть мои ящики, — сказал я. Ящиков в ангаре было много, поскольку сюда свезли весь груз звездолета.

— Вон они, мистер Карсон, — ответил один из рабочих, махнув рукой. Присмотревшись, я разглядел большой ящик, в котором томился Элмер, и четыре ящика поменьше — в них помещался разобранный Бронко.

— Спасибо, что поставили их в стороне, — поблагодарил я. — Я, правда, просил капитана, но...

— Надо бы уладить один вопросик, мистер Карсон, — сказал тот же рабочий. — Как насчет транспортировки и хранения?

— В смысле? Что-то я вас не пойму.

— В смысле оплаты. Мои ребята работают не за просто так.

— Вы бригадир?

— Точно. Фамилия Рейли.

— И сколько с меня?

Рейли залез в задний карман комбинезона и вытащил листок бумаги. Он внимательно просмотрел его, как будто проверяя правильность подсчетов.

— Получается четыреста двадцать семь кредиток, — сказал он, — но, пожалуй, хватит и четырехсот.

— Вы, наверно, ошиблись, — проговорил я, стараясь сдержать гнев. — Вы всего-то и сделали, что сгрузили ящики с корабля и доставили их сюда, а хранятся они здесь не больше часа.

Рейли печально покачал головой.

— Извините, но у нас такие расценки. Если вы не заплатите, мы не выдадим вам груз. Никуда не денешься, правила.

Двое других рабочих молча встали рядом с ним.

— Что за чушь! — воскликнул я. — Ну и шуточки у вас!

— Мистер, — сказал бригадир, — а шутить никто и не собирался.

Четырехсот кредиток у меня не было, да если бы и были, я бы все равно не стал их выкладывать. Однако с бригадиром и двумя дюжими грузчиками мне явно было не справиться.

— Разберемся, — пробормотал я, пытаюсь сохранить лицо и не имея ни малейшего представления о том, как мне быть. Они приперли меня к стенке, вернее, не они, а Макссуэлл Питер Белл.

— Так что давайте-ка, мистер, — заключил Рейли, — гоните монету.

Конечно, можно было бы потребовать разъяснений от Белла, но он наверняка именно на это и рассчитывал. Он ожидал, что я приду к нему и, если я покаюсь, приму предложенные деньги и соглашусь работать на Кладбище, то все моментально будет улажено. Однако ничего подобного я делать не собирался.

За моей спиной раздался голос Синтии:

— Флетчер, они вот-вот кинутся на вас!

Повернув голову, я увидел в дверном проеме новые фигуры в комбинезонах.

— Ничуть не бывало, — возразил Рейли. — Хотя вашего приятеля надо бы проучить: в другой раз поостережется указывать землянам, что им делать.

Внезапно послышался слабый, приглушенный звук. Похоже, из всех присутствующих один лишь я понял, что он означал, — это заскрежетал выдираемый из дерева гвоздь.

Рейли и его подручные обернулись.

— А ну, Элмер! — завопил я. — Задай им жару!

Большой ящик словно взорвался. Верхняя крышка разлетелась в щепы, и из ящика, выпрямляясь во весь рост, поднялся Элмер.

Он перемахнул через борт и, надо отметить, вышло у него это довольно грациозно.

— Что случилось, Флетч?

— Разберись с ними, Элмер, — приказал я. — Но не убивай, а так, изувечь немножко.

Робот сделал шаг вперед. Рейли с грузчиками отшатнулись.

— Я их не трону, — пообещал Элмер. — Просто выгоню, и все. А кто это с тобой, Флетч?

— Синтия, — ответил я. — Она составит нам компанию.

— Правда? — спросила Синтия.

— Эй, Карсон, — крикнул Рейли, — не стоит нам угрожать...

— Марш отсюда! — бросил Элмер, делая шаг по направлению к нему и отводя руку для замаха. Грузчики мигом выскочили за дверь.

— Ну нет! — воскликнул Элмер и рванулся следом. Дверь уже готова была захлопнуться, но он просунул руку в щель, напрягся — и дверь снова оказалась открытой. Потом он ударил в нее плечом. Дверь сорвалась с петель.

— Так-то лучше, — проговорил Элмер. — Теперь дверь не закроется. Они ведь хотели нас тут запереть. Будь добр, Флетч, объясни, что происходит?

— Мы пришлись не по нраву Макссуэллу Питеру Беллу, — сказал я. — Давай займемся Бронко. Чем скорее мы отсюда уберемся...

— Мне нужно добраться до машины, — проговорила Синтия. — Там припасы и моя одежда.

— Припасы? — переспросил я.

— Еда и кое-что другое, что может нам пригодиться. Вы же прилетели налегке, правильно? Вот, кстати, одна из причин, почему я истратила столько денег.

— Идите к машине, — сказал Элмер, — а я постою на страже. Они не посмеют к вам привязаться.

— Вы все предусмотрели, — заметил я. — Значит, вы были уверены...

Но Синтия, не дослушав, выбежала из ангара. Запрыгнув в машину, она запустила двигатель и загнала автомобиль внутрь. Рейли и его людей нигде не было видно.

Элмер подошел к куче ящиков и постучал по самому маленькому из них.

— Бронко? — позвал он. — Ты тут?

— Да, — ответил глухой голос. — Это ты, Элмер? Мы долетели до Земли?

— Я и не знала, что Бронко может разговаривать и чувствовать, — сказала Синтия. — Профессор Торндайк меня не предупредил.

— Он чувствует все, но интеллект у него слабоват, — отозвался Элмер. — Гигантом мысли его не назовешь.

— Ты в порядке? — спросил он у Бронко.

— В полном, — откликнулся тот.

— Чтобы открыть ящики, нам понадобится лом, — сказал я.

— Зачем? — удивился Элмер и с размаху стукнул кулаком по одному из углов ящика. Дерево хрустнуло. Робот просунул в образовавшуюся дыру пальцы и оторвал доску.

— Все очень просто, — пробормотал он. — Со мной было хуже. Мне было тесно и не за что было ухватиться. Но когда я услышал, что творится снаружи...

— А Флетч здесь? — спросил Бронко.

— Флетч у нас парень не промах, — ответил Элмер. — Он тут и уже подцепил себе девчонку.

Доски отлетали от ящика одна за другой.

— За дело, — сказал Элмер.

И мы с ним принялись за работу.

Собрать Бронко играючи было невозможно. В его конструкции было невероятное количество деталей, каждую из которых надлежало так подогнать к соседней, чтобы зазор между ними был минимальным. Но мы возились с Бронко на протяжении двух лет и

потому знали его как облупленного. На первых порах мы пользовались инструкцией, но теперь необходимость в ней отпала. Мы выкинули инструкцию, когда она совершенно истрепалась, а Бронко, собранный по винтику заново, превратился в аппарат, который ничем не напоминал модель, описанную в инструкции. Мы знали Бронко наизусть. Мы могли настраивать его с завязанными глазами. Никаких лишних движений, никаких затруднений. Действуя как два автомата, мы с Элмером собрали Бронко за час.

В собранном виде он являл собой нелепое и потешное зрелище. У него было восемь суставчатых ног, которые были способны изгибаться практически под любым углом, и придавали ему насекомоподобный вид. На ногах, для удобства захвата, имелись мощные когти. Бронко мог передвигаться по любой местности. Он мог чуть ли не залезать на отвесные стены. Его бочкообразный, увенчанный седлом корпус хорошо защищал хрупкие приборы внутри. На спине Бронко располагался ряд колец, за которые можно было закрепить груз. Еще у него был выдвижной хвост, в котором насчитывалось до сотни различных датчиков. Голову его венчало причудливое сенсорное устройство.

— Ладно, — сказал он. — Когда отправляемся?

Синтия выгружала из автомобиля припасы.

— Туристское снаряжение, — бормотала она. — Пищевые концентраты. Одежда, дождевики и тому подобное. Ничего лишнего. На лишнее у меня не было денег.

Элмер принялся навьючивать Бронко.

— Как, усидите на нем? — спросил я Синтию, показывая на Бронко.

— Конечно. А вы?

— Он поедет на мне, — ответил Элмер.

— Ну нет, — возразил я.

— Не будь дураком, — оборвал меня Элмер. — А если нам придется улепетывать? Вдруг они нас поджидают?

Синтия подошла к двери и выглянула наружу.

— Никого не видно, — сказала она.

— Куда направляемся? — поинтересовался Элмер. — Как быстрее всего выбраться с Кладбища?

— По дороге на запад, — сказала Синтия. — Мимо административного корпуса. Кладбище заканчивается миль через двадцать пять.

Закончив утрамбовывать груз на спине Бронко, Элмер огляделся.

— По-моему, все, — сказал он. — Забирайтесь.

Он посадил Синтию на Бронко.

— Держитесь крепче, — предостерег он, — а то в два счета вылетите из седла. Бронко у нас такой.

— Ладно, — пообещала она. В глазах ее мелькнул испуг.

— Теперь ты, — Элмер повернулся ко мне. Я хотел было запротестовать, но передумал, поняв, что слушать меня не станут. И потом, оседлать Элмера было весьма толковой идеей. Он бежит раз в десять быстрее моего. Его длинные металлические ноги буквально пожирают расстояния.

Он поднял меня и усадил себе на плечи.

— Держись за мою голову, — сказал он, — а я возьму тебя за ноги. Не бойся, не упадешь.

Я грустно кивнул, чувствуя себя выставленным на всеобщее посмешище.

Бежать нам не пришлось. Если не считать одинокой фигуры путника вдалеке, на глаза нам никто не попался. Однако за нами следили: я всей кожей ощущал обращенные на нас взгляды. Синтия среди тюков и ящиков на спине у насекомоподобного Бронко и я, вознесенный над землей на могучих плечах Элмера, — должно быть, вид у нас был еще тот.

Мы продвигались не спеша, но и даром времени тоже не теряли. Бронко с Элмером были хорошими ходоками. Даже когда они шли обычным шагом, человек с трудом мог поспеть за ними.

Мы выбрались на дорогу, миновали административный корпус, и вскоре перед нами во всей своей красе раскинулось Кладбище. Дорога была пустынной, а пейзаж — мирным. Изредка мелькали вдали укрывшиеся в распадках деревеньки: устремленный в небо шпиль церкви да яркие пятна крыш. Наверно, в этих деревеньках живут те, кто работает на Кладбище.

Раскачиваясь и подпрыгивая в лад размашистой походке Элмера, я глядел по сторонам, и мне показалось, что Кладбище, при всей его хваленой живописности, на самом деле гнетущее и зловещее место. В его ухоженности таилось однообразие; над ним витал дух смерти и бесповоротности.

Раньше мне беспокоиться было некогда, а теперь я ощутил нарастающую тревогу. Сильнее всего меня беспокоило то, что Кладбище, как ни странно, по сути не попыталось остановить нас. Хотя, поправил я себя, не выберись Элмер из ящика, Рейли с подручными навил бы из меня веревок. Но все равно складывалось такое впечатление, что Белл сознательно дал нам уйти, зная, что в любой момент сможет нас отыскать. Да, насчет Максуэлла Питера Белла иллюзий я не питал.

Попробуют ли они задержать нас? Пока что непохоже; вполне возможно, что Беллу с Кладбищем давным-давно не до нас. Они

махнули на нас рукой, и мы можем отправляться, куда захотим. Ведь куда бы мы ни пошли и что бы мы ни сделали, нам не покинуть Землю без содействия Кладбища.

Ну, подумалось мне, и натворил же я дел. Самоуверенно посмеявшись над напыщенностью Белла, я лишил себя возможности какого-либо сотрудничества с ним или с Кладбищем. Правда, от моего поведения вряд ли что зависело. Я должен был понимать, что на Земле без Кладбища — никуда. Вся моя затея была изначально обречена на провал.

Мне почудилось, что прошло совсем немного времени: я с головой ушел в свои мысли и не замечал ничего вокруг. Дорога взбежала на холм — и оборвалась; а вместе с ней закончилось и Кладбище.

Моему восхищенному взгляду открылись долина внизу и уходящие вдаль гряды холмов. Местность была лесистой, и листва многих деревьев под лучами полуденного солнца была странного багряного цвета — оттенка тлеющих угольев.

— Осень, — проговорил Элмер. — Я успел забыть, что на Земле бывает осень. А там, сзади, все зеленое.

— Осень? — переспросил я.

— Время года, — пояснил Элмер. — В эту пору леса меняют цвет. И как я мог забыть?

Он повернул голову и поглядел на меня в упор. Если бы я не знал, что роботы не умеют плакать, я бы подумал, что заметил в его глазах слезы.

— Сколько мы забываем, — проронил он.

5 Это был прескрасный мир. Но красота его была зловещей и вызывающей и ничуть не напоминала нежную, почти хрупкую красоту моего родного Олдена. От нее исходило впечатление силы, она была торжественной и подавляющей, и в ней сплелись воедино изумление и страх.

Я сидел на мшистом валуне на берегу журчащего бурого потока и следил за тем, как течение уносит прочь волшебные ало-золотистые лодочки опавших листьев. Если прислушаться, то можно было на фоне клекота бурой воды различить приглушенный шелест, с каким слетали на землю все новые и новые листья. Но, несмотря на буйство красок, чудилось, что в воздухе разлита печаль былых лет. Я сидел и слушал журчание воды и шелест листвы, и поглядывал на деревья. У них были мощные стволы, которые, вероятно, перевидали на своем веку немало, и они словно общали безопасность, покой и домашний уют. Здесь было все — цвет, настроение и звук, образ и структура, и ткань; все, что можно постигнуть рассудком.

Солнце садилось. Над водой и над деревьями повисла сумеречная дымка. Стало прохладно. Самое время возвращаться в лагерь. Однако мне не хотелось уходить. У меня возникло странное ощущение, что таких вот мест нельзя увидеть дважды. Уйдя и вернувшись, я обнаружу, что все переменялось; и сколько бы я ни уходил и ни возвращался, чувство ни за что не повторится: что-то прибавится, что-то исчезнет, но воссоздать этот восхитительный момент в точности не удастся никому и никогда.

За мой спиной слышались шаги. Обернувшись, я увидел Элмера. Молча он подошел ко мне и опустил на корточки. Говорить было нечего и незачем. Я припомнил, сколько раз бывало так, когда мы сидели с Элмером вдвоем, понимая друг друга без слов. Сумерки ступали; издали донеслось чье-то уханье, а следом — приглушенный расстоянием лай. В темноте неумолчно журчала речка.

— Я развел костер, — сказал наконец Элмер. — Я развел бы его, даже если бы нам не нужно было готовить еду. Земля просит огня. Они неразделимы. Благодаря огню человек перестал быть дикарем и потому постоянно поддерживал его в очаге.

— Запомнилось? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, не запомнилось. Что-то подсказывает мне, что все было именно так, хотя я не помню ни деревьев, ни ручушек вроде этой. Но стоит мне увидеть дерево, листья которого пламенеет в свете осеннего солнца, как я представляю себе рощу таких деревьев. Стоит мне приблизиться к речке, вода в которой побурела от грязи, и я вижу ее чистой и светлой.

От вновь раздавшегося в сумерках лая у меня по коже побежали мурашки.

— Собаки, — проговорил Элмер, — верно, кого-нибудь гонят. Или волки.

— Ты был здесь в дни Решающей Войны, — сказал я, — тогда все было иначе, правда?

— Да, — подтвердил Элмер. — Земля умирала. Но иногда попадались места, где притаилась жизнь. Лощины, куда не проникли ни отравы, ни радиация, укромные местечки, которые оказались лишь вскользь затронутыми ударной волной. Они сохранили первоначальное обличье Земли. Люди в большинстве своем жили под землей, а я работал на поверхности. Я строил боевую машину — вероятно, последнюю из их числа. Если бы не назначение этой машины, ее можно было бы назвать изумительным творением. Внешне она ничем не отличалась от других боевых машин. Однако ее наделили интеллектом. Ее искусственный мозг находился в контакте с сознанием нескольких людей. Их имен я не знал. Кому-то

они, без сомнения, были известны, но не мне. Понимаешь, войну можно было вести только так, устранив человека с поля боя. За людей сражались машины — их слуги и помощники. Я часто задавался вопросом, почему они не бросят это дело, — ведь все, из-за чего стоило бы сражаться, было давным-давно уничтожено.

Оборвав рассказ, он поднялся.

— Пошли в лагерь, — сказал он. — Ты, должно быть, голоден, как и молодая леди. Извини, конечно, Флетч, но я никак не пойму, чего ради она за нами увязалась.

— Хочет отыскать клад.

— Какой еще клад?

— По правде говоря, не знаю. Ей некогда было объясниться.

С того места, где мы стояли, пламя костра было видно очень хорошо. Мы двинулись на огонь.

Синтия, сидя на коленях, держала над углями котелок и помешивала ложкой его содержимое.

— Надеюсь, похлебка из тушенки получилась, — сказала она.

— Вам вовсе не надо было этим заниматься, — проговорил Элмер, слегка, как мне показалось, обиженный. — Когда требуется, я прекрасно готовлю.

— Я тоже, — парировала Синтия.

— Завтра, — заявил Элмер, — я раздобуду вам мясо. Мне уже попадались на глаза белки и пара кроликов.

— А с чем ты собираешься охотиться? — спросил я. — Мы же не захватили с собой ружей.

— Можно сделать лук, — предложила Синтия.

— Не нужно мне ни ружья, ни лука, — отмахнулся Элмер. — Обойдусь камнями. Вот наберу голышей...

— Кто же охотится с голышами? — удивилась Синтия. — Все равно, что палить из пушки по воробьям.

— Я робот, — возразил Элмер. — Поэтому ни человеческие мышцы, ни человеческий глазомер, пускай он и чудо природы...

— Где Бронко? — перебил я.

Элмер ткнул пальцем во мрак.

— Он в трансе.

Чтобы рассмотреть Бронко, мне понадобилось обойти костер. Дело обстояло именно так, как сказал Элмер. Бронко стоял, накренившись на один бок и выставив все свои сенсоры. Он впитывал в себя окружающее.

— Лучшего композитора еще не было, — заметил Элмер с гордостью. — Чувствителен до невозможности.

Синтия положила похлебку в две тарелки и протянула одну мне.

— Горячее, не обожгитесь, — предупредила она.

Я сел рядом с девушкой, зачерпнул из тарелки и с опаской поднес ложку ко рту. Похлебка оказалась довольно вкусной, но жутко горячей, так что перед тем, как отправить ложку в рот, мне приходилось всякий раз на нее дуть.

Снова послышался лай — теперь значительно ближе.

— Точно собаки, — сказал Элмер. — Гонят дичь. Наверно, и люди с ними.

— Может, дикая стая, — предположил я.

Синтия покачала головой.

— Нет. Живя в гостинице, я кое-что узнала. Тут, как выражаются на Кладбище, в захолустье, есть люди. О них мало что известно — вернее, их существование предпочитают обходить молчанием, как будто они и не люди вовсе. В общем, обычное отношение Кладбища и паломников. Насколько я понимаю, Флетчер, вы испытали подобное отношение на себе во время разговора с Максуэллом Питером Беллом. Кстати, вы так и не сказали мне, что у вас с ним произошло.

— Он попытался завсербовать меня. Я был настолько нелюбезен, что отшил его. Я знаю, что должен был вести себя повежливее, но он меня достал.

— Вы бы ничего не выгадали, — заметила Синтия. — Кладбище не привыкло к отказам — даже к вежливым.

— Чего тебя к нему понесло? — осведомился Элмер.

— Так принято, — ответил я. — Капитан просветил меня насчет здешних обычаев. Визит вежливости, словно Белл король или премьер-министр, или какой-нибудь удельный князь. А раболепствовать я не умею.

— Поймите меня правильно, — сказал Элмер, обращаясь к Синтии, — я ничуть не против вашего присутствия в нашей компании. Но каким образом вы оказались замешаны в это дело?

Синтия поглядела на меня.

— Разве Флетчер тебе не сказал?

— Он упомянул про какой-то клад...

— Пожалуй, — проговорила Синтия, — будет лучше, если я расскажу все с самого начала. Я не хочу, чтобы вы считали меня искательницей приключений. В этом есть что-то не то. Вы согласны меня выслушать?

— Почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Элмер.

Синтия помолчала, прежде чем продолжить. Чувствовалось, что она собирается с мыслями, так сказать, настраивается, словно ей предстоит решать трудную задачу и она намерена с честью выйти из положения.

— Я родилась на Олдене, — начала она. — Мои предки входили

в число первых колонистов. История семейства — легендарная история, поскольку она не задокументирована — восходит к моменту их прибытия на Олден. Однако вы не отыщете имени Лансингов в перечне Первых Семейств — с большой буквы. Первые Семейства — это те, кому удалось разбогатеть. А мы не разбогатели. Я не знаю, что тому причиной — неумение ли вести дела, леность, отсутствие амбиций или простое невезение, но мои предки были беднее церковных мышей. В сельской местности, правда, есть местечко под названием Лансингова Глушь; вот единственный след, оставленный моим семейством в истории Олдена. Мои родичи были фермерами, лавочниками, рабочими, совершенно не интересовались политикой и не породили ни одной гениальной личности. Они довольствовались малым: выполняли свою работу, а вечера проводили, сидя на крылечке, попивая пиво и болтая с соседями или любуясь в одиночестве знаменитыми олденскими закатами. Они были обычными людьми. Некоторые — мне кажется, таких было много — с годами покидали планету и отправлялись в космос на поиски счастья, которое, по-моему, никому из них так и не улыбнулось. Ведь если бы случилось иначе, оставшиеся на Олдене Лансинги непременно узнали бы об этом; однако в семейных преданиях ни о чем подобном не сообщается. Я думаю, те, кто остался, попросту не испытывали тяги к перемене мест: не то, чтобы их что-то удерживало, но сам по себе Олден — прелестная планета.

— Да, — согласился я. — Я прилетел туда поступать в университет, да так и застрял. До сих пор у меня не хватало решимости покинуть его.

— Откуда вы прилетели, Флетчер?

— С Гремучей Змеи, — ответил я. — Слышали?

Она покачала головой.

— Считайте, что вам повезло, — заключил я. — Не спрашивайте почему и, пожалуйста, продолжайте.

— Расскажу немного о себе, — сказала она. — Мне всегда хотелось чего-то добиться в жизни. Наверно, о том же мечтало не одно поколение Лансингов, но мечты их оказались бесплодными. Быть может, и я не избежну общей участи — ведь на Лансингов ныне никто не ставит. Я была совсем маленькой, когда умер мой отец. Принадлежавшая ему ферма давала приличный доход; то есть после необходимых расходов у нас еще оставалась на руках зная сумма. Мать, к которой перешло владение фермой, сумела набрать денег и отправить меня в университет. Я интересовалась историей. В мечтах я видела себя профессором истории, который проводит глубокие исследования и выдвигает ошеломительные гипотезы. Училась я хорошо, ибо отступать мне было некуда. Я посвящала учебе

все свое время и потому пропустила многое другое из того, что может дать человеку университет. Теперь я это понимаю, но, тем не менее, не жалею. Ничто не могло оторвать меня от занятий историей. Я буквально упивалась ею. По ночам, лежа в постели, я воображала, будто у меня есть машина времени, и путешествовала на ней в далекое прошлое. Я воображала, что лежу не в кровати, а в машине времени, и что снаружи моего аппарата происходят события, которые вошли в историю человечества, что там живут, дышат и двигаются люди, о которых я читала. Когда настало время выбора какой-то узкой специализации, я обнаружила, что меня неудержимо влечет к себе древняя Земля. Мой консультант отговаривал меня от этой темы. Он говорил, что тема слишком узкая, а исходного материала крайне мало. Я знала, что он прав, и старалась переубедить себя, но безуспешно. Я была одержима Землей.

Моя одержимость, я уверена, частично объяснялась любовью к прошлому, стремлением отыскать начало начал. Ферма моего отца, как утверждали легенды, находилась всего лишь в нескольких милях от того места, где высадились на Олден первые Лансинги. В неглубоком скалистом ущелье, там, где оно выходило в некогда плодородную долину, стоял старый каменный дом — вернее, то, что от него осталось. Незначительные колебания почвы, которые сказываются только по истечении долгого времени, разрушили его. Никаких преданий о привидениях, которые бы его населяли, я не слышала. Он был слишком старым даже для того, чтобы в нем обитали привидения. Он просто стоял, где стоял, превратившись со временем в неотъемлемую часть пейзажа. Его не замечали. Он был слишком старым и неприметным, чтобы люди обращали на него внимание, хотя, как я обнаружила, заглянув туда однажды, в нем поселилось множество диких зверушек. Почва, на которой он стоял, была истощенной и никому не нужной, так что он счастливо избежал доли других старинных домов — его не снесли и не сровняли с землей. Местность эта, погубленная веками хищнического землепользования, ни на что не годилась, и люди редко показывались там. Если верить одной, весьма, кстати сказать, неправдоподобной легенде, когда-то в том доме жили первые Лансинги.

Я зашла в него, как мне кажется, потому, что от него исходил дух былого. Мне было все равно, чей он, — Лансингов или нет; меня привлекала его древность. Я не предполагала что-либо в нем найти. Я забрела туда из праздного любопытства, чтобы не пропал впустую выходной. Разумеется, мне было известно о его существовании, но я, как и все остальные, относилась к нему совершенно равнодушно. Многие люди воспринимали его как деталь ландшафта, словно он ничем не отличался от дерева или от валуна. В нем не

было ничего достопримечательного. Наверно, если бы не мое все возраставшее стремление познать прошлое, я бы никогда не заглянула в него. Вам не трудно следить за моим лепетом?

— Напротив, — сказал я, — я понимаю вас гораздо лучше, чем вы думаете. Симптомы мне знакомы, сам переболел.

— Я пошла туда, — продолжала Синтия. — Я гладила древние, грубо отесанные камни и думала о руках давно умерших людей, которые придавали им форму и водружали один на другой, чтобы построить на чужой планете убежище от непогоды и мрака. Поставив себя на место древних каменщиков, я поняла, почему они решили строить дом именно здесь. Стены ущелья защищали от ветра, неподалеку из скалы бил родник; стоило только переступить порог, чтобы оказаться в широкой плодородной долине — правда, теперь она вовсе не такая. И потом, участок, на котором стоял дом, был красив тихой и неброской красотой. Я чувствовала то, что когда-то переживали они. И не имело никакого значения, были ли они Лансингами или кем-то еще. Они были людьми, они принадлежали к человеческой расе.

Если бы я сразу ушла оттуда, то и тогда я ушла бы с ощущением, что не зря потратила время. Прикосновения к древним камням и чувства близости к прошлому было вполне достаточно, однако я зашла в дом...

Она помолчала немного, словно собираясь с силами для того, чтобы закончить рассказ.

— Я зашла в дом, не сознавая, что поступаю опрометчиво — ведь стены грозили обрушиться в любой момент. Впечатление было такое, что дом ходит ходуном. Но, помнится, тогда я об этом не думала. Я ступала осторожно не потому, что боялась обвала, но потому, что опасалась осквернить святыню. Я испытывала странные, противоречивые чувства. Я ощущала себя посторонним человеком, у которого нет права тут находиться. Я посягала на древние воспоминания, на призраки эмоций, которые следовало оставить в покое, которые заслужили, чтобы их оставили в покое. Я вошла в довольно большую комнату, служившую, судя по ее размерам, гостиной. На полу толстым слоем лежала пыль, в которой отпечатались следы мелких животных. В комнате витали запахи существ, обитавших в ней на протяжении тысячелетия. По углам поблескивала паутина; некоторые паучьи сети были такими же пыльными, как пол. Я остановилась на пороге, и со мной случилось нечто неожиданное: я почувствовала, что имею право быть здесь, что это мой дом, что я вернулась после долгого отсутствия туда, где мне рады. Тут некогда жили те, для кого я — плоть от плоти и кровь от крови, а право плоти и крови неподвластно времени. В углу я

заметила очаг. Дымоход давным-давно рухнул вместе с трубой, но очаг сохранился. Я приблизилась к нему, опустилась на колени и коснулась пальцами камней. Я видела черную дыру дымохода, опаленную пламенем очага. Там была сажа, и на какой-то миг мне почудилось, что в очаге потрескивает огонь. И тогда я сказала — не знаю, вслух или про себя, — я сказала: "Все в порядке. Я вернулась, чтобы ты узнал — Лансинги живы". Если бы меня спросили, кому я это говорю, я бы не затруднилась с ответом. Я не ждала, что кто-нибудь ответит. Отзывать было некому. Но я чувствовала себя так, словно исполнила свой долг.

Синтия поглядела на меня; во взгляде ее мелькнул испуг.

— Зачем я вам это рассказываю? — пробормотала она. — Я ведь не собиралась говорить ничего такого. Вам незачем знать о моих ощущениях. Факты я могла бы раскрыть в нескольких предложениях, но мне почему-то кажется, что голыми фактами нам не обойтись.

Я погладил ее по руке.

— Бывают случаи, когда голые факты ничего не объясняют, — сказал я. — Вы чудесно рассказываете.

— Вам не скучно?

— Ни капельки, — ответил за меня Элмер. — Мне очень интересно.

— Осталось чуть-чуть, — проговорила она. — В другом конце гостиной была дверь, самая настоящая, и открывалась она, как я обнаружила, в полуразрушенное помещение, которое в незапамятные времена было кухней. В доме имелся второй этаж, и он был частично цел, несмотря на то, что крыша обрушилась и погребла под собой большинство комнат. Но над кухней второго этажа не было. По всей видимости, сразу над кухонным потолком располагалась крыша. Рядом с тем, что когда-то было наружной стеной кухни, были навалены обломки — скорее всего, обломки карниза. Не знаю, как я ухитрилась заметить это, но часть обломков лежала как-то слишком правильно. В их правильности было что-то не то, они не выглядели обломками. Как и все в доме, они были покрыты пылью. Догадаться, что там находится предмет из металла, было невозможно. Думается, меня заинтриговала его прямоугольная форма. Я вытащила предмет из-под обломков. Это был изъеденный ржавчиной ящичек — если не считать ржавчины, абсолютно неповрежденный. Я села и задумалась, как он мог тут оказаться. Я решила, что, должно быть, его в свое время засунули под карниз, а потом забыли. Когда карниз обрушился, он упал вниз, пробив потолок кухни — если, конечно, потолок к тому времени еще был цел.

— Значит, вот оно что, — подытожил я. — Ящичек с запиской о кладе...

— В общем, да, — подтвердила Синтия, — но не совсем так. Я не смогла его открыть и потому захватила с собой. Вернувшись домой, я взломала его с помощью инструментов. Внутри лежала грамота на владение кусочком земли, долговая расписка с отметкой об уплате, пара пустых конвертов, один или два опротестованных чека и документ о передаче семейных архивов отделу рукописей университета. Вернее, не о передаче, а о предоставлении во временное пользование. На следующее утро я отправилась в отдел рукописей. Вам навсрынка известно, как они там работают...

— Да уж, — согласился я.

— Пришлось попереживать, но в конце концов то, что я — студентка-дипломница со специализацией по истории Земли, и то, что бумаги принадлежат моей семье, сыграло свою роль. Они думали, что я хочу лишь просмотреть документы, но к тому времени, когда мне их выдали — должно быть, они хранились не там, куда помещал их каталог, — я была сыта по горло всей этой волокитой, а потому заполнила требование о возвращении бумаг и вышла на улицу уже вместе с ними. Вот вам и тихоня-отличница, не правда ли? В отделе мне угрожали судебным преследованием, и, если бы они выполнили свою угрозу, я не знаю, чем бы все закончилось. Но что-то им помешало. Быть может, они решили, что бумаги не представляют никакой ценности, хотя с чего — не смею догадываться. Все документы уместились в один конверт. Очевидно, к ним никто не прикасался, поскольку они не были ни рассортированы, ни проштампованы, и даже печать на конверте не имела следов повреждений. Наверно, их зарегистрировали под одним номером и благополучно про них забыли.

Синтия прервалась и пристально поглядела на меня. Я промолчал. Потихоньку она доберется до сути дела. Как знать, вдруг у нее есть причины рассказывать именно так и никак иначе? Быть может, она хочет перепроверить себя и убедиться (снова? в который раз?), что не совершила ошибки, что поступила правильно. Я не собирался подгонять ее, хотя, видит Бог, она могла бы и не тянуть kota за хвост.

— Документов было немного, — заговорила Синтия, выдержав паузу. — Подборка писем, которые проливали свет на историю колонизации Олдена землянами, — характерные образчики эпистолярного жанра той эпохи. Они не содержали ни единого неизвестного прежде факта. Несколько стихотворений, явно сочиненных молодой девицей. Счета-фактуры какой-то фирмы, которые, пожа-

луй, могли бы заинтересовать историка-экономиста, а еще — памятная записка, в каковой пожилой человек в довольно-таки вычурных выражениях излагал историю, услышанную им от деда, причем дед его был одним из первых колонистов на Олдене.

— И что же это за записка?

— В ней говорилось о невероятных событиях, — ответила Синтия. — Я отнесла ее профессору Торндайку, рассказала ему то, что вы только что слышали, и попросила прочесть. Окончив чтение, он уселся, устремив взгляд в никуда, а потом произнес одно-единственное слово — Анахрон.

— Что такое Анахрон? — спросил Элмер.

— Мифическая планета, — отозвался я, — мир, которого на самом деле не существовало. Предмет мечтаний археологов, вызванный ими из небытия...

— Придуманый мир, — проговорила Синтия. — Я не спрашивала об этом профессора Торндайка, но мне кажется, что название его образовано от слова "анахронизм" — то есть что-либо, сильно устаревшее. Понимаете, археологи многократно наталкивались на следы, оставленные неведомой расой. Как ни странно, анахронические надписи находили только на артефактах аборигенов той или иной планеты и никогда — отдельно.

— Как будто они, то бишь анахроничане, случайно заглянули на огонек, — присовокупил я, — а уходя, оставили хозяевам в знак благодарности пару безделушек. Они могли побывать на многих планетах, а их безделушки обнаруживаются лишь на некоторых, да и то по воле случая.

— Так что там с памятной запиской? — спросил Элмер.

— Она при мне, — ответила Синтия, доставая из внутреннего кармана куртки объемистое портмоне и извлекая оттуда пачку сложенных пополам бумаг. — Это копия. Оригинал был слишком хрупким и не выдержал бы подобного обращения.

Она протянула бумаги Элмеру. Тот развернул их, просмотрел и передал мне.

— Я подброшу дров, чтобы было посветлее, — сказал он. — А ты читай вслух.

Записка была написана корявым почерком пожилого и немощного человека. Местами попадались кляксы, но они не мешали уловить смысл. Наверху первой страницы была цифра — 2305.

Синтия следила за мной.

— Должно быть, год, — заметила она. — Тут у нас с профессором Торндайком не было разногласий. Если ее написал именно тот человек, на которого я думаю, то в дате нет ничего удивительного.

Элмер подбросил в костер хвороста, и пламя весело загудело. — Порядок, Флетч, — сказал робот. — Чего ты ждешь, начинай. И я начал.

6 2305

Моему внуку Говарду Лансингу.

В мою бытность юношей мой дед рассказал мне о том, что ему довелось пережить, когда он был молодым человеком примерно моего возраста, а теперь, когда мне столько же лет, сколько было ему в момент нашего разговора, или даже больше, я передаю услышанное тебе; но поскольку ты еще зеленый юнец, я решил доверить эту историю бумаге, чтобы ты, став старше, смог прочесть ее и понять, в чем тут дело.

Беседуя со мной, мой дед пребывал в твердом уме и здравом рассудке, который не повредили многочисленные старческие немощи. Ты можешь счесть историю неправдоподобной, однако, как мне всегда казалось, в ней есть своя логика, из-за которой она обретает истинность.

Мой дед, как тебе, без сомнения, известно, родился на Земле, а на Олден прилетел уже далеко не юношей. Он родился в начальную пору Решающей Войны, когда народы Земли, разбившись на два блока, терзали и опустошали планету. В дни своей юности он участвовал в боях, если я вправе так выразиться, ибо то была война не людей, а машин, которые сражались друг с другом с бессмысленной яростью, позаимствованной у тех, кто их создал. Поскольку все члены его семьи и большинство друзей то ли погибли, то ли пропали без вести (по-моему, он сам не знал, что вернее), он с легким сердцем присоединился к группе людей, крохотной частице некогда громадного населения Земли, которые вошли в космические корабли и покинули Землю, дабы основать колонии на других планетах.

Но история, которую он мне поведал, относится не к войне и не к бегству с Земли. Она связана с происшествием, которое случилось неизвестно когда и, как говорил дед, почти неизвестно где. Мне кажется, что это событие произошло, когда он был молод, хотя я не помню, почему я так решил. Я с готовностью признаю, что многие подробности его истории успели подзабыться, но основную канву событий я помню отчетливо.

Благодаря какому-то стечению обстоятельств (какому именно, я забыл, если он вообще о том упоминал) мой дед очутился в безопасной, как он ее именовал, зоне — на небольшой территории, где в силу ее местоположения, а также топографических и метео-

рологических особенностей почва была менее ядовитой, чем в иных местах, и где человек мог жить в сравнительной безопасности, не пользуясь или почти не пользуясь средствами защиты. Он не помнил в точности, где находится то место, но уверял, что неподалеку от него тесная с севера речушка впадает в Огайо.

У меня сложилось впечатление (хотя он не говорил мне ничего подобного, а я его об этом не расспрашивал), что мой дед, будучи свободным от каких-либо обязанностей по службе и волею судеб оказавшись в том месте, попросту решил остаться там, чтобы наслаждаться сравнительной безопасностью, которую оно предлагало. Решение его, принимая во внимание тогдашнюю ситуацию, было чрезвычайно разумным.

Я не знаю ни того, сколько он там пробыл, ни когда произошло то самое событие, ни того, почему он, в конце концов, оттуда ушел. Впрочем, все это не имеет никакого отношения к тому, что с ним случилось.

Однажды он увидел, что поблизости совершил посадку корабль. В то время еще существовали корабли для перелетов по воздуху; правда, многие из них были уничтожены, а те, что остались, совершенно не годились для ведения военных действий. Но такого корабля дед никогда не видел. Он рассказал мне, чем именно тот корабль отличался от остальных, однако я помню подробности весьма смутно и, если начну излагать, наверняка что-нибудь напутая.

Из осторожности — без нее тогда было не выжить — дед спрятался в укрытие и принялся внимательно следить за происходящим.

Корабль приземлился на вершине одного из холмов над рекой. Едва он сел, из него вышли пять роботов и с ними существо, похожее на человека, но деду показалось, что сходство здесь чисто внешнее. Когда я спросил его, почему он так подумал, он затруднился с ответом. Дело заключалось не в том, как существо ходило, двигалось или говорило, а в подсознательном ощущении чужеродности, которое подсказало деду, что это существо — не робот и не человек.

Два робота, отойдя от корабля на несколько шагов, остановились. Должно быть, их назначили часовыми, потому что они то и дело поворачивались в разные стороны, словно кого-то высматривая. Остальные принялись сгружать на землю ящики и оборудование.

Дед был уверен, что спрятался надежно. Он укрылся в зарослях на берегу речушки и лег на живот, чтобы ветки загородили его от часовых. Помимо всего прочего, стояло лето, и можно было уповать на то, что листва сделает его незаметным.

Однако в скором времени один из роботов, трудившихся на разгрузке, бросил работу и направился туда, где прятался мой дед.

Поначалу дед решил, что робот пройдет мимо, а потому замер и затаил дыхание.

Но у робота, очевидно, были четкие инструкции. Дед считал, что, скорее всего, кто-то из часовых засек его по тепловому излучению и сообщил своему хозяину о том, что за ними наблюдают.

Приблизившись к зарослям, робот наклонился, схватил деда за руку, извлек из кустарника и потащил на холм.

По словам деда, все, что было дальше, он помнит довольно смутно. Хотя хронологическая последовательность воспоминаний не нарушена, в них случаются пробелы, объяснить которые он не в силах. Он был уверен в том, что, прежде чем его отпустили или ему удалось бежать (правда, как он признавался, у него не возникало ощущения, что его удерживают насильно), была предпринята попытка стереть в его мозгу память о происшедшем. На какое-то время эта мера подействовала; лишь с прибытием деда на Олден память начала потихоньку возвращаться — словно воспоминаниям был поставлен заслон, который они сумели преодолеть только с течением лет.

Дед помнил, что разговаривал с человеком, который человеком не был. Ему запомнилось, что существо говорило с ним по-доброму, но вот, о чем шла речь, он позабыл начисто, если не считать нескольких фраз. Существо сообщило деду, что прибыло из Греции (на Земле когда-то существовала такая страна), где жило долгие времена. Дед ясно запомнил это выражение — "долгие времена" — и подивился, как можно так коверкать язык. Существо сказало также, что искало место, где ничто не угрожало бы его жизни, и после ряда измерений, сути которых дед не понял, остановило свой выбор на площадке, где приземлился его корабль.

Дед припомнил еще, что роботы использовали часть струженного с корабля оборудования для того, чтобы пробить в скале глубокий колодец и вырезать под землей обширную пещеру. Покончив с этим, они воздвигли над колодцем деревянную хижину самого затрапезного вида снаружи, но прекрасно обставленную внутри. Вырубленные в стенах колодца ступени уводили к подземной пещере, а отверстие ствола закрывалось крышкой, причем, когда она находилась на месте, заподозрить, что за ней начинается туннель, было невозможно.

Ящики, которые сгрузили с корабля, снесли в подземелье. На поверхности остались лишь те из них, в которых была мебель для хижины.

Один из роботов, спускаясь под землю, уронил свой ящик. Дед, который неизвестно почему очутился внизу, увидел, что тот летит прямо на него, и поспешно отпрыгнул в сторону. Уже пересчитывая

ступеньки, ящик начал разваливаться, а достигнув дна колодца, разлетелся на мелкие кусочки, так что все его содержимое раскатилось по полу пещеры.

Как утверждал дед, ящик был битком набит сокровищами — там были подвески, браслеты и кольца с драгоценными камнями, золотые обручи со странными узорами на них (дед уверял, что обручи были золотые, однако я не понимаю, как ему удалось распознать золото на глаз), выкованные из драгоценных металлов и отделанные самоцветами статуэтки животных и птиц, с полдюжины королевских венцов, сумки с монетами и многое другое, в том числе — пара или тройка ваз. Вазы, естественно, разбились.

Тут же примчались роботы и принялись подбирать сокровища, а следом спустился их хозяин. Ступив на пол пещеры, он, не удостоив взглядом драгоценности, наклонился и подобрал обломки одной из ваз и попробовал соединить их заново, но у него ничего не получилось, потому что ваза раскололась на множество мелких кусочков. Однако, посмотрев на обломки, которые незнакомцу удалось-таки собрать вместе, дед увидел, что на вазе имелись покрытые глазурью рисунки, что изображали странного вида людей в момент охоты на еще более странных зверей. Странность рисунков заключалась в их неумелости, в полном отсутствии у художника представления о перспективе и каких-либо познаний в анатомии.

Существо поникло головой над обломками вазы. Лицо его было печальным, а по щеке скатилась слеза. Моему деду показалось нелепым проливать слезы над разбитой вазой.

К тому времени роботы сложили рассыпавшиеся сокровища в кучу. Потом один из них принес корзину, и они ссыпали туда драгоценности и отволокли корзину к ящикам в глубине пещеры.

Но они были не слишком внимательны. Дед заметил на полу монетку. Он спрятал ее в карман и вынес из пещеры, и передал мне, а теперь я кладу ее в этот конверт...

7 Я прервал чтение и взглянул на Синтию Лансинг.
— Монета?

Девушка кивнула.

— Да. Она была завернута в фольгу. Такой фольгой не пользуются давным-давно. Я отдала монету на сохранение профессору Торндайку...

— Но он сказал вам, что она собой представляет?

— Он колебался и потому обратился за советом к эксперту по монетным системам Земли. Тот утверждает, что это неходовая афинская монета с изображением совы, которую отчеканили, скорее

всего, спустя несколько лет после битвы у местечка под названием Марафон.

— Неходовая? — переспросил Элмер.

— Которая не была в обращении. Металл ходовой монеты гладкий и тусклый от того, что она перебивалась во многих руках. А наша монетка выглядела новехонькой.

— И никаких сомнений? — справился я.

— Профессор Торндайк говорит, что нет.

Из-за гребня холма, у подножия которого мы разбили лагерь, вновь послышался собачий лай. Он звучал тоскливо и страшно. Я вздрогнул и придвинулся поближе к костру.

— Кого-то гонят, — сказал Элмер. — Наверно, енота или опосума. Охотники идут следом, ориентируясь на лай.

— Но зачем они охотятся? — спросила Синтия. — Я про людей, не про собак.

— Чтобы добыть мясо и поразвлечься, — ответил Элмер.

Синтия моргнула.

— Мы не на Олдене, — продолжал Элмер. — Здесь не приходится рассчитывать на мягкость нравов розовой планеты. Люди, которые обитают вон в тех лесах, вполне могут оказаться полудикарями.

Мы сидели и слушали, и нам показалось, что лай отдаляется.

— Что касается клада, — нарушил молчание Элмер. — Давайте прикинем, что нам известно. Где-то на территории этой страны, к западу от того места, где мы сейчас находимся, некто, прилетев из Греции, припрятал добрый десяток ящиков — предположительно, с сокровищами. Мы знаем, что в одном из них сокровища были на самом деле, и заключаем отсюда о содержимом остальных. Но местоположение клада определить будет нелегко. Нет четких ориентиров. Река, которая течет с севера и впадает в старушку Огайо. Да таких рек не перечесть...

— Хижина, — напомнила ему Синтия.

— Ее построили десять тысяч лет назад, так что она давно уже развалилась. Нам придется искать колодец, а его могло засыпать.

— А с какой стати, — вмешался я, — Торни решил, что тот странный тип из Греции — анахронизм?

— Я спросила его об этом, — ответила Синтия, — и он сказал, что инопланетный наблюдатель, вероятнее всего, должен был поселиться где-то в том районе. Ведь на земле бывшей Турции обитали первые оседлые человеческие племена. Наблюдатель вряд ли стал бы обосновываться в непосредственной близости от объектов наблюдения. И Греция тут, по мнению профессора Торндайка, подходит со всех точек зрения. У такого наблюдателя наверняка имелись

средства скоростного передвижения, поэтому расстояние между Грецией и Турцией не было для нас помехой.

— Не вижу логики, — заявил Элмер упрямо. — Почему именно Греция, а не Синайский полуостров, не каспийское побережье и не дюжина других мест?

— Торни доверяет интуиции ничуть не меньше, чем фактам или логике, — сказал я. — Интуиция у него великолепная, и зачастую он оказывается прав. Если он говорит: "Греция", — значит, так оно и есть, хотя, как мне кажется, этот наш гипотетический наблюдатель мог время от времени менять место проживания.

— Вовсе нет, — возразил Элмер, — в особенности, если он только и делал, что рыскал вокруг в поисках добычи. Она наверняка оттягивала ему карманы. Переместить такую гору добра — это тебе не раз плюнуть. Судя по рассказу, он укрыл на Огайо несколько тонн поживы.

— Да нет же, не поживы! — воскликнула Синтия. — Ну как ты не поймешь? Ему нужны были не деньги и не предметы роскоши. Он собирал артефакты.

— Какой, однако, разборчивый, — хмыкнул Элмер. — Все артефакты из золота да из самоцветов.

— Не преувеличивай, — осадил я Элмера. — Золото и самоцветы могли быть лишь в том ящике, который разбился, а в других хранились, скажем, наконечники стрел и копий, образцы древних тканей, ступки и пестики...

— Доктор Торндайк считает, — сказала Синтия, — что ящики, которые довелось увидеть моему предку, содержали в себе лишь незначительную часть того, что удалось собрать наблюдателю. Быть может, в них он упаковал самые ценные предметы. А в других пещерах, где-нибудь в Греции, может находиться в сотни раз больше ящиков.

— Как бы то ни было, — заключил Элмер, — клад есть клад. Люди гоняются за любыми артефактами, а то, что они с Земли, я думаю, навбавляет им цену. Артефакты распродают направо и налево. Многие богачи — ибо нужно быть богатым, чтобы платить такие деньги, — коллекционируют их. И потом, в парочке артефактов на каминной полке или на журнальном столике в кабинете есть свой шик.

Я кивнул, вспомнив, как Торни расхаживал по комнате, ударяя кулаком по ладони и метая громы и молнии. Дошло до того, восклицал он, что археологи остались не у дел! Ты знаешь, сколько ограбленных городов мы обнаружили за последнюю сотню лет? Их раскопали и ограбили прежде, чем там появились мы! Различные археологические общества при поддержке некоторых правительств

проводили одно расследование за другим — и ничего. Неизвестно, ни кто совершал набеги, ни куда подевались артефакты. Их где-то складировают, а потом перепродают коллекционерам. Дело это прибыльное и потому хорошо организованное. Мы пытались добиться принятия закона о запрещении частного владения артефактами, но остались с носом. В правительстве слишком много таких, у кого рыльце в пушку, кто и сам коллекционирует. Кроме того, кто-то финансирует их противодействие принятию такого закона. В итоге мы попросту остались с носом. А из-за разгула вандализма теряем единственную возможность понять, как развивались те или иные галактические культуры".

Собачий лай сменился вдруг восторженным тьяканьем.

— Загнали, — констатировал Элмер. — Загнали жертву на дерево.

Я дотянулся до кучки хвороста, принесенного Элмером, подбросил сучьев в огонь и помешал палкой угли. Язычки голубого пламени из разворошенных угольев потянулись к сучьям, вспыхнула, разбрасывая искры, сухая кора. Пламя словно обрело второе дыхание.

— Хорошая штука костер, — проговорила Синтия.

— Возможно ли, чтобы столь хилое пламя согревало даже таких, как я? — спросил Элмер. — Сидя рядом с ним, я ощущаю тепло, кланюсь.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Ты постепенно превращаешься в человека.

— Я человек, — сказал Элмер. — По крайней мере по закону. А если по закону, значит, и во всем остальном.

— Как там Бронко? — подумал я вслух. — Надо бы его позвать.

— Он занят делом, — сказал Элмер. — Создает лесную фантазию из темных теней деревьев, шороха ночного ветра в листве, бормотания воды, мерцания звезд и трех черных фигур у костра. Картина, ноктюрн, стихотворение, быть может, скульптура — он творит все это одновременно.

— Бедняжка, — вздохнула Синтия, — он не знает отдыха.

— Бронко живет работой, — сказал Элмер. — Он мастер своего дела.

В темноте послышался сухой треск. Через несколько секунд звук повторился. Собаки, которые было замолчали, снова разразились лаем.

— Охотник выстрелил в того, кто спасался на дереве от собак, — пояснил Элмер.

Над лагерем воцарилось молчание. Мы сидели, представляя себе — я, во всяком случае, представлял — сцену в ночном лесу: собаки,

скачущие вокруг дерева, наведенное ружье, вырвавшееся из ствола пламя и — темный силуэт, который падает к ногам охотника.

Внезапно мне показалось, что я слышу иной звук. Издалека донесся слабый хруст. Налетевший ветерок промчался по долине и увлек звук за собой, но вскоре он возвратился, став громче и назойливее.

Элмер вскочил на ноги. Блики пламени засверкали на его металлическом теле.

— Что это? — спросила Синтия.

Элмер не ответил. Звук приближался. Он надвигался на нас, нарастая с каждым мигом.

— Бронко! — крикнул Элмер. — Скорее сюда. К костру!

Бронко тут же примчался, по-паучьи перебирая ногами.

— Мисс Синтия, — приказал Элмер, — забирайтесь.

— Что?

— Забирайтесь на Бронко и держитесь крепче. Если он побежит, пригибайтесь пониже, чтобы не удариться о сук.

— Что происходит? — спросил Бронко. — Что за шум?

— Не знаю, — отозвался Элмер.

— Рассказывай сказки, — провоцировал я, но он не услышал, а если и услышал, то не подал вида.

Звук приближался. Он не шел ни в какое сравнение со всем, слышанным мною до сих пор. Впечатление было такое, словно кто-то разрывает лес на кусочки: рев, скрежет, визг раздираемой древесины. Земля задрожала у меня под ногами, будто по ней колотили увесистым молотом.

Я огляделся. Бронко с Синтией на спине отступал от костра в темноту, готовый в любой момент прилечь бегом.

Оглушительный и душераздирающий, шум обрушился на нас. Я отпрыгнул в сторону и побежал бы, если бы знал куда; и тут я различил на гребне холма нечто громадное, заслонившее от меня звезды. Деревья задрожали мелкой дрожью; черная машина слетела с холма, сокрушая все на своем пути, едва не разнесла лагерь и устремилась дальше по долине. Шум быстро затихал. Деревья на холме тихонько постанывали.

Я стоял, прислушиваясь к удаляющемуся шуму, который вскоре пропал, словно его и не было вовсе. Я стоял, загипнотизированный тем, что произошло, не понимая, что произошло, гадая, что произошло. Элмер, судя по его позе, пребывал не в лучшем состоянии.

Я плюхнулся на землю рядом с костром; Элмер оглянулся и направился ко мне. Синтия соскочила с Бронко.

— Элмер, — выдохнул я.

Он замотал головой.

— Не может быть, — пробормотал он, обращаясь, скорее, к себе, чем ко мне. — Не может быть. Сколько лет прошло...

— Боевая машина? — спросил я.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Такого не бывает, Флетч, — сказал он.

Я подбросил в огонь хвороста. Я не жалел дров, я отчаянно нуждался в огне. Пламя вспыхнуло с новой силой.

Синтия подссала ко мне.

— Боевые машины, — продолжал разговаривать сам с собой Элмер, — строились для того, чтобы нападать на людей, брать города, сражаться с другими машинами. Они дрались до конца, до тех пор, пока в них оставалась хоть крупица энергии. Их не предназначали для выживания. И они, и мы, те, кто создавал их, знали это. Их единственным заданием было — уничтожать. Мы готовили их к смерти и посылали их на смерть...

Его голос был голосом далекого прошлого; он вещал о древней морали, о старинной вражде, о первобытной ненависти.

— Те, кто был в них, не имели желания жить. Они были все равно что мертвы. Они умирали, но согласились потерпеть...

— Элмер, Элмер, — перебила Синтия. — Те, кто был в них? А кто был в них? Я не знала, что в них кто-то был. В них же не было экипажей. Они...

— Мисс, — сказал Элмер, — они были не до конца машинами. По крайней мере это можно сказать про нашу модель. У нее был искусственный мозг, который находился в контакте с мозгом человека. В мозг машины, которую создавал я, было заключено сознание нескольких людей. Я не знаю, ни кто они, ни сколько их было, хотя всем на стройплощадке было известно, что они — быть может, самые крупные военные специалисты, пожелавшие продлить себе жизнь для того, чтобы нанести врагу последний удар. Искусственный мозг в союзе с человеческим мозгом...

— В нечестивом союзе, — бросила Синтия.

Элмер метнул на нее быстрый взгляд и опять уставился на костер.

— Пожалуй, вы правы, мисс. Однако вы не представляете, что такое война. Война — возвышенное безумие, греховная ненависть, которая рождает неоправданное чувство собственной правоты...

— Давайте не будем об этом, — предложил я. — В конце концов, это могла быть не боевая машина, а что-нибудь еще.

— Что, например? — поинтересовалась Синтия.

— Не знаю, но ведь прошло десять тысяч лет.

— Да, — протянула она, — за такой срок мало ли что может случиться.

Элмер промолчал.

На гребне холма раздался крик. Мы вскочили. Наверху мелькал огонек; слышно было, как кто-то пробирается через поваленные деревья.

Крик повторился.

— Эй, у костра!

— Эй, там! — отозвался Элмер.

Огонек мелькал по-прежнему.

— Фонарь, — сказал Элмер. — Должно быть, те люди, которые охотились с собаками.

Мы следили за фонарем. Окликать нас больше не окликали. Наконец огонек перестал мелькать и поплыл вниз по склону холма.

Людей оказалось трое: высокие, одетые в тряпье мужчины с ружьями за плечами. Один из них тащил что-то на закорках. Они улыбались, и зубы их сверкали в бликах пламени костра. Вокруг них прыгали собаки.

Остановившись на краю освещенного круга, они бесцеремонно вытаращились на нас.

— Вы кто? — подал голос один из охотников.

— Путники, — ответил Элмер. — Путешественники.

— А ты? Ты ведь не человек, — последнее слово он произнес как "чолвик".

— Я робот, — сказал Элмер. — Я уроженец Земли. Меня изготовили на ней.

— Ну и дела, — заметил другой охотник. — Прямо ночь больших дел.

— Вы знаете, что это было? — спросил Элмер.

— Разорительница, — отозвался первый. — Про нее много чего толкуют. Моему прадедушке еще его папаша о ней рассказывал.

— Коль она вам показалась, — вступил в разговор третий, — можно перед ней не дрожать. Никому пока не удавалось повстречать ее дважды. Она возвращается только через много лет.

— И вам неизвестно, что она такое?

— Разорительница, — как будто это слово все объясняло.

— Мы углядели ваш костер, — сказал первый охотник, — ну и решили перекинуться словом.

— Присаживайтесь, — пригласил Элмер.

Они уселись на корточки у костра, уперев приклады ружей в землю, а стволы уставив в воздух. Тот из них, который тащил что-то на спине, сбросил свою ношу с плеч.

— Енот, — сказал Элмер. — Хорошая добыча.

Собаки, тяжело дыша, улеглись у ног хозяев, время от времени принимаясь вилять хвостами.

Охотники ухмыльнулись, и один из них проговорил:

— Меня зовут Лютер, это Зик, а это Том.

— Очень приятно, — ответил Элмер вежливо. — Меня зовут Элмер, молодую леди — Синтия, а джентльмена — Флетчер.

Они кивнули в знак приветствия.

— А что у вас за животное? — спросил Том.

— Его зовут Бронко, — сказал Элмер. — Он механический.

— Рад познакомиться с вами, — сообщил Бронко.

Они уставились на него во все глаза.

— Наверно, мы кажемся вам странными, — хмыкнул Элмер.

— Мы прилетели с другой планеты.

— Да нам, в общем-то, без разницы, — сказал Зик. — Мы увидели ваш костер и решили заглянуть на огонек.

Лютер сунул руку в задний карман брюк и вытащил оттуда бутылку. Он помахал ею, предлагая выпить.

Элмер покачал головой.

— Не пью, — объяснил он.

Я сделал шаг вперед и взял у Лютера бутылку. Приспело время выйти на сцену и мне; до сих пор в разговоре с нашей стороны участвовал только Элмер.

— Шикарная штука, — подмигнул Зик. — Старик Тимоти мурры не гонит.

Вышибив пробку, я поднес бутылку к губам и отхлебнул. Я чуть не задохнулся и с трудом удержался от кашля. Самогонка обожгла мне внутренности. Ноги мои стали ватными.

Охотники, ухмыляясь во весь рот, внимательно наблюдали за мной.

— Знатная вещь, — похвалил я, сделал еще глоток и вернул бутылку хозяину.

— Леди? — осведомился Зик.

— Для нее будет слишком крепко, — сказал я.

Тогда они принялись за дело сами. Я не спускал с них глаз. Они снова протянули бутылку мне, и я не стал отказываться. В голове у меня зашумело, но я твердил себе, что страдаю на благо общества. Ведь кому-то же из нас надо перенять язык охотников.

— Повторим? — спросил Том.

— Попозже, — сказал я. — Попозже. Мне не хочется оставить вас без "горючего".

— Оно у нас не последнее, — усмехнулся Лютер, похлопав себя по карману.

Зик отцепил от пояса нож и пододвинул поближе тушку енота.

— Лютер, — распорядился он, — набери-ка прутьев для жаркого. Мясо у нас есть, выпивка тоже, и костерок славный. Гуляем, ребята!

Я искоса поглядел на Синтию. Побледнев, она широко раскры-

тыми от ужаса глазами следила за тем, как нож Зика вспарывает белое брюшко енота.

— Эй, — окликнул я ее, — не берите в голову.

Она одарила меня вымученной улыбкой.

— А утречком, — проговорил Том, — потопаем домой. Чего зазя в темноте ноги ломать? Завтра у нас большой праздник. Вам обрадуются, вот увидите. Ведь вы идете с нами, верно?

— Конечно, — сказала Синтия.

Я посмотрел на Бронко. Он застыл в напряженной позе, выставив напоказ все свои сенсоры.

8 Он провел меня по полям, где пригибались к земле колосья и золотились на солнце тыквы; он продемонстрировал мне сад с немногими необобранными еще плодовыми деревьями, готовую к работе коптильню, сарай, в котором хранили всякого рода металлический утиль, курятник, помещение для инструментов, кузницу и амбары; я увидел жирных свиней, которых откармливали лесными желудями на убой, я полюбовался на коров и овец, что паслись на высокой луговой траве; вдосталь нагулявшись, мы уселись на верхнюю перекладину шаткой изгороди.

— Сколько вы тут живете? — спросил я. — Не лично вы, а люди вообще.

Он повернулся ко мне. Морщинистое лицо, кроткие голубые глаза, благообразная седая борода до груди — ни дать ни взять деревенский патриарх.

— Глупости спрашиваете, — сказал он. — Мы тут всегда жили. По всей долине люди селились с незапамятных времен. Живем мы вместе, семьями. Иногда попадают бибурки, но таких раз-два и обчелся. Кое-кто уходит — от добра добра искать. Нас немного, но так оно и было искони. То женки не рожают, то детишки не выживают. Говорят, кровь у нас дурная. Не знаю; слухов ходит без числа, досужие языки чего только не болтают, а вот как правду ото лжи отличить?

Он уперся пятками в нижнюю перекладину изгороди и обхватил руками колени. Пальцы у него были по-стариковски скрюченные, острые костяшки, казалось, вот-вот прорвут кожу. На тыльных сторонах ладоней отчетливо проступали синие вены.

— А с Кладбищем вы уживаетесь? — поинтересовался я.

Он ответил не сразу; он с первых слов произвел на меня впечатление человека, который сначала думает, а потом говорит.

— Да вроде бы, — отозвался он наконец. — Они, черти, все

ближе подбираются. Ходил я туда пару раз, толковал с этим... ну как его...

Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— С Беллом, — подсказал я. — Его зовут Максвелл Питер Белл.

— Точно, с ним самым. Толковал я с ним, да ни до чего мы не договорились. Он скользкий как угорь. Улыбается, а чего — кто его разберет? Он хозяин, а мы — так, мелкота. Я ему говорю: вы насаждаете на нас, сгоняете с насиженных мест, а в округе полным-полно заброшенных земель. А он мне: мол, своей землей вы тоже не пользуетесь. Ну, я отвечаю, что, дескать, пускай мы не пашем, но жить-то нам надо; к тесноте мы непривычные, нам простор подавай. А он меня спрашивает, есть ли у нас право на землю. Я говорю: какое такое право? Вы мне ваше право докажете. Мекал он, мекал, да так ничего путевого и не сказал. Вот вы, мистер, вы человек пришлый; может, вам известно, есть ли у него право на нашу землю?

— Сильно сомневаюсь, — фыркнул я.

— Уживаться мы с ними уживаемся, — продолжал он. — Некоторые наши подрабатывают у них: ну там, копают могилы, траву подстригают, деревья с кустами подрезают. Они порой зовут нас, когда не могут обойтись своими силами. Сами понимаете, могильник требует ухода. Если бы мы того захотели, мы могли бы делать куда больше, да какой от работы прок? У нас есть все, что нам нужно, и им попросту нечего нам предложить. Одежда? Овцы дают нам довольноно шерсти, чтобы прикрыть срам и не замерзнуть в холода. Выпивка? Мы гоним самогон, и кладбищенскому пойлу до него, пожалуй, далеко. Если самогон настоящий, после него и нектар отравой покажется. Что еще? Кастрюли со сковородками? Да много ли их надо?

Мы вовсе не лентяи, мистер. Мы трудимся как пчелки: рыбачим, охотимся, роемся в земле, раскапываем железо. В окрестностях хватает холмов с железом внутри; правда, путь до них неблизкий. Из железа мы делаем инструменты и ружья. К нам частенько заглядывают торговцы с запада и с юга. Мы вымениваем у них порох и свинец за продукты, шерсть и самогон — конечно, не только это, но в основном порох и свинец.

Он оборвал рассказ. Мы сидели рядышком на верхней перекладине изгороди и нежились на солнышке. Деревья представлялись мне застывшими в неподвижности кострами; рыжевато-коричневые поля пестрели золотистыми тыквами. У подножия холма, в кузнице, размеренно стучал молот; из трубы тянулся к небу дымок, догоняя клубы дыма из труб стоящих по соседству домов. Хлопнула дверь, и я увидел Синтию. Она была в фартуке и держала в руке сково-

родку. Выйдя во двор, она вывалила содержимое сковородки в пузатый бочонок. Я помахал ей; она махнула мне в ответ и скрылась в доме.

Старик заметил, что я разглядываю бочонок.

— Помойный, — сказал он. — Мы бросаем в него картофельные очистки, капустные листья и прочую дрянь, сливаем молоко, если оно скисло, и отдаем свиньям. Вы что, никогда в жизни не видели помойного бака?

— Честно говоря, нет, — признался я.

— Что-то я запамятовал, откуда вы прибыли и чем там занимались, — буркнул он.

Я рассказал ему про Олден и постарался объяснить, что мы задумали. Кажется, он меня не понял.

Он мотнул головой в сторону амбара, около которого с самого утра пристроился Бронко.

— Значит, вон та штуковина работает на вас?

— Изю всех сил, — ответил я, — и куда как толково. Он очень восприимчивый. Он впитывает в себя образы амбара и сеновала, голубей на крыше, телят в стойлах, лошадей, что пасутся на лугу. Потом из этого возникнет музыка и...

— Музыка? Как если играют на скрипке, что ли?

— Можно и на скрипке, — сказал я.

Он недоверчиво и вместе с тем ошарашенно покрутил головой.

— Я вот о чем хотел вас спросить, — переменял я тему разговора. — Что это за штука — Разорительница?

— Точно не знаю, — сказал он. — Ее называют так, а почему — непонятно. Мне не доводилось слышать, чтобы она кого-нибудь разорила. Опасно только оказаться у нее на дороге. Она — редкая гостья в наших краях. Мы не видим ее десятилетиями. Прошлой ночью она впервые прокатилась так близко от нас. По-моему, никому не взбрело в голову попробовать выследить ее. Она из тех, кого лучше не трогать.

Я видел, что он что-то скрывает, и потому решил на него надавить, не рассчитывая, впрочем, на удачу.

— А что говорит молва? Разве о Разорительнице не сложно никаких легенд? Вы не слышали, чтобы ее называли босвой машиной?

Он со страхом посмотрел на меня.

— Какой машиной? — переспросил он. — Да с кем ей биться-то?

— Вы хотите сказать, что вам ничего не известно о войне, которая чуть было не уничтожила Землю? О войне, после которой люди покинули планету?

По его ответу я понял, что он не лукавит, — просто время стерло воспоминания о тяжелой године.

— Народ болтает всякое, — проговорил он. — Коль ты парень с головой, то особо слухам доверять не станешь. Есть тут у нас переписчик душ — ну, тот, кто знается с призраками; мы зовем его душелюбом. Я в него не верил до тех пор, пока нос к носу не столкнулся. А есть еще бессмертный человек, но его я ни разу не встречал, хотя если кое-кого послушать, так он — их лучший друг. На свете существуют и магия, и колдовство, однако в нашей округе ничего такого не замечалось, да оно и славно. Мы — люди тихие, живем скромно и к сплетням не прислушиваемся.

— А книги? — воскликнул я.

— Были да сплыли, — ответил он. — Я про них слышал, но ни одной в глаза не видел, да и другие тоже, кого не спроси. Тут у нас книг нет и, верно, никогда и не было. К слову, мистер, что такое книга?

Я попытался объяснить. Вряд ли он понял меня как следует, но вид у него был ошеломленный. Он ловко перевел разговор на другую тему — чтобы, как мне показалось, скрыть замешательство.

— Ваш аппарат придет на праздник? — спросил он. — И будет смотреть и слушать?

— Да, — сказал я. — Спасибо вам, кстати, за гостеприимство.

— Народ начнет подходить, лишь солнце сядет. Будут музыка и танцы, а на улицу выставят столы с угощением. У вас на вашем Олдсе бывают такие гулянки?

— Отчего же нет, — сказал я, — только гулянками их не называют.

Не сговариваясь, мы замолчали. Мне подумалось, что день, вроде бы, выдался неплохой. Мы прошлись по полям, и старик с гордостью показал мне, какое у них уродилось зерно; мы заглянули в свинарник и понаблюдали, как поросята с хрюканьем роются в отбросах; мы полюбовались на работу кузнеца, который при нас докрасна раскалил лемех плуга, ухватил его щипцами, бросил на наковальню и пошел стучать по нему молотом так, что во все стороны полетели искры; мы насладились прохладой амбара и воркованьем голубей на сеновале; беседа наша была неторопливой, потому что нам нискуда было спешить. Да, денек выдался хоть куда.

В одном из домов распахнулась дверь, и наружу выглянула женщина.

— Генри! — позвала она. — Где ты, Генри?

Старик медленно слез с изгороди.

— Это они меня ищут, — проворчал он. — Нет чтобы объяснить,

что случилось. Решили, видно, что я сижу без дела. Пойду узнаю, чего им надо.

Я смотрел, как он лениво спускается по склону холма. Солнышко пригревало мне спину. Пойти, что ли, поискать, чем заняться? Должно быть, выгляжу я как петух на насесте; и потом, неудобно бездельничать, когда кругом все работают. Однако я испытывал странное нежелание что-либо делать. Впервые в жизни мне не нужно было ни над чем ломать голову. И я не без стыда признался самому себе, что такое положение вещей меня вполне устраивает.

Бронко по-прежнему стоял у амбара, а Синтии не было видно с тех пор, как она выплеснула что-то в помойный бак. Интересно, где это целый день пропадает Элмер?

Он словно подслушал мои мысли: вышел из-за амбара и направился напрямик ко мне. Он не проронил ни слова, пока не приблизился вплотную. Я заметил, что ему явно не по себе.

— Я ходил посмотреть на следы, — сказал он негромко. — Сомневаться не приходится: прошлой ночью мы видели босвую машину. Я обнаружил отпечатки протекторов такие могла оставить только она. Я прошелся по колее: она умчалась на запад. В горах найдется немало таких уголков, где она сможет укрыться.

— От кого ей прятаться?

— Не знаю, — ответил Элмер. — Поведение боевой машины непредсказуемо. Десять тысяч лет она была предоставлена самой себе. Скажи мне, Флетч, чего можно ожидать от ее комбинированного интеллекта после стольких лет одиночества?

— Либо ничего, либо всего сразу, — хмыкнул я. — Во что превратилась боевая машина, которая уцелела в чудовищной бойне? Что побуждает ее к жизни? Как воспринимает она окружающее, столь отличное от того, для которого ее изготавливали? И вот что странно, Элмер: похоже, люди совершенно не боятся ее. Она для них — нечто непостижимое, а, как я успел убедиться, постигнуть они не в силах очень и очень многого.

— Чудные они какие-то, — проговорил Элмер. — Мне здесь не нравится. Я чувствую себя не в своей тарелке. Сомневаюсь, чтобы та троица с снотом заявила к нашему костру без причины. Ведь им по пути надо было преодолеть колею боевой машины.

— Ими двигало любопытство, — сказал я. — У них тут тишь да гладь, поэтому, когда что-нибудь происходит, их разбирает любопытность. Так было и с нами.

— Естественно, — согласился Элмер. — И все же...

— Факты?

— Да нет, ничего конкретного. Но что-то меня тревожит. Давай сматывать удочки, Флетч.

— Я хочу, чтобы Бронко записал праздник. Едва он закончит, мы сразу уйдем.

9 Как и предрекал старик Генри, люди начали собираться вскоре после захода солнца. Они приходили поодиночке, парами и тройками, а иногда — целыми компаниями. Все толпились во дворе, у столов с едой. Кто-то пока отсиживался в доме; часть мужчин удалилась в амбар, и оттуда послышался звон посуды.

Столы вытащили во двор ближе к вечеру. Парни приволокли из плотницкой козлы, на которые положили доски, — так получились лавочки и платформа для музыкантов. Последние уже расселись по местам и теперь настраивали инструменты: с платформы доносилось пиликанье скрипок и треньканье гитар.

Луна еще не взошла, но небо на востоке отливало серебром, и черные стволы деревьев отчетливо выделялись на фоне светлой полосы в небесах. Собака подвернулась кому-то под ноги и с воем исчезла во мраке. Мужчины, что стояли у одного из столов, вдруг громко расхохотались — очевидно, над отпущенной кем-то шуткой. Костер, в который то и дело подбрасывали хворост, стрелял искрами; пламя жадно лизало сухие ветки.

Бронко расположился на опушке леса, и его металлический корпус мерцал в бликах костра. Элмер, присоединившись к какой-то компании у столов, судя по всему, оказался втянутым в оживленную дискуссию. Я поискал глазами Синтию, но ее нигде не было.

Кто-то тронул меня за руку. Обернувшись, я увидел рядом с собой старика Генри. Зазвучала музыка, по двору закружились пары.

— Не скучно одному? — спросил старик. Легкий ветерок шевелил его бакенбарды.

— Хочется спокойно понаблюдать, — ответил я. — Никогда не присутствовал на таких сборищах.

Я не кривил душой. В этом празднике было что-то от первобытной дикости и варварства; его необузданное веселье возвращало память к юности человечества. Как будто ожили древние обычаи и обряды — настолько древние, что на ум почему-то приходили кремневые топоры и обглоданные бедренные кости.

— Оставайтесь с нами, — пригласил старик. — Вы же знаете, наши все обрадуются. Оставайтесь; никто не мешает вам заниматься вашей работой.

Я покачал головой.

— Надо поговорить с другими, что скажут они. Но все равно спасибо.

На платформе надрывался певец; музыканты наяривали что-то немислимое, однако движения танцоров были плавными и даже изящными.

Старик хихикнул.

— Это называется танец престарелых. Слышали?

— Нет, — признался я.

— Хлопну еще стаканчик, — проговорил он, — чтобы косточки не скрипели, да тоже пойду попляшу. К слову...

Он извлек из кармана бутылку, вышиб пробку и протянул мне. Бутылка приятно холодила руку; я поднес ее к губам и сделал глоток. Против моих ожиданий, в бутылке оказалось неплохое виски. Оно ни капельки не напоминало ту отраву, которой меня угощали накануне.

Я вернул бутылку старику, но он оттолкнул мою руку.

— Мало, — сказал он. — Добавьте-ка.

Я снова приложился к бутылке. Мне стало хорошо и радостно.

Старик последовал моему примеру.

— Кладбищенское виски, — сказал он. — Малость повкуснее нашего будет. Ребята смотались нынче утром на Кладбище и выменяли у них пару ящиков.

He успел закончиться первый танец, как музыканты тут же заиграли следующий. Я заметил среди танцующих Синтию. Меня поразила грациозность ее движений, хотя, с чего я взял, будто она не умест танцевать, честно говоря, не знаю.

Луна наконец поднялась над лесом. Мне было безумно хорошо.

— Еще, — предложил старик, вручая мне бутылку.

Теплая ночь, веселая компания, темный лес, яркое пламя костра. Я поглядывал на Синтию, и мне вдруг отчаянно захотелось потанцевать с ней.

Музыка смолкла, и я сделал шаг вперед, намереваясь подойти к Синтии и пригласить ее на очередной танец. Однако меня опередил Элмер. Встав посреди двора, он неожиданно пустился отплясывать джигу; какой-то скрипач вскочил с места и принялся аккомпанировать ему, и вскоре к Элмеру присоединились все остальные.

Я не вскричал своим глазам. Элмер, который всегда казался мне тяжеловесным и неповоротливым роботом, теперь чуть ли не порхал над землей, извиваясь всем телом. Люди образовали вокруг него хоровод; они подбадривали его громкими криками и хлопаньем в ладоши. Бронко покинул свой пост на опушке и приблизился к танцорам. Кто-то увидел его; хоровод разомкнулся, пропуская Бронко внутрь. Он остановился перед Элмером, а потом запрыгал и завертелся, одновременно притоптывая всеми восемью ногами.

Музыканты убыстряли и убыстряли темп, но Бронко с Элмером

это было нипочем. Ноги Бронко летали вверх-вниз, точно помещавшиеся поршни, а между ними вихлялось набитое приборами тело. Земля гудела от дружного топота, и мне почудилось, я ощущаю ее дрожь. Люди вопили и улюлюкали. Танец двух машин никого не оставил равнодушным.

Я скосил глаза на старика Генри. Он вертелся юлой, седые волосы его растрепались, борода трепыхалась в лад заковыристым коленцам.

— Танцуй! — гаркнул он, тяжело дыша. — Чего не танцуешь?

Не переставая дергаться, он выудил из кармана бутылку и протянул ее мне. Я схватил ее и пустился в пляс. Я запрокинул голову, и горлышко бутылки застучало по моим зубам; немного виски пролилось мне на лицо, но большая его часть попала туда, куда следовало. Я танцевал, размахивая бутылкой; по-моему, я издавал какие-то звуки — просто так, радуясь жизни.

Должно быть, все мы слегка ошалели — ошалели от ночи, от костра, от музыки. Мы отплясывали, не думая ни о чем. Мы плясали потому, что все крутом делали то же самое, равно люди и машины, потому, что мы были живы и знали в глубине души, что жизнь не бесконечна.

Луна перемещалась по небу; дым от костра белым столбом уходил в поднебесье. Визгливые скрипки и гнусавые гитары стонали, рыдали и пели.

Внезапно, словно по приказу, музыка смолкла. Увидев, что все остановились, застыл на месте и я — с бутылкой в поднятой руке.

Кто-то дернул меня за локоть.

— Бутылка, приятель. Давай ее сюда.

Это был старик Генри. Я отдал ему бутылку. Он ткнул ею куда-то в сторону, а потом поднес к губам. В бутылке забулькало; кадык на шее старика гулял, отмечая каждый новый глоток.

Поглядев туда, куда показал Генри, я различил в полумраке человека в черной робе до пят. Лицо его смутно белело в тени капюшона.

Старик поперхнулся и оторвался от бутылки.

— Душелюб, — сказал он, указывая на пришельца.

Люди медленно отступали от Душелюба. Музыканты отдыхали, вытирая лица рукавами рубашек.

Постояв немного, провожаемый изумленными взглядами, Душелюб поплыл — не пошел, а именно поплыл — внутрь хоровода. Послышались звуки свирели — это заиграл один из музыкантов. Сначала пение дудочки походило на шелест ветра в луговой траве, но постепенно делалось громче. Вдруг свирель испустила руладу, которая словно повисла в воздухе. Тихонько вступили скрипки, как

будто вдалеке прозвучал гитарный перебор; скрипки зарыдали, свирель точно обезумела, гитары неистово загрели.

Душелюб танцевал. Ног его не было видно из-под длинной робы, но он раскачивался всем телом, и движения его были настолько необычными и неуклюжими, что казалось, мы наблюдаем танец марионетки.

Он был не один. Вокруг него кружились какие-то тени, которые возникли неизвестно откуда. Сквозь призрачное мерцание их нематериальных тел можно было разглядеть пламя костра. Сперва они были просто безликими тенями, но, приглядевшись, я с изумлением заметил, что они начинают обретать форму, не становясь при этом, правда, материальнее. В них по-прежнему ощущалось нечто призрачное, но они были уже не тени, а люди. Я ужаснулся, рассмотрев, как они одеты. На них были традиционные одежды многих народностей галактики. Один из них нарядился в кильт и шапочку разбойника с далекой планеты под любопытным названием Конец Пустоты, другой — в величественную тогу купца с веселой планеты Денежка, а между ними, не обращая ни на что внимания, отплясывала девица в лохмотьях, но с ниткой самоцветов на шее; судя по ее виду, она явилась сюда с планеты развлечений Вегас.

Она не дотрагивалась до меня, и как она подошла, я не слышал, но что-то подсказало мне, что Синтия стоит рядом со мной. Я взглянул в ее глаза и прочел в них испуг и изумление. Губы ее шевелились, но из-за громыханья музыки я не разобрал ни словечка.

— Что вы говорите? — крикнул я, однако ответить она не успела: нечто обрушилось на меня, и я рухнул как подкошенный, ударившись о землю с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Перекатившись на спину, я страшно удивился: по воздуху, гротескно растопырив ноги, летел Бронко, окруженный пламенеющими бревнами и ветками. Клубы дыма на мгновение заслонили луну.

Я попытался вздохнуть — и не смог. Меня охватила паника: а что, если я разучился дышать? Но дыхание вернулось ко мне. Я жадно глотал воздух, и каждый глоток отдавался в легких чудовищной болью, но я никак не мог остановиться.

Брошенным на землю оказался не я один. Кое-кто поднимался, кое-кто свилился подняться, а некоторые, и таких было много, лежали не шевелясь.

С немалым трудом я встал на четвереньки и, увидев, что рядом беспомощно ворочается Синтия, помог ей принять сидячее положение. Бронко отчаянно елозил по земле. Наконец ему удалось перевернуться и встать, но с двумя его ногами, причем на одной и той же стороне, что-то случилось, и он неуверенно покачивался на оставшихся шести.

Элмер вихрем пронесся мимо меня, подскочил к Бронко и поддерживал его. Я поднялся и поставил на ноги Синтию. Элмер с Бронкоковыляли к нам.

— Прочь отсюда! — крикнул робот. — На холм, бегом!

Мы повернулись и побежали. Дорогу нам преградила изгородь, на которой днем мы сидели со стариком Генри. Поврежденному Бронко было через нее не перебраться. Я ухватился обеими руками за столб и попробовал повалить его. Он заходил ходуном, но выдернуть его у меня не получилось.

— Пусти, — бросил Элмер. Ударом ноги он опрокинул столб. Фигурка Синтии мелькала далеко впереди. Я устремился за ней.

На бегу я обернулся: поблизости от амбара полыхал сеновал, в который, должно быть, угодила одна из веток, подброшенных к небу взрывом, повредившим Бронко. У сеновала бестолково суетились люди.

Забыв, что надо смотреть вперед, а не назад, я споткнулся обо что-то в темноте и кубарем покатился на землю.

Кое-как поднявшись, я различил силуэты Элмера и Бронко на гребне освещенного луной холма. Я рванулся следом. Мое лицо и руки после неудачного приземления покрылись болезненными ссадинами; проведя ладонью по щеке, я почувствовал на пальцах липкую влагу.

Продолев гребень холма, я заметил внизу, почти на опушке леса, белое пятно — куртку Синтии. Бронко с Элмером не отставали от двушки. Бронко освоился с поддержкой Элмера и двигался теперь довольно быстро.

Набившиеся за пазуху сухие стебли трав царапали мне кожу. Из селения доносились невнятные вопли.

Я добежал до изгороди, что отделяла поле от леса, и увидел, что Элмер проломил в ней проход. Промчавшись сквозь него, я очутился в лесу, и мне пришлось сбавить прыть, чтобы сослепу не налететь на какое-нибудь дерево.

Кто-то шепотом окликнул меня. Замерев, я огляделся. Все трое моих спутников укрылись под сенью разлапистого дуба. Бронко в целом выглядел неплохо. Элмер спустился с дерева, держа в руке какие-то узелки.

— Я припрятал их тут с наступлением темноты, — сказал он. — Меня не отпускало ощущение, что что-нибудь обязательно случится.

— Тебе известно, что случилось?

— Кто-то бросил на двор гранату, — ответил робот.

— Кладбище, — проговорил я. — Вот на что выменяли виски.

— Расплатились, значит, — сказал Элмер.

— Похоже. А я все гадал, с какой стати они расщедрились.

— А призраки, если они, конечно, призраки? — спросила Синтия.

— Отвлекающий маневр, — предположил Элмер.

Я покачал головой.

— Слишком сложно. Не думаю, чтобы в этом были замешаны все без исключения.

— Ты недооцениваешь наших друзей, — возразил Элмер. — Что ты наговорил Беллу?

— Да ничего такого. Я лишь отказался работать на них.

Элмер фыркнул.

— Все ясно. *Lese — maqeste**.

— Что же нам теперь делать? — спросила Синтия.

— Ты без меня пока обойдешься? — поинтересовался Элмер у Бронко.

— Если не спешить, да.

— Флетч будет сопровождать тебя. Поддержки от него не жди, но если ты свалишься, он поможет тебе встать. А мне надо раздобыть инструменты.

— Тебе что, своих мало? — сказал я. Ведь у него в специальном отделении в груди хранились запасные руки и многое-многое другое.

— Мне понадобится молоток и кое-что еще. Ноги Бронко просто так не починешь. Я знаю, где у них в деревне сарай с инструментом. Он, правда, заперт, но это срунда.

— Мне казалось, мы торопимся унести ноги, а ты хочешь вернуться...

— Им будет не до меня — того и гляди, загорится амбар. Никто меня и не заметит.

— Возвращайся скорей, — попросила Синтия.

Он кивнул.

— Постараюсь. Вы никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до долины, а там поверните направо и двигайтесь вниз по течению реки. Бери мешок, Флетч, а Синтия возьмет то, что поменьше. Остальное я захвачу на обратном пути. Бронко сейчас не в состоянии ничего тащить.

— Один момент, — сказал я.

— Ну?

— Почему мы должны поворачивать направо и идти вниз по течению?

— Потому что пока ты трепался со своим лохматым приятелем, а Синтия чистила картошку для праздника, я пробежался по окрестностям. Жизнь научила меня не пренебрегать осмотром местности.

* Оскорбление монарха (франц.).

— Но куда мы направляемся? — справилась Синтия.

— Подальше от Кладбища, — ответил Элмер. — Как можно дальше.

10 Бронко еле держался на ногах. Склон холма был крутым и неровным, и Бронко трижды падал, прежде чем мы спустились в долину. Всякий раз я ухитрялся его поднять, но при этом едва не падал сам.

Позади нас какое-то время в небе мерцали багряные отблески. Должно быть, занялся амбар, ибо сеновал гореть так долго попросту не мог. Однако когда мы достигли долины, зарево погасло. То ли амбар выгорел полностью, то ли пламя удалось потушить.

Идти по долине было значительно легче. Земля была удивительно ровной, хотя иногда попадались неглубокие рытвины. Лес поредел, и луна худо-бедно освещала нам путь. Слева по ходу нашего движения журчала река. Близко мы к ней не подходили, но то и дело слышали плеск воды у каменистых перекатов.

Нас окружала серебристая дымка; порой издалека доносилось конское ржание или иные звуки. Раз над нами, неслышно взмахивая крыльями, пролетела большая птица. Покружившись, она скрылась с глаз.

— Если бы ноги у меня были сломаны с разных сторон, — проговорил Бронко, — я бы ничего не заметил. А так — остается две с одной стороны, четыре — с другой; вот и приходится ковылять.

— Все хорошо, — утешила его Синтия. — Не болит?

— Нет, — ответил Бронко. — Я не способен испытывать боль.

— По-вашему, в случившемся виновато Кладбище, — повернулась ко мне Синтия. — Элмер согласен с вами и я, пожалуй, тоже. Но ведь мы не представляем для них угрозы...

— Любой человек, если он не гнет перед Кладбищем спину, воспринимается ими как угроза, — сказал я. — Они обосновались на Земле давным-давно и потому не терпят ни малейшего вмешательства в свои дела.

— Но мы же ни во что не вмешиваемся!

— Можем. Исполнив то, за чем мы сюда прилетели, и вернувшись на Олден, мы можем все им испортить. Мы расскажем о Земле без Кладбища. А вдруг наша работа получит признание у зрителей? Люди перестанут считать Землю всего лишь галактическим могильщиком.

— Но им от этого не станет хуже, — недоумевала Синтия. — Ничего же не изменится. Никто не покушается на их способ зарабатывать деньги.

— Вы забываете о самолюбии, — заметил я.

— Причем здесь оно? И потом, чье самолюбие окажется ущемленным? Макссуэлла Питера Белла и других князьков вроде него. Но не самолюбие Кладбища. Кладбище — это гигантская корпорация, которую интересуют доходы, объем ежегодного прироста прибыли, себестоимость услуг и тому подобное. В ее grossбухах нет места самолюбию. Дело не в нем, Флетч. Должна быть иная причина.

Может, она и права, сказал я себе. Может, дело действительно не только в самолюбии. Но в чем тогда?

— Они привыкли править, — буркнул я. — Они могут купить все, что им взбредет в голову. Они наняли кого-то швырнуть гранату в Бронко. Их не остановило даже то, что при взрыве могут пострадать другие. Им наплевать, понимаете? Им наплевать, потому что они привыкли добиваться того, чего им хочется. И, кстати сказать, задешево. Они тут хозяева, поэтому с ними никто не осмеливается торговаться. Мы знаем, чем они расплатились за гранату, — ящиком виски. Смехотворно низкая плата! Мне думается, чтобы поддержать свою репутацию, им приходится сурово наказывать тех, кто ускользает из их объятий.

— Вы все время говорите "они", — перебила Синтия. — Но вы же знаете, что нет ни "их", ни "Кладбища". А есть один-единственный человек.

— Верно, — согласился я, — и вот почему я упомянул о самолюбии. Уязвлено не самолюбие Кладбища, а собственное достоинство Макссуэлла Питера Белла.

Долина раскинулась перед нами во всей красе — огромный луг, который оживляли редкие группки деревьев, окруженный лесистыми холмами. Река бежала где-то слева от нас, но журчания воды не было слышно уже давненько. Земля была ровной, и Бронко двигался без особого напряжения, хотя при взгляде на него у меня сердце обливалось кровью. Но в общем он держался молодцом.

Об Элмере не было ни слуху, ни духу. Поднеся руку к глазам, я посмотрел на часы. Почти два часа. Я не имел ни малейшего понятия о том, сколько было времени, когда мы обратились в бегство, но почему-то в глубине души был уверен, что взрыв произошел около десяти вечера; а это означало, что мы находимся в пути уже четыре часа. Может, с ним что случилось? Разумеется, он должен был подобрать мешки, что остались на том месте, где мы расстались, однако вряд ли они задержат его надолго.

Если он не нагонит нас к утру, надо будет выбрать местечко поукромнее и дожидаться его. Я не сомкнул глаз с тех самых пор, как распрощался с капитаном Андерсоном, а что касается Синтии, она буквально валилась с ног от усталости. Спрячемся понадежнее

и немножко вздремнем, а Бронко, который не нуждается в сне, поручим нести дозор.

— Флетчер, — проговорила Синтия, остановившись столь внезапно, что я налетел на нее. Бронко застыл как вкопанный.

— Дым, — сказала она. — Я чувствую запах дыма.

Я принюхался.

— Почудилось, — буркнул я. — Кому тут быть?

В долине ничто не напоминало о людях. Лунный свет на траве, деревья и холмы, свежий ночной воздух, черные тени птиц — и ни намека на людей.

И вдруг я уловил запах дыма. Он пощекотал мне ноздри и почти мгновенно улетучился.

— Вы правы, — сказал я. — Где-то неподалеку жгут костер.

— Раз костер, значит, люди, — заметил Бронко.

— Людьями я сыта по горло, — бросила Синтия. — Не хочу никого видеть в ближайшие пару дней.

— Я тоже, — поддержал ее Бронко.

Горьковатый запах дыма словно растворился в ночи.

— Может, и не костер, — сказал я. — Может, несколько дней назад в дерево ударила молния, и оно все тлеет и тлеет. Или костер, но давнишний: все ушли, а его залить не потрудились.

— Пойдемте отсюда, — проговорила Синтия. — Мы стоим тут у всех на виду.

— Слева от нас рощица, — подал голос Бронко. — До нее мы доберемся без труда.

Мы повернули влево и крадучись направились к рощице. Утром, подумалось мне, мы посмеемся над своими страхами. Вполне возможно, что напугавший нас дым принес издалека ночной ветерок. Вполне возможно, в конце концов, что мы совершенно напрасно опасаемся тех, кто развел в ночи костер.

На опушке рощицы мы остановились и прислушались. Впереди журчала вода. Вот и славно, подумал я, будет чем утолить жажду. Рощица, похоже, поднялась на берегу реки, что бежит через долину.

Мы двинулись дальше. Переход от яркого лунного света к глубоким теням под деревьями был настолько резким, что я на какое-то время полуослеп. Неожиданно одна из теней метнулась мне навстречу и ударом дубинки повергла меня на землю.

11 Я упал в озеро и сразу, в третий и последний раз, пошел ко дну. Вода заливала мне уши и нос, и я не в силах был сделать вдох. Я дернулся и судорожно глотнул, и струйки воды с мокрых волос потекли по моему лицу.

Тут я обнаружил, что нахожусь вовсе не в озере, что подо мной — твердая земля; при свете горевшего неподалеку костра я разглядел темную мужскую фигуру, которая держала в руках деревянное ведро. Я понял, что из этого ведра мне только что плеснули в лицо водой.

Мужчина стоял спиной к огню, поэтому его черты я толком не разглядел; лишь сверкнули белизной зубы, когда он сердито крикнул что-то, чего я не разобрал.

По правую руку от меня слышались вопли и проклятия. Повернув голову, я увидел лежащего на спине Бронко, вокруг которого, норовя подобраться поближе, толпились люди. Им приходилось туго: Бронко отбивался от них шестью неповрежденными ногами.

Я поискал взглядом Синтию. Она сидела у костра в довольно неестественной позе, зачем-то подняв над головой руку. И тут я заметил рядом с ней верзилу, который сжимал кисть девушки в своих лапищах. Когда Синтия попыталась встать, он заломил ей руку, и она вынуждена была опуститься обратно.

Я приподнялся, и человек с ведром кинулся ко мне с таким видом, словно намеревался раскроить мне череп. Увидев летящее мне в голову ведро, я перекатился на бок и резко выбросил руку. Ведро просвистело в сантиметре от моего виска, а его владелец споткнулся о мою руку и повалился на меня. Я принял его на плечо; он перекувырнулся через меня и с размаху грохнулся оземь. Я не стал дожидаться, пока он поднимется, если поднимется вообще. Прыжком я преодолел расстояние, которое отделяло меня от верзилы, что держал за руку Синтию.

Он разгадал мой замысел и потянулся было за ножом, но действовал слишком медленно, и я успел нанести ему сокрушительный удар в челюсть. Клянусь, его подбросило в воздух на добрый фут! Я помог Синтии подняться, хотя, похоже, помощи ей не требовалось.

За моей спиной раздался вопль. Обернувшись, я увидел, что те, кто сражался с Бронко, решили поживиться более легкой добычей.

С того момента, когда ведро воды привело меня в чувство после удара по голове, и до сих пор мне было некогда оценить ситуацию, в которой мы оказались. Но теперь, используя короткую передышку, я присмотрелся к нападавшим. Иначе как сбродом назвать их было нельзя: грязные, нечесанные, в лохмотьях из оленьих шкур и меховых шапках. У некоторых из них были ружья, у большинства, без сомнения, — ножи. Короче говоря, шансов уцелеть у меня было ничтожно мало.

— Уходите, — проговорил я, обращаясь к Синтии. — Постарайтесь где-нибудь спрятаться.

Она не ответила. Я оглянулся, чтобы узнать, почему она молчит,

и увидел, что она шарит руками по земле. Когда она выпрямилась, в руках у нее были дубинки — длинные палки, которые она, должно быть, отломала от приготовленных для костра дров. Кинув одну дубинку мне, она сжала другую в кулаке и встала плечом к плечу со мной.

Вооружившись дубинками, мы ожидали нападения. Сторонний наблюдатель, вероятно, восхитился бы нашим мужеством, но я знал, что долго нам не выстоять.

Заметив дубинки, оборванцы остановились. Впрочем, даже так им ничего не стоило справиться с нами. Одному-двоим, быть может, и достанется, но они попросту задавят нас числом.

Здоровенный детина, стоявший чуть впереди остальных, сказал:

— Что стряслось? Зачем вам дубинки?

— Чтобы вы на нас не набросились, — ответил я.

— Нечего было подсматривать за нами.

— Мы почувствовали запах дыма, — проговорила Синтия, — и ни за кем подсматривать не собирались.

Среди деревьев слева послышалось фырканье. Очевидно, там послышались какие-то животные.

— Вы подсматривали, — гнул свое детина. — Вы и ваша зверюга.

Пока он занимал нас беседой, его дружки потихоньку начали обходить нас с флангов.

— Давайте не будем горячиться, — сказал я. — Мы путники. Мы не подозревали о вашем присутствии...

Они рванулись было к нам, и тут из леса донесся заунывный вопль — дикий и воинственный боевой клич, от которого встали дыбом волосы и застыла в жилах кровь. Из-за деревьев показалась массивная металлическая фигура; завидев ее, оборванцы пустились наутек.

— Элмер! — воскликнула Синтия.

Робот не обратил на нас внимания. Один из беглецов споткнулся и упал; Элмер подхватил его, раскрутил и швырнул в темноту. Раздался выстрел; пуля глухо звякнула, стукнувшись о металлическое тело Элмера. Больше выстрелов не было. Элмер загнал оборванцев в лес. Судя по плеску воды, они перебрались на другой берег реки. Вскоре их испуганные крики затихли в отдалении.

Синтия подбежала к трепыхающемуся Бронко. Я поспешил ей на подмогу. Вдвоем мы поставили Бронко на ноги.

— Вот вам и Элмер, — сказал он. — Задай им жару, дружище! Они удрали не все. В лесу привязаны те, в ком нет зла.

— Лошади, — догадалась Синтия. — Их должно быть много. Наверно, мы повстречались с торговцами.

— Вы можете рассказать мне в точности, как все произошло?

— спросил я. — Мы вошли в лес, в котором было темным-темно. А потом этот тип плеснул мне водой в лицо.

— Они оглушили вас, — ответила Синтия, — схватили меня и поволокли нас к костру. Они тащили вас за ноги, и вид у вас был препотешный.

— Ну разумеется, вы помирали со смеху.

— Нет, — возразила она, — я не смеялась, но выглядели вы шикарно.

— А ты что скажешь, Бронко?

— Я поскакал к вам на выручку, — проговорил Бронко, — но оступился и упал. Но я показал им, с кем они имеют дело, верно, Флетч? Пока они вокруг меня крутились, мне удалось кое-кому как следует врезать.

— Они появились неожиданно, — сказала Синтия. — Похоже, они заметили нас издалека и устроили засаду. Костер мы увидеть не могли, потому что они развели его в глубокой ложине...

— Они наверняка выставили часовых, — буркнул я. — В общем, нам повезло, что все закончилось так, а не как-нибудь иначе.

Мы вернулись к костру. Он почти погас, но мы не стали разжигать его заново. Нам почему-то казалось, что в темноте безопаснее. У костра в беспорядке валялись всякие ящики и тюки; чуть поодаль возвышалась куча хвороста. По всей стоянке были разбросаны тарелки, чашки, ложки, оружие и одеяла.

Нечто с громким плеском пересекло реку и двинулось напролом через кусты. Я нагнулся было за ружьем, но Бронко сказал:

— Это Элмер. — Я выпрямился. Сам не знаю, отчего я потянулся за ружьем: ведь я совершенно не представляю, как с ним обращаться.

Элмер вывалился из кустов на лужайку.

— Удрали, — сообщил он. — Я хотел поймать одного и послушать, что у него найдется нам сказать, но они улепетывали так, что только пятки сверкали.

— Испугались, — фыркнул Бронко.

— Как наши дела? — спросил Элмер. — Вы в порядке, мисс?

— Мы все в порядке, — ответила Синтия. — Флетчера, правда, огрели дубинкой, но, по-моему, он уже оправился.

— Будет шишка, — проговорил я, — и голова, если честно, слегка побаливает. Но это пустяки.

— Флетч, — укорил Элмер, — почему ты не разводишь костер? Вам с мисс Синтией не мешало бы перекусить и вздремнуть часок-другой. А я пойду за вещами, которые бросил в лесу.

— А не лучше ли нам убраться отсюда и поскорее? — поинтересовался я.

— Они не вернутся, — успокоил меня Элмер. — Точнее, вер-

нутя, но не при дневном свете. Солнце-то вот-вот встанет. Они вернутся завтрашней ночью, однако мы к тому времени будем далеко.

— В лесу привязаны их животные, — сказал Бронко. — Судя по всем этим тюкам, животные должны быть выюнными. Они могут нам пригодиться.

— Заберем их с собой, — решил Элмер, — пусть наши друзья потопают ножками. И, кроме того, мне не терпится заглянуть хотя бы в один из мешков. Быть может, их содержимое объяснит него-степриимность хозяев.

— А может, и нет, — возразил Бронко. — Вдруг они набиты под завязку всякой дрянью?

12 Однако он ошибался.

У встреченных нами головорезов были все основания опасаться за свою поклажу.

В первом мешке, который мы развязали, находились металлические пластины, вырубленные, по всей видимости, долотом из цельного листа.

Элмер подобрал две пластины и с силой стукнул друг о друга, так что они загудели.

— Сталь, покрытая бронзой, — определил он. — Интересно, где они ее раздобыли?

Похоже, он догадался об этом, еще не закончив фразы. Взглянув на меня, он понял, что мне в голову пришла та же мысль, и констатировал:

— То, из чего изготавливают гробы. Правильно, Флетч?

Мы сгрудились вокруг мешка. Бронко переминался с ноги на ногу за нашими спинами. Элмер уронил пластины, которые держал в руках.

— Сейчас принесу инструменты, — сказал он, — и мы займемся тобой, Бронко. У нас в запасе меньше времени, чем я предполагал.

Мы взялись за дело, пользуясь инструментами, которые Элмер позаимствовал в деревне. С одной ногой мы управлялись быстро: выпрямили ее, простучали, так что она стала как новенькая, и поставили на место. А вот со второй пришлось повозиться.

— Как долго, по-твоему, это продолжается? — спросил я Элмера. — Неужели Кладбище не подозревает о том, что его грабят?

— Даже если и знают, что они могут поделаться? — откликнулся робот. — И вообще, какая им разница? Подумаешь, пару-тройку могил раскопали.

— Но их обязательно заметят! Ведь за кладбищем ухаживают и...

— Заметят, если они на виду, — перебил Элмер. — Я готов побиться об заклад, что на кладбище есть уголки, за которыми никто не следит, и посетителей туда не пускают.

— Но если мне нужна конкретная могила?

— Они узнают о подобных вещах заранее. Они заблаговременно знакомятся со списком пассажиров очередного звездолета для паломников и, если требуется, быстренько приводят в порядок тот или иной сектор кладбища. Или и того не делают, а просто меняют таблички на могилах, и вся недолга.

Синтия бросила готовку и подошла к нам.

— Можно взять? — справилась она, берясь за лом.

— Конечно, — ответил Элмер, — нам он ни к чему. Старина Бронко в полном порядке. А зачем он вам понадобился?

— Хочу открыть какой-нибудь ящик.

— Стоит ли? Там наверняка такие же пластины.

— Все равно, — сказала Синтия. — Хочется мне.

Понемногу светлело. Солнце позолотило небо на востоке и скоро должно было взойти. Среди деревьев порхали птицы, которые запели, едва начала отступать ночная тьма. Большая синяя птица с хохолком на голове, кружилась над нами, возбужденно крича.

— Голубая сойка, — проговорил Элмер. — Шумливая птаха. Ее помню и кое-кого еще, вот только названия подзабылись. Вон малиновка, а вон дрозд — если мне не изменяет память, краснокрылый. Нахал, каких мало.

— Флетчер, — позвала Синтия сдавленным голосом.

Я сидел на корточках, наблюдая, как Элмер вправляет Бронко сустав.

— Да, — сказал я, не оборачиваясь, — чего?

— Можно вас на минуточку?

Я встал. Она ухитрилась оторвать край одной из досок крышки ящика. На меня она не глядела. Ее взгляд был устремлен внутрь ящика. Она стояла неподвижно, словно загипнотизированная тем, что увидела.

Ее вид заставил меня насторожиться. Сделав три быстрых шага, я очутился рядом с ней.

Первое, что я заметил, был изысканно украшенный сосуд — маленький, изящной формы, изготовленный, похоже, из яшмы. Нет, вряд ли это яшма: на сосуде цвета незрелого яблока черной, золотистой и темно-зеленой красками были изображены грациозные фигуры, а ни одно здравомыслящее существо яшму расписывать не будет. Рядом с сосудом лежала, если я ничего не перепутал, фар-

форовая чашка ало-голубой раскраски, а дальше — причудливая скульптура, грубо вырезанная из камня кремового цвета. Из-под скульптуры виднелся кувшин с вычурным узором на боку.

Неслышно подошедший Элмер забрал у Синтии лом и двумя сильными ударами сбил с ящика крышку. Нашим глазам предстало поразительное зрелище: ящик оказался доверху набитым кувшинами, сосудами, статуэтками, фарфоровой посудой, искусной работы металлическими вещицами, поясами и браслетами с драгоценными камнями, самоцветными ожерельями и брошами, предметами культа (ничем иным они быть просто не могли), шкатулками из дерева и из металла и многим-многим другим.

Я взял в руки отшлифованный камень со множеством граней, на каждой из которых были выгравированы таинственные, наполовину стершиеся символы. Я повертел его в ладонях, недоумевая, почему он такой тяжелый, будто внутри у него не тот же камень, а металл. И тут меня словно осенило: мне ведь доводилось уже видеть нечто подобное — на каминной полке в кабинете Торни. Однажды он продемонстрировал мне, для чего этот булыжник предназначался. Его бросали, как игральную кость, чтобы узнать, как поступить в том или ином случае. Божественный камень, очень древний и чрезвычайно ценный, один из немногих артефактов, которые с уверенностью можно было отнести к творениям загадочной расы с далеской планеты — планеты, обитатели которой исчезли в никуда задолго до того, как люди натолкнулись на их мир.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Элмер.

— Да вроде бы, — отозвался я. — Старинная штучка. У Торни есть похожая. Он называл мне планету, на которой их делали, но я, признаться, подзабыл.

— Послушайте, почему бы вам не продолжить разговор за едой? — вмешалась Синтия. — Все того и гляди остынет.

Я понял вдруг, что зверски голоден. Со вчерашнего дня у меня во рту не было и маковой росинки.

Синтия разлила по тарелкам густой наваристый суп из тушенки с овощами. Торопясь попробовать, я первой же ложкой обжег себе небо.

Элмер примостился рядышком, подобрал палку и принялся ворошить угли.

— Мне кажется, — сказал он, — обнаруженные нами предметы имеют отношение к тому, о чем, по твоим словам, частенько заговаривал профессор Торндайк. Сокровища, которые похитили с мест археологических раскопок и припрятали с тем, чтобы позже за бешенные деньги продать коллекционеру.

— Думается, ты прав, — ответил я, — и теперь нам известно, где хранится хотя бы часть их.

— На Кладбище, — сказала Синтия.

— Совершенно верно, — согласился я. — В гробу можно спрятать все, что угодно. Кому придет в голову раскапывать могилу? Да никому, за исключением шайки пришлых добытчиков металла, которые, очевидно, решили, что куда выгоднее извлечь из земли парочку гробов, чем без толку рыскать по округе.

— Они разрывали могилы ради металла, — вступила в разговор Синтия, — а как-то раз нашли гроб, в котором вместо скелета лежала грудa сокровищ. Быть может, такие могилы особым образом помечены. Быть может, на памятник или на указатель ставится какой-нибудь значок, который, если не знать, куда смотреть, ни за что не заметишь.

— Вряд ли они ориентируются по значкам, — возразил Элмер. — Прикиньте, сколько уйдет времени на поиски по крайней мере одного из них.

— Я думаю, времени у них было достаточно, — парировала Синтия. — Скорее всего, промышлять воровством они начали не вчера, а несколько столетий назад.

— Однако наличие меток ничем не доказано, — сказал я.

— Как это ничем? — воскликнула Синтия. — Откуда же им тогда известно, где копать?

— Вполне возможно, что у них на Кладбище есть свой человек, который наводит их на могилы.

— Вы оба вот о чем забываете, — вмешался Элмер, — что, если наших ночных знакомцев все эти безделушки в ящиках интересуют постольку-поскольку?

— Но они прихватили их с собой, — проговорила Синтия.

— Да, прихватили. Сообразили, должно быть, что за них можно выручить кое-какие деньги. Но нужен им был, я уверен, в первую очередь металл. Сегодня с металлом на Земле туговато. Когда-то его собирали в городах, но на открытом воздухе он быстро ржавел, и потому пришлось искать его под землей. А на Кладбище он не такой старый и гораздо лучшего качества. Артефакты, которые попались грабителям в одной-двух могилах, имеют ценность для нас, поскольку профессор Торндайк просветил нас на их счет, однако мне сомнительно, чтобы кладбищенские воришки разбирались в предметах искусства. Им нужен металл, а все остальное — так, игрушки детям, побрякушки женщинам.

— Как бы то ни было, — сказал я, — теперь понятно, почему Кладбище норовит присмотреть за всеми, кто прилетает на Землю. Им вовсе ни к чему, чтобы кто-нибудь узнал про артефакты.

— В этом нет ничего противозаконного, — заметила Синтия.

— Увы, да. Археологи много лет пытаются пробить закон, который запретил бы торговлю артефактами, но пока безуспешно.

— Грязное это дело, — буркнул Элмер, — неблагоприятное. Если правда выплывет наружу, она здорово подпортит Кладбищу фасад.

— И все же они позволили нам уйти, — проговорила Синтия.

— Они просто оказались не готовы, — объяснил я. — Им нечем было остановить нас.

— Потом они попробовали отыграться, — прибавил Элмер. — На Бронко.

— Они полагали, что, уничтожив Бронко, сумеют нас запугать, — подумала Синтия вслух.

— Скорее всего, — согласился я. — Хотя, быть может, они к взрыву и не причастны.

— Ну да, — фыркнул Элмер.

— Вот что меня настораживает, — сказал я. — Не прилагая к тому усилий, мы умудрились нажить себе кучу врагов. Во-первых, Кладбище, во-вторых, шайка грабителей, а в-третьих, мне кажется, жители деревни. Едва ли они вспоминают нас добрым словом. Из-за нас у них сгорели сеновал и амбар; наверняка кто-то из них пострадал при взрыве. Поэтому...

— Сами виноваты, — перебил Элмер.

— Иди и скажи им это.

— Не пойду.

— Думаю, нам пора трогаться в путь, — закончил я.

— Вам с мисс Синтией надо поспать.

Я посмотрел на девушку.

— Пару часов мы как-нибудь выдержим, верно?

Она уныло кивнула.

— Возьмем лошадей, — предложил Элмер. — Погрузим на них мешки...

— Зачем? — спросил я. — Оставь все здесь. К чему нам лишняя поклажа?

— И как я сам не додумался? — воскликнул Элмер. — Когда они вернутся, кому-то из них придется остаться тут, чтобы караулить добро, а значит, нам будет легче.

— Они погонятся за нами, — проговорила Синтия. — Без лошадей они как без рук.

— Разумеется, — ответил Элмер, — но когда они, в конце концов, обнаружат лошадей, нас уже и след простынет.

— Ты забываешь людей, — неожиданно подал голос Бронко. — Они не способны обходиться без сна и не могут шагать сутки напролет.

— Что-нибудь придумаем, — отмахнулся Элмер. — Давайте собираться.

— А как быть с Душелюбом и его призраками? — спросила Синтия безо всякого, как мне показалось, повода.

— Пусть они вас не волнуют, — сказал я.

Она спрашивала о них не в первый раз. Все-таки женщина есть женщина: человек в затруднительном положении, а она пристает к нему с дурацкими вопросами!

13 Я проснулся посреди ночи и растерялся было, но тут же вспомнил, где мы и что с нами произошло. Сев и оглядевшись, я различил в темноте крепко спящую Синтию. Скоро уже должны вернуться Бронко с Элмером, и тогда мы продолжим наш путь. Все-таки, сказал я себе, мы поступили по-глупому; нам не следовало разлучаться. Да, конечно, я был в полусонном состоянии, и первая в жизни прогулка верхом порядком меня утомила, а Синтия вообще выдохлась окончательно, однако мы могли бы пересадить ее на Бронко и привязать к седлу, чтобы она не свалилась во сне. Но Элмер настоял на том, чтобы мы оставались здесь, пока они с Бронко отгонят лошадей в маячившие на горизонте горы.

— Не беспокойся, — убеждал он. — Пещера эта удобная и хорошо замаскирована, а к тому времени, как вы проснетесь, мы вернемся.

Зачем мы его послушались, корил я себя. Зачем? Нам надо было держаться вместе; что бы ни случилось, нам надо было держаться вместе.

У входа в пещеру промелькнула тень. Послышался тихий голос:

— Друг, будь добр, не шуми. Тебе нечего опасаться.

Я вскочил, чувствуя, как волосы на моей голове встают дыбом.

— Кто там, черт побери?

— Тише, тише, — попросил меня голос. — Поблизости ходят те, кому слышать нас вовсе не обязательно.

Синтия взвизгнула.

— Замолчите! — прикрикнул я на нее.

— Не волнуйтесь, — произнес некто. — Вы не узнали меня, но мы виделись на празднике.

Синтия, подавив крик, судорожно сглотнула.

— Это Душелюб, — выдавила она. — Что ему нужно?

— Я пришел к вам, красавица, — ответил Душелюб, — чтобы предупредить вас о большой опасности.

— Выкладывай, — сказал я негромко, поддавшись на его уговоры не повышать голоса.

— Волки, — объяснил он. — По вашему следу пустили механических волков.

— И что же нам делать?

— Сидеть тихо, — ответил Душелюб, — и надеяться, что они пробегут мимо.

— А где твои приятели? — поинтересовался я.

— Где-то тут. Они частенько сопровождают меня, но прячутся, впервые встречаясь с людьми. Они слегка робеют, но если вы им понравитесь, они объявятся.

— Прошлой ночью они ничуть не робели, — заметила Синтия.

— Они были среди старых друзей, с которыми знакомы не один год.

— Ты говорил про волков, — перебил я. — Если я не ослышался, про механических волков.

— Подобравшись ко входу, вы, наверно, сможете их разглядеть. Только, пожалуйста, старайтесь не шуметь.

Я протянул Синтии руку, и она крепко вцепилась в нее.

— Механические волки, — проговорила она.

— Должно быть, роботы, — сказал я. Не знаю почему, но я оставался абсолютно спокойным. За последние два дня нам столько привелось увидеть, что механические волки отнюдь не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Подумаешь, эка невидаль!

Снаружи пещеры ярко светила луна. Деревья были видны, как на ладони. Крохотные лужайки, валуны — дикий, неприветливый, суровый край. Я невольно вздрогнул.

Мы притаились у самого входа в пещеру. Взгляд различал лишь деревья, лужайки, валуны и темные очертания холмов вдалеке.

— Я не... — начала было Синтия, но Душелюб цыкнул на нее, и она замолчала.

Мы лежали бок о бок, с каждой секундой все острее ощущая нелепость своего положения. Ничто не нарушало ночного покоя; в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Внезапно в тени дерева что-то шевельнулось. Мгновение спустя на открытом месте показалась отвратительная тварь. Она поблескивала в лунном свете и производила впечатление чудовищной силы и злобы. Расстояние и неверный свет луны скрадывали ее размеры, однако ростом она была явно не ниже теленка. Движения ее были быстрыми, ловкими и, я бы даже сказал, немного нервными; но мощь, заключенную в ее металлическом теле, можно было угадать за несколько сотен миль. Тварь кружила по поляне, будто к чему-то принюхиваясь, а потом вдруг замерла и уставилась прямо на нас. Застыв в напряженной позе, она рвалась к нам — словно кто-то удерживал ее на поводке.

Так же неожиданно она отвернулась и возвратилась к прежнему занятию, и тут я заметил, что их уже трое. Обследовав поляну, они устремились в лес.

Один из волков на бегу оскалил пасть — вернее, то, что называется пастью у живых существ, продемонстрировав двоянный ряд металлических клыков. Зубы его клацнули, и нас бросило в дрожь.

Синтия прижалась ко мне. Высвободив руку, я обнял девушку; в тот момент я думал о ней не как о женщине, но как о человеке, в плоть которого могут вонзиться металлические клыки. Прильнув друг к другу, мы наблюдали, как волки рыщут среди деревьев, настороженно поводя носами и — не знаю, может, мне помешало? — пуская слюну. Постепенно я проникался уверенностью, что им известно наше местонахождение.

И вдруг они исчезли, пропали без следа, так, что мы даже не успели ничего разглядеть. Их исчезновение ошеломило нас; мы лежали у входа в пещеру, боясь открыть рот, боясь пошвелиться. Сколько продолжалось наше оцепенение, я не знаю.

Кто-то постучал по моему плечу.

— Они ушли, — сказал Душлюб. Признаться, я совершенно позабыл о его присутствии.

— Они растерялись, — сказал он. — Их сбил с толку лошадиный запах. Что ж, пускай побегают.

Синтия поперхнулась, будучи, видно, не в силах произнести ни слова. Я сочувствовал ей: мое горло пересохло до такой степени, что непонятно было, обрету ли я когда-нибудь дар речи.

— Я думала, они искали нас, — запинаясь, выговорила Синтия. — По-моему, они догадывались, что мы где-то рядом.

— Все может быть, — ответил Душлюб, — однако непосредственная опасность миновала. Почему бы нам не вернуться в пещеру?

Я поднялся на ноги и помог встать Синтии. Мышцы мои после долгого пребывания в неподвижности затекли, и я потянулся всем телом. В пещере было темно, хоть глаз выколи, но, ощупывая рукой стену, я с грехом пополам добрался до сложенных в кучу мешков и сел, прислонившись к ним. Синтия последовала моему примеру.

Душлюб расположился перед нами. Его черная роба сливалась со мраком пещеры, и потому мы видели только белое пятно его лица — размытое пятно, лишенное каких бы то ни было черт.

— Наверно, — сказал я, — нам нужно поблагодарить тебя.

Он передернул плечами.

— Друзья нынче встречаются редко, — сказал он. — Поэтому их надо всячески оберегать.

В пещере засеребрились тени. То ли они появились всего лишь

мгновение назад, то ли я попросту не замечал их раньше, но теперь они окружали нас со всех сторон.

— Ты созвал своих? — спросила Синтия, и по напряженности ее голоса я понял, каких усилий стоило девушке совладать с испугом.

— Они были здесь все время, — объяснил Душелюб. — Они возникают медленно, чтобы никого не перепугать.

— Тут не захочешь, а испугаешься, — возразила Синтия. — Я ужасно боюсь призраков. Или ты называешь их по-другому?

— Лучше будет, — ответил Душелюб, — называть их тенями.

— Почему? — справился я.

— Семантика причины, — заявил Душелюб, — требует для объяснения вечерних сумерек. Честно говоря, я сам в некотором затруднении. Но они предпочитают именоваться так.

— А ты? — спросил я. — Что ты такое?

— Не понимаю, — ответил Душелюб.

— Ну как же? Мы люди. Твои спутники — тени. Существа, за которыми мы следили, были роботами — механическими волками. А к кому отнести тебя?

— Ах, вот ты про что, — догадался Душелюб. — Ну, это несложно. Я переписчик душ.

— Что касается волков, — вмешалась Синтия. — Они, должно быть, кладбищенские?

— Да, — подтвердил Душелюб. — Теперь их почти не используют, не то что прежде. В былые дни у них было много работы.

— Какой же? — удивился я.

— Чудовища, — ответил Душелюб, и я заметил, что ему не хочется развивать эту тему.

Беспрерывное колыхание теней прекратилось. Друг за дружкой они опускались на пол пещеры, постепенно приобретая все более четкие очертания.

— Вы им нравитесь, — сказал Душелюб. — Они знают, что вы на их стороне.

— Мы ни на чьей стороне, — запротестовал я. — Наоборот, мы бежим сломя голову, чтобы нас не сцапали. Едва мы очутились на Земле, как нас тут же попытались взять в оборот.

Одна из теней подседа к Душелюбу. Мне показалось, она утратила часть своей облакоподобной субстанции и не то, чтобы затвердела, но стала плотнее. Она осталась прозрачной, но размытость формы исчезла; силуэт приобрел завершенность. Тень напоминала сейчас рисунок мелком на грифельной доске.

— Если вы не возражаете, — заявил рисунок, — я хотел бы представиться. Мое имя в далеком прошлом на планете Прерия наводило ужас на ее обитателей. Странное название для планеты,

не правда ли? Однако объясняется оно очень просто: это была огромная планета, пожалуй, даже больше Земли, территория суши на которой намного превосходила площадь океанов. На суше не было ни гор, ни возвышенностей, и на все четыре стороны простиралась прерия. Там не было зимы, потому что тепло звезды, вокруг которой обращалась планета, ветры распределяли равномерно по всей поверхности. Так что мы, обитатели Прерии, наслаждались вечным летом. Разумеется, мы были людьми. Наши предки покинули Землю с трогательной волной эмиграции. В поисках наилучшего места жительства они перелетали от планеты к планете, пока не очутились на Прерии. Вероятно, наш образ жизни покажется вам необычным. Мы не строили городов. Причину тому я, быть может, открою вам позднее, ибо рассказывать придется долго. Мы стали бродячими пастухами, и, на мой взгляд, это занятие куда достойнее любого другого. На Прерии, кроме нас, обитали аборигены — гнусные, злобные проныры. Они отказывались от всякого сотрудничества с нами и то и дело вставляли нам палки в колеса. Помнится, я начал с того, что просил позволения представиться, но забыл назвать свое имя. Это доброе земное имечко, ибо мое семейство и весь мой клан бережно хранили наследие Земли, и...

— Его зовут, — перебил Душелюб, — Рамсей О'Гилликадди. Откровенно говоря, имя в самом деле неплохое. Я вмешался потому, что он наверняка не скоро бы добрался до сути.

— А теперь, — сообщила тень Рамсея О'Гилликадди, — поскольку меня любезно представили, я поведаю вам историю своей жизни.

— Не стоит, — возразил Душелюб. — У нас нет времени. Нам многое нужно обсудить.

— Тогда историю моей смерти.

— Хорошо, — уступил Душелюб, — но только покороче.

— Они поймали меня, — начала тень Рамсея О'Гилликадди, — и посадили под замок. Грязные, мерзкие аборигенишки! Я не буду описывать обстоятельства, которые привели к столь плачевному для меня исходу, ибо иначе мне придется излагать все в подробностях, на что, по словам Душелюба, времени нет. Так вот, они поймали меня и в моем присутствии завели спор о том, как им лучше меня прикончить. Сами понимаете, с каким настроением я все это слушал. И способы, надо отметить, предлагались самые кровожадные. Отнюдь не удар по голове и не перерезание горла, но долгие, выматывающие, замысловатые процедуры. В конце концов, после многих часов обсуждения, в течение которых они не раз интересовались моим мнением насчет очередного способа, решено было содрать с меня живьем кожу. Они объяснили мне, что не хотят меня убивать и что поэтому мне не следует держать на них зла, и что, если,

лишившись кожи, все-таки выживу, они с радостью меня отпустят. Что касается моей кожи, сказали они, то они высушат ее и изготовят из нее там-там, грохот которого известит мой клан о позоре их родича.

— Учитывая, что среди нас леги... — произнес я, но он не обратил на меня внимания.

— Обнаружив мой труп, — продолжал он, — мои родичи решились на немыслимое дело. До тех пор мы погребали своих мертвецов в прерии, не ставя над могилами никаких памятников, потому что человек должен довольствоваться тем, что стал единым целым с землей, по которой ходил. Несколько лет назад нам довелось услышать о земном Кладбище; тогда мы пропустили эти сведения мимо ушей, ибо они нам были ни к чему. Но после моей смерти на совете клана было решено удостоить меня чести быть похороненным в почве Матери-Земли. Мои бранные останки, погруженные в спирт и запаянные в большой бочонок, доставили в захудалый космопорт — единственный на планете. Там бочонок хранился многие месяцы, ожидая прибытия звездолета, на котором его доставили в ближайший порт, где регулярно совершали посадки корабли похоронной службы.

— Вы вряд ли понимаете, — прибавил Душелюб, — чего это стоило его клану. Все богатство обитателей Прерии заключается в их стадах. Им потребовался не один год, чтобы вырастить поголовье, стоимость которого равнялась бы стоимости услуг Кладбища. Они пожертвовали всем, и жаль, что их старания пошли насмарку. Рамсей, как вы, видимо, догадываетесь, остается пока одним-единственным обитателем Прерии, чей прах погребен на Кладбище — точнее сказать, он не то, чтобы погребен там, то есть погребен, но не так, как предполагалось. Давным-давно чиновникам Кладбища потребовался гроб, чтобы кое-что в нем припрятать...

— Артефакты, — перебил я.

— Вам про это известно? — спросил Душелюб.

— Мы это подозревали.

— Вы были правы в своих подозрениях, — сказал Душелюб. — Наш бедный друг оказался одной из жертв их жадности и подлости. Его гроб использовали под артефакты, а останки Рамсея выкинули в глубокий овраг на окраине Кладбища. С тех пор его тень, как и тени его товарищей по несчастью, бродит по Земле, не зная приюта.

— Хорошо сказано, — заметил О'Гилликадди, — и все чистая правда.

— Давайте на этом остановимся, — попросила Синтия. — Вы нас вполне убедили.

— У нас больше нет времени на разговоры, — ответил Душелюб.

— Вам предстоит решить, что делать дальше. Едва волки нагонят ваших друзей, они сообразят, что вас с ними нет; поскольку же Кладбищу наплевать на роботов, то...

— Волки вернутся за нами, — с дрожью в голосе закончила Синтия.

При мысли о преследующих нас металлических тварях мне тоже стало не по себе.

— Как они нас найдут? — спросил я.

— Они обладают нюхом, — сказал Душелюб. — Их нюх устроен иначе, чем у людей: они различают химические компоненты запаха. А еще у них острое зрение. Если вы будете держаться скалистых возвышенностей, где запах быстро выветривается и где на камнях не остается следов, у вас появится шанс ускользнуть. Я боялся, что они почуют вас в пещере, но вы находились над ними, а благожелательный воздушный поток, должно быть, отнес ваш запах в сторону.

— Они пойдут по лошадиному следу, — проговорил я. — Он свежий, а они бегут быстро. Им понадобится немного времени, чтобы обнаружить наше отсутствие.

— Время у вас есть, — успокоил Душелюб. — Вы не можете трогаться в путь, пока не рассветет, а до рассвета еще несколько часов. Вам придется поспешать, поэтому идите налегке.

— Мы возьмем с собой еду, — сказала Синтия, — и одеяла...

— Много еды не берите, — предупредил Душелюб. — Только то, что необходимо. Вы найдете ее по дороге. У вас ведь есть рыболовные снасти?

— Да, — ответила Синтия, — я купила их целую упаковку. Причем в последний момент — меня словно что-то подтолкнуло. Но мы не можем питаться только рыбой.

— А коренья? А ягоды?

— Но мы в них не разбираемся.

— А вам и не нужно, — возразил Душелюб. — Хватит того, что в них разбираюсь я.

— Ты идешь с нами?

— Мы идем с вами, — сказал Душелюб.

— Конечно! — воскликнул О'Гилликадди. — Все как один! Правда, пользы от нас маловато, но кое-что мы умеем. Мы будем высматривать погоню...

— Однако призраки... — пробормотал я.

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Однако тени не путешествуют при свете дня.

— Человеческий предрассудок, — заявил О'Гилликадди. — Нас

нельзя увидеть днсм, это факт, но и ночью тоже, если мы того не захотим.

Остальные тени одобрительно загудели.

— Соберем рюкзаки, — предложила Синтия, — а мешки оставим тут. Элмер с Бронко будут нас разыскивать. Напишем им записку и приклеим к какому-нибудь мешку. Они наверняка ее заметят.

— Надо сообщить им, куда мы направляемся, — добавил я. — У кого какие мысли насчет конечного пункта?

— Мы пойдем в горы, — сказал Душелюб.

— Вы знаете реку под названием Огайо? — спросила Синтия.

— Знаю и очень хорошо, — ответил Душелюб. — Вы хотите отправиться туда?

— Послушайте, — сказал я, — нам некогда рыскать...

— Почему? — удивилась Синтия. — Нам же все равно, куда идти, правда?

— Я думал, что мы договорились...

— Знаю, — сказала Синтия. — Вы высказались весьма недвусмысленно. Первым делом ваша композиция; но ведь вам безразлично, где ее сочинять, верно?

— Верно-то верно...

— Вот и отлично, — заключила Синтия. — Значит, идем на Огайо. Если, разумеется, вы не возражаете, — прибавила она, обращаясь к Душелюбу.

— Ничуть, — сказал тот. — Чтобы добраться до реки, нам придется перевалить через горы. Надеюсь, мы собьем волков со следа. Но если позволите...

— Долгая история, — отрезал я. — Мы расскажем вам все потом.

— А вам не доводилось слышать, — поинтересовалась Синтия, — о бессмертном человеке, который ведет жизнь отшельника?

— По-моему, доводилось, — ответил Душелюб. — Много лет назад. Мне он представляется мифом. На Земле существовало столько мифов!

— Они все в прошлом, — сказал я.

Он печально покачал головой.

— Увы. Мифы Земли мертвы.

14 На небе собрались облака. Ветер, изменив направление на северный, стал холодным и пронзительным. В воздухе ощущался странный сыроватый запах. Сосны, что росли на холме, раскачивались и постанывали.

Мои часы остановились, но я ни капельки не огорчился. Начиная с того момента, как я покинул Олден, они мне были практически

не нужны. На борту корабля похоронной службы действовало галактическое время, а земное время не совпадало с олденским, хотя, повычислав немного, их можно было сопоставить. Я справлялся о времени в той деревне, где нас пригласили на праздник, но там этого никто не знал и не желал знать. Насколько мне удалось выяснить, в деревне имелись одни-единственные часы, изготовленные вручную из дерева, да и те ничем не могли мне помочь, поскольку их никто не заводил. Я решил установить часы по солнцу, но прозевал тот миг, когда оно было прямо над головой, и потому вынужден был прикидывать, как давно светило начало клониться к западу. Теперь же часы остановились окончательно, ибо запустить их я не сумел. Но, по правде сказать, я приучился обходиться без них.

Душелюб возглавлял наш отряд, за ним двигалась Синтия, а я замыкал шествие. С рассвета мы покрыли значительное расстояние, однако я не имел ни малейшего представления о том, сколько мы уже идем. Солнце скрылось в облаках, мои часы остановились — так что определить, который час, было невозможно.

Призраков нигде не было видно, однако я нутром ощущал их незримое присутствие. Душелюб тревожил меня ничуть не меньше своих приятелей. Дело заключалось в том, что при свете дня он напоминал человека не больше, чем тряпичная кукла. У него было лицо тряпичной куклы: узкий, слегка перекошенный рот, глаза чуть ли не крестиком, нос и подбородок начисто отсутствовали. Сразу ниже рта лицо переходило в шею. Капюшон и роба, которые я на первых порах принял за одежду, казались частями его карикатурного тела. Если бы не невероятность подобного предположения, я бы поручился чем угодно, что так оно и есть. Ног его я не видел, потому что его роба (или тело) опускалась до самой земли. Передвигался он таким образом, словно ноги у него были; я еще подумал, что, будь он безногим, ему навряд ли удалось бы все время опережать нас на несколько шагов.

Он молча вел нас за собой, а мы следовали за ним — тоже молча, ибо при столь быстрой ходьбе дыхания на разговоры не хватало.

Наш путь пролегал глухими местами, где не было никаких следов того, что когда-то тут жили люди. Мы шли по холмам, время от времени пересекая крохотные долины. С вершин холмов нам открывались бескрайние просторы, лишённые даже намека на человеческую деятельность: ни обломков строений, ни разросшихся изгородей. Кругом был лес; он густой стеной вставал в долинах и немного редел на холмах. Почва была каменистой; повсюду встречались огромные валуны, на склонах холмов серели выходы пород.

Почти ничто не оживляло безрадостную картину. Изредка раздавались птичьи трели, мелькали порой среди деревьев какие-то зверушки. Я решил, что это кролики или белки.

В долинах мы останавливались, чтобы напиться из мелководных речушек, но привалы были кратковременными. Мы с Синтией ложились на живот и жадно пили, а Душелюб, который, по всей видимости, не нуждался в питье, нетерпеливо поджидал нас, чтобы двигаться дальше.

Наконец, впервые с момента выхода в путь, мы устроили настоящий привал. Гребень холма, вдоль которого мы шли, круто забирал вверх, а потом нырял в распадок; самую верхнюю его точку образовывала широкая площадка, на которой громоздились друг на дружку камни, каждый размером с хороший амбар. Навалены они были так, словно с ними играл какой-нибудь древний великан: они наскучили ему, и он бросил их лежать там, где они лежат до сих пор. На камнях росли чахлые сосенки, кривые корни которых алчно цеплялись за любую опору.

Душелюб, который по-прежнему опережал нас, исчез среди камней. Достигнув того места, где он пропал из вида, мы обнаружили, что наш вожатый удобно устроился в расселине, образованной массивными каменными глыбами. Расселина защищала от ветра, и из нее можно было наблюдать за тропой, по которой мы пришли.

Душелюб помахал рукой, подзывая нас.

— Передохнем, — сказал он. — Если хотите, перекусите, но без огня. Огонь, быть может, разведем вечером. Там поглядим.

Мне хотелось только одного: сесть и больше не вставать.

— Не рано ли мы остановились? — спросила Синтия. — Они, наверно, уже пустились в погоню.

Вид у нее был такой, будто колени ее вот-вот подломятся и она рухнет навзничь, чтобы никогда не подняться.

Тонкие губы на лице тряпичной куклы разошлись в усмешке:

— Они еще не вернулись в пещеру.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— От тсней, — ответил Душелюб. — Они бы известили меня о возвращении волков.

— А не может быть, — поинтересовался я, — чтобы твои тени сбежали, бросив нас на произвол судьбы?

Он покачал головой.

— Не думаю, — сказал он. — Куда они денутся?

— Ну мало ли, — смеялся я. По совести говоря, я понятия не имел, куда могут деться призраки.

Синтия устало опустила на землю и оперлась спиной на громадный валун.

— Что ж, — проговорила она, — значит, можно перевести дух.

Порывшись в рюкзаке, который скинула с плеч перед тем, как сесть, она достала из него что-то и протянула мне. Я присмотрелся: какие-то непонятные красные с черным плитки.

— Что это за отрава? — осведомился я.

— Вяленое мясо, — сказала она. — Отломите от плитки кусочек, положите в рот и начинайте жевать. Очень питательно.

Она предложила мясо Душелюбу, но тот отказался.

— Я крайне редко поглощаю пищу, — объяснил он.

Избавившись от своего рюкзака, я подсел к Синтии, отломил кусочек вяленого мяса и сунул его в рот. Мне показалось, что даже картон был бы, пожалуй, помягче и повкуснее.

Усевшись лицом к тропинке, по которой мы сюда добрались, и меланхолично двигая челюстями, я думал о том, насколько суровее жизнь на Земле по сравнению с нашим милым Олденом. Вряд ли я действительно сожалел о том, что покинул Олден, но был к этому близок. Однако воспоминания о прочитанных книгах о Земле, о моих мечтаниях и томлениях, укрепили мой дух. Я размышлял о том, что, будучи восторженным поклонником первобытной красоты земных лесов, тем не менее, ни физически, ни по складу характера решительно не годился на роль этакого первопроходца, покорителя девственной природы. Я прилетел на Землю вовсе не за этим; но, с другой стороны, в теперешних обстоятельствах мне выбирать не приходится.

Синтия, торопливо дожевывая свой кусок, спросила:

— Мы идем к Огайо?

— Разумеется, — отозвался Душелюб, — но до реки еще далеко.

— А как насчет бессмертного отшельника?

— О бессмертном отшельнике мне ничего не известно, — сказал Душелюб. — До меня доходили только слухи о нем, а слухи бывают всякие.

— Про чудовищ, например? — справился я.

— Не понимаю.

— Ты как-то упомянул чудовищ и сказал, что волков использовали для борьбы с ними. Ты заинтриговал меня.

— Это было очень давно.

— Но было же.

— Да.

— Наверно, генетические выродки...

— Слово, которое ты употребил...

— Послушай, — перебил я, — когда-то Земля представляла собой радиоактивное пекло. Многие формы жизни исчезли. А у тех, кто выжил, должен был измениться генетический код.

— Не знаю, — сказал он.

Так я тебе и поверил, усмехнулся я мысленно. И тут у меня мелькнуло подозрение, что он потому разыгрывает из себя незнайку, что сам является одним из генетических выродков и прекрасно об этом осведомлен. Интересно, как я не сообразил раньше?

— Зачем Кладбищу было возиться с ними? — продолжал я допрос. — Зачем было изгонивать волков для охоты на них? Правильно? Ведь волки предназначались именно для охоты?

— Да, — кивнул Душелюб. — Волков были тысячи и тысячи. Они собирались в огромные стаи и были запрограммированы на охоту за чудовищами.

— Не за людьми, — уточнил я, — только за чудовищами?

— Совершенно верно. Только за чудовищами.

— Наверно, иногда они ошибались и нападали на людей. Не так-то просто запрограммировать робота на охоту только за чудовищами.

— Да, ошибки бывали, — признал Душелюб.

— По-моему, — заметила Синтия горько, — Кладбище из-за них не убивалось. Подумаешь, несчастный случай!

— Не могу знать, — сказал Душелюб.

— Чего я не понимаю, — проговорила Синтия, — так это того, зачем им понадобилось отлавливать чудовищ. Вряд ли их было слишком много.

— Нет, их в самом деле было слишком много.

— Ладно, пускай. Ну и что из того?

— Думается, — сказал Душелюб, — причина здесь в паломниках. Едва Кладбище встало на ноги, его чиновники осознали, что организация паломничеств принесет им немалую прибыль. А всякие чудовища могли напугать паломников до смерти. Вернувшись домой, паломники рассказали бы о том, что им пришлось пережить, и количество желающих посетить Землю наверняка значительно снизилось бы.

— Чудесно! — воскликнула Синтия. — Геноцид, да и только. Чудовищ, должно быть, начисто стерли с лица планеты.

— Да, — согласился Душелюб, — от них постарались избавиться.

— Но некоторые уцелели, — прибавил я, — и время от времени попадают на глаза.

Он смерил меня взглядом, и я пожалел о словах, что сорвались у меня с языка. И что мне неймется? Мы ведь полностью зависим от Душелюба, а я донимаю его дурацкими намеками!

Оборвав разговор, я принялся энергично пережевывать мясо. Оно частично утратило первоначальную жесткость и приобрело горько-

ватый вкус; голод оно не утоляло, но по крайней мере приятно было ощущать, что во рту что-то есть.

Мы с Синтией молча жевали; Душелюб, казалось, погрузился в размышления.

Я повернулся к Синтии.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответила она язвительно.

— Извините меня, — попросил я. — Я вовсе не предполагал, что все так обернется.

— Ну конечно, — подхватила она, — вы воображали себе увеселительную прогулку по романтическим местам! Начитались книжек, навдумывали невесту...

— Я прилетел сюда сочинять композицию, — персбил я, — а не играть в кошки-мышки с гранатометчиками, кладбищенскими ворами и стаей механических волков!

— И вините во всем меня, да?! Если бы я не увязалась за вами, если бы я не напросилась...

— Ничего подобного, — возразил я. — Мне это и в голову не приходило.

— Разумеется, вы всего лишь выполняли просьбу милашки Торни...

— Прекратите! — рявкнул я. Мои терпение истощилось. — Какая муха вас укусила?

Прежде чем Синтия успела открыть рот, Душелюб поднялся.

— Пора, — объявил он. — Вы поели и отдохнули, и теперь мы можем продолжать путь.

Ветер стал холоднее и задул резкими порывами. Когда мы выбрались из расщелины на гребень холма, он обрушился на нас и швырнул нам в лицо первые капли приближающегося дождя.

Мы побрели навстречу дождю. Его отвесная стена преградила нам дорогу и толкнула обратно. Душелюб продвигался вперед, не обращая на дождь никакого внимания. Роба его, как ни терзал ее ветер, оставалась неподвижной и ни разу даже не шелохнулась. Удивительное, доложу я вам, было зрелище!

Я хотел было поделиться своим наблюдением с Синтией и окликнул ее, но налетевший шквал заставил меня поперхнуться собственным криком.

Деревья в распадке клонились к земле и стонали под напором вихря. Птицы беспомощно размахивали крыльями, будучи не в силах противостоять мощи ветра. При взгляде на тучи почему-то возникало впечатление, что они опускаются все ниже и ниже.

Мы упорно тащились вперед. Ледяной, колющий ливень хлестал нам в лицо. Я утратил всякую способность ориентироваться и потому

старался не терять из вида согбенную фигуру Синтии. Как-то де-вушка споткнулась. Не говоря ни слова, я помог ей подняться. Не поблагодарив, она поплелась дальше.

Подстегиваемый ветром, дождь зарядил не на шутку. Порой он превращался в град и барабанил по веткам деревьев, а потом снова становился самым собой, и был, по-моему, холоднее града.

Мы шли целую вечность, и неожиданно я обнаружил, что мы оставили гребень холма и спускаемся по его склону. Внизу бежал ручей; мы перспрыгнули его, выбрав местечко поуже, и полезли на следующий холм. Внезапно почва у меня под ногами сделалась ровной. Я услышал бормотание Душелюба:

— Ну вот, теперь мы достаточно далеко.

Едва разобрав, что он там бормочет, я без сил плюхнулся на мокрый валун. На какой-то миг я совершенно отключился и сознавал лишь то, что больше никуда идти не надо. Постепенно напряжение спало, и я осмотрелся.

Мы остановились на широкой каменистой площадке. Футах в тридцати или выше над ней нависала скала, образуя глубокую нишу в поверхности утеса. Чуть ниже площадки прыгал по камням ручей — маленький и стремительный горный поток. Он то бурлил и пенился на порогах, то разливался заводями и отдыхал перед очередным прыжком. За ручьем возвышался холм, гребень которого и привел нас сюда.

— Добрались, — весело проговорил Душелюб. — Теперь ни ночь, ни погода нам не помеха. Разведем костер, наловим в ручье форели и пожелаем волку сбиться со следа.

— Волку? — переспросила Синтия. — Но ведь их было трое. Что случилось с двумя другими?

— У меня есть подозрение, — ответил Душелюб, — что двум другим волкам немножко не повезло.

15 Снаружи бушевала гроза. Но нам около костра было тепло и уютно, и одежда наша наконец просохла. В ручье и в самом деле водилась рыба. Мы поймали чудесную крапчатую форель и с удовольствием ею поужинали. Не знаю, как Синтию, а меня уже начинало воротить при одном упоминании о консервах или вяленом мясе.

Судя по всему, не мы первые укрывались в этой пещерке от непогоды. Свой костер мы развели на том месте, где камень почернел и потрескался от пламени, которое разжигали тут прежде (хотя как давно, определить было невозможно). Черные круги кострищ, на-

половину прикрытые слоем опавших листьев, были разбросаны по всей площадке.

В куче листьев, наметенной ветром в углу пещерки, там, где крыша ныряла навстречу полу, Синтия обнаружила еще одно доказательство того, что здесь бывали люди, — едва тронутый ржавчиной металлический прут примерно четырех футов длиной и около дюйма в диаметре.

Я сидел у костра, глядел на огонь, вспоминал пройденный нами путь и пытался понять, почему столь хорошо продуманный план, как наш, пошел насмарку. Ответ напрашивался сам собой: происки Кладбища. Правда, в стычке с шайкой разорителей могил Кладбище винить не приходится. Нам следовало быть поосмотрительнее.

Как ни верти, положение у нас просто никудышное. Нас вынудили бежать из деревни, нас опять же вынудили разлучиться с Элмером и Бронко, а в итоге мы с Синтией оказались во власти загадочного существа, которое ведет себя весьма, скажем так, странно.

И, вдобавок, волк — один из трех, если Душелюб не ошибся. Я знал наверняка, что произошло с двумя другими. Троица схватилась с Элмером и Бронко, и это была с их стороны непростительная глупость. Однако, пока Элмер разбирался с двумя из них, третьему удалось ускользнуть, и теперь, быть может, он идет по нашему следу, если, конечно, таковой остался. Во-первых, мы двигались по каменистым гребням, на которых ничто не росло; во-вторых, дул ураганный ветер, и он должен был развеять наш запах. Ветер и дождь — наверно, следа попросту не существует.

— Флетч, — сказала Синтия, — о чем вы думаете?

— Прикидываю, где могут сейчас быть Бронко с Элмером, — ответил я.

— Возвращаются в пещеру, — предположила она. — А там их ждет записка.

— Записка, — повторил я. — По совести говоря, пользы от нее... В ней говорится, что мы направляемся на северо-запад и что если они не нагонят нас по дороге, то встретимся на Огайо. Вы представляете, какое расстояние отделяет нас от реки? И на сколько миль она протянулась от истока до устья?

— Мы сделали, что могли, — сердито бросила Синтия.

— Утром, — вмешался в разговор Душелюб, — мы разведем на холме костер, чтобы они знали, где нас искать.

— Ну да, — сказал я, — и все остальные тоже, и волк — в том числе. Или их все-таки трое?

— Один, — уверил меня Душелюб. — Поодиночке волки не

такие уж храбрецы. Они набираются смелости, лишь сбившись в стаю.

— Откровенно говоря, — заметил я, — я не горю желанием повстречаться пускай даже с одним волком, каким бы трусоватым он ни был.

— Их осталось немного, — сказал Душелюб. — Они давным-давно не охотились; быть может, долгие годы бездействия отразились на их характере.

— Интересно, — проговорил я, — почему Кладбище сразу не отправило их за нами в погоню? Ведь их могли бы спустить с привязи в самый момент нашего побега.

— Должно быть, — ответил Душелюб, — им пришлось послать за волками. Я не знаю точно, где их логово, но оно довольно далеко от Кладбища.

Ветер с воем гулял по долине; проливной дождь глухо шумел у входа в пещерку. Отдельные его капли порой долетали до костра.

— Где твои приятели? — поинтересовался я. — Я имею в виду теней.

— В такую ночь, — сказал Душелюб, — они покидают меня и спешат по делам.

Я не стал спрашивать, какие у призраков могут быть дела. Меня это не заботило.

— Вы как хотите, — сказала Синтия, — а я намерена завернуться в одеяло и подремать.

— Ложитесь оба, — предложил Душелюб. — День был долгим и трудным. Я покараулю. Мне сон почти не нужен.

— Ты не спишь, — проговорил я, — и редко когда спишь. Ветер не раздувает твою робу. Что же ты, черт побери, за существо?

Он не ответил. Я был уверен, что он не ответит.

Последнее, что я увидел перед тем, как заснуть, был сидящий поодаль от костра Душелюб. Его силуэт до странности напоминал поставленный на основание конус.

Пробудился я оттого, что замерз. Костер потух; снаружи пещерки разгорался рассвет. Ночная гроза отбушевала, и на видимом мне кусочке неба не было ни облачка.

На площадке у входа в пещерку сидел металлический волк. Он внимательно глядел на меня; его стальные челюсти крепко сжимали бессильно обвисшую тушку кролика.

Отбросив одеяло, я сел и зашарил рукой вокруг в поисках палки поувесистей, хотя на что годится палка против такого чудища, я не представлял. Однако я нашел кое-что получше. Я шарил рукой вслепую, не осмеливаясь отвести глаз от волка, но когда мои пальцы нащупали его, я моментально догадался, что это такое, — метал-

лический прут, обнаруженный Синтией в куче опавшей листвы. Пробормотав нечто вроде благодарственной молитвы, я обхватил пальцами прут и поднялся, сжимая его в кулаке с такой силой, что руке стало больно.

Волк сидел не шевелясь, не делая попыток броситься на меня, по-прежнему держа в зубах кроличью тушку. Его хвост задвигался и застучал по камню площадки — точь-в-точь как хвост собаки, которая рада встрече с вами.

Я рискнул оглядеться. Душелюба нигде не было видно. Синтия сидела, закутавшись в одесю, и глаза у нее были каждый размером с плоску. Она не замечала, что я смотрю на нее; ее взгляд был устремлен на волка.

Я сделал шаг в сторону, чтобы обойти костер, и взял прут наизготовку. Если мне повезет огреть его по этой дурацкой металлической башке, подумал я, мы еще посмотрим, кто кого.

Однако волк не собирался нападать. Когда я сделал следующий шаг, он перевернулся на спину, уставив все четыре лапы в воздух; его хвост заходил ходуном. Звон металла о камень казался оглушительным в утренней тишине.

— Он хочет подружиться с нами, — подала голос Синтия. — Он просит вас не бить его.

Я медленно приближался к волку.

— Он принес нам кролика, — гнула свое девушка.

Я опустил прут. Волк перевернулся на брюхо и пополз ко мне. Я подждал его с прутком в руке. Он уронил кролика к моим ногам.

— Возьмите, — сказала Синтия.

— Ну да, чтобы он откусил мне руку, — хмыкнул я.

— Возьмите, — повторила она. — Он принес кролика вам. Он вам его отдаст.

Я наклонился и поднял кроличью тушку. Волк вскочил, подбежал ко мне и потерся о колено, едва не свалив меня с ног.

16 Мы сидели у костра и обгладывали кроличьи косточки, а волк лежал в стороне и пристально разглядывал нас, время от времени принимаясь вилять хвостом.

— Что, по-вашему, могло с ним случиться? — спросила Синтия.

— Наверно, сошел с ума, — предположил я. — А быть может, участь братьев сделала из него пуганую ворону. Или он задабривает нас, чтобы успокоить наши подозрения, а когда ему представится возможность, он живо прикончит нас.

Я придвинул металлический прут поближе.

— Вряд ли, — возразила Синтия. — Вы знаете, о чем я. Он просто не хочет возвращаться.

— Возвращаться куда?

— Туда, где его держало Кладбище. Подумайте. Ему и другим волкам, сколько бы их ни было, пришлось многие годы просидеть на привязи...

— Ну, уж не на привязи, — сказал я. — Скорее всего, когда в них отпала надобность, их взяли и выключили.

— Пускай так, — ответила она. — Значит, он не хочет возвращаться туда потому, что боится, что его выключат снова.

Я фыркнул. Что за глупости она говорит! Пожалуй, правильнее всего было бы схватить прут и отколошматить им волка до смерти. И удерживало меня от этого только то, что в одиночной схватке с противником, у которого, судя по всему, весьма богатый опыт в подобном рода делах, я вряд ли выйду победителем.

— Интересно, куда подевался Душелюб? — проговорил я.

— Волк напугал его, — ответила Синтия. — Он не вернется.

— Мог бы по крайней мере разбудить нас. Или предостеречь.

— Все и так получилось нормально.

— Откуда ему было это знать?

— Что мы будем делать?

— Понятия не имею, — сказал я. И это была чистая правда. Никогда в жизни не доводилось мне испытывать такой растерянности и неуверенности в себе. Я не знал, где мы находимся; с моей точки зрения, мы заблудились в безлюдной глуши. Нас разлучили с двумя нашими спутниками, наш проводник удрал. Правда, к нам в друзья набился металлический волк, но у меня были достаточно серьезные основания сомневаться в его искренности.

Краем глаза я уловил какое-то движение и вскочил на ноги, но было уже поздно. На меня уставились два ружейных ствола. В человеке, который держал одно из ружей, я узнал того детину, который предводительствовал толпой гробокопателей, что собиравшись напасть на нас с Синтией, но разбежались, устрешенные появлением Элмера. Меня слегка удивило то, что я узнал его, поскольку тогда мне было вовсе не до запоминания лиц. Однако, как видно, в памяти моей отпечаталась эта гнусная ухмылка, мрачный взгляд и рваный шрам через всю щеку. Напарник верзилы был мне незнаком.

Должно быть, они подкрались ко входу в пещерку, и теперь мы всецело в их руках.

Услышав изумленное восклицание Синтии, я проговорил:

— Замрите!

Зацокал по камням металл. Что-то подошло ко мне, потерялось

о мою ногу и встало рядом. Мне не нужно было смотреть вниз, чтобы сказать, кто это. Присутствие волка придало мне смелости.

Пока он лежал у стены, бандиты его, по-видимому, не замечали. Едва он появился, с лица Детины, как я мысленно его окрестил, сползла ухмылка, и челюсть у него слегка отвисла. Физиономия другого исказилась в нервической гримасе. Однако ружей они не опустили.

— Джентльмены, — заговорил я, — мне кажется, силы у нас равные. Вы можете убить нас, но за ваши жизни я не поручусь.

Детина, помедлив, поставил ружье прикладом на землю.

— Джек, — приказал он, — убери пушку. Они нас перехитрили.

Джек опустил ружье.

— Надо бы обмозговать, — продолжал Детина, — как бы нам разойтись так, чтобы ничья шкура не пострадала.

— Идите сюда, — пригласил я, — только уговоримся сразу: с ружьями не баловаться.

Неторопливой, где-то даже сонной походкой они приблизились к костру.

Я метнул взгляд на Синтию. Она по-прежнему лежала, но страха в ее глазах не было. Она была тверда как камень.

— Флетч, — сказала она, — джентльмены, должно быть, голодны. Ведь они пришли издалека. Пригласи их сесть, а я тем временем открою что-нибудь из консервов. Деликатесов не обещаю, поскольку мы путешествуем налегке, но тушенка у нас найдется.

Бандиты посмотрели на меня. Я довольно нелюбезно кивнул.

— Садитесь.

Они уселись прямо на камень, положив ружья рядом с собой.

Волк не шелохнулся. Он неотрывно глядел на непрощенных гостей.

Детина вопросительно указал на него.

— Он нам не мешает, — сказал я. — Однако резких движений делать не советую.

Я старался говорить уверенно, а в глубине души терзался сомнениями.

Синтия вынула из рюкзака сковородку. Я поворошил дрова, и пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну, а теперь, — проговорил я, — будьте добры объясниться. Что вам от нас нужно?

— Вы угнали наших лошадей, — ответил Детина.

— Мы искали их, — добавил Джек.

Я покачал головой.

— Не верю. Вы бы выследили их с завязанными глазами, а значит, должны были бы разыскать их давным-давно. Табун лошадей — отнюдь не иголка в стоге сена.

— Ладно, — проворчал Детина. — Мы нашли нору, где вы прятались; там была записка. Джек, он разобрался, о чем в ней речь. И потом, мы знали про это место.

— Мы сами тут, бывало, останавливались, — поддержал Джек. Я не удовлетворился объяснением, однако надавливать не стал. Впрочем, Детина еще не кончил:

— Мы догадались, что вы не одни. С вами должен был быть кто-то, кто знает дорогу. Людям вроде вас в одиночку сюда не дойти.

— А вот насчет волка я не сообразил, — перебил Джек. — Мы про него и думать не думали — решили, что он без оглядки мчится к себе в логово.

— Вы знали про волков?

— Мы видели следы. Их было трое. А потом мы нашли то, что осталось от двоих.

— Не обманывайте, — сказал я. — Вы прочитали записку и бросились в погоню. У вас просто не было времени...

— У нас — да, — ответил Джек. — Своими глазами мы волков не видели, зато их видели другие. Они дали нам знать.

— Они дали вам знать?

— Точно, — подтвердил Детина. — Мы всегда друг друга так извещаем.

— Телепатия, — проговорила Синтия. — Иной разгадки быть не может.

— Но телепатия...

— Фактор выживания, — перебила она. — Люди, которые остались на Земле после войны, должны были как-то приспособиться к окружающей среде. Мутации и тому подобное. Если ты мутировал и выжил, постепенно начинаешь наслаждаться своими новыми способностями. Телепатия — удобная штука, и она не разрушает человека.

— Скажите мне, — спросил я у Детины, — что случилось с Элмером? Какова судьба наших товарищей?

— Металлических шуток, что ли? — справился Джек.

— Именно их.

Детина помотал головой.

— Другими словами, вам ничего о них не известно?

— Нет, но мы можем узнать.

— Сделайте одолжение, узнайте.

— Послушайте, мистер, — вмешался Джек. — Вы нас совсем оседлали. Давайте так: мы вам узнаем, а вы нам, баш на баш...

— У нас есть волк, — напомнил я. — Вот он, рядом со мной.

— Чего нам попусту препираться? — сказал Детина. — Что мы, враги какие, что ли?

— И на мушку вы нас, разумеется, взяли только из дружеских чувств?

— Правда ваша, — отозвался Джек. — Сперва мы жаждали крови. Вы разорили наш лагерь, прогнали нас и забрали наших лошадей. Нет ничего подлее, чем забрать у человека его лошадей. Так что в любви мы вам, конечно, объясняться не собирались.

— А теперь передумали и хотите с нами подружиться?

— Слушайте, мистер, — проговорил Детина. — На вас напустили волков, правильно? Это могло сделать только Кладбище. А мы всех, кто не ладит с Кладбищем, записываем в друзья.

— Вам-то чем Кладбище насолило? — спросила Синтия. Обойдя костер, она остановилась перед Детиной, держа в руке сковороду. — Вы его грабите, раскапываете могилы. Если бы не Кладбище, вы бы остались не у дел.

— Они жульничают, — пожаловался Джек. — Они ставят на нас ловушки, самые разные. Они здорово донимают нас.

Детина никак не мог опомниться.

— Чем вы приманили волка? — справился он. — Они ни с кем не заводят дружбы. Они ведь людоеды, все до одного.

Синтия по-прежнему стояла рядом с Детиной, но глядела не на него, а на холм за ручьем. Что она там заметила, подумалось мне.

— Если хотите войти с нами в компанию, — сказал я, — то почему бы вам для начала не поведать нам, где мы можем найти наших товарищей?

Я не доверял им; я знал, что доверять им чревато неприятностями. Однако я решил, что если они откроют нам местонахождение Элмера и Бронко, можно будет взять их с собой.

— Не знаю, — ответил Детина. — Честное слово, не знаю, получится у нас или нет.

Краем глаза я уловил движение Синтии. Она взмахнула рукой, и я догадался, что она задумала, — правда, не понял, с какой стати. Я был бессилен остановить ее, однако даже если бы у меня была возможность сделать это, я бы не стал вмешиваться, потому что у Синтии наверняка были веские основания поступить именно так. Мне оставалось только одно. Я прыжком метнул свое тело туда, где лежала на камнях винтовка Джеда, успев заметить, как сковорода обрушилась на голову Детины.

Джек схватился было за ружье, но тут на него упал я. Мы тянули оружие каждый в свою сторону, мы боролись, стараясь вырвать его друг у друга.

События развивались слишком быстро, чтобы за ними можно

было уследить. Я увидел Синтию с винтовкой Детины наизготовку. Детина ползал по полу пещерки на четвереньках, тряся головой, словно пытаясь таким способом привести в порядок расплющенные ударом мозга. Неподалеку валялась потерявшая всякую форму сковородка. Волк серебристой молнией рванулся наружу; на склоне холма за ручьем показались темные фигуры. Послышались глухие хлопки, и по стенам застучали пули.

Лицо Джеда исказила гримаса то ли страха, то ли ярости (как ни странно, в разгаре поднявшейся суматохи у меня нашлось время подметить выражение его лица). Рот его был широко раскрыт, как будто он что-то кричал. У него были желтоватые зубы и зловонное дыхание. Он уступал мне в росте и весе, но был очень верток, и я пришел к неутешительному выводу, что ружье в конце концов достанется не мне.

Детина кое-как поднялся и теперь шаг за шагом отступал от костра, зачарованно глядя на Синтию, которая наставила на него его же винтовку.

Схватка, по моим подсчетам, продолжалась чуть ли не целую вечность, хотя я твердо знал, что она не могла занять больше, чем несколько секунд. Внезапно Джед словно переломился пополам. Ослабив хватку и дернувшись всем телом, он рухнул на каменный пол пещерки. На спине его медленно расплывалось кровавое пятно.

— Бежим, Флетч! — закричала Синтия. — Они стреляют по нам!

Но они уже не стреляли, они улепетывали во весь дух. Маленькие черные фигуры торопливо взбирались на холм. Двое или трое залезли на деревья. За ними по пятам мчалась стальная машина. Я увидел, как она поймала одного из бандитов, на мгновение стиснула свои массивные челюсти и отшвырнула бездыханное тело прочь.

Детина исчез, словно его и не было.

— Флетч, нам нельзя здесь оставаться! — воскликнула Синтия, и я от души согласился с ней. В пещерке мы у бандитов как на ладони. Пока их помыслы сосредоточены на волке, самое время улизнуть.

Синтия опередила меня. Я поспешил за ней, оступился на крутом склоне и съехал на зад у чуть ли не прямо в ручей. Споткнувшись, я выронил ружье; я хотел было вернуться за ним, но что-то проewisстело над моим ухом и вонзилось в склон холма не далее, чем в трех футах от меня. В воздух взметнулся небольшой фонтанчик земли и камней. Я быстро откатился в сторону и бросил взгляд на гребень холма. Над деревом, на ветвях которого примостилась чучелоподобная фигура, плавал клуб голубого дыма.

Я не стал искушать судьбу.

Синтия скрылась в узком овраге, по дну которого бежал ручей; я кинулся за ней. За моей спиной дважды громыхнули ружья, но пули, должно быть, ушли в "молоко", потому что я не слышал их свиста. Скоро, успокоил я себя, мы окажемся вне их досягаемости. Самодельные ружья с пулями, набитыми самодельным порохом, не могут бить на большое расстояние.

Продвижение по оврагу напоминало бег с препятствиями. Крутые склоны холмов с обеих сторон, здоровенные валуны, что когда-то скатились с них, прихотливые изгибы ручья — словом, все возможные удовольствия. О тропинке приходилось только мечтать. На путешествие по этому оврагу можно было отважиться лишь в случае крайней необходимости. Поэтому я бежал, не разбирая дороги, уворачиваясь от деревьев и валунов и перескакивая через ручей, когда тот преграждал мне путь.

Я нагнал Синтию у огромной каменной кучи, которую с ходу было не перевалить. Дальше мы двинулись уже вместе. Я заметил, что она идет с пустыми руками.

— Я бросила его, — сказала она, имея в виду ружье Детины. — Оно было такое тяжелое и очень мне мешало.

— Ничего страшного, — утешил ее я. В самом деле, страшного ничего не произошло. Обе винтовки были однозарядными, а у нас при себе не было ни пуль, ни пороха, не говоря уж о том, что мы совершенно не представляли, как эти ружья заряжать. Они были весьма неудобными в обращении, и у меня сложилось впечатление, что надо было извести немало пороха и пуль, прежде чем научиться из них стрелять более-менее метко.

Мы добрались до места, где овраг, по которому мы шли, соединялся с другим, — такой же V-образной формы.

— Пойдем по нему вверх, — предложила Синтия. — Они знают, что до сих пор мы спускались.

Я кивнул. Если они погонятся за нами, то, может быть, решат, что мы выбрали дорогу полегче и двинулись дальше вниз по оврагу, который начинался у скалистой пещерки.

— Флетч, — сказала девушка, — мы все оставили там. Мы позабыли взять рюкзаки.

Я заколебался.

— Пойду вернусь, — решил я наконец. — Ты иди, я тебя догоню.

— Нам нельзя разлучаться, — сказала она. — Мы должны держаться друг друга. Если бы Элмер был с нами, всего этого не случилось бы.

— Волк загнал их на деревья, — проговорил я. — А тех, кто удрал, давно и след простыл.

— Все равно не пушу, — ответила она. — Они вооружены. И

потом, их слишком много. Волку просто не под силу справиться с ними со всеми.

— Ты увидела их, — пробормотал я, — и потому стукнула нашего приятеля сковородкой.

— Да, — подтвердила она, — я увидела, как они крадутся по склону холма. Сказать по правде, я бы так его огрела. Мы не могли довериться им, Флетч. И никуда ты не пойдешь. Иначе мне придется идти с тобой, а я боюсь.

Я отступился. Честно говоря, не знаю, что на меня подействовало сильнее: доводы Синтии или мое собственное нежелание возвращаться.

— Ладно, — согласился я. — Потом, когда переполох уляжется, мы вернемся и заберем наши пожитки.

Я отчетливо сознавал, что у нас в избытке возможностей не вернуться никогда. Впрочем, бандиты наверняка позаимствуют наши вещи.

Мы начали утомительный подъем по оврагу, который оказался ничуть не лучше спуска, а где-то даже хуже.

Пропустив Синтию вперед, я задумался. Должно быть, мы с ней ударились в панику. Собрать рюкзаки перед тем, как покинуть пещерку, было минутным делом. Однако мы занервничали, а в итоге остались без еды и без одеял — без всего вообще. Меня слегка утешило то, что в кармане я нащупал зажигалку. Значит, хотя бы костер нам обеспечен.

Дорога была изнурительной, и нам время от времени приходилось устраивать привал. Я настороженно прислушивался, ожидая в любой момент услышать шум погони, но все было тихо. Я даже засомневался, а не приснилась ли мне стычка с бандитами. Правда, сомневаться было глупо.

Мы приближались к вершине холма; овраг постепенно сужался. Мы забрались на гребень. Он густо порос лесом, и мы, достигнув вершины, словно очутились в сказочном краю. Массивные стволы величественных лесных гигантов отливали красным и желтым. По некоторым из них вились золотистые и ослепительно алые стебли ползучих растений. День выдался ясным и теплым. Разглядывая деревья, я припомнил свой первый день на Земле; казалось, с тех пор прошла уже не одна неделя, хотя миновало всего лишь несколько дней, как мы покинули территорию Кладбища и спустились по склону холма к лесу, который поразил меня своим осенним нарядом.

Мы повернулись в ту сторону, откуда пришли.

— Почему они преследуют нас? — спросила Синтия. — Разумеется, мы забрали их лошадей, но если причина в этом, тогда почему они гонятся за нами, а не за теми, кто увел животных?

— Быть может, из мести, — ответил я. — Решили, наверно, посчитаться с нами. Возможно, банда разделилась пополам. Одни преследуют нас, а другие отправились за лошадьми.

— Пожалуй, — согласилась она, — однако мне кажется, что все далеко не так просто.

— Кладбище, — проговорил я. Сам не знаю, что я имел в виду; правда, Кладбище все время каким-то боком оказывалось замешанным в происходящем. Но едва я произнес это слово, как мня будто осенило.

— Слушай, — сказал я. — Кладбище так или иначе причастно ко всему, что происходит с нами. Оно везде. В деревне они наняли кого-то из жителей за ящик виски кинуть гранату в Бронко. А что касается гробокопателей...

— Они враждуют с Кладбищем, — перебила Синтия. — Они обкрадывают Кладбище, а Кладбище расставляет на них ловушки.

— Скорее всего, — сказал я, — они заигрывают с Кладбищем. Они узнали, что за нами гонятся волки, которых могло послать в погоню только оно. Волки остались с носом, верно? И бандиты тут же поняли, какая перед ними открывается возможность. Раз волки оскрамлились, они сами нас отловят; быть может, им за это что-нибудь перепадет. Все очень просто.

— Наверно, — сказала Синтия. — Наверно, ты прав.

— В таком случае, — заключил я, — нам лучше здесь не задерживаться.

По склону холма мы спустились в очередную каменистую ложину и шли по ней, пока она не влилась в довольно широкую долину, идти по которой было уже легче.

По дороге нам попало дерево, от корней до макушки увитое виноградными лозами. Я взобрался на него. Большую часть плодов склевали птицы, однако мне повезло обнаружить парочку увесистых гроздей. Я сбросил их вниз. Виноград оказался кисловатым, но мы не привередничали. Мы были голодны, а посему с жадностью на него накинлись; однако я понимал, что рано или поздно наши желудки запросят чего-нибудь посущественней. Рыболовные снасти остались в рюкзаках, правда, у меня с собой был перочинный нож; можно будет нарезать ивовых прутьев и сплести из них невод. Мне вспомнилось, что соли у нас тоже нет, но это не беда — голод поможет нам не заметить ее отсутствия.

— Как по-твоему, Флетч, — спросила Синтия, — отыщем ли мы Элмера?

— Думаю, он сам разыщет нас, — ответил я. — У него не тот характер, чтобы забыть про друзей.

— В записке сказано, куда мы направились, — проговорила она.

— Записки нет, — напомнил ей я. — Записку нашли бандиты. Скорее всего, они уничтожили ее.

Эта долина была пошире оврага, который начинался от пещерки, но холмы с обеих ее сторон поднимались все выше и как будто надвигались на нас. Ландшафт изменился; на смену лесистым холмам пришли скалистые утесы футов ста с лишним высотой. Каждый следующий шаг давался нам тяжелее предыдущего, потому что пейзаж вселял в наши души суеверный страх. В долине стояла ледяная сердце тишина. По дну долины протекала полноводная речка, напрочь забывшая о том, что когда-то была ручейком и весело прыгала по камням. Она неторопливо и неслышно катила свои воды, и в ее молчании ощущалась грозная сила.

Солнце клонилось к западу; я сообразил, что мы провели в пути целый день, и немало тому удивился. Разумеется, я устал, но отнюдь не так сильно, как, по идее, должен был бы устать.

Я заметил впереди глубокую расщелину. Вершину утеса, в тело которого она вонзалась, венчала роща высоких деревьев, а к трещинам на его склоне лепились чахлые кедры.

— Пойдем посмотрим, — предложил я. — Нам надо выбрать место для ночевки.

— Мы замерзнем, — сказала Синтия. — У нас нет одеял.

— Разведем костер, — ответил я.

Она вздрогнула.

— А это не опасно? Ведь костер видно издалека.

— Без огня нам не обойтись, — сказал я.

В расщелине было темно. Разглядеть, где она кончается, мы не смогли, поскольку чем дальше от входа, тем гуще становилась темнота. Дно расщелины было усыпано камнями, однако поблизости от входа, около одной из стен, мы натолкнулись на большой и плоский валун.

— Пошел за дровами, — сказал я.

— Флетч!

— Нам нужно развести огонь, — проговорил я. — Без костра мы к утру превратимся в ледышки.

— Мне страшно, — призналась Синтия.

Я посмотрел на нее. Лицо девушки смутно белело в темноте.

— Мне страшно, — повторила она. — Я думала, что я выдержу. Я твердила себе, что бояться нечего. Я уговаривала себя потерпеть. Пока мы шли и пока светило солнышко, всё было в порядке. Но, Флетч, надвигается ночь, а у нас нет еды и мы не знаем, где находимся...

Я обнял Синтию. Она не сопротивлялась. Она обвила меня руками за шею и прижалась ко мне. И впервые с тех пор, как,

выходя из административного корпуса Кладбища, я увидел ее сидящей в автомобиле, я подумал о ней как о женщине и, по совести говоря, удивился самому себе. Поначалу она была для меня непредвиденной помехой нашим планам: явилась, понимаете ли, неизвестно откуда, да еще с этим смехотворным рекомендательным письмом от Торни. Потом нас закрутила череда событий, и воспринимать Синтию как женщину было попросту некогда. Она была всего лишь хорошим товарищем — не скулила, не ныла, терпеливо сносила все тяготы пути. Мысленно я обругал себя олухом. От меня вовсе бы не убыло, если бы я по дороге оказывал ей маленькие любезности; насколько я мог припомнить, ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Мы с тобою как младенцы в лесу, — пробормотала она. — Помнишь ту старую земную сказку?

— Конечно, помню, — ответил я. — Птицы принесли листьев...

Я не закончил фразу. Сказка эта, если задуматься, очень грустная. Помнится, птицы укрыли детей листвою потому, что те умерли. Так что эту сказку, как, впрочем, и многие другие, правильнее было бы назвать страшной историей.

Синтия подняла голову.

— Извини, — сказала она. — Все нормально.

Я взял ее за подбородок, наклонился и поцеловал в губы.

— А теперь пошли за дровами, — сказала она.

Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, но света пока было достаточно. Далеко за дровами идти не пришлось. У подножия утеса во множестве валялись сухие кедровые ветки, которые, видимо, время от времени сбрасывали лепившиеся к скалистой поверхности дерева.

— Наш костер можно будет заметить, только подойдя вплотную к расщелине, — проговорил я.

— А дым? — спросила Синтия.

— Дрова сухие, — буркнул я, — и дымить они не должны.

Я оказался прав. Пламя костра было ярким и чистым, а дым тянулся к выходу из расщелины едва различимой струйкой. Ночной холод еще не вступил в свои права, однако мы уселись поближе к огню. Он успокаивал, он отгонял мрак и сближал нас, он согревал нас и окружал магическим кругом.

Солнце закатилось; снаружи сгустились сумерки. Мы остались наедине с темнотой.

Что-то шевельнулось во тьме, за пределами освещенного пространства. Что-то звякнуло по камням.

Вскочив, я разглядел во мраке белое пятно. Волк подполз к костру. По его металлическому телу бежали блики пламени.

В зубах он держал кроличью тушку.
Волк, без сомнения, был грозой кроликов.

17 Когда мы доедали кролика, неожиданно появился О'Гилликадди в сопровождении остальных призраков. Несоленное кроличье мясо было довольно безвкусным, однако за весь день мы съели лишь несколько виноградин, а потому даже сам факт того, что мы жевали что-то плотное, придал нам уверенности в завтрашнем дне.

Волк растянулся у костра, положив голову на могучие лапы.

— Если бы он мог говорить, — сказала Синтия. — Быть может, он поведал бы нам, что творится вокруг.

— Волки не разговаривают, — пробормотал я, обсасывая берцовую кость кролика.

— Зато роботы говорят, — возразила Синтия. — Элмер говорит, и Бронко — тоже. А волк — такой же робот. Ведь он не животное, а только подобие животного.

Волк скосил глаза сначала на Синтию, потом на меня. Он ничего не сказал, но застучал хвостом по камню. Я подавил желание заткнуть уши.

— Волки не виляют хвостами, — продолжала девушка.

— Откуда ты знаешь?

— Читала где-то. В отличие от собак, волки хвостами не виляют. Значит, в нашем приятеле больше от собак, чем от волка.

— Он беспокоит меня, — признался я. — То он гонится за нами, чтобы пересгрызть нам горло, то набивается к нам в друзья. Бессмыслица какая-то! Так не бывает.

— Я начинаю думать, — сказала Синтия, — что на Земле все идет шиворот-навыворот.

Мы сидели у костра, внутри очерченного пламенем волшебного круга. Огонь замерцал; у меня возникло странное ощущение, будто воздух наполнен движением.

— У нас гости, — заметила Синтия.

— Это О'Гилликадди, — успокоил ее я. — О'Гилликадди, вы тут?

— Мы здесь, — отозвался О'Гилликадди. — Нас много. Мы пришли составить вам компанию.

— И, я надеюсь, принесли нам новости?

— Да. Нам есть о чем вам рассказать.

— Мы рады вам, — сказала Синтия. — Я хочу, чтобы вы об этом знали.

Волк дернул ухом, словно отгоняя комара или муху, хотя ни-

каких мух не было и в помине; а если бы и были, навряд ли бы они его потревожили.

Призраки, подумал я. Множество призраков, главный из которых величает себя О'Гилликадди. Призраки навестили наш приют, и мы принимаем их так, словно они — люди. Безумие чистой воды. Обычно рассказы о привидениях выслушиваются со снисходительной усмешкой, но на Земле, похоже, призраки успели стать вполне заурядным явлением.

Мне стало страшно. В какое же нелепое положение мы угодили, если реальность настолько неправдоподобна, что знакомые места — вроде Олдена с его тихой красотой или Кладбища с его напыщенной величавостью — утеряли с ней всякую связь!

— Боюсь, вам пока не удалось вырваться из когтей гробокопателей, — сообщил О'Гилликадди. — Они преследуют вас, пылая жаждой мщения.

— Иными словами, — сказал я, — они намерены предъявить Кладбищу наши скальпы.

— Именно так, досточтимый сэр.

— Но почему? — удивилась Синтия. — Они же враждуют с Кладбищем.

— Да, враждуют, — подтвердил О'Гилликадди. — На этой планете у Кладбища вообще нет друзей. Однако любой житель Земли с готовностью окажет Кладбищу услугу, рассчитывая на вознаграждение. Деньги и власть развращают людей.

— Но ведь им от Кладбища ничего не нужно, — воскликнула Синтия.

— На данный момент, может быть. Но если вознаграждение получить не сразу, если явиться за ним через некоторое время, оно же не перестанет быть таковым, не правда ли?

— Вы сказали, что Кладбищу согласится помочь любой житель Земли, — проговорил я. — А как насчет вас самих?

— О, мы — другое дело, — ответил О'Гилликадди. — Кладбище не в состоянии отблагодарить нас и, что гораздо важнее, оно не в состоянии навредить нам. Мы не ждем вознаграждения и не испытываем страха.

— Значит, мы в опасности?

— Они гонятся за вами, — сказал О'Гилликадди. — Они ни за что не откажутся от погони. Вы одолели их сегодня утром, и воспоминание об этом не дает им покоя. Одного из них загрыз стальной волк, другой умер...

— Мы тут ни при чем, — вмешалась Синтия. — Они стреляли в нас, а попали в него.

— Тем не менее, они винят в его смерти вас и хотят рассчитаться. Они винят вас во всем, что с ними случилось.

— Им придется попотеть, прежде чем они нас найдут, — проворчал я.

— Может быть, — согласился О'Гилликадди. — Но в конце концов они вас настигнут. Они знают лес, как свои пять пальцев. У них нюх охотничьих собак. Они замечают буквально все. Перевернутый камень, потревоженный лист, примятая трава — ничто не ускользнет от их внимания.

— Наша единственная надежда, — сказала Синтия, — найти Элмера и Бронко. Если они будут с нами...

— Мы знаем, где они, — сообщил О'Гилликадди, — но, поспешив к ним, вы прямиком угодите в руки разъяренных бандитов. Мы всячески старались явиться вашим товарищам, но они упорно нас не замечали. Чтобы ощутить наше присутствие, нужно обладать чувствительностью более обостренной, чем у робота.

— Мы пропали, — констатировала Синтия; голос ее слегка дрожал. — Вы не можете привести к нам Элмера с Бронко, а бандиты, по вашим словам, скоро нас нагонят.

— И это еще не все, — заявил О'Гилликадди, чуть ли не лучась от удовольствия. — На охоту вышли Разорительницы.

— Разорительницы? — переспросил я. — Разве их несколько?

— Их две.

— Вы говорите про боевые машины?

— Вы называете их так?

— Так называл их Элмер.

— Ну, они нам не страшны, — сказала Синтия. — Ведь боевые машины никак не связаны с Кладбищем.

— Вы уверены? — осведомился О'Гилликадди.

— То есть? — не понял я. — Им-то зачем Кладбище?

— Смазочные материалы, — лаконично пояснил О'Гилликадди.

Кажется, я застонал. Просто до невероятности и вполне логично. И в самом деле: источники питания у машин автономные, скорее всего, атомные; необходимый ремонт они наверняка выполняют самостоятельно. Единственное, что им требуется и чего у них нет, — смазка.

Конечно, Кладбище не могло пройти мимо такой возможности. Оно не упускало ничего, ревниво оберегая свое монопольное владение Землей.

— А Душелюб? — спросил я. — По-моему, он тоже тут замешан. Где он, кстати?

— Исчез, — сказал О'Гилликадди. — Он появляется, когда ему

вздумается, и не всегда сопутствует нам. Он — иной, чем мы. Мы не знаем, где он.

— А кто он?

— Как кто? Душелюб.

— Я не о том спрашиваю. Он человек или не человек? Может, он мутант? Земля в свое время, должно быть, кишела мутантами. Большей частью мутации сказывались на людях отрицательно; правда, судя по всему, такие мутанты со временем вымерли. Ну, так вот: гробокопатели обладают способностями к телепатии и Бог знает к чему еще; деревенские жители — наверно, тоже, хотя мы ничего особенного в их поведении не заметили. Даже вы, призраки...

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Разумеется, разумеется. Быть тенью — вовсе не естественное человеческое состояние. Пожалуй, теней не встретишь нигде, кроме Земли. Никто понятия не имеет, что творилось тут после того, как люди бежали в космос. Нынешняя Земля ничуть не похожа на прежнюю.

— Не увлекайся, — остановила меня Синтия. — Ты хотел узнать, связан ли Душелюб с Кладбищем.

— Уверен, что нет, — сказал О'Гилликадди. — Кто он, я не знаю. Я всегда считал его человеком. Он во многом напоминает вас, хотя, конечно, появился на свет иначе, и таких, как он, больше нет...

— Послушайте, — перебил я, — вы пришли к нам не просто так, а с какой-то целью. Вы бы не стали утруждать себя ради плохих вестей. Ну-ка, выкладывайте.

— Нас много, — сказала тень. — Мы нарочно собрались все вместе. Мы созвали весь клан, потому что испытываем к вам странную привязанность. Еще никому за всю историю Земли не удавалось так ловко прицепить Кладбищу хвост.

— И вы этим довольны?

— Весьма и весьма.

— И явились нас повеселить?

— Нет, не повеселить, — возразил О'Гилликадди, — хотя мы с радостью бы вас потешили. По нашему убеждению, мы сможем оказать вам маленькую услугу.

— Мы примем любую помощь, — сказала Синтия.

— К сожалению, объяснение будет довольно путаным, — предостерег О'Гилликадди, — а из-за отсутствия соответствующей информации вы можете мне не поверить. Дело вот в чем: будучи теми, кто мы есть, мы не имеем никаких контактов с материальной вселенной. Однако, как выяснилось, нам до известной степени под-

властно пространство и время, которые не то, чтобы составные части материальной вселенной, и не то, чтобы наоборот.

— Подождите, подождите, — не выдержал я. — Вы говорите о...

— Поверьте, — продолжал О'Гилликадди, — мы не нашли иного решения. Ничем иным мы вам помочь не в силах, но...

— Вы предлагаете, — уточнила Синтия, — переместить нас во времени.

— Буквально на чуть-чуть, — ответил О'Гилликадди. — На долю секунды, но этого будет достаточно.

— Но перемещения во времени неосуществимы, — возразила Синтия. — Как над ними ни бились, результаты оказывались совершенно неудовлетворительными.

— Вы это уже делали? — требовательно спросил я.

— По правде говоря, нет, — сказал О'Гилликадди, — однако мы поразмыслили, все прикинули и теперь почти уверены...

— Но не до конца?

— Увы, — ответил О'Гилликадди. — Не до конца.

— А вернуться мы сможем? — справился я. — Мне вовсе не улыбается провести остаток жизни в мире, который на долю секунды отстает от вселенной.

— Об этом мы тоже подумали, — беспечно отозвалась тень. — У входа в расщелину мы установим временную ловушку. Ступив в нее...

— А в ней вы уверены? Или опять не до конца?

— Она не подведет, — заверил О'Гилликадди.

Перспектива вырисовывалась довольно безрадостная, и потом, сказал я себе, откуда мы знаем, что он не лжет? Быть может, О'Гилликадди хочет использовать нас в качестве подопытных кроликов для какого-нибудь паршивого эксперимента. Кстати, а существуют ли тени вообще? Мы видели их или нам почудилось, что мы их видели там, у костра, на деревенском празднике. Но где доказательства? Всего-то и есть, что слова Душелюба да голос, который именует себя О'Гилликадди.

Вот именно, голос О'Гилликадди. Может, он такая же галлюцинация, как хоровод теней у костра в деревне или группа тех же теней в пещере, где состоялся наш первый разговор с Душелюбом? Да, но ведь слышу его не я один. Синтия тоже его слышит — по крайней мере ведет себя так, словно слышит. А может, мне помешалось? Черт-те что, выругался я мысленно; поневоле начнешь сомневаться не только в реальности окружающего мира, но и в своей собственной.

— Синтия, — позвал я, — ты действительно слышала...

Ослепительная вспышка больно ударила по глазам. Взрыв раз-метал костер. Пепел поднялся кверху расщелины; во все стороны полетели искры и пылающие ветки. Снаружи донесся приглушенный хлопок, за ним — другой; что-то чиркнуло о камень за нашими спинами.

Мы, все трое, вскочили на ноги. В узком проходе между скалами клубилась какая-то завеса. Не знаю, что это было, но она накатила на нас приливной волной, затопила пещеру и захлестнула с головой.

Потом она схлынула, но, как ни странно, мы ничего не почув-ствовали. Она как-то ухитрилась избежать соприкосновения с нами. Мы двое стояли там, где стояли.

Однако костер пропал, исчез без следа. А снаружи расщелины ярко светило солнце.

18 Долина изменилась. На первый взгляд она осталась прежней, но все же чувствовалось, что она уже не та. Она изменилась, и постепенно мы, стоя у входа в расщелину, начали замечать конкретные отличия.

Во-первых, в ней стало меньше деревьев и они будто слегка съежились. И листва на них была зеленой, еще не тронутой багрянцем осени. Даже трава была другой — не такая бархатная и не сочно-зеленая, а, скорее, желтоватая.

— Они сделали это, — прошептала Синтия. — Они сделали это без нашего согласия.

Не сон ли мне снится, подумал я, и не пригрезился ли мне О'Гилликадди со своей призрачной шайкой. Хорошо, если так, ибо если приснилось одно, значит, другое не может быть явью ни под каким видом.

— Но он говорил о доле секунды, — бормотала Синтия, — и утверждал, что ее вполне хватит. Он обещал сдвинуть время ровно на столько, чтобы защитить нас от настоящего. Речь шла о мгновении, о едином миге...

— Они напортачили, — сказал я. — И напортачили здорово.

Я понял, что это не сон, что нас в самом деле переместили во времени, правда, на промежуток значительно больший, чем доля секунды, о которой говорил О'Гилликадди.

— Они впервые попробовали применить свои способности, — сказал я. — Они не знали, получится у них или нет. Они провели испытание на нас и опростоволосились.

Мы вышли из расщелины на солнышко. Я оглядел утес: на его отвесном склоне не было никаких кедров.

Я ощутил нарастающий гнев. Кто знает, как далеко мы оказались

отброшенными в прошлое? По крайней мере кедр еще не пустил корни, а если я ничего не напутал, кедр вырастает не за год и не за два. Некоторым из тех деревьев, что лепились к поверхности утеса, должно быть как минимум несколько сотен лет.

Ну и дела, подумалось мне. Там, в настоящем, мы заблудились в пространстве, а теперь, добавок, и во времени. И где гарантия, что мы сможем вернуться? О'Гилликадди обещал установить временную ловушку, но если ему о временных ловушках известно столько же, сколько о перемещении людей во времени... Повезло, нечего сказать.

— Мы в далеком прошлом, да? — спросила Синтия.

— Ты попала в самое яблочко, — сказал я. — Один Бог знает, в каком далеком. Во всяком случае наши призраки вряд ли об этом догадываются.

— Но там были бандиты, Флетч.

— Ну и что? — буркнул я. — Волк разогнал бы их в три секунды. Совершенно незачем было нас трогать. О'Гилликадди зря устроил панику.

— Волк остался там, — проговорила Синтия. — Бедняжка. Они не смогли перебросить его вместе с нами. Кто теперь будет ловить нам кроликов?

— Мы сами, — буркнул я.

— Мне его не хватает, — сказала она. — Я так быстро к нему привыкла.

— Они были бессильны, — объяснил я. — Волк всего лишь робот...

— Робот-мутант, — поправила Синтия.

— Роботов-мутантов не бывает.

— Бывают, — возразила она. — Вернее, были. Волк переменялся. Что заставило его перемениться?

— Элмер нагнал на него страху, расколошматив двух его приятелей. Он сообразил, что к чему, и живенько переметнулся на сторону победителя.

— Нет, не думаю. Конечно, он испугался, однако слишком уж разительна перемена, которая с ним произошла. Ты знаешь, что мне кажется, Флетч?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он эволюционировал, — заявила Синтия. — Робот может эволюционировать.

— Пожалуй, — пробормотал я. Она меня ничуть не убедила, но надо было что-нибудь сказать, чтобы остановить ее. — Давай посмотримся. Может, определим, где мы.

— И когда.

— И это тоже, — согласился я, — если удастся.

Мы спустились в долину, двигаясь медленно и, я бы сказал, нерешительно. Торопиться было некуда: на пятки нам никто не наступал. А потом, в нашей медлительности и нерешительности крылось нежелание входить в новый мир, крылся страх перед неизведанным и осознание того, что мы очутились в прошлом, где быть не имеем права. Этот мир был иным, и непохожесть его проявлялась не только в желтоватом оттенке травы или в меньшей высоте деревьев; разница между двумя мирами была, скорее всего, не физическая, а чисто психологическая.

Мы шли по долине, сами не зная, куда направляемся. Холмы слегка расступились, и долина словно распахнулась. Впереди в голубоватой дымке маячила очередная гряда холмов. Наша долина плавно переходила в другую; через милое с небольшим мы вышли к реке; в нее впадал ручей, течения которого мы все время придерживались. Река была широкой и быстрой. Вода в ней казалась темной и маслянистой и неумолчно клочкотала. При взгляде на нее становилось немного не по себе.

— Смотри, там что-то есть, — сказала Синтия.

Я взглянул туда, куда она показывала.

— Похоже на дом, — продолжала она.

— Не вижу.

— Я различила крышу. По крайней мере, мне так показалось. Деревья мешают.

— Пошли, — сказал я.

Дом мы увидели, только выйдя к полю. Впрочем, небольшой участок земли, на котором неровными рядами росла чахлая, заглушаемая сорняками, едва ли по колено высотой пшеница, полем назвать было трудно. Изгородь отсутствовала. Поле, расположенное на крохотном уступе над рекой, огораживали деревья. Среди колосьев виднелись пни. На одном краю поля лежали кучи сухих веток. Видно, в свое время кто-то расчистил участок земли, вырубив мешавшие деревья.

Дом стоял за полем, на невысоком бугре. Даже издали вид у него был весьма непрезентабельный. Рядом с ним был когда-то разбит теперь совершенно заросший сад; из-за дома выглядывало сооружение, которое я принял за амбар. На дворе никого не было видно. Дом оставлял впечатление заброшенности, словно тот, кто жил в нем, давно уже тут не живет. У крыльца стояла покосившаяся скамейка, а рядом с настежь распахнутой дверью — колченогий стул. Передние его ножки были длиннее задних, и всякий, кому вздумалось бы на него усестись, рисковал сломать себе шею. Посреди двора валялось на боку ведро; легкий ветерок забавлялся с ним,

перекатывая его из стороны в сторону. Еще во дворе был деревянный чурбан, на котором, по-видимому, кололи дрова: его поверхность была испещрена оставленными топором отметинами. На стене дома висела на двух крючках или гвоздях поперечная пила. Под ней приткнулась к стене мотыга.

Подойдя к чурбану, мы почувствовали запах — сладковатый, страшный запах, брошенный нам в лицо порывом ветра или случайным завихрением воздуха. Мы отступили, и запах стал слабее, а потом исчез так же внезапно, как и появился. Однако какой-то своей частью он словно приклеился к нам, словно проник в поры нашей кожи.

— В доме, — проговорила Синтия, — в доме кто-то есть.

Я кивнул. Я знал наверняка, какое ужасное зрелище нас ожидает.

— Оставайся здесь, — сказал я.

Вспрыве она не возразила. Она была рада остаться снаружи.

Я был у двери, когда запах снова обрушился на меня. Прикрыв руками нос и рот, чтобы хоть как-то защититься от зловония, я перешагнул порог.

Внутри дома было темно. Я остановился у двери, давая глазам привыкнуть к темноте и борясь с приступами рвоты. Колени у меня подгибались; запах как будто лишил меня всех и всяческих сил. Но я держался. Мне надо было узнать, почему в доме так омерзительно воняет.

Я догадывался почему, но хотел увериться в своем предположении; и потом, бедняга, который лежит где-то в темной комнате, вправе рассчитывать на сострадание соплеменника даже в подобных условиях.

Я начал различать очертания предметов. Рядом с грубым очагом из местного камня стоял самодельный хромоногий стол с двумя кастрюлями и сковородой с длинной ручкой на столешнице. Посреди комнаты валялся перевернутый стул. В углу виднелась куча тряпья; на стене висела одежда.

Еще в комнате была кровать. И на кровати кто-то лежал.

Я заставил себя приблизиться к кровати. Два глаза уставились на меня из черной, расплзшейся массы. Но что-то было не так; я заметил нечто ужаснее омерзительного зловония, нечто отвратительнее черной разбухшей плоти.

На подушке покоились две головы. Не одна, а две!

Я принудил себя нагнуться над постелью и удостовериться в увиденном — в том, что обе головы принадлежат одному существу и сидят на одной шее.

Отшатнувшись, я согнулся пополам, и меня вырвало.

Я побрел было к двери, но краем глаза углядел хромоногий стол

с кухонной утварью. Пытаясь схватить кастрюли и сковородку, я налетел на стол и перевернул его. Сжимая в одной руке сковородку, а в другой — кастрюли, я вывалился на улицу.

Колени мои подломились, и я плюхнулся на землю. Лицо мое было словно заляпано грязью. Я провел по нему рукой, но ощущение не исчезло. Меня будто всего облили грязью с ног до головы.

— Где ты раздобыл кастрюли? — спросила Синтия.

Что за идиотский вопрос! Интересно, где я мог их раздобыть?!

— Есть, где их вымыть? — сказал я. — Колодец или что-нибудь в этом роде.

— В саду протекает ручей. Быть может, найдется и родник.

Я остался сидеть. Тронув рукой подбородок, я стер с него рвоту и вытер руку о траву.

— Флетч!

— Да?

— Там мертвец?

— Мертвец, — подтвердил я. — И умер он давным-давно.

— Что мы будем делать?

— В смысле?

— Ну, надо, наверно, похоронить его...

Я покачал головой.

— Не здесь и не сейчас. И вообще, с какой стати? Он от нас этого не ждет.

— Что с ним случилось? Ты не смог определить?

— Нет, — ответил я коротко.

Она смотрела, как я неуверенно поднимаюсь на ноги.

— Пошли мыть кастрюли, — сказал я. — И сам заодно умоюсь. Потом нарвем в саду овощей...

— Что-то тут не так, — проговорила Синтия. — Мертвец мертвецом, но что-то тут не так.

— Помнишь, ты хотела узнать, в какое время мы попали? Кажется, я знаю.

— Мертвец натолкнул тебя на мысль?

— Он урод, — буркнул я. — Мутант. У него две головы.

— Но при чем...

— Это означает, что нас забросило в прошлое на несколько тысячелетий. Впрочем, нам следовало догадаться раньше. Низкорослые деревца. Трава желтого цвета. Земля только-только начала отходить от войны. Мутанты вроде двухголового уroda там, в доме, были обречены. В послевоенные годы таких, как он, должно быть, было много. Физические мутанты. Через тысячелетие-другое они вымрут. Однако один из них уже умер.

— Ты ошибаешься, Флетч.

— Хотелось бы надеяться, — сказал я, — но абсолютно уверен, что нет.

Не знаю: то ли я случайно взглянул на склон холма, то ли меня насторожило едва заметное движение; но бросив взгляд на холм, я заметил некий предмет конусообразной формы, который быстро перемещался — вернее будет сказать, плыл — вдоль гребня. В следующее мгновение он пропал из вида, но я узнал его. Ошибки быть не могло.

— Ты видела его, Синтия?

— Нет, — ответила она. — Там никого не было.

— Там был Душелюб.

— Не может быть! — воскликнула она. — Ты же сам утверждал, что мы в далеком прошлом. Хотя...

— Вот то-то и оно, — сказал я.

— По-твоему, мы думаем об одном и том же?

— Я не удивлюсь, если окажется, что это так. Должно быть, Душелюб и есть твой бессмертный человек.

— Но в письме говорится про Огайо...

— Я помню. Но послушай. Когда твой предок писал письмо, он находился в весьма почтенном возрасте, правильно? Он полагался на память, а она — штука капризная. Где-то он услышал про Огайо; вполне возможно, старик, что рассказывал ему обо всем, упомянул Огайо, но не как ту реку, на которой произошла его встреча с анахронизмом, а просто как реку в окрестностях. Естественно, с годами ему начало казаться, что все случилось именно на Огайо.

Синтия шумно вздохнула. Глаза ее горели.

— Подходит, — проговорила она. — Подходит! Вот река, вот холмы. Значит, мы стоим на том самом месте!

— Но если он ошибался насчет Огайо, — охладил я ее пыл, — то клад могли спрятать где угодно. Рек и холмов на Земле не перечесть. Тебя это не обескураживает?

— Однако он называет анахронизма человека.

— Вовсе нет. Он говорит, что тот выглядел, как человек, но в нем было что-то нечеловеческое. Таково было первое впечатление. А потом твой предок и думать забыл про свои ощущения.

— Ты полагаешь?...

— Да.

— Если ты видел в самом деле Душелюба, почему он убежал? Неужели он не узнал нас? Ой, что я говорю! Конечно, нет, — мы же еще не встретились? Наше знакомство состоится через много-много лет. Как ты думаешь, мы его найдем?

— Попробуем, — сказал я.

Бросив кастрюли и забыв об овощах к обеду, мы кинулись следом

за Душелюбом. Я совсем забыл, что лицо у меня испачкано блевотиной. Подъем на холм был тяжелым. Деревья, густые заросли кустарника, каменистые выступы, которые приходилось обходить; местами мы буквально ползли на карачках, цепляясь за корни и ветки.

Лихорадочно карабкаясь по склону, я спрашивал себя, зачем мы так торопимся. Если дом бессмертного человека стоит поблизости от вершины холма, можно не спешить, потому что в ближайшее время его хозяин наверняка никуда не денется. А если дома поблизости нет, тогда эта сумасшедшая гонка вообще ни к чему. Если тот, кого мы преследуем, и в самом деле Душелюб, он давно уже спрятался в укромном местечке или постарался оторваться от нас.

Однако мы лезли все выше и выше, и наконец деревья и кусты расступились, и нашим глазам предстала лысая вершина холма, на которой возвышался дом — выдавший виды старинный дом, ничуть не похожий на тот, где я обнаружил двуглавого мертвеца. Дом был обнесен аккуратным частоколом, который, видно, только на днях выкрасили в белый цвет. У крыльца росло дерево, усыпанное розовыми цветками; вдоль забора были посажены розы.

Окончательно запыхавшись, мы упали на землю. Наша взяла; вот он, дом анахронизма!

Отдышавшись, мы сели и оглядели друг друга.

— Да, — протянула Синтия. — Ну у тебя и видок.

Достав из кармана своей куртки носовой платок, она вытерла мне лицо.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Мы встали и неторопливо направились к дому, как если бы нас пригласили туда в гости.

Войдя в ворота, мы увидели на крыльце человека.

— Я опасался, что вы передумали, — сказал он, — и уже не придете.

— Извините нас, пожалуйста, — попросила Синтия. — Мы слегка задержались.

— Ничего страшного, — успокоил нас хозяин. — Вы как раз к ленчу.

Это был высокий худощавый мужчина в черных брюках и темной куртке. Из-под куртки виднелась белая рубашка с расстегнутым воротом. У него было бронзовое от загара лицо, волнистые седые волосы и коротко подстриженные, с проседью, усики.

Втроем мы вошли в дом. Комната, где мы очутились, была маленькой, но обстановка ее поражала неожиданной изысканностью. У стены стоял буфет, на нем — кувшин. Середину комнаты занимал покрытый белой скатертью стол. Он был уставлен серебряной и

хрустальной посудой. К столу были придвинуты три стула. На стенах висели картины; ноги утопали в пушистом ковре.

— Мисс Лансинг, пожалуйста, садитесь сюда, — пригласил наш хозяин. — А мистер Карсон сядет напротив. Приступим к еде. Суп, я уверен, еще не успел остыть.

Нам никто не прислуживал. Невольно складывалось впечатление, что в доме, кроме нас троих, никого нет, хотя, подумалось мне, наш хозяин вряд ли готовил кушанья самостоятельно. Мысль мелькнула и исчезла, ибо она никак не соответствовала изысканности комнаты и богатству сервировки.

Суп был превосходным, свежий салат приятно похрустывал на зубах, отбивные таяли во рту. Вино удовлетворило бы самый утонченный вкус.

— Быть может, это вас заинтересует, — сказал наш радушный хозяин. — Дело в том, что предположение, которое вы выдвинули — надеюсь, не для красного словца — при нашей последней встрече, показалось мне весьма любопытным, и я тщательно его обдумал. Как было бы здорово, если бы человеку вдруг представилась возможность собирать не только свои собственные впечатления, но и впечатления других людей. Вообразите, какое богатство ожидало бы его в преклонном возрасте. Он одинок, старые друзья умерли, а познавать новое он не способен чисто физически. Но он протягивает руку и снимает с полки шкатулку, в которой, если можно так выразиться, заключены впечатления прежних дней; открыв ее, он переживает тот или иной случай заново, причем ничуть не менее остро, чем в первый раз.

Я удивился услышанному, но не особенно. Я ощущал себя человеком, которому снится сон и который сознает, что видит сон, но никак не может проснуться.

— Я попытался представить, — продолжал наш хозяин, — каким должно было бы быть содержимое такой шкатулки. Помимо голых фактов, то бишь опыта как такового, человек наверняка сохранил бы, скажем так, фоновые впечатления — иначе говоря, звук, дуновение ветра, солнечный свет, бег облаков по небу, цвета и запахи. Ибо, чтобы достичь результата, о котором мы упомянули, воспоминание должно быть насколько возможно полным. Оно должно содержать в себе все элементы, необходимые для пробуждения памяти о каком-нибудь событии многолетней давности. Вы согласны со мной, мистер Карсон?

— Да, — сказал я, — целиком и полностью.

— Кроме того, я попробовал определить критерии отбора впечатлений. Разумно ли будет выбирать лишь радостные воспоминания, или все-таки не следует пренебрегать и печальными? Пожалуй,

стоило бы сохранить воспоминания о постигших человека разочарованиях, хотя бы ради того, чтобы мы не забывали о смирении.

— По-моему, — встала Синтия, — не надо ограничивать себя в выборе. Однако я бы все же отдала предпочтение радостным переживаниям. Печальные, разумеется, тоже нужны, но я бы положила их в укромный уголок, где они не бросались бы в глаза и откуда, если потребуется, их было бы легко извлечь.

— По правде сказать, — ответил наш хозяин, — я пришел точно к такому же выводу.

Я отдыхал душой, наслаждаясь дружеской атмосферой просвещенной беседы. Пускай мне все это только снится, я не хочу иной реальности. Я даже затаил дыхание, словно опасаясь, что колебания воздуха разрушат чудесную иллюзию.

— Нам следует принять во внимание еще один фактор, — говорил между тем хозяин. — Обладая способностью, о которой идет речь, удовлетворится ли человек лишь сбором впечатлений в естественном течении жизни или попытается создать переживания, которые, по его мнению, могут сослужить ему службу в будущем?

— Мне кажется, — сказал я, — что удобнее всего собирать впечатления по ходу дела, не прилагая к тому особых усилий. Так, позвольте заметить, будет честнее.

— Стараясь проникнуть в суть проблемы, — ответил хозяин, — я вообразил себе мир, в котором дети не взрослеют. Разумеется, вы можете упрекнуть меня в неорганизованности мышления, которое перескакивает с одного предмета на другой; я с готовностью принимаю ваш упрек. Так вот, в мире, где человек в состоянии сохранять свои впечатления, он в любой момент в будущем сможет заново пережить прошлое. Но в мире вечной юности у него нет необходимости в сборе воспоминаний, поскольку каждый новый день будет для него таким же удивительным, как предыдущий. Вы знаете, детям присуща радость жизни. В их мире не будет страха ни перед смертью, ни перед будущим. Жизнь там будет вечной и неизменной. Люди окажутся как бы заключенными в постоянную матрицу, и незначительные ежедневные колебания, которые будут в ней происходить, минуют их внимание. Если вы думаете, что они начнут скучать, то глубоко заблуждаетесь. Однако, боюсь, я утомил вас своими рассуждениями. Позвольте мне кое-что вам показать. Одно из моих недавних приобретений.

Он поднялся из-за стола, подошел к буфету, снял с него кувшин и протянул Синтии.

— Гидрия, — пояснил он. — Сосуд для воды из Афин. Шестой век, прекрасный образчик стиля "черных фигур". Горшечник брал красную глину, добавлял к ней немного желтой и лепил кувшин,

а выдавленные изображения покрывал слоем черной глазури. Кстати, взглянув на дно, вы увидите клеймо горшечника.

Синтия перевернула кувшин.

— Вот оно, — проговорила она.

— Перевод, — заметил хозяин, — звучит так: "Никостенес изготовил меня".

Синтия передала кувшин мне. Он был тяжелее, чем я думал. Глазурованный рисунок на его боку изображал поверженного воина со щитом в одной руке и копьем в другой. Древко копья упиралось в землю, наконечник был устремлен в небо. Повернув кувшин, я обнаружил иной рисунок: воин стоял, опершись на щит, и удрученно глядел на сломанное копье у своих ног. Видно было, что он неизменно устал и проиграл сражение; об этом говорила его подавленная поза.

— Вы сказали, из Афин?

Хозяин кивнул.

— Мне повезло найти его. Чудесный образчик лучшей греческой керамики той поры. Видите, фигуры стилизованы? Тогда горшечники совершенно не заботились о реалистичности изображений. Из интересовал орнамент, а никак не форма.

Он забрал у меня кувшин и поставил его обратно на буфет.

— К сожалению, — сказала Синтия, — нам пора. Большое вам спасибо; все было просто замечательно.

Если мне и прежде чудилось, что я грежу наяву, то теперь это ощущение усилилось. Комната словно поплыла у меня перед глазами. Я не помнил, как мы вышли из дома, и очнулся лишь у ворот изгороди.

Я резко обернулся. Дом стоял на прежнем месте, но выглядел куда более дряхлым, чем раньше. Дверь была приоткрыта, и гулявший по гребню холма ветер норовил распахнуть ее пошире. Покосившийся коньковый брус придавал дому довольно странный вид. Стекла в оконных рамах отсутствовали. Не было ни частокола, ни роз, ни цветущего дерева у крыльца.

— Нас одурачили, — проговорил я.

Синтия судорожно слотнула.

— Не может быть, — пробормотала она.

Зачем? — спрашивал я себя. Зачем он, кто бы он там ни был, сделал это? Зачем ему было утруждать себя колдовством? Если ему не хотелось встречаться с нами, то почему он так настойчиво зазывал нас в гости? Мог бы, в конце концов, оставить все, как есть: мы осмотрели бы старинный дом, в котором явно никто не жил в течение многих лет, и ушли своей дорогой.

Сопровождаемый Синтией, я вернулся в дом. С первого взгляда

комната показалась мне той же самой, но потом я заметил, что она утратила былую изысканность. Со стен исчезли картины, с пола пропал ковер. Стол посреди комнаты, три стула, придвинутые к нему нашими руками... Стол был пуст. Буфет никуда не делся, и на нем возвышался знакомый кувшин.

Я взял его в руки и подошел к двери, где было светлее. Судя по всему, наш хозяин показывал нам именно его.

— Ты разбираешься в греческой керамике? — справился я у Синтии.

— Я знаю лишь, что у них была посуда с черными рисунками и посуда с красными рисунками. Черные рисунки появились раньше. Я потер пальцем клеймо горшечника.

— Значит, надпись прочесть ты не сможешь?

Девушка покачала головой.

— Нет. Мне известно, что горшечники пользовались подобными клеймами, но по-гречески я не понимаю. Кстати сказать, этот кувшин слишком новый, как будто его достали из печи для обжига только вчера. На нем нет никаких следов возраста. Обычно такие горшки находят при раскопках, и по ним сразу видно, что они пролежали в земле сотни лет. А этот выглядит так, словно никогда в земле и не был.

— Скорее всего, он в самом деле там не был, — сказал я. — Анахронизм, должно быть, позаимствовал его вскоре после изготовления, как чудесный образчик тогдашней керамики. Естественно, что он с него чуть ли не пылинки сдувал.

— Ты считаешь, мы видели анахронизма?

— А кого же еще? Кому еще в послевоенную пору могло быть дело до греческой посуды?

— Но у него так много личин! Он и Душелюб, и тот аристократ, который угощал нас ленчем, и тот человек, с которым разговаривал мой предок.

— Мне кажется, — ответил я, — он может быть кем угодно. Или по крайней мере может внушить людям, что он тот-то и тот-то. Я подозреваю, что, приняв облик Душелюба, он открылся нам в своем настоящем образе.

— Но тогда, — сказала Синтия, — нам с тобой надо лишь отыскать вход в колодец, что ведет в подземную пещеру, и клад наш!

— Да, — согласился я, — однако что ты собираешься с ним делать? Любоваться на сокровища до конца жизни? Или выбрать украшение себе на платье?

— Но теперь мы знаем, где он находится!

— Ну и что? Если мы сможем вернуться в настоящее, если тени

соображают, что творят, если они установят временную ловушку и если она не забросит нас на несколько тысячелетий в будущее относительно нашего всамделишного настоящего...

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Скажем так: я не отрицаю ни одной из возможностей.

— Флетч, а если временной ловушки в расщелине не окажется? Если нам не удастся вернуться?

— Как-нибудь проживем.

Мы вышли из двери и направились вниз по склону холма. Впереди, за пшеничным полем, сверкала река; вдалеке виднелся окруженный садом дом, в котором лежал двуглавый мертвец.

— Я не надеюсь на временную ловушку, — сказала Синтия. — Тени — не ученые, с ними каши не сварить. Обещали переместить нас во времени на долю секунды, а забросили вон куда.

Я чуть было не выругался. Нашла время для таких рассуждений, черт бы ее побрал!

Синтия схватила меня за руку. Я обернулся.

— Флетч, — пробормотала она, — но как же нам быть, если временная ловушка не сработает?

— Сработает, — ответил я.

— А если нет?

— Тогда, — сказал я, — мы вычистим вон тот дом внизу и поселимся в нем. Там есть инструменты. Мы соберем в саду семена и посадим другие сады. Мы будем рыбачить, охотиться — словом, жить.

— И ты полюбишь меня, Флетч?

— Да, — сказал я, — полюблю. Вернее, уже люблю.

Шагая через пшеничное поле, я думал о том, что страхи Синтии могут оказаться не напрасными. Вдруг О'Гилликадди и его приятели действовали по указке Кладбища? Когда я впрямую спросил О'Гилликадди, он уклончиво ответил, что Кладбище не в состоянии ни подкупить их, ни причинить им вред. Как будто он говорил правду, но где тому доказательства? О'Гилликадди с его способностью манипулировать временем был бы для Кладбища сущей находкой. Ведь перекинув нас во времени и отрезав нам все пути к возвращению, никакого постороннего вмешательства можно больше не опасаться.

Я вспомнил розовый мир Олдена — нашего с Синтией Олдена. Я представил себе Торни, как он рассуждает о сгинувших в никуда анахронизмах и проклинает недостойных искателей сокровищ, которые грабят древние поселения и лишают археологов возможности изучать былые культуры. С горечью в душе я припомнил свои собственные планы, припомнил, как хотел сочинить композицию о

Земле. Синтия занимала в моих мыслях особое место. Она пострадала сильнее любого из нас. Вызвавшись передать мне письмо от старины Торни, она в итоге угодила в такой переплет, о котором не думала и не гадала.

Если временной ловушки в расщелине не будет, нам придется поступить именно так, как я сказал. Иного выхода у нас нет. Однако мы с Синтией не приспособлены к такой жизни. А скоро, вдобавок, наступит зима, и, если мы хотим выжить, нам надо к ней подготовиться. Дождавшись весны, мы, быть может, что-нибудь придумаем.

Я постарался отогнать эти мысли, не желая падать духом раньше времени, но они упорно возвращались. Ужасная перспектива словно зачаровывала меня.

Мы спустились к реке и, двигаясь по ее берегу, дошли до оврага, что вел к расщелине, в которой мы прятались от бандитов. Никто из нас не проронил ни слова. По-моему, мы боялись заговорить.

Миновав поворот, мы увидим желанный утес. Ждать осталось недолго. Скоро мы все узнаем.

Мы миновали поворот — и остановились как вкопанные. У подножия утеса стояли две боевые машины. Ошибиться было невозможно. Мне кажется, я догадался бы о том, что они такое, в любом случае, даже если бы я в свое время не прислушивался к рассказам Элмера.

Их размеры поражали воображение. Впрочем, будь они меньше, в них не уместилось бы все то вооружение, которым их напичкали. Они были футов, по меньшей мере, ста длиной, примерно вполовину этого расстояния шириной и футов двадцати или около того высотой. Они стояли бок о бок и выглядели весьма внушительно. В их уродстве ощущалась могучая сила. От одного взгляда на них по спине пробегала дрожь.

Мы смотрели на них, а они разглядывали нас. Мы чувствовали на себе их взгляды.

Одна из машин подала голос — определить, какая именно, было невозможно.

— Не убегайте, — сказала она. — Вам не нужно нас бояться. Мы хотим поговорить с вами.

— Мы не убежим, — ответил я, подумав, что бежать было бы бессмысленно. Они моментально догонят нас; в этом я не сомневался.

— Никто не хочет нас выслушать, — чуть ли не жалобно продолжала машина. — Все убегают от нас. А мы хотим подружиться с людьми, потому что мы сами — люди.

— Мы вас выслушаем, — пообещала Синтия. — Что вы собираетесь нам рассказать?

— Давайте сначала познакомимся, — предложила машина. — Меня зовут Джо, а его — Иван.

— Меня зовут Синтия, — ответила Синтия, — а моего спутника — Флегчер.

— Почему вы не убежали от нас?

— Потому что мы не испугались, — сказала Синтия. Я мысленно усмехнулся: на последних словах голос девушки предательски задрожал.

— Потому что, — добавил я, — бежать не имеет смысла.

— Мы — боевые ветераны, — заявил Джо. — Наша служба давно окончилась, и мы горим желанием помочь людям восстановить планету. Мы много странствовали. Те несколько человек, которых мы встретили, отказались от нашей помощи. Честно говоря, нам показалось, что они питают к нам отвращение.

— Их можно понять, — сказал я. — Вы крепко насолили им в дни войны.

— Мы никому не насолили, — возразил Джо. — Мы не сделали ни единого выстрела, — ни он, ни я. Война подошла к концу прежде, чем мы успели повоевать.

— Как давно это случилось?

— По нашим собственным подсчетам, немногим больше полутора тысяч лет назад.

— Вы уверены? — спросил я.

— Абсолютно, — ответил Джо. — Если потребуется, мы можем вычислить дату с точностью до дня.

— Не стоит, — сказал я. — Полторы тысячи лет меня вполне устраивают. — Значит, добавил я про себя, доля секунды О'Гилликадди обернулась восемьюдесятью с хвостиком столетиями!

— Скажите, — спросила Синтия, — помнит ли кто-нибудь из вас робота по имени Элмер?...

— Элмер!

— Да, Элмер. Он говорил нам, что руководил строительством последней из боевых машин.

— Откуда вы знаете Элмера? Где он?

— Мы познакомились с ним в будущем, — ответил я.

— Так не бывает, — возразил Джо. — Нельзя знакомиться в будущем.

— Это долгая история, — сказал я. — Мы расскажем ее вам как-нибудь в другой раз.

— Нет, сейчас, — уперся Джо. — Элмер — мой старинный друг. Он работал надо мной, не над Иваном. Иван русский.

Мне стало ясно, что обещаниями от него не отделаешься. Иван до сих пор не издал ни звука, зато Джо тараторил за двоих. Отыскав

тех, кто наконец-то согласился его выслушать, он, как видно, намерен был выговориться за все годы вынужденного молчания.

— Вы там, мы тут; так не годится, — проговорил Джо. — Заходите-ка.

В лобовой части одной из машин открылся люк, из которого выехала лесенка. В проеме люка виднелось небольшое освещенное помещение.

— Каюта механиков, — сообщил Джо. — Находясь в ней, они могли спокойно заниматься ремонтом под защитой моей брони. По совести говоря, механикам с нами делать было нечего. Во всяком случае, ко мне они уж точно не прикасались. Когда в боевой машине что-нибудь разлаживалось, можно было с хода утверждать, что поломка серьезная. Несерьезные мы исправляли сами. Те из нас, кто соглашался на ремонт, обычно представляли собой грудку металла. Домой возвращались немногие; такова была традиция. Поднимайтесь на борт.

— Думаю, все будет в порядке, — сказала Синтия.

Я не разделял ее уверенности.

— Конечно, в порядке, — прогудел Джо. — Каюта маленькая, но удобная. Если вы голодны, я могу вас накормить. Не очень, правда, вкусно, зато питательно. Меня оборудовали всем необходимым для приготовления легкой закуски — на случай, если механики проголодаются.

— Нет, спасибо, — ответила Синтия. — Мы только недавно победили.

По лесенке мы поднялись в каюту. В углу ее стоял столик, у стены примостилась кушетка, напротив нее возвышалась двухъярусная кровать. Мы уселись на кушетку. Джо не преувеличивал: каюта была тесная, но удобная.

— Приветствую вас на борту, — сказал Джо. — Очень рад вашему присутствию.

— Меня заинтересовала одна вещь, — проговорила Синтия. — Вы сказали, что Иван — русский.

— Так оно и есть. Вы, наверно, думаете, раз русский — значит, враг. Когда-то он был моим врагом, а потом мы подружились. Когда меня проверили, загрузили оборудованием и боеприпасами, я через Канаду и Аляску направился к Берингову проливу, пересек его под водой и покатил в Сибирь. На связь с базой я выходил редко, чтобы меня не обнаружил противник. Мне поручено было уничтожить несколько объектов, но, как выяснилось, все они были нейтрализованы без моего участия. Вскоре после того, как я достиг первого объекта, связь с базой прервалась и уже не возобновлялась. Прервалась, и все. Сначала я решил, что произошло временное нару-

шение связи, а затем пришел к выводу, что причина куда серьезнее. Быть может, моя страна потерпела поражение; быть может, военные центры зарылись еще глубже под землю. Как бы то ни было, сказал я себе, свой долг я исполню до конца. Я был патриотом, натуральным ура-патриотом. Вы понимаете меня?

— Я изучала историю, — ответила Синтия. — Поэтому я вполне понимаю вас.

— Я двинулся дальше. Все мои цели оказались уничтоженными, так что я занялся поиском, как тогда выражались, вероятного противника. Я прослушивал эфир, надеясь уловить сигналы секретных военных баз. Но сигналов не было — ни наших, ни вражеских. И вероятного противника тоже не было. По пути мне попадались группки людей; увидев меня, они бросались врассыпную. Я не преследовал их. На роль противника они не годились. Не станешь же тратить ядерный заряд на то, чтобы поразить горстку людей, — в особенности если их смерть не обеспечит тебе тактического преимущества. Я проезжал по разрушенным городам, в которых обитали остатки человечества. Я видел огромные воронки в несколько миль в поперечнике; меня окутывали клубы ядовитого тумана; под мои колеса стелилась выжженная до основания земля, на которой не росло ни травинки, и лишь кое-где мелькали чахлые деревца. Я не могу передать вам своих чувств, не могу описать, как это все выглядело.

Наконец я повернул обратно и не спеша направился домой. Торопиться теперь было некуда, и мне о многом надо было поразмыслить. Я не стану излагать вам своих мыслей. Скажу только, что патриот во мне умер. Я излечился от патриотизма.

— Мне вот что непонятно, — сказал я. — Я знаю, что в вашем мозгу заключено сознание нескольких людей. Вы же все время говорите о себе в единственном числе.

— Когда-то, — ответил Джо, — нас было пятеро. Пятеро тех, кто согласился пожертвовать телом и статусом человека ради того, чтобы наделить сознанием боевую машину. Среди нас был весьма известный ученый, профессор математики; среди нас был военный, генерал и опытный полководец. Остальные трое были астроном с хорошей репутацией, биржевой брокер на покое и, как ни странно, поэт.

— Значит, вы поэт?

— Нет, — возразил Джо. — Я не знаю, кто я. Впятером мы составили единое целое. Наши сознания нераздельны. Порой я отождествляю себя с одним или с другим членом пятерки, но это все равно получается отождествление с самим собой. Я — единое

целое и в то же время — каждый из пяти. Правда, чаще всего я — один.

В мозгу Ивана заключены четыре человеческих сознания, но большей частью он, подобно мне, ощущает себя единым целым.

— Мы совсем забыли про Ивана, — спохватилась Синтия. — Ему, наверно, обидно, что мы не даем ему вставить ни словечка.

— Ничуть, — сказал Джо. — Он нас очень внимательно слушает. Если бы он захотел, он бы заговорил — сам или через мои динамики. Верно, Иван?

— Ты хорошо рассказываешь, Джо, — прогудел низкий, басовитый голос. — Не отвлекайся.

— Ну вот, — продолжил рассказ Джо, — я повернул домой. Каким-то образом меня занесло в прерию, которая тянулась на многие мили. Кажется, ее называют степью. Она была неприветливой и однообразной, и ей не было видно ни конца, ни края. Там мы и встретились со стариной Иваном. Сперва я различил черное пятнышко на горизонте, а телескопическая оптика сообщила мне, что приближается враг. Правда, к тому времени я начал воспринимать термин "враг" как бессмысленный набор звуков. Я испытал не ненависть, а радость от того, что в степи нашелся кто-то, похожий на меня. По словам Ивана, он почувствовал то же самое. Но ни один из нас не мог проникнуть в мысли другого. Мы принялись маневрировать, используя все известные нам уловки. Пару раз я мог подстрелить Ивана, но что-то удержало меня от этого. Иван, будучи по-русски скрытным, упорно не желает признавать того, что он не единожды пощадил меня, но я уверен, что так оно и было. Боевая машина его класса обязана была перехитрить противника. Ну да ладно; мы кружили по степи день или два, пока не сообразили, что пора кончать валять дурака. И я сказал: слушай, давай прекратим тянуть волынку. Мы прекрасно понимаем, что никому из нас не хочется сражаться. Мы с тобой, быть может, единственные уцелевшие в войне боевые машины. Война закончилась, нам нечего делить, так почему бы нам не подружиться? Старина Иван не стал возражать и согласился — не сразу, правда, но согласился. Мы покатали навстречу друг другу, и наши носы соприкоснулись. Не знаю, сколько времени мы провели в степи — дни, месяцы, а может быть, годы. Ничто нас не отвлекало. Мир не нуждался в боевых машинах. Уткнувшись друг в дружку носами, мы застыли посреди этой Богом забытой степи. Мы были единственными живыми существами на много миль вокруг. Мы вели долгие разговоры, и под конец сошлись настолько, что научились понимать один другого без слов.

Мне было хорошо в степи рядом с Иваном. Мы ничего не делали,

ни о чем не думали и ничего не говорили. Нам хватало того, что мы вместе, что мы больше не одиноки. Вам, должно быть, покажется странным, что две неуклюжие, уродливые боевые машины подружились между собой, но ведь мы были машинами и одновременно — человеческими существами. Тогда нас как единых целых еще не существовало. Пять сознаний в моем мозгу, четыре сознания в мозгу Ивана, и все они принадлежали интеллигентным и высокообразованным людям, которым было о чем поговорить.

Однако в конце концов безделье нам наскучило. Нам захотелось приносить пользу. Мы подумали, что если люди оправились от войны, им потребуется самая разнообразная помощь. Мы обладали достаточной смекалкой, и каждый из нас девятих был источником знаний, которым требовалось всего лишь найти выход.

Иван сказал, что на запад ехать бесполезно. С Азией покончено, сказал он, и с Европой, которую он исколесил вдоль и поперек, — тоже. Люди, которые там остались, опустились до уровня дикарей, и их было слишком мало для того, чтобы всерьез заводить речь о воссоздании экономической базы общества. Поэтому мы направились на восток, в Америку. Здесь мы обнаружили несколько малочисленных общин, члены которых понемногу набирались умения и знаний; им вот-вот могла понадобиться наша помощь. Однако до сих пор мы так никому и не помогли. Люди не желали нас слушать. Стоило нам показаться, как они с воплями разбегались в разные стороны и, как мы их не увещевали, не соглашались принять нашу помощь. Вы первые, кто выслушал нас.

— Вся беда в том, — проговорил я, — что с нами говорить без толку. Мы не из этого времени. Мы из будущего.

— Припоминаю, — сказал Джо. — Вы утверждали, что познакомились с Элмером в будущем. А где Элмер сейчас?

— Сейчас он путешествует среди звезд.

— Среди звезд? И чего старине Элмеру не сидится...

— Послушайте, — перебил я. — Я попробую вам объяснить. Когда люди поняли, что Земля умирает, многие из них покинули планету. Они отправились в космос. Экипажи и пассажиры звездолетов были основателями бесчисленного множества колоний. В колонисты набирали образованных, умелых, знающих людей — людей, способных основать колонию на другой планете. А необразованные и неумехи остались на Земле. Вот почему им столь необходима ваша помощь и вот почему они, скорее всего, от нас отказываются. На Земле остались лоботрясы и те, у кого вечно все валится из рук...

— Но старина Элмер не человек...

— Зато отличный механик. Колонистам нужны были роботы вроде него, поэтому они забрали Элмера с собой.

— Элмер очутился в будущем, люди бежали в космос, — пробормотал Джо. — Чрезвычайно любопытно. Однако как попали сюда вы? Вы обещали рассказать нам об этом. Мы слушаем.

Ни дать, ни взять — вечер в семейном кругу. Все друг друга знают, все друг друга любят. Джо — чудесный парень, да и Иван тоже ничего. В первый раз за все время пребывания на Земле мне было по-настоящему хорошо.

Мы рассказали машинам о наших приключениях. Сначала говорил я, потом Синтия, потом снова я. Мы рассказали им все как на духу.

— Кладбище — дело будущего, — проговорил Джо. — Пока на Земле нет ни намека на Кладбище.

— Оно обязательно появится, — сказал я. — К сожалению, я не знаю даты его основания. Быть может, не узнаю никогда.

Синтия покачала головой.

— Я тоже, — сказала она.

— Что меня радует, — заметил Джо, — так это смазка. Наша в скором времени выйдет. Мы надеялись отыскать людей, которые смогли бы достать нам смазки, пускай даже неочищенной, — мы бы рафинировали ее и использовали. Но с людьми нам не везло.

— Вы получите смазку от Кладбища, рафинированную и готовую к употреблению, — ответил я. — Она будет того сорта, который вам требуется. Однако я прошу вас: не соглашайтесь на цену, которую они запросят.

— Мы не согласимся, — пообещал Джо. — Они кажутся мне отъявленными мошенниками.

— Точно, — подтвердил я. — А теперь нам пора идти.

— На встречу с будущим?

— Да, — отозвался я. — Если все получится, было бы просто здорово встретить вас там. Как по-вашему?

— Назовите нам год и день, — сказал Джо. Я исполнил его просьбу.

— Мы будем вас ждать, — проговорил он.

Едва мы подошли к лестнице, он сказал:

— Послушайте, если временная ловушка не сработает или если ее там нет, зачем вам возвращаться в ту хижину? Куча грязи, мертвец, опять же, ну и все остальное. Приходите к нам. Условия, конечно, не ахти, но мы будем вам рады. Зимой мы можем отправиться на юг...

— Спасибо, — поблагодарила Синтия. — Мы не откажемся.

Спустившись по лестнице, мы направились напрямик к заветной

расщелине. У входа в нее мы остановились и оглянулись. Наши друзья развернулись к нам лицом. Мы помахали им и вошли в расщелину.

Знакомая приливная волна нахлынула на нас, а когда она спала, мы испытали настоящий шок.

Ибо мы очутились не в каменистом овраге, а на Кладбище.

19 Утес был точно таким, каким он нам запомнился, и все так же лежало на его поверхности чахлая кедровая лесочка. Все было на месте — и холмы, и равнина между ними. Однако естественность исчезла. Берега ручья оделись каменными плитами; трава у подножия утеса была аккуратнейшим образом подстрижена. Повсюду виднелись ряды надгробных памятников; тут и там были посажены вечнозеленые кустарники и тис.

Синтия прижалась ко мне, но я даже не взглянул на нее. В тот момент мне меньше всего хотелось на нее смотреть.

— Тени снова напортачили, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

Сколько времени потребовалось Кладбищу, чтобы разрастись от своих прежних границ до этого оврага? Несколько столетий, не иначе; быть может, нас перебросило в будущее на столько, на сколько раньше отбыврунуло в прошлое.

— Неужели они в самом деле такие простофили? — проговорила Синтия. — Один раз можно было ошибиться, но не дважды же подряд!

— Они продали нас, — заявил я.

— Они могли продать нас, отправляя в прошлое, — возразила Синтия. — Или теперь по второму разу? Нет, если бы они хотели избавиться от нас, они бы оставили нас там. И никакой временной ловушки в расщелине бы не было. Нет, Флетч, ты не прав.

Поразмыслив немного, я вынужден был с ней согласиться.

— Значит, всему виной их бестолковость, — проворчал я.

Мы осмотрелись.

— Лучше бы мы остались с Иваном и Джо, — буркнул я. — У нас было бы, где жить, и мы могли бы вволю поездить по свету. Ребята они неплохие. Понятия не имею, чего нас сюда потянуло.

— Я не заплачу, — проговорила Синтия. — Ни за что не заплачу. Но мне хочется рыдать.

Меня подмывало заключить ее в объятия, однако я не стал этого делать. Если я прекоснусь к ней, она наверняка ударится в слезы.

— Пойдем прогуляемся к домику Душеляба, — предложил я.

— Вряд ли, конечно, он сохранился. Должно быть, Кладбище попросту снесло его.

Идти по оврагу было легко. Впечатление было такое, словно ступаешь по ворсистому ковру. Земля под ногами была ровной, и ни через какие валуны перелезть не надо. Куда ни посмотри — ряды могил, кустарник и тисовые деревья.

Я мимоходом пригляделся к датам на надгробиях. Определить, свежая передо мной могила или нет, было, разумеется, невозможно, однако даты свидетельствовали о том, что нас забросило в будущее столетий на тридцать позже того времени, в которое мы рассчитывали попасть. Синтия почему-то не обратила на даты внимания, а я решил ничего ей не говорить. Хотя кто знает? Быть может, она молчала, чтобы в свою очередь не расстраивать меня?*

Мы вышли к реке. Она ничуть не изменилась, за исключением того, что деревья, которые раньше росли на ее берегах, уступили место торжественному однообразию кладбищенских монументов.

Я смотрел на реку и размышлял о том, как природа, несмотря на все ухищрения человека, умудряется сохранить самое себя. Река величаво катила свои воды по равнине между холмами, и никто не в силах был замедлить ее бег...

Синтия сжала мою ладонь.

— Флетч, — воскликнула она радостно, — разве не там мы обнаружили домик Душелюба?

Она указывала рукой на небольшую возвышенность на берегу реки. Поглядев туда, я невольно присвистнул. Откровенно говоря, в открывшемся мне пейзаже не было ничего особенного — если не считать его удивительной красоты. Картина переменилась настолько, что у меня захватило дух. С тех пор, как мы побывали тут, прошло (для нас) лишь несколько часов. Тогда здесь была самая настоящая глушь. Густой лес спускался к реке, из-за деревьев едва виднелась крыша дома, где лежал двуглавый мертвец, да возвышались над речной долиной лысые вершины холмов. Теперь же местность приобрела благородный и цивилизованный вид, а там, где стоял когда-то невзрачный домик, хозяин которого накормил нас вкусным обедом, я увидел здание, напоминавшее воплотившуюся в реальность мечту. Его белокаменные стены казались буквально невесомыми. Оно было невысоким, но никак не приземистым. Каждое из трех крылец поддерживали изящные колонны, которые на расстоянии выглядели тонкими как карандаши. Сверкающие в лучах солнца окна опоясывали здание по всему периметру. С холма вниз к реке сбегала длинная лестница.

— Ты думаешь... — проговорила Синтия, загнувшись на середине фразы.

— Нет, не Душелюб, — ответил я. — Он бы никогда такого не построил.

Душелюб предпочитал осторожность, скрытность, осмотрительность. Он шнырял по округе, прилагая все силы к тому, чтобы остаться незамеченным, и похищал из-под носа у людей артефакты (вернее, предметы, что станут впоследствии артефактами), которые расскажут потом о жизни тех, от кого он прятался.

— Но дом его стоял именно там.

— Стоял, — подтвердил я, не зная, что еще сказать.

Неторопливо, не сводя глаз со здания на холме, мы подошли к началу лестницы. На речном берегу находилась обнесенная камнями площадка, вокруг которой посажены были, разумеется, вечнозеленый кустарник и тис.

Взявшись за руки, точно пара испуганных детишек перед поразившей их воображение вещью, мы разглядывали белокаменную лестницу, что вела к чудесному зданию на холме.

— Знаешь, что она мне напоминает? — спросила Синтия. — Лестницу в небеса.

— Как это? — не понял я. — Разве ты видела лестницу в небеса?

— Нет, но она очень похожа на описания в древних книгах. Только вот что-то ангельских труб не слышно*.

— Ты без них как-нибудь обойдешься?

— Попробую, — ответила она.

Интересно, подумалось мне, что привело ее в столь легкомысленное настроение? Что касается меня, то я был зол на призраков и пребывал в некоторой растерянности. Красота пейзажа радовала глаз, но мне не понравилось, что здание со сверкающими окнами построили на том месте, где стоял раньше домик Душелюба. Правда, вполне логично было бы заключить, что между ними существует какая-то связь, но как я ни напрягал мозги, никакой связи мне обнаружить не удалось.

Лестница оказалась длинной и довольно крутой. Мы поднимались по ней в гордом одиночестве. За нами никто не наблюдал, хотя несколько минут назад на одном из крылец дома я заметил группу из трех или четырех человек.

Закончилась лестница еще одной площадкой, намного больше той, которая была внизу. Мы пересекли ее и направились к центральному крыльцу. Если издалека здание выглядело прекрасным,

* Имеется в виду следующее место из Ветхого Завета: "Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран. И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце... И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней..." (Бытие 28: 10-12).

то вблизи оно ошеломляло своей красотой. Белоснежный камень, изящные обводы стен; при взгляде на него возникало своеобразное, я бы сказал, благоговейное впечатление. Надписи над входом, которая объясняла бы назначение здания, не было. Помнится, я без особого интереса подумал о том, чем же оно может быть.

Входная дверь открывалась в фойе, где царила та звонкая тишина, которая обычно встречает посетителей музеев и картинных галерей. Посреди залы, залитый ярким светом ламп, помещался под стеклянным колпаком какой-то предмет. У двери во внутренние помещения здания застыли в карауле двое охранников; я принял их охранников потому, что они были в форме. Из глубины дома доносилось шарканье ног и слышались приглушенные голоса.

Мы приблизились к колпаку. Под ним находился тот самый кувшин, который показывал нам за обедом анахронизм! Я узнал его сразу: никакой другой воин не мог столь удрученно опираться на щит, никакое другое сломанное копьё не могло выразить такого отчаяния от проигранной битвы.

Синтия, которая нагнулась к колпаку, чтобы получше рассмотреть кувшин, выпрямилась.

— То же самое клеймо, — проговорила она. — Взгляни.

— Ты уверена? Ведь ты не понимаешь по-гречески. Или понимаешь?

— Нет, не понимаю. Однако на клейме можно разобрать имя. Никостенес. Значит, клеймо должно читаться так: "Никостенес изготавил меня".

— Он мог наделать таких кувшинов без счета, — возразил я. В меня словно вселился бес противоречия; я отказывался признать очевидное — что именно этот кувшин мы видели на буфете в доме Душелюба.

— Конечно, мог, — согласилась Синтия. — Наверно, он был прославленным мастером. Мне кажется, его кувшин был в своем роде шедевром. Потому-то Душелюб и позаимствовал его для коллекции. Шедевры же неповторимы. Быть может, наш горшечник вылепил его для кого-то из великих современников...

— Например, для Душелюба.

— Может, и для него, — сказала Синтия.

Я так увлекся созерцанием кувшина, что не заметил подошедшего к нам охранника.

— Прошу прощения, — отчеканил он. — Вы, должно быть, Флетчер Карсон?

Расправив плечи, я поглядел на него.

— Да, — сказал я, — но откуда вам...

— А ваша спутница — мисс Лансинг?

— Верно.
— Соболаговолите следовать за мной.
— Подождите, — запротестовал я. — С какой стати?
— С вами хочет поговорить ваш старый друг.
— Что за чушь! — воскликнула Синтия. — У нас тут нет никаких друзей.

— Я вынужден повторить приглашение, — негромко произнес охранник.

— Не Душелюб же? — пробормотала Синтия.
— Человечек с лицом тряпичной куклы и перекошенным ртом?
— справился я у охранника.
— Нет, — ответил он. — Ничуть не похоже.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Он повел нас по длинному коридору, вдоль стен которого расставлены были столики с экспонатами, причем рядом с каждым из предметов лежала пояснительная табличка. Однако охранник шел быстрым шагом, так что возможности задержаться и оглядеться у меня не было. Подведя нас к ничем не примечательной двери, он постучал. Чей-то голос пригласил зайти.

Он распахнул дверь, пропустил нас и закрыл ее за нами, сам оставшись снаружи. Стоя у порога, мы разглядывали сидевшее за столом существо — не человека, а именно существо.

— Вот и вы, — сказало оно. — Долгонько же вы добирались. Я уже начал было опасаться, что вы не придете, что наш план пошел насмарку.

У существа была металлическая голова, прикрепленная к слабому, металлическому же подобию человеческого тела. С нами разговаривал робот, который, при всем при том, был ни капельки не похож на прежде виденных мною роботов. Он разительно отличался от Элмера, да и от любого другого нормального робота. Он представлял собой металлическую пародию на человека.

— Хватит морочить нам голову, — не выдержал я. — Охранник обещал нам встречу со старым другом. Позвольте спросить...

— Разумеется, — перебил меня робот. — Мы знакомы с вами давным-давно. Вам трудно узнать меня, поскольку я существенно изменил свой внешний вид, но для вас я — все тот же Рамсей О'Гилликадди.

Я чуть было не расхохотался ему в лицо.

— Мистер О'Гилликадди, — проговорила Синтия, — ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Сколько было металлических волков?

— Ну, это просто, — заявил О'Гилликадди. — Их было трое. Элмер расправился с двумя, так что уцелел лишь один.

Он указал на кресла перед столом.

— Присаживайтесь. Вы убедились, что я — это я, и нам пора приступить к делу.

Мы сели.

— Я от души рад приветствовать вас, — сказал он. — Мы тщательно все продумали, и ошибки как будто быть не могло, но в темпоральных вопросах от ошибок не застрахован никто. При мысли о том, что могло бы произойти, если бы вы не появились здесь, меня начинает бить дрожь. Хорошо, что вы не знаете того, что известно мне. Короче говоря, тут ничего бы не было, хотя, если рассуждать здраво...

— Под "тут" вы имеете в виду ваш музей? — спросил я. — Музей, в котором хранится коллেকция Душелюба?

— Так вы знаете про Душелюба?

— Скорее, догадываемся.

— Ну да, ну да, — проговорил О'Гилликадди. — Вы очень сообразительны.

— А где Душелюб сейчас? — поинтересовалась Синтия. — Мы надеялись встретить его здесь.

— Убедившись в том, что его собрание артефактов, в том числе и богатейшая коллекция, хранившаяся в балканских пещерах, передано в музей, — сообщил О'Гилликадди, — он отбыл на планету Олден с тем, чтобы возглавить археологическую экспедицию на свою родную планету. Не получив за много лет ни единой весточки с родины, он пришел к выводу, что его раса прекратила существование по одной из тех причин, которые обычно приводят к исчезновению расы. Пока никаких сообщений от экспедиции не поступало. Мы ожидаем их с нетерпением.

— Мы?

— Я и мои братья-тени.

— Вы что, все теперь такие?

— Разумеется, — ответил он. — Это входило в условия соглашения. Однако я забыл, что вам ничего не известно о договоре. Позвольте мне рассказать вам.

Естественно, мы не возражали.

— Дело обстоит следующим образом, — заговорил он. — Мы отправим вас в ваше настоящее, в тот темпоральный момент, в который вы рассчитывали прибыть, войдя во временную ловушку...

— Вы напортачили тогда, — перебил я, — и наверняка напортачите снова и...

Он поднял металлическую ладонь.

— Мы не напортачили, — сказал он. — Мы сделали то, что намеревались сделать. Мы перебросили вас сюда потому, что иначе наш план не сработал бы. Не очутившись здесь и не получив

необходимых сведений, вы бы не имели представления о том, как вам надлежит себя вести. А теперь вы вернетесь во всеоружии.

— Подождите-ка! — воскликнул я. — Вы все запутали. Я не вижу смысла...

— Смысл есть, — заверил меня О'Гилликадди. — Он заключается в том, что мы перекинули вас из далекого прошлого в наше сегодня для того, чтобы вы ознакомились с планом; затем мы отошлем вас в ваше настоящее, где вы осуществите задуманное, что приведет к тому будущему, в котором вы сейчас находитесь.

Я вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Хватит пудрить нам мозги! — гаркнул я. — Что вы тут плетете насчет времени? Каким это образом мы очутились в будущем, которое не наступит, пока мы чего-то там не сделаем в нашем настоящем?

О'Гилликадди, казалось, излучал самодовольство.

— Разумеется, вам трудно уловить суть идеи с хода, — великодушно признал он. — Но поразмыслив, вы поймете, что к чему. Мы собираемся переместить вас обратно во времени...

— Прوماхнувшись на пару тысячелетий, — съязвил я.

— Вовсе нет, — возразил О'Гилликадди. — Мы больше не полагаемся на свои способности. Попадание в яблочко гарантируется, поскольку в наше распоряжение, согласно одному из пунктов договора, предоставили темпоральный селектор, который выполняет переброску во времени с точностью до доли секунды.

— Вы часто упоминаете о плане и о договоре, — сказала Синтия.

— Объясните нам, пожалуйста, что вы имеете в виду.

— Охотно, — ответил О'Гилликадди. — Мы отправим вас в ваше темпоральное настоящее, где вы встретитесь с Максуэллом Питером Беллом и...

— И Максуэлл Питер Белл вышвырнет меня из окошка, — закончил я.

— Он не посмest, — сказал О'Гилликадди, — если вас будут сопровождать две боевые машины с полным боезапасом. Их присутствие в корне изменит ситуацию.

— Но откуда вы знаете, что боевые машины...

— Вы ведь назначили им встречу в определенном месте в определенный день, не так ли?

— Так, — ответил я.

— Ну вот. Вы зайдете к Максуэллу Питеру Беллу и скажете ему, что у вас есть доказательства того, что он прячет на Кладбище контрабандные артефакты, и что...

— Но контрабанда артефактами не преследуется законом.

— К сожалению, вы правы. Однако представьте себе, какое пятно

будет посажено на безупречную репутацию "Матери-Земли"! Речь идет не просто о непорядочности чиновников, а о нечистоплотности фирмы как таковой. Сокровища вместо покойников — это вам не шутка. От подобного удара они вряд ли оправятся.

— Пожалуй, — нехотя признал я.

— Вы объясните ему, причем убедитесь, что он понял вас как надо, что вы, быть может, воздержитесь от обнародования фактов, если он согласится выполнить следующие условия.

И О'Гилликадди принялся загибать пальцы.

— Кладбище передает олденскому университету все имеющиеся у него артефакты, не утаив ни единого из них, и обязуется в дальнейшем не заниматься контрабандой. Кладбище осуществляет доставку артефактов на Олден и открывает регулярное пассажирское сообщение с Землей, устанавливая цены на билеты в соответствии с принятыми на других галактических линиях расценками и обеспечивая сравнительно недорогое проживание туристам и паломникам, которые пожелают посетить Землю. Кладбище основывает и обязуется поддерживать в порядке музей для хранения коллекции артефактов историка Ронекса с планеты Абернакс, каковую коллекцию он собирал в течение многих веков. Кладбище...

— Душелюб, — проговорила Синтия.

— Душелюб, — подтвердил О'Гилликадди. — Продолжая перечень...

— Мне вот что не дает покоя, — перебила Синтия. — Почему волк сначала гнался за нами, а потом...

— Потому, — ответил О'Гилликадди, — что волк — один из роботов Душелюба, которого тому удалось внедрить в кладбищенскую стаю. По совести говоря, Душелюб приложил руку ко всему, что происходило на Земле. Вы позволите мне продолжить?

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвалась Синтия.

О'Гилликадди вернулся к загибанию пальцев.

— Кладбище финансирует исследовательскую программу и изыскивает материалы, необходимые для создания надежной системы темпоральных перемещений. Кладбище также финансирует другую программу, а именно, по разработке метода переселения человеческой сущности в роботический мозг; первыми переселению должны подвергнуться обитатели Земли, известные под именем теней...

— Вот как вы... — заметила Синтия.

— Вот как я приобрел свой нынешний вид. Но пойдем дальше. Кладбище соглашается на создании галактической контрольной комиссии, которая не только будет следить за соблюдением условий данного договора, но и получит право проверять отчетность Кладбища и, в случае необходимости, вмешиваться в его деятельность.

Он кончил.

— Все? — спросил я.

— Вроде бы да, — ответил он. — Вроде бы мы ничего не забыли.

— Надеюсь, — сказал я. — Дело за малым: добиться согласия Кладбища.

— Я думаю, они согласятся, — заявил О'Гилликадди. — Вы же тут, не правда ли? И я тут, и музей, и темпоральный селектор ожидает вас.

— Вы позаботились обо всем, — в голосе Синтии слышались презрение и гнев. — И забыли только о композиции Флетчера! Как вы могли о ней забыть? Ведь если бы не его мечта, ничего бы не случилось! Вы и представить себе не можете, как он ждал...

— Я предвидел ваш вопрос, — сообщил О'Гилликадди. — Если вы ничего не имеете против того, чтобы пройти в просмотровый зал...

— Вы хотите сказать...

— Да-да. Вы с Бронко поработали на славу, мистер Карсон. Вы создали шедевр, который пережил века.

Я смятенно покрутил головой.

— Что с вами, мистер Карсон? — встревожился О'Гилликадди.

— Разве вы не рады?

— Да как вы можете такое ему предлагать? — вскричала Синтия; в глазах ее сверкали слезы. — Вы же все испортите! Неужели вы хотите, чтобы он увидел, услышал и почувствовал то, чего еще не успел создать? Зачем, зачем вы ему сказали? Теперь он все время будет помнить о том, что должен сочинить шедевр! Он же об этом и не думал, он надеялся, что у него получится не хуже, чем у других, и все, а вы...

Я взял ее за руку.

— Не переживай так, — проговорил я. — Забыть я, конечно, не забуду, но со мной будет Бронко. Он не даст мне бездельничать.

— Ну что ж, — заметил О'Гилликадди поднимаясь, — прежде чем вы вернетесь в свое время, вас хотели бы повидать ваши друзья.

Карикатурно покачиваясь, он вышел из комнаты. Следом за ним мы миновали коридор и пересекли фойе.

Они дожидались нас, выстроившись в ряд перед крыльцом, все пятеро — боевые машины, Элмер, Бронко и волк.

В неловком молчании мы глядели на них, а они — на нас.

— Мы будем ждать вас там, — подал наконец голос Элмер. — Мы все будем ждать вас там.

— Что касается боевых машин, мы сами просили их встретить нас, — сказала Синтия. — Однако вы...

— Нас привел волк, — перебил Бронко.

— Волк? — удивился я. — Как это ему удалось? Вы расправились с двумя его товарищами, а его, значит, не тронули?

— Он хитер, как лиса, — ответил Бронко. — Он начал играть с нами. То вертелся вокруг, то падал на спину и болтал лапами в воздухе, то скалил зубы. Мы решили, что он добивается того, чтобы мы пошли за ним. Он был так настойчив!

Волк оскалил зубы.

— Пора, — сказал О'Тилликадди. — Нам хотелось лишь, чтобы вы убедились, что они будут ждать вас.

Он повел нас обратно в дом.

— Для тебя скоро все кончится, — заметил я, обращаясь к Синтии. — Ты вернешься на Олден и обрадуешь Торни...

— Я не собираюсь возвращаться, — отрезала она.

— То есть как?

— Разве вам с Бронко не требуется подмастерье?

— Пожалуй, требуется, — кивнул я.

— Флетч, ты помнишь свои слова, сказанные там, в прошлом? Ты обещал полюбить меня. Так вот, я заставлю тебя сдержать обещание.

Я сжал ее ладонь.

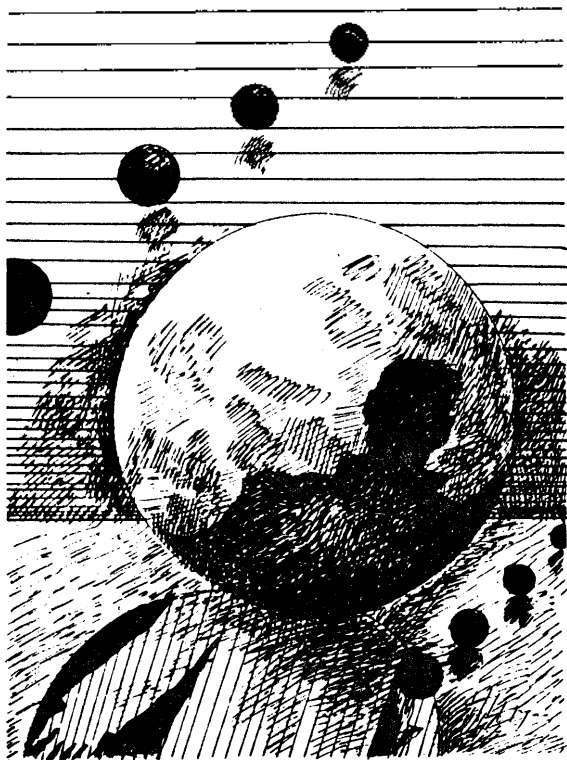
Заставлять меня было ни к чему.

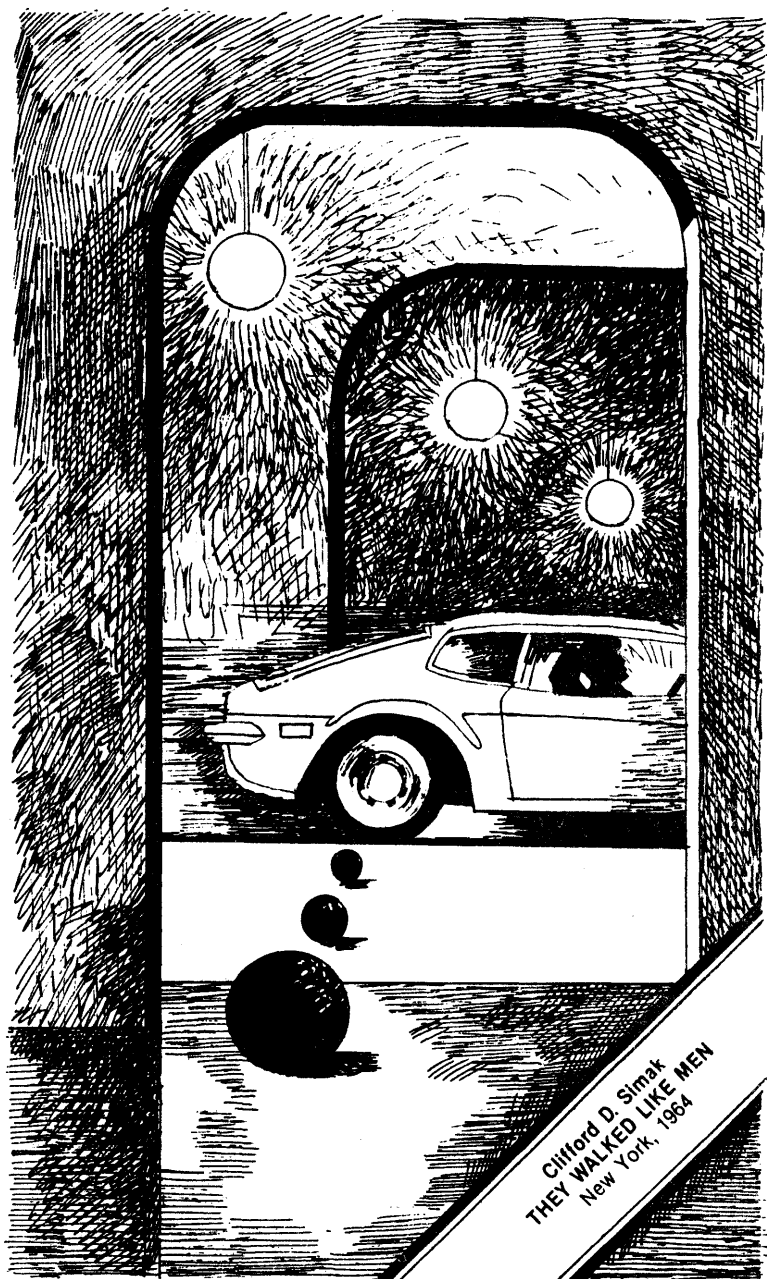

ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Перевод
С. Васильевой

Clifford D. Simak
THEY WALKED LIKE MEN
New York, 1964

1 Был поздний вечер четверга, и я здорово надрался, а в коридоре было темно — только это и спасло меня. Не остановись я тогда посреди коридора под лампочкой, чтобы выбрать из связки нужный ключ, я, как пить дать, попал бы в капкан.

То, что это был вечер четверга, в общем-то никак не связано с тем, что произошло, — просто такой мой стиль изложения. Я репортер, а репортеры, о чем бы они ни писали, всегда упоминают день недели, время суток и прочую относящуюся к делу информацию.

А темно в коридоре было потому, что Старина Джордж Уэбер — жуткий скряга. Половину своего времени он тратит на склоки с жильцами: то скандал из-за выключенного отопления, то из-за того, что не установлен кондиционер или в который уже раз барахлит водопроводная система, то из-за его вечного отказа отремонтировать дом. Впрочем, со мной он не воевал никогда, поскольку мне на все это наплевать. Моя квартира была для меня местом, где я мог от случая к случаю переночевать, поесть и провести выпадавшее мне иной раз свободное время, и я не портил себе кровь из-за пустяков. Мы отлично ладили друг с другом — Старина Джордж и я. Мы с ним поигрывали в пинокль, вместе пили пиво и каждую осень ездили вдвоем в Южную Дакоту стрелять фазанов. Тут я вспомнил, что в этом году нам не придется поохотиться — как раз сегодня утром я отвез Старину Джорджа с женой в аэропорт и проводил их в Калифорнию. Но даже останься Старина Джордж дома, мы с ним все равно бы не поехали в Дакоту, потому что на следующей неделе мне предстояла командировка, которую Старик выжимал из меня вот уже целых полгода.

Итак, стоя перед своей дверью под лампочкой, я возился с ключами, и руки мои отнюдь не отличались ловкостью, а все потому, что Гэвин Уокер, редактор отдела городских новостей, и я — мы крепко поспорили о том, следует ли требовать от научных обозревателей, чтобы они давали материал о заседаниях муниципалитета Ассоциации родителей и учителей и тому подобных событиях. Гэвин утверждал, что они обязаны об этом писать, у меня же на этот счет было иное мнение, и он первым заказал выпивку, а потом выпивку заказал я, и так продолжалось, пока не подошло время закрывать заведение, и бармену Эду пришлось выставить нас за дверь. Выйдя

на улицу, я стал соображать, что лучше — рискнуть сесть за руль или поехать домой на такси. И в конце концов пришел к выводу, что, пожалуй, в состоянии вести машину; однако я все-таки поехал по глухим улицам, где меньше шансов попасться на глаза полицейским. Доехал я благополучно и даже ухитрился ловко вырулить машину на стоянку за домом, но поставить ее на место уже не пытался. Бросил ее посреди площадки и ушел.

Я трудился в поте лица, отыскивая ключ от двери. Они все в ту минуту выглядели одинаково, и пока я неловко ковырялся в них, связка выскользнула из моих пальцев и упала на ковер.

Я нагнулся за ней, но с первого захода промахнулся, промахнулся и со второго. Пришлось опуститься на колени, чтобы атаковать ключи заново.

И тут я это увидел.

Примите во внимание следующее: если бы Старина Джордж так не трясся за каждый доллар, он вернул бы в коридоре лампочки поярче, и тогда можно было бы сразу пройти к своей двери и спокойно выбрать из связки нужный ключ — вместо того, чтобы тащиться на середину коридора и копать под этим невесть откуда взявшимся светляком, который выполнял функции электрической лампочки. А если бы я не ввязался в спор с Гэвином и попутно не надрался до чертиков, я никогда б не уронил ключи. Но если б даже и уронил, то наверняка сумел бы поднять их, не становясь для этого на колени. А если б я опустил на колени, я не заметил бы, что ковер разрезан.

Понимаете, не разорван. Не протерт. А именно разрезан. Причем разрезан как-то странно — по полуокружности как раз перед моей дверью. Как будто кто-то взял середину основания двери за центр круга и с помощью ножа, привязанного к трехфутовому шнуру, вырезал из ковра полукруг. Вырезал и на этом успокоился — ведь ковер после этого не убрали. Кто-то вырезал из него полукруглый лоскут, да так и оставил его лежать на прежнем месте.

Хоть тресни, но этому не найдешь объяснения, подумал я. Чуть какая-то. Для чего кому-то вдруг приспичило вырезать из ковра кусок именно такой формы? А если он кому-нибудь понадобился для какой-то уму непостижимой цели, почему этот некто, вырезав его, не забрал с собой?

Я осторожно протянул палец, желая убедиться, что все это мне не мерещится. И понял, что зрение меня не подвело — если, конечно, не считать того, что это был не ковер. Кусок, лежавший внутри полукруга диаметром в три фута, по виду ничем не отличался от ковровой ткани, однако же это была не ткань. Это была

какая-то бумага — тончайшая бумага, которая выглядела точь-в-точь как ковровая ткань.

Я убрал руку и остался стоять на коленях, размышляя не столько о разрезанном ковре и этой бумаге, сколько о том, как я объясню свою позу, если в коридоре появится кто-нибудь из соседей.

Но никто не появился. Коридор был пуст, и в нем стоял тот специфический затхлый дух, который ассоциируется в сознании с коридорами многоквартирных доходных домов. Сверху до меня доносилось жиденькое пение крохотной электрической лампочки, и по этому пению я заключил, что она вот-вот перегорит. И, быть может, тогда новый сторож заменит ее лампочкой поярче. Хотя на то не похоже, пораскинув мозгами, решил я: надо думать, что Старина Джордж подробнейшим образом проинструктировал его по всем пунктам экономного хозяйствования.

Я снова протянул руку и пальцем коснулся этой бумаги, и — как я и думал — это действительно была бумага или во всяком случае нечто, на ощупь похожее на бумагу.

И мысль о вырезанном куске ковра и заменившей его бумаге привела меня в неопишемое бешенство. Что за хамство, что за гнусная выходка, возмутился я и, схватив бумагу, рванул ее к себе.

Под бумагой стоял капкан.

Пошатываясь, я поднялся на ноги и, не выпуская из пальцев бумаги, тупо уставился на капкан.

Я не верил своим глазам. Да ведь ни один человек в здравом уме не поверил бы. Люди же не ставят капканы на людей, точно эти другие люди — какие-нибудь там медведи или лисы.

Но капкан был явью — он стоял на полу, предательски выставленный напоказ полукруглой дырой в ковре, а до этой самой минуты он был прикрыт бумагой: так замаскировал бы свой капкан охотник, присыпав его листьями и травой, чтобы спрятать от своей предполагаемой жертвы.

Это был большой стальной капкан. Я никогда в жизни не видел медвежьих капканов, но мне кажется, этот был такой же величины, а может, даже и больше. Это человеческий капкан, сказал я себе, его же поставили на человека. На одного определенного человека, поскольку, вне всякого сомнения, он предназначался для меня.

Я попятился от него, пока не уперся спиной в противоположную стену. Там я остался стоять, прислонившись к стене и не спуская глаз с капкана, а на ковре между мной и этим капканом лежала связка ключей, которую я минуту назад уронил.

Это шутка, мелькнуло у меня. Но я, конечно, перехватил. Какая уж тут шутка! Если бы, не остановившись под лампочкой, я сразу шагнул к двери, мне и в голову не пришла бы мысль ни о какой

путьке. У меня была бы изувечена нога, а то и обе, и возможно, даже переломаны кости — ведь челюсти капкана были снабжены большими острыми зубьями. И стоило им сомкнуться на жертве, никто не смог бы их раздвинуть. Из такого капкана человека не высвободишь без гаечных ключей.

Меня бросило в дрожь. Пока кому-нибудь удалось бы разобрать капкан на части, попавший в него человек успел бы истечь кровью.

Я стоял, глядя на капкан и комкая пальцами бумагу. Потом поднял руку и швырнул бумажный комок в капкан. Он ударился о зубья, скатился с них и улегся между челюстями.

Необходимо найти палку или какой-нибудь другой предмет, сказал я себе, чтобы перед тем, как войти в квартиру, защелкнуть капкан. Я, конечно, мог вызвать полицейских, но это не имело смысла. Они бы страшно расшумелись и наверняка потащили бы меня в участок, чтобы провести допрос по всем правилам, а на это у меня не было ни сил, ни времени. Я изнемогал от усталости и мечтал только о том, чтобы поскорее забраться в постель.

Вдобавок такое скандальное происшествие принесло бы дому дурную славу и тем самым я подложил бы свинью Старине Джорджу, пока он там прохлаждался в своей Калифорнии. Не говоря уже о том, что это дало бы всем моим соседям обильную пищу для пересудов, и они полезли бы ко мне с вопросами, а мне только этого не хватало. Они давно уже оставили меня в покое, и это мне было только на руку. Меня вполне устраивали такие отношения.

Я стал гадать, где бы раздобыть палку, и на ум мне пришел только чулан на первом этаже, в котором хранились щетки, тряпки, пылесос и всякий хлам. Я попытался вспомнить, заперт ли он, и решил, что, пожалуй, нет, но полной уверенности у меня не было.

Я оторвался от стены и направился к лестнице. Только я дошел до нее, как что-то заставило меня обернуться. Вряд ли меня привлек какой-то звук. Напротив, я абсолютно уверен в обратном. Но реакция моя была в точности такой, как если бы я что-то услышал.

Мне было приказано обернуться, и я обернулся, причем так стремительно, что ноги мои переплелись, и я полетел на пол.

И падая, я успел заметить, что капкан как-то обмяк.

Пытаясь смягчить падение, я выбросил руки вперед, но это мне мало что дало. Я со стуком грохнулся на пол, ударился головой, и в мозгу моем завертелся звездный хоровод.

Подтянув под себя руки, я слегка приподнялся и вытряхнул из головы звезды — капкан продолжал сминаться. Челюсти его как-то расслабились, и все это сооружение, вздыбившись самым невероятным образом, быстро колыхалось. Я с изумлением взирал на это, лежа на полу.

Капкан постепенно как бы размягчался, и его детали, горбатясь, начали сливаться. Как будто размятый, раздавленный кусок глины пытался вернуть себе свою изначальную форму. И в результате он-таки добился своего. Он превратился в шар. Пока капкан торопливо лепил из себя шар, он непрерывно менял цвета, а завершив наконец свою работу, стал черным как смоль.

С минуту он полежал перед дверью, а потом медленно, словно по-прежнему нехотя, покатился.

И покатился он прямо на меня!

Я попытался убраться с его пути, но он быстро увеличил скорость, и на какое-то мгновение мне показалось, что он неизбежно вмажет в меня. Размером он был примерно с кегельный шар или, может, чуть побольше, а вес его, естественно, оставался для меня загадкой.

Но он не ударил меня. Лишь слегка задел.

Я повернулся, чтобы посмотреть, как он спускается по лестнице, и моим глазам представилось странное зрелище. Он прыгал со ступеньки на ступеньку, но не так, как прыгает обычный шар. Его прыжки не были высокими и затяжными, а быстрыми и короткими — словно существовал некий закон, по которому он обязан был удариться о каждую ступеньку и проделать это как можно быстрее. Не пропустив ни одной ступеньки, он допрыгал до площадки и так молниеносно свернул за угол, что только что дым не пошел.

Я с трудом поднялся на ноги и, добравшись до перил, свесился с них, чтобы взглянуть на следующий лестничный марш. Но шара не было и в помине. Как в воду канул.

Я вернулся в коридор, и там, на полу под лампочкой, лежала связка ключей, а в ковре зияла полукруглая дыра диаметром в три фута.

Опустившись на колени, я поднял ключи, нашел наконец тот, что искал, поднялся и шагнул к своей двери. Отпер ее, вошел в квартиру и, даже не включив свет, первым делом запер ее за собой, крепко-накрепко.

Только после этого я включил наконец свет и прошел на кухню. Присев к столу, я вспомнил, что в холодильнике еще оставалось с полкувшина томатного сока, а мне неплохо было бы влить в себя хоть пару глотков. Но это было выше моих сил. При одной мысли о соке к гурлу подступала тошнота. Если уж на то пошло, так мне позарез необходим был хороший глоток спиртного, но я и без того уже сегодня накачался сверх меры.

Я сидел, размышляя о капкане и пытался уразуметь, почему кому-то вздумалось поставить его на меня. Самый что ни на есть идиотский поступок из всех, о которых я когда-либо слышал. Если

б я не видел капкан своими собственными глазами, никогда в жизни я в это не поверил бы.

Конечно, то был не капкан — вернее, это был какой-то особенный капкан. Потому что обыкновенные капканы, упустив добычу, не сминаются, не сворачиваются в шар и не катятся прочь.

Я попытался найти этому какое-то объяснение, но мой мозг затуманился: мне смертельно хотелось спать, я был дома, в безопасности, а потом ведь утро вечера мудренее. Посему я перестал ломать над этим голову и поплелся в спальню.

2 Что-то вырвало меня из сна.

Я сразу сел, не соображая, кто я и где нахожусь, — полностью исключенный из действительности: не одурманенный, не сонный, не растерянный, а с той страшной холодной ясностью сознания, которая за краткий миг внезапного озарения опустошает все.

Была тишина, пустота, беспросветный мрак бездны и это холодное ясное сознание, вытянувшееся в струну подобно нападающей змее, ищущее, ничего не находящее и исполненное ужаса перед небытием.

Потом возник вопль — пронзительный, настойчивый, сумасшедший вопль, совершенно бессмысленный, потому что ничего не значил ни для меня, ни вообще, а звучал лишь для одного себя.

Снова сгустилась тишина, во мраке проступили какие-то пятна, и у этих пятен наметились определенные очертания: квадрат посветлее оказался окном, слабое сияние просачивалось из кухни, где все еще горел свет, а пригнувшееся к полу темное чудовище постепенно превратилось в кресло.

Вопль телефона вновь рассек предутренний мрак, и я выскочил из кровати и наугад, как слепой, пошел к двери, которую не видел. Когда я наконец нащупал ее, телефон уже умолк.

Спотыкаясь в темноте, я пробрался через гостиную, и в тот миг, когда я протянул руку к аппарату, телефон зазвонил снова.

Я яростно сорвал с рычага трубку и промямлил что-то нечленораздельное. С моим языком творилось неладное. Он отказывался повиноваться.

— Это ты, Паркер?

— А кто же еще?

— Говорит Джо — Джо Ньюмен.

— Джо?

Тут я вспомнил. Джо Ньюмен был дежурным редакции по отделу ночных происшествий.

— Прости, что разбудил тебя.

Я что-то возмущенно буркнул.

— Произошло какое-то непонятное событие. Решил, что должен поставить тебя в известность.

— Послушай, Джо, — сказал я, — позвони Гэвину. Он редактор отдела городских новостей. Если его вытаскивают ночью из постели, так ему хоть за это платят.

— Но это по твоей части, Паркер. Это...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Приземлилась летающая тарелка.

— Не угадал. Ты когда-нибудь слышал о Тимбер-Лейн?

— Это дорога у озера, — ответил я. — В западном предместье города.

— Точно. Она ведет к старой усадьбе "Белмонт". Сам-то дом заперт. С тех пор как семейство Белмонтов переселилось в Аризону. А дорогу подростки облюбовали для свиданий.

— Послушай, Джо...

— Перехожу к главному, Паркер. Сегодня ночью какие-то юнцы развлекались там в машине. Они видели, как по дороге один за другим катилось несколько шаров. Похожих на кегельные.

Боюсь, что я не совладал с собой.

— Что-что?! — рявкнул я.

— Выезжая оттуда, они заметили эти штуковины в свете фар и до смерти перепугались. Они сообщили в полицию.

Я взял себя в руки и заставил свой голос звучать спокойно.

— Полицейские там что-нибудь нашли?

— Только следы.

— Следы катившихся кегельных шаров?

— Угу, пожалуй, это для них подходящее название.

— А может, детки были под мухой? — предположил я.

— Полицейские этого не заметили. Они ведь беседовали с теми ребятами. Те только видели катившиеся по дороге шары. Они даже не остановились, чтобы разглядеть их получше. Постарались побыстрее оттуда удрать.

Я промолчал. Я мучительно соображал, что мне следует сказать. И мне было страшно. Страшно до потери сознания.

— Чем ты можешь объяснить это происшествие, Паркер?

— Право, не знаю, — проговорил я. — Быть может, это галлюцинация. Или они решили разыграть полицейских.

— Полицейские нашли следы.

— А может, это работа самих ребят. Они могли прокатить по дороге несколько кегельных шаров — там, где побольше пыли. Вообразили, что после этого их имена попадут в газеты. Им скучно, вот они и бесятся...

— Значит, ты не используешь этот материал?

— Видишь ли, Джо... Я же не редактор отдела городских новостей. Посоветуйся с Гэвином. Он ведь решает, что нам печатать.

— Стало быть, ты считаешь, что за этим ничего не кроется? Не исключено, что это мистификация?

— Да откуда я знаю, черт побери?! — совсем озверел я.

Он обиделся. И, по-моему, не без причины.

— Спасибо, Паркер. Прости за беспокойство, — проговорил он, вешая трубку, и раздалась короткая гудка.

— Спокойной ночи, Джо, — сказал я гудкам. — Ты уж извини, что я тебя облаял.

Он меня уже не слышал, но мне все же стало полегче.

И я в недоумении спросил себя, что все-таки заставило меня умалить значение этого события, почему я так из кожи лез, доказывая ему, что это всего-навсего проделки подростков.

Да потому, что ты струсили, ты — слюнтяй, — ответил тот, другой человек, который сидит в каждом из нас и порой подает голос. Потому, что ты многое отдал бы за то, чтобы поверить в незначительность этого происшествия. Потому, что ты не желаешь, чтобы тебе напоминали о том капкане за дверью.

Я положил трубку на рычаг — она громко стукнулась об аппарат: у меня тряслись руки.

Я стоял в темноте, чувствуя, как на меня надвигается ужас. А когда я попытался этот ужас осмыслить, оказалось, что он совершенно не обоснован. Капкан, поставленный перед дверью, компания кегельных шаров, степенно катящихся по загородной дороге, — ведь это же не страшно, это просто-напросто смешно. Тема для карикатур. Все выглядело чересчур уж нелепо, чтобы принять это всерьез. От такого будешь хохотать до колик, даже если это грозит тебе смертью.

А было ли тут задумано убийство?

Вот в чем вопрос. Предназначалась ли эта штука для убийства?

Был ли капкан, стоявший перед моей дверью, самым обыкновенным капканом из настоящей стали или ее равноценного заменителя? Или же это была игрушка из безобидной пластмассы или какого-нибудь сходного с ней материала?

И еще один вопрос, самый сложный: а был ли он, этот капкан, вообще? Я-то знал, что он был. Я ведь видел его собственными глазами. Но мой разум отказывался признать это. Оберегая мое спокойствие и психическое равновесие, мой разум гнал это прочь, и при одной мысли об этом яростно бунтовала логика.

Бесспорно, я был тогда пьян, но не вдрызг. Пьян не мертвецки, пьян не до галлюцинаций, у меня только слегка дрожали руки, и я нетвердо держался на ногах.

А сейчас я уже полностью пришел в норму, если не считать этой ужасной холодной пустоты в сознании. Третья степень похмелья — во многих отношениях самая мерзкая.

Глаза мои несколько привыкли к темноте, и я уже различал расплывчатые силуэты мебели. Я добрался до кухни, ни разу не споткнувшись. Дверь была приоткрыта, и через щель пробивалась полоса света.

Когда накануне я потащился отсюда в спальню, я не выключил верхний свет. Сейчас настенные часы показывали половину четвертого.

Я обнаружил, что почти не разделся и одежда на мне здорово поизмялась. Ботинки, правда, были сняты, галстук развязан, но все еще болтался на шее и вид у меня был весьма потрепанный.

Я стоял на кухне, совещаясь с самим собой. Если в этот пред-рассветный час я завалюсь обратно в постель, то наверняка просплю до полудня, а то и до трех, и проснусь с отвратительным самочувствием.

А если приведу себя в божеский вид, проглочу кусок-другой и рано, раньше всех, явлюсь в редакцию, я успею переделать уйму работы, пораньше кончу и тем самым обеспечу себе приличный уик-энд.

Сегодня ведь пятница, и вечером у меня свидание с Джой. И я постоял немного просто так, исполненный самых теплых чувств к вечеру пятницы и к Джой.

Я все продумал: пока вскипит вода для кофе, я успею принять душ, потом съем яичницу с беконом, несколько ломтиков поджаренного хлеба и выпью побольше томатного сока — а вдруг он поможет мне справиться с этой холодной пустотой в сознании.

Но прежде всего я выгляну в коридор и проверю, есть ли еще в ковре тот полукруглый вырез.

Я подошел к двери и выглянул.

Перед самой дверью нелепым полукругом разлеглись голые доски пола.

Невесело посмеявшись над своим сомневающимся разумом и возмущенной логикой, я пошел на кухню ставить воду для кофе.

3 Ранним утром в информационном отделе редакции холодно и тоскливо. Это обширное пустое помещение и в нем очень чисто, так чисто, что это действует угнетающе. Днем здесь полнейший хаос, от которого комната теплеет и как-то очеловечивается: на столах вырастают груды изрезанных газетных листов, на полу валяются шарики скомканной копирки, наколки заполнены бума-

гами. Но утром, после того как здесь пройдутся уборщики, в этом помещении есть что-то от ледяной белизны операционной. Две-три горящие лампочки кажутся неуместно яркими, а обнаженные столы и стулья расставлены настолько аккуратно, что от них так и веет унылым будничным трудом — впечатление, которое постепенно исчезает с наступлением дня, когда полным ходом идет работа, помещение замусорено, и исподволь назревает тот своеобразный бедлам, который неизменно сопровождает выпуск каждого номера газеты.

Сотрудники, которые готовили материал к утру, уже несколько часов как разошлись по домам; ушел и Джо Ньюмен. Я думал, что еще застану его, но стол Джо был прибран так же аккуратно, как и все остальные, а его самого и след простыл.

Баночки с клеем, тщательно отчищенные, вытертые до блеска и наполненные свежим клеем, сверкающими рядами торжественно выстроились на столах отдела городских новостей и отдела литературной правки. Каждую баночку украшала кисточка, изящно воткнутая в клей под углом. Ленты с телетайпа были аккуратно сложены на столе отдела последних известий. А из-за перегородки в углу доносилось приглушенное курлыканье самих телетайпных аппаратов, которые деловито выдавливали из себя новости со всех частей света.

Где-то в глубинах полутемного лабиринта информационного отдела насвистывал редакционный рассыльный — насвистывал тот самый отрывистый пронзительный мотив, который даже не назовешь мотивом. От этого звука меня передернуло. В такой ранний час свист где-то граничит с непристойностью.

Я прошел к своему столу и сел. Кто-то из уборщиков собрал в одну стопку все мои подборки и научные журналы. Только вчера к вечеру я внимательно просмотрел их и отложил те, что мне могут понадобиться для будущих статей. Я свирепо посмотрел на кипу журналов и выругался. Теперь мне придется перерывать все заново, чтобы найти отобранные накануне номера.

На чистой поверхности стола во всей своей бледной наготе разлегся свежий номер утреннего выпуска газеты. Взяв ее, я откинулся на спинку стула и принялся просматривать столбцы новостей.

Там не было ничего из ряда вон выходящего. В Африке по-прежнему было неспокойно, а заваруха в Венесуэле выглядела совершенно непотребно. Какой-то тип перед самым закрытием ограбил аптеку в центре города, и в газете была фотография, на которой зубастый продавец показывал скучающему полицейскому место, где стоял грабитель. Губернатор заявил, что законодательный орган, собравшись в будущем году, должен в обязательном порядке за-

няться поисками новых источников дохода. Если это не будет сделано, предупреждал губернатор, средства штата истощатся. С подобным заявлением губернатор выступал уже неоднократно.

Верхний левый угол первой страницы занимал обзор экономики района, подписанный Грэнтом Дженсеном, редактором отдела промышленности и торговли. Грэнт пребывал в одном из своих профессионально-оптимистических настроений. Кривая коммерческой деятельности неуклонно поднимается, писал он. Розничная торговля процветает, наблюдается подъем в промышленности, в ближайшее время не ожидается никаких трудовых конфликтов — словом, кругом полное благоденствие. В особенности это относится к строительству жилых зданий, сообщала далее статья. Спрос на дома превысил предложение, и все строительные подрядчики федерального округа завалены заказами почти на год вперед.

Боюсь, что я не справился с зевотой. Это был все тот же застарелый словесный понос, которым хронически страдали подобные Дженсену ничтожества. Но хозяину это понравится, ведь именно такие вот статьи и взбадривают клиентов-рекламодателей, оказывая на них психологическое воздействие, и сегодня в полдень матерые финансовые волки, собравшись к ленчу в "Юнион клуб", будут горячо обсуждать статью из утреннего выпуска.

Допустим, что все наоборот, сказал я себе, допустим, что торговля в упадке, что строительные компании обанкротились, что заводы начали выбрасывать рабочих на улицу, — так ведь пока окончательно не подопрет, в газете не появится об этом ни строчки.

Я сложил газету и отодвинул ее в сторону. Открыл ящик, вытащил пачку записок, которые набросал накануне во второй половине дня, и начал их просматривать.

Лайтнинг, редакционный рассыльный, вышел из тени и остановился около моего стола.

— Доброе утро, мистер Грейвс, — сказал он.

— Это ты свистел? — поинтересовался я.

— Угу.

Он положил передо мной на стол корректуру.

— Ваша статья для сегодняшнего номера, — сказал он. — Та самая, в которой вы объясняете, почему вымерли мамонты и другие большие животные. Я подумал, что, может, вам захочется взглянуть на нее.

Я пробежал глазами корректуру. Какой-то остряк из отдела литературной правки, как водится, состряпал для нее разухабистый заголовок.

— Раненько вы сегодня, мистер Грейвс, — заметил Лайтнинг.

— Нужно подготовить материал на две недели вперед, — сказал я. — Я уезжаю в командировку.

— Слыхал, слыхал, — оживился он. — По астрономической части.

— Что ж, пожалуй, это близко к истине. Загляну во все большие обсерватории. Должен написать серию статей о космосе. О дальнем. Всякие там галактики и тому подобное.

— Мистер Грейвс, — спросил Лайтнинг, — как, по-вашему, они позволят вам хоть чуток посмотреть в телескоп?

— Сомневаюсь. Время наблюдений расписано до минуты.

— Мистер Грейвс...

— Что еще, Лайтнинг?

— Как вы думаете, есть там люди? На этих самых звездах?

— Понятия не имею. Этого никто не знает. Но, очевидно, где-нибудь все-таки должна существовать жизнь.

— Такая, как у нас?

— Нет, едва ли.

Лайтнинг потоптался немного и вдруг выпалил:

— Вот черт, чуть не забыл. Вас тут хочет видеть какой-то человек.

— Он здесь?

— Ага. Ввалился сюда часа два назад. Я сказал ему, что вы еще не скоро будете. А он все-таки решил подождать.

— Где же он?

— Прошел прямехонько в комнату радиопрослушивания и плюхнулся в кресло. Сдается мне, что он там заснул.

— Так пойдем посмотрим, — сказал я, поднимаясь со стула.

Мне следовало бы догадаться сразу. Такой номер мог отколоть один-единственный человек на свете. Только для него одного ничего не значило время суток.

Он полулежал в кресле с глупой улыбкой на лице. Из многочисленных приемников неслошь невнятное бормотание полицейских участков, патрульных автомашин, пожарных депо и других учреждений, стоящих на страже законности и порядка, и под аккомпанемент всей этой тарабарщины он деликатно похрапывал.

Мы стояли и смотрели на него.

— Кто это, мистер Грейвс? — спросил Лайтнинг. — Вы его знаете, мистер Грейвс?

— Его зовут Кэрлтон Стирлинг, — ответил я. — Он биолог, работает в университете, и он мой друг.

— А на вид никакой он не биолог, — убежденно заявил Лайтнинг.

— Лайтнинг, — сказал я этому скептику, — со временем ты

поймешь, что биологи, астрономы, физики и прочие представители этого ужасного племени ученых такие же люди, как и мы с тобой.

— Но ворваться сюда в три часа ночи! В полной уверенности, что вы здесь.

— Это он так живет, — объяснил я. — Ему и в голову не придет, что остальная часть человечества может жить иначе. Такой уж он человек.

Что правда, то правда, таким он и был.

Он имел часы, но ими не пользовался — разве что засекал по ним время, когда ставил опыты. Он никогда не знал, день сейчас или ночь. Проголодавшись, он без особой щепетильности любыми средствами раздобывал себе что-нибудь съестное. Когда его одолевал сон, он забивался в какой-нибудь уголок и проваливался на несколько часов. Закончив очередную работу или просто охладев к ней, он уезжал на север, к озеру, где у него была своя хижина, и бездельничал там денек-другой, а иногда и целую неделю.

Он с такой последовательностью забывал приходить на занятия, так редко являлся читать лекции, что администрация университета в конце концов махнула на него рукой. Там уже даже не притворялись, что считают его преподавателем. Ему оставили его лабораторию, и с молчаливого согласия начальства он окопался в ней со своими морскими свинками, крысами и приборами. Но деньги платили ему не зря. Он постоянно делал какие-то сенсационные открытия, что привлекало всеобщий интерес не только к нему, но и к университету. Что касается его лично, то он с легкой душой мог бы всю славу отдать университету. Мнение прессы, мнение официальной общественности или еще чье-нибудь — для Кэрлтона Стирлинга все это было пустым звуком.

Он жил только своими экспериментами, жил только для того, чтобы без конца совать нос в тайны, существование которых воспринималось им как брошенный лично ему вызов. У него была квартира, но частенько он по несколько дней кряду не заглядывал в нее. Чеки на зарплату он швырял в ящики письменного стола, и они скапливались там до тех пор, пока ему не звонили из университетской бухгалтерии, чтобы узнать, какая их постигла судьба. Однажды он получил приз — не из высоких и престижных, но все же достаточно почетный, да к нему еще прилагалась небольшая денежная премия — и забыл явиться на торжественный ужин, на котором ему должны были этот приз вручить.

А сейчас он спал в кресле, запрокинув голову и вытянув свои длинные ноги в тень под радиоконсолью. Он тихонько похрапывал, и в эту минуту в нем невозможно было распознать одного из самых многообещающих ученых мира — он походил скорее на приезжего,

который случайно забрел сюда в поисках ночлега. Он нуждался не только в бритве, ему не мешало бы и постричься. Небрежно повязанный галстук сбился на бок и весь был покрыт пятнами — вероятнее всего, от консервированного супа, который он разогревал прямо в банках и рассеянно хлебал, мысленно сражаясь с очередной проблемой.

Я шагнул в комнату и осторожно потряс его за плечо.

Проснулся он легко, даже не вздрогнул и, взглянув на меня снизу вверх, ухмыльнулся.

— Привст, Паркер, — сказал он.

— И тебе привет, — отозвался я. — Я бы дал тебе выспаться, но ты так вывернул шею, что я побоялся, как бы ты ее себе не сломал.

Он подобрался, встал и последовал за мной в информационный отдел.

— Уже почти утро, — проговорил он, кивнув на окна. — Пора просыпаться.

Я взглянул на окна и увидел, что черный фон за ними уже начал сереть.

Он расчесал пятерней свою густую шевелюру и, словно умываясь, провел несколько раз по лицу ладонью. Потом полез в карман и вытащил пригоршню скомканных банкнот. Выбрав две бумажки, он протянул их мне.

— Держи, — сказал он. — Случайно вспомнил. Решил, что лучше отдать их сразу, а то опять вылетит из головы.

— Но Кэрл...

Он тряс двумя бумажками, нетерпеливо суя их мне в руку.

— Года два назад, — бубнил он. — Тот уик-энд, который мы с тобой провели у озера. Я тогда спустил все до последнего цента на игорные автоматы.

Я взял у него деньги и положил в карман. О том событии у меня остались довольно смутные воспоминания.

— Выходит, ты зашел только для того, чтобы отдать мне долг?

— Конечно, — ответил он. — Проезжал мимо и увидел возле дома стоянку. Решил подняться и навестить тебя.

— Но я ведь по ночам не работаю.

Он улыбнулся.

— Ну и что? Зато я немного всхрапнул.

— Я накормлю тебя завтраком. Тут через дорогу закусочная. Подают вполне съедобную яичницу с беконом.

Он покачал головой:

— Должен ехать обратно. Итак уже потерял уйму времени. Меня ждет работа.

— Что-нибудь новенькое? — полюбопытствовал я.

Секунду поколебавшись, он ответил:

— Не для прессы. Пока. Может быть, позже, а сейчас ни-ни. До этого еще далеко.

Я ждал, не спуская с него глаз.

— Экология, — произнес он.

— А точнее?

— Паркер, ведь ты же знаешь, что такое экология.

— Разумеется. Это взаимоотношения различных форм жизни и окружающих условий.

— А ты когда-нибудь задумывался над тем, какими свойствами должен обладать живой организм, чтобы совершенно не зависеть от окружающей его среды? Каким должно быть, если можно так выразиться, неэкологическое существо?

— Но ведь такое невозможно, — возразил я. — А пища, воздух...

— Пока это только идея. Предчувствие. Своего рода головоломка. Загадка приспособляемости. Вполне возможно, что это не даст никаких результатов.

— Все равно я теперь от тебя не отстану.

— Твое дело, — сказал он. — Кстати, когда выберешься ко мне, напомни про пистолет. Про тот, что я взял у тебя, уезжая к озеру.

Месяц назад, отправляясь в свою хижину, он одолжил у меня пистолет, чтобы поупражняться в стрельбе в цель. Ни одному мало-мальски нормальному человеку, за исключением Кэрлтона Стирлинга, не пришло бы в голову стрелять в цель из пистолета 303.

— Я израсходовал твои патроны, — сообщил он. — Купил новую коробку.

— Можно было обойтись без этого.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я тогда отлично провел время.

Он даже не попрощался. Просто повернулся на каблуках и, выйдя из отдела, зашагал по коридору. Мы слышали, как его подошвы дробно застучали вниз по ступенькам.

— Мистер Грейвс, — изрек Лайтнинг. — У этого парня мозги набекрень.

Я оставил его слова без внимания. Вернулся к своему столу и попытался взяться за работу.

4 Вошел Гэвин Уокер. Он достал тетрадь с записью текущих дел и принялся ее изучать. Потом презрительно фыркнул.

— Опять некому работать, — с горечью пожаловался он мне. — Чарли позвонил, что болен. Не иначе как опохмеляется после

пьянки. Эл пришит к тому мельбурнскому делу, сидит в окружном суде. Берт все никак не разделается с серией статей о расширении сети бесплатных шоссежных дорог. Пора показать ему, где раки зимуют. Сколько можно тянуть!

Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и бросил пляпу в плетеный проволочный ящик для бумаг. Он стоял возле своего стола в ослепительном сиянии ламп и с воинственным видом закатывал рукава, точно готовясь к драке.

— Ей-богу, — проговорил он, — если в один прекрасный день загорится универмаг "Франклин", битком набитый покупателями, которые в мгновение ока превратятся в обезумевшее от ужаса дико ревущее человеческое стадо...

— То тебе некого будет туда послать.

Гэвин по-совиному мигнул.

— Паркер, — сказал он, — ты угадал мою мысль.

В особо напряженные периоды он неизменно выступал с этим пророчеством. Мы уже выучили его наизусть.

"Франклин" был самым большим в городе универсальным магазином и самым крупным рекламодателем нашей газеты.

Я подошел к окну и выглянул на улицу. Уже светало. Город казался замороженным, мрачным и каким-то безжизненным, словно некая зловещая волшебная страна в преддверии зимы. По улице медленно проплыло несколько автомашин. Брели редкие пешеходы. Кое-где в окнах центральной части города светились огни.

— Паркер, — позвал Гэвин.

Я быстро повернулся к нему.

— Послушай, — отрезал я, — я знаю, что у тебя никого нет. Но мне необходимо поработать. Я должен подготовить массу статей. Для этого я так рано и пришел.

— Я вижу, как ты усиленно над ними работаешь, — ядовито заметил он.

— Иди к черту, — огрызнулся я. — Должен же я проснуться.

Я повернулся к столу и попытался заставить себя работать.

Появился Ли Хоукинс, редактор фотоотдела. У него буквально дым валил из ноздрей. Лаборатория испортила фотографию для первой полосы. Изрыгая угрозы, он помчался вниз наводить порядок.

Постепенно подошли остальные сотрудники, помещение потеплело и ожило. Загорланили литправщики, требуя, чтобы Лайтнинг принес из закусочной напротив их утренний кофе. Недовольно ворча, Лайтнинг поплелся через улицу за кофе.

Я принялся за работу. Теперь она пошла легко. Одно за другим покапались слова, а в голове возникло множество идей. Потому что сейчас создалась соответствующая атмосфера и обстановка распо-

лагала к творчеству: поднялись те самые галдеж и суматоха, без которых не может существовать ни одна газетная редакция.

Когда я, закончив одну статью, уже взялся за следующую, кто-то остановился около моего стола.

Подняв глаза, я увидел Дау Крейна, репортера из отдела экономики. Дау мне нравится. Он не такое дерьмо, как Дженсен. Он пишет честно, без прикрас. И ни перед кем не угодничает. Не занимается очковтирательством.

Вид у него был хмурый. И я ему об этом сказал.

— Заботы одолели, Паркер.

Он протянул мне пачку сигарет. Он знает, что я не курю, однако же всякий раз предлагает мне сигарету. Я отмахнулся от них. Тогда он закурил сам.

— Можешь оказать мне небольшую услугу?

Я ответил утвердительно.

— Вчера вечером мне домой позвонил один человек. Сегодня в первой половине дня он придет сюда. Говорит, что не может найти дом.

— А какой дом он ищет?

— Жилой. Хотя какой-нибудь, лишь бы в нем можно было жить. Говорит, что месяца три-четыре назад он продал свой собственный, а теперь не может купить другой.

— Что ж, очень прискорбно, — жестко сказал я. — А мы-то тут при чем?

— Он говорит, что не он один оказался в таком положении. Утверждает, что таких, как он, очень много. Что во всем городе не найдешь ни одного свободного дома или квартир.

— Дау, этот тип рехнулся.

— А может, и нет, — возразил Дау. — Ты обратил внимание на объявления в отделе спроса и предложения?

Я отрицательно покачал головой.

— Мне они ни к чему, — сказал я.

— А я их просмотрел. Сегодня утром. Бесконечные столбцы объявлений — люди ищут жилье, любое жилье. Такое впечатление, что некоторые из них уже на пределе.

— Но сегодняшняя статья Дженсена...

— Ты имеешь в виду этот бум в жилищном строительстве?

— Вот именно, — ответил я. — Все это как-то не вяжется, Дау. Статья и то, что тебе сказал этот человек.

— Может, и не вяжется. Даже наверняка. Послушай-ка, мне нужно ехать на аэродром, чтобы встретить одну важную персону, которая намерена к нам сегодня пожаловать. Это единственная возможность получить интервью для первого выпуска. Если в мое

отсутствие зайдет тот парень, что звонил мне по поводу дома, ты с ним побеседуешь?

— Что за вопрос, — сказал я.

— Спасибо, — бросил Дау и удалился к своему столу.

Появился Лайтнинг, неся заказанный кофе в помятом заржавленном проволочном ящике для бумаг, который, когда им не пользовались, он держал под столом фотоотдела. И в ту же секунду поднялся невообразимый ор. Он принес одну чашку кофе со сливками — никто не хотел пить кофе со сливками. Он принес три чашки кофе с сахаром, а сладкий кофе согласились пить только двое. Он общитался на пирожках.

Я повернулся к машинке и снова принялся за работу.

Жизнь редакции входила в свой нормальный ритм.

Стоит отгрезить ежедневной кофейной битве между Лайтнингом и ребятами из отдела литературной правки, как уже точно знаешь, что все вошло в привычную колею и информационный отдел набрал наконец третью скорость.

Работал я недолго.

Мне на плечи легла чья-то рука. Я поднял глаза — передо мной стоял Гэвин.

— Парк, дружище, — проворковал он.

— Нет, — твердо сказал я.

— Из всей редакции только ты один сумеешь с этим справиться, — взмолился он. — Дело касается "Франклина".

— Только не говори мне, что там пожар и миллион покупателей...

— Нет, не это, — сказал он. — Только что звонил Брюс Монтгомери. В девять он созывает пресс-конференцию.

Брюс Монтгомери был президентом правления "Франклина".

— Этим занимается Дау.

— Дау уехал на аэродром.

Я сдался. У меня не было другого выхода. Парень готов был расплакаться. А я органически не перевариваю плачущих редакторов.

— Так и быть, поеду, — сказал я. — Что там стряслось?

— Не знаю, — ответил Гэвин. — Я спросил Брюса, но он уклонился от объяснений. Должно быть, что-то важное. Последний раз они созывали пресс-конференцию пятнадцать лет назад, чтобы объявить о вступлении Брюса Монтгомери на пост президента. Тогда впервые руководство универмагом было доверено человеку со стороны. До этого все руководящие должности занимали только члены семьи.

— Договорились, — сказал я. — Беру это на себя.

Он повернулся и рысью поскакал к столу отдела городских новостей.

Я позвал рассыльного и, когда он наконец соизволил явиться, послал его в библиотеку за подборкой газетных вырезок со сведениями о "ФранкLINE" за последние пять-шесть лет.

Я вынул вырезки из конвертов и пробежал их глазами. Они мало что прибавили к тому, что я знал раньше. Ни одного существенного факта. Тут были отчеты о показах моделей у "Франклина", о художественных выставках у "Франклина", заметки, в которых сообщалось, что служащие "Франклина" принимают активное участие в многочисленных общественных мероприятиях.

Универмаг "Франклин" был очень стар и оброс множеством традиций. Как раз год назад он отпраздновал свой столетний юбилей. Он был девизом каждой семьи почти со дня основания города. Своего рода семейным клубом, со своим уставом, соблюдавшимся с той особой бережностью, которая возможна лишь в условиях семейного клуба. Поколение за поколением вырастали под сенью "Франклина", делая там покупки чуть ли не с колыбели до могилы, а честность торговли и качество его товаров вошли в поговорку.

Мимо моего стола шла Джой Кейн.

— Привет, дорогая, — сказал я. — Чем ты сегодня занимаешься?

— Скунсами, — ответила она.

— Тебе больше к лицу норка.

Она остановилась рядом со мной. Я ощутил слабый аромат ее духов и более того — близость ее красоты.

Она протянула руку и быстрым, чисто импульсивным движением взъерошила мне волосы, но тут же вновь стала воплощенным приличием.

— Это ручные скунсы, — сказала она. — Комнатные скунсы. Последний крик моды. Они без запаха, естественно.

— Ну, еще бы, — отозвался я. А про себя подумал: "От таких милашек недолго схватить водобоязнь".

— Я ужасно разозлилась на Гэвина, когда он меня туда послал.

— Куда послал, в лес?

— Нет, на ферму, где разводят скунсов.

— Их что, прямо так и разводят, как свиней и кур?

— Конечно. Говорю тебе, что это ручные скунсы. Человек, который их разводит, утверждает, что из них получают самые что ни на есть распрекрасные комнатные животные. Чистенькие, ласковые и страшно забавные. Его завалили заказами. Ему пишут из Нью-Йорка, Чикаго, со всех концов страны.

— У тебя, наверно, есть фотографии.

— Со мной ездил Бен. Он нашел кучу снимков.

— А где этот дядя достает своих скунсов?
— Я же тебе сказала. Он их выращивает.
— А откуда он берет производителей?
— Покупает у охотников, которые ставят на них капканы. У деревенских мальчишек. За диких он дает хорошие деньги. Он ведь расширяет бизнес. А дикие ему нужны на развод. Скупает их в любом количестве, только подавай.

— Кстати, о деньгах, — сказал я. — Сегодня зарплата. Ты поможешь мне ее промотать?

— Разумеется. Ты разве забыл, что уже пригласил меня?

— На Пайккросс Драйв открылся новый кабак.

— Это звучит заманчиво.

— Значит, в семь?

— Ни минутой позже. К этому времени я уже успею как следует проголодаться.

Она вернулась к своему столу, а я — к вырезкам. И еще раз убедился, что в них нет ничего существенного. Собрал вырезки, я вложил их обратно в конверты.

Я откинулся на спинку стула и принялся размышлять о скунсах, о водобоязни и о том, какими только глупостями ни занимаются некоторые представители человеческого рода.

5 Человек, сидевший во главе стола рядом с Брюсом Монтгомери, был лыс, вызываяще лыс, словно он гордился своей плешивостью, лыс до такой степени, что я невольно спросил себя, росли ли у него когда-нибудь волосы вообще. По голове его ползала муха, а ему хоть бы хны. Меня судороги сводили от одного только вида этой мухи, с беспечной наглостью прогуливавшейся по голому розовому черепу. Пока она там резвилась, я буквально собственной кожей ощущал назойливое, доводящее до бешенства накалывание ее лапок.

Но незнакомец сидел как истукан, неотрывно глядя поверх наших голов на противоположную стену конференц-зала, будто его там что-то заворожило. Нас он не удостоивал взглядом. Казалось, мы для него просто не существовали. Вид у него был безучастный и несколько надменный, и сидел он совершенно неподвижно. Если б он еще и не дышал, он вполне сошел бы за манекен, который Брюс Монтгомери приволок сюда с витрины и усадил за стол.

Муха перескочила через вершину лысого купола и исчезла, пустившись в странствия по заднему, невидимому для нас полушарию этого лоснящегося черепу.

Ребята с телевидения все еще возились с установкой аппаратуры, и Брюс то и дело бросал на них нетерпеливые взгляды.

Народу здесь набралось порядком. Представители радио и телевидения, репортеры из "Ассошиэйтед пресс" и "Юнайтд пресс интернейшнл"; был также и внештатный корреспондент "Уолл-Стрит джорнэл".

Брюс снова взглянул на телевизионную аппаратуру.

— Ну как, готово наконец? — спросил он.

— Минуточку, Брюс, — ответил один из телевизионщиков.

Пришлось ждать, пока настраивались аппараты, протягивались кабели и беспорядочно суетились техники. С этими подонками с телевидения всегда так. Они, видите ли, считают, что без них не может обойтись ни одно событие и поднимают скандал, если их куда-нибудь не пригласят, а стоит их только пустить, как они такого наворотят, что захочешь — не придумаешь. Перевернут все вверх дном, будут возиться до бесконечности, а ты сиди и жди.

И пока я сидел так, мне почему-то вдруг вспомнилось, как здорово мы с Джой провели последние несколько месяцев. Мы выезжали на пикники, вместе ездили на рыбалку, и она была самой замечательной девушкой из всех, которых я когда-либо встречал. Она была хорошим репортером, но, став репортером, она осталась женщиной, что далеко не всегда бывает. Большинство из них считает, что во имя бог весть какой традиции они просто обязаны вести себя грубо и нагло, а это, конечно, чистой воды блеф. Настоящие репортеры никогда не бывают такими грубиянами и хамами, какими их изображают в кинофильмах. Это самые обыкновенные работяги, которые из кожи вон лезут, чтобы получше справиться со своим делом.

На горизонте блестящего черепа вновь появилась муха. Немного повременив, она стала на передние лапки и задними почистила себе крылышки. Замерла на одну-две минуты, оценивая обстановку, и уползла обратно.

Брюс постучал по столу карандашом.

— Господа, — произнес он.

В комнате стало так тихо, что я явственно слышал дыхание своего соседа.

И пока все мы ждали, когда он снова заговорит, я вновь ощутил, сколько достоинства и строгого вкуса было в убранстве этой комнаты, в ее пушистом ковре, богато отделанных деревом стенах, в ее тяжелых занавесях и двух написанных маслом картинах, которые висели на стене по ту сторону стола.

Эта комната, подумал я, символ семьи Франклинов, символ универмага, который был ее детищем, символ положения, которое

эта семья занимала в обществе, и того, что она значила для нашего города. Цитадель благородства и безупречной честности, высокой гражданственности и культуры.

— Господа, — проговорил Брюс, — нет смысла начинать изда- лека. Произошло событие такого рода, что еще месяц назад я сказал бы о нем: этому никогда не бывать. Я сделаю сообщение, а потом задавайте вопросы...

На мгновение он остановился, словно подыскивая подходящие слова. Он оборвал фразу на середине, но не понизил голоса. Лицо его было суровым и бледным.

Помолчав, он медленно и выразительно произнес:

— Универмаг "Франклин" продан.

Какое-то время все молчали. Не от того, что мы были ошелом- лены и парализованы: мы просто не поверили своим ушам. Ведь из всего, что может нарисовать человеческое воображение, любому из нас это пришло бы в голову в последнюю очередь. Потому что универмаг "Франклин" и семья Франклинов были традицией города. Универмаг и семья существовали здесь почти со дня его основания. Продать "Франклин" — это все равно, что продать здание суда или церковь.

Лицо Брюса было жестким и непроницаемым, и я подивился, как у него хватило мужества произнести эти слова, ведь Брюс Монтгомери был такой же неотъемлемой частью "Франклина", как и семья Франклинов, а за последние годы он, вероятно, еще теснее сросся с универмагом — он управлял им, заботился о нем, переживал за него столько лет, что мало кто из нас мог припомнить, с какого времени он начал этим заниматься.

Потом тишина взорвалась и со всех сторон посыпались вопросы.

Брюс жестом призвал нас к молчанию.

— Спрашивайте не меня, — сказал он. — На все ваши вопросы ответит мистер Беннет.

Лысый мужчина впервые заметил наше присутствие. Он отвел взгляд от той точки на противоположной стене и слегка кивнул нам.

— Будьте любезны, не все сразу, — проговорил он.

— Мистер Беннет, — спросил кто-то из глубины комнаты, — это вы — новый владелец универмага?

— Нет, я всего лишь его представитель.

— А кто же тогда владелец?

— Этого я вам не могу сказать, — ответил Беннет.

— Значит ли это, что вы сами не знаете кто он, или же...

— Это значит, что я не могу вам этого сказать.

— Не назовете ли вы нам сумму?

- Полагаю, вы имеете в виду сумму, заплаченную за универмаг?
- Да, именно...
- Это тоже, — сказал Беннет, — не подлежит оглашению.
- Брюс! — раздался чей-то негодующий голос.

Монтгомери показал головой.

— Будьте добры, обращайтесь к мистеру Беннету, — повторил он. — Он ответит на все ваши вопросы.

— Не скажете ли вы нам, — спросил я Беннета, — какую политику будет проводить новый владелец? Останется ли универмаг таким же, каким он был до сих пор? Сохранится ли прежняя политика в отношении качества товаров, кредита, гражданских...

— Универмаг, — твердо произнес Беннет, — будет закрыт.

— Вы имеете в виду — будет закрыт для реорганизации?...

— Молодой человек, — отчеканивая каждое слово, проговорил Беннет, — я имею в виду нечто совершенно иное. Универмаг будет закрыт. И он больше не откроется. "Франклин" перестанет существовать. Навсегда.

Передо мной промелькнуло лицо Брюса Монтгомери. Проживи я хоть миллион лет, из моей памяти никогда не изгладится испуг, изумление и боль, которые отразились на его лице.

6 Когда, ощущая затылком дыхание нависавшего надо мной Гэвина, я дописывал последнюю страницу, а отдел литературной правки стонал, что уже прошли все сроки выпуска газеты, позвонила секретарша издателя.

— Мистер Мэйнард желает с вами побеседовать, — сказала она, — немедленно, как только вы освободитесь.

— Уже кончаю, — бросил я и положил трубку.

Я дописал последний абзац и вытащил лист из машинки. Схватив его, Гэвин помчался к столу отдела литературной правки.

Он тут же вернулся и кивнул на телефонный аппарат.

— Старик? — спросил он.

Я ответил, что он самый.

— Видно, собирается как следует выпотрошить меня. Допрос третьей степени, с применением пыток.

Такая уж была у Старика манера. И вовсе не потому, что он нам не доверял. Не потому, что считал нас идиотами или халтурщиками или подозревал, что мы что-нибудь замалчиваем. Мне думается, это в нем говорил газетчик с его неодолимой тягой к выяснению подробностей в надежде на то, что, беседуя с нами, он выудит нечто, ускользнувшее от нашего внимания: промывка грубого песка фактов в поисках крупниц золота. Мне кажется, что,

учиняя такой допрос, он проникался чувством собственной значимости.

— Это ужасный удар, — посетовал Гэвин. — Потерять такой жирный кусок. Наверно, тот парень, что ведет счета в отделе рекламы, сейчас в каком-нибудь темном углу перепиливает себе горло.

— Удар не только для нас, — добавил я. — Но и для всего города.

Потому что "Франклин" был не только торговым центром; он был еще и неофициальным клубом, местом встреч. Тщательно причесанные чопорные старые леди в опрятных костюмах регулярно устраивали в чайной комнате на седьмом этаже скромные пиршества. Домашние хозяйки, отправляясь за покупками, неизменно встречали у "Франклинов" своих старых приятельниц, и их сборища преграждали проходы. Случалось, что люди заранее договаривались встретиться у "Франклина". Там устраивались художественные выставки, читались лекции на возвышенные темы, короче — использовались все приманки, которые для американцев являются критерием изысканного вкуса. Для представителей всех классов, независимо от их образа жизни, "Франклин" был рынком, местом встреч и своего рода клубом.

Я поднялся из-за стола и пошел к боссу.

Его зовут Уильям Вудро Мэйнард, и он неплохой малый. Он далеко не так плох, как это может показаться, если судить по его имени.

У него в кабинете сидел Чарли Гендерсон, ведавший рекламой розничной торговли, и вид у обоих был встревоженный.

Старик предложил мне сигару из большой коробки, стоявшей на краю стола, но я отказался и опустился на стул рядом с Чарли — лицом к Старику, который восседал за столом.

— Я звонил Брюсу, — сказал Старик, — и он разговаривал со мной без особой охоты. Я бы даже сказал — уклончиво. Он не желает обсуждать эту тему.

— Естественно, — заметил я. — По-моему, это потрясло его не меньше, чем нас.

— Я тебя не понимаю, Паркер. Почему вдруг это должно было его так потрясти? Ведь наверняка он лично вел переговоры и заключил сделку продажи.

— Речь идет о закрытии универмага, — пояснил я. — Если не ошибаюсь, мы сейчас говорим именно об этом. Мне кажется, Брюс не знал, что новый владелец собирается закрыть универмаг. Уверен, что, заподозри он что-нибудь подобное, сделка бы не состоялась.

— Что навело тебя на эту мысль, Паркер?

— Выражение лица Брюса, — ответил я. — В тот момент, когда Беннет объявил, что универмаг будет закрыт, на его лице отразились изумление, возмущение, гнев и, пожалуй, даже отвращение. Как у человека, у которого четыре короля выпали против четырех тузов.

— Но он ведь промолчал.

— А что он мог сказать? Он заключил сделку, и универмаг был уже продан. Едва ли ему когда-нибудь приходило в голову, что кто-то может купить процветающее предприятие и тут же его закрыть.

— Верно, — задумчиво проговорил Старик, — все это как-то не вяжется.

— Не исключено, что это всего лишь рекламный трюк, — предположил Чарли Гендерсон. — Не более, чем крючок для публики. Нельзя не признать, что за всю историю своего существования "Франклин" никогда не пользовался такой популярностью, как после сегодняшней пресс-конференции.

— "Франклин", — твердо сказал Старик, — никогда не гнался за рекламой. Он в ней не нуждается.

— Через один-два дня, — не сдавался Чарли, — будет во всеуслышание объявлено, что универмаг опять открывается. Новое правление объяснит, что оно приняло во внимание протест общественности, которая потребовала, чтобы универмаг продолжал функционировать.

— У меня на этот счет другое мнение, — возразил я и в ту же секунду сообразил, что мне следовало бы попридержать язык. У меня ведь не было никаких доказательств, только какое-то интуитивное предчувствие. От всей этой сделки разлило липой. Я готов был поклясться, что за ней скрывалось нечто большее, чем простая мистификация, которую на досуге измыслил какой-нибудь агент по рекламе.

Но никто из них не поинтересовался, почему я с ними не согласен.

— Паркер, — спросил Старик, — нет ли у тебя какой-нибудь мыслишки по поводу того, кто может стоять за этой сделкой?

Я покачал головой.

— Беннет отказался назвать нового владельца. Универмаг: здание, товары, репутация, связи — был куплен каким-то человеком, или группой людей, которых этот Беннет представляет, и он закрывается. Никаких объяснений, почему он закрывается. Ни звука о том, будет ли использовано здание для каких-нибудь других целей.

— Не сомневаюсь, что его допрашивали с пристрастием.

Я кивнул.

— И он ничего не сказал?

— Ни полслова, — ответил я.

— Странно, — произнес Старик. — Тут сам черт не разберется.

— А этот Беннет? — спросил Чарли. — Что ты о нем знаешь?

— Ничего. О себе он сказал только, что является представителем покупателя.

— Ты уже, конечно, пытался выяснить, кто он, — сказал Старик.

— Этим занимаются другие. Мне нужно было успеть написать статью для первого выпуска, а в моем распоряжении было всего двадцать минут. Это Гэвин послал своих людей навести справки в отелях.

— Держу пари на двадцать долларов, — заявил Старик, — что они и следа его не найдут.

Вероятно, у меня был удивленный вид.

— Темная это история, — проговорил Старик. — С начала и до конца. Подготовку к такой сделке невероятно трудно сохранить в тайне. Однако же не просочилось никаких сведений, никаких слухов, ни звука.

— Если бы что-нибудь и выплыло, — подхватил я, — об этом бы знал Дау. А если б у него были какие-нибудь сведения, он, вместо того чтобы ехать на аэродром, занялся бы этим делом сам.

— Вполне с тобой согласен, — сказал Старик. — Дау прекрасно осведомлен о том, что происходит в городе.

— А не было ли в этом Беннете какой-нибудь особенности, которая могла бы хоть как-то облегчить разгадку? — спросил Чарли.

Я покачал головой. У меня в памяти остался только его поразительно лысый череп, ползавшая по этой лысине муха и то, что он не обращал на муху никакого внимания.

— Ну что ж, Паркер, спасибо, — произнес Старик. — Я нахожу, что ты поработал не хуже, чем обычно. Все сделано на высоком профессиональном уровне. Когда в информационном отделе сидят такие, как ты, Дау и Гэвин, можно жить спокойно.

Я поспешно ретировался, не дожидаясь, пока он размякнет настолько, что еще чего доброго заговорит о повышении мне жалованья. Это было бы ужасно.

Я вернулся в информационный отдел.

Из типографии только что принесли газету, и на первой странице красовалась моя статья — заголовок раскинулся на восемь столбцов, а под ним выстроились все двенадцать букв моего полного имени.

Здесь же, на первой странице, была и фотография Джой со скунсом на руках, и, судя по ее виду, она прямо таяла от восторга. Под фотографией была напечатана ее заметка, которую какой-то остряк из отдела литературной правки не преминул снабдить пошлым слюнявым заголовком.

Я отправился к столу отдела городских новостей и остановился рядом с Гэвином.

— Как продвигаются поиски Беннета? — спросил я. — Тебе удалось что-нибудь выяснить?

— Полная неудача! — взорвался он. — Мне кажется, что он вообще не существует. По-моему, ты его высосал из пальца.

— Быть может, Брюс...

— Я звонил Брюсу. По его словам, он всегда считал, что Беннет остановился в одном из отелей. Он сказал, что этот тип никогда не говорил ни о чем, кроме бизнеса. Ни разу не упомянул ни единой фамилии.

— А как с отелями?

— Его там нет и никогда не было. За последние три недели ни в одном из отелей не останавливалось ни одного Беннета. Сейчас мы прочесываем мотели, но уверяю тебя, Паркер, что это пустая трата времени. Такой человек не существует.

— А может, он зарегистрировался под другим именем. Проверь всех лысых...

— Скажите пожалуйста, какие мы умные, — прорычал Гэвин. — А ты хотя бы приблизительно представляешь себе, сколько лысых мужчин регистрируется каждый день в наших отелях?

— Нет, — сознался я. — Не представляю.

Гэвин, как водится, не упустил возможности хорошенько себя взвинтить, и разговаривать с ним было бесполезно. Я отошел от него и направился было в другой конец комнаты, чтобы перебраться парой слов с Дау. Но увидев, что его нет на месте, остановился у своего стола.

Я взял лежавшую на столе газету и присел, чтобы просмотреть ее. Прочел свою статью и обозлился на себя за два неряшливых неуклюжих абзаца. Обычная история, когда пишешь в спешке. Стараешься написать получше, а к следующему выпуску все равно приходится переделывать.

Поэтому я швырнул на стол машинку и заново переписал эти абзацы. С помощью линейки я аккуратно вырвал статью из газеты и наклеил ее на два листа плотной бумаги. Перечеркнул оба оскорбивших мои чувства абзаца и пометил их для младшего редактора. Еще раз пробежав статью, я выудил несколько опечаток и для гладкости слога подправил одну-две фразы.

Просто чудо, что мне вообще удалось написать эту статью, — подумал я, вспомнив, как, развалясь на стульях, парни из отдела литературной правки истошно вопили, что уже прошли все сроки, а за моей спиной приплясывал Гэвин, выпаливая вслух каждую новую строчку.

Я отнес вставки и помеченный экземпляр статьи в отдел городских новостей и бросил все это в ящик. Потом вернулся к себе и разложил на столе искромсанную газету. Прочел заметку Джой — пальчики оближешь, как она была написана. Поискал интервью, за которым Дау поехал на аэродром, но его в газете не оказалось. Я снова пошарил глазами по комнате, но Дау как сквозь землю провалился.

Отложив газету в сторону, я не стал больше ничем заниматься и от нечего делать попытался вспомнить, что произошло сегодня утром в конференц-зале "Франклина". Но в памяти возникла только ползавшая по лысому черепу муха.

И вдруг я вспомнил кое-что еще.

Гендерсон спросил меня, не было ли в Беннете какой-нибудь особой черточки, которая помогла бы раскрыть его личность. Я тогда ответил отрицательно.

Но я невольно солгал. Потому что кое-что все-таки было. Если и не ключ к разгадке, то, во всяком случае, нечто чертовски странное. Как я сейчас вспомнил, это был его запах. Лосьон для бритья, подумал я, когда почувствовал слабое дуновение этого запаха. Но лосьон совершенно мне не знакомый. Не каждому мужчине пришлось бы по вкусу запах такого лосьона. Не потому, что он был вульгарным и резким — ведь это был лишь едва ощутимый намек на запах. Просто такой запах не имеет ничего общего с человеческим существом.

Я продолжал сидеть за столом, пытаюсь найти этому запаху какое-нибудь определение, придумать, с чем его можно сравнить. Но безуспешно, потому что, хоть тресни, я никак не мог припомнить запах сам. Однако я был глубоко убежден, что, доведись мне почувствовать этот запах еще раз, я его обязательно узнаю.

Я встал и побрел к столу Джой. Когда я подошел к ней, она бросила печатать. Подняв голову, взглянула на меня и глаза ее так блестели, словно она едва сдерживала слезы.

— В чем дело? — спросил я.

— Ах, Паркер, — проговорила она. — Ну какие же это несчастные люди! Просто сердце разрывается.

— Что это за несчастные... — начал было я, но тут же сообразил, что могло с ней произойти.

— Каким образом к тебе попало это дело? — спросил я.

— Они пришли к Дау, — объяснила она. — А его не было. И все остальные были очень заняты. Поэтому Гэвин привел их ко мне.

— Я собирался заняться этим сам, — сказал я. — Дау попросил меня, и я согласился. А потом началась эта кутерьма с "Франклином"

и я обо всем забыл. Однако мне казалось, что должен был прийти только один человек. А ты говоришь о нескольких...

— Он привел с собой жену и детей, и они сели в кружок и устали на меня эдакими большими серьезными глазами. Они рассказали, как продали свой дом — семья росла и в нем стало тесновато, — а теперь не могут найти другой. Через день-два они уже должны выехать из своего дома, и им совершенно некуда податься. Вот так и сидят они, выкладывают свои горести и смотрят на тебя с надеждой. Точно ты Санта-Клаус или добрая фея, или еще кто-нибудь из той же компании. Точно у тебя в руке не карандаш, а волшебная палочка. Точно они уверены, что ты в миг можешь решить все их проблемы и навести полный порядок. У людей такое странное представление о газетах, Паркер. Им кажется, что мы волшебники. Им кажется, что, как только их история будет напечатана в газете, все изменится к лучшему. Им кажется, что мы можем творить чудеса. А ты сидишь, смотришь на них, а про себя думаешь, что ничегоньки-то ты не можешь.

— Все понятно, — произнес я. — Только не принимай это близко к сердцу. Ты не имеешь права распускаться. Тебе следует быть тверже.

— Паркер, — попросила она, — убирайся отсюда, мне нужно кончить статью. Гэвин уже минут десять мечет икру.

Это было сказано совершенно искренне. Она действительно хотела от меня избавиться, чтобы получить возможность выплакаться без свидетелей.

— Ладно, — согласился я. — До вечера.

Вернувшись к своему столу, я спрятал статьи, которые написал утром. Потом надел шляпу и пальто и отправился промочить горло.

7 Эд в полном одиночестве стоял за стойкой, положив на нее локти и поддерживая руками голову. Вид у него был не блестящий. Я влез на табурет и выложил пять долларов.

— Налей-ка мне, Эд, стаканчик. Да побыстрее, — сказал я. — Душа требует.

— Придержи свои деньги, — прохрипел он. — Я угощаю.

Я чуть не свалился с табурета. Такого за ним никогда не водилось.

— Ты что, спятил? — спросил я.

— Ничуть не бывало, — ответил Эд, — доставая виски моей марки. — Я сворачиваю дело. Вот и угощаю своих старых верных клиентов, когда кто-нибудь из них заглядывает ко мне.

— Стало быть, уже сколотил состояние, — заметил я, не придав

значения его словам: у парня что ни слово, то острота, скажет что угодно, лишь бы сохмить.

— Мне отказали в аренде помещения, — сообщил он.

— Что ж, хорошего мало, — посочувствовал я. — Но ведь наверняка можно найти дюжину других помещений здесь, по соседству.

Эд с грустью покачал головой.

— Моя песенка спета, — сказал он. — Идти мне некуда. Где только я ни спрашивал. Если хочешь знать мое мнение, Паркер, у нас не муниципалитет, а вонючее болото. Кому-то приглянулась моя лицензия. И кто-то хорошо подмазал кое-кого из членов городского совета.

Он налил виски и подвинул ко мне стакан.

Он налил и себе тоже, а такого себе не позволяет ни один бармен. Сразу было видно, что ему теперь хоть трава не расти.

— Двадцать восемь лет, — сокрушенно проговорил он. — Вот сколько я здесь проработал. У меня в заведении всегда было очень прилично. Ты ведь не дашь соврать, Паркер. Ты же был постоянным клиентом. Сам знаешь, как у меня тут было. Никакого хулиганья, никаких женщин. И ты верно не раз видел у меня полицейских, как они сидели тут рядком и пили за счет заведения.

Я полностью с ним согласился. Все это была святая правда.

— Я знаю, Эд, — сказал я. — Ей-богу, ума не приложу, как наша банда будет выпускать газету, если ты закроешь бар. Ребятам некуда будет забежать, чтобы промыть мозги от всякой дряни. На добрых восемь кварталов нет больше ни одного бара.

— Не знаю, что и делать, — продолжал он. — Я еще слишком молод, чтобы не работать, да и нет у меня ни гроша. Мне нужно зарабатывать на жизнь. Я, конечно, могу работать на кого-нибудь. Почти в каждом баре города найдется для меня местечко. Но я ведь всегда был хозяином, и тут уж пришлось бы привыкать к другому раскладу. Честно тебе скажу, для меня это трудновато.

— Какое безобразие, — возмутился я.

— Я и "Франклин", — продолжал он. — Мы уйдем вместе. Я только что прочел об этом в газете. В твоей статье. Да, без "Франклина" город будет уже не тот.

Я заверил его, что и без него город уже не будет прежним, и он налил мне еще, но сам воздержался.

Он все стоял, а я сидел, и мы долго еще толковали о закрытии "Франклина", об аренде, в которой ему отказали, не в силах понять, ни он, ни я, куда катится этот окаянный мир. Он поставил мне еще пару стаканов, не забыл и себя, а потом мы вышли еще, и я попытался всучить ему деньги. Я убеждал его, что, даже закрывая

бар, он не имеет права задарма разбазаривать свои напитки, на что он ответил, что достаточно заработал на мне за последние шесть или семь лет и может позволить себе один разок напоить меня бесплатно.

Подошли еще какие-то люди, и Эд отправился их обслуживать. Поскольку это были чужие, а может, просто заходили сюда только от случая к случаю, Эд взял с них деньги. Он выбил в кассе чек, отсчитал сдачу и вернулся ко мне.

И мы вновь принялись обсуждать создавшееся положение, незаметно опрокидывая стакан за стаканом, на что нам, впрочем, было наплевать.

Я выбрался оттуда только после двух.

От полноты чувств я пообещал Эду, что до того, как он закроет бар, я обязательно загляну к нему поболтать напоследок.

Если учесть, сколько я влил в себя, мне полагалось быть мертвецки пьяным. Но я был трезв как стеклышко. Только страшно подавлен.

Я пошел было в редакцию, но на полпути решил, что идти мне туда незачем. До конца работы оставался какой-нибудь час, а то и меньше, и в это время дня, когда основной материал уже сдан в производство, делать мне там нечего. Я мог, правда, написать две-три статьи, но сейчас у меня был не тот настрой. И я решил поехать домой. Сегодня уж я побездельничаю, а статьи напишу в субботу или воскресенье.

Поэтому я пошел на стоянку, путем сложных маневров вывел машину на улицу и не спеша покатыл домой, старательно соблюдая все правила уличного движения, чтобы меня не засек какой-нибудь полицейский.

8 Я въехал во двор и, свернув за дом, поставил машину на площадку, отведенную под стоянку.

Здесь, за домом, было очень тихо и, прежде чем покинуть машину, я немного посидел в ней. Пригревало солнце, и здание, огораживая площадку с трех сторон, не пропускало сюда ни малейшего ветерка. У одного из углов дома рос чахлый тополь, и сейчас в своем наряде из красно-желтых листьев он сверкал под солнцем точно дерево земли обетованной. Дремал убаюканный солнцем и временем воздух, и мой слух уловил постукивание когтей бежавшей по дорожке собаки. Вслед за этим появился и сам пес. Увидев меня, он сел и наострил в мою сторону уши. Размером он был с телянка и так лохмат, что напоминал бесформенную глыбу. Он поднял увесистую заднюю лапу и деловито принялся вычесывать блох.

— Здравствуй, песик, — сказал я.

Он встал и затрусил по дорожке. Перед тем как скрыться за углом, он на секунду остановился и оглянулся на меня.

Я вылез из машины и, завернув за угол дома, пошел по дорожке к входной двери. В тишине и пустоте вестибюля эхом отдавался звук моих шагов. В почтовом ящике оказалось два письма и, засунув их в карман, я стал медленно подниматься на второй этаж.

Первым делом я немного вздремну, сказал я себе. Я ведь встал очень рано, и это уже давало себя знать.

Перед моей дверью в ковре по-прежнему зиял полукруглый вырез, и, остановившись, я в недоумении уставился на него. Я о нем почти забыл, но сейчас моя память в секунду восстановила картину ночного происшествия. При виде этой дыры в ковре меня пробрала дрожь, и я стал рыться в карманах в поисках ключей, чтобы поскорее войти в квартиру и отгородиться от этого полукруга.

Очутившись в квартире, я запер за собой дверь, бросил на стул шляпу и пальто и огляделся. Все было в полном порядке. Ни малейшего движения, ни шороха. Ничего подозрительного.

Особого шику в моей квартире не было, но она меня вполне устраивала. Она принадлежала мне одному, и за долгие годы скитаний была первым местом, где я прожил достаточно долго, чтобы уже считать ее своим домом. Я прожил в ней шесть лет, и мы с ней притерлись друг к другу. У одной стены стоял мой шкафчик с оружием, в углу — приемник, а значительную часть комнаты, выходившей окнами на улицу, занимал набитый книгами чудовищного вида шкаф, который я смастерил своими собственными руками.

Я прошел на кухню и, заглянув в холодильник, нашел там томатный сок. Налив себе стакан сока, я присел к столу, а когда сел, в кармане у меня зашуршали письма, и я вытащил их. Одно было из Союза журналистов, и я понял, что это очередное напоминание о необходимости уплатить взносы. Второе — от какой-то фирмы с длинным, многословным названием.

Это письмо я вскрыл и вытащил из конверта один-единственный листок бумаги.

"Дорогой мистер Грейвс, — прочел я, — ставим вас в известность, что на основании статьи 31-й мы аннулируем ваш договор об аренде квартиры № 210, "Уэллингтон-Армз". Срок вышеуказанного договора истекает 1 января будущего года".

Ниже стояла неразборчивая подпись.

Все это было крайне подозрительно, потому что лица, пославшие письмо, не были владельцами дома. Дом принадлежал Старине Джорджу Уэберу, который жил на первом этаже в сто шестнадцатой квартире.

Я было поднялся, чтобы броситься вниз и, взяв Старину Джорджа за горло, потребовать у него объяснений. Но тут же вспомнил, что Старина Джордж и миссис Джордж отбыли в Калифорнию.

Быть может, подумал я, Старина Джордж на время своего отсутствия передал этим людям ведение дел по дому. А если так, то произошла какая-то ошибка. Ведь мы были приятелями — Старина Джордж и я. Он никогда бы не вышвырнул меня из квартиры. Он то и дело тайком пробирался ко мне, чтобы опрокинуть рюмку-другую чего-нибудь покрепче, и каждый вторник мы вечером перекидывались с ним в картишки, а почти каждую осень вместе ездили в Южную Дакоту стрелять фазанов.

Еще раз взглянув на отпечатанный типографским способом заголовок, я увидел, что фирма называлась "Росс, Мартин, Парк и Гоубел". Под названием фирмы маленькими буквами стояло: "Купля-продажа недвижимости".

Мне захотелось ознакомиться с содержанием этой 31-й статьи, и я вознамерился было ее прочесть, но сразу сообразил, что понятия не имею, куда я дел копию договора. Скорей всего она была где-то здесь, в квартире, но где именно — я не имел ни малейшего представления.

Я пошел в гостиную и набрал номер "Росса, Мартина, Парка и Гоубела".

Из трубки мне ответил голос — высокий, профессионально любезный (как-я-рада-что-вы-позвонили) женский голос.

— Мисс, — сказал я ей, — в вашей конторе кто-то здорово начудил. Я получил письмо, из которого следует, что меня вышвыривают из моей квартиры.

Раздался щелчок, и место женщины занял мужчина. Я объяснил ему, что произошло.

— При чем тут ваша фирма? — спросил я. — Насколько мне известно, дом принадлежит моему доброму соседу и старому приятелю Джорджу Уэберу.

— Вы ошибаетесь, мистер Грейвс, — возразил этот господин голосом, который своей невозмутимостью и высокомерием сделал бы честь любому судье. — Несколько недель назад мистер Уэбер продал собственность, о которой идет речь, одному из наших клиентов.

— Старина Джордж мне об этом даже не заикнулся.

— Может, это он по рассеянности, — с легкой тенью издевки предположил человек на другом конце провода. — Или же просто к слову не пришлось. Наш клиент вступил во владение домом в середине этого месяца.

— И с ходу послал мне уведомление об аннулировании моего арендного договора?

— Он аннулирует все договоры, мистер Грейвс. Дом ему нужен для других целей.

— Скажем, чтобы использовать его в качестве стоянки для автомашин?

— Совершенно верно, — подтвердил тот. — Именно в качестве стоянки.

Я бросил трубку. Я даже не взял себе за труд попрощаться с ним. Мне стало ясно, что толку от этого остряка не добьешься.

Я тихо сидел в гостиной, прислушиваясь к уличному шуму. Болтая и хихикая, мимо прошли две девушки. В окна, выходявшие на запад, лился теплый насыщенный свет зрелого послеполуденного солнца.

Но в комнате веяло холодом — ужасным леденящим холодом, который просачивался из какого-то иного измерения и пронизывал меня до костей.

Вначале "Франклин", потом бар Эда, а теперь эта квартира, которую я считал своей. Нет, наверно, мысленно поправил я себя: первой ласточкой был человек, который позвонил Дау, а потом встретился с Джой и поведал ей о своих мытарствах с поисками дома. Он и все те, кто вложили свое отчаяние в сухие строчки газетных объявлений, — первыми были они.

Я взял газету, которую, войдя в комнату, небрежно бросил на письменный стол, раскрыл ее на странице, где печатались объявления, и увидел, что Дау сказал тогда правду. Вот они, выстроились столбцами под заголовками "Ищу дом" или "Ищу кв.". Короткие жалкие строчки типографского шрифта, молившие о пристанище.

Что происходит? — спросил я себя. Что могло так внезапно случиться со всеми жилыми помещениями? Где же они, все эти новые многоквартирные дома, которые, поглощая акр за акром, вырастали в пригородах как грибы?

Бросив на пол газету, я набрал номер одного знакомого мне агента по продаже и найму недвижимости. Секретарша попросила меня подождать, пока он кончит говорить по другому телефону.

Наконец он взял трубку.

— Чем могу быть полезен тебе, Паркер? — спросил он.

— Меня выбросили на улицу, — сказал я. — Мне нужна крыша над головой.

— О господи! — простонал он.

— Меня устроит комната, — добавил я. — Одна большая комната, если нет ничего получше.

— Послушай, Паркер, какой тебе дали срок?

— До первого января будущего года.

— Может статься, за это время я сумею что-нибудь для тебя сделать. Возможно, что обстановка несколько разрядится. Буду иметь тебя в виду. Говоришь, тебе подойдет почти любое помещение?

— Неужели и в правду так плохо, Боб?

— Они приходят ко мне в контору. Они обрывают телефон. Буквально отбоя нет от людей, которые ищут жилье.

— Но что произошло? Ведь полным-полно новых домов, а сколько еще строится! Все лето на фасадах висели объявления о продаже или сдаче в наем квартир и домов.

— Не знаю, — сказал он тоном человека, озверевшего от собственного бессилия. — Я даже не пытаюсь ответить. Я просто ни черта не понимаю. Я мог бы продать тысячу домов. Я мог бы снять любое количество квартир. Но у меня нет ни одного дома, ни одной квартиры. Я сижу сложа руки и качусь к полному банкротству, потому что у меня нет ни единого предложения. Вот уже полных десять дней, как их число свелось к нулю. Люди валяются у меня в ногах. Предлагают мне взятки. Им кажется, что я веду нечестную игру. Сроду у меня не было столько клиентов, а я не в состоянии вести с ними дела.

— В городе много приезжих?

— Не думаю. Во всяком случае не настолько же.

— Так, может, квартиры ищут молодожены?

— Поверь мне, что половина моих клиентов — пожилые люди, которые продали свой дома, потому что дети их выросли и живут самостоятельно, а им самим понадобилось жилье поменьше. Другие, и таких тоже немало, продали свои дома потому, что их семьи разрослись и им потребовалось дополнительное помещение.

— А на сегодняшний день, — подхватил я, — свободных жилых помещений нет и в помине.

— Вот именно, — подтвердил он.

Больше нам говорить было не о чем, что я ему не преминул сказать.

— Я постараюсь что-нибудь для тебя присмотреть, — пообещал он. Тон его не вселял особых надежд.

— Спасибо, Боб.

Я повесил трубку и, сидя у телефона, стал размышлять над тем, что же все-таки происходит. Я был убежден, что все это неспроста. Подобную ситуацию невозможно объяснить одним только необычным повышением спроса. Что-то бросило вызов всем экономическим законам. Чутье мне подсказывало, что за этим скрывается крупная сенсация. "Франклин" продан. Эду отказано в аренде помещения,

Старина Джордж продал этот дом, толпы осатаневших людей штурмуют конторы по продаже и найму недвижимой собственности, пытаются раздобыть себе кров.

Я встал, надел пальто и шляпу. Выходя из квартиры, я постарался обойти взглядом полукруглый вырез в ковре.

У меня возникло ужасное подозрение — подозрение, от которого кровь стыла в жилах.

Рядом с моим домом проходила торговая улица, одна из тех торговых улиц, где магазины открылись много лет назад, задолго до того, как кому-то взбренило как попало распахать торговые центры по окраинам.

Если мое подозрение правильно, ответ я получу в торговом центре — в любом торговом центре.

И я отправился на поиски этого ответа.

9 Ответ я получил через полтора часа и похолодел от ужаса. У большей части расположенных здесь торговых фирм договора аренды помещения были либо аннулированы, либо к тому шло дело. Несколько хозяев — из тех, у кого договора были заключены давно, продали свои магазины. Судя по всему, за последние две-три недели большинство окрестных домов переменило хозяев.

Я беседовал с людьми, впавшими в отчаяние, беседовал с теми, кто уже потерял всякую надежду. Некоторые были озлоблены, встречались и такие, которые откровенно признавали, что потерпели полный крах.

— А! Что в лоб, что по лбу — один черт, — сказал мне один аптекарь. — Как подумаешь о нынешней системе налогов, обо всех этих инструкциях, о вмешательстве правительства, так просто диву даешься, каким нужно быть изворотливым, чтобы в таких условиях вести дело. Конечно, я искал помещение. Но это был чистый рефлекс. Привычки живучи, и мало в ком они умирают легко. Но помещений нет. Деваться мне некуда. Поэтому я постараюсь выгоднее продать свои товары и сброшу с себя это ярмо, а там видно будет.

— У вас есть какие-нибудь планы? — спросил я.

— Понимаете, мы с женой уже давно поговариваем о том, что нам не мешало бы хорошенько отдохнуть. Но так до сих пор и не собрались устроить себе отпуск. Все руки не доходили. Этот бизнес держал меня в тисках, а хорошего помощника найти очень трудно.

Попался мне и парикмахер, который в такт своим словам размахивал ножницами, гневно щелкая ими в воздухе.

— Видали вы такое! — воскликнул он. — Человек больше не

может зарабатывать себе на жизнь. Уж они постараются лишить вас куска хлеба.

Мне захотелось спросить, кто эти "они", но я не успел даже рта раскрыть.

— Бог свидетель, я и так зарабатываю жалкие гроши, — продолжал он. — Парикмахерское дело теперь совсем не то, что было когда-то. Одни стрижки. Иной раз еще и мытье головы — вот и все. А ведь бывало мы их брили, делали им массаж лица, и все они, как один, требовали, чтобы им мазали волосы бриллиантином. А нынче нам остались одни только стрижки. И теперь они хотят отнять у меня даже эти крохи.

Мне все-таки удалось спросить, кто эти таинственные "они", но он так и не смог ответить. Он даже обиделся. Решил, что я его разыгрываю.

Две старые фирмы, которые помещались в собственных домах, отказались эти дома продать, хотя суммы, которые им предлагали, были одна соблазнительнее другой.

— Видите ли, мистер Грейвс, — сказал мне старый джентльмен в одной из этих уцелевших фирм, — в другое время я, возможно, и принял бы такое предложение. Быть может, я сделал большую глупость, отказавшись от него. Но я слишком стар. Я и этот магазин — мы так срослись, что стали частью друг друга. Для меня продать дело — все равно, что продать самого себя. Пожалуй, вам этого не понять.

— Напрасно вы так думаете, — возразил я.

Он поднял старческую руку с поразительно вздутыми голубыми венами, резко выделявшимися на бледном фарфоровом фоне его кожи, и пригладил жидкие седые волосы, которые едва прикрывали его череп.

— Существует такое понятие, как гордость, — произнес он. — Гордость за то, как у тебя поставлено дело. Уверяю вас, что никто на свете не повел бы это дело так, как веду его я. В наше время, молодой человек, люди забыли хорошие манеры. Забыли, что такое любезность. Что такое уважение. Отвыкли думать по-доброму о своем ближнем. Деловой мир превратился в сплошные бухгалтерские операции, выполняемые машинами или людьми, очень похожими на машины своей бездушностью. В мире нет чести, нет доверия, и его этикой стала этика волчьей стаи.

Он протянул свою фарфоровую руку и положил ее мне на рукав — так легко, что я даже не почувствовал ее прикосновения.

— Вы говорите, что все мои соседи остались без помещения или продали свое дело?

— Большинство.

— А Джейк — на том конце улицы — он не продал? Тот, у которого мебельный магазин. Правда, он старый негодяй и плут, но у нас с ним один взгляд на современное общество и бизнес.

Я сказал ему, что он не ошибся: Джейк не собирался продавать свой магазин. Он был одним из тех немногих, кто воздержался от продажи.

— Мы оба смотрим на торговлю, как на занятие ответственное и привилегированное, — проговорил старик. — А другие видят в ней только способ наживы. Разница между нами в том, что у Джейка есть сыновья, которым он может завещать свое дело. Быть может, он еще и из-за этого так упорно держится за магазин. А у меня семьи нет. Нас всего двое — я и сестра. Когда мы умрем, с нами умрет и наш бизнес. Но пока мы живы, мы никуда отсюда не уйдем и из последних сил будем честно служить людям. Потому что торговля, сэр, — это нечто большее, чем подсчет доходов. Это возможность приносить пользу, возможность внести свой вклад. Торговля склеивает нашу цивилизацию в единое целое, и для человека, любого человека, не может быть более достойной профессии.

Это прозвучало, как далекий звук трубы из какой-то другой эпохи, и, возможно, так оно и было на самом деле. На мгновение мне показалось, что в синеве затрепетали яркие гордые стяги, и я ощутил новизну и безоблачность навсегда ушедших дней.

И должно быть, старику привиделось то же самое, потому что он вдруг сказал:

— Теперь уж все потускнело. Только в немногих, изолированных от мира уголках нам удастся поддерживать былой блеск.

— Благодарю вас, сэр, — произнес я. — Вы мне очень помогли.

Когда мы обменивались прощальным рукопожатием, я спросил себя, почему я ему так сказал. И сразу же понял, что это правда — в его поведении и словах было нечто такое, что отчасти вернуло мне веру. Во что? Этого я и сам не знал толком. Быть может, веру в Человека. Веру в незыблемость мира. А может, в какой-то степени и веру в самого себя.

Я вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, зябко пожегся — меня не согревало последнее тепло предвечернего солнца, потому что теперь происходящее больше не было простой случайностью. Дело тут не только во "ФранкLINE" или в моей квартире. Не только в Эде, которому отказали в аренде помещения. Не только в тех людях, которые не могли найти себе жилье.

Все это делалось по плану — по плану, который вел к неведомой, ужасной цели. И осуществлялось с поистине дьявольским хитроумием и четкостью.

И за всем этим стояла какая-то отлично слаженная организация,

действовавшая быстро и в полной тайне. Ибо, судя по всему, все сделки были заключены в пределах двух-трех месяцев, и все договора вступали в силу примерно в одно и то же время.

Я не знал одного и мог только строить предположения: сколько понадобилось людей — один человек, несколько людей или целая армия, — чтобы все это проверить; ведь кто-то должен был предлагать цену, торговаться и, наконец, заключить сделку. Я попробовал выяснить это, но безрезультатно. Моими собеседниками в основном были люди, которые свои помещения снимали, и естественно, им об этом ничего не было известно.

Дойдя до угла, я зашел в аптеку. Втиснулся в телефонную будку, набрал номер редакции и попросил телефонистку соединить меня с Дау.

— Где тебя черти носят? — спросил он.

— Решил немного проветриться, — ответил я.

— У нас тут сумасшедший дом, — сказал Дау. — Дирекция "Хеннеси" сообщила, что им отказали в аренде помещения.

— "Хеннеси"?

Впрочем, после того, что я узнал, я мог бы и не удивляться.

— Уму непостижимо, — пожаловался Дау. — Это надо же — оба в один и тот же день.

"Хеннеси" был вторым по величине универсальным магазином. Когда они с "Франклином" закроются, центральный торговый район города превратится в пустыню.

— Ты так и не успел тиснуть свое интервью в первом выпуске, — заметил я, выгадывая время, чтобы решить, стоит ли быть с ним до конца откровенным.

— Самолет опоздал, — буркнул он.

— Как им удалось сохранить это в такой тайне? — спросил я.

— Ведь до сегодняшнего дня никто даже краем уха не слышал, что "Франклин" продается.

— Я пошел к Брюсу, — сказал Дау. — И спросил его об этом напрямик. А он мне показал договор — имей в виду, это строго между нами. Там есть статья, по которой сделка автоматически аннулируется в случае преждевременной огласки.

— А что с "Хеннеси"?

— Здание принадлежало "Ферст нейшнл". Видно, в их договоре есть такая же статья. "Хеннеси" может еще с год продержаться, но ведь нет другого помещения...

— Надо полагать, что им отвалили хорошие денежки. Во всяком случае, достаточно хорошие, чтобы заставить их держать язык за зубами из боязни упустить такую выгодную сделку.

— Что касается "Франклина", — так оно и было. Скажу тебе,

опять-таки по большому секрету, что сумма, уплаченная за "Франклин", вдвое превышает ту, которую дал бы за него любой здравомыслящий покупатель. И заплатив такие бешеные деньги, новый владелец закрывает универмаг. Вот что больше всего мучает Брюса. Словно кто-то настолько возненавидел универмаг, что заплатил за него двойную цену только для того, чтобы получить возможность его закрыть.

Секунду поколебавшись, Дау добавил:

— Паркер, но это же бессмысленно. Я хочу сказать, что это совершенно не имеет смысла с точки зрения бизнеса.

Так вот в чем причина всей этой секретности, тем временем думал я. Вот почему не было никаких слухов. Вот почему Старина Джордж скрыл от меня, что продал дом — он и в Калифорнию-то удрал, чтобы не оказаться в неловком положении, когда жильцы и друзья потребуют от него объяснений, почему он не сообщил им о продаже дома.

И тут же я спросил себя, возможно ли, что подобные ограничительные статьи были включены в каждый договор и сроки действия этих статей истекали одновременно.

Это, конечно, казалось неправдоподобным, но ведь вся эта история с начала до конца выглядела неправдоподобно.

— Паркер, — спросил Дау, — ты еще не повесил трубку?

— Нет, нет, — откликнулся я. — Я еще на проводе. Скажи-ка мне одну вещь, Дау. Кто купил "Франклин"?

— Не знаю, — ответил он. — К оформлению документов приложила руку какая-то фирма под названием "Росс, Мартин, Парк и Гоубел", которая занимается разного рода сделками, связанными с недвижимостью. Я позвонил туда...

— И тебе ответили, что фирма действовала в интересах одного своего клиента. А имя этого клиента они сообщить тебе не могут.

— Точно. Откуда ты знаешь?

— Догадался, — ответил я. — От этих сделок смердит за версту.

— Я навел справки о "Россе, Мартине, Парке и Гоубеле", — сказал Дау. — Фирма существует всего два с половиной месяца.

— Эду сегодня отказали в аренде, — вдруг, ни к селу, ни к городу, сообщил я. — Без него будет как-то одиноко.

— Эду?

— Угу. Хозяину бара.

— Паркер, что это делается на белом свете?

— Убей меня, если я знаю, — ответил я. — Что еще новенького?

— Какие-то чудеса с деньгами. Насколько мне известно, банки переполнены наличными деньгами. Последнюю неделю они там

только и делают, что принимают вклады. Народ тащит доллары мешками.

— Ну-ну, приятно слышать, что местная экономика в таком блестящем состоянии.

— Паркер! — рывкнул Дау. — Какая муха тебя укусила?

— Никакая, — отрезал я. — До завтра.

И пока он не спросил что-нибудь еще, я быстро повесил трубку.

Я стоял в будке, пытаюсь разобраться, почему я все-таки ему ничего не сказал. Ведь к этому не было никаких оснований, и, если уж на то пошло, по долгу службы я обязан был поставить его в известность о том, что происходит.

И все же я промолчал: что-то меня удержало и я не смог заставить себя заговорить об этом. Точно в душе надеялся, что, стоит мне об этом умолчать, как все окажется неправдой, дурным сном.

Глупее ничего не придумаешь.

Я вышел из аптеки и побрел по улице. Остановившись на углу, я полез в карман и вытащил полученное сегодня извещение. Фирма "Росс, Мартин, Парк и Гоубел" обосновалась в центре, в старом здании, известном под названием "Мак Кендлесс Билдинг" — в одной из тех древних гробниц из бурого камня, которые должны были быть в скором времени снесены по распоряжению комиссии по реконструкции города.

Я представил себе поскрипывающие лифты, лестницы с мраморными ступеньками и великолепными бронзовыми перилами, сейчас уже почерневшими от времени; величественные коридоры с дубовыми панелями, такими старыми, что, казалось, их отполировало само время; с высокими потолками и матовым стеклом дверей. А на первом этаже непременно должен быть пассаж, где ютятся и чистильщик сапог, и табачная лавочка, и газетный киоск, и еще с дюжину других мелких магазинчиков.

Я взглянул на часы — было уже начало шестого. По мостовой мчался поток машин: люди торопились домой, и лавина транспорта катилась на запад к двум главным шоссе, одно из которых вело к новому району гигантских жилых комплексов, а другое — в тихие уютные пригороды с затерявшимися среди холмов и озер домиками.

Солнце село, и наступил как раз тот момент, когда блекнувший дневной свет еще не сгустился в настоящие сумерки. Самое прекрасное время дня, подумал я, для тех, кого ничто не тревожит, у кого спокойно на душе.

Я медленно шел по улице, неторопливо помешивая варившееся у меня в мозгу подозрение. Не очень-то оно мне нравилось, но оно было, а долгий опыт научил меня не пренебрегать подозрениями.

Слишком уж много их оправдалось на моей памяти, чтобы смотреть на них сквозь пальцы.

Я отыскал скобяную лавку и, чувствуя себя преступником, купил алмаз для резки стекла. Положив алмаз в карман, я снова вышел на улицу.

Сейчас пешеходов поприбавилось и еще больше машин сигнализировало на мостовой. Я стоял под самой стеной дома, а мимо валил нескончаемый людской поток.

А не послать ли все это к черту? — подумал я. Не лучше ли просто пойти домой, переодеться и через часок заехать за Джой?

Меня одолели сомнения, и я чуть было действительно не послал все к черту, но что-то меня остановило — какое-то странное грызущее душу беспокойство.

На улице показалось такси, прижатое другими машинами к самому тротуару. Движение остановилось на красный свет, и вместе с ним, почти напротив меня, остановилось и такси. Увидев, что оно свободно, я не дал себе ни секунды на размышление. Я лишил себя возможности прийти к какому-нибудь решению. Я шагнул к обочине, и шофер, заметив меня, распахнул передо мной дверцу.

— Куда поедет, мистер?

Я назвал перекресток — поблизости от "Мак Кендлесс Билдинг".

Вспыхнул зеленый глаз светофора, и такси тронулось с места.

— А вы не обратили внимания, мистер, — начал шофер, завязывая разговор, — что весь мир катится в преисподнюю?

10 "Мак Кендлесс Билдинг" оказался точно таким, каким он мне представлялся и какими были все старые бурого цвета здания-пристанища разного рода контор и учреждений.

В коридоре третьего этажа было пусто и тихо; в конце его сквозь окна пробивался вялый свет умирающего дня. Ковер был вытерт, стены в пятнах, а панели, несмотря на свое бывшее великолепие, выглядели обшарпанными и жалкими.

Двери контор были из матового стекла, и на них шелушились облезлые золотые буквы названий фирм. Я заметил, что кроме старинных замков, вделанных в ручки, каждая дверь была снабжена еще одним отдельным запором.

Я прошелся по коридору, желая убедиться, что тут никого нет. Судя по всему, конторы уже опустели. Наступил вечер пятницы, и вряд ли кто из служащих задержался бы сверх положенного в канун уик-энда. А для уборщиц было еще слишком рано.

Контора "Росс, Мартин, Парк и Гоубел" находилась почти в самом конце коридора. Я подергал дверь. Как я и предполагал, она

была заперта. Тогда я достал алмаз и принялся за дело. Работа была не из легких. Когда режешь стекло по всем правилам, его следует положить горизонтально на плоскую поверхность и обрабатывать сверху. Такой метод позволяет вам — если вы достаточно аккуратны — все время нажимать на стекло с одинаковой силой, и тогда алмаз оставит на нем борозду. А здесь я пытался резать стекло, стоявшее на ребре.

Возился я довольно долго, но в конце концов все-таки умудрился провести на стекле борозды, после чего спрятал алмаз в карман. С минуту я прислушивался, желая окончательно увериться, что в коридоре пусто и никто не поднимается по лестнице. Потом двинул локтем в стекло — очерченный алмазом кусок его раскололся и едва не вылетел, удержавшись в дверной раме. Я снова пустил в ход локоть — теперь стекло разбилось вдребезги и в комнату посыпались осколки. А в моем распоряжении оказалась дыра величинной с кулак — как раз над замком.

Стараясь не порезаться острыми осколками, торчавшими из рамы, я осторожно просунул в пробойку руку, нащупал круглую головку замка, повернул ее, и замок открылся. Другой рукой я повернул наружную ручку и нажал на дверь. Она поддалась.

Я вошел в комнату, прикрыл за собой дверь и, скользя вбок, замер, прижавшись спиной к стене.

Я вдруг почувствовал, что у меня на голове стали дыбом волосы и бешено заколотилось сердце: в комнате стоял тот же запах — запах лосьона, который исходил от Беннета. Впрочем, скорее это был лишь слабый намек на запах: так пахло бы от человека, который пользовался этим лосьоном утром, а в тот же день к вечеру повстречался бы мне на улице. Но этот запах я узнал сразу. Я снова попытался найти ему определение и снова потерпел неудачу: мне не с чем было его сравнить. Он не был похож ни на один из известных мне запахов. Он не был неприятным, вернее, каким-то особенно неприятным, и мне он был совершенно незнаком.

С того места, где я стоял, прижавшись к стене, видны были черные горбатые силуэты каких-то непонятных предметов, но когда мои глаза привыкли к полумраку и я вгляделся повнимательнее, перед моим взором предстала самая обыкновенная контора. Черные силуэты оказались письменными столами, шкафами для бумаг и прочими предметами мебелировки, которые вы найдете в любом учреждении.

Я стоял, напрягшись всем телом, и ждал, но ничего не случилось. Снаружи серели поздние сумерки, но свет их, словно застревая в окнах, не проникал в комнату. И здесь было тихо, настолько тихо, что не выдерживали нервы.

Я окинул взглядом комнату и только сейчас заметил в ней нечто странное. В одном из ее углов была задернутая занавесом ниша — довольно-таки необычная для конторы деталь интерьера.

Напрягая зрение, я тщательно осмотрел остальную часть помещения; мои глаза изучили чуть ли не каждый дюйм, стараясь не пропустить ни единой мелочи, которая бы не вязалась с обстановкой. Но там больше ничего не было, ничего из ряда вон выходящего — кроме ниши за занавесом. И запаха лосьона.

Я осторожно оторвался от стены и шагнул вперед. Я не знал, чего именно я боялся, но в этой комнате было что-то жуткое.

Я остановился у письменного стола, стоявшего перед нишей, и включил настольную лампу. Я понимал, что это неразумно. Мало того, что я вломился сюда, — теперь я всех оповещал об этом, включив свет. Но я пошел на риск. Я должен был немедленно узнать, что находилось в нише по ту сторону занавеса. При свете я рассмотрел, что занавес был из какой-то темной тяжелой ткани и держался на кольцах, надетых на стальной прут. Пошарив сбоку от него рукой, я нащупал шнур, потянул его, и половинки занавеса плавно разошлись, собравшись по обе стороны ниши в мягкие складки. И передо мной открылся длинный ряд вешалок с одеждой, и вешалки эти крючками цеплялись за палку.

Я оторопело уставился на весь этот гардероб. Вначале я видел только сплошную массу одежды, но мало-помалу начал различать отдельные вещи. Здесь висели мужские костюмы и пальто; здесь было с полдюжины рубашек, вешалка со множеством галстуков. А над вешалками на полке шеренгой выстроились шляпы. Здесь висели также женские костюмы, платья и какие-то весьма легкомысленные одеяния в оборочках, которые отчасти походили на халаты. Здесь было мужское и женское белье, носки и чулки. А под одеждой на длинной, стоявшей на полу подставке была аккуратно расставлена обувь — опять-таки мужская и женская.

Все это смахивало на какой-то бред. Если, скажем, в помещении конторы нет стенного шкафа, то какой-нибудь зануда-чиновник вполне может приспособить такую нишу под вешалку для пальто, плащей, пиджаков и шляп. Но здесь ведь был полный комплект одежды для всех служащих конторы — от босса до последней секретарши.

Я ломал себе голову над этой загадкой, но так ни до чего не додумался.

И что самое веленое — контора была пуста; все ушли, оставив здесь свою одежду. Не ушли же они нагишом!

Касаясь рукой одежды, я медленно двинулся вдоль ряда вешалок: я хотел проверить, из настоящей ли ткани эта одежда и существует

ли она вообще. Одежда была вполне осязаемой, а ткань — самой обычной.

И пока я неторопливо шел мимо ниши, мне по ногам вдруг ударила струя холодного воздуха. Словно на меня подуло из окна, которое забыли закрыть. Я сделал еще шаг, и сквозняк так же внезапно прекратился.

Дойдя до конца вешалки, я повернулся и пошел обратно. И снова мне обдало ноги холодом.

Что-то было неладно. Все окна ведь были закрыты. К тому же, если дует из окна, холодный воздух не бьет по лодыжкам, не идет направленной струей шириной в один-два шага.

Что-то скрывалось за вешалкой. А какой, черт возьми, источник холода может находиться за вешалкой с одеждой?

Недолго думая, я присел на корточки и, раздвинув одежду, увидел, откуда шел этот холод.

Он шел из дыры, из дыры в стене "Мак Кендлесс Билдинг", но дыра эта не была сквозной, не вела наружу, потому что, будь это обычная дыра, пробитая в стене здания, я бы увидел уличные огни.

А огней не было. Была беспросветная одурманивающая мгла и холод, но холод не только в смысле отсутствия тепла. Каким-то необъяснимым образом я почувствовал, что тут не хватает чего-то еще — быть может, даже всего сущего, точно этот мрак и холод были антиподом предметных форм, света и тепла Земли. Я ощутил, именно ощутил, а не увидел, какое-то движение, какое-то вращение тьмы и холода, словно чья-то таинственная рука смешивала их в невидимом миксере и они кружились в бешеном водовороте. И глядя в дыру, я почувствовал, как это головокружительное вращение гипнотизирует меня, точно пытаюсь заманить поближе и всосать в свою черную бездну, и я в ужасе отпрянул и растянулся на полу.

Я лежал, оцепенев от страха, всем телом ощущая тот пронизывающий холод, а у меня на глазах сомкнулась раздвинутая мною одежда, закрыв собой дыру в стене.

Я медленно поднялся на ноги и крадучись двинулся в обход стола, чтобы загородиться от того, что я обнаружил за занавесом.

А что, собственно, я там обнаружил?

Этот вопрос молотом стучал у меня в голове, но ответа на него не было — эта дыра была так же необъяснима, как висевшая в нише одежда.

Я протянул руку к столу в поисках какой-нибудь опоры, чтобы устоять против этой неведомой опасности. Но вместо стола мои пальцы неловко схватились за ящик с бумагами; он опрокинулся, и его содержимое упало на пол. Опустившись на четвереньки, я принялся сгребать в кучу рассыпавшиеся листы. Каждый лист был

аккуратно сложен пополам и даже на ощупь в них было что-то официальное — та странная значительность, свойственная самой фактуре бумаги деловых документов.

Поднявшись на ноги, я свалил бумаги на стол и быстро просмотрел их — и все они, все до одной, были документами о передаче права собственности на недвижимость. И все они были оформлены на имя некоего Флетчера Этвуда.

Это имя прозвучало в моем мозгу далеким ударом колокола, и я стал наугад рыться в своей захлавленной всякой всячиной и далеко не совершенной памяти, отыскивая конец нити, которая привела бы меня к этому человеку.

Было время, когда имя Флетчера Этвуда что-то для меня значило. Когда-то я был с ним знаком или писал о нем, а может, просто говорил с ним по телефону. Его имя хранилось в каком-то закоулке сознания, но оно было так давно и, возможно даже, сразу забыто, что все обстоятельства, время и место начисто стерлись из моей памяти.

Похоже, это было как-то связано с Джой. Она вроде бы однажды упомянула это имя, остановившись на минутку у моего стола, чтобы перекинуться несколькими словами — короткий пустой разговор в напряженной обстановке редакции, где любое имя быстро вытесняется из памяти непрерывным потоком другой информации.

Кажется, она тогда упомянула о каком-то доме — доме, который купил Этвуд.

Вот так я до этого и докопался. Флетчер Этвуд был тем самым человеком, который купил легендарную усадьбу "Белмонт" на Тимбер-Лейн. Тем самым загадочным человеком, который в этом аристократическом предместье казался белой вороной. Который на самом деле никогда не жил в купленном им доме; который лишь время от времени проводил в нем ночь, в лучшем случае неделю, но никогда там не жил по-настоящему. У него не было ни семьи, ни друзей, и он явно избегал заводить знакомство с соседями.

На первых порах жители Тимбер-Лейна презирали его — по той простой причине, что некогда усадьба "Белмонт" была центром того переменчивого явления, которое в Тимбер-Лейне называлось "светом". Теперь же имя его никогда не упоминалось — во всяком случае в Тимбер-Лейне. Подобно тому, как обходят молчанием грехи молодости.

Так, может быть, это месть? — подумал я, раскладывая под лампой бумаги. Впрочем, едва ли: судя по всему, Этвуда нимало не беспокоило, что о нем думают в Тимбер-Лейне.

Стоимость перешедшей в его руки собственности исчислялась миллиардами. Здесь были солидные семейные фирмы с безукориз-

нейной репутацией и чуть ли не всковыми традициями; здесь были небольшие промышленные предприятия, старинные здания, которые с незапамятных времен были достопримечательностью города. И здесь же черным по белому, тяжеловесным юридическим языком было ясно сказано, что все это стало собственностью Флетчера Этвуда. А эти бумаги были собраны в кучу, ожидая окончательного оформления и отправки в архив.

А тут они находились потому, предположил я, что до сих пор ни у кого еще не нашлось времени, чтобы их систематизировать и спрятать. Потому что у всех было по горло другой работы. Хотел бы я знать, что это за работа, подумал я.

Пусть это было невероятно, но факт оставался фактом: передо мной было самое что ни на есть веское доказательство — пачка официальных документов, из которых следовало, что один-единственный человек купил солидную часть делового района города.

Ни один человек на Земле не мог иметь такого количества денег, какое, как свидетельствовали документы, было уплачено за всю эту собственность. Даже группа людей едва ли могла располагать такой суммой. Но даже если допустить, что такие люди существовали, какова их цель?

Купить весь город?

Ведь передо мной была лишь небольшая пачка документов, которую столь беспечно оставили на столе в открытом ящике, словно им не придавали особого значения. Совершенно очевидно, что в этой конторе их было куда больше. А если Флетчер Этвуд или те, от чьего имени он действовал, купили город, что они собираются с ним делать?

Я положил бумаги обратно в ящик и снова подошел к вешалке. Подняв голову, я стал разглядывать полку, на которой выстроились шляпы, и вдруг заметил между шляпами какой-то предмет, похожий на картонку из-под обуви.

Быть может, в ней хранились еще какие-нибудь бумаги?

Став на цыпочки, я кончиками пальцев поднянул картонку поближе к краю, наклонил и снял с полки. Она оказалась тяжелее, чем я ожидал. Я отнес ее на стол, поставил под лампу и снял крышку.

Коробка была до верха наполнена куклами, однако эти фигурки не были куклами в полном смысле слова — в них не было той нарочитой примитивности, которая, по нашим понятиям, свойственна любой кукле. Передо мной лежали куклы, настолько сходные с людьми, что невольно напрашивался вопрос, не были ли они и в самом деле людьми, уменьшенными до четырех дюймов, причем так умело, что при этом совершенно не нарушились пропорции.

А на самом верху лежала кукла, как две капли воды похожая на того самого Беннета, который во время пресс-конференции сидел за столом рядом с Брюсом Монтгомери.

11 Меня словно громом сразило, и я остоленело уставился на эту куклу. И чем больше я на нее смотрел, тем больше находил в ней сходства с Беннетом: передо мной был абсолютно голый Беннет, маленькая кукла-Беннет, которая ждала, чтобы ее одели и посадили за стол заседаний. Он был настолько реалистичным, что я мог представить ползущую по его черепу муху.

Медленно, почти со страхом, словно боясь, что прикоснувшись к кукле, я обнаружу, что она живая, я протянул руку к коробке и извлек из нее Беннета. Он был тяжелее, чем мне думалось, тяжелее обычной куклы длиной в четыре дюйма. Я поднес его к лампе и окончательно убедился, что предмет, который я держал в руке, был точной копией живого человека. У него были холодные остекленевшие глаза и тонкие, плотно сжатые губы. Череп казался не просто лысым, а каким-то бесплодным, точно на нем сроду не росли волосы. У него было ничем не примечательное тело стареющего мужчины, уже дрябловатое, но еще в приличной форме, которая поддерживается регулярными физическими упражнениями и строго соблюдаемым режимом.

Положив Беннета на стол, я снова потянулся к коробке и на этот раз вытащил прелестную молодую блондинку. Когда я поднес ее к свету, у меня не осталось никаких сомнений — это была не кукла, а точная модель женщины со всеми анатомическими подробностями. Она до такой степени напоминала настоящую девушку, что, казалось, стоит только произнести некое магическое слово, и она оживет. Она была изящна и прелестна с головы до кончиков пальцев — ни одной нарушенной пропорции, ни намека на гротеск или неестественность, которыми отличаются такого рода изделия.

Положив ее рядом с Беннетом, я запустил руку в коробку и принялся перебирать кукол. Их было довольно много — штук двадцать, а может, и все тридцать, и они представляли разные типы людей. Тут были энергичные молодые бородачи и степенные пожилые люди, холеные красавчики с внешностью прирожденных маклеров, подтянутые деловые женщины, желчные старые девы, всевозможная чиновничья мелюзга.

Оставив в покое кукол, я вернулся к блондинке. Она меня очаровала.

Взяв куклу в руку, я снова осмотрел ее и, стараясь придать этому осмотру деловой характер, попробовал определить, из какого

она сделана материала. Возможно, это была пластмасса, но мне такая никогда не попадалась. Она была тяжелой, твердой и одновременно податливой. Если надавить как следует, в ней образовывалась вмятина, но стоило отнять палец, как вмятина моментально исчезала. И в ней чувствовалось какое-то едва ощутимое тепло. Вдобавок у этого материала была одна странная особенность — он был настолько монолитен, что если и имелась у него какая-нибудь структура, то настолько мелкая, что рассмотреть ее невооруженным глазом было невозможно.

Я снова перебрал лежавшие в коробке куклы и убедился, что все они, без исключения, были выполнены одинаково искусно.

Я положил Беннета и блондинку на место и осторожно поставил коробку обратно на полку между шляпами.

Попятившись, я обернулся, окинул взглядом контору, и от всего этого сумасшествия у меня голова пошла кругом — от этих кукол, лежавших на полке, от ниши с одеждой, круговорота тьмы и холода в дыре и пачки документов, из которых следовало, что кто-то купил полторода.

Протянув руку, я задернул занавес. Его половины легко и почти бесшумно соединились, закрыв от меня кукол, одежду и дыру в стене, но безумие осталось со мной. Я почти физически ощущал его присутствие, словно оно было тенью, которая неслышно двигалась во мраке, обступившем со всех сторон круг света под лампой.

Что делает человек, столкнувшись с невероятными, однако совершенно очевидными фактами? — спросил я себя. Ведь то, что я здесь нашел, несомненно существовало; вообразить или, скажем, неверно истолковать можно что-нибудь одно, но все вместе никак не могло быть игрой моего воображения.

Я выключил лампу, и тьма, сомкнувшись, окутала комнату. Не снимая руки с выключателя, я замер и прислушался, но не услышал ни звука.

Я на цыпочках стал пробираться между столами к двери, и с каждым шагом во мне рос ужас перед какой-то неведомой опасностью — пусть воображаемой, но все равно страшной и неотвратимой. Быть может, этот ужас породила мысль о том, что здесь непременно должна таиться какая-то опасность, что все найденное мною тщательно скрывалось, и что, по логике вещей, здесь обязательно должно быть какое-то защитное устройство.

Я вышел в коридор и, прикрыв дверь в контору, с минуту постоял, прислонившись к стене. Коридор тонул во мраке. Свет горел только на лестнице, да в окна проникал слабый отблеск уличных огней.

Ни шороха, ни единого признака жизни. С улицы доносились

приглушенные расстоянием гудки автомашин, скрип тормозов и веселый женский смех.

И вдруг, по какой-то непонятной причине, я почувствовал, что для меня очень важно выйти из здания никем не замеченным. Как-будто это игра, невероятно важная игра, в которой на карту поставлено так много, что я не мог рисковать выигрышем, попавшись кому-нибудь на глаза.

Я прокрался по коридору и уж почти достиг лестницы, как вдруг почувствовал за собой погоню.

"Почувствовал", пожалуй, не то слово. Потому что это было не ощущение, а уверенность. Я не услышал пороха, не заметил никакого движения или мелькнувшей тени. Не произошло ничего, что могло бы меня предостеречь — только этот прозвевший в моем мозгу необъяснимый сигнал тревоги.

Я в ужасе стремительно обернулся и увидел, что оно уже почти настигло меня — нечто черное, человекоподобное, приближавшееся ко мне с огромной скоростью и совершенно бесшумно. Словно оно, чтобы не было слышно шагов, бежало по воздуху.

Я обернулся так внезапно и резко, что меня отбросило к стене, и эта фигура проскочила мимо, но тут же, молниеносно развернувшись, ринулась обратно. На фоне слабо освещенной лестничной клетки обозначились контуры массивного тела, и передо мной мелькнуло бледное пятно лица. Я инстинктивно выбросил вперед кулак, целясь в это единственное на черном силуэте светлое пятно. Когда мой кулак вмазал в эту бледность, что-то чмокнуло и от удара у меня заныли костяшки пальцев.

Человек — если это был человек, — пошатываясь, отступил назад, а я, последовав за ним, снова размахнулся, и снова раздался этот чмокающий звук.

Человек уже не пытался, а откидывался назад, упершись поясницей в железные перила, которые огораживали площадку от лестничного пролета, откидывался всем корпусом, переваливаясь через перила, и спустя мгновение, раскинув руки, он уже начал свое страшное падение в зияющую пропасть, на дне которой белели мраморные ступени.

Его лицо на миг попало в полосу света, и я успел заметить широко, словно для крика, разинутый рот, но крика не было. Потом он исчез, и до меня донесся тяжелый удар — пролетев футов двадцать, он рухнул на ступени нижнего марша лестницы.

В тот момент, когда я неожиданно столкнулся с этим человеком, меня охватили непередаваемый ужас и отчаяние, а сейчас мне стало дурно от мысли, что я его убил. Я был уверен, что невозможно остаться в живых, упав с такой высоты на каменные ступеньки.

Я ждал, что вот-вот снизу послышится какой-нибудь шум. Но мой слух не уловил ни звука. Стояла такая тишина, будто сам дом затаил дыхание.

У меня взмокли от пота ладони и дрожали колени; еле передвигая ноги, я дотащился до перил и, стиснув зубы, глянул вниз, ожидая увидеть распростертое на ступеньках мертвое тело.

Но там ничего не было.

Человек, который только что отправился навстречу почти неминуемой гибели, бесследно исчез.

Я отпрянул от перил и, громко стуча подошвами, помчался вниз по лестнице, уже не заботясь о том, чтобы производить поменьше шума. А к облегчению, которое я было почувствовал, поняв, что не совершил убийства, уже примешивался новый смутный страх: если он жив, значит, меня по-прежнему где-то рядом подстерегает враг.

Еще не добежав до следующей площадки, я вдруг подумал, не ошибся ли я — может быть, труп все-таки лежит там и я его просто не заметил. "Но разве можно не заметить распростертое на ступеньках человеческое тело?" — тут же возразил я себе.

И точно. Миновал площадку и свернув за угол, я увидел, что лестница была пуста.

Я остановил свой бег и теперь шел осторожнее, внимательно разглядывая каждую ступеньку, словно это могло дать мне какой-нибудь ключ к разгадке того, что здесь произошло.

И спускаясь по лестнице, я вновь почувствовал запах Лосьона — тот самый запах, который исходил от Беннета и который я уловил в конторе, где нашел его кукольного двойника.

На нижних ступеньках и на полу площадки я заметил какое-то мокрое пятно — словно кто-то пролил тут немного воды. Нагнувшись, я провел по нему пальцами — ничего особенного, обыкновенное мокрое пятно. Подняв к лицу руку, я понюхал пальцы: они пахли лосьоном и сейчас запах его был значительно сильнее, чем раньше.

Я увидел, что две полоски этой жидкости тянутся через всю площадку и спускаются по лестнице вниз на следующий этаж, будто кто-то нес здесь стакан с водой, а со стакана непрерывно капало на пол. Вот он, след того, кто должен был умереть, подумал я; эта влага и есть тот след, который он после себя оставил.

Ужасом веяло от этой лестничной клетки, такой пустой и тихой, что, казалось, тут вообще не могло быть места каким-либо эмоциям, даже ужасу. Но, возможно, этот ужас отчасти порождала сама пустота, пустота там, где должен был лежать труп, и влажный пахучий след, указывавший путь, по которому он удалился.

Ужас с воем впился мне в мозг, и я бросился вниз по ступенькам, уже на бегу пытаясь представить, как мне себя вести, если где-то на лестнице меня подстерегает этот призрак, и чем мне это грозит; но даже страх перед такой встречей не заставил меня замедлить шаг, и я продолжал с грохотом мчаться вниз, пока не влетел на первый этаж.

Здесь было пусто, если не считать мальчишки-чистильщика сапог, который дремал, откинувшись вместе со стулом к стене, да продавца табачного киоска, читавшего расстеленную на прилавке газету.

Продавец поднял голову, а чистильщик дернулся вперед так, что передние ножки стула громко стукнули об пол, но, прежде чем кто-либо из них успел раскрыть рот, я уже проскочил через вращающуюся дверь и очутился на улице. Сейчас здесь стало еще многолюднее: был вечер пятницы — один из двух вечеров, когда в центральные магазины со всего города стекаются толпы покупателей.

По улице я уже не бежал — здесь я чувствовал себя в относительной безопасности. Остановившись на углу, я оглянулся на "Мак Кендлесс Билдинг" и увидел самое обыкновенное здание, которое отжило свой срок и в недалеком будущем будет снесено. В нем не было ничего таинственного, ничего зловещего.

Но от его вида меня пробрала дрожь, словно меня коснулось ледяное дыхание зимнего ветра.

Я знал точно, в чем я сейчас остро нуждался, и отправился искать бар. Народ только начал собираться, а в полумраке, в глубине бара кто-то играл на пианино. Вернее, не играл, а забавлялся, перебирая клавиши, и время от времени оттуда доносились обрывки каких-то мелодий.

Я прошел в глубь зала, где было поспокойнее, и нашел свободный табурет.

— Что будете пить? — спросил человек за стойкой.

— Виски со льдом, — ответил я. — И лучше сразу двойное. Это избавит вас от лишних хлопот.

— Какой марки?

Я уточнил и это.

Он поставил на стойку стакан и лед, а с полки за баром достал бутылку. Кто-то сел на соседний табурет.

— Добрый вечер, мисс, — сказал бармен. — Чем могу служить?

— "Манхэттен"* , пожалуйста.

* "Манхэттен" — коктейль из вермута и виски. — *Прим. перев.*

При звуке этого голоса я обернулся; он чем-то сразу привлек мое внимание.

Так же, как и сама девушка.

Она была поразительно красива — той нестандартной красотой, при которой полностью сохраняется индивидуальность.

Она в свою очередь пристально посмотрела на меня. Глаза ее были холодны как лед.

— Мы с вами где-нибудь встречались? — спросила она.

— Да, — ответил я.

Передо мной, чудесным образом выросшая и сейчас одетая, сидела та самая блондинка, которую я с полчаса назад нашел в коробке из-под обуви.

12 Бармен поставил передо мной стакан с виски и занялся приготовлением коктейля для блондинки.

На его лице была написана скука. Наверняка в этом самом баре у него на глазах не раз подобным образом завязывались случайные знакомства.

— Давно ли? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — В общем-то совсем недавно. Если не ошибаюсь, в одной конторе.

Если она и поняла мой намек, то ничем этого не выдала. Она была чересчур холодной, неприступной и самоуверенной.

Открыв портсигар, она вынула из него сигарету. Постучала ею о крышку, сунула в рот и выжидающе взглянула на меня.

— Извините, — сказал я. — Я не курю. У меня нет при себе спичек.

Она вынула из сумочки зажигалку и дала ее мне. Я щелкнул рычажком — из зажигалки вынырнул маленький язычок пламени. И в тот момент, когда она наклонилась, чтобы прикурить, на меня пахнуло фиалками или какими-то другими цветочными духами. Хотя, пожалуй, это все-таки был запах фиалок.

И тут я понял то, о чем мне следовало бы догадаться с самого начала. От Беннета пахло так вовсе не потому, что он пользовался каким-то лосьоном для бритья, а наоборот — потому что он им не пользовался. Это был его собственный запах, запах, присущий такого рода организмам.

Прикурив, девушка откинулась назад и сделала первую затяжку. Потом очень изящно выпустила дым из ноздрей.

Я отдал ей зажигалку, и она небрежно бросила ее в сумочку.

— Благодарю вас, сэр, — произнесла она.

Бармен поставил перед ней на стойку коктейль. Напиток выгля-

дел как картинка — его очень украшала брошенная в бокал красная вишенка на черенке.

Я протянул бармену бумажку.

— За виски и коктейль.

— Нет-нет, сэр, — запротестовала она.

— Не огорчайте меня, — взмолился я. — Я обожаю угощать хороших девушек выпивкой. Такая уж у меня слабость.

Она уступила, но ледок в ее глазах до конца не растаял.

— Вы никогда в жизни не курили? — пристально разглядывая меня, спросила она.

Я отрицательно покачал головой.

— А почему? Чтобы сохранить остроту обоняния?

— Сохранить что?

— Остроту обоняния. Я подумала, что, может, по роду работы вам не мешает иметь острое обоняние.

— Я никогда не рассматривал свою работу с такой точки зрения, — сказал я. — но, пожалуй, в этом есть своя правда.

Она подняла бокал к лицу и внимательно посмотрела на меня поверх его края.

— Сэр, — спокойным ровным голосом произнесла она, — вы не хотели бы себя продать?

Боюсь, что на этот раз я оказался не на высоте. У меня аж язык отнялся, и я обалдело вытаращился на нее. Ведь она и не думала шутить; она спросила это вполне серьезно, по-деловому.

— Начнем с миллиона, — продолжала она, — а там можно и поторговаться.

Я уже пришел в себя.

— Вам нужна моя душа? — поинтересовался я. — Или только тело? С душой будет подороже.

— Душу можете оставить себе, — ответила она.

— А кто же это собирается меня купить? Вы?

Она покачала головой:

— Нет. Мне вы не нужны.

— Значит, вы действуете от чьего-то имени? Быть может, от имени того, кто скупает все без разбора? Скажем, магазин, чтобы тут же его закрыть. Или целый город.

— Вы очень догадливы, — заметила она.

— Деньги — это еще не все, — заявил я. — Помимо денег существуют и другие ценности.

— Если хотите, — сказала она, — можно обсудить какую-нибудь иную форму платежа.

Она поставила бокал на стойку и, порывшись в сумочке, протянула мне карточку.

— Если надумаете, найдете меня по этому адресу, — сказала она. — Предложение остается в силе.

Ее точно ветром сдуло с табурета и, прежде чем я успел открыть рот или как-то задержать ее, она уже затерялась в толпе.

Бармен, проплывая мимо, заметил нетронутые напитки.

— Что, выпивка не понравилась, приятель? — спросил он.

— Нет, все нормально, — ответил я.

Я положил карточку на стойку — она легла обратной стороной кверху. Я перевернул ее, и из-за тусклого освещения мне пришлось наклониться, чтобы прочесть, что на ней написано.

Я мог бы и не читать. Ведь я заранее знал, что там увижу. Разница была только в одной строчке. Вместо "Купля-продажа недвижимого имущества" стояло "Мы покупаем все".

Съездившись от пронизавшего мне душу холода, я, точно нахохлившаяся птица, сидел на своем высоком табурете. В баре было так сумрачно, что все виделось словно бы в тумане; со всех сторон до меня долетали бессвязные обрывки человеческой речи, но в этих звуках почему-то было мало человеческого — скорее они напоминали невнятное урчание каких-то чудовищ или бессмысленные выкрики дегенератов. И вкрапливаясь в этот шум, то заглушая его, то пробиваясь в щели между фразами, подобно непристойной шутке, нагло дребезжало пианино.

Я залпом выпил виски и остался сидеть со стаканом в руке. Я хотел было заказать еще одну порцию, но бармен уже занялся другими посетителями.

Рядом со мной кто-то навалился на стойку и задел локтем бокал с коктейлем. Он опрокинулся, и жидкость растеклась по полированному дереву, как грязное масло; ножка бокала отломилась, а сам он разбился вдребезги. Вишенка откатилась к краю стойки.

— Извините, — сказал этот человек. — Какой же я растяпа. Я закажу вам другой.

— Пустяки, — успокоил я его. — Она все равно не вернется.

Я соскользнул с табурета и пошел к выходу.

Мимо ехало такси; я шагнул к краю тротуара и поднял руку.

13 На небе уже угасли последние отблески дня и на улицах горели фонари. Я увидел, что часы на углу перед банком показывали почти половину седьмого. Мне следовало поторопиться — на семь у меня было назначено свидание, и Джой обидится, если я опоздаю.

— Ночь сегодня будет классная, только на снотов охотиться, — проговорил шофер. — Тепло, тихо, и луна вот-вот взойдет. Я б с

удовольствием подался в лес, да мне всю ночь работать. Мы тут с одним парнем завели собаку. Черную, с рыжими подпалинами. А лает-то как — ну просто музыка, такого в жизни не услышишь.

— Выходит, вы охотитесь на енотов, — заметил я с оттенком вопроса в голосе. Не потому, что меня это заинтересовало — просто я почувствовал, что от меня ждут какой-то реакции.

Его это вполне устроило. Скорей всего, на большее он и не рассчитывал.

— Это у меня с детства, — пояснил он. — Папаша начал брать меня с собой на охоту, когда мне было лет эдак девять или десять. А это как влезет в душу, так уж на всю жизнь, можете мне поверить. В такую вот ночь прямо изведешься, так в лес тянет. В эту пору в лесу и запах какой-то особенный, и ветер в поредевшей листве шумит по-иному, и чувство у тебя такое, будто вот-вот грянет мороз.

— Где вы охотитесь?

— На западе, милях в сорока — пятидесяти от города. У верховьев реки. Там на дне реки полно бревен.

— И много вы приносите енотов?

— Дело-то в общем и не в енотах, — ответил он. — Бывает, что несколько раз кряду возвращаешься с пустыми руками. Может, эти еноты только предлог, чтобы побыть ночью в лесу. И хоть я не из тех трепачей, которые на каждом шагу проповедуют общение с природой, но точно вам скажу — стоит только провести с ней наедине какое-то время, и становишься лучше.

Усевшись поглубже, я перевел взгляд на проплывавшие мимо кварталы. Это был все тот же хорошо знакомый старый город, однако мне показалось, что сейчас в нем появилось что-то враждебное, словно из затененных дверных ниш темных зданий за мной следили какие-то таинственные злые призраки.

— Вам когда-нибудь случалось охотиться на енотов? — спросил шофер.

— Нет. Иной раз хожу на уток, а иногда езжу в Южную Дакоту стрелять фазанов.

— Ясно, — протянул он. — Утки и фазаны мне тоже по душе. Но еноты совсем другое дело, их ни с чем не сравнишь.

И помолчав немного, добавил:

— Хотя, наверно, каждому свое. Вам вот нравятся фазаны и утки, мне — еноты. А еще я знаю одного совсем древнего старикашку — так он возится со скунсами. И думает, что лучше животных на всем свете не сыщешь. Уж такую он с ними водит дружбу! Могу поклясться, что он с ними даже разговаривает. Пощелкает языком, поворкует чего-то, и они уже тут как тут, взбираются к нему на

колени, а он их ласково так поглаживает, точно кошек. А потом они еще и домой его проводят — так и бегут следом, как собаки. Ей-богу, прямо глазам не веришь. Аж страшно становится, как он с ними хороводится. Он живет на холмах у реки — у него там домишко, а округа кишка кишит этими скунсами. Он пишет о них книгу. Сам видел, он мне ее показывал. А пишет он карандашом, в самом простом грошовом блокноте — такой грубой бумагой ребятишки в школе пользуются для черновиков. Сидит себе, согнувшись над столом, и строчит эту свою книгу огрызком карандаша, который то и дело приходится склонить, чтобы писал пояснее, а на столе старый фонарь копит. Но уверяю вас, мистер, ни черта у него не получится, одно правописание чего стоит — жуть. А жаль. Знатная бы вышла книга.

— Так оно всегда и бывает, — заметил я.

Некоторое время он вел машину молча.

— Ваш дом, кажется, на следующем квартале, верно? — спросил он.

Я ответил утвердительно.

Он затормозил перед домом, и я вылез из машины.

— Может, как-нибудь вечером махнем вместе на охоту? — спросил он. — Так часиков в шесть, к вечеру.

— Что ж, неплохо бы, — согласился я.

— Меня зовут Ларри Хиггинс. Найдете в телефонной книге. Звоните в любое время.

Я пообещал, что непременно позвоню.

14 Поднявшись на свой этаж, я обнаружил, что вырезанный из ковра полукруглый лоскут вернулся на место. Я вполне мог бы этого не заметить, потому что лампочка под потолком светила еще слабее — если такое вообще возможно.

Я едва не вступил в этот полукруг, но тут вдруг увидел, что ковер починен. Ни о каких коврах я в тот момент не думал. И без них хватало тем для размышлений.

Я остановился как вкопанный перед тем местом, где раньше был вырез, точно человек, подошедший вплотную к черте, за которой начинается опасная зона. И что странно — вырез был заделан не новой ковровой тканью, а такой же старой, вытертой и грязной, как и весь остальной ковер.

Неужели, подумал я, сторож все-таки нашел в каком-нибудь углу тот самый лоскут, который был вырезан из ковра?

Чтобы получше разглядеть его, я опустился на колени — от дыры не осталось и следа. Словно она мне раньше просто помере-

щилась. Я не увидел никаких швов — ничего, что свидетельствовало бы о том, что этот лоскут вшивали.

Я провел рукой по тому месту, где недавно был полукруглый вырез, и моя рука нащупала самый обыкновенный ковер. Ковер, а не прикрывавшую капкан бумажную подделку. Я ощущал пальцами фактуру ткани, ее толщину и упругость — вне всякого сомнения, это была самая настоящая ковровая ткань.

И все-таки я ему не доверял. Однажды этот ковер уже чуть не подвел меня, и я отнюдь не собирался вторично попасться на эту удочку. Так я и стоял там на коленях, а с потолка мне в затылок несло тоненькое комариное пение электрической лампочки.

Я медленно встал, нашел ключ и, чтобы отпереть дверь, подался вперед всем телом, оставив ноги за пределами подозрительного участка ковра. Если б меня в тот момент кто-нибудь увидел, то наверняка решил бы, что я свихнулся: чтобы отпереть дверь, человек тянется к ней чуть ли не с середины коридора.

Замок щелкнул, дверь открылась, и я, благополучно перепрыгнув через вставленный кусок ковра, очутился в квартире.

Закрыв за собой дверь, я привалился к ней спиной и включил свет.

Вот она, моя квартира, которая, как всегда, преданно ждала меня. Символ безопасности и удобства, мой дом.

Но этой квартире, напомнил я себе, осталось пробыть моим домом меньше трех месяцев.

А что потом? — спросил я себя. Что будет потом? И не только со мной, а со всеми этими людьми? Что будет с городом?

"Мы покупаем все" — стояло на карточке. Это звучало, как реклама давнишнего старьевщика, который в свое время покупал все, что ему ни притащат — бутылки, кости, всякую рвань. Только старьевщик был честным покупателем. Он покупал ради прибыли. А с какой целью покупали эти люди? Для чего, спрашивается, покупал Флетчер Этвуд? Ясно, что не ради прибыли, если он платил больше, чем того стоил, к примеру, магазин или дом, а потом не пользовался своей покупкой.

Я бросил пальто на стул. Туда же полетела и шляпа. Из ящика письменного стола я достал телефонную книгу и перелистал ее до фамилии Этвуд. Этвудов там было пруд пруди, но ни одного из них не звали Флетчером. В книге не было ни одного Этвуда, имя которого хотя бы начиналось с буквы Ф.

Я позвонил в справочную.

Девушка просмотрела списки абонентов и мелодично пропела:

— У нас такой не значится.

Я был поставлен перед фактами, которые вызвали к немедленным

действиям, но с какого боку к этому подступиться? А если уж решишься этим заняться, то что именно следует предпринять? И что вообще можно сделать, когда кто-то покупает город?

Но прежде всего — как все это рассказать, чтобы тебе поверили?

Я перебрал несколько человек, но не нашел ни одной подходящей кандидатуры. Взять, к примеру, Старика — ему бы я выложил все без остатка, хотя бы потому, что я на него работал. Но ведь за один только намек на то, что происходит, он запросто может меня уволить как последнего кретина.

Можно было обратиться к мэру, к шефу полиции или еще какому-нибудь блюстителю закона, вроде прокурора округа или министра юстиции, но если я шепну кому-нибудь из них хоть полслова, меня быстренько выставят за дверь как очередного сумасшедшего или упрячут за решетку.

Есть еще сенатор Роджер Хилл, вспомнил я. Вот кто меня может выслушать.

Я протянул было руку к трубке, но сразу же отдернул ее.

Что все-таки я скажу ему, когда меня соединят с Вашингтоном?

Я мысленно представил, как будет выглядеть мое сообщение.

"Знаешь, Родж, кто-то пытается купить город. Я тайком пробрался в контору и нашел там подтверждающие это документы. И еще там была вешалка с одеждой, коробка из-под обуви, полная кукол, и большая дыра в стене..."

Слишком уж все это было нелепо, слишком фантастично, чтобы хоть один человек отнесся к этому серьезно. Явись ко мне кто-либо с подобной историей, я бы сам решил, что у этого типа не все дома.

Прежде чем к кому-нибудь обращаться, мне необходимо собрать побольше доказательств. Я должен выяснить все до конца. Чтобы я мог сообщить, кто этим занимается, как и с какой целью, причем разузнать об этом я должен поскорее. Я уже решил, с чего начать — с Флетчера Этвуда. Где бы он ни был, его нужно найти. О нем мне были известны два факта: у него не было телефона и несколько лет назад он купил усадьбу "Белмонт" в предместье Тимбер-Лейн. Правда, не совсем ясно, жил ли он там когда-нибудь, но тем не менее с этого можно было начать. Даже если его сейчас там нет, даже если его там вообще никогда не было, не исключено, что какая-нибудь найденная в доме мелочь может навести на его след.

На моих часах было без четверти семь — пора было ехать за Джой и у меня не осталось времени сменить костюм. Чтобы Джой не ворчала, я надену чистую рубашку и свежий галстук, а остальное сойдет и так. В конце концов не кутить же мы собрались — мы ведь ехали просто поужинать.

Войдя в спальню, я не стал включать лампу — из двери гостиной

сюда падала широкая полоса света. Из ящика туалетного столика я достал рубашку, сорвал с нее целлофановую упаковку, в которой ее вернула прачечная, и вытащил из нее картонную прокладку. Встряхнув рубашку, я бросил ее на спинку стула и направился к стенному шкафу за галстуком. И уже потянув к себе дверцу, я вдруг сообразил, что здесь темно и нужно включить свет, иначе я не смогу выбрать галстук.

Я успел приоткрыть дверцу шкафа на какой-нибудь фут, а вспомнив про свет, снова закрыл ее. Сам не знаю, почему я так сделал. Ведь отойдя на секунду к выключателю, я вполне мог бы оставить шкаф открытым.

И за то мгновение, пока он был открыт, я увидел, или почувствовал, или услышал — уж не знаю, как объяснить это ощущение, — что в темноте шкафа что-то копошится. Словно в нем меня поджидала ожившая одежда; словно галстуки на вешалке превратились в змей, висевших неподвижно, как галстуки, до той поры, пока не наступит время нанести удар.

Если б я попытался захлопнуть дверцу только после того, как заметил в шкафу какое-то движение, пожалуй, было бы уже слишком поздно. Но я закрыл ее вовсе не потому, что там что-то двигалось. Я начал закрывать дверцу еще до того, как в шкафу что-то зашевелилось — во всяком случае раньше, чем это дошло до моего сознания.

Я попятился через всю комнату — подальше от этого кошмара, который корчился и извивался за дверцей шкафа, и в душу мне ворвался ужас, тот отчаянный, клокочущий ужас, который может охватить человека, когда на него с ненавистью оскаливается его собственный дом.

Но невзирая на этот леденящий кровь ужас, я все-таки пытался убедить себя в том, что тут какая-то ошибка: может случиться все, что угодно, только не это. Ваш стул может вырастить челюсти и укусить вас, когда вы на него присядете; у вас из-под ног могут предательски уползать коврики; на вас может напасть ваш собственный холодильник; но ничего подобного не может произойти со стенным шкафом. Ведь шкаф — это как бы часть человека. Человек хранит в нем свою вторую, искусственную кожу, и поэтому со шкафом у него более близкие, более интимные отношения, чем со всей остальной обстановкой его жилья.

Но даже в тот момент, когда я, пытаясь свалить все на свое больное воображение, убеждал себя, что этого не может быть, из-за закрытой дверцы шкафа явственно слышался какой-то шорох и лихорадочная возня.

Быть может, это покажется странным, но что-то неодолимо влек-

ло меня к этому месту; словно замороженный, я почти с неохотой попятился, переступил порог спальни и остановился у двери не в силах оторвать взгляд от мрака, в котором копошилось это таинственное нечто. Да, там что-то было: если я не сошел с ума и меня не обманывали все мои органы чувств, там несомненно что-то было.

То, что составляло единое целое с замаскированным капканом и обыкновенной коробкой из-под обуви, наполненной необыкновенными куклами.

Но почему это случилось именно со мной? — спросил я себя. Спору нет — после того, как я взломал дверь конторы, нашел кукол и встретил девушку, заказавшую коктейль, это было бы логично. Эти события вполне могли привлечь ко мне внимание. Но началось-то с капкана — ведь капкан появился еще до того, как произошло все остальное.

Я напряг слух, но либо, как только я оттуда ушел, шорох стих, либо я стоял слишком далеко — сейчас я ничего не услышал.

Я подошел к шкафчику, в котором хранил оружие, отпер нижний ящик, достал из него автоматический пистолет и коробку с патронами, заполнил обойму и вставил ее на место. Остальные патроны я высыпал из коробки на ладонь и отправил их в карман.

Надев пальто, я опустил пистолет в правый карман. И стал искать ключи от машины: я решительно собрался уходить.

Ни в карманах пальто, ни в карманах пиджака и брюк ключей не оказалось. Тут было кольцо с ключами от входной двери, от шкафчика с оружием, от моего редакционного стола, от моего сейфа в банке; помимо этого на нем болталось еще с полдюжины ключей от давным-давно не существующих замков — неизменная причудливая коллекция бесполезных ключей, с которыми человек обычно никак не может расстаться.

Все это было при мне, а ключи от машины бесследно исчезли.

Я осмотрел мебель, обшарил письменный стол. Поискал в кухне. Ключей нигде не было.

И уже стоя в кухне, я наконец вспомнил, где их оставил. Теперь я знал точно, где они. Перед моим мысленным взором возник приборный щиток, брелок с висящим на нем ключом от багажника и ключ зажигания, аккуратно вставленный в замок. Приехав сегодня к вечеру домой, я оставил их в машине. Да, вне всякого сомнения, я оставил их в машине, а такого со мной почти никогда не случалось.

Я направился к двери, но, сделав несколько шагов, остановился. Я вдруг со всей ясностью осознал, что не в силах заставить себя пойти на темную стоянку и приблизиться к машине, в замке которой уже торчит ключ.

Это было нелогично. Это было дико. Но я ничего не мог с собой

поделать. Ничего. Не будь в машине ключей, я пошел бы, не задумываясь. А то, что ключи были уже там, по какой-то непонятной, совершенно необъяснимой причине меняло все дело и внушало страх.

Ужас сковал и обезоружил меня. Я заметил, что у меня дрожат руки — но заметил только тогда, когда на них взглянул.

Часы показывали семь — Джой уже ждала меня. Она обидится и будет права.

"Ни минутой позже, — предупредила она. — Я уже успею как следует проголодаться".

Я подошел к письменному столу и протянул руку к телефону, но она замерла в воздухе, еще не коснувшись трубки. Мой мозг вдруг пронзила страшная мысль. А что, если телефон уже перестал быть телефоном? Что, если все предметы в этой комнате только кажутся тем, чем они должны быть? Что, если все это за последние несколько минут превратилось в адские машины?

Опустив руку в карман, я вытащил пистолет и осторожно ткнул дулом в аппарат, но он не обернулся каким-нибудь неведомым живым существом. Передо мной был самый обыкновенный телефонный аппарат.

Все еще сжимая в руке пистолет, я другой рукой поднял трубку, положил ее на стол и набрал номер.

И уже поднеся трубку к уху, я спросил себя, что же мне все-таки ей сказать.

Эта проблема разрешилась довольно просто: я назвал себя.

— Почему ты задерживаешься? — сладким голосом спросила она.

— Джой, у меня неприятности.

— Что там стряслось на этот раз?

Это уже было нечестно. Неприятности у меня случались крайне редко.

— Я говорю серьезно, — сказал я. — Мне грозит опасность. Я не могу поехать с тобой в ресторан.

— Маменькин сынок, — фыркнула она. — Я сама за тобой заеду.

— Джой! — вскричал я. — погоди! Ради бога, выслушай меня. Держись от меня подальше. Поверь, я знаю, что делаю. Тебе нельзя со мной встречаться.

— В чем дело, Паркер? Что это за неприятности?

Голос ее звучал еще спокойно, но я уже уловил в нем тревожные нотки.

— Не знаю! — в отчаянии воскликнул я. — Понимаешь, что-то происходит. Что-то опасное и непонятное. Ты мне не поверишь, если я расскажу тебе. И никто не поверит. Я займусь расследова-

нием, но мне не хочется замешивать в это тебя. Может быть, завтра я сам себе покажусь полнейшим болваном, но...

— Паркер, ты трезв?

— К величайшему сожалению, — ответил я.

— А ты здоров? Как ты себя чувствуешь, вот прямо сейчас?

— Прекрасно, — сказал я. — Только что-то скрывается в стенном шкафу, а в коридоре за дверью недавно стоял капкан, и еще я нашел коробку с куклами...

Я осекся, и мне захотелось вырвать себе язык. Черт меня дернул заговорить об этом. Ведь я не собирался ей ничего рассказывать.

— Никуда не уходи, — приказала она. — Через минуту я буду у тебя.

— Джай! — крикнул я. — Джай, не делай этого!

Но телефон молчал.

Я в отчаянии бросил трубку, но тут же снова поднял ее и набрал номер Джай.

Безмозглый кретин, обругал я себя. Я обязан был как-то остановить ее.

В трубке раздались гудки. Они следовали бесконечной чередой, и в их звуке была какая-то пугающая пустота. Гудок за гудком — и никакого ответа.

Я ел себя поездом за то, что проговорился. Мне следовало притвориться мертвецки пьяным, показать ей, что я непригоден ни для каких выездов; обидевшись, она бы наверняка бросила трубку — и тогда все было бы в порядке. Или на худой конец я должен был придумать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю, но на это у меня не оставалось времени. Вдобавок от страха у меня в голове была полная каша. Я и сейчас еще был слишком испуган, чтобы как следует собраться с мыслями.

Положив трубку на рычаг, я схватил шляпу и бросился к двери. У самого порога я на секунду остановился и, обернувшись, окинул взглядом комнату. И теперь она показалась мне совсем чужой, словно я попал сюда случайно и вижу ее впервые, и из всех углов мне слышался какой-то шелест, шепот и едва уловимый шорох.

Я распахнул дверь, вылетел в коридор и с топотом помчался вниз по лестнице. И даже на бегу меня мучила мысль: какая же часть этого едва уловимого скользящего шороха, наполнявшего комнату, существовала в действительности, а какая — в моем воображении?

Я миновал вестибюль, выскочил из дома и через секунду уже был на тротуаре. Стоял теплый безветренный вечер, в воздухе тянуло дымком тлеющих листьев.

На улице послышалось какое-то постукивание — странный бы-

стрый, ритмичный перестук, — и из-за угла дома, из аллеи, которая вела к стоянке, показался огромный пес. Он был в благодушном настроении, помахивал хвостом, и в его подпрыгивающей походке была даже некоторая игривость. Размером он был с теленка, лохмат до бесформенности, и казалось, будто он вынырнул прямо из лучей послеполюденного осеннего солнца.

— Здравствуй, песик, — сказал я, и он подбежал ко мне, со счастливым видом уселся у моих ног и в собачьем экстазе заколотил своим увесистым хвостом по асфальту.

Я протянул было руку, чтобы погладить его, но не успел — по улице с рокотом мчалась машина; она круто развернулась и остановилась как раз напротив нас.

Открылась дверца.

— Садись, — приказал голос Джой. — И поехали отсюда.

15 Мы ели при свечах, в каком-то ином мире, в одном из тех немислимых старомодных ресторанчиков, которые, видно, пользовались особой симпатией Джой, — мы не поехали в тот новый, только что открывшийся ночной клуб на Пайнкрест-Драйв. Вернее сказать, ела одна Джой. Я не проглотил ни кусочка.

Сам черт не разберет, что за народ эти женщины. Я рассказал ей все. Я по своей дурости так много сболтнул ей по телефону, что мне уже некуда было деваться и пришлось рассказать ей все остальное. Вообще-то у меня не было причин скрывать от нее мои приключения, но, рассказывая, я чувствовал себя преглупо. А она в это время ела, спокойно и с удовольствием, как всегда, — будто я выкладывал ей какие-нибудь последние редакционные сплетни.

Она держалась так, словно не верила ни единому моему слову, хотя я убежден в обратном. Быть может, увидев, что я взволнован (а кто на моем месте не был бы взволнован?), она просто исполняла женский долг, пытаясь успокоить меня своей невозмутимостью.

— Поешь, Паркер, — попросила она. — Что бы там ни происходило, ты должен поесть.

Я взглянул на свою тарелку, и меня замутило.

Не от вида еды, а от одной только мысли о ней. Кстати, при свечах даже толком и не разглядишь, что лежит у тебя на тарелке.

— Джой, почему я побоялся выйти на стоянку? — спросил я.

Вот что не давало мне покоя. Вот что меня грызло.

— Потому что ты трус, — ответила она.

Легче мне не стало.

Я вяло ковырнул еду. Вкус у нее был точь-в-точь, как у пищи, которую невозможно оценить взглядом.

Убогий, дребезжащий оркестрик заиграл новую мелодию — как раз под стать такому вот заведению. Я окинул взглядом зал и вспомнил о шорохе за дверью стенного шкафа — да ведь такого и быть не может! В подобной обстановке это походило на какой-то кошмар, который изредка можно увидеть лишь во сне.

Но я знал, что то был не сон. Я знал, что это произошло наяву. За пределами этой созданной человеком пресыщающей, усыпляющей эмоции теплицы существовало нечто такое, с чем еще никто никогда не сталкивался. То, чего я едва коснулся, а может, и увидел, но лишь мельком, да и то самый краешек.

— Какие у тебя планы? — спросила Джой, словно прочтя мои мысли.

— Пока никаких, — ответил я.

— Ты репортер, — сказала она, — и для тебя это золотая жила. Но будь осторожен, Паркер.

— Можешь не сомневаться.

— Как ты думаешь, что это такое?

Я пожал плечами.

— Ты в это не веришь, — сказал я. — Впрочем, я и сам сейчас не представляю, как в это можно поверить.

— Я верю твоим словам. Но насколько правильно ты истолковал эти события?

— Я не могу истолковать их по-иному.

— В первый вечер ты был пьян. Пьян в стельку, как ты сам сознался. Капкан...

— Но ведь из ковра был вырезан кусок. Я видел это, когда уже совершенно протрезвел. И в конторе...

— Не все сразу, — перебила она. — Давай разберемся по порядку. Тебе нельзя разбрасываться. А то покатишься по неверному пути.

— Вот оно! — вскричал я.

Ведь я начисто об этом забыл.

— Не кричи, — попросила она. — Ты привлекаешь к нам внимание.

— Кегельные шары, — пояснил я. — Как это я забыл о них. Были же еще кегельные шары, которые сами собой катились по дороге.

— Паркер!

— В Тимбер-Лейне. Мне сообщил об этом по телефону Джо Ньюмен.

Она сидела напротив, по ту сторону стола, и по ее лицу я увидел, что она не на шутку перепугалась. Она стойко выдержала все остальное, но кегельные шары оказались той самой последней соломинкой. Она уже не сомневалась, что я сошел с ума.

- Прости, — как можно мягче произнес я.
- Но, Паркер! Где это видано, чтобы по дороге катились кегельные шары!
- Один за другим. Торжественной вереницей.
- И их видел Джо Ньюмен?
- Нет, не Джо. Их видели какие-то школьники. Они позвонили в редакцию, а Джо, в свою очередь, позвонил мне. Я посоветовал ему выбросить это из головы.
- Их видели около усадьбы "Белмонт"?
- Ты угадала, — ответил я. — Понимаешь, это звенья одной цепи. Не могу тебе объяснить, но уверен, что все эти события каким-то образом связаны между собой.
- Я оттолкнул тарелку и вместе со стулом отодвинулся от стола.
- Куда ты собрался, Паркер?
- Во-первых, я хочу отвезти тебя домой, — сказал я. — А потом, если ты одолжишь мне свою машину...
- Разумеется, но... О, понимаю — усадьба "Белмонт".

16 Усадьба "Белмонт" массивным черным кубом возвышалась среди таких же черных деревьев. Она стояла на вершине невысокого холма, мысом вдававшегося в озеро, и, остановив машину, я услышал плеск набегавших на берег волн. Сквозь ветви деревьев поблескивала в лунном свете водная гладь, а наверху, под самой крышей лунный блик играл на стекле слухового окошка, но сам дом и сторожившие его деревья тонули во тьме. В безмолвии ночи шорох высыхающих листьев звучал, как крадущиеся шажки множества маленьких ног.

Я вылез из машины и, стараясь не стучать, осторожно закрыл дверцу. И закрыв ее, немного постоял, разглядывая дом. Нельзя сказать, что мне было страшно. Недавний ужас почти отпустил меня. Однако я не ощущал в себе и избытка храбрости.

Тут ведь могут быть ловушки, мелькнуло у меня. Не такие, как тот замаскированный капкан перед моей дверью, а какие-нибудь другие. Коварные, дьявольские ловушки.

Но я сходу выбранил себя за такие дурацкие домыслы. Ведь если рассудить здраво, вне дома не должно быть никаких ловушек. Иначе в эти ловушки могли бы попасться совершенно невинные люди: те, кто, выбрав кратчайший путь к озеру, пересекали бы владение Этвуда; или дети, которым захотелось бы поиграть в таком соблазнительном месте, около пустующего заброшенного дома, что привлекло бы к этому дому нежелательный интерес. Если и были тут какие-нибудь ловушки, их расставили в самом доме. Однако, если

учесть все обстоятельства, это тоже маловероятно. Ведь в своем собственном доме — кем бы они ни были — могут и без ловушек разделаться с незваным гостем.

И вообще может оказаться, подумалось мне, что я как последний дурак заблуждаюсь, считая, что усадьба "Белмонт" имеет какое-то отношение к последним событиям. Но все равно я должен пойти и взглянуть, что там делается, я должен знать, я должен довести дело до конца и исключить это подозрение, иначе меня вечно будет терзать мысль, не проморгал ли я какие-нибудь важные улики.

Напрягшись всем телом, я зашагал по дорожке; спина моя согрибилась, словно в ожидании неизвестно откуда грозившего нападения. Я попробовал распрямиться, но не тут-то было — спина так и осталась согнутой.

Я поднялся по лестнице и остановился перед парадной дверью, раздражаемый сомнениями, споря с самим собой. И наконец решил пойти по честному пути — позвонить или постучать в дверь. Поислав, я нашарил в темноте звонок. Кнопка едва держалась и завихлялась под моими пальцами; я понял, что звонок не работает, но все-таки нажал ее. Звонок молчал: из дома не донеслось ни звука. Я снова надавил на кнопку и долго не отпускал ее, но звонка не было. Тогда я постучал, и в ночной тишине этот стук прозвучал как-то особенно громко.

Я подождал, но ничего не произошло. Правда, в какой-то момент мне вроде бы послышались шаги, но звук не повторился, и я понял, что мне это почудилось.

Спустившись с крыльца, я обошел вокруг дома. За кустами, некогда посаженными вдоль фундамента, уже много лет никто не ухаживал, и они разрослись в густую, непроходимую изгородь. Под ногами шурпали опавшие листья, а воздух был по-осеннему свеж и едок.

Ставни пятого из обследованных мною окон были едва прикрыты. А само окно незаперто.

Как-то все очень просто, подумал я. Даже чересчур. Если я искал ловушку, то лучшего места для нее не придумаешь.

Я поднял оконную раму, замер и прислушался: ничего. Стояла полная тишина. Только лениво плескались о берег волны, да ветер ревел в сухой, еще не опавшей листве. Я сунул руку в карман пальто и нащупал пистолет и карманный фонарик, который прихватил с собой из машины Джой.

Я подождал еще, собираясь с духом. Потом перемахнул через подоконник и очутился в доме.

Я сразу метнулся в сторону и прижался к стене, чтобы мой силуэт не маячил на фоне открытого окна. Немного постоял так,

выпрямившись и стараясь не дышать, чтобы не пропустить ни малейшего звука.

Ни движения. Ни шороха. Ничего.

Я вытащил из кармана фонарик, включил его и провёл лучом по комнате. Я увидел одетую в чехлы мебель, картины на стенах и какой-то призовой кубок, стоявший на каминной полке.

Я погасил фонарик и быстро скользнул вдоль стены — на тот случай, если кто-то или что-то прячется среди этой зачехленной мебели и решит вдруг на меня напасть.

Никто не собирался на меня нападать.

Я выждал еще какое-то время.

Комната по-прежнему оставалась комнатой, и только.

Я на цыпочках пересек ее и вышел в вестибюль. Нашел кухню, столовую и кабинет, где в беззубой старческой улыбке на меня ощерились пустые книжные полки.

Я не обнаружил ничего интересного.

Пол был покрыт толстым слоем пыли и за мной тянулся след. Вся мебель была укутана чехлами. В воздухе пахло плесенью. Отовсюду веяло заброшенностью, как в доме, который хозяева неизвестно почему вдруг покинули и больше ни разу в него не возвращались.

Я и впрямь свалил дурака, приехав сюда, обругал я себя. Ведь здесь не было ничего подозрительного. Я просто пошел на поводу своего разыгравшегося воображения.

Но раз уж я здесь, подумал я, мне нужно с толком использовать свой визит и довести дело до конца. Пусть я ступил, приехав сюда, все равно нельзя уехать, не осмотрев остальную часть дома — верхний этаж и подвал.

Я вернулся в вестибюль и начал подниматься по лестнице — эдакому винтовому сооружению с поблескивавшими в темноте перилами и столбиками.

Когда я уже поставил ногу на третью ступеньку, меня вдруг остановил чей-то голос.

— Мистер Грейвс, — произнес голос.

Это был мягкий интеллигентный голос, и говорил он самым естественным, нормальным тоном. И хотя я уловил в нем вопросительные интонации, вопрос этот был чисто риторическим. У меня встали дыбом волосы и миллионом игл вонзились в кожу головы.

Я мгновенно обернулся, хватаясь за пистолет, оттягивавший мне карман.

Когда я его уже наполовину вытащил, голос заговорил снова.

— Я — Этвуд, — сказал голос. — Приношу свои извинения за испорченный звонок.

— Я еще и стучал.

— Я не слышал вашего стука. Я работал в подвале.

Я уже разглядел в вестибюле его темную фигуру. Я разжал пальцы, и пистолет скользнул обратно в карман.

— Мы можем спуститься в подвал, — предложил Этвуд, — и славно побеседовать. Эта лестница едва ли подходит для продолжительного разговора.

— Как вам будет угодно, — сказал я.

Я сошел со ступенек, и он повел меня через вестибюль к двери в подвал.

Горевшая внизу лампа заливала светом лестничную клетку, и теперь я его рассмотрел как следует. Внешность у него была самая заурядная — спокойный, приятный мужчина, типичный делец.

— Мне здесь нравится, — заметил Этвуд, легко и беззаботно спускаясь по ступенькам. — Прежний хозяин оборудовал в подвале комнату для развлечений, которая из всех помещений этого дома, по-моему, наиболее пригодна для жилья. Может, потому что сам дом очень стар, а эта комната оборудована совсем недавно.

Мы спустились до конца лестницы, свернули за угол и очутились в комнате для развлечений.

Это было обширное длинное помещение, тянувшееся через весь подвал; в каждом конце его было по камину, а на выложенном красной плиткой полу в беспорядке расставлена кое-какая мебель. У одной стены стоял письменный стол, заваленный бумагами, а в противоположной стене чернела дыра — просверленная в стене круглая дыра такого диаметра, что в нее свободно мог пройти кегельный шар, и из нее дул холодный ветер, леденивший мне лодыжки. А в воздухе едва ощутимо пахло тем самым лосьоном для бритья.

Уголкем глаза я заметил, что Этвуд наблюдает за мной, и попытался справиться со своим лицом — не превратить его в застывшую маску, а придать то выражение, которое, как мне казалось, было ему свойственно в повседневной жизни. И мне, видно, это удалось, потому что на лице Этвуда не мелькнуло и тени улыбки, которую он вряд ли бы скрыл, подметив во мне признаки замешательства или страха.

— Вы правы, — произнес я. — Здесь и впрямь очень уютно.

Я сказал это только, чтобы нарушить молчание. Комната была совершенно нежилой, во всяком случае по человеческим канонам. Пыль здесь лежала почти таким же толстым слоем, как и наверху, повсюду валялся разнообразный хлам, в углах скопились кучи мусора.

— Не хотите ли присесть? — спросил Этвуд.

Он указал на стул с мягкой обивкой, стоявший наискосок от стола.

Я направился к нему, и у меня под ногами что-то зашуршало. Тут я увидел, что ступаю по валявшемуся на полу большому измятому куску почти прозрачной полиэтиленовой пленки.

— Осталось от прежнего хозяина, — небрежно бросил Этвуд. — Надо бы наконец навести здесь чистоту.

Я сел на предложенный мне стул.

— Позвольте ваше пальто, — сказал Этвуд.

— Пожалуй, я не сниму его. У вас тут вроде откуда-то дует.

Я не спускал глаз с его лица — оно не дрогнуло.

— Быстро же вы все подмечаете, — благодушно заметил Этвуд без намека на угрозу. — Быть может, даже слишком быстро.

Я промолчал, и он заговорил снова:

— Однако я рад, что вы пришли. Не часто встретишь такого проникательного человека.

— Уж не собираетесь ли вы предложить мне работу в вашей организации? — ехидно спросил я.

— Эта мысль, — невозмутимо ответил Этвуд, — уже посещала меня.

Я покачал головой.

— Вряд ли я вам нужен. Ведь город вы уже купили и, надо сказать, неплохо с этим справились.

— Город! — оскорбленно вскричал Этвуд.

Я кивнул.

Он рывком отодвинул от стола стул и осторожно опустился на него.

— Я вижу, вы ничего не понимаете, — произнес он. — Придется вам все разъяснить.

— Валайте, — сказал я. — Для этого я и пришел.

Этвуд с серьезным видом подался вперед.

— Не город, — проговорил он тихим напряженным голосом. — Не цените меня слишком дешево. Нечто гораздо большее, чем город, мистер Грейвс. Гораздо большее. Полагаю, я ничем не рискую, открыв вам это, — ведь теперь меня уже никто не может остановить. Я покупаю Землю!

17 Есть идеи, настолько чудовищные, настолько противоестественные и возмутительные, что человеку нужно какое-то время, чтобы вникнуть в их смысл.

К таким вот идеям относится предположение, что у кого-нибудь может зародиться мысль — пусть только одна мысль — попытаться

купить Землю. Завоевать ее — это куда ни шло, ведь это добрая старая традиционная идея, которую вынашивали многие представители человечества. Уничтожить Землю — это тоже можно понять, потому что были и есть безумцы, которые, если и не кладут угрозу всеобщего уничтожения в основу своей политики, то, во всяком случае, используют ее в качестве дополнительной точки опоры.

Но купить Землю — это не укладывалось в сознании.

Прежде всего, Землю купить невозможно — ведь ни у кого не найдется такого количества денег. А если б и объявился такой богач, все равно это бред сумасшедшего, — что бы этот человек стал делать с Землей, купив ее? И наконец это было неэтично и шло вразрез с традициями: настоящий бизнесмен никогда не уничтожает всех своих конкурентов. Он может их поглотить, установить над ними контроль, но отнюдь не уничтожить.

Этвуд балансировал на краешке стула, как встревоженная хищная птица, должно быть, в моем молчании он уловил осуждение.

— Тут комар носа не подточит, — проговорил он. — Все совершенно законно.

— Возможно, — выдавил я.

Однако я чувствовал, что тут есть к чему придраться. Если б мне удалось выразить это словами, я бы сумел объяснить ему, что здесь не так.

— Мы действуем в рамках социального устройства человеческого общества, — продолжал Этвуд. — Наша деятельность базируется на ваших принципах и законах, которые мы соблюдаем со всей строгостью. Мало того, мы придерживаемся ваших обычаев. Мы не нарушили ни одного. И уверяю вас, друг мой, что это не так-то просто. Крайне редко удается провести подобную операцию, не нарушая обычаев.

Я попытался что-то сказать, но слова лишь булькнули в горле, да там и остались. Впрочем, это не меняло дела. Я ведь фактически даже не знал, что это были за слова.

— В наших деньгах и ценных бумагах нет ни единого изъяна, — заявил Этвуд.

— Как сказать, — возразил я. — Что касается денег, то у вас их слишком много, чересчур много.

Но беспокоила меня вовсе не мысль о чрезмерном количестве денег. Меня встревожило что-то другое. Нечто куда более важное, чем эта денежная вакханалия.

Меня насторожили кое-какие его слова и то, как он их употреблял. То, как он произносил слово "наше", будто имея в виду себя и каких-то своих сообщников; то, как он употреблял слово "ваше", как бы подразумевая под этим все человечество за исключением

некой группы себе подобных. И то, как он особо подчеркнул, что действует в рамках социального устройства человеческого общества.

Мой мозг словно раскололся надвое. И одна его половина вопила от ужаса, а другая призывала к благоразумию. Ибо мысль, пронизавшая его, была настолько чудовищной, что сознание отказывалось ее воспринять.

Теперь он уже улыбался, и при виде этой улыбки меня внезапно захлестнула неодолимая, слепящая ярость. Вопль, исторгавшийся одной половиной моего мозга, заглушил разумные доводы другой, и я поднялся со стула, выхватив из кармана пистолет.

В тот момент я бы убил его. Не задумываясь, без всякой жалости я выстрелил бы в него в упор и убил. Все равно, что раздавил бы ногой змею или прихлопнул муху.

Но выстрелить мне не пришлось.

Потому что стрелять было не в кого.

Даже не знаю, как это объяснить. Объяснить такое невозможно. Подобного явления еще не наблюдало ни одно человеческое существо. Ни в одном человеческом языке нет слов, чтобы описать, что сотворил с собой Этвуд.

Он не заколебался, постепенно растворяясь в воздухе. Он не растаял. Что бы с ним ни произошло, это случилось мгновенно.

Только что он сидел передо мной. А в следующую секунду его уже не было. И я не заметил, как он исчез.

Раздался негромкий стук, как от падения легкого металлического предмета, и по полу запрыгало несколько угольно-черных кегельных шаров, которых тут раньше не было.

Должно быть, мое сознание мгновенно проделало какой-то сложный акробатический этюд, но тогда я этого не заметил. И все мои последующие поступки я приписал инстинкту. Я не сознавал, что было причиной, а что — следствием, не анализировал факты, не строил догадок и предположений, но все это, несомненно, промелькнуло в моем мозгу, побудив меня к немедленным действиям.

Я выронил пистолет и, нагнувшись, схватил с пола кусок полиэтиленовой пленки. Схватил его и начал расправлять уже на пути к наружной стене, где зияла источавшая холод дыра.

К дыре, прямо на меня катились шары, и я был к этому готов — у прикрытого пленкой отверстия их ждала ловушка.

Первый шар ткнулся в дыру, увлекая за собой пленку, за первым последовал второй, потом третий, четвертый, пятый.

Я схватил концы прозрачного полотнища, сложил их вместе и вытянул его из дыры — и в этом импровизированном мешке, ударяясь друг о друга, взволнованно постукивали угольно-черные шары.

В подвале оставалось еще несколько шаров — тех, что испугались

и не попали в ловушку, — и теперь они в исступлении катались по полу, ища, куда бы спрятаться.

Я поднял мешок и встряхнул его, чтобы ссыпать мой улов на дно. А чтобы шары не выскочили, как следует закрутил горловину и перебросил мешок через плечо. Тем временем остальные шары продолжали метаться в поисках темных уголков, и со всех сторон слышалось какое-то шуршание, шелест и шепот.

— А ну, марш в свою дыру! — крикнул я им. — Убирайтесь туда, откуда явились!

Никакой реакции. Они все уже попрятались. И теперь следили за мной из темных уголков, из куч хлама. Быть может, даже не видя меня. Скорей всего, просто ощущая мое присутствие. Впрочем, неважно каким образом, но они за мной следили.

Я шагнул вперед, и моя нога наступила на какой-то предмет. Я в ужасе подпрыгнул.

Это был всего-навсего мой пистолет, который я выронил, когда нагнулся за пленкой.

Я оцепенело смотрел на него, чувствуя, как у меня трясутся внутренности, но дрожь эта билась где-то в глубине, не в силах вырваться наружу и завладеть всем телом — настолько оно было напряжено. Зубы мои порывались застучать, но безуспешно, потому что челюсти были стиснуты с такой отчаянной силой, что свело мышцы лица.

Отовсюду за мной следили невидимые наблюдатели, из дыры в стене дул холодный ветер, а у меня за спиной, в мешке, скорей возбужденно, чем злобно, постукивали друг о дружку шары. И еще в подвале была пустота — пустота там, где только что было двое людей, а теперь остался один. Хуже того, здесь зверем выла пустота взбесившейся Вселенной, Земли, утратившей свое значение, и цивилизации, которая пока того не ведая, корчилась в муках агонии.

Но все это забивал запах — запах, который я впервые почувствовал сегодня утром, запах этих существ; кем бы они ни были, откуда бы они ни появились, какова бы ни была их цель — этот запах принадлежал им. Он был рожден не Землей, не нашей такой знакомой старушкой планетой, и до этого человеку никогда не приходилось его вдыхать.

Я понял, что передо мной была иная форма жизни, явившаяся откуда-то извне, из краев, расположенных далеко за пределами планеты, на которой я сейчас находился; и все во мне протестовало против этой мысли, но другого объяснения я подыскать не мог.

Я опустил мешок с плеча, наклонился за пистолетом и, протянув к нему руку, вдруг увидел, что неподалеку от пистолета на полу лежит еще какой-то предмет.

Выпустив пистолет, мои пальцы потянулись к этому предмету, и в тот момент, когда они схватили его, я увидел, что это кукла. И еще не успев рассмотреть ее, я уже знал, что это за кукла: в памяти всплыл негромкий стук, услышанный мною в тот самый миг, когда исчез Этвуд.

Я не ошибся. Это была кукла Этвуд. Этвуд до последней морщинки на лице, до мельчайшей черточки его внешности. Словно кто-то взял живого Этвуда и уменьшил раз в сто, стараясь при этом ни на йоту не изменить его, не повредить ни единого атома в существе, которое было Этвудом.

Мне неудержимо захотелось бежать. Я напряг всю свою волю, всю, до последней капли, чтобы сломя голову не кинуться оттуда. Но я заставил себя идти шагом. Точно мне все было до лампочки, точно я не был смертельно испуган, точно ни в этом благословенном мире, ни во всей Вселенной не было ничего, что могло бы испугать Человека, обратить его в бегство.

Потому что я должен был им это доказать!

Каким-то необъяснимым образом, словно бы инстинктивно, я вдруг понял, что должен сейчас сыграть эту роль в интересах всего человечества, должен им кое-что показать, должен продемонстрировать перед ними смелость, решительность, непоколебимое упорство, свойственные человеческому роду.

Уж не знаю как, но я это выполнил. С таким ощущением, будто мне в спину нацелены кинжалы, я прошел через комнату и стал не спеша подниматься по лестнице. Одолея последние ступеньки и осторожно, без стука, закрыл за собой дверь.

И теперь, освободившись от наблюдавших за мной глаз, от необходимости играть эту роль, я, спотыкаясь, проковылял через вестибюль, как-то ухитрился открыть парадную дверь — и в лицо мне пахнул налетевший с озера свежий ночной ветерок, очищая мне легкие и мозг от подвального смрада.

Я добрал до какого-то дерева и привалился к нему, ослабевший и вымотанный, словно после состязания в беге, и на меня напала неукротимая рвота. Я корчился, давился, изрыгая из себя блевотину, почти с наслаждением ощущая вкус желчи, разъедавшей мне горло и рот, — в этом вкусе было что-то истинно человеческое.

Я стоял, прислонившись лбом к грубой коре ствола, и прикосновение к ее шершавой поверхности успокаивало, словно это ощущение восстанавливало контакт со знакомым мне миром. Я слышал, как ударяются о берег волны озера, слышал пляску смерти сухих листьев, уже мертвых, но еще не покинувших родного дерева, а откуда-то издали доносился приглушенный расстоянием собачий лай.

Наконец я оторвался от дерева, вытер рукавом рот и подбородок. Пора приниматься за дело. Теперь у меня на руках были доказательства: полный мешок существ, которые подтвердят собой достоверность моего сообщения, ведь как ни крутись, а я должен все рассказать.

Я поднял мешок на плечо, и пока я поднимал его, мои ноздри вновь уловили запах пришельцев.

У меня ооченело все тело, подкашивались ноги, болели внутренности. Больше всего на свете, подумал я, мне сейчас нужен добрый глоток спиртного.

На ведущей к дому аллее темнела машина, и я нетвердым шагом двинулся к ней. За моей спиной возвышался мрачный расплывчатый силуэт дома, и наверху, в стекле слухового окошка, по-прежнему поблескивали серебристые осколки лунного луча.

У меня вдруг мелькнула странная мысль: может, мне вернуться и закрыть то окно, ведь в комнаты с укутанной светлыми чехлами мебелью ветер нанесет листья, на ковры будет хлестать дождь, а когда пойдет снег, пол заметет маленькими белыми сугробами.

Я хрипло расхохотался. Надо же такому прийти в голову, да еще именно тогда, когда мне необходимо, не теряя ни минуты, убраться отсюда подальше, подальше от этого дома на Тимбер-Лейн.

Я подошел к машине и открыл дверцу со стороны сиденья водителя. На другом конце сиденья что-то шевельнулось и произнесло:

— Рад вашему возвращению. А то я беспокоился, не случилось ли чего.

Непередаваемый ужас пригвоздил меня к месту.

Я не верил своим глазам — существо, сидевшее в машине, существо, только что обратившееся ко мне с этими словами, было тем самым веселым лохматым псом, которого я сегодня вечером вторично встретил возле своего дома!

18 — Я вижу, — продолжал Пес, — что один из них при вас. Держите же его покрепче. Могу засвидетельствовать, что это весьма скользкие личности.

И пока он так разглагольствовал, я изо всех сил старался не сойти с ума.

Я стоял столбом. А что мне еще оставалось делать? Ведь в конце концов отупеешь, если тебя достаточно часто бьют по башке.

— Ну-с, вам, пожалуй, пора уже спросить, кто я, черт возьми, такой, — с укором заметил Пес.

— Ладно, — прохрипел я. — Так кто же ты такой, черт тебя поberi?

— Мне очень приятно, что вы наконец спросили об этом, — удовлетворенно проговорил Пес. — Ибо со всей откровенностью могу вам сообщить, что являюсь конкурентом — не сомневаюсь, что слово "конкурент" выбрано мною правильно, — того существа, которое сидит в вашем мешке.

— Очень ценная информация, — съязвил я. — А теперь, милейший, кем бы ты там ни был, объясни-ка все как следует.

— Но мне думается, вам должно быть абсолютно понятно, кто я! — воскликнул Пес, пораженный моей тупостью. — Как конкурент этих кегельных шаров я, естественно, должен быть отнесен к числу ваших друзей.

К этому времени мое оцепенение отчасти прошло, и я смог сесть в машину. И вообще я почему-то уже спокойнее отнесился к этому событию. У меня, правда, мелькнуло подозрение, не является ли Пес еще одной бандой кегельных шаров, на этот раз превратившихся не в человека, а в собаку, но даже если б мое подозрение оправдалось, я был к этому подготовлен. Я уже несколько оправился от испуга, и на смену ему пришло раздражение. Что за проклятая жизнь, подумал я, когда человек может в миг превратиться в кучу черных шаров, а в машине тебя ждет собака, которая, как только появляешься, заводит с тобой светскую беседу.

Видно, в ту минуту я еще сомневался, не обманывают ли меня мои глаза и уши. Но от действительности не отмахнешься — Пес сидел рядом, разговаривал со мной, и мне оставалось только смириться с этим, с позволения сказать, фарсом.

— Почему бы вам не отдать мешок мне? — спросил Пес. — Уверю вас, я буду держать его мертвой хваткой и с превеликим вниманием. Для меня дело чести проследить, чтобы они не сбежали.

И я отдал ему мешок — он протянул лапу, и, Бог свидетель, эта лапа так плотно обхватила горловину мешка, словно вдруг вырастила пальцы.

Я вытащил из кармана пистолет и положил его себе на колени.

— Что это за инструмент? — поинтересовался Пес, не пропустивший ни единой мелочи.

— Это оружие под названием пистолет, — объяснил я, — и с его помощью я могу продырявить тебя насквозь. Одно неверное движение, приятель, и ты узнаешь, что это такое на своей собственной шкуре.

— Я приложу все усилия, — довольно сухо произнес Пес, — чтобы не допустить ни одного неверного движения. Уверю вас, что касаясь текущих событий, я полностью ваш союзник.

— Вот и чудесно, — сказал я. — Смотри, не передумай.

Я завел мотор, развернулся и выехал на проселочную дорогу.

— Меня радует, что вы столь охотно вручили мне мешок, — проговорил Пес. — У меня есть некоторый опыт обращения с этими существами.

— В таком случае, может, ты посоветуешь, куда нам сейчас с ними отправиться? — спросил я.

— О, существует множество способов их уничтожить, — сказал Пес. — Осмелюсь посоветовать, сэр. Изберите метод, который был бы достаточно эффективным и, может быть, даже болезненным.

— А я вовсе не собираюсь их уничтожать, — возразил я. — С меня семь потов сошло, пока я поймал их в этот мешок.

— Весьма прискорбно, — с сожалением промолвил Пес. — Поверьте мне — негоже оставлять этих существ в живых.

— Ты все время зовешь их "этими существами", — заметил я, — и однако же утверждаешь, что хорошо с ними знаком. Разве у них нет имени?

— Имени?

— Да. Названия. Определенного обозначения. Должен же ты их как-то называть.

— Теперь я вас понял, — сказал Пес. — Я не всегда быстро схватываю смысл ваших слов. Порой мне нужно на это какое-то время.

— Кстати, пока я не забыл, объясни мне, как это ты умудряешься со мной разговаривать? Ведь говорящих собак не бывает.

— Собак?

— Да. Это такие существа, как ты. Ведь на вид ты настоящая собака.

— Очаровательно, — восхитился Пес. — Так вот, значит, кто я. Мне и вправду попадались особи, похожие на меня внешне, но в остальном совсем, совсем другие, и их столько разных видов. Сперва я пытался с ними познакомиться, но...

— Значит, ты всегда так выглядишь, да? Выходит, ты не превратился в собаку из какого-то другого существа, как это умеют наши дружки в мешке?

— Такой я и есть, — гордо заявил Пес. — И не стал бы ничем иным, даже если б это было в моих возможностях.

— Однако ты не ответил, каким образом ты со мной разговариваешь?

— Друг мой, прошу вас, не будем забираться в эти дебри. Тут нужно так много объяснять, а у нас очень мало времени. Видите ли, я не разговариваю с вами по-настоящему. Я общаюсь с вами, но...

— Телепатия?

— Повторите — и помедленнее.

Я объяснил ему, что такое телепатия, вернее, изложил ее гипотезу. Доклад получился никудышный — в основном, как мне кажется, из-за скудости моих познаний в области парапсихологии.

— В общих чертах похоже, — сказал Пес. — Но не совсем то.

На этом я успокоился. Сейчас меня занимали вопросы поважнее.

— Я уже с тобой встречался, — сказал я. — Ты ведь болтался вчера возле моего дома.

— Совершенно верно, — подтвердил Пес. — Ведь вы — как бы это выразиться поточнее, — вы были главным действующим лицом.

— Главным действующим лицом!? — изумленно воскликнул я.

А я-то думал, что попал в эту заваруху случайно. Есть ведь такие везучие парни. Если они стоят под деревом в лесу площадью в тысячу акров, то молния обязательно ударит именно в это дерево.

— Они это знали, — сказал Пес, — и я, конечно, тоже. Неужели вы ни о чем не догадывались?

— Братишка, ты сообщил мне потрясающую новость!

Мы уже оставили позади Тимбер-Лейн и сейчас ехали по шоссе к городу.

— Ты мне не ответил, что это за существа, — напомнил я. — Так и не сказал, как они называются. И вообще, если пораскинуть мозгами, наберется немало вопросов, которые ты пропустил мимо ушей.

— Да вы же сами не дадите мне ответить, — возмутился Пес. — Вы слишком быстро спрашиваете. К тому же у вас какой-то чудной мыслительный аппарат. Только и делает, что непрерывно перемешивает мысли.

Окошко с его стороны было приоткрыто на несколько дюймов, и через щель врывался ветер. Он откидывал назад его пушистые бакенбарды, обнажая челюсти. Челюсти у него были уродливые и тяжелые, и он их не открывал. Они не двигались, когда он говорил, как им было положено, если бы он говорил ртом.

— Ты знаком с моим мыслительным аппаратом? — растерянно спросил я.

— А иначе как бы я мог вести с вами беседу? — удивился Пес. — И надо сказать, в нем нет никакого порядка и работает он очень, очень быстро. Никак не угоднитесь.

Поразмыслив над этим, я пришел к выводу, что, пожалуй, он прав. Однако я почерпнул из его слов еще кое-что и это мне не счень-то понравилось. У меня возникло подозрение, что он в курсе всех моих мыслей и знает все, что знаю я, хотя, видит Бог, это никак не отразилось на его поведении.

— Возвращаясь к вашему вопросу об наименовании этих существ, — сказал Пес, — могу ответить, что у нас, действительно, есть для

них название, но оно не переводится ни одним словом, которое вы поняли бы. Для нас — в аспекте наших с ними отношений — небезынтересно то, что помимо прочих их свойств они еще являются агентами по продаже недвижимой собственности. Однако вы должны понять, что это весьма приблизительное определение и у них есть еще ряд своеобразных качеств, которые я не в силах объяснить словами.

— Ты имеешь в виду, что они занимаются продажей домов?

— Что вы! — воскликнул Пес. — Они и не думают затруднить себя такой мелочью, как какое-то здание.

— А как насчет планеты?

— Это уже получше, — сказал Пес, — хотя эта планета должна быть самой необыкновенной и исключительно ценной. Как правило, они не берут себе за труд заняться чем-нибудь поменьше солнечной системы. И это должна быть хорошая, добротная солнечная система, а то они к ней и не притронутся.

— Короче говоря, — резюмировал я, — ты хочешь сказать, что они торгуют солнечными системами.

— Ваша сообразительность, — изрек Пес, — не оставляет желать лучшего. Но это всего только одна сторона вопроса. Полное понимание положения вещей для вас несколько затруднительно.

— А кому они продают эти солнечные системы?

— Вот тут мы уже начинаем углубляться в более сложные материи, — произнес Пес. — Что бы я вам ни сказал, вы все равно попытаетесь сравнить это с вашей собственной экономической системой, а ваша экономическая система — прошу прощения, если я оскорблю ваши чувства, — самая бестолковая из всех, которые я когда-либо встречал.

— Между прочим, мне известно, что они покупают эту планету, — заметил я.

— О, разумеется, — сказал Пес, — и, как всегда, действуют самыми нечестными путями.

Я промолчал — меня вдруг поразила вся нелепость этой ситуации: подумать только, что мне приходится беседовать с каким-то существом, как две капли воды похожим на огромную собаку, и обсуждать с ним других пришельцев, которые покупают Землю, действуя, по словам моего инопланетного союзника, обычными для них методами обмана и жульничества.

— Дело в том, — продолжал Пес, — что они могут стать кем угодно и чем угодно. Они никогда не бывают собой. Вся их деятельность основана на лжи.

— Ты сказал, что они — твои конкуренты. Стало быть, ты тоже агент по продаже недвижимости.

— О да, благодарю вас за такое понимание, — польщенно подтвердил Пес, — причем агент наивысшего класса.

— Следовательно, если бы этим кегельным шаром, или кем там они являются, не удалось купить Землю, ты приобрел бы ее сам, так ведь?

— Никогда, — запротестовал Пес. — Это было бы неэтично. Подобная операция нанесла бы исключительной силы удар всей галактической торговле недвижимостью, а этого ни в коем случае нельзя допустить. Торговля недвижимостью — древняя и благородная профессия, и она должна сохранить свою первозданную чистоту.

— Что ж, весьма похвально, — одобрил я. — Рад это слышать. И что ты намерен предпринять?

— Честно говоря, сам не знаю. Ведь вы мне мешаете: От вас не дождешься никакой помощи.

— Я мешаю?

— Нет, не вы. Вернее, не только вы. Я имею в виду вас всех. Ваши идиотские правила.

— Но зачем им понадобилась Земля? Что они будут с ней делать, когда купят?

— Я вижу, что вы не сознаете, — произнес Пес, — какое у вас в руках богатство. Должен вас поставить в известность, что немного найдется таких планет, как эта, которую вы называете Землей. Это нормальная, покрытая плодородной почвой планета, а таких планет очень мало и они представляют собой большую редкость. Утомленный может здесь дать отдых измученному телу и утешить свой воспаленный взор изысканной красотой, которая встречается отнюдь не на каждом шагу. В некоторых системах были построены и выведены на орбиту конструкции, на которых попытались создать условия, имеющиеся здесь у вас в естественном виде. Но искусственное никогда не может до конца приблизиться к настоящему, поэтому ваша планета имеет такую большую ценность, как естественная спортивная площадка и курорт. Надеюсь, вы понимаете, — извиняющимся тоном добавил он, — что, исходя из вашего языка и ваших понятий, я все упрощаю и употребляю грубое, приблизительное сравнение. На самом деле это не совсем так, как я вам рассказывал. Во многих аспектах это нечто совершенно иное. Но вы ухватили основную идею, а объяснить получше у меня нет возможности.

— Ты хочешь сказать, что, завладев Землей, эти существа откроют на ней своего рода галактический курорт?

— О нет, — возразил Пес, — для этого у них кишка тонка. Но они продадут ее тем, кто сумеет этим заняться. И хорошо на этом заработают. В космосе выстроено много увеселительных заведений

и планет типа Земли, на которых самые разнообразные существа могут устраивать пикники и проводить свои отпуска. Но в действительности ничто не может заменить настоящую плодородную планету с хорошим климатом. Уверяю вас, они могут получить за нее все, что попросят.

— А что они могут за нее запросить?

— Запах. Аромат. Благовоние, — ответил Пес. — Никак не могу найти подходящее слово.

— Духи?

— Правильно, духи. Запах, который доставляет удовольствие. Запах для них — это что-то необыкновенно прекрасное. Когда они бывают сами собой, в своем естественном виде, он является их самым большим, может быть, даже единственным сокровищем. Ведь в своем естественном состоянии они совсем не такие, как вы и я...

— Кажется, я имею представление о их естественном состоянии, — проговорил я. — Это те штуки, которые сидят у тебя в мешке.

— Ну тогда вам должно быть понятно, — сказал Пес, — какие это полнейшие ничтожества.

Он яростно встряхнул мешок, сбивая шары в кучу.

— Полнейшие ничтожества, — повторил он. — Лежат себе в мешке и наслаждаются своими духами, а для них это — вершина счастья, если подобные твари вообще способны испытывать счастье.

Обдумав его слова, я решил, что все это донельзя возмутительно. У меня мелькнуло подозрение, не пытается ли Пес меня одурачить, но я сразу же отбросил эту мысль. Ведь если все это — нагромождение лжи, сам Пес неизбежно должен быть частью мистификации, потому что он был таким же гротескным и несуразным, как те существа в мешке.

— Мне жаль вас, — проговорил Пес без особой грусти в голосе, — но вы сами виноваты. Все эти идиотские правила...

— Я это слышу от тебя не в первый раз, — сказал я. — Что ты подразумеваешь под "всеми этими идиотскими правилами"?

— Ну как же — это правила для каждого, кто владеет какими-либо вещами.

— Иными словами — наши законы о собственности.

— Должно быть, так они называются по-вашему.

— Но ты же сказал, что кегельные шары собираются продать Землю...

— Это совсем не то, — возразил Пес. — Я вынужден был так сказать, потому что не мог выразить это иначе, как в ваших понятиях. Но убедительно прошу вас поверить, что это совсем другое.

А ведь верно, подумал я. Вряд ли две совершенно разные цивили-

лизации могут в своем развитии выработать одинаковый образ действий. У них должны быть разные мотивы, разные методы, потому что сами эти цивилизации всегда в корне отличны друг от друга. Даже их языки — не только по словарному составу, но и по самой своей концепции, не могут иметь ничего общего.

— Это средство передвижения, которым вы сейчас управляете, — сказал Пес, — заинтересовало меня с самого начала, но у меня не находилось времени с ним ознакомиться. Как вы можете себе хорошо представить, я был очень занят, собирая другую необходимую мне информацию.

Он вздохнул.

— Вы не имеете никакого понятия — да и откуда вам это знать? — сколько всего нужно изучить, когда без подготовки попадаешь в чужую цивилизацию.

Я рассказал ему о двигателе внутреннего сгорания и механизме передачи, с помощью которого энергия, вырабатываемая двигателем, приводит машину в движение, но сам я довольно-таки слабо в этом разбираюсь. Объяснение получилось поверхностным и примитивным, однако он вроде бы понял основной принцип. По его реакции я заключил, что он впервые встретился с подобным устройством. Но у меня создалось отчетливое впечатление, что оно поразило его отнюдь не совершенством конструкции, а скорее своей явной, с его точки зрения, бездарностью.

— Очень вам благодарен за столь четкое объяснение, — учтиво проговорил он. Я не стал бы вас беспокоить, но меня одолевало большое любопытство. Быть может, было бы лучше и в некотором смысле полезнее, если бы мы потратили это время на обсуждение дальнейшей судьбы этих вот штук.

Он встряхнул мешок, давая мне понять, что он имеет в виду.

— Я уже знаю, что мы с ними сделаем, — сказал я. — Мы отвезем их к одному моему другу, которого зовут Кэрлтон Стирлинг. Он биолог.

— Биолог?

— Биолог — это тот, кто изучает жизнь, — пояснил я. — Он вскроет эти шарики и расскажет нам, что они собой представляют.

— А это болезненно? — поинтересовался он.

— В некотором смысле, пожалуй, да.

— Тогда все в порядке, — решил Пес. — А что касается этого биолога — я, кажется, уже слышал о существах, которые занимаются чем-то похожим.

Но, судя по его тону, он, несомненно, имел в виду нечто совершенно иное. Оно и понятно, подумал я, ведь жизнь можно изучать по-всякому.

Какое-то время мы ехали молча. Сейчас мы уже приближались к городу и машин на шоссе становилось все больше. Пес напряженно застыл на сиденье, и я видел, что его тревожит длинная полоса надвигающихся на нас городских огней. Я попытался представить, будто сам вижу эти огни впервые, и понял, какой они могут внушить ужас сидевшему рядом со мной существу.

— Давай-ка послушаем радио, — предложил я.

Я протянул руку и включил приемник.

— Связь на расстоянии? — спросил Пес.

Я кивнул.

— Как раз время вечернего выпуска последних известий, — заметил я.

Передача только началась. Захлебываясь от счастья, диктор бодро рекламировал какое-то изумительное моющее средство.

Потом раздался голос радиообозревателя:

— Час назад при взрыве, происшедшем на автомобильной стоянке позади жилого дома "Уэллингтон Армз" погиб какой-то мужчина. Предполагают, что погибший — научный обозреватель "Ивнинг Геральд" Паркер Грейвс. Полиция считает, что в машину Грейвса подложили бомбу, которая взорвалась, когда Грейвс включил мотор. В настоящее время полиция пытается окончательно уточнить личность погибшего.

И он перешел к следующему сообщению.

С минуту я сидел, словно оглушенный, потом протянул руку и выключил радио.

— В чем дело, друг мой?

— Тот человек, который погиб. Ведь это был я, — объяснил я ему.

— Вот чудеса-то, — заметил Пес.

19 Увидев свет в окне его лаборатории на третьем этаже, я понял, что Стирлинг у себя и работает. Я забарабанил в парадную дверь, по коридору прохромал разгневанный сторож. Через окно он жестом приказал мне убираться вон, но я упорно продолжал стучать. В конце концов он все-таки отпер дверь, и я назвал себя. Недовольно ворча, он впустил меня. Вслед за мной в дом проскользнул и Пес.

— Оставьте собаку на улице, — возмущенно потребовал сторож. — Сюда собакам вход запрещен.

— Это не собака, — возразил я.

— А что же?

— Подопытный экспонат, — объяснил я.

И пока он пересваривал это, мы успели юркнуть мимо него и подняться на несколько ступенек. Я слышал, как сердито бормоча себе что-то под нос, он заковылял обратно в свою каморку на первом этаже.

Склонившись над лабораторным столом, Стирлинг что-то записывал в тетрадь. На нем был неописуемо грязный белый халат.

Когда мы вошли, он оглянулся на нас с таким видом, будто наш приход был в порядке вещей. Я сразу понял, что он не знает, который сейчас час. Его ничуть не удивило, что мы явились в такое неурочное время.

— Ты пришел за пистолетом? — спросил он.

— Нет, кое-что тебе принес, — сказал я, показывая мешок.

— Тебе придется вывести отсюда собаку, — заявил он. — Собакам сюда вход запрещен.

— А это вовсе не собака, — сказал я. — Я, правда, не знаю, как он там себя величает и откуда он, но это пришелец.

Явно заинтересовавшись, Стирлинг повернулся к нам всем телом. Прищурившись, посмотрел на Пса.

— Пришелец, — без особого удивления повторил он. — Ты хочешь сказать, что это существо с какой-то другой планеты?

— Именно это он и имеет в виду, — вставил Пес.

Стирлинг наморщил лоб. Помолчал. Было почти слышно, как лихорадочно заработали его мысли.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — наконец проговорил он, словно давая авторитетное заключение по какому-то важному вопросу. — Но никто, конечно, не мог предугадать, как это произойдет.

— Поэтому тебя это несколько не удивило, — констатировал я.

— Нет, почему же? Разумеется, я удивлен. Но скорее внешне-стью нашего гостя, чем самим фактом.

— Рад с вами познакомиться, — промолвил Пес. — Как я понимаю, вы — биолог, и я нахожу это в высшей степени интересным.

— Но, честно говоря, пришли мы из-за этого мешка, — сказал я Стирлингу.

— Мешка? Ах да, у тебя ведь был еще какой-то мешок.

Я поднял мешок, чтобы он мог получше разглядеть его.

— Тоже пришельцы, — объявил я.

Все это начинало чертовски смахивать на водевиль.

Он недоуменно поднял бровь.

Запинаясь и путаясь в словах, я торопливо рассказал ему, что это за существа — в моем понимании, конечно. У меня вдруг почему-то возникла потребность высказаться как можно быстрее.

Словно меня подстегивала мысль о том, что у нас очень мало времени, а мне нужно успеть все рассказать. Возможно, так оно и было.

Лицо Стирлинга побагровело от волнения, глаза возбужденно заблестели.

— Об этом-то я и говорил тебе сегодня утром! — воскликнул он.

Я вопросительно хмыкнул — наш утренний разговор давно выветрился у меня из головы.

— Существо, не зависящее от окружающей среды, — напомнил он. — Существо, которое может жить везде и быть всем, чем угодно. Форма жизни, обладающая сторицейной приспособляемостью. Способная приспособиться к любым условиям...

— Но ты ведь говорил вовсе не об этом, — возразил я, вспомнив наконец, что он тогда сказал.

— Вполне возможно, — согласился он. — Не исключено, что я не совсем точно выразил свои мысли. Но в итоге получается то же самое.

Он повернулся к лабораторному столу, выдвинул ящик и стал быстро рыться в каких-то вещах. Наконец вытащил то, что искал — прозрачный полиэтиленовый пакет.

— Давай-ка пересыплем их сюда, — сказал он. — А потом уж хорошенько рассмотрим.

Он открыл пошире отверстие пакета. С помощью Пса я перевернул наш импровизированный мешок и высыпал кегельные шары в пакет к Стирлингу. Несколько каких-то клочков и обрывков упало на пол. Даже не пытаясь принять форму шаров, они быстро шмыгнули к рукомойнику, вскарабкались по его металлическим ножкам и нырнули в раковину.

Пес бросился было за ними в погоню, но они оказались проворнее. Он вернулся с удрученным видом, уныло свесив уши и волоча поникший хвост.

— Они отступили в канализационную трубу, — сообщил он.

— Ну и пусть, — беспечно отмахнулся Стирлинг, которого так и распирало от счастья, — большая часть ведь осталась у нас.

Он стянул крепким узлом горловину пакета и, подняв его, зацепил узел за крюк укрепленного над столом кронштейна — и пакет повис в воздухе. Пластик был настолько прозрачен, что теперь можно было без помех рассмотреть кегельные шары во всех подробностях.

— А вы разберете их на части? — озабоченно спросил Пес.

— Со временем, — ответил Стирлинг. — Сперва я понаблюдаю за ними, изучу их повадки и подвергну их кое-каким испытаниям?

— Тяжким испытаниям? — не унимался Пес.

— Это еще что такое? — спросил Стирлинг.

— Он питает некоторую неприязнь к нашим друзьям, — вмешался я. — Они ставят ему палки в колеса. Позорят его бизнес.

В другом конце комнаты негромко зазвонил телефон.

Потрясенные, мы разом умолкли.

Телефон зазвонил снова.

В этом звуке было что-то пугающее. Мы были здесь совершенно одни и чувствовали себя как-то уютно и спокойно, а кегельные шары на время стали для нас не более, чем диковиной, вызывавшей чисто академический интерес. Но с этим телефонным звонком все рухнуло — к нам ворвалась неумолимая действительность внешнего мира. Пришел конец уединению, пришел конец спокойному созерцанию, потому что теперь все это касалось не только нас одних, а существа в прозрачном полиэтиленовом пакете из объектов исследования превратились в нечто опасное и угрожающее, в нечто, внушающее уже не академический интерес, а ненависть и страх.

И я увидел за окном величественную всепоглощающую тьму ночи и ощутил бездушное высокомерие, которое опутало мир. Комната сложно сжалась в пятно холодного света, разбивавшегося о блестящую поверхность лабораторного стола, о раковину и стеклянные приборы, а я — сама слабость — стоял там рядом со Стирлингом и Псом, такими же бессильными, как и я.

— Алло, — сказал Стирлинг в трубку. И спустя немного: — Нет, я ничего об этом не слышал. Должно быть, тут какое-то недоразумение. Он сейчас здесь.

Послушал еще, потом перебил своего собеседника:

— Но ведь он сейчас здесь, у меня. Вместе с говорящей собакой... Нет, он не пьян. Да нет, говорю вам, он цел и невредим...

Я шагнул к телефону.

— Дай-ка мне трубку! — потребовал я.

Он сунул ее мне к уху, и я услышал голос Джой:

— Паркер, ты... что случилось? Радио...

— Ага, я слышал эту передачу. Те парни на радио просто рехнулись.

— Почему ты мне не позвонил, Паркер? Ты ведь знал, что я это услышу...

— Да откуда я мог знать? Я совершенно замотался. Мне нужно было переделать кучу дел. Я нашел Этвуда, он рассыпался на кегельные шары, и я поймал его в мешок, а потом меня в машине поджидала эта собака...

— Паркер, у тебя действительно все в порядке?

— Конечно, — ответил я. — В полнейшем.

— Паркер, мне так страшно.

— Брось, теперь уже нечего бояться. В машине был не я и к тому же я нашел Этвуда...

— Я не об этом. У меня во дворе снуют какие-то существа.

— Так ведь вне дома всегда есть какие-нибудь живые существа, — возразил я. — Собаки, кошки, белки, люди наконец...

— Но эти твари бродят вокруг дома. Так и кипшат повсюду, заглядывают в окна и... Паркер, прошу тебя, приезжай и заведи меня отсюда!

Мне стало не по себе. Это не был обычный глупый женский страх перед темнотой и воображаемыми ужасами. По ее голосу чувствовалось, что она едва сдерживает истерику, и это убедило меня в том, что причина ее испуга не в игре воображения.

— Хорошо, — сказал я. — Держись молодцом. Постараюсь приехать как можно скорее.

— Паркер, пожалуйста...

— Надень пальто. Стань у двери и жди, когда подъедет машина. Только не выходи, пока я не подойду к самому дому.

— Ладно.

Голос ее уже звучал почти спокойно.

Я бросил трубку на рычаг и стремительно повернулся к Стирлингу.

— Мне нужна винтовка, — сказал я.

— Она вон в том углу.

Винтовка стояла там, прислоненная к стене; я бросился в угол и схватил ее. Стирлинг порылся в ящике и протянул мне коробку с патронами. Я сломал ее, и несколько патронов упало на пол. Стирлинг нагнулся и собрал их.

Я заполнил магазин, остальные патроны высыпал в карман.

— Я еду за Джой, — сказал я.

— Там что-нибудь случилось? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

Ударом ноги я распахнул дверь и понесся вниз по лестнице. Пес кинулся следом за мной.

20 Джой жила в северо-западной части города в своем собственном маленьком домике. Первые годы после смерти матери она подумывала о том, чтобы продать его и переехать поближе к редакции в какой-нибудь многоквартирный дом. Да так и не собралась. Что-то не отпускало ее отсюда — то ли какие-то воспоминания и сентиментальная привязанность к дому, то ли нежелание рисковать — а вдруг ей не понравится на новом месте.

Я выбрал улицу, где, как я знал, мне не будут помехой мигалки, и дал газ.

Пес сидел рядом со мной, и ветер, врывавшийся через полуоткрытое окошко, откидывал назад его бакенбарды, мягким веером расстилая их по морде. Он задал мне один-единственный вопрос.

— А эта Джой хороший товарищ? — спросил он.

— Самый лучший, — заверил его я.

Он умолк, обдумывая мой ответ. Еще немного, и, наверно, можно было бы услышать, как напряженно работают его мысли. Он он больше не проронил ни слова.

Я пренебрег светофорами и развил недозволенную скорость, пытаясь придумать, что мне сказать в свое оправдание, если за нами погонится полицейская машина. Но обошлось без этого, и, нажав до отказа на тормоз, я резко остановил машину перед домом Джой, взвизгнули по асфальту шины, и Пес со всего маху ткнулся мордой в ветровое стекло, весьма этому удивившись.

Домик стоял в глубине двора, обнесенного старинным частоколом и густо заросшего деревьями и кустами, между которыми извивались цветочные клумбы. Ворота были распахнуты настежь — с тех пор как я впервые побывал здесь, я ни разу не видел их закрытыми — и створки их криво висели на ржавых петлях. Крыльцо было освещено; в прихожей и гостиной тоже горел свет.

Прихватив винтовку, я выскочил на мостовую и обежал вокруг машины. Пес опередил меня, ворвался в ворота и, как одержимый, бросился в заросли кустарника, росшего по краям вымощенной кирпичом дорожки. Прежде чем он исчез, перед моими глазами промелькнула его оскаленная морда, плотно прижатые к голове уши и задранный вверх хвост.

Я вошел в ворота и, тяжело ступая, двинулся по дорожке к дому, а слева от меня, в кустах, где только что скрылся Пес, поднялся вдруг совершенно невообразимый шум.

Дверь открылась, и Джой перебежала через крыльцо. Я встретил ее на ступеньках. На мгновение она в нерешительности остановилась, глядя во двор, в ту сторону, откуда неслась эта чудовищная какофония.

Сейчас этот шум еще усилился. Описать его почти невозможно. В нем было что-то от верещания взбесившейся фистармонии, надрывавшейся под аккомпанемент какого-то топота и шороха, словно нечто огромное в яростном исступлении мчалось по заросшему высокой сухой травой полю.

Я схватил Джой за руку и потащил по дорожке к воротам.

— Пес! — позвал я. — Пес!

Бедлам не стихал.

Мы выбежали на тротуар, я втолкнул Джой на переднее сиденье и захлопнул дверцу.

Пес как в воду канул.

Кое-где в окнах соседних домов начали вспыхивать огни, и я услышал, как неподалеку хлопнула дверь: видно, кто-то вышел на крыльцо.

Я бросился назад к воротам.

— Пес! — снова крикнул я.

Он пулей вылетел из кустов, поджатый хвост его исчез под брюхом, с влажных бакенбардов стекали пенистые струйки слюны. А за ним по пятам что-то гналось — что-то черное, шишковатое, с огромной — во весь фасад — жадно разинутой пастью.

Я понятия не имел, что это такое. Даже отдаленно не представлял, как мне следует действовать.

То, что я сделал, я проделал инстинктивно, не задумываясь.

Я воспользовался винтовкой, как клюшкой для гольфа. Не знаю, почему я не выстрелил. Вероятно, на это не было времени, а может, и по какой-нибудь другой причине. Возможно, я интуитивно почувствовал, что против этой алчущей пасти пуля бессильна.

И прежде чем я осознал, что делаю, пальцы мои сжали винтовочный ствол, приклад был заброшен за спину и уже устремился вперед.

Пес проскочил мимо меня, а шишковатое страшилище было еще в воротах, когда винтовка беспощадной дубинкой со свистом рассекла воздух. Она нанесла удар, но удара не получилось. Приклад прошел сквозь черную тварь, как нож сквозь масло: тело ее расплескалось, обляпав забор, и на тротуаре растеклась лужа отвратительной клейкой жидкости.

В кустах шла какая-то возня — я понял, что вот-вот появятся другие монстры, и не стал медлить. Повернувшись, я бросился назад к машине, обежал ее и, швырнув винтовку на сиденье рядом с Джой, прыгнул в машину сам. Уходя, я не выключил мотор и сейчас в миг оторвал машину от обочины тротуара и погнал ее по улице.

Сжавшись в комок, Джой тихо всхлипывала.

— Перестань, — попросил я.

Она попыталась, но у нее ничего не вышло.

— Они всегда слишком торопятся, — подал голос Пес с заднего сиденья. — И никогда не доводят дело до конца. У них не имеется соответствующего мужского качества, чтобы выполнить задуманное, как следует.

— Иными словами, им не хватает мужества, — уточнил я.

Всхлипывания Джой мгновенно стихли.

— Кэрлтон сказал мне, что с тобой говорящая собака, — полу-

сердито, полуиспуганно проговорила она, — но я этому не верю. Что это за трюк?

— Никакого трюка тут нет, моя красавица, — промолвил Пес. — Разве у меня нечеткое произношение?

— Джой, — сказал я, — выкинь из головы все, что ты знала раньше. Расстанься со всеми своими старыми взглядами и представлениями. Забудь обо всем, что ты считала логичным, правильным и уместным. Вообрази, что ты находишься в какой-то заколдованной стране, где может случиться абсолютно все, и учти, — главным образом в ней случается что-нибудь скверное.

— Но... — начала было она.

— Но от этого никуда не денешься, — продолжал я. — То, во что ты верила сегодня утром, к вечеру обратилось в дым. Появились говорящие собаки, а на самом деле это не собаки. И кегельные шары, которые по собственному желанию могут превратиться во что угодно. Они покупают Землю, которая, быть может, уже не принадлежит Человеку, и вполне вероятно, что в эту самую минуту мы с тобой уже не люди, а затравленные крысы.

В слабом свете приборного щитка я видел ее лицо — на нем были изумление, неверие и боль, — и мне захотелось обнять ее, прижать к себе и попробовать стереть с него хотя бы часть этой муки. Но я не мог. Я должен был вести машину и постараться придумать, как нам быть дальше.

— Я ничего не понимаю, — спокойным голосом произнесла она, но за этим спокойствием угадывались ужас и огромное внутреннее напряжение. — Тот взрыв машины...

Она схватила меня за руку.

— Не волнуйся, детка, — сказал я. — Забудь об этом. Все это в прошлом. Сейчас меня беспокоит, что нас ждет впереди.

— Ты побоялся выйти к машине, — проговорила она. — Потом все ломал себе голову, в чем причина этого страха. А ведь он спас тебе жизнь.

Сзади послышался голос Пса:

— Полагаю, вам будет интересно узнать, что нами едет какая-то машина.

21 Я взглянул на зеркальце — Пес не ошибся. Следом за нами шла машина. Машина с одной горячей фарой.

— Наверно, это простая случайность, — сказал я.

Я замедлил ход и свернул налево. Машина повернула за нами. Я еще раз свернул налево, потом направо — машина повторила все наши маневры.

— Может, это полицейский патруль, — предположила Джой.

— С одной-то фарой? — возразил я. — К тому же, идя на той скорости, на которой недавно шли мы сами, они бы обязательно включили сирену и красный свет.

Я сделал еще несколько поворотов. Выехал на бульвар и прибавил скорость — следовавшая за нами машина не отставала.

— Как же нам теперь быть? — спросил я. — Я собирался вернуться в университет к Стирлингу. Ведь надо с ним все обсудить. Но сейчас это отпадает.

— Как у нас с бензином? — спросила Джой.

— Больше половины бака.

— Поедем к хижине, — предложила она.

— К хижине Стирлинга?

Джой кивнула.

— Хорошо бы забраться в его лодку и выехать на середину озера.

— А они возьмут да превратятся в чудовище озера Лох-Несс, в Несси.

— Совсем не обязательно. Может, они и не слышали о лохнесском чудовище.

— Тогда в какого-нибудь другого водяного монстра. Инопланетного.

— Паркер, нам нельзя оставаться в городе. Еще немного, и в игру включится полиция.

— Быть может, это было бы нам на руку, — заметил я.

Однако я знал, что это далеко не так. Полицейские поволокли бы нас в участок, отняли бы уйму времени, и, толкуй мы им о кегельных шарах хоть до святого пришествия, они все равно не поверят ни одному нашему слову. А если они еще обнаружат, что с нами говорящая собака! При одной мысли об этом я содрогнулся. Ведь они решат, что я чревовещатель и пытаюсь их одурачить — и уж тут-то расвирепеют не на шутку.

Я проскочил несколько кварталов и вылетел на шоссе, которое вело из города на север. Раз уж необходимо куда-нибудь уехать из города, хижина Стирлинга ничуть не хуже других мест.

На шоссе было пустынно, только изредка попадались одинокие грузовики, и я дал волю машине. Стрелка спидометра доползла до восьмидесяти пяти и остановилась. Я мог выжать из нее большую скорость, но побоялся. Впереди нас ждало несколько коварных поворотов, а мне сейчас трудно было вспомнить их точное местонахождение.

— Нас все еще преследуют? — спросил я.

— Все еще преследуют, — ответил Пес. — Но они отстали. Теперь они не так близко.

Я уже знал, что нам от них не отделаться. Разве что мы сможем немного оторваться, но совсем от них не избавишься. Они будут висеть у нас на хвосте, отстав на каких-нибудь две-три минуты, если только не потеряют, когда мы свернем к хижине. Но я не был уверен, что нам удастся скрыться за этим поворотом.

Если уж я решил отделаться от них, нужно придумать какой-нибудь другой способ.

Сейчас характер местности изменился. Мы оставили позади обработанные поля, и то там, то здесь стали появляться горбы холмов, покрытых вечнозеленой растительностью, а между ними ютились небольшие озера. И если мне не изменяла память, с минуты на минуту должны были начаться те самые опасные повороты — на протяжении нескольких миль дорога змеей извивалась между холмами с обрывистыми склонами, болотцами и озерами.

— Намного они отстали? — спросил я.

— Примерно на милю, — ответила Джой.

— Теперь выслушай меня.

— Слушаю.

— Когда мы доедем до тех поворотов, я остановлю машину и выйду. Ты сядешь за руль. Проедешь еще немного, остановишься и будешь ждать. Как только услышишь мои выстрелы, вернешься обратно.

— Ты сошел с ума! — взорвалась она. — С ними нельзя связываться. Ты же не знаешь, как они поведут себя.

— Значит, мы с ними в одинаковом положении, — сказал я. — Им ведь тоже не известно, как поведу себя я.

— Но ты ведь один...

— Я не один, — возразил я. — Со мной старушка Бетси. Она уложит наповал лося. Остановит рассвирепевшего медведя.

Мы достигли первого поворота. Я свернул на слишком большой скорости — руль рванулся из моих рук и протестующе взвизгнули шины.

Потом, не гася скорости, мы свернули вторично и наконец сделали третий поворот. Я с силой нажал на тормоз, машину занесло, и она стала почти поперек дороги. Я схватил винтовку и, открыв дверцу, выскочил на проезжую часть.

— Действуй, — приказал я Джой.

Она не стала ни возражать, ни спорить. Не вымолвила ни слова. Свои возражения она уже высказала, на мое решение они не повлияли, и на этом наш спор закончился. Девушка что надо.

Она скользнула за руль. Я отступил в сторону, и машина сорвалась с места. Задние фонари, мигнув, скрылись за поворотом, и я остался один.

Наступила гнетущая тишина. Ни звука, только тихо шуршали последние листья на случайно попавшей в гущу хвойных деревьев осине да точно привидения вздыхали сосны. На бледном небе проступали черные зубцы холмов. Пахло запустением и осенью.

Винтовка была липкой на ощупь, я потерял ее рукой. Ее покрывала какая-то клейкая масса, отвратительная клейкая масса. И от нее исходил запах, тот самый запах лосьона для бритья, с которым я познакомился сегодня утром.

Сегодня утром, подумал я, о Господи, неужели это было только сегодня утром! Я попытался мысленно вернуться назад, и мне показалось, что с тех пор прошла тысяча лет. Нет, это не могло произойти сегодня утром!

Я сделал несколько шагов по дороге и остановился на обочине. Провел рукой по винтовке, пытаясь стереть эту липкую гадость. Но она не стиралась. Ладонь только скользила по клейкой поверхности.

Через несколько секунд из-за поворота появится машина, идущая, вероятно, на большой скорости. И выстрелить я должен мгновенно и почти наугад, потому что буду стрелять в темноте.

А вдруг окажется, что это обыкновенная машина, обыкновенная человеческая машина, в которой сидят настоящие человеческие существа из плоти и крови? Что, если они вовсе не преследуют нас, а по какой-то странной случайности едут по тому же маршруту, который я избрал, чтобы от них отделаться?

При этой мысли у меня взмокло под мышками и по ребрам побежали горячие струйки пота.

Нет, это исключено, подумал я. Я кружил без цели, я сделал несчетное число поворотов, и ни в одном из них не было ни капли смысла. И тем не менее одноглазая машина неизменно сворачивала вслед за нами.

В этом месте дорога изгибалась как раз на вершине невысокого холма и потом вилась по его склону. Когда машина выскочит из-за поворота, ее силуэт на миг возникнет на фоне белесого неба — в эту секунду я и должен выстрелить.

Я приподнял винтовку и почувствовал, что у меня дрожат руки — самое скверное для задуманной мною акции. Опустив винтовку на землю, я попытался совладать с собой и унять эту дрожь. Но тщетно.

Я сделал еще одну попытку. И в то самое мгновение, когда я вновь поднял винтовку, из-за поворота вылетела машина и я увидел такое, что дрожь мою как рукой сняло: я словно прирос к месту и обрел твердость скалы.

Я выстрелил, щелкнул затвором, снова выстрелил и еще раз

передвинул затвор, но третий выстрел не понадобился. Машина сошла с дороги, опрокинулась на бок и кувырком покати́лась вниз по склону холма, с треском ломая кустарник и ударяясь о деревья. И пока она так катилась, свет единственной каким-то чудом уцелевшей фары несколько раз обмахнул небо, точно луч прожектора.

Потом этот свет погас и снова наступила тишина. Треск и грохот падения стихли, будто их и не было.

Я опустил винтовку и, не снимая пальца со спускового крючка, вернул затвор на место.

Только теперь я выпустил из легких воздух и сделал глубокий вдох.

Эта машина не имела никакого отношения к людям: в ней не было человеческих существ.

Когда она выскочила из-за поворота и перед моими глазами на секунду возник ее силуэт, за этот краткий миг я успел заметить, что единственная зажженная фара находилась не справа или слева от радиатора, а в самом центре ветрового стекла.

22 Когда я подъехал к хижине, оказалось, что перед ней в маленьком дворике стоит какая-то машина.

— Как это понимать? — спросил я, адресуясь в пространство.

— У Кэрлтона есть какие-нибудь знакомые, которым он мог бы временно уступить хижину? — спросила Джой.

— Насколько я знаю, нет, — ответил я.

Я вылез из машины, обогнул ее и остановился.

Ветер раскачивал низкорослые сосны, и они отзывались тихим скрипом. У берега посмеивались волны и — тук-тук — слышалось ритмичное постукивание: это мягко ударялась о причал лодка Стирлинга.

Джой и Пес вышли из машины и стали рядом со мной. Я не выключил мотор, и хижина была залита светом фар.

Дверь домика отворилась, на пороге показался какой-то мужчина. Видно, он одевался второпях, потому что выходя застегивал пряжку пояса. Он с минуту постоял, поглядел на нас, потом медленно спустился с невысокого крылечка. На нем была пижамная куртка и шлепанцы.

Мы ждали, не трогаясь с места, пока он неуверенно шел к нам через двор, шурясь от света фар. Скорей всего, ему было не больше сорока пяти — сорока семи лет, но выглядел он значительно старше. Лицо его заросло густой щетиной, а на голове во все стороны торчали космы нечесаных волос.

— Вы кого-нибудь ищете, братцы? — спросил он.

Он остановился футах в шести, всматриваясь в нас, но его слепил бывший в глаза свет фар нашей машины.

— Мы приехали переночевать, — сказал я. — Мы ведь не знали, что место уже занято.

— Выходит, это ваш дом, мистер?

— Нет, он принадлежит моему другу.

Человек судорожно глотнул. Я видел, как дернулся его кадык.

— Ясное дело, мы тут расположились не по праву, — произнес он. — Взяли, да и въехали. В доме-то ведь никто не живет.

— Так вот, ни у кого не спросясь, и въехали?

— Послушайте, человек хороший, — сказал тот, — неохота мне с вами ссориться. Мы, конечно, могли бы занять другой домишко — их здесь много понатыкано, — да так уж получилось, что подвернулся нам этот. Некуда нам было деваться, понимаете? А тут еще хозяйка моя расхворалась. Не иначе, как с горя. Раньше-то она у меня никогда не болела.

— А как это получилось, что вам негде жить?

— Я остался без работы, другой не нашлось, а потом и дом потеряли. Банк распорядился нас выселить за неуплату. И шериф выбросил нас на улицу. Сам-то шериф не хотел этого — служба заставила. Очень он переживал, да ничего не поделаешь.

— А что за народ в банке?

— Все какие-то новые люди, — ответил он. — Явились невесть откуда и купили банк. А вот те, что там раньше были, они бы нас не выселили. Они-то еще подождали бы.

— И помещение, в котором вы работали, тоже купили какие-то никому не известные люди, — заметил я.

Он удивленно взглянул на меня.

— А вы-то откуда знаете? — спросил он.

— Догадался, — ответил я.

— У меня была скобяная лавка, — объяснил он. — Совсем близко отсюда, при дороге. Рядом с заправочной станцией, что работает круглые сутки. Шло больше спортивное снаряжение. Охотничья и рыболовная снасть, да еще наживка. Дело не шибко выгодное. Доход был невелик, но концы с концами сводили.

Я промолчал. Мне нечего было ему сказать.

— Вы уж извините меня, — проговорил он. — Нам ведь пришлось взломать дверь с черного хода. Если б мы нашли незапертый дом, в него бы мы и въехали. Так ведь они все под замком.

— Одно из окон спальни не заперто, — сказал я. — Рама, правда, заедает, но если поднатужиться, ее можно поднять. Стирлинг никогда не запирает это окно на задвижку, чтобы его друзья могли попасть в дом, когда им вздумается сюда награться. Чтобы достать

до окна, нужно влезть на какой-нибудь деревянный чурбан или камень, но все равно проникнуть в дом совсем не сложно.

— А этот Стирлинг — он что, хозяин?

Я кивнул.

— Тогда скажите ему, что мы просим у него прощения. За то, что самовольно вселились, и за сломанный замок. Пойду, разбуджу своих, и мы живо отсюда выкатимся.

— Нет-нет, — сказал я, — оставайтесь. Вот если б у вас напало, где устроить на ночлег девушку — ей надо бы немного вздремнуть.

— Обо мне не беспокойся, — сказала Джой. — Я могу поспать и в машине.

— Вы ведь озябнете, — возразил незванный гость Стирлинга. — В эту пору на улице уже холодно.

— Тогда можно постелить на пол одеяла. Нас это вполне устроит.

— Скажите, — спросил наш новый знакомый, — почему вы на меня не осерчали?

— Приятель, — произнес я, — сейчас не время злобствовать друг на друга. Наступил момент, когда люди должны действовать заодно и заботиться друг о друге. Теперь всем нам нужно держаться вместе.

Несколько растерявшись, он с подозрением взглянул на меня.

— Вы часом не проповедник? — спросил он.

— Нет, я не проповедник, — успокоил я его и повернулся к Джой.

— Хочу подъехать к заправочной станции и позвонить Стирлингу, — сказал я. — Сообщить, что у нас все в порядке. Может, он там сидит и ждет нашего возвращения.

— А я пока пойду в дом, прикину, как вас устроить на ночь, — сказал этот человек. — Мы можем и уехать, только дайте команду.

— Успокойтесь, это отпадает, — сказал я.

Мы сели в машину, и я развернулся. Он не двинулся с места, провожая нас глазами.

— Что происходит? — спросила Джой, когда мы выехали на дорогу и покатали к главному шоссе.

— О, это только начало, — ответил я. — Цветочки. Ягодки еще впереди. Все больше будет безработных, все больше бездомных. Чтобы закрыть кредит, они скупают банки. Чтобы оставить людей без работы, они скупают и закроют фирмы и предприятия. Скупают виллы и доходные многоквартирные дома, выселят людей, и этим людям нигде будет жить.

— Но это же бесчеловечно! — возмутилась она.

— Разумеется.

Так оно и было, конечно. Ведь это же не человеческие существа. Какое им дело до судьбы человеческого рода. Род человеческий для них ничто — во всяком случае не более, чем какая-то форма жизни, мешающая использовать эту планету для других целей. Они обойдутся с людьми так же, как некогда сами люди поступили с животными, мешавшими им использовать земельные пространства. Они постараются избавиться от них любыми средствами. Оттеснят их с насиженных мест. Стонят в кучу. И сделают все, чтобы род человеческий прекратил свое существование.

Я попытался мысленно представить, как это будет осуществляться практически, но задача оказалась не из легких. Основной принцип был мне ясен, однако колоссальный размах операции не позволял охватить все детали. Ведь для того, чтобы привести к желаемому результату, эта операция должна быть глобальной. И раз уж они пролезли в провинциальный банк и какую-то занюханную придорожную лавчонку, можно с уверенностью сказать, что по крайней мере в Соединенных Штатах — насколько это касается промышленности, торговли и финансов — операция проводится в масштабе всей страны. Потому что никто не станет покупать жалкую лавчонку, пока не наложит лапу на жизненно важные для страны крупные промышленные комплексы. И никто не станет возиться с провинциальным банком, если уже не установлен контроль над более солидными финансовыми учреждениями. Кегельные шары годами скупали акций и наверняка исподволь, потихоньку занимали стратегические позиции. Ибо они никогда не позволили бы себе действовать так открыто, если б в их руках уже не находились ключевые отрасли экономики.

Есть, конечно, на земном шаре места, где эта операция не сработает. Она может принести плоды только в тех государствах, где процветает частная инициатива, где промышленные предприятия и финансовые учреждения принадлежат отдельным лицам и где природные богатства являются частной собственностью. Она не сработает в России, она не сработает в Китае, но, быть может, они обойдутся без этого. Быть может, достаточно провести такую операцию в нескольких высокоразвитых индустриальных странах. Ликвидируйте большую часть мировой промышленности, закройте крупнейшие международные финансовые учреждения, и с человечеством будет покончено. Прекратится торговля, приостановится обращение валюты, не будет кредита и, содрогаясь в бессильных потугах, погибнет то, что мы зовем цивилизацией.

Но оставался вопрос, на который пока не нашлось ответа — вопрос, крутившийся под самой поверхностью сознания и неоднократно уже всплывавший, но сразу уходивший в глубину.

Откуда взялись все эти деньги?

Ибо на проведение подобной операции нужны деньги — такое их количество, которого, пожалуй, не наберется во всем мире. И еще один вопрос, столь же актуальный. Когда и как были выплачены эти деньги?

Напрашивается ответ, что они вообще не могли быть выплачены. Ведь в противном случае банки были бы наводнены деньгами и в финансовых кругах уже заподозрили бы, что творится что-то неладное.

И обдумывая это, я вдруг вспомнил о том, что сообщил мне сегодня в конце дня Дау Крейн. Он сказал тогда, что банки буквально лопаются от невиданного притока денег. Что они переполнены деньгами. Наличными деньгами, которые люди несут к ним вот уже около недели.

Так что, может быть, они все-таки были выплачены, если не все, так большая их часть. И выплачены сразу — все платежи умышленно произвели в пределах одной недели; все сделки купли-продажи, все договора и опционы были оформлены с таким расчетом, чтобы не исказить картины финансового положения страны, чтобы не натолкнуть кого-нибудь на мысль, что происходит нечто странное.

А если уж они действуют в открытую, положение человечества безнадежно и до гибели ему остался какой-то шаг.

Но все эти предположения и умозаключения не давали ответа на тот, первый вопрос: откуда все-таки взялись эти деньги?

Понятно, что кегельные шары не выручили их за какие-нибудь товары, которые они могли привезти со своей планеты и продать на Земле. Ведь продай они некое количество этих неизвестных товаров, достаточное, чтобы сколотить из выручки рабочий капитал, это не могло бы пройти незамеченным. Если, конечно, эти товары не обладали невероятной, фантастической ценностью — не были чем-то таким, о существовании чего никто даже не догадывался; если они не были настолько ценными, что сам этот факт заставлял человека, который приобрел это таинственное сокровище, хранить его только для себя, зная, что оно обесценится, если он когда-либо решит им поделиться. Только при этом условии можно было незаметно ввезти на Землю какие-нибудь товары инопланетного происхождения.

— Сейчас мы свяжемся с биологом, который пребывает в своей лаборатории, — возвестил Пес.

— Правильно, — сказал я. — Иначе он будет недоумевать, куда мы запропастились.

— Мы должны предупредить его, — сказал Пес, — чтобы он

соблюдал величайшую осторожность. Не помню, мы это сделали или нет. Эти твари в мешке, которых мы ему отдали, способны быть исключительно коварными.

— Ну, об этом можно не беспокоиться, — заверил я Пса. — Уж Стирлинг-то примет нужные меры. Возможно, в эту самую минуту он уже знает о них больше, чем любой из нас.

— Допустим, мы сейчас позвоним ему, — проговорила Джой, — потом немного вздремнем и наступит утро. А что дальше?

— Будь я проклят, если знаю, — сказал я. — Что-нибудь сообразим. Мы обязаны что-нибудь придумать. Ведь необходимо наконец поставить людей в известность о том, что происходит. И мы должны обмозговать, в какой это сделать форме — так, чтобы они поняли и поверили нам.

Мы выехали на шоссе, и впереди блеснули огни заправочной станции.

Я подъехал к ней и затормозил перед колонкой.

Появился заправщик.

— Наполните бак, — сказал я ему. — У вас есть здесь телефон? Он ткнул большим пальцем назад, в сторону здания станции.

— Там, в углу, рядом с сигаретным автоматом.

Я вошел в помещение станции, набрал номер и, по просьбе телефониста, опустил в прорезь монету. Раздались длинные гудки.

Мне ответил чей-то голос — резкий официальный голос, который не принадлежал Стирлингу.

— Кто вы? — спросил я. — Мне нужен Кэрлтон Стирлинг.

Голос оставил мой вопрос без ответа.

— А вы кто? — в свою очередь спросил он.

Я возмущился. Меня всегда бесят подобные штучки, но сейчас я спрятал свое возмущение в карман и назвал себя.

— Откуда вы звоните?

— Послушайте...

— Мистер Грейвс, — перебил меня голос, — с вами говорит представитель полиции. Нам нужно с вами побеседовать.

— Полиция?! Что там стряслось?

— Кэрлтон Стирлинг мертв. Около часа назад сторож обнаружил его труп.

23 Я затормозил перед зданием биологического факультета и вылез из машины.

— Ты уж лучше останься здесь, — сказал я Псу. — Сторож тебя не очень-то жалует, да и я предпочел бы не объяснять полицейским, откуда вдруг взялась говорящая собака.

Пес порывисто вздохнул, продув в усах пробор.

— Пожалуй, моя персона их несколько ошеломила бы, — проговорил он, — хотя ныне покойный биолог воспринял меня очень спокойно. Намного спокойнее, смею заметить, чем вы сами.

— У него было передо мной большое преимущество, — объяснил я. — Он рассматривал тебя с истинно научной точки зрения.

А секундой позже я с недоумением спросил себя, как мог я сейчас позволить себе хотя бы намек на шутку — ведь Стирлинг был моим другом и, вполне возможно, именно на мне лежала вина за его смерть, хотя в тот момент мне не были известны обстоятельства, при которых он ушел из жизни.

Я вспомнил, как в то утро, развалясь в кресле, он спал в комнате радиопрослушивания, а жить-то ему оставалось меньше суток; вспомнил, как он легко проснулся, не рассерженный, не удивленный, и завел разговор в своем обычном сумасшедшем стиле, к которому давно привыкли те, кто его хорошо знал.

— Подожди нас, — сказал я Псу. — Мы не очень задержимся.

Мы с Джой поднялись по ступенькам, и я собрался было забабанить в парадную дверь, но она оказалась незапертой. Мы одолели лестницу — дверь в лабораторию Стирлинга была открыта настежь.

Двое мужчин, поджидая нас, сидели на лабораторном столе. Они о чем-то разговаривали, но, услышав в коридоре наши шаги, разом замолчали — мы слышали, как они прервали свою беседу — и уже молча ждали нашего появления.

Один из них был Джо Ньюмен — тот малый, который позвонил мне по поводу катившихся по дороге кегельных шаров.

— Привет, Паркер, — сказал он, прыгнув со стола. — Привет, Джой.

— Привет, привет, — отозвалась Джой.

— Это Билл Литет, — представил второго мужчину Джо Ньюмен. — Он из отдела по расследованию убийств.

— Из отдела по расследованию убийств? — переспросил я.

— Конечно, — ответил Джо. — Они ведь считают, что Стирлинга кто-то прикончил.

Я круто повернулся к сыщику.

Он кивнул.

— Он умер от асфиксии. Как будто его придушили. Однако на нем не обнаружили никаких следов насилия.

— Вы хотите сказать...

— Видите ли, Грейвс, если один человек душит другого, он оставляет на шее своей жертвы следы. Синяки, ссадины. Нужно

немало потрудиться, чтобы задушить человека насмерть. И, как правило, при этом наносятся значительные телесные повреждения.

— А на нем таких следов нет?

— Ни пятнышка.

— Так, может, он просто задохнулся. Подавился едой или питьем. Или у него была мышечная судорога.

— Док это отрицает.

Я покачал головой.

— Тут сам черт ногу сломит.

— Быть может, что-нибудь выяснится после вскрытия, — сказал Лиггет.

— Просто не верится, что он умер, — сказал я. — Я ведь видел его сегодня вечером.

— Насколько нам известно, — произнес Лиггет, — вы последний, кто видел его живым. Ведь он был жив тогда, верно?

— Живей живого.

— В котором это было часу?

— Примерно в половине одиннадцатого. А может, около одиннадцати.

— Сторож сказал, что он впустил вас. С собакой. Он хорошо это помнит, потому что не хотел тогда пускать собаку. Говорит, вы заявили, что это не собака, а подопытный экспонат. Это правда, Грейвс?

— Черт побери, конечно, нет, — ответил я. — Я пошутил.

— А почему вам понадобилось тащить с собой наверх собаку? Ведь сторож вам запретил.

— Я хотел показать ее Стирлингу. Мы с ним раньше говорили о ней. Во многих отношениях это весьма примечательный пес. Несколько дней он бродил вокруг моего дома и вел себя вполне дружелюбно.

— Стирлинг что, любил собак?

— Не знаю. Думаю, что особого пристрастия к собакам у него не было.

— А где эта собака сейчас?

— Внизу, в машине, — ответил я.

— Разве ваша машина сегодня вечером не взорвалась?

— Точно не знаю. Я только слышал об этом по радио. Они считают, что я погиб в ней.

— Но вас в машине не было.

— По-моему, на этот счет не может быть никаких сомнений, не так ли? Вы там установили, кто потерпевший?

Лиггет кивнул.

— Один сопляк, которого до этого уже раза два привлекали за

кражу машин. Крал их только для того, чтобы покататься. Проедет несколько кварталов, потом бросит машину и смоеется.

— Дело дрянь.

— Куда уж. А вы все-таки за рулем?

— Это моя машина, — вставила Джой.

— Вы, сударыня, были с ним весь вечер?

— Мы вместе поужинали, — ответила Джой. — И с тех пор я с ним не расставалась.

Умница девочка, подумал я. Ничего не говори этому фараону. Он только все испакостит.

— Вы ждали в машине, пока он с собакой был наверху?

Джой кивнула.

— Сдается мне, — проговорил Лигтет, — что сегодня вечером по соседству с вашим домом произошла какая-то потасовка. Вам что-нибудь об этом известно?

— Ровным счетом ничего, — ответила Джой.

— Не обращайтесь на него внимания, — вмешался Джо. — Он душу вымотает вопросами. У него все на подозрении. Так ведь служба у него такая. Этим он зарабатывает свой кусок хлеба.

— Черт знает что, — возмутился Лигтет. — Это надо же — вы двое замешаны в таком количестве историй, а чисты как новорожденные.

— На том стоим, — заметила Джой.

— Как вы оказались у озера? — спросил Лигтет.

— Решили туда прокатиться, — ответил я.

— Вместе с собакой?

— Конечно. Мы взяли ее с собой. С ней не соскучишься.

Пакета на крюке, куда его повесил Стирлинг, не было; насколько мне удалось заметить, его не было нигде. А оглядеться как следует я не мог, не рискуя привлечь внимание Лигтета.

— Вам придется поехать в полицию, — сказал мне Лигтет. — Вам обоим. Нужно уточнить кое-какие обстоятельства.

— Старик в курсе, — вмешался Джо. — Ему позвонили из отдела городских новостей сразу же после твоего звонка в лабораторию

— Спасибо, Джо, — поблагодарил я его. — Надеюсь, мы сумеем за себя постоять.

Однако в душе у меня не было той уверенности, которую я вложил в это заявление. Ведь если мы все вместе спустимся вниз и Пес начнет трепаться, а Лигтет его услышит, не оберешься неприятностей. К тому же в машине лежала винтовка с полупустым магазином и следами недавних выстрелов на внутренней поверхности ствола, выстрелов, которые я произвел по той машине. Мне

здорово придется попотеть, объясняя, в какую цель я стрелял и почему вообще брал с собой винтовку. В одном кармане у меня лежал заряженный пистолет, а другой был набит винтовочными и пистолетными патронами. Никто, ни один добропорядочный гражданин, если у него чиста совесть и благие намерения, не станет разгуливать с заряженным пистолетом в кармане, возя с собой в машине винтовку, из которой недавно стрелял.

Было еще много кой-чего, на чем они могли нас поймать. Более чем достаточно. Хотя бы тот телефонный звонок — когда Джой позвонила Стирлингу. Если сыщики взялись за дело всерьез, без дураков, они скоро пронюхают про этот звонок. И наверняка какой-нибудь сосед Джой, выскочивший на тот жуткий гомон, заметил стоявшую перед ее домом машину и видел, как она на полной скорости рванула по улице.

Быть может, подумал я, нам следовало бы сообщить Лиггету побольше сведений. И быть с ним пооткровеннее. Ведь стоит ему только захотеть, он запросто уличит нас во лжи.

Однако если б мы пошли по этому пути, если б мы сказали ему хоть четверть правды, уж тут-то они бы обязательно продержали нас в участке несколько часов, чтобы всласть позубоскалить над нашим рассказом или попытаться подыскать этим фактам какое-нибудь солидное научное объяснение.

Впрочем, возможно, так оно и будет, сказал я себе, все это еще вполне может произойти, но пока мы держим язык за зубами, еще есть надежда на какой-нибудь неожиданный поворот событий.

Когда я в тот свой приезд открыл коробку с винтовочными патронами, часть их высыпалась на пол. И их поднял Стирлинг. Но как он ими распорядился — отдал их мне, положил себе в карман или на лабораторный стол? Я попытался вспомнить, но не смог, хоть режь меня на куски. Если эти патроны нашли полицейские, им нетрудно будет увязать винтовку в моей машине с лабораторией, и они еще больше запутаются.

Если б мне только дали время, подумал я, я бы все объяснил. Но времени у меня не было, а сейчас такое объяснение само по себе повлечет за собой мышиную возню расследований и допросов, пронизанных непробойным скептицизмом. Поэтому, когда я наконец соберусь раскрыть людям глаза, я выберу более подходящую аудиторию, чем участковые полицейские.

Я отлично сознавал, что мне одному не расхлебать эту кашу. Но я обязан был найти человека, которому это под силу. И уж кому-кому, а полиции такой орешек не по зубам.

Я стоял там, исподтишка оглядывая лабораторию, отыскивая глазами пакет. И вдруг увидел нечто другое — на какой-то миг тут

появилось что-то еще. Уголкем глаза я заметил какое-то движение и зримый образ, сознание мое зафиксировало мимолетное вороватое движение в раковине, и у меня создалось отчетливое впечатление, что из раковины на секунду высунулась любопытствующая голова огромного черного червя.

— Ну как, пошли, что ли? — спросил Лиггет.

— О, конечно, — согласился я.

Я взял Джой за руку — ее бил озноб, но внешне это не было заметно; я почувствовал, что она дрожит, лишь прикоснувшись к ней.

— Успокойся, девочка, — сказал я. — Лейтенант только возьмет показания, и все.

— С вас обоих, — уточнил Лиггет.

— И с собаки тоже? — спросил я.

Он оскорбился. Я понял это по его виду. Черт меня потянул за язык.

Мы направились к двери. Когда мы уже подошли к самому порогу, раздался голос Джо:

— Ты уверен, Паркер, что тебе нечего передать через меня Старику?

Я быстро обернулся — лицом к нему и лейтенанту — и одарил их обоих улыбкой.

— Ни полслова, — отчеканил я.

Мы вышли в коридор, Джо шел за нами, а сыщик замыкал шествие. Он плотно прикрыл дверь в лабораторию, и я услышал, как щелкнул замок.

— Поезжайте в центр, — сказал Лиггет. — К полицейскому управлению. А я следом за вами, в своей машине.

— Благодарю, — сказал я.

Мы спустились по лестнице и, выйдя из парадного, сошли по ступенькам на тротуар.

— Пес, — шепнула мне Джой.

— Я заткну ему глотку, — успокоил я ее.

А как же иначе? На какое-то время он должен превратиться в самого обыкновенного добродушного нечленораздельно ворчащего пса. Хватало неприятностей и без его болтовни.

Но мы напрасно беспокоились.

Заднее сиденье пустовало. Пса и след простыл.

24 Лейтенант провел нас в какую-то комнатнушку, чуть побольше каморки, и оставил одних.

— Я на минутку, — бросил он, уходя.

В комнате стояли небольшой стол и несколько неудобных стульев. Она была какой-то безликой, холодной, и в ней гнетуще пахло плесенью.

Джой взглянула на меня, и я понял, что ей страшно, но она из всех сил храбрится.

— Что ж теперь делать? — спросила она.

— Понятия не имею, — ответил я. И добавил: — Прости, что я впутал тебя в эту историю.

— Но мы ведь не сделали ничего дурного, — возразила она.

В том-то и весь идиотизм нашего положения. Мы не сделали ничего дурного, а вместе с тем завязли по уши и, хотя могли, честно рассказав о том, что произошло, все объяснить, таким объяснениям никто не поверит.

— Я бы не прочь хлебнуть чего-нибудь покрепче, — сказала Джой.

Наши желания совпадали, но я промолчал.

Мы все сидели и сидели, а секунды еле тащились. Разговор не клеился, и было очень мутно.

Сгорбившись, я сидел на стуле и думал о Кэрлтоне Стирлинге, о том, каким он был замечательным парнем и как мне будет не хватать моих набегов в лабораторию, когда я неожиданно врывается к нему, наблюдал, как он работает, и слушал его рассуждения.

Должно быть, Джой думала о том же, потому что она вдруг спросила:

— Ты считаешь, что его кто-то убил?

— Не кто-то, — поправил я. — Что-то.

Я не сомневался, что его прикончили те самые штуки, которых я принес ему в полиэтиленовом мешке. Я переступил порог лаборатории, неся смерть одному из своих самых близких друзей.

— Ты казнишь себя, — произнесла Джой. — Брось, тут нет твоей вины. Откуда ты мог знать?

Что правда, то правда, знать мне было неоткуда, но это служило слабым утешением.

Открылась дверь, и в комнату вошел Старик. Один, без сопровождения.

— Поехали, — сказал он. — Все улажено. Вы здесь больше никому не нужны.

Мы встали и направились к двери.

Я смотрел на него с некоторым замешательством.

Он коротко хохотнул.

— Я не нажимал ни на какие тайные пружины, — проговорил он. — Не использовал ни капли влияния. Ни на кого не давил.

— Тогда в чем же дело?

— В заключение медицинского эксперта, — сказал он. — Причина смерти твоего друга — острый приступ стенокардии.

— Но ведь у Стирлинга было здоровое сердце, — возразил я.

— Видишь ли, им больше не за что уцепиться. А они ведь обязаны дать какое-то заключение.

— Давайте переменим обстановку, — попросила Джой. — Это помещение действует мне на нервы.

— Поедем в редакцию, — сказал Старик, обращаясь ко мне, — и опрокинем по стаканчику. Мне нужно обсудить с тобой кое-какие вопросы. Вы с нами, Джой, или вам нетерпится вернуться домой?

Джой вздрогнула.

— Я поеду с вами, — поспешно ответила она.

Я сразу понял, почему она так встревожилась. Ей до смерти не хотелось возвращаться в тот дом и слушать, как копошатся во дворе эти твари, слышать их возню, даже если их уже там нет.

— Посадите к себе Джой, — сказал я Старику, — а я поведу ее машину.

Выйдя из участка, мы едва перебросились несколькими словами. Я ожидал, что Старик начнет расспрашивать меня о взрыве машины, а может, и не только об этом, но он почти не открывал рта.

Он не разговорился даже в лифте, когда мы поднимались на его этаж. Войдя в свой кабинет, он прямым ходом направился к шкафчику с напитками и достал бутылки.

— Тебе виски, Паркер, — вспомнил он. — А что вам, Джой?

— То же самое, — ответила она.

Он наполнил стаканы и подал их нам. Потом, вместо того чтобы усесться за свой письменный стол, опустился на стул рядом с нами. Вероятно, этим он хотел дать нам понять, что сейчас он с нами на равных — не босс, а такой же, как и мы, рядовой сотрудник газеты. Подчас он доходил до смешного, стараясь продемонстрировать свою скромность, но бывали, конечно, времена, когда скромностью от него и не пахло.

Он явно хотел о чем-то поговорить со мной, но все никак не решался начать. А я не пошел ему навстречу. Сидел спокойно, потягивал виски: пускай сам выкручивается, как может. Интересно, подумал я, что именно ему известно, и имеет ли он хоть малейшее представление о том, что сейчас творится на свете.

И вдруг меня осенило, что в заключение судебно-медицинской экспертизы, возможно, и речи не было ни о каком приступе стенокардии, что Старик оказал на полицию немалое давление и бился за нас по той простой причине, что понял — или предположил, — что мне кое-что известно и эти сведения могут оказаться для него достаточно ценными, чтобы ради них выводить меня из полиции.

— Ну и денек, — проговорил он.

Я согласился, что день выдался нелегкий.

Он промямлил что-то о тупости полицейских, и я, утвердительно хмыкнув, дал понять, что придерживаюсь того же мнения.

Наконец он-таки взял быка за рога.

— Паркер, — произнес он, — ты разнюхал что-то очень важное.

— Не исключено, — отозвался я. — Только не знаю, что вы имеете в виду.

— Быть может, до такой степени важное, что кое-кто был бы не прочь отправить тебя на тот свет.

— Кто-то и впрямь пытался, — согласился я.

— Можешь мне довериться, — проворковал он. — Если нужно сохранить это в тайне, я помогу тебе.

— Я пока ничего не могу вам сказать, — произнес я. — Потому что, стоит мне об этом заговорить, вы решите, что я не в своем уме. Вы не поверите ни одному моему слову. Эти сведения таковы, что я смогу сообщить их кому-нибудь только после того, как раздобуду побольше доказательств.

Он изобразил на лице изумление.

— Значит, это настолько серьезно... — протянул он.

— Вот именно, — подтвердил я.

У меня язык чесался ему рассказать. Я жаждал с кем-нибудь поделиться. Изнемогая от желания разделить с кем-нибудь свою тревогу и страх, но только с тем, кто охотно мне поверит и с той же охотой хотя бы попытается принять какие-то меры против надвигающейся опасности.

— Босс, — сказал я, — вы можете побороть в себе неверие? Можете поручиться, что готовы признать хотя бы возможность всего того, о чем я вам расскажу?

— А ты меня испытай, — предложил он.

— К черту! Этого мне недостаточно.

— Ну ладно, тогда по рукам.

— Как бы вы отреагировали, если б я сказал, что на Земле сейчас находятся пришельцы с какой-то далекой планеты и эти пришельцы покупают Землю?

— Я бы счел тебя душевнобольным, — ледяным тоном ответил он.

Он принял это за неуместную шутку.

Я встал и поставил стакан на письменный стол.

— Этого я и боялся, — произнес я. — Я предвидел такой ответ. Джой тоже поднялась.

— Пошли, Паркер, — сказала она. — Нам тут делать нечего. Старик набросился на меня:

— Но это же не то, Паркер. Ты просто решил надо мной подшутить!

— Черта с два, — сказал я.

Мы вышли в коридор. Мне казалось, что он подойдет к двери и позовет нас обратно, но не тут-то было. Когда мы, не дожидаясь лифта, повернули к лестнице, я мельком взглянул на него через открытую дверь — он по-прежнему сидел на стуле, глядя нам вслед, словно раздумывая над тем, что лучше: затанцевать на нас обиду, или сегодня же уволить, или, может, все-таки принять во внимание мои слова — а вдруг я сказал такое неспроста. Он показался мне маленьким и далеким. Словно я взглянул на него в перевернутый бинокль.

Чтобы спуститься в вестибюль, мы отсчитали ногами ступеньки трех лестничных маршей. Право, не знаю, почему мы не воспользовались лифтом. Нам это даже в голову не пришло. Вероятно, мы просто стремились побыстрее выбраться оттуда.

Улица встретила нас дождем. Тоскливый и холодный, он еще не вошел в силу и пока только слегка накрапывал.

Мы побрели к машине и, подавленные, в нерешительности остановились перед ней, не зная, как быть дальше.

Я думал о той пакости, которая сидела тогда в моем стенном шкафу (не то, чтобы я действительно знал, что именно там скрывалось), и о том, какая участь постигла мою машину. Я не сомневался, что Джой в эту минуту вспомнились те твари, которые шастали вокруг ее дома и, возможно, рыскают там до сих пор. И независимо от того, есть они там или нет, ей еще долго будет слышаться их возня.

Она пододвинулась ко мне вплотную, и в этом промозглом мраке я молча обнял ее и крепче прижал к себе, подумав, что мы с ней, точно заблудившиеся испуганные дети, ищущие друг у друга защиты от дождя. И охваченные страхом перед темнотой. Впервые в жизни охваченные страхом перед темнотой.

— Смотри, Паркер, — произнесла она.

Она протянула мне руку ладонью вверх, — на ладони лежал какой-то предмет, предмет, который она до этого прятала в кулаке.

Я наклонился, чтобы разглядеть его получше, и в тусклом свете уличного фонаря, стоявшего в конце квартала, увидел на ее ладони ключ.

— Это ключ от лаборатории Стирлинга — он торчал в замке, — проговорила она. — Когда все отвернулись, я потихоньку его вытащила. Этот недотепа сыщик, закрывая дверь, даже не подумал о ключе. Он смертельно на тебя обиделся. За то, что ты спросил,

не собирается ли он брать показания с собаки. А о ключе и не вспомнил.

— Молодчина! — воскликнул я и, сжав ладонями, поцеловал ее лицо. Хотя, признаться, мне до сих пор не понятно, почему этот ключ привел меня тогда в такой восторг. Видно, потому, что в конечном итоге мы все-таки перехитрили представителя власти, выиграли какой-то ход в этой страшной, зловещей игре.

— Давай заглянем в лабораторию, — предложила Джой.

Я открыл дверцу и помог ей сесть в машину, потом, обойдя вокруг, сел за руль. Достал ключ, вставил его в замок зажигания и повернул, чтобы включить мотор. И когда мотор, закашляв, завелся, я инстинктивно попытался выдернуть ключ обратно, сознавая, впрочем, что уже слишком поздно.

Но ничего не случилось. Мотор добродушно урчал, работал нормально, как миленький. Никакой бомбы в машине не было.

Я покрылся испариной.

— Что с тобой, Паркер?

— Ничего.

Я включил передачу, отъехал от тротуара. И тут мне вспомнились те предыдущие разы, когда я заводил мотор, не думая ни о какой опасности, — около усадьбы "Белмонт", перед зданием биологического факультета (оттуда я отъезжал дважды), у полицейского участка, — так что, возможно, это ничем не грозило. Может статься, что, потерпев однажды неудачу, кегельные шары никогда не прибегают к тому же методу вторично.

Я свернул на боковую улицу, держа путь к Университет-авеню.

— Может, это пустая затея, — сказала Джой. — Вдруг окажется, что парадное заперто.

— Когда мы уходили оттуда, было открыто, — возразил я.

— Но ведь сторож мог его потом запереть.

Однако он этого не сделал.

Мы беспрепятственно проникли в здание и, стараясь ступать как можно тише, поднялись по лестнице.

Мы подошли к лаборатории Стирлинга, и Джой протянула мне ключ. Немного повозившись, я наконец попал ключом в скважину, повернул его и распахнул дверь.

Мы вошли, и я закрыл за нами дверь. Щелкнул замок.

Комната была слабо освещена: на лабораторном столе мерцала крохотная спиртовка, которая — я был в этом уверен — раньше тут не горела. А у стола на высоком табурете восседала какая-то странно искривленная фигура.

— Добрый вечер, друзья, — произнесла фигура.

Я безошибочно узнал этот звучный, отлично поставленный голос. На табурете сидел Этвуд.

25 Мы застыли на месте, пожирая его глазами, а он вдруг захихикал. Возможно, он собирался разразиться хохотом, но из его горла вырвалось лишь жалкое хихиканье.

— Если я выгляжу несколько необычно, — сказал он, — то это потому, что я здесь не весь. Я частично вернулся домой.

Теперь, когда наши глаза немного привыкли к полумраку, мы разглядели его получше — он был скрючен, кривобок и как-то даже маловат для человека. Невероятно худ, одна рука короче другой, а лицо перекошено и деформировано. И однако же одежда сидела на нем, как влитая, словно была сшита с учетом всех его физических недостатков.

— На то есть еще одна причина, — заметил я. — Вы ведь лишились своей модели.

Я порылся в кармане пальто и выудил маленькую куклу, которую подобрал на полу в подвале усадьбы "Белмонт".

— Я не собираюсь использовать это вам в ущерб, — сказал я.

Я швырнул ему куклу и, несмотря на скудное освещение, он ловко поймал ее укороченной рукой. И едва кукла коснулась его пальцев, она моментально растворилась в нем — словно его тело или рука были ртом, который в мгновение ока всосал ее.

Его лицо обрело симметрию, руки сравнялись в длине, бесследно исчезла кривобокость. Но зато одежда теперь сидела на нем прескверно, а короткий рукав пиджака едва прикрывал половину руки. И он все еще был меньше, гораздо меньше того Этвуда, которого я помнил.

— Благодарю, — сказал он. — Это помогает. С ней значительно легче сохранять свой облик — не нужно так сосредоточиваться.

Рукав вырастал на глазах, постепенно закрывая руку. Менялась и остальная одежда, приспособляясь к новой форме его тела.

— Хлопот не оберешься с этой одеждой, — вскользь заметил он.

— Вот почему в вашей конторе, в той, что в центре города, собран такой богатый гардероб.

Это его слегка ошеломило, но он тут же опомнился:

— Ах да, ведь вы же там побывали. Просто я запамятовал. Должен сказать, мистер Грейвс, что вы весьма оперативны.

— Профессиональное качество, — объяснил я.

— А кто это с вами?

— Простите, забыл вас представить. Мисс Кейн, мистер Этвуд.

Этвуд воззрился на нее.

— Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что никогда не встречал более бестолковой системы воспроизведения себе подобных, чем ваша, человеческая.

— А нам она нравится, — заявила Джой.

— Но она же такая нескладная и усложненная, — возразил он. — Вернее, вы сами сделали ее такой, загромодив обычаями и нравственными установками. Полагаю, что в других отношениях она безукоризненна.

— Вам это, конечно, не известно, — заметил я.

— Мистер Грейвс, — произнес он, — по-моему, вы должны понимать, что, копируя ваши тела, мы вовсе не обязаны заниматься всеми видами деятельности, вытекающими из их физиологии.

— Копируете наши тела, — проговорил я. — А может, кое-что еще? Скажем, бомбы, которые подкладывают в машины.

— Безусловно, — согласился он. — Это проще простого.

— Или капканы, которые устанавливают перед дверью?

— О, это тоже простой механизм. Как вы понимаете, в нем нетрудно разобраться. Вот если что посложнее — это уже не по нашей части.

— Но почему именно капкан? — спросил я. — Ведь вы себя этим выдали. До этого я даже не подозревал о вашем существовании. Мне и во сне не снилось, что на свете могут быть такие, как вы. Если бы не капкан...

— Вы бы все равно узнали о нас, — сказал он. — Вы из тех, кто способен сообразить, что к чему. Дело в том, что мы взяли вас на заметку. Быть может, мы изучили вас куда лучше, чем вы сами. Мы знали, на что вы способны и как, вероятнее всего, себя поведете. К тому же мы немного осведомлены о событиях ближайшего будущего. Правда, не всегда, но порой случается, что мы их можем предсказать. Есть ряд факторов...

— Да погодите вы, черт вас возьми, — перебил я его. — Вы говорите, что изучили меня. Но, конечно, не только меня, так ведь?

— Конечно. Мы знали кое-что о каждом из вас, о каждом, кто мог рано или поздно догадаться о нашем существовании. К таким людям относятся репортеры, юристы, ряд чиновников государственных учреждений, крупнейшие промышленники и ...

— И вы их всех разобрали по косточкам?

Он едва сдержал самодовольную усмешку.

— Всех без исключения.

— И взяли под прицел не только меня?

— Что за вопрос! Таких, как вы, оказалось не так уж мало.

— А потом появились капканы, бомбы и...

— О, самые разнообразные приспособления, — заверил он меня.

— Вы их убили! — взорвался я.

— Если настаиваете, назовем это так. Однако, чтобы вы не слишком фарисействовали, считаю своим долгом напомнить, что вы вернулись сейчас сюда с твердым намерением вылить в раковину какую-нибудь кислоту.

— Не спорю, — согласился я, — но теперь мне ясно, что это ничего бы не дало.

— Вполне вероятно, — сказал Этвуд, — что вы бы меня уничтожили — если не полностью, то по крайней мере большую часть моей персоны. Я ведь сидел в канализационной трубе.

— Я бы избавился от вас, — сказал я. — Но не от остальных.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Уничтожишь вас, и ваше место займет другой Этвуд. Честно говоря, я не вижу смысла в непрерывном уничтожении этих Этвудов, если на случай необходимости у вас всегда есть под рукой запасной.

— Право, не знаю, — задумчиво проговорил Этвуд. — Никак не постигну вашу породу. В вас, людях, есть нечто, не поддающееся определению и, по-моему, совершенно бессмысленное. Вы устанавливаете для себя правила поведения, кропотливо разрабатываете модели своих убогих социальных систем, но вы не систематизируете самих себя. В какой-то момент вы можете проявить поразительную глупость, а в следующую секунду блеснуть гениальным умом. И самый страшный ваш порок, самое ужасное в вас — это затаенная, прочно въевшаяся в вас вера в судьбу. Не в чью-нибудь судьбу, а именно в свою. Даже думать об этом — и то противно.

— А вот вы — вы бы не затаили на меня зла, облей я вас кислотой, — заметил я.

— Отчасти вы правы, — согласился Этвуд.

— В этом-то между нами и разница, — сказал я. — Та разница, которую вам не мешает принять во внимание. Я ненавижу вас — или вам подобных — за попытку убить меня. И в той же степени, а может, даже сильнее, я ненавижу вас за то, что вы убили моего друга.

— Докажите это, — вызывающим тоном потребовал Этвуд.

— Что значит докажите?

— Докажите, что я убил вашего друга. Насколько я понимаю, это истинно человеческий подход к такого рода вопросам. Вам удастся безнаказанно совершать любые преступления, если никто не докажет, то это ваша работа. Кроме того, мистер Грейвс, вы смешиваете различные точки зрения. А они ведь меняются в зависимости от условий.

— Иными словами, во Вселенной есть места, где убийство не считается преступлением?

— Вот именно, — подтвердил Этвуд.

Судорожно мигало пламя спиртовки, и по комнате метались изменчивые тени. Я вдруг подумал, как обыденно и банально выглядит наша беседа — мы двое, обитатели разных планет и продукты совершенно несходных цивилизаций, разговариваем друг с другом так, словно оба мы — люди. Быть может, это потому, что то, другое существо, кем бы оно ни было, приняло облик человека и усвоило человеческую речь, поступки и, возможно, до какой-то степени даже человеческие взгляды на жизнь. Интересно, подумал я, смогли бы мы общаться подобным образом, если б с нами разговаривал лежащий на табурете кегельный шар — как, скажем, беседовал с нами Пес, не двигая по-человечески губами. И могло бы существо, которое хоть на краткий период, но все-таки стало Этвудом, рассуждать так легко и свободно, если б оно не впитало в себя колоссальное количество сведений — пусть даже поверхностных — о Земле и Человеке.

Мне захотелось узнать, давно ли эти пришельцы на Земле и сколько их здесь. Быть может, долгие годы они не только терпеливо набирались знаний, но одновременно проникались самим духом Земли и Человека, изучая социальные структуры, экономические системы и организацию финансов. Я прикинул, что на это, должно быть, потребовалось немало времени, потому что с самого начала им наверняка пришлось заниматься не одним только сбором информации: углубившись в лабиринт наших законов о собственности, наших правовых систем и коммерческих операций, они, вероятно, столкнулись с факторами, не просто незнакомыми, а совершенно им чуждыми.

Джой схватила меня за руку.

— Пойдем отсюда, — сказала она. — Мне что-то не нравится этот тип.

— Мисс Кейн, — проговорил Этвуд, — мы вполне допускаем, что вы можете испытывать к нам неприязнь. Сказать по правде, мы не придаем этому никакого значения.

— Сегодня утром я говорила с одной семьей — эти люди от отчаяния потеряли голову, — сказала Джой. — И все из-за того, что им негде жить. А вечером мне встретилась другая семья, которую выбросили на улицу, потому что глава семьи остался без работы.

— Такого рода события происходили на протяжении всей вашей истории, — изрек Этвуд. — Этим вы меня не убедите. Я читал труды по вашей истории. В положении, которое мы создали, нет

ничего нового. Напротив, для вас, людей, оно очень и очень старо. Мы действовали честно и, поверьте, свято чтити букву закона.

На миг мне показалось, что мы, все трое, играем старинную комедию нравов, в которой, чтобы ярче оттенить заложенную в песе идею, чудовищно преувеличены основные пороки человечества.

Я почувствовал, как Джой крепче сжала мне руку, и понял, что, быть может, до нее впервые по-настоящему дошло, насколько аморален наш собеседник. А может, она еще осознала, что это существо, этот Этвуд — не более чем зримая проекция бесчисленной могучей орды пришельцев, пожелавших отнять у нас Землю. За существом, сидевшим на табурете, словно выделась алчная, всепожирающая тьма, налетевшая с какой-то далекой планеты, чтобы уничтожить Человека. И хуже того — не только самого Человека, но и все творения его рук, все дорогие его сердцу мечты, пусть несовершенные, как, впрочем, все мечты Человечества.

Я вдруг понял, что величайшая трагедия — не в гибели самого Человека, а в гибели всего того, за что Человек боролся, того, что он создал, и того, что он еще собирался совершить в будущем.

— Несмотря на возмущение или даже ненависть, которые может испытывать по отношению к нам человеческий род, — произнес Этвуд, — объективно мы не совершили ни одного противозаконного действия, даже если исходить из вашей собственной концепции правомерности тех или иных поступков. Ни один закон не запрещает кому бы то ни было, даже пришельцам, приобретать собственность или владеть ею. Вы сами, друг мой, и ваша дама имеете полное право купить все, что вашей душе угодно. Вы можете скупить и, если такова ваша цель, владеть ею, всю имеющуюся в мире собственность.

— Это отпадает по двум причинам, — возразил я. — Одна из них — отсутствие денег.

— А другая?

— Это неприлично, — ответил я. — Ведь такое не принято. Пожалуй, есть еще и третья причина. Так называемые антитрестовские законы.

— Ах, это, — протянул Этвуд. — О них-то мы неплохо осведомлены и приняли кое-какие меры.

— Не сомневаюсь.

— Если смотреть в корень, — сказал Этвуд, — то единственное, что действительно необходимо для проведения подобной операции, — это деньги.

— Вы так говорите о деньгах, словно их назначение для вас

открытие, — сказал я, уловив это в его тоне. — Неужели деньги существуют только на Земле и нигде больше?

— Смешно вас слушать, — отрезал Этвуд. — Разумеется, в космосе существует своего рода торговля и соответственно — средства обмена. Средства обмена, но не деньги в вашем понимании. Здесь, на Земле, деньги — это нечто большее, чем те бумажки и кусочки металла, которыми вы пользуетесь для обмена, нечто большее, чем ряды цифр, выражающие их количество. Здесь, на Земле, вы вкладываете в деньги такой символический смысл, которым не обладает ни одно из известных мне средств обмена. Вы превратили деньги в символ могущества и добродетели, а их недостаток вызывает у вас презрение и даже считается чуть ли не преступлением. Деньги для вас — это мерило человеческих качеств, мерило успеха, почти что святыня.

Промолчи я, и он бы еще долго тянул эту волюнку. Его так и подмывало произнести полновесную проповедь. Но я заткнул ему рот.

— Взгляните на этот бизнес с практической точки зрения, — сказал я. — Прежде чем вы доведете свою операцию до конца, вам придется выложить огромную сумму денег, куда большую, чем вы заплатите за саму Землю, — сумму, которая намного превысит ее стоимость. Вы будете увольнять людей с работы, лишать их крова, и кто-нибудь непременно попытается хоть как-то им помочь. Чтобы облегчить участь своих граждан, каждое правительство Земли разрабатывает программы помощи и учредит пособия, а чтобы покрыть эти расходы, возрастут налоги. Налоги, которые, учтите, будут взиматься с той самой приобретенной вами собственности. Вы лишаете людей работы, вы отнимаете у них жилье, но забота о них все равно ляжет на ваши плечи, и, чтобы им помочь, вам придется платить налоги.

— Я вижу, — с издевкой проговорил Этвуд, — что от жалости к нам у вас прямо сердце обливается кровью. С вашей стороны это так гуманно, и я вам глубоко за это признателен. Но вы терзаетесь понапрасну. Мы будем платить налоги. С превеликой охотой.

— Вы можете свергнуть правительства, — сказал я, — и тогда не будет никаких налогов. Впрочем, вы, верно, уже прикидывали выгоду такого варианта.

— Конечно, нет, — отрубил Этвуд. — Нам это никогда и в голову не придет. Ведь это незаконно. А мы, друг мой, законы не преступаем.

И это было из рук вон плохо. Хуже не придумаешь.

Потому что под контролем пришельцев окажутся все природные богатства, вся земля, все, что на этой земле выстроено, — и ни

землю, ни все остальное они не будут использовать по прямому назначению. Не будут пахать, не будут возвращать урожай. Не повернется ни одно заводское колесо. В шахтах приостановится добыча руды. Прекратится рубка леса.

Люди лишатся не только своей собственности, но и всего, что они унаследовали от предыдущих поколений. Вместе с землей, заводами, работой, вместе с магазинами и товарами уйдут надежды, стремления, стимулы, вера — все, что делало человека человеком.

В принципе не так уж важно, какое количество собственности приобрели на Земле пришельцы. Им совсем не обязательно скупить все. Необходимо только остановить промышленное производство, придушить торговлю и подорвать основы финансовой системы. Как только это будет достигнуто, придет конец трудовой деятельности, кредиту и коммерческим операциям. И будут похоронены мечты и чаяния человечества.

То, что пришельцы скупали жилые дома, по сути дела не имело особого значения — ведь если они преуспеют в остальном, четыре стены, которые человек зовет своим домом, станут его могилой. Одно из двух: либо жилые строения приобретались только с целью устрашения, либо — и это было также вероятно — пришельцы до сих пор еще не поняли, как мало им нужно потратить усилий, чтобы нанести решающий удар.

Чтобы не дать людям умереть с голоду и по возможности обеспечить им крышу над головой, будут, конечно, выдаваться пособия и разрабатываться программы помощи. А уж деньги на пособия найдутся, потому что это племя пришельцев с радостью будет платить налоги. Но при таком положении вещей деньги совершенно обесценятся и потеряют силу. Не все ли равно, сколько стоит картофель или булка, если съедена последняя картофелина и нет больше муки, чтобы испечь хлеб?

Когда люди разберутся в обстановке, они ринутся в бой, чтобы вернуть утраченные богатства. На борьбу поднимутся не только народные массы, но и правительства. Однако к тому времени пришельцы, несомненно, успеют подготовиться к обороне и, возможно, придумают такое, о чем сейчас и не догадываешься. Не исключено, что они изберут стратегию выжженной земли, предав огню или как-нибудь иначе уничтожив жилые строения, заводы и все остальное, чтобы Человек не мог вновь завладеть тем, с помощью чего он добывал себе средства к существованию. И тогда Человеку только и останется, что бороться за землю, но опустошенная земля не удовлетворит его потребности.

Я был уверен, что, если немедленно предпринять какие-нибудь меры, с пришельцами еще можно разделаться. А для этого необхо-

димо, чтобы люди с готовностью безоговорочно поверили в то, что все это не выдумка, а происходит на самом деле. Но никто же не поверит! Я с горечью вынужден был признать, что весь жестокий смысл этой ситуации полностью дойдет до сознания людей лишь тогда, когда мир будет ввергнут в хаос, а к тому времени, увы, будет слишком поздно.

И стоя там, я понял, что потерпел поражение и вместе со мной потерпела поражение Земля.

Уэллс некогда писал о вторгшихся на Землю пришельцах. А после него еще немало писателей изощряли свою фантазию, описывая нашествия инопланетян. Но ни один из них, подумал я, даже не приблизился к истине. Ни один из них не сумел предугадать, как это произойдет в действительности, и как та самая система, которую мы ценой великих мучений создавали веками, теперь обернулась против нас — как свобода права собственности оказалась ловушкой, которую мы сами себе уготовили.

Джой потянула меня за руку.

— Ну пойдем же, — сказала она.

Мы повернулись и направились к двери.

За нашей спиной раздался смехок Этвуда.

— Загляните ко мне завтра, — бросил он мне вслед. — Кто знает, может мы с вами еще столкнемся.

Снаружи уже шел настоящий дождь. Не ливень, а устойчивый, надолго зарядивший дождь, от которого становится тоскливо на душе и опускаются руки. В воздухе ощутимо похолодало. Такая вот ночь, подумал я, как нельзя лучше подходит для крушения нашего мира. Нет, не крушения — это чересчур драматично. Скорее осадки. Именно такой ночью и должен медленно осесть ослабленный, истощенный мир, не сознающий ни своей слабости, ни тем более ее причины, — осесть настолько плавно, что он даже не заметит своего падения и спохватится лишь тогда, когда будет разрушен полностью.

Я открыл перед Джой дверцу машины, но, прежде чем она успела сесть, быстро захлопнул ее обратно.

— Я забыл, — объяснил я, — что там может быть бомба.

Она взглянула на меня и, подняв руку, отбросила упавшую на глаза прядь волос.

— Едва ли, — возразила она. — Он ведь назначил тебе свидание. На завтра.

— А, пустая болтовня, — отмахнулся я. — Его манера придуливаться.

— Есть там бомба или нет, а я не пойду в город пешком. В такой поздний час, да еще под дождем. Раньше-то ее ведь не было.

— Дай-ка я сяду в машину и заведу мотор. А ты отойди подальше.
— Нет уж, — решительно сказала она. Протянула руку и распахнула дверцу.

Я обошел машину, сел за руль. Повернул ключ, и мотор завелся.

— Вот видишь! — воскликнула Джой.

— Но она все-таки могла тут быть, — не сдавался я.

— Допустим. Но мы ведь не можем жить в вечном страхе перед этой бомбой, — сказала она. — Если они захотят нас убить, в их распоряжении миллион других способов лишить нас жизни.

— Они убили Стирлинга. И, вероятно, не его одного. На мою жизнь они уже покушались дважды.

— И оба раза неудачно, — напомнила она. — Мне почему-то кажется, что они больше на это не пойдут.

— Интуиция?

— Паркер, они ведь тоже могут обладать интуицией.

— А при чем тут их интуиция?

— Может, и ни при чем. В общем-то я имела в виду другое. Я хотела сказать, что, сколько бы они ни изучали нас, как бы — в интересах дела — ни старались на нас походить, они никогда не научатся мыслить, как мы.

— Поэтому ты считаешь, что после двух неудачных покушений на чью-либо жизнь они должны оставить этого человека в покое. Ты это имеешь в виду?

— Не совсем, хотя такое тоже возможно. Во всяком случае они никогда не прибегнут к одному и тому же способу дважды.

— Значит, впредь я могу не опасаться бомб, капканов и засад в стенном шкафу?

— Возможно, это у них от суеверия, — продолжала она. — А может, таков их образ мышления. Или их логика, о которой мы не имеем ни малейшего представления.

Я понял, что она все время думала только об этом, пытаюсь разложить все по полочкам. Ее хорошенькая головка была наполнена всевозможными предположениями и догадками и непрерывно перемалывала немногие известные нам реальные или кажущиеся факты. Но для нас это темный лес, подумал я. Мы слишком мало знали, чтобы по-настоящему в этом разобраться. С человеческим складом мышления нечего и пытаться думать за пришельцев, когда не знаешь, как именно они мыслят. А если даже это было бы известно, нет никакой гарантии, что процесс человеческого мышления можно втиснуть в чуждое ему русло.

Джой подошла к этому с другого конца. По ее словам, пришельцы, как бы они к этому ни стремились, никогда не смогут мыслить по-человечески. Но при этом у них было куда больше шансов

мыслить по-нашему, чем у нас — мыслить, как они. Они ведь изучали нас — одному богу ведомо, с каких пор. И их было много; сколько — этого тоже никто не знал. А что, если я заблуждаюсь? Не может ли оказаться, что на Земле только один пришелец, раздробленный на отдельные элементы — каждый размером с кегельный шар — так что одно-единственное существо способно быть одновременно в нескольких местах и нескольких обликах?

Но даже если это самостоятельные индивидуумы, если каждый кегельный шар представляет собой отдельную особь, между ними существует такая тесная связь, о которой Человеку не приходится и мечтать. Ведь для того, чтобы, скажем, создать Этвуда или ту девушку, с которой я повстречался в баре, потребовалось множество таких шаров: чтобы соорудить из себя подобие человека, они должны объединиться в большие группы. И формируя из себя человека или еще что-нибудь, они действуют заодно; тогда-то, должно быть, они фактически превращаются в единый организм.

Миновав последнюю улицу студенческого городка, мы выехали на пустынную Университет-авеню, и я повернул к городу.

— Куда теперь? — спросил я.

— Только не ко мне, — проговорила Джой. — А вдруг они все еще там.

Я кивнул, прекрасно понимая, что она чувствует. И мысленно вернулся к тем тварям, которые шныряли в ее дворе. Что это было такое? Имитация какой-нибудь свирепой зверюги, обитающей на неведомой далекой планете? А может, целая кунсткамера чудовищ и не с одной планеты, а с нескольких? Богатый ассортимент омерзительных форм жизни, возможно, созданных скорее для устрашения, чем с целью нанести реальный ущерб. Или же их использовали как приманку, чтобы собрать нас троих — Джой, Пса и меня — в одном месте. Но если они собирались всех нас убить, они и на этот раз просчитались.

Пес вроде бы что-то говорил о нерешительности кегельных шаров, о том, что они никогда не проявляют достаточной настойчивости, ограничиваясь полумерами. Я попытался вспомнить, что конкретно он тогда сказал, но память мою застлало туманом. Она перенасытилась информацией.

И еще меня занимало таинственное исчезновение Пса.

— Паркер, — сказала Джой, — нам необходимо немного отдохнуть. Мы должны найти какое-нибудь сухое помещение и хотя бы часа два поспать.

— Угу, — согласился я. — Я сам об этом подумываю. Моя квартира...

— Твоя квартира отпадает. Она сейчас ничуть не лучше моего дома. Хорошо бы найти какой-нибудь мотель.

— Джой, у меня в кармане несчастные один-два доллара. Я забыл зайти за чеком.

— А мой уже обращен в наличность, — сказала она. — Так что я при деньгах.

— Джой...

— Да-да, понятно. Оставь это. Все нормально.

Мы продолжали ехать по Университет-авеню.

— Который час? — спросил я.

Она подставила запястье под свет, падавший с приборного щитка.

— Около четырех, — ответила она.

— Ну и ночка, — обронил я.

Она устало откинулась на спинку сиденья и повернула ко мне лицо.

— Не говори, — подхватила она. — Взлетела на воздух одна машина с каким-то бедолагой — слава Богу, что это был не ты; убит близкий друг, убит каким-то таинственным существом с другой планеты, и на его теле не обнаружено никаких следов насилия; ко всем чертям полетела репутация одной девицы, которая так хочет спать, что готова улечься где угодно...

— Да будет тебе, — прервал я.

Я свернул с авеню.

— Куда сейчас, Паркер?

— В редакцию. Мне нужно заказать телефонный разговор. Междугородный. С равным успехом его может оплатить и газета.

— Разговор с Вашингтоном?

Я кивнул.

— С сенатором Роджером Хиллом. Пора уже с ним поговорить.

— В такой ранний час?

— Роджу можно звонить в любое время. Он ведь слуга народа, не так ли? Во всяком случае он заявляет об этом во всеуслышание. Во время предвыборной кампании. А стране — всей этой проклятой стране — сейчас позарез необходим человек, посвятивший себя службе народу.

— За этот звонок он тебя не погладит по головке.

— А я на это и не рассчитываю.

Я остановил машину у обочины напротив темного здания редакции. Там лишь слабо светились окна третьего этажа и типографии, которая помещалась на первом.

— Пойдешь со мной?

— Нет, — ответила она. — Я останусь. Запру дверцы и подожду тебя здесь. Заодно прослежу, чтобы не заминировали машину.

26 В отделе не было ни души, там царил та специфическая атмосфера холодного ожидания, которая свойственна пустым редакционными помещениям. Где-то, конечно, бродили уборщики, но я не встретил ни одного; нигде не было видно и Лайтнинга, редакционного мальчика на побегушках, которому полагалось сейчас находиться при исполнении служебных обязанностей. Скорей всего он отправился по каким-то своим таинственным личным делам либо прикорнул в укромном уголке, чтобы урвать часок-другой сна.

Кое-где горели лампы, но их сияние лишь подчеркивало призрачность теней, подобно свету далеких уличных фонарей на окутанном туманом бульваре.

Я прошел к своему столу, сел на стул и протянул руку к телефону, но трубки не снял. Я застыл, напрягая слух, и, хоть убей, если я знал, к чему прислушиваюсь — разве что к тишине. Комната безмолвствовала. Я не уловил даже намека на какой-нибудь звук. И мне показалось, что в эту минуту такое же безмолвие царит во всем мире, что тишина этой комнаты, просочившись сквозь стены, обволокла нашу планету, заглушив все звуки Земли.

Я медленно снял трубку и набрал номер. Мне ответил сонный голос телефонистки, в нем послышались нотки вежливого недоумения, словно она тоже не прочь была мне напомнить, что такому великому человеку, как сенатор, не звонят в столь неурочный час. Но она была достаточно хорошо вышколена и ограничилась тем, что попросила подождать ее звонка.

Я положил трубку на рычаг, откинулся на спинку стула и попытался собраться с мыслями, но уже давала себя знать бессонная ночь, и мозг мой объявил забастовку. Только теперь я впервые почувствовал, до какой степени вымотан.

Я сидел точно в тумане: далекими уличными фонарями светили редкие лампы и ни один звук не нарушал окружавшей меня тишины. И в моем усталом мозгу, который уже отказывался думать, слабо шевельнулась мысль о том, что, быть может, такова в эту ночь вся Земля — притихшая, усталая планета, выдохшаяся, безразличная ко всему планета, которая с безразличным равнодушием катится к своей гибели, и всем на это наплевать.

Зазвонил телефон.

— Говорите, мистер Грейвс, — объявила телефонистка.

— Хелло, Родж, — сказал я.

— Паркер, ты? — донеслось издалека. — Какого дьявола ты колобродишь в такой поздний час?

— Важное дело, Родж, — сказал я. — Ты же знаешь, что иначе я не стал бы тебя беспокоить.

— Надеюсь. Я заснул всего часа два назад.

— Пришлось из-за чего-то засидеться допоздна, сенатор?
— Так, небольшое совещание. Обсуждали кое-какие вопросы.
— Кто-нибудь встревожен, Родж?
— Чем? — спросил он голосом, ровным и гладким, как ледяной каток.

— Хотя бы невиданным изобилием денег в банках.

— Послушай, Паркер, — проговорил он, — если ты пытаешься из меня что-нибудь вытянуть, попусту тратишь время.

— Я из тебя ничего не вытягиваю. Напротив, сам хочу тебе кое-что сообщить. Если только ты меня выслушаешь, я расскажу, что сейчас происходит. Объяснить это не так-то просто, но тем не менее мне хотелось бы, чтобы ты мне поверил.

— Слушаю тебя.

— У нас на Земле сейчас находятся пришельцы, — сказал я. — Существа из космоса. Я их видел собственными глазами, разговаривал с ними и...

— Теперь мне все ясно, — перебил меня сенатор. — Завтра ведь суббота и ты не упустил возможности надратись.

— Ничего подобного, — запротестовал я. — Я трезв как...

— Ты получил свой чек и отправился...

— Но я даже не зашел за чеком. Так зашился, что он совершенно вылетел у меня из головы.

— Вот теперь я уже не сомневаюсь, что ты пьян в стельку. Такого не бывает, чтобы ты забыл про чек. Уж ты всегда тут как тут, стоишь в очереди в кассу с протянутой лапой...

— Да выслушай меня наконец, черт тебя дер!

— Ползи обратно в постель и проспись, — приказал сенатор. — А если потом у тебя не пропадет охота со мной покалякать, позвони утром.

— Чтоб ты провалился! — взревел я, но мое проклятье повисло в воздухе. Он уже положил трубку. И мне ответила лишь мертвая пустота гудков.

Меня так и разбирало хлопнуть трубкой, но я этого не сделал. Что-то меня удержало — быть может, мою ярость подавила горечь от полной неудачи.

Я сидел, сжимая в руке трубку, из которой несли далекий комариный писк опустевшей линии; я уже знал, что надеяться больше не на что: мне никто не поверит, ни один человек не прислушается к моим словам. Как будто все они — этвуды, подумал я, как будто каждый из них — лишь имитация человека, созданная из заполнившей Землю чужеродной материи.

А если вдуматься, это не такой уж бред, сказал я себе. Это и

вправду могло произойти. И сотворить такое было бы как раз в духе пришельцев.

По спине у меня забегали ледяные мурашки, а я все сидел за столом, сжимая трубку, — самое одинокое человеческое существо на Земле.

Могло ведь оказаться, что я на самом деле остался в полном одиночестве.

Что, если сенатор Роджер Хилл вовсе не человек, не тот, кем он был, скажем, лет пять назад? Что, если тело настоящего, подлинного Роджера Хилла запрятано в каком-то тайнике, а я только что разговаривал с поддельным Роджером Хиллом, с Роджером Хиллом — пришельцем? Что, если Старик — не Старик, а некое омерзительное существо, принявшее его облик? Что, если какую-нибудь крупную стальную компанию уже возглавляет не человек, а оборотень? Что, если пришельцы одного за другим убрали виднейших промышленников и политических деятелей и их места заняли существа из другого мира, перевоплотившиеся с таким совершенством и так прекрасно обо всем осведомленные, что в их подлинности не усомнились их собственные коллеги и семьи?

Что, если женщина, которая ждала меня в машине, была не...

Стоп, одернул я себя, это же чистое безумие. Психоз какой-то. Больная фантазия, порожденная мозгом, настолько потрясенным и измученным, что он потерял способность к нормальному мышлению.

Я положил трубку на рычаг и отодвинул от себя аппарат. Медленно поднявшись на ноги, я встал во весь рост, окруженный пустотой и безмолвием; тело мое бил озноб.

Потом я спустился по лестнице и вышел на улицу, где меня ждала Джой.

27 "Мест нет" — вспыхивали и гасли буквы светящегося объявления, роняя красные и зеленые блики на черную гладь мокрого асфальта. Вспыхивали снова и снова, предостерегая мир. А позади, в глубине двора, маячили темные блоки мотеля; над каждой дверью горела маленькая лампочка и, отражая переменчивые вспышки букв, мягко поблескивали припаркованные машины.

— Когда на постоялом дворе нет свободных мест, — произнесла Джой, — чувствуешь себя лишним.

Я кивнул. Мы уже проехали мимо четырех переполненных мотелей. Этот был пятым. Правда, не все объявления мигали, как это, но они неизменно были на каждом, слабо светясь в ночи. И хотя в эти вспышки не был заложен какой-то особый смысл, такое объявление впечатляло больше, чем остальные. Казалось, будто оно

с мрачным упорством настойчиво вдалбливало людям, что отныне для них нет места на Земле.

Итак, пять мотелей, оповещавших об отсутствии мест, и один вообще безо всякого объявления — запертый, темный и пустой: уголок, наглухо отгородившийся от всего мира.

Я замедлил ход и, нажав на тормоз, плавно остановил машину. Мы усталились на мигающее объявление.

— Этого следовало ожидать, — проговорила Джой. — Как это мы не сообразили! Те люди, которые не могут найти себе жилье — это они нас опередили. И возможно, кое-кто из них даже на несколько недель.

Дождь не стихал. Уныло поскрипывали "дворники".

— Может, мы тут и впрямь дали маху, — сказал я. — Может, все-таки...

— Нет, — перебила она. — Ни о твоей квартире, ни о моем доме даже не заикайся. Я скорее умру, чем поеду туда.

Мы тронулись дальше. Еще два мотеля — еще два объявления, сообщавших об отсутствии мест.

— С ума сойти можно! — воскликнула Джой. — Везде все занято. В отелях, верно, творится то же самое.

— Не отчаивайся, — сказал я. — Может, еще найдется для нас местечко. Помнишь тот мотель, на котором не было объявления? Тот, что был закрыт?

— Но в нем ведь темно. Он пуст.

— Зато в нем мы укроемся от непогоды, — сказал я. — И у нас будет крыша над головой. Тому человеку на берегу озера пришлось взломать замок. Почему бы нам не последовать его примеру?

Я повернул, не доезжая до конца квартала. Сейчас это было безопасно — ни вслед за нами, ни навстречу не шло ни одной машины.

— Ты помнишь, где он находится? — спросила она.

— Кажется, помню, — ответил я.

Однако я все-таки проскочил мимо и пришлось возвращаться назад. Вот наконец и он — ни вывески, ни огонька, ни души вокруг.

— Куплен и закрыт, — сказал я. — Закрыт безо всяких проводочек. Это тебе не многоквартирный дом, где нужно предупреждать жильцов заранее.

— Ты так считаешь? — спросила Джой. — По-твоему, этот мотель купил Этвуд?

— А иначе зачем было его закрывать? — в свою очередь спросил я. — Тебе не кажется, что, будь у него другой хозяин, он был бы открыт? При нынешнем-то спросе.

Я свернул на дорогу, которая некруто спускалась к строениям

мотеля. Свет фар скользнул по стоявшей перед одним из блоков машины.

— Нас уже кто-то опередил, — заметила Джой.

— Не волнуйся, — сказал я. — Все в порядке.

Я проехал двор и затормозил: осветив фарами другую машину. Сквозь затуманенное дождем стекло на нас с испугом смотрели бледные, с расплывшимися контурами лица.

Немного повременив, я вылез из машины. У той машины открылась дверца со стороны водителя, показался какой-то мужчина. Он направился ко мне, шагая в веере света наших фар.

— Вы ищете, где бы переночевать? — спросил он. — Напрасный труд — везде все занято.

Это был средних лет человек, хорошо одетый, хотя его платье нуждалось в глажке. На нем было новое пальто, шляпа из дорогого магазина, а под пальто — элегантный деловой костюм. Ботинки его были свежо вычищены, и их облепили блестящие бусинки дождевых капель.

— Я знаю точно, что нигде нет мест, — продолжал он. — Я уже справлялся. И не только сегодня — я занимаюсь этим каждый вечер.

Я молча кивнул, чувствуя, как мои внутренности сжимаются в плотный твердый комок. От его вида у меня тоскливо защемило сердце. Вот и еще один бездомный.

— Сэр, — проговорил он, — вы не объясните мне, что сейчас творится на свете? Вы ведь не полицейский, правда? Впрочем, это не имеет значения.

— Нет, я не фараон, — сказал я.

Судя по его тону, он был на грани истерики — голос человека, который вот-вот рухнет под тяжестью свалившихся на него невзгод. Человека, на глазах у которого день за днем постепенно разваливался сколоченный им мирок, а он был бессилен этому помешать.

— Я в том же положении, что и вы, — сказал я. — Ищу конюшню.

Мне почему-то вдруг вспомнилось, как Джой назвала мотель постоянным двором.

Сейчас подобная острота была явно не к месту, но он, видимо, этого не заметил.

— Мое имя — Джон Куинн, — представился он. — Я — вице-президент страховой компании. Зарабатываю около сорока тысяч в год и, как видите, мне негде жить, негде укрыть мою семью от дождя. Если, конечно, не считать машины.

Он заглянул мне в глаза.

— Обхохотаться можно, — проговорил он. — Ну, смейтесь же!

— Мне не до смеха, — сказал я. — Вам меня не рассмешить.

— Почти год назад мы продали свой дом, — продолжал Куинн.

— На условии долгосрочной аренды. Мне предложили за него такую цену, о которой я и не мечтал. Понимаете, мы собирались купить дом побольше. Семья ведь росла. Нам очень не хотелось продавать наш старый дом. Он был такой уютный. Да и привыкли мы к нему. Но нам стало в нем тесновато.

Я кивнул. Все та же история.

— Послушайте, — сказал я, — хватит нам мокнуть под дождем.

Но он словно оглох. Он испытывал неодолимую потребность выговориться. Его распирало от желания излить душу. Быть может, я был первым человеком, с которым он мог по-настоящему поделиться, — человеком, который, как и он, рыскал по городу в поисках пристанища.

— Разве мы могли предположить, что так получится? — продолжал он. — Нам казалось, что все очень просто. При наличии договора о долгосрочной аренде у нас впереди было достаточно времени, чтобы подыскать себе подходящий дом. Но мы его так и не нашли. Нам, конечно, попадались объявления. Но мы всегда опаздывали. Приедешь, а дом уже продан. Тогда мы обратились к строительным подрядчикам, но никто из них не брался выстроить дом раньше, чем через два года. Одному или двум я даже попытался дать взятку, но безрезультатно. Все в один голос твердили, что завалены заказами. Многие нахватили до ста подрядов, а то и больше. Что-то невероятное, правда?

— Да, просто не верится, — согласился я.

— По их словам, сумеи они нанять больше рабочих, они бы выполнили мой заказ. Но рабочих нет и в помине. Все они заняты. Ни один не сидит сложа руки.

Мы попросили продлить срок нашего пребывания в доме — сперва на месяц, потом на два, и наконец — на три, но пришел день, когда мы уже обязаны были передать собственность владельцу. Я предложил покупателю пять тысяч отступного, если он аннулирует сделку, но получил отказ. Он сказал, что очень сожалеет, но дом им куплен и этот дом ему нужен. Напомнил, что дал мне три месяца сверх договоренного срока. И, бесспорно, был прав.

Нам некуда было податься. У нас нет родственников, у которых можно попросить приют. Во всяком случае, в этом городе. Мы, правда, могли бы отослать детей в деревню к какой-то дальней родне, но нам очень не хотелось разбивать семью, а кроме того, кое-кто из этих родственников сам оказался в затруднительном положении. У нас, конечно, полно друзей, но ведь друзей не попросишь, чтобы они разделили с тобой свой дом. Не дай Бог, чтобы

они вообще узнали, в какую ты попал переделку. Тут уж гордость не позволит пожаловаться. Из последних сил изображаешь полное благополучие в надежде, что все образуется.

Я, конечно, перебрал все возможности. Отели и мотели забиты до отказа. Свободных квартир нет. Я пытался купить трейлер. Так оказалось, что нужно записаться на очередь. Великий Боже, список желающих на пять лет вперед!

— Поэтому-то вас и занесло сюда сегодня ночью, — подытожил я.

— Да, — подтвердил он. — Мы не на улице, и за это спасибо. Тут хоть тебя не будят проезжающие мимо машины. И нет пешеходов. Но как же это тяжело. Особенно для жены и ребятишек. Скоро месяц, как мы живем на колесах. Когда повезет, едим в ресторанах, но обычно в них яблоку негде упасть. Большей же частью мы питаемся в кинотеатрах, в тех, что на открытом воздухе, а иногда покупаем какую-нибудь провизию, выезжаем за город и устраиваем пикник. Когда-то пикники были развлечением, но то время прошло. Мы пользуемся туалетами заправочных станций. Белье стираем в прачечных самообслуживания. Каждое утро я езжу на работу; потом жена отвозит детей в школу. А пока они в школе, мечется по городу в поисках жилья. К концу рабочего дня они все заезжают за мной в контору и мы отправляемся искать место, где можно перехватить кусок.

— Мы выдержали месяц такой жизни, — добавил он. — Но долго мы так не протянем. Дети все спрашивают, когда у нас снова будет дом, да и зима на пороге. Мы не сможем жить в машине, когда грянут морозы и пойдет снег. Если мы не подыщем себе жилье, придется уехать в какой-нибудь другой город, где можно найти дом, квартиру, что угодно, — мы согласны почти на любое помещение. Я буду вынужден уйти с работы и...

— Переезд вам ничего не даст, — перебил я. — Ехать некуда. Везде одно и то же. Так сейчас повсюду.

— Мистер! — воскликнул Куинн высоким, срывающимся от отчаяния голосом. — Объясните мне, в чем дело? Что все-таки происходит?

— Кто его знает, — пожал я плечами. Не мог же я сказать ему правду. Ему и без того было тошно. Для него лучше, если он проведет эту ночь в неведении.

Так оно и будет, подумал я. Повсеместно. Население земного шара превратится в кочевников, которые будут скитаться в надежде набрести на места получше, а таких мест уже днем с огнем не сыщешь. Вначале они будут кочевать семьями, потом, возможно, объединятся в племена. Со временем многих сгонят в резервации

или специально для них отведенные области типа резерваций, ибо только при этом условии уцелевшие правительства сумеют оказать им хоть какую-нибудь помощь. Но до самого конца не переведутся бродяги, которые будут остервенело биться за крышу над головой и всеми правдами и неправдами раздобывать себе пропитание. Вначале, в первом порыве бешенства, им, возможно, посчастливится захватить какие-нибудь жилые строения: свои собственные дома или чужие — неважно. На первых порах они будут драться за пищу, воровать продукты, припрятывать в тайники запасы. Но дома пришельцы либо сожгут, либо разрушат каким-нибудь иным способом. Они превратят их в руины, пользуясь своим неограниченным правом собственности, и едва ли этому можно будет помешать, поскольку они будут действовать втихую. И с чистой совестью, ведь как полноправные владельцы этих домов, они сочтут такое обращение со своей собственностью вполне законным, и пожарам не будет конца. И нет на них никакой упрям, а если и есть, то сразу ее не найдешь. Ведь с эвдудами не вступишь в рукопашную, не дашь бой кегельным шарам. Их можно только ненавидеть. Их трудно изловить, не менее трудно уничтожить, и у них всегда поблизости есть крысиная нора, через которую они могут улизнуть в другой мир.

И придет время, когда не останется больше жилых строений, кончится пища, хотя, вопреки всему, Человек, возможно, еще будет кое-как влачить жалкое существование. Но из каждой тысячи людей останется только один, и, когда наступит этот день, пришельцы окончательно выиграют войну, которой на самом деле и не было. И Человек из хозяина планеты превратится в затравленное животное.

— Мистер, — прервал молчание Куинн, — я не знаю вашего имени.

— Меня зовут Грейвс, — сказал я.

— Так что же вы скажете, Грейвс? Что будем делать дальше?

— То, что вам следовало сделать с самого начала, — ответил я. — Мы с вами сейчас взломаем дверь и войдем в помещение. Вы и ваша семья будете спать под крышей, вам будет где готовить себе пищу и у вас будет собственный туалет.

— Но это же незаконное вторжение! — вскричал он.

Вот так, подумал я. Даже на грани отчаяния человек не теряет уважения к законам, охраняющим право собственности. Не укради, не вторгайся в чужие владения, не прикасайся к тому, что принадлежит другому. Поэтому-то мы и оказались сейчас в таком положении. Именно из-за них, из-за этих законов, столь почитаемых,

что мы слепо подчиняемся им даже тогда, когда они, обернувшись ловушкой, отнимают у нас право первородства.

— Вы ведь хотите, чтобы ваши дети спали под крышей, — сказал я. — Вам нужно место, где вы могли бы побриться.

— А вдруг кто-нибудь окажется поблизости и...

— Если кто-нибудь явится и попытается выставить вас за дверь, пустите в ход пистолет.

— У меня нет пистолета, — возразил он.

— Так достаньте, — посоветовал я. — Утром первым делом разбудьте себе оружие.

И я подивился, как легко и незаметно из гражданина, свято соблюдавшего законы, я превратился в другого человека, человека, готового составить новый закон и защищать его до последней капли крови.

28 Солнечный свет косыми полосками пробивался в щели между планками жалюзи, падая в тишину, покой и тепло комнаты, которую я не сразу узнал.

Я неподвижно лежал, полузакрыв глаза, ни о чем не думая, ни над чем не ломая голову — только наслаждаясь этим своим состоянием. Солнечный свет, тишина, мягкая постель и едва уловимый запах духов.

А такими духами, мелькнуло у меня, душилась Джой.

— Джой! — позвал я, быстро сев в кровати. — Я вдруг все вспомнил: и ночь, и дождь, и все, что произошло накануне.

Дверь в соседнюю комнату была открыта настежь, но никто не откликнулся.

— Джой! — снова крикнул я, выбираясь из постели.

Спустив с кровати ноги, я ощутил холодное прикосновение пола, а из полуприкрытого окна дул прохладный ветерок.

Я подошел к двери и заглянул в соседнюю комнату. Постель после ночи была неприбрана, только кое-как прикрыта одеялом. Джой там не было. И тут я увидел приколотую к двери булавкой записку.

Я сорвал ее и прочел:

Паркер, милый, я беру машину и уезжаю в редакцию. Нужно подредактировать статью для воскресного номера. Вернусь после полудня. Кстати, где то самое хваленое мужское начало? Ты даже не попытался подгрести ко мне с нескромным предложением. Джой.

Я вернулся в свою комнату и, не выпуская из рук записки, присел на край кровати. Мои брюки, пиджак и рубашка были

развешаны на стуле, а под стулом на полу стояли ботинки с засунутыми в них носками. В одном углу стояла винтовка, которую я прихватил из лаборатории Стирлинга. Я вспомнил, что она оставалась в машине. Должно быть, перед тем, как уехать в редакцию, Джой перенесла ее из машины в комнату.

"Вернусь после полудня", — написала она в записке. И кровать ее была не застелена. Словно она приняла как должное, что отныне мы будем жить именно так. Словно иного образа жизни не существует вообще. Словно она уже приспособилась к происшедшим переменам.

И возможно, что вначале Человек приспособится к новым условиям с такой же легкостью, радуясь всему, что хоть как-то избавит его от трудностей и горечи разбитых надежд. Но за этой первой кратковременной ассимиляцией придут гнев, ожесточение, осознание утраты и ощущение полной безнадежности.

Джой уехала в редакцию, чтобы поработать над статьей для воскресного номера. Мой сосед продолжал ездить в свою страховую компанию — даже теперь, когда трещал по швам его личный мирок. Все это, конечно, объяснимо: человек должен есть, человек должен как-то существовать, должен иметь деньги. Но за этим, наверно, скрывалось нечто гораздо большее, подумал я. Для человека это было средством, быть может, единственным оставшимся в его распоряжении средством, сохранить привычную рутину, внушить себе, что жизнь изменилась не полностью, что кое-какие из старых, давно заведенных порядков остались нетронутыми.

А я? — спросил я себя. Что теперь делать мне?

Я мог вернуться в редакцию, сесть за свой стол и до отъезда в командировку настроичить еще несколько статей. Мне как-то даже странно было думать об этой поездке — она полностью вылетела у меня из головы. Будто сама идея ее стала для меня новостью, будто раньше я даже не знал о ней, а если и знал, то так давно, что вполне естественно было о ней забыть.

Я мог поехать в редакцию, но, собственно, с какой целью? Чтобы написать статьи, которые никто никогда не прочтет, статьи для газеты, которую через несколько дней, возможно, перестанут выпускать?

Труд, бесполезный до чертиков. Настолько бесполезный, что о нем и думать-то не хотелось. Не исключено, что именно поэтому никто не пожелает меня выслушать, — если люди о чем-то не знают, они избавлены от необходимости об этом думать.

Я выпустил из пальцев записку Джой, и она, затрепетав, медленно опустилась на пол. Я протянул руку и взял со стула рубашку.

Правда, я еще не решил, что мне делать, но, как бы там ни было, прежде чем я за что-нибудь возьмусь, мне следовало одеться.

Я вышел на крыльцо — стоял теплый солнечный день, скорее летний, чем осенний. Дождя как не бывало, асфальт на дворе подсох, только кое-где сохранились маленькие лужицы — доказательство того, что дождь все-таки недавно шел.

Я взглянул на часы — было уже около полудня.

Машина страховщика стояла перед соседним блоком, но ни его самого, ни его близких нигде не было видно. Вероятно, он по субботам не работал и семья спала допоздна. Как раз то, что им необходимо, подумал я, — небольшая передышка, отдых под крышей.

В конце улицы я разглядел вывеску ресторана и почувствовал, что голоден. Там, наверно, есть телефон, а мне нужно было позвонить Джой.

Оказалось, что в ресторане душно и не слишком чисто, однако он был переполнен. Я пробрался к стойке и, подождав, пока какой-то посетитель покончит с едой, захватил освободившийся табурет.

Я дал заказ подошедшей официантке, встал и протолкался сквозь толпу в угол к телефонной будке, втиснулся в нее и закрыл за собой дверь. Опустил монету, набрал номер и попросил телефонистку соединить меня с Джой.

— Ну как, отредактировала свою статью? — спросил я ее.

— Соня ты, соня, — промурлыкала она. — Ты давно встал?

— Только что. Как дела?

— Гэвин рвет и мечет. Поступили кое-какие интересные сведения, а он не может их использовать.

— Что-нибудь о...

— Не знаю, — ответила Джой, видимо поняв, о чем я собираюсь спросить. — Может быть. В банках обнаружена нехватка денег. Известно, что...

— Нехватка денег?! Так ведь Дау только вчера мне говорил, что банки забиты деньгами.

— Наверно, так оно и было, — сказала она. — Но с тех пор картина изменилась. Еще вчера в полдень деньги были на месте, а вечером к закрытию огромные суммы просто-напросто исчезли.

— И ни у кого не вытянешь ни слова, — предположил я.

— Точно. От тех, кого Гэвину и Дау удалось поймать, толку не добьешься. Они ничего не знают. Со многими же — с теми, кто поважнее и посolidнее, они вообще не могут связаться. Сам знаешь, как обстоит дело с банковскими служащими в субботу. Их разве найдешь?

— Где уж, — согласился я. — Кто на рыбалке, кто в гольф играет.

— Паркер, ты думаешь, что тут не обошлось без Этвуда?

— Не знаю, — ответил я. — Но меня бы это ничуть не удивило. Попробую навести справки.

— Интересно, как? — насторожившись, спросила она.

— Я мог бы съездить в усадьбу "Белмонт". Этвуд ведь предлагал...

— Мне это не нравится, — резко перебила она. — Ты однажды уже там побывал.

— Я не стану нарываться на неприятности. С Этвудом я как-нибудь управлюсь.

— У тебя нет машины.

— Я возьму такси.

— На такси у тебя нет денег.

— Шофер отвезет меня туда и привезет обратно, — сказал я. — На обратном пути я могу заехать в редакцию, получить деньги и расплатиться с ним.

— Все-то ты продумал, — заметила она.

— Ну, во всяком случае, почти все.

Повесив трубку, я спросил себя, продумал ли я вообще хоть что-нибудь.

29 Окно было закрыто — это первое, что бросилось мне в глаза. Прошлой ночью, удирая отсюда, я оставил его открытым, хотя у меня тогда возникло странное ощущение, что, несмотря ни на что, мне нужно вернуться и закрыть его.

Но сейчас это окно было плотно прикрыто, и все окна занавешены изнутри; я попытался вспомнить, были ли на них занавеси накануне, да так и не вспомнил.

Дом, старый и мрачный, купался в бледных лучах солнца, а с востока, с берега озера, доносился отдаленный плеск волн. Я стоял и смотрел на дом, внушая себе, что мне нечего здесь бояться. Что это самый обыкновенный старый дом, который, разомлев, греет на солнце свои дряхлые кости.

— Хотите, чтобы я вас подождал? — спросил шофер.

— Я ненадолго, — ответил я.

— Смотрите, дело ваше, хозяин. Мне-то все равно. Счетчик ведь щелкает.

Я направился по вымощенной кирпичом дорожке к дому. Под подошвами у меня хрустели опавшие сухие листья.

Вначале я попытаюсь проникнуть в дом через дверь, решил я. Как добропорядочный, цивилизованный человек. А если на мой

звонок никто не выйдет, я, как в прошлый раз, влезу в окно. Шофер, конечно, искрутится от любопытства, попытаюсь понять, что я замыслил. Ну и черт с ним. Его дело подождать меня и отвезти обратно в город, а остальное его не касается.

Впрочем, подумал я, кто-то ведь закрыл окно и сейчас оно может оказаться запертым. Но это меня не остановит. Меня уже ничто не могло остановить. Однако я сознавал, что, даже будь у меня время на размышление, все равно я не сумел бы объяснить, почему так рвался попасть в этот дом и зачем мне вдруг понадобилось встретиться с Этвудом. Интуиция? — спросил я себя. Джой что-то говорила о человеческой интуиции или это был Этвуд? Я не мог вспомнить, кто из них. Не интуиция ли заставила меня сейчас идти по дорожке к дому, чтобы вновь увидеться с Этвудом — не зная зачем, не имея ни малейшего представления ни о том, что я ему скажу, ни о цели моей с ним беседы.

Я поднялся по ступенькам, нажал на кнопку звонка и немного подождал. Едва я протянул палец, чтобы позвонить еще раз, за дверью в прихожей послышались шаги.

Тут я вспомнил, что, когда я приезжал сюда прошлой ночью, звонок был испорчен. Он еле держался и завихлялся у меня под пальцем, когда я попытался позвонить. Но сейчас он был в полной исправности, окно было закрыто, а в прихожей звучали шаги, направлявшиеся к двери.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка в строгом черно-белом одеянии горничной.

Я прирос к месту, вытаращив на нее глаза.

Горничная стояла неподвижно, выжидаяще глядя на меня. Лицо у нее было предерзкое.

— Я надеялся увидеть здесь мистера Этвуда, — наконец выдавил я.

— Не будете ли вы так любезны войтив дом, сэр? — спросила она.

Я вступил в вестибюль: тут тоже произошли большие перемены. Прошлой ночью дом казался заброшенным, везде лежал толстый слой пыли, а стоявшая здесь мебель была закрыта чехлами. Сейчас же он приобрел вполне жилой вид. Пыль исчезла, деревянные панели и кафельные плитки пола сверкали чистотой. В сиротливом одиночестве стояла пустая старинная вешалка для одежды, а рядом с ней — зеркало в рост человека, блестевшее после недавнего мытья.

— Позвольте вашу шляпу и пальто, сэр, — сказала горничная. — Мадам в кабинете.

— Но Этвуд? Ведь это Этвуд...

— Мистера Этвуда здесь нет, сэр.

Она взяла у меня из рук шляпу и приготовилась принять пальто. Я снял его и отдал ей.

— Пожалуйста сюда, сэр, — пригласила она.

Дверь была открыта и, переступив через порог, я очутился в комнате, вдоль стен которой с пола до потолка сплошными рядами поднимались заставленные книгами полки. У окна за письменным столом сидела замороженная блондинка, с которой я познакомился в баре, та самая, что вручила мне карточку, на которой было написано: "Мы покупаем все".

— Добрый день, мистер Грейвс, — произнесла она. — Рада вас видеть.

— Этвуд сказал мне...

— К сожалению, мистер Этвуд нас покинул.

— И вы, конечно, заняли его место.

Ледяное спокойствие и запах фиалок. Высокомерие белокурой богини отлично уживалось в ней с деловитостью опытного секретаря. И вдобавок она была еще существом из другого мира и крошечной, безупречно выполненной куколкой, которую я вчера держал в руках.

— Вас это удивляет, мистер Грейвс?

— Нет, — ответил я. — Сейчас нет. Возможно, раньше это меня поразило бы. Но не теперь.

— Вы пришли поговорить с мистером Этвудом. Мы надеялись, что вы придете. Нам нужны такие люди, как вы.

— Как рыбе — зонтик, — заметил я.

— Вы не присядете, мистер Грейвс? И прошу вас, оставьте этот шутливый тон.

Я опустился на стул как раз напротив нее, по эту сторону стола.

— Как же мне себя вести? — спросил я. — Может, мне положено потерять самообладание и зарыдать?

— От вас не требуется никакого особого поведения, — ответила она. — Пожалуйста, будьте самим собой, и только. Давайте, побеседуем так, словно оба мы — люди.

— К которым, вы, естественно, не относитесь.

— Совершенно верно, мистер Грейвс.

Мы сидели, глядя друг на друга, и мне было дьявольски неловко. На ее бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул: прекрасное каменное лицо идола.

— Будь вы человеком иного склада, — произнесла она, — я попыталась бы заставить вас забыть, что я не принадлежу к человеческому роду. Но думаю, что с вами это не пройдет.

Я покачал головой.

— Мне тоже жаль, что это так, — сказал я. — Поверьте, я

искренне сожалею об этом. Я дорого бы дал за то, чтобы считать вас человеческим существом.

— Мистер Грейвс, если бы я была человеком, то из всех, доставшихся на мою долю комплиментов, этот был бы самым приятным.

— А раз вы — не человек?...

— Пожалуй, я все равно расцениваю это как комплимент.

Я пристально посмотрел на нее. Меня озадачили не только ее слова, но и тон, которым она их произнесла.

— А вдруг в вас все-таки есть что-то человеческое; — проговорил я.

— Нет, — сказала она. — Не будем себя обманывать, ни вы, ни я. В сущности вы должны меня ненавидеть, полагаю, что так оно и есть. Хотя, может статься, ваша ненависть не столь уж интенсивна. А мне, по идее, полагалось бы испытывать к вам глубочайшее презрение, однако я погрешу против истины, если скажу, что я вас презираю. И тем не менее я считаю, что в нашей беседе мы оба должны по возможности проявить некоторое благоумие.

— А к чему вам быть благоразумными по отношению ко мне? Есть же много других...

— Но вы же знаете о нас, мистер Грейвс, — сказала она. — Вы и еще несколько человек. И таких людей очень, очень мало. Вы бы удивились, узнав, как мало их наберется во всем мире.

— И я должен держать язык за зубами.

— Право, мистер Грейвс, уж кто-кто, а вы на этом собаку съели. На сегодняшний день сколько вы нашли человек, которые согласились выслушать вас?

— Одного-единственного, — признался я.

— И это наверняка девушка. Вы любите ее, а она любит вас.

Я кивнул.

— Вот видите, — сказала она. — Ваш рассказ получил единственное признание, да и то тут сыграли роль нежные чувства.

— Пожалуй, вы правы.

Я почувствовал себя последним идиотом.

— Тогда перейдем к делу, — сказала она. — Предположим, мы дадим вам возможность заключить наивыгоднейшую сделку. Если б вы о нас не знали, мы бы не обратились к вам с этим предложением, но, поскольку вы достаточно осведомлены, нам терять нечего.

— Сделку? — тупо переспросил я.

— Ну, конечно, — подтвердила она. — Вы получите... как это у вас называется? Акции на правах с учредителями. Я правильно выразилась?

— Но может, в подобной сделке...

— Послушайте, мистер Грейвс. У вас не должно быть никаких иллюзий. Я подозреваю, что они еще у вас сохранились, но вам необходимо с ними расстаться. У вас нет никакой возможности нас остановить. Нас ничто не может остановить, потому что операция слишком далеко продвинулась. Было время, когда вам, быть может, и удалось бы с нами справиться. Но оно прошло. Уверяю вас, мистер Грейвс, уже слишком поздно.

— А если уже слишком поздно, зачем я вам тогда нужен?

— Вы можете нам пригодиться, — ответила она. — Вы можете кое-что для нас сделать. Когда в один прекрасный день люди разберутся в том, что над ними сотворили, они возмутятся. Разве не так, мистер Грейвс?

Голубушка, подумал я, ты и наполовину не представляешь, что тогда поднимется.

— Но, как вы понимаете, мы хотим избежать неприятностей. Или по крайней мере свести их до минимума. Что касается нравственной и правовой стороны вопроса, то мы чувствуем под собой твердую почву, неукоснительно соблюдая все законы, выработанные вашим собственным обществом. Мы не нарушили ни одного предписания, и нам не хотелось бы, чтобы нас вынудили прибегнуть к карательным мерам. Я уверена, что люди тоже предпочли бы без этого обойтись, потому что, должна вам сказать, это может принести им немало страданий. Мы хотим довести выполнение этого плана до конца и заняться чем-нибудь другим. И, насколько это в нашей власти, мы хотим завершить операцию как можно спокойнее. В этом-то вы можете нам помочь.

— С какой это стати я буду вам помогать?

— Мистер Грейвс, — произнесла она, — вы окажете этим услугу не только нам, но и всему человеческому роду. Любые ваши действия, которые помогут сгладить трения во время завершения операции, пойдут на пользу не только нам, но и вашим соплеменникам. Потому что как бы они себя ни вели, в конечном итоге судьба их от этого не изменится. А какой им смысл подвергать себя бесполезным мучениям, если они все равно обречены? Теперь обсудим следующий вопрос: вы специалист по распространению разного рода информации...

— Не такой уж я великий специалист, как вам кажется, — перебил я.

— Но вы знакомы с методами и технической стороной дела. Вы можете убедительно писать...

— Есть люди, которые пишут более убедительно.

— Но у нас в распоряжении именно вы, мистер Грейвс.

Тон, которым это было сказано, мне не понравился.

— Стало быть, вы хотите, чтобы я успокаивал людей, убаюкивал их колыбельными песенками.

— Да, и еще в меру своих способностей вы будете советовать нам, как вести себя в тех или иных обстоятельствах. Можете назвать это должностью консультанта.

— Но вы ведь сами все знаете. Не хуже меня.

— Вам, наверно, кажется, мистер Грейвс, что мы усвоили человеческие взгляды во всей их полноте. Что мы можем думать и действовать, как люди. А ведь дело обстоит совсем не так. Мы, конечно, разбираемся в том, что вы называете бизнесом. Быть может, вы согласитесь с тем, что мы изучили его весьма досконально. Мы отлично поднатерели в вашем законодательстве. Однако многое осталось не изученным из-за недостатка времени. Мы знаем только одну сторону человеческой натуры — то, как она реагирует на торговые сделки. А в остальном наши сведения о людях очень ограничены. Мы, к примеру, отчетливо не представляем себе реакцию людей, когда они узнают правду.

— Что, страшновато, да? — спросил я.

— Нет, мы ничего не боимся. Мы готовы в случае чего проявить жестокость. Но на это потребуется время. А мы хотим закончить все как можно быстрее.

— Ладно. Предположим, я буду писать для вас. А что это даст? Кто напечатает мои статьи? Каким образом они дойдут до людей?

— Вы только пишете, — произнес этот белокурый айсберг. — А остальное мы берем на себя. Мы донесем ваши статьи до людей. Мы сумеем их распространить. Это уже не ваша забота.

Меня охватил страх. Пожалуй, даже с легкой примесью злобы. Но в основном это был страх. Потому что только сейчас я по-настоящему осознал, насколько неумолимы и беспощадны эти пришельцы. Они не знали, что такое мстительность, они не знали ненависти. Едва ли их можно было считать врагами в нашем понимании этого слова. Они были губительной злой силой, и их не могли пронять никакие мольбы. Просто-напросто их ничто не трогало. Земля для них была не более чем предметом собственности, а люди — пустым местом.

— Вы предлагаете мне стать предателем, — сказал я. Впрочем, произнося эту фразу, я прекрасно сознавал, что слово "предатель" для них лишь бессмысленное сочетание звуков. И хотя, по всей вероятности, им известно, что оно означает, они не способны понять его истинный смысл. Потому что их этика не может иметь ничего общего с этикой человеческого рода; возможно, у них есть свои

нравственные установки, но они так же недоступны нашему пониманию, как наши — недоступны для них.

— Давайте рассмотрим этот вопрос с практической точки зрения, — произнесла она. — Мы предлагаем вам выбрать одно из двух. Либо вы остаетесь с людьми и делите с ними их общую судьбу, либо вы переходите на нашу сторону с куда большей для себя выгодой. Если вы отклоните наше предложение, мы не очень от этого пострадаем. Если же вы его примете, вы в значительной степени облегчите существование самому себе и — правда, в несколько меньшей степени — своим соплеменникам. Лично вы от этого выиграете, а род человеческий, поверьте мне, ничего не потеряет.

— А как я могу быть уверен, что вы не нарушите слова?

— Сделка есть сделка, — отрезала она.

— Полагаю, что вы отвалите мне за это солидную сумму.

— Весьма солидную, — сказала она.

Откуда ни возьмись появился кегельный шар и покатился по полу. Он остановился футах в трех от стула, на котором я сидел.

Девушка встала и вышла из-за письменного стола и устремила взгляд на кегельный шар.

Тот вдруг стал полосатым — покрылся тончайшими, как на дифракционной решетке, полосками. Потом он начал по этим линиям расщепляться. Он расщепился и из черного стал зеленым — и вот вместо кегельного шара на полу уже лежала кучка банкнот.

Я не вымолвил ни слова. У меня язык прилип к гортани.

Она нагнулась, подняла одну бумажку и подала ее мне.

Я взглянул на нее. Девушка ждала. А я все разглядывал банкноту.

— Что вы скажете, мистер Грейвс? — спросила она.

— Это похоже на деньги, — ответил я.

— Это и есть деньги. Откуда еще, по-вашему, взялись все необходимые нам деньги?

— И вы еще утверждаете, что соблюдаете наши законы, — заметил я.

— Я вас не понимаю.

— Вы нарушили один закон. Самый важный из всех. Деньги — это мерило человеческого труда: стоимостное построение человеком дороги, написанной им картины или количества часов, которые он проработал.

— Это деньги, — сказала она. — А нам только это и нужно.

Она снова наклонилась и сгребла всю кучу бумажек. Положила на стол и принялась складывать их стопками.

Я понял, что дальнейшие объяснения бесполезны, — она все

равно ничего не поймет. Ее нельзя было обвинить в цинизме. Или мошенничестве. Она просто не могла это понять: пришельцы слабо разбирались в подобных вопросах. Деньги для них были не символом, а изделием. Только этим и ничем больше.

Она сложила деньги в аккуратные стопки. Потом нагнулась и подобрала несколько бумажек, отлетевших в сторону, когда она поднимала с пола ворох банкнот. Положила их на одну из стопок.

Бумажка, которую я держал в руке, была достоинством в двадцать долларов, как и большинство остальных, насколько я мог судить; впрочем, там были и десятидолларовые билеты, и кое-где в стопках проглядывали пятидесятидолларовые.

Она сложила все стопки в одну пачку и протянула ее мне.

— Это ваше, — сказала она.

— Но ведь я еще не дал...

— Будете вы работать на нас или нет, они ваши. А вы хорошенько подумайте над тем, что я вам сказала.

— Ладно, — согласился я. — Подумаю.

Я встал и взял у нее деньги. Распихал их по карманам. Карманы раздулись.

— Придет день, — сказал я, похлопывая себя по карманам, — когда от них не будет никакого проку. Наступит время, когда на них нечего будет купить.

— Когда настанет этот день, — сказала она, — их заменит что-нибудь другое. Вы будете обеспечены всем, что вам тогда понадобится.

Я стоял и думал, но почему-то думал я только о том, что теперь мне есть чем расплатиться с шофером такси. За исключением этой мысли голова моя была абсолютно пуста. Безмерная гнусность этой беседы начисто выпотрошила меня, остались лишь ощущение полного поражения и мысль о том, что я теперь могу расплатиться с шофером.

Я знал, что должен поскорее унести отсюда ноги. Должен покинуть этот дом, прежде чем меня захлестнет сокрушительный шквал эмоций. Должен уйти, пока во мне не взбунтовалось человеческое достоинство. Я должен уехать, выбрать место и время и все как следует обдумать. А пока пусть они считают, что я согласен стать их союзником.

— Благодарю вас, мисс, — сказал я. — Если не ошибаюсь, я не знаю вашего имени.

— У меня нет имени, — сказала она. — Мне незачем иметь имя. Имена нужны только таким, как Этвуд.

— Тогда благодарю вас еще раз, — произнес я. — Я обдумую ваше предложение.

Она повернулась и вышла в прихожую. Горничной нигде не было видно. Я заметил, что гостиная, расположенная по ту сторону прихожей, сверкала чистотой и была заставлена мебелью. Любопытно, подумал я, много ли тут настоящей мебели и какую часть ее составляют превратившиеся в предметы обстановки кегельные шары?

Я взял с вешалки шляпу и пальто.

Она открыла парадную дверь.

— Хорошо, что вы зашли, — сказала она. — С вашей стороны это было очень разумно. Хочу верить, что это не последний ваш визит.

Выйдя на крыльцо, я не увидел своего такси. На его месте стоял длинный белый "кадиллак".

— Я приехал на такси, — сказал я. — Должно быть, оно ждет на дороге.

— Мы расплатились с шофером, — сказала девушка, — и ото-слали машину. Такси вам больше не понадобится.

Она прочла на моем лице недоумение.

— Эта машина принадлежит вам, — объяснила она. — Если вы будете на нас работать...

— А бомбу подложить не забыли? — поинтересовался я.

Она вздохнула.

— Ну как мне заставить вас понять? Ладно, придется говорить прямо, без обиняков. Пока вы можете быть нам полезны, вам не грозит никакая опасность. Сослужите нам эту службу, и с вами никогда не случится ничего дурного. Вы будете под нашей опекой до конца ваших дней.

— А Джой Кейн? — спросил я.

— Если пожелаете, то и Джой Кейн тоже.

Она в упор посмотрела на меня своими ледяными глазами.

— Но только попробуйте помешать нам, только попробуйте нас обмануть...

И она издала звук, напоминающий звук ножа, вонзающегося в горло.

Я пошел к машине.

30 Я остановил машину на окраине города в местном торговом центре и направился в аптеку, чтобы купить газету. Меня интересовало, удалось ли Гэвину раздобыть какие-нибудь сведения об исчезнувших из банков деньгах.

Я-то теперь мог бы раскрыть ему глаза на то, что с ними произошло. Но он, как и все остальные, не стал бы меня слушать.

Я мог бы прийти в редакцию, сесть за свой стол и написать потрясающую статью, такую, какой еще не видывал мир. Но это было бы пустой тратой времени. Ее бы не напечатали. Для печати она была бы слишком экстравагантной. А даже если б ее все-таки опубликовали, ей никто бы не поверил. Или почти никто. Разве что горстка каких-нибудь душевнобольных. А это не в счет.

Прежде чем выйти из машины, я в поисках десятидолларовой бумажки разворошил лежавшую в кармане пиджака пачку денег. Посмотрел, нет ли там пятидолларовых купюр, но их не оказалось. Так же, как и банкнот достоинством в один доллар.

И пока я рылся в этих бумажках, мне захотелось узнать, сколько у меня сейчас денег. Не потому, что это было так уж важно. Просто из чистого любопытства.

Ведь через несколько недель, а может, даже и дней, деньги начнут терять ценность. А вскоре после этого обесценятся полностью. Они превратятся в бесполезные бумажки. Ими нельзя будет питаться, их нельзя будет носить вместо одежды, и они не укроют человека от непогоды. Ибо они были — и были таковыми испокон веков — всего лишь изобретенным Человеком оружием, с помощью которого он строил свою своеобразную цивилизацию. По сути дела, они значили не больше, чем бороздки на рукоятке пистолета или бессмысленные закорючки, начерченные мелом на стене. Во все времена они были не более чем хитроумными фишками.

Я вошел в аптеку, взял газету из пачки, лежавшей на табачном прилавке, и с фотографии на первой странице на меня глянула улыбающаяся и счастливая морда Пса.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я узнал бы его при любых обстоятельствах. Он сидел перед объективом — само дружелюбие, а за его спиной возвышалось здание Белого Дома.

Заголовок, напечатанной под фотографией статьи, окончательно подтвердил мою догадку. В нем сообщалось:

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА ХОЧЕТ НАНЕСТИ ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТУ.

— Мистер, — спросил продавец, — вы купите эту газету?

Я дал ему купюру в десять долларов и он недовольно хмыкнул.

— А у вас не найдется денег помельче?

Я ответил, что не найдется.

Он отсчитал мне сдачу, я запихнул ее вместе с газетой в карман и пошел назад к машине. Я хотел прочесть статью, но по какой-то необъяснимой причине, которую я даже не пытался понять, мне хотелось прочесть ее, сидя в машине, где меня никто не побеспокоит.

Статья была написана остроумно, пожалуй, даже чуточку остроумнее, чем следовало бы.

В ней рассказывалось о псе, которому захотелось встретиться с президентом. Прежде чем его успели остановить, он проскочил в ворота и попробовал проникнуть в Белый Дом, но охранники выставили его за дверь. Уходил он неохотно, пытаясь по-своему, по-собачьи, объяснить, что в его намерения не входило учинять беспорядки, но он был бы весьма признателен, если бы ему дали возможность повидаться с президентом. Он сделал еще две-три попытки пробраться в здание, и кончилось тем, что охранники вызвали по телефону собачника.

Приехал собачник и забрал пса, который пошел с ним довольно охотно, без каких бы то ни было признаков озлобления. А вскоре собачник вместе с псом вернулся. Он сказал охранникам, что, может, все-таки стоит устроить псу свидание с президентом. По словам собачника, пес объяснил ему, что у него есть к главе государства дело чрезвычайной важности.

После этого охранники снова отправились к телефону и, спустя немного времени, за собачником приехали и отвезли его в больницу, где он в настоящее время находится под наблюдением врачей. Псу, однако, разрешили остаться, и один из охранников в предельно выразительной форме объяснил ему, насколько с его, пса, стороны смешно надеяться на встречу с президентом.

Пес, как сообщалось в статье, был вежлив и вел себя очень прилично. Он сидел перед Белым Домом и не доставлял никаких хлопот. Даже не гонялся по газону за белками.

"Автор этих строк, — писалось далее, — сделал попытку поговорить с ним. Мы задали ему несколько вопросов, но он молчал, как убитый. Только улыбался".

И вот он, собственной персоной, как живой, глядел на меня с первой страницы — эдакий лохматый симпатичный бездельник, которого никому и в голову не придет принять всерьез.

Но и автор статьи, и все остальные не так уж виноваты, подумал я. И впрямь, что может быть фантастичнее лохматого говорящего пса. А если призадуматься, этот пес своей безмерной нелепостью ничуть не уступает банде кегельных шаров, собравшихся завладеть Землей.

Если б людям грозила опасность, связанная с кровопролитием, или эффектная по какой-либо другой причине, она была бы понята. Но нынешняя опасность не обладала ни одним из этих качеств и именно поэтому была еще страшней.

Стирлинг говорил о существах, которые не зависят от окружающей среды, — именно такими и были эти пришельцы. Они могли приспособиться ко всему; они могли принять любую форму; они могли усвоить и использовать в своих интересах любой образ мыш-

ления; для достижения своих целей они могли извратить принципы любой экономической, политической или социальной системы. Они обладали безграничной гибкостью; они приспособились бы ко всему, что человек изобрел бы, пытаясь их уничтожить.

Да, скорее всего, сказал я себе, на Земле сейчас орудует не множество кегельных шаров, а одна гигантская особь, способная делиться на несметное количество частей и с той или иной целью принимать самые разнообразные формы, оставаясь при этом единым организмом, которому известно все, чем занимаются его отдельные фрагменты.

Каким же способом можно уничтожить подобное существо? — спросил я себя. Как оказать ему сопротивление?

Однако, если это действительно был единый исполинский организм, некоторые факты не поддавались объяснению. Почему, скажем, в усадьбе "Белмонт" вместо Этвуда ждала меня девушка без имени?

Мы о них ничего не знали, и у нас уже не осталось времени на их — или его — изучение. А человеку подобные сведения пошли бы на пользу, ибо я не сомневался, что цивилизация этого врага во многих отношениях так же сложна и своеобразна, как и цивилизация человечества.

Они могли превращаться во что угодно. Они, видимо, могли — правда, в каких-то пределах — предугадывать будущее. И они затаились в засаде и будут сидеть в засаде до последнего. А вдруг так сложится, сказал я себе, что человечество погибнет, так и не узнав причины своей гибели?

А я — как мне следовало себя повести?

Швырнуть им в лицо их деньги, бросить им вызов — это было бы чисто человеческой реакцией. И возможно, сделать это было бы совсем нетрудно.

Я вдруг с удивлением заметил, что думаю о них, как о "них", а не как о "нем" или о "ней", не как об Этвуде или девушке, у которой не было имени, потому что она в нем никогда не нуждалась. А не значит ли это, спросил я себя, что их маскировка под людей не так уж совершенна, как это кажется с первого взгляда?

Я сложил газету, бросил ее рядом с собой на сиденье и скользнул за руль.

Сейчас не время для героических подвигов, подумал я. Сейчас человек должен делать все, что в его силах, как бы ни выглядели его поступки. Если я, прикинувшись их союзником, сумею выведать у них какие-нибудь сведения, хоть отчасти проникнуть в их сущность, и эти сведения помогут человечеству, — тогда, быть может, есть смысл этим заняться. А если дело дойдет до того, что мне

придется писать для пришельцев пропагандистские статьи, не сумею ли я вставлять в эти статьи непредусмотренные ими фразы, на которые они не обратят внимания и не поймут, но которые легко дойдут до сознания читателей-людей?

Я завел мотор, включил передачу, и машина влилась в поток уличного движения. Это была прекрасная машина. Самая лучшая из всех, которые мне когда-либо случалось водить. И несмотря на ее происхождение, несмотря ни на что, я вел ее с гордостью.

Подъехав к мотелю, я увидел, что машина Куинна по-прежнему стоит перед его блоком, но к ней сейчас прибавились еще две — их припарковали около других блоков. Я понял, что вскоре в мотеле не останется ни одного свободного номера. Люди будут въезжать во двор и спрашивать у старожилов, как они сюда вселились. А те посоветуют вновь прибывшим воспользоваться ломом или молотком, а то и сами вынесут этот лом или молоток и помогут им взломать дверь. Люди — по крайней мере на первых порах — будут держаться вместе. Будут помогать друг другу в беде. Это уже позже они разбредутся в разные стороны и каждый в одиночку пойдет своим собственным путем. А потом они, возможно, вновь объединятся, поняв, что сила людей — в их единстве.

Когда я вылез из машины, на пороге своего блока показался Куинн и пошел мне навстречу.

— Ну и машина же у вас, — сказал он.

— Это машина одного моего приятеля, — объяснил я ему. — Хорошо выспались?

Он улыбнулся.

— Так не спали уже много недель. Жена очень довольна. Это, конечно, не Бог весть что, но у нас давным-давно не было и такого жилья.

— Я вижу, что мы обзавелись соседями.

Он кивнул.

— Они приехали и принялись меня расспрашивать. И я им все объяснил. А потом я вышел и, по вашему совету, купил оружие. Чувствовал себя несколько глупо, но ведь вреда от него не будет. Хотел купить винтовку, но удалось достать только дробовик. В общем-то один черт. Я ведь не снайпер.

— Это все, что вам удалось достать? — спросил я.

— Я заходил в три скобяные лавки. Ни в одной из них не нашлось никакого оружия. В четвертой оказался этот дробовик. Вот я и купил его.

Итак, подумал я, люди уже начали скупать револьверы и пистолеты. Перепуганные насмерть люди, которые чувствуют себя в

большей безопасности, имея под рукой оружие. Пожалуй, еще немного — и достать его будет совершенно невозможно.

Он опустил глаза и стал чертить по асфальту носком ботинка.

— Произошло что-то непонятное, — заговорил он. — Я не рассказал об этом жене — к чему ей лишние переживания. Я тут поехал за продуктами и по дороге изменил маршрут, чтобы проехать мимо нашего дома — того, что мы продали. С тех пор как мы покинули его, я ни разу не проезжал по той улице. Ни я, ни моя жена. Она частенько говорила мне, что ей хочется взглянуть на дом, но так и не решилась туда съездить — это было бы для нее слишком тяжело. Так вот, сегодня я все-таки проехал мимо него. И увидел, что он пуст, как в тот день, когда мы из него выехали. И хотя прошло совсем немного времени, он уже выглядит запущенным. С тех пор как они заставили нас съехать, прошел месяц, а в него еще никто не вселился. Они тогда заявили, что он им нужен позарез. Что им необходимо немедленно вступить во владение. А оказывается, он им совсем не нужен. Как, по-вашему, в чем тут дело?

— Не знаю, — ответил я.

Я-то сумел бы ему все объяснить. Возможно, так и следовало сделать. Мне очень хотелось с ним поделиться. Ведь он мог поверить моему рассказу. Его смягчили недели мытарств и невзгод, он был подготовлен к тому, чтобы поверить. А, видит Бог, как я нуждался в том, чтобы мне кто-нибудь поверил, кто-нибудь, кто смог бы разделить со мной тесную каморку страха и отчаяния.

Но я не сказал ему ни слова — это ничего бы не дало. По крайней мере на сегодняшний день для него было гораздо лучше не знать правды. У него еще была надежда — ведь он пока мог приписывать все эти события каким-то неполадкам в экономике. Неполадкам, природу которых он, конечно, не понимал, но которые, как ему казалось, не выходили за пределы нормы, а раз так, то Человеку по силам было с ними справиться.

Другое же соответствующее истине объяснение лишит его этой надежды, лицом к лицу столкнув с неведомым. И он запаникует.

Вот если б мне удалось открыть глаза миллиону людей, среди этого миллиона наверняка нашлось бы несколько человек, способных спокойно и трезво оценить обстановку и стать во главе остальных. А сообщить такое небольшой группке жителей одного-единственного города было попросту бессмысленно.

— Это бессмысленно, — словно вторя моим мыслям, проговорил Куинн. — Все это совершенно бессмысленно. Я не спал всю ночь, пытаясь найти какой-то ответ, но не сумел в этом разобраться. Однако я вышел к вам не из-за этого. Мы приглашаем вас и вашу

жену с нами пообедать. Обед у нас не ахти какой, но есть жаркое и найдется чего выпить. Посидим, поболтаем.

— Мистер Куинн, — сказал я. — Джой мне не жена. Мы всего лишь двое людей, которых свела жизнь.

— Вот как, — сказал он. — Прошу прощения. А я предположил, что это ваша жена. Право же, это ничего не значит. Надеюсь, я не смутил вас.

— Нет,нисколько, — сказал я.

— И вы с нами пообедаете?

— Как-нибудь в другой раз, — ответил я. — Спасибо за приглашение. Но у меня уйма дел.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Грейвс, — произнес он, — вы что-то от меня скрываете. То, о чем вы намекнули прошлой ночью. Вы сказали, что повсюду одно и то же, что бежать некуда. Откуда вам это известно?

— Я репортер, — объяснил я. — Собираю материал для статьи.

— И вы кое-что знаете.

— Не очень-то много.

Он ждал, но я больше ничего не сказал. Он покраснел и повернулся, чтобы уйти.

— До свидания, — буркнул он и пошел к своему блоку.

Я его за это не осудил. Я чувствовал себя последним подлеем.

Я вошел в блок — он был пуст. Джой еще не вернулась из редакции. Видно, Гэвин всучил ей какую-нибудь работу.

Я вытащил из карманов большую часть денег и засунул их под свой матрас. Тайник весьма примитивный и не слишком надежный, но об этих деньгах никто не знал, и я был спокоен за их сохранность. Все равно их нужно было куда-нибудь спрятать. Не мог же я оставить их на виду.

Я взял винтовку и отнес ее в машину.

Потом я занялся тем, что собирался сделать с той самой минуты, когда отъезжал от усадьбы "Белмонт".

Я осмотрел машину. Всю целиком. Я поднял капот и проверил мотор. Подлез под нее и тщательно изучил снизу. Я не пропустил ни единой мелочи.

И когда я покончил с осмотром, у меня не осталось ни малейшего сомнения. Она была тем, чем ей и полагалось быть. Это была дорогая, но совершенно ordinaria машина. Она ничем не отличалась от других машин ее класса. В ней не оказалось ни одной лишней детали, ни одна деталь не отсутствовала. Я не обнаружил ни бомбы, ни какой-нибудь явной неисправности. Я мог поклясться, что это — не результат совместных усилий кучки кегельных шаров,

слившихся воедино, чтобы создать из себя имитацию машины. Передо мной были самые настоящие сталь, стекло и хром.

Я стоял рядом с машиной, похлопывал ее по крылу и размышлял над тем, что мне делать дальше.

А может, стоит сейчас еще раз позвонить сенатору Роджеру Хиллу? — подумал я. "Позвони мне, когда протрезвишься, — сказал он. — Позвони завтра, если у тебя еще будет, что рассказать".

Я был трезв и по-прежнему мог ему кое-что рассказать.

Я отлично знал, что он на это ответит, но тем не менее я должен был позвонить ему еще раз.

И я отправился в тот маленький ресторан, чтобы заказать разговор с сенатором.

31 — Паркер, — сказал сенатор, — хорошо, что ты позвонил. — Так может, ты теперь выслушаешь меня? — спросил я.

— Разумеется, — слащавым тоном промолвил сенатор, — если только ты не станешь опять нести околесицу о нашествии пришельцев.

— Но, сенатор...

— Могу поставить тебя в известность, — прервал меня сенатор, — что назревает большой скандал. Ты, конечно, понимаешь, что это не подлежит оглашению.

— Я так и предполагал, — сказал я. — Стоит тебе заговорить о каком-то событии, представляющем интерес, как всегда оказывается, что это не для оглашения.

— Так вот, скандал разразится в понедельник утром, когда откроется биржа. Мы не знаем, как это получилось, но в банках не хватает денег. И заметь, не в каком-нибудь одном банке, а почти во всех, черт их дери. Ни один из них не может свести баланс. Каждый банк собрал сегодня, в сверхурочное время, своих служащих, чтобы выяснить, куда делись все эти деньги. Но это еще не самое скверное.

— А что же тогда самое скверное?

— Да эти деньги, — сказал сенатор. — Вначале их было слишком много. Невероятно много. Если сложить все деньги, имевшиеся в банках в пятницу утром, то получится такая огромная сумма, которая вообще не имеет права на существование. Уверю тебя, Паркер, что такого количества денег не наберется во всех Соединенных Штатах.

— Но их там больше нет.

— Верно, — согласился сенатор, — их там больше нет. Насколько

нам известно, сумма оставшихся денег приблизилась к средней норме.

Я ждал продолжения, и в наступившей на секунду тишине услышал глубокий вздох, словно он боролся с удушьем.

— И кое-что еще, — произнес он. — Слухи. Всевозможные слухи. Каждый час что-нибудь новое. А проверить их невозможно.

— Что за слухи?

Он заколебался, потом сказал:

— Помни, что это строго между нами.

— Можешь не сомневаться.

— Прошел слухок, что кто-то — никто толком не знает, кто именно, — захватил контроль над "Юнайтед Стейтс стил" и несколькими другими корпорациями.

— Одни и те же лица?

— Ей-богу, не знаю, Паркер. Я вообще не представляю, есть ли в этих слухах хоть капля правды. Выслушаешь одно, а через минуту тебе преподносят что-нибудь другое.

Он помолчал и немного погодя спросил:

— Паркер, а ты-то что об этом знаешь?

Я мог бы ему кое-что рассказать из того, что я знал, но понимал, что этого делать нельзя. Он бы только обозлился и послал меня к черту — на этом бы все и кончилось.

— Я могу дать тебе один совет, — сказал я. — Могу посоветовать, что ты должен сделать.

— Надеюсь, это что-нибудь путное.

— Издай закон.

— Если бы мы издавали каждый закон...

— Закон, — продолжал я, — против частной собственности. Любой частной собственности. Составь его так, чтобы ни один человек не имел права владеть ни футом земли, ни промышленным предприятием, ни граммом руды, ни домом...

— Ты что, спятил?! — взорвался сенатор. — Да разве можно издать подобный закон! Такого и в мыслях не должно быть.

— А пока ты будешь разрабатывать его, придумай какой-нибудь заменитель денег.

Сенатор что-то бессвязно пролепетал.

— Потому что, — добавил я, — существующие законы дают возможность пришельцам купить Землю. Если вы оставите все, как есть, Земля перейдет в их полное владение.

Сенатор обрел дар речи.

— Паркер, — взвизгнул он, — ты свихнулся! Всякое мне случалось выслушивать, но подобную белиберду я слышу впервые в жизни.

— Если ты мне не веришь, пойд и спроси у Пса.

— Какого еще пса? При чем тут пес, дьявол тебя лобери?

— Того, что сидит перед Белым Домом. И ждет, когда его пустят к президенту.

— Паркер, — рявкнул он, — не смей мне больше звонить. У меня и без твоих бредней голова раскалывается. Не знаю, что у тебя на уме, но больше мне не звони. Если это шутка...

— Это не шутка, — сказал я.

— До свидания, Паркер, — сказал сенатор.

— До свиданья, господин сенатор, — отозвался я.

Я повесил трубку и, не выходя из будки, попытался собраться с мыслями.

Я понял, что надеяться больше не на что. С самого начала сенатор был моей единственной надеждой. Из всех знакомых мне государственных деятелей только он был наделен воображением, но, видно, недостаточным, чтобы прислушаться к моим словам.

Я сделал все, что в моих силах, подумал я, но ничего не добился. Быть может, если б я действовал по-другому, если б я прибегнул к какому-нибудь иному способу, мне повезло бы больше. Но человек может сказать такое о любом своем поступке. Наперед никогда не угадаешь. Дело сделано, и никто не может знать заранее, чем все обернется.

Теперь уже ничто не остановит машину, пущенную в ход пришельцами. И, видимо, все произойдет гораздо быстрее, чем я предполагал. Утро понедельника принесет с собой панику на Уолл-стрит, и вслед за этим начнет разваливаться экономика. Первую трещину в нашей финансовой системе даст торговля, а отсюда эта трещина быстро расплзется в разные стороны, и за одну неделю мир будет ввергнут в хаос.

А ведь скорей всего пришельцы уже знают о моем звонке сенатору, подумал я, и мне обдало спину холодом. Быть не может, чтобы они тем или иным способом не контролировали системы связи. И несмотря на то, что я, по их расчетам, должен сейчас обдумывать их предложение, они все равно узнают, что я звонил сенатору.

Этого я не учел. Голова была забита другими мыслями. Впрочем, если бы я вспомнил об этом раньше, вероятно, я все равно позвонил бы ему.

А может, это вообще для них ничего не значит. Они наверняка предвидели, что до того, как я соглашусь на их предложение, я еще немного побарахтаюсь. И не исключено, что этот звонок, еще раз доказавший всю безнадежность моих попыток им помешать, по их понятиям, еще крепче меня с ними свяжет, окончательно убедив меня в том, что всякое сопротивление бесполезно.

Оставались ли еще какие-нибудь неиспользованные возможности? Какой-нибудь иной подход к формированию общественного мнения, который дал бы лучшие результаты? И вообще способен ли был Человек сделать хоть что-нибудь?

Я мог, скажем, позвонить президенту, вернее мог попытаться позвонить ему. Но я не строил на этот счет иллюзий. Я понимал, как мало шансов на то, что мне удастся с ним переговорить. В особенности сейчас, когда на плечи президента легло тягчайшее бремя: за всю историю страны ни один государственный деятель не сталкивался с подобными трудностями.

Поговорите с Псом, сказал бы я ему, если б меня с ним соединили. Поговорите с Псом, который ждет вас на лужайке перед Белым Домом.

Но это не пройдет. Хоть бейся головой об стену.

Я сложил оружие. Мне не везло с самого начала. И не было на свете человека, которому бы в этом повезло.

Я достал монету и опустил ее в прорезь.

Набрал номер редакции и попросил к телефону Джой.

— Все в порядке? — спросила она.

— В полном. Когда ты приедешь домой?

— Не знаю, — сердито ответила она. — Этот зараза Гэвин все время находит для меня работу.

— А ты возьми да уйди.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Ну ладно. Где бы тебе хотелось сегодня поужинать? Можешь выбрать ресторан подороже. Я купаюсь в деньгах.

— Откуда у тебя деньги? Ведь твой чек у меня. Я его получила.

— Джой, поверь, у меня денег навалом. Где ты хочешь поужинать?

— Останемся лучше дома, — предложила она. — Приготовим себе что-нибудь поесть. В ресторанах сейчас такая давка.

— Бифштексы? А еще что? Я пока выйду и все куплю.

И я отправился за покупками.

Я шел к машине, прижимая к себе огромный бумажный пакет с продуктами, которые я купил, выполняя заказ Джой.

Я оставил машину на другом конце стоянки при магазине самообслуживания. Пакет весил немало, да и продукты в нем были уложены кое-как, а две консервные банки — одна с кукурузой, другая с компотом из персиков — уже начали прорывать в дне дыру, норовя выскочить наружу. Я шел вдоль стоянки, стараясь шагать поосторожнее, чтобы уберечь пакет от лишних толчков, и, судорожно обхватив его обеими руками, честно пытался помешать ему развалиться окончательно.

До машины я добрался благополучно, хотя был уже на грани катастрофы. Прodelав акробатический этюд из репертуара "человека-змеи", я открыл дверцу и швырнул мешок на сиденье. Тут он наконец разорвался, вывалив кучу всевозможных бакалейных товаров. Мне пришлось основательно поработать обеими руками, чтобы сдвинуть всю эту грудку на другой конец сиденья и освободить себе место за рулем.

Если б не возня с разорванным пакетом, я, наверное, заметил бы это сразу, но я увидел это только тогда, когда уже сидел в машине и протянул руку, чтобы вставить ключ в замок зажигания.

И тут это бросилось мне в глаза — сложенный пополам в виде палатки листок бумаги, который стоял над приборным щитком, закрывая собой часть ветрового стекла. А на листке большими печатными буквами было написано одно-единственное слово: "ПОДЛЕЦ!"

Чтобы вставить ключ в замок, я подался вперед, да так и остался, уставившись на эту бумажку с ее лаконичным посланием.

Мне не нужно было ломать голову над тем, кто мог ее здесь оставить. У меня на этот счет не было никаких сомнений. Словно я это знал, словно я видел собственными глазами, как он клал ее сюда — некий псевдочеловек, некое скопление кегельных шаров, принявших человеческий облик и сообщавших мне, что они знали о моем звонке сенатору, знали, что я предам их при первом же удобном случае. Возможно, они не питали ко мне злобы и мой поступок не особенно их встревожил, но вполне вероятно, что они почувствовали ко мне неприязнь и перестали мне доверять. Короче, по какой-то причине они решили поставить меня в известность, что следят за мной и давали понять, что мне не удастся обвести их вокруг пальца.

Я вставил ключ в замок и включил мотор. Потом протянул руку, взял эту бумажку, скомкал ее и выбросил в окошко. Если они следили за мной — а я полагал, что так оно и было, — этим жестом я дал им понять, что я о них думаю.

Ребечество? Конечно. Ну и что? Плевать я на это хотел. Сейчас мне было наплевать на все.

Проехав три квартала, я в зеркальце увидел, что за мной следует какая-то машина. Самая заурядная машина, черная, не из дорогих. Даже не знаю, почему я обратил на нее внимание. В ней не было ничего особенного. Машины такого цвета, модели и степени изношенности видишь по сто раз на дню.

Быть может, я заметил ее потому, что заметил бы любую машину, которая, идя сзади, замедлила бы ход одновременно с моей.

Я проехал еще два квартала, она шла за мной, как привязанная. Я сделал несколько поворотов, она не отставала.

Теперь уже было ясно, что это слежка, и довольно-таки грубая.

Я направил свою машину к окраине города, а та по-прежнему ехала за мной на дистанции в полквартала. Беззастенчиво, даже не пытаясь как-то скрыть, что она меня преследует. Быть может, умышленно действуя в открытую — только для того, чтобы держать меня в постоянном напряжении.

И продолжая путь, я спросил себя, стоит ли мне тратить усилия, чтобы отделаться от этого преследователя. Я не видел в этом особого смысла. Что с того, если я даже избавлюсь от него? Ведь от этого я мало что выиграю. Они подслушали мой разговор с сенатором. Они наверняка знали, где находится моя, с позволения сказать, штаб-квартира. Для них несложно меня найти, если я им когда-нибудь понадобится.

Но если б мне удалось внушить им, будто я ни о чем не догадываюсь, у меня, возможно, появилось бы некоторое преимущество. Незатейливый дешевый способ — на всякий случай прикинуться дурачком.

Я выехал за городскую черту, пустил машину по одному из ведущих на запад шоссе и слегка прибавил скорость. Я оторвался от своего преследователя, но не на много.

Впереди дорога, извиваясь, поднималась по склону холма и круто сворачивала на его вершине. Я вспомнил, что за поворотом вскоре начинался проселок. Движение там было небольшое и, если б мне повезло, я, может быть, успел бы юркнуть на боковую дорогу и скрыться из виду до того, как черная машина одолеет этот поворот.

Поднимаясь на холм, я снова выиграл какое-то расстояние и, когда та машина скрылась за поворотом, включил полную скорость. Впереди дорога была пуста, и, домчавшись до перекрестка, я с силой нажал на тормоз и резко крутанул руль. Машина прижалась к земле, как животное, готовящееся к прыжку. Задние колеса немного занесло, взвизгнули шины, через секунду я уже был на проселочной дороге, выровнял машину и дал газ.

Дорога шла по холмам, один крутой склон за другим, а между ними — лощины. И уже поднявшись на вершину третьего холма, я, взглянув на зеркальце, увидел на вершине второго черную машину.

Это было как гром с ясного неба. Не потому, что это имело какое-то существенное значение, просто я был настолько убежден, что отделался от нее, что это здорово ударило по моей самоуверенности.

И вывело меня из себя. Если эта ничтожная тварь...

Тут я заметил тропинку. Видно, то была старая, давно заброшенная колея, проходившая через рощицу и сплошь заросшая сорняками. Охраняя ее, низко свисали ветви деревьев, словно эти ветви пытались скрыть от людского глаза едва заметные следы проходившей здесь некогда дороги.

Я резко повернул руль, и машина, содрогнувшись, перевалила через неглубокую канавку. Ветви тут же заслонили ветровое стекло и заскребли по металлической обшивке.

Я ехал вслепую, колеса то и дело подскакивали на старой, почти стершейся колее. Наконец я затормозил и вылез из машины. Позади ветви деревьев свисали почти до земли, и машина вряд ли была видна с дороги.

Я улыбнулся, поздравив себя с этой мизерной победой.

Я был уверен, что на этот раз оставил их с носом. Я ждал.

Черная машина взлетела на вершину холма и с ревом ринулась по дороге вниз. В послеполуденной тишине ее мотор тарахтел на всю округу. Еще немного, и не миновать ей капитального ремонта.

Она спустилась с холма, и раздался резкий скрип тормозов. Они все скрипели и скрипели, пока наконец машина не остановилась.

Меня опять уложили на обе лопатки, подумал я. Каким-то образом они узнали, что я здесь.

Видно, они решили отбросить церемонии. Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Я открыл дверцу и достал с заднего сиденья винтовку. Взвесил на руке, и ее тяжесть вселила в меня уверенность. С секунду я соображал, насколько эффективна винтовка против подобных существ, потом вспомнил, как рассыпался Этвуд, когда я полез в карман за пистолетом и как там, к северу от города, покатила вниз по склону холма машина, стоило мне открыть по ней огонь.

Сжимая в руке винтовку, я крадучись пошел вдоль колеи. Если мой преследователь отправится меня искать — а он обязательно так и делает, — ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он нашел меня в том месте, где, по его расчету, я должен находиться.

Я двигался в безмолвном мире, благоухавшем всеми ароматами осени. Над тропинкой переплелись унизанные багровыми листьями стебли ползучих растений и нескончаемым дождем медленно и плавно падали расцвеченные холодом листья, струясь сквозь лабиринт ветвей. Я ступал почти бесшумно, образовавшийся за долгие годы многослойный ковер из опавших листьев и мха поглощал все звуки.

Я вышел из рощицы и прокрался вдоль опушки на вершину холма. Я нашел там пламенеющий куст сумаха и присел за ним

на корточки. Куст еще не расстался со своими глянцевитыми красными листьями, и я оказался в идеальной засаде.

Склон подо мной спускался к крошечному ручейку — тоненькой струйке воды, которая бежала в ложбине между холмами. Рошча, изогнувшись, отступала к дороге и передо мной расстилалась бурая от засохшего сорняка поверхность склона с кое-где вкрапленными в нее пылающими факелами кустов сумаха.

Вдоль ручья шел какой-то мужчина, потом он повернул и стал взбираться по склону, направляясь прямо ко мне, как будто знал, что я прячусь за кустом. Это был невзрачного вида сутуловатый субъект в низко надвинутой на лоб старой фетровой шляпе и черном костюме, который даже на расстоянии выглядел сильно поношенным.

Глядя себе под ноги, он шел прямо на меня. Словно хотел показать, что не видит меня, знать не знает, что я где-то поблизости. Не спеша он неуклюжей походкой ковылял вверх по склону, не отрывая глаз от земли.

Я поднял винтовку и просунул ствол сквозь занавес из алых листьев. Прижал приклад к плечу и взял на мушку опущенную голову взбиравшегося на холм человека.

Он остановился. Словно знал, что на него нацелена винтовка; остановился, вскинул голову и завертел ею по сторонам. Потом он выпрямился, подобрался и, изменив направление, пошел по склону к маленькому, заросшему травой болотцу.

Я опустил винтовку, и в этот миг моих ноздрей коснулась струя отвратительного зловония.

Я принюхался, чтобы определить, что это за запах, и сразу же все понял: где-то поблизости на склоне холма находился рассерженный скус.

Я усмехнулся.

Так ему и надо, подумал я. Так ему и надо, этому проклятому крестину.

Теперь он уже двигался быстрее, пробираясь к болоту через островок высокой, по пояс, травы. И вдруг исчез.

Я протер глаза и снова взглянул в ту сторону — его не было.

Он мог споткнуться и упасть в траву, рассудил я, однако меня не оставляло ощущение, что я вижу такое не впервые. То же самое произошло на моих глазах в подвале усадьбы "Белмонт". Этвуд сидел тогда передо мной на стуле, и в мгновение ока стул опустел, а по полу покатались кегельные шары.

Я не заметил, как это произошло, хотя смотрел на него в упор. Я никак не мог пропустить это и тем не менее ничего не увидел.

В какой-то миг Этвуд присутствовал, а в следующий — вместо него появились кегельные шары.

Именно это и произошло сейчас, при ярком свете послеполуденного осеннего солнца. Только что по пояс в траве шел человек и вдруг его не стало. Он бесследно исчез.

Держа наготове винтовку, я осторожно встал во весь рост и окинул взглядом склон холма.

Смотреть там было не на что, если не считать колыхавшейся травы, а колыхалась она только в одном месте — там, где исчез этот человек. Вся остальная растительность на склоне была недвижима.

Запах скуснса все настойчивее лез мне в ноздри, волной поднимаясь снизу по склону холма.

А там творилось нечто дьявольски странное.

Трава продолжала колыхаться, словно в том месте что-то бешено металось по земле, но не было слышно ни звука. Стояла мертвая тишина.

Я стал спускаться к подножию холма, по-прежнему держа наготове винтовку.

И внезапно у меня в кармане что-то закопошилось. Как будто туда раньше залезла мышь или крыса, а сейчас пытается выбраться наружу.

Я инстинктивно схватился за карман, но эта штукавина уже вылезла из него. Она оказалась маленьким черным шариком, вроде тех мягких резиновых мячиков, которые дают играть малышам.

Он высулся из кармана, увильнул от моих пальцев, упал на землю и какими-то сумасшедшими зигзагами покатился к тому месту, где колыхалась трава.

Я стоял как вкопанный, глядя ему вслед и пытаясь сообразить, что это такое. И вдруг я понял. Это были деньги. Та их часть, что лежала у меня в кармане, — часть тех денег, которые я получил в усадьбе "Белмонт".

Теперь они вновь превратились в шар и мчались туда, где исчез тот, другой оборотень, на время принявший человеческий облик.

Я издал вопль и, забыв об осторожности, побежал к островку колыхавшейся травы.

Потому что там что-то происходило и я должен был выяснить, что именно.

Скусном воняло нестерпимо, и я невольно начал уклоняться в сторону, но тут краем глаза увидел, что там делается.

Я остановился и стал смотреть, ничего не понимая.

Там, в траве, как одержимые, в самозабвенном экстазе скакали

кегельные шары. Они крутились волчком, катались взад и вперед, подпрыгивая в воздух.

И с этого травянистого островка поднимался тошнотворный, слезоточивый, сводящий скулы запах, оставленный растревоженным скунсом.

Я не выдержал. Давясь и отплеываясь, я пустился наутек.

И на пути к машине я подумал — без особого, правда, душевного подъема, — что наконец нашел трещину в казалось бы неуязвимой броне кегельных шаров.

32 Пес говорил, что они питают слабость к запахам. Завладев Землей, они обменивают ее на партию каких-то запахов. Запахи — это их жизненный стимул, единственный источник наслаждения. Они их ценят превыше всего.

И здесь, на Земле, у подножия разукрашенного осенью холма, на заросшей травой болотце они нашли запах, который их пленил. Ведь только так можно было истолковать их иступленные прыжки. Запах, который, видимо, обладал для них такой притягательной силой, что заставил отказаться от выполнения стоявшей перед ними задачи, какова бы ни была ее цель.

Я сел в машину, дал задний ход, выехал на дорогу и поехал обратно в сторону главного шоссе.

По-видимому, другие ароматы Земли не обладали для кегельных шаров особой привлекательностью, подумал я, но вонь скунса свела их с ума. И хотя лично мне это казалось бессмысленным, я вполне допускал, что в этом мог быть определенный смысл для кегельного шара.

Должен быть какой-то способ, сказал я себе, который даст возможность человеческому роду использовать эту информацию в своих интересах, способ, с помощью которого мы сумеем извлечь выгоду из этой любовной интрижки кегельных шаров со скунсами.

Я мысленно перенесся во вчерашний день, когда Гэвин поместил на первой странице газеты статью Джой о ферме, где разводят скунсов. Но в ней речь шла о других скунсах.

Мои мысли разбегались кругами и каждый раз ни с чем возвращались к исходной точке. И подводя итог этим бесплодным размышлениям, я подумал, что можно задохнуться от ярости, если эту открытую мною слабость пришельцев не удастся обратить на пользу человечества.

Ибо, насколько я понимал, это был наш единственный шанс. Во всем остальном они взяли нас за горло мертвой хваткой, поставив в совершенно безвыходное положение.

Но если и была какая-то возможность извлечь из этого пользу, мне она в голову не приходила. Если б нас было много, если б я не был так одинок, меня, вероятно, осенила бы какая-нибудь идея. Но со мной была только Джой.

Я въехал в пригород; боюсь, я не уделял должного внимания своим обязанностям водителя. Я остановился у светофора, задумался и не заметил, как красный свет сменился зеленым.

До меня это дошло только тогда, когда мимо пролетело такси с высунувшимся из окошка взбешенным шофером.

— Дубина! — крикнул он мне. Там были еще кой-какие словечки, вероятно, позабористей, но я их не расслышал — сзади раздраженно засигналили другие машины.

Я поскорей оттуда убрался.

Но зато теперь я кое-что знаю, подумал я. Есть одна возможность. Может, это пустой номер, но по крайней мере у меня появилась хоть какая-то идея.

Всю дорогу до мотеля я рылся в памяти и в конце концов нашел это — имя другого шофера такси, того, что с таким воодушевлением расписывал охоту на енотов.

Я въехал во двор мотеля, поставил машину перед блоком и остался сидеть в ней, пытаясь собраться с мыслями.

Спустя несколько минут я вылез из машины и отправился в ресторан. Закрывшись в будке, я отыскал в телефонной книге имя Ларри Хиггинса и набрал номер.

Мне ответил женский голос, и я попросил позвать к телефону Ларри. Потом я ждал, пока она ходила за ним.

— Хиггинс слушает.

— Быть может, вы помните меня, — сказал я, — а может, и нет. Я тот, кого вы подвезли вчера вечером к "Уэллингтон-Армз". Вы еще рассказывали мне про охоту на енотов.

— Мистер, про охоту на енотов я рассказываю всем, кто не затыкает уши. Что поделаешь, есть у меня такая страстишка.

— Но говорили не только вы. Мы оба обсуждали это. Я рассказал вам, что иногда охочусь на уток и фазанов, и вы предложили мне как-нибудь вместе поохотиться на енотов. Вы сказали...

— Погодите, — перебил он, — теперь я припоминаю. Конечно же, я вас помню. Я подобрал вас у бара. Но сегодня с охотой ничего не выйдет. Мне сегодня в ночь работать. Вам повезло, что вы меня застали. Я уже уходил.

— Но я не...

— Можно же договориться на какой-нибудь другой день. Завтра воскресенье. Как насчет завтрашнего вечера? Или во вторник. Во

вторник вечером я не работаю. Скажу вам, мистер, это куда веселее...

— Но я звоню по другому вопросу.

— Вы что, не хотите поохотиться? Поверьте, стоит вам только попробовать...

— Как-нибудь вечером мы это обязательно организуем, — сказал я. — В один из ближайших вечеров я вам позвоню и мы назначим день.

— Ладно. Звоните в любое время.

Он уже собрался положить трубку, и я поспешно проговорил:

— Но у меня есть к вам еще одно дело. Вы тогда рассказали мне про старика, который приручает скунсов.

— Ага, о том старикашке, что малость сбрендил. Даю вам честное слово...

— Вы можете мне объяснить, как его найти?

— Как его найти?

— Да. Как мне до него добраться?

— Хотите его навестить, так, что ли?

— Да, я непрочь с ним повидаться. Хочу с ним потолковать.

— О чем?

— Да как вам сказать...

— Послушайте, может, я тогда сболтнул лишнего. Он добрый и безобидный старикан. Мне не хочется, чтоб его беспокоили. Ведь над такими, как он, народ любит потешиться.

— Вы говорили мне, — сказал я, — что он пытается написать книгу.

— Ну, говорил.

— И что ему это не по зубам. Вы же так сами сказали. Да еще пожалели, что он никогда эту книгу не напишет, не справится. Так вот, я — писатель, и мне пришлось в голову, что, может быть, если ему немного помочь...

— Стало быть, вы собираетесь подсобить ему?

— За некоторое вознаграждение, — сказал я.

— Ему нечем вам платить.

— Ему и не придется. Я мог бы написать для него эту книгу, если у него есть материал. А потом мы бы поделили гонорар.

Хиггинс призадумался.

— Ладно, пожалуй, это годится. Ведь сейчас он так ее пишет, что вообще не выручит за эту книгу ни цента. Ему и впрямь не лишне помочь.

— Вот именно. Как же мне его найти?

— Я мог бы вас как-нибудь вечером свозить к нему.

— Если можно, я бы хотел встретиться с ним сегодня. Завтра я уезжаю.

— Ладно уж, будь по-вашему. Сдается мне, что худа от этого не будет. У вас там есть карандаш и бумага?

Я ответил, что есть.

— Его имя — Чарли Манз, но соседи зовут его Пустомелей. Вы выезжали из города по двенадцатому шоссе и...

Я записал под его диктовку адрес.

Поблагодарил его, когда он закрутился.

— Как-нибудь позвоните мне, — сказал он, — и мы сообразим насчет охоты.

Я пообещал.

Я достал другую монету и позвонил в редакцию. Джой еще была там.

— Ты купил продукты, Паркер?

Я сказал, что купил, но мне придется снова уехать.

— Я занесу все в блок, — добавил я. — Ты случайно не знаешь, работает ли холодильник?

— Наверно, работает, — ответила она. И тут же спросила: — Куда это ты собрался, Паркер? Голос у тебя взволнованный. Что случилось?

— Мне нужно встретиться с одним человеком по поводу скунсов.

Ей показалось, что я решил подшутить над ее вчерашней замечкой, и она обиделась.

— Ничего подобного, — заверил я ее. — Это чистая правда. В долине, вверх по течению реки живет один старик по имени Манз. Быть может, это единственный в мире человек, который приручает диких скунсов.

— Ой, врешь.

— А вот и нет, — сказал я. — Мне о нем прожужжал уши один болтливый шофер такси, которого зовут Ларри Хиггинс.

— Паркер, — произнесла она, — ты что-то затеваешь. Ты ведь ездил в усадьбу "Белмонт". Там что-нибудь произошло?

— Ничего особенного. Они сделали мне одно предложение, и я обещал подумать.

— Какое предложение?

— Предложили стать их агентом по печати и рекламе. Кажется, это так называется.

— И ты собираешься его принять?

— Не знаю, — ответил я.

— Мне страшно, — проговорила она. — Еще страшней, чем прошлой ночью. Я хотела поговорить об этом с Гэвином, я хотела

поговорить с Дау. Но у меня язык не повернулся. Что толку в таком разговоре? Нам ведь никто не поверит.

— Ни одна душа на свете, — согласился я.

— Я уеду домой. И очень скоро. Пусть Гэвин подсовывает мне какую угодно работу, все равно я сбегу отсюда. Ты ведь не надолго, правда?

— Не надолго, — пообещал я. — Я отнесу продукты в блок, и ты сразу принимайся за готовку.

Мы попрощались, и я пошел назад к машине.

Я перетащил продукты в блок, поставил молоко, масло и еще кое-что в холодильник. Остальное разложил на столе. Потом я выгреб из-под матраса остаток денег и набил ими карманы.

Покончив со всеми этими делами, я поехал к старику, чтобы побеседовать с ним о его сунсах.

33 По совету Хиггинса я поставил машину на задворках фермерской усадьбы, чуть в стороне от ворот, которые вели к сараям, чтобы она не загромождала проход, если кому-нибудь понадобится войти или выйти. Поблизости никого не было, только откуда-то выскочила, виляя хвостом, добродушная деревенская дворняжка, чтобы неофициально поприветствовать меня радостными прыжками.

Я похлопал ее по спине, сказал ей несколько слов, и она увязалась за мной, когда я вошел в ворота и зашагал через задний двор. Но у лаза в изгороди из колючей проволоки, за которой начиналось поле клевера, я остановился и попросил ее вернуться обратно. Мне не хотелось брать ее с собой к старику, чтобы не нарушить этим душевный покой теплой компании дружелюбных сунсов.

Она подчинилась не сразу. Она убеждала меня, что нам лучше отправиться бродить по полю вдвоем. Но я настаивал на ее возвращении, я шлепнул ее по задку, чтобы придать больше веса своим словам, и в конце концов она побежала обратно, оглядываясь через плечо в надежде, что я смягчусь.

Когда она скрылась из виду, я пошел через поле вдоль проложенной телегами колеи, которая едва проглядывала сквозь густой ковер клевера. Из-под ног у меня вылетали поздние осенние кузнечики и, сердито жужжа, скачками рассыпались по полю.

Я добрался до конца поля, пролез через дыру в другой изгороди и, по-прежнему держась полустершейся колеи, зашагал дальше по заросшему молодыми деревцами пастбищу. Солнце клонилось к западу, и перелесок был исчерчен тенями, а в ложине самозабвенно

веселились белки, кувыркаясь в опавшей листве и молнией взлетая на деревья.

Дорога сбегала вниз по склону холма, пересекая лощину, взбиралась на другой холм и там, наверху, под широким выступом торчавшей из склона скалы я увидел хижину и человека, которого искал.

Старик сидел в кресле-качалке, древнем, распатанном кресле-качалке, которое так скрипело и стонало, словно с минуты на минуту собиралось развалиться. Качалка стояла на небольшой площадке, вымощенной плитами местного известняка, которые старик, видно, собственноручно нарезал в высохшем русле некогда протекавшей в долине речки и втащил на холм. Через спинку кресла была переброшена грязная овечья шкура, и от качки рваные края этой шкуры мотались, как кисточки на попоне.

— Добрый вечер, незнакомец, — произнес старик с таким невозмутимым спокойствием, как будто чужие люди заглядывали к нему в этот час ежедневно. Тут я сообразил, что, вероятно, не застал его врасплох — он видел, как я спускался по колее с холма и пересекал лощину. Возможно, он наблюдал за мной все время, пока я шел к нему, тогда как я даже не подозревал о его присутствии, не зная, где его нужно высматривать.

Я только сейчас обратил внимание на то, как гармонировала эта хижина со склоном холма и окружавшими ее выходами скальных пород — словно она была такой же неотъемлемой частью этого лесистого пейзажа, как деревья и скалы. Домик был невелик и низок, а бревна, из которых он был сложен, под воздействием непогоды и солнца обесцветились и приобрели какой-то неопределенный оттенок. Рядом с дверью стоял умывальник. На скамье разместились оловянный таз и ведро с водой, из которого торчала ручка ковша. Позади скамьи высился штабель дров и стояла колода с вонзенным в нее обоюдоострым топором.

— Вы будете Чарли Манз? — спросил я.

— Точно. Чарли Манз — это я, — ответил старик. — А как вам удалось меня найти?

— Мне указал дорогу Ларри Хиггинс.

Он покивал головой.

— Хиггинс хороший человек. Раз уж Ларри вас направил сюда, значит, вы не держите камня за пазухой.

Когда-то он был крупным рослым мужчиной, но его обглодали годы. Рубашка свободно болталась на его широких плечах, мятые брюки казались какими-то пустыми. Голова его была непокрыта, но благодаря густым стального цвета волосам создавалось впечатление, будто на нее надета шапка, а лицо заросло короткой и

довольно неопрятной бородой. Я никак не мог решить, запускать ли он эту бороду намеренно, или просто несколько недель не брился.

Я представился и сказал, что меня интересуют скунсы и мне известно, что он пишет книгу.

— Похоже, вы непрочь присесть и немного поработать языком, — сказал он.

— Если вы не возражаете.

Он встал с кресла и пошел к хижине.

— Садитесь, — сказал он. — Если вы собираетесь у меня немного погостить, вам лучше сесть.

Я огляделся — и боюсь, слишком выразительно, — ища глазами, куда бы мне примоститься.

— Садитесь в кресло, — сказал он. — Я его для вас согрел. Сам я устроюсь на полене. Мне это только на пользу. А то я тут нежусь почти с самого полудня.

Он исчез в хижине, и я опустился в кресло. Рассевшись в нем, я почувствовал себя последней скотиной, хотя не сделаю я этого, он бы наверняка обиделся.

Кресло оказалось удобным, я мог отсюда созерцать долину и холм напротив — и все это было непередаваемо прекрасно. Землю устилали опавшие, но пока не утратившие своих красок листья, а несколько деревьев еще щеголяло в лохмотьях летних нарядов. По упавшему стволу пробежала белка, остановилась у самого его края, присела и принялась меня разглядывать. Она подергала хвостом, но не выказала ни тени страха.

Меня окружали красота, тишина и такой безмятежный покой, какого я не знал уже много лет. Я мог понять, что испытывал старик, коротая в этом кресле долгие часы золотистого послеполудня. Здесь было на что смотреть. Я почувствовал, как на меня нисходят покой и умиротворение, и я даже не вздрогнул, когда из-за угла хижины в развалку вышел скунс.

Скунс остановился и вытарашил на меня глаза, приподняв изящную переднюю лапу, но немного погодя степенно и неторопливо прошел мимо по двору. Думаю, что он был не очень большой, но мне он показался огромным, и я приложил все усилия, чтобы случайно не шевельнуться; у меня не дрогнул ни один мускул.

Из хижины вышел старик. В руке у него была бутылка.

Он увидел скунса и восторженно закудахтал.

— Бьюсь об заклад, что вы здорово струхнули!

— Только в первый момент, — сказал я. — Но я сидел тихо, и он, видно, примирился с моим присутствием.

— Это Феба, — сказал он. — Страсть, какая назойливая особа. Шагу нельзя ступить, чтобы на нее не наткнуться.

Он вышиб из штабеля полено и поставил его на попа. Тяжело опустился на него, откупорил бутылку и протянул ее мне.

— От разговоров пересыхает горло, — сказал он, — а у меня давненько не было компаньона по части выпивки. Сдается мне, мистер Грейвс, что вы человек пьющий.

Стыдно сказать, но я чуть было с жадностью не облизнулся. За весь день у меня во рту не было ни капли спиртного и я так закрутился, что у меня даже в мыслях не было пропустить стаканчик, и только сейчас я понял, как он мне необходим.

— Мистер Манз, до сих пор у меня была репутация человека, который никогда не отказывается от выпивки, — сказал я. — Я не собираюсь опровергать это.

Я запрокинул голову и деликатно отхлебнул из бутылки. Виски было не первого класса, но приятное на вкус. Я отбросил рукавом горлышко и передал ему бутылку. Он сделал умеренный глоток, потом вернул ее мне.

Скунсика Феба подошла к нему, поднялась на задние лапы и положила передние ему на бедро. Он опустил руку и помог ей взобраться к себе на колени. Там она и улеглась.

Зачарованный этой сценой, я настолько забылся, что приложился к бутылке два раза подряд, тем самым опередив хозяина на один глоток.

Я отдал старику бутылку, и он сидел теперь с бутылкой в одной руке, а другой почесывал скунса под подбородком.

— По делу вы пришли или просто так, — сказал он, — я все равно рад вам. Я не из тех, кому в тягость одиночество, и на жизнь я не жалею, однако для меня всегда праздник поглядеть на лицо ближнего. Но вас что-то гнетет. Неспроста вы пришли ко мне. Вам хочется снять с души какую-то тяжесть.

С минуту я молча смотрел на него, и тут у меня в голове созрело важное решение. Ничем не обоснованное, оношло вразрез со всеми моими планами. Сам не знаю, что меня толкнуло на это. Быть может, умиротворяющая тишина, царившая на этом склоне, быть может, спокойствие старика и удобное кресло, а может, это было вызвано целым комплексом различных причин. Потратить я какое-то время на размышление, едва ли я решился бы на этот шаг. Но некий внутренний импульс и нечто, таившееся в этом предвечернем часе, побудили меня поступить именно так.

— Я обманул Хитгинса, чтобы вытянуть из него ваш адрес, — проговорил я. — Я сказал, что хочу помочь вам написать книгу. Но я больше не желаю лгать. Одной лжи достаточно. Я не стану вас обманывать. Я расскажу вам все, как есть.

На лице старика отразилось легкое удивление.

— Помочь мне написать книгу? Это какую, о скунсах?

— Если захотите, я действительно помогу вам, когда со всем этим будет покончено.

— Пожалуй, если уж говорить честно, то мне понадобилась бы кой-какая помощь. Но вы ведь пришли сюда не за этим, так ведь?

— Да, — подтвердил я. — Не за этим.

Он сделал основательный глоток и протянул мне бутылку. Я тоже еще разок приложился к ней.

— Порядок, приятель, — сказал он. — Я зарядился и готов вас выслушать. Выкладывайте свое дело.

— Когда я начну, не перебивайте и не останавливайте меня, — попросил я. — Дайте мне договорить до конца. А потом уже задавайте вопросы.

— Я умею слушать, — заметил старик, прижимая к себе бутылку, которую я отдал ему, и ласково поглаживая скунса.

— Возможно, вам будет трудно в это поверить.

— Это уже не ваша забота, — сказал он. — Давайте, рассказывайте, а там видно будет.

Я и рассказал. Я призвал на помощь все свое красноречие, но при этом ни на шаг не отступил от истины. Я передал все так, как это было на самом деле, рассказал о том, что знал и что предполагал, о том, как ни один человек не согласился меня выслушать, за что я, впрочем, никого не винил. Я рассказал ему о Джой, о Стирлинге, о Старике и сенаторе, о вице-президенте страховой компании, который не мог разыскать для себя жилье. Я не пропустил ни малейшей подробности. Я рассказал ему все.

Я умолк, и наступила тишина. Пока я говорил, закатилось солнышко, и лесистые склоны подернулись сумеречной дымкой. Налетел легкий ветерок, повеяло холодом и в воздухе повис тяжелый запах опавших листьев.

Я сидел в кресле и размышлял о том, какого я свалил дурака. Я загробил свой последний шанс, выболтав ему правду. Я ведь мог иными путями добиться от него, чтобы он выполнил мою просьбу. Так нет же, дернуло меня избрать самый трудный путь — честный, без лжи.

Я сидел и ждал. Я выслушаю, что он мне скажет, потом встану и уйду. Поблагодарю за виски, за то, что он уделил мне время, и в сгущающихся сумерках пройду через лесок и поле к тому месту, где оставил машину. Я вернусь в мотель. Джой будет ждать меня с обедом и надуется на меня за опоздание. А мир будет рушиться, словно никто никогда даже пальцем не шевельнул, чтобы его спасти.

— Вы пришли ко мне за помощью, — раздался в полумраке голос старика. — Скажите же, чем я могу вам помочь?

У меня перехватило дыхание:

— Вы мне верите?

— Послушайте, незнакомец, — произнес старик, — я еще кое-что соображаю. Да если б то, о чем вы рассказали, не было правдой, вы никогда бы не побеспокоились приехать ко мне. И потом, мне кажется, я способен учуять, когда человек лжет.

Я попытался что-то сказать, но не смог. Слова застряли у меня в горле. Еще немного, и я бы разрыдался, а такого за мной не водилось с незапамятных времен. Я почувствовал, как душу мне переполняют благодарность и надежда.

И все потому, что мне кто-то поверил. Меня выслушало и мне поверило другое человеческое существо, и я перестал быть дураком или полоумным. Через это таинство веры я вновь полностью обрел человеческое достоинство, которое постепенно утрачивал.

— Сколько скунсов, — спросил я, — вы можете собрать сразу?

— Дюжину, — ответил старик. — А может, и полторы. Их тут видимо-невидимо в скалах у гребня холма. Они будут шляться сюда всю ночь напролет, чтобы проведать меня и получить свой кусок.

— А вы не могли бы посадить их в ящик и как-нибудь перевезти в другое место?

— Перевезти их в другое место?

— В город, — сказал я. — В центр города.

— У Тома, у хозяина той фермы, где вы оставили машину, у него есть небольшой грузовичок. Он мог бы мне его одолжить.

— И не стал бы вас ни о чем расспрашивать?

— Ясное дело, что без вопросов тут не обойдешься. Но я найду, что ответить. Он мог бы через лес подогнать грузовик поближе.

— Тогда все в порядке, — сказал я, — об этом-то я и хотел вас просить. Вот как вы можете мне помочь...

И я быстро изложил ему свою просьбу.

— Но мои скунсы?! — испуганно воскликнул он.

— Речь идет о будущем человечества, — ответил я. — Вы же помните, о чем я вам рассказывал...

— Но есть еще полицейские. Ведь они тут же схватят меня. Мне не удастся...

— Пусть это вас не тревожит. У нас есть возможность уладить конфликт с полицией. Вот, смотрите...

Я полез в карман и вытащил пачку банкнот.

— Этого хватит на оплату любых штрафов, которые пожелает с вас содрать полиция, и сверх того еще останется немалая сумма.

Он пристально посмотрел на деньги.

— Это же те самые бумажки, которые вы получили в усадьбе "Белмонт"!

— Часть тех денег, — подтвердил я. — Кстати, вам лучше оставить их дома. Если вы возьмете их с собой, они могут исчезнуть. Могут превратиться в то, чем они были раньше.

Он согнал с колен скусна и засунул деньги в карман. Потом встал и протянул мне бутылку.

— Когда мне приступить?

— Я могу позвонить этому Тому?

— Само собой, в любое время. Чуть погода я поднимусь к нему и скажу, что жду звонка. А после того, как вы позвоните, он спустится сюда поближе на своем грузовике. Я ему все объясню. Правды-то он от меня не услышит, конечно. Но рассчитывать на него можно.

— Спасибо, — проговорил я. — Огромное за все спасибо.

— Давайте, угощайтесь, — сказал он. — И верните мне бутылку. Мне самому сейчас очень в жилу лишний глоток.

Я выпил и отдал ему бутылку. Он, пыхтя, влил в себя свою порцию.

— Я немедленно принимаюсь за дело, — объявил он. — Через часик-другой скусны будут собраны.

— Я позвоню Тому, — сказал я. — Сперва вернусь в город и разведу обстановку. А потом позвоню Тому, кстати, как его фамилия?

— Андерсон, — ответил старик. — К тому времени я уже успею с ним поговорить.

— Еще раз спасибо, старина. До скорого.

— Хотите еще выпить?

Я отрицательно потряс головой.

— Мне работать.

Я повернулся и зашагал вниз по окутанному сумерками склону, потом поднялся по едва различимой колее, которая привела меня к полю клевера.

Когда я приблизился к тому месту, где оставил машину, в окнах фермерской усадьбы уже горел свет, но на заднем дворе было пустынно и тихо.

Пока я шел к машине, из мрака вдруг раздалось рычание. Звук этот был настолько ужасен, что у меня на голове стали дыбом волосы. Меня точно молотком ударило, я похолодел, и тело мое как-то сразу обмякло. Страх и ненависть слышались в этом рычании, и к его звуку примешивался скрежет зубов.

Я протянул руку к машине и схватился за ручку дверцы: рычание не стихало — безудержное, захлебывающееся рычание, яростное клекотание, которое рвалось из горла, почти не смолкая.

Я распахнул дверцу машины, упал на сиденье и захлопнул ее

за собой. Снаружи нескончаемыми руладами разливался бешеный рык.

Я завел мотор и включил фары. Конус света выхватил из мрака издававшее рычание существо. Это была та самая приветливая деревенская дворняжка, которая так обрадовалась моему приезду и набивалась мне в попутчики. Но сейчас от ее приветливости не осталось и следа. Шерсть у нее на загривке ошетичилась, а морду рассекала белая полоса оскаленных зубов. В ярком свете фар глаза ее сверкали зеленым огнем. Выгнув спину и поджав хвост, она медленно попятилась в сторону, уступая мне дорогу.

Ужас пронзил мне душу, и я с силой нажал на акселератор. Застонав, тронулись с места колеса, и, проскочив мимо собаки, машина рванулась вперед.

34 Когда я впервые увидел ее, она была приветливой и веселой собачонкой. В ту минуту я ей пришелся по душе. Я тогда немало повозился, чтобы заставить ее остаться дома.

Что же произошло с ней за несколько коротких часов?

Или, правильное будет спросить, что произошло со мной?

И пока я ломал себе голову над этой загадкой, по спине у меня прохаживались чьи-то влажные мохнатые лапы.

Быть может, причиной этому была темнота, подумал я. Может ведь так быть, что при свете дня она оставалась дружелюбной дворнягой, а с наступлением ночи превращалась в свирепую сторожевую собаку, охранявшую хозяйское добро.

Но такое объяснение было притяннуто за уши. Я был уверен, что дело тут не только в этом.

Я взглянул на приборный щиток — часы на нем показывали четверть седьмого. Сейчас я поеду в мотель и позвоню Гэвину и Дау, чтобы узнать последние новости. Не потому, что я ожидал услышать о каких-нибудь переменах, — просто мне нужно было убедиться, что все по-старому. После этого я позвоню Тому Андерсону и колеса завертятся; дело сделано, а там будь что будет.

Кролик перебежал дорогу перед самой машиной и нырнул в заросшую травой канаву у обочины. На западе, где небосклон блеклой зеленью расписало гаснущее зарево заката, летела стайка птиц, казавшихся на фоне высветленной полосы неба гонимыми ветром хлопьями саж.

Я подъехал к главному шоссе, приостановил машину, потом тронулся дальше, свернув направо, к городу.

По моей спине больше не разгуливали существа с влажными холодными лапами, и я уже начал забывать о собаке. У меня вновь

потеплело на душе от сознания того, что мне кто-то поверил — неважно, что это был всего-навсего чудаковатый старик отшельник, похоронивший себя в лесной глуши. Впрочем, не исключено, что никто на свете не мог бы оказать мне большую помощь, чем этот чудаковатый старик отшельник. Быть может, от него будет гораздо больше толку, чем от сенатора, или Старика, или любого другого человека. В том случае, если план будет выполнен, если он преждевременно не сорвется.

Холодные влажные лапы убрались с моей спины, но теперь у меня зачесалось ухо. Черт бы его побрал, с раздражением подумал я, вот уж нехстати!

Я захотел снять руку с руля, чтобы почесать ухо — и не смог. Она точно приклеилась к нему, прилипла, и я не в состоянии был ее отодрать.

Сперва я подумал, что либо мне это померещилось, либо я что-то недопонял: я попытался поднять руку, но мне это почему-то не удалось — произошла какая-то странная заминка в мозгу или отказали мышцы. Что само по себе, если оставить это без внимания, могло привести к страшным последствиям.

И я сделал еще одну попытку. Мышцы руки напряглись до предела, но рука не сдвинулась с места, и меня обдало налетевшей из мрака волной ужаса.

Я попробовал оторвать от рулевого колеса другую руку, она тоже не поддавалась. И тут я увидел, что у руля появились отростки, которые наручниками обхватили мои запястья и приковали их к нему.

Я с силой обрушил ногу на тормозную педаль, сознавая при этом, что жму на нее слишком сильно. Никакого результата. Словно тормоза не было и в помине. Машина и не дрогнула. Она продолжала нестись вперед, как будто я даже не коснулся тормозной педали.

Я нажал снова — тормоза не работали.

Но если они отказали, машина все равно должна была постепенно сбавить скорость, раз я снял ногу с акселератора. Но она не замедлила ход. Она по-прежнему шла со скоростью шестьдесят миль в час.

Я понял, в чем дело. Я понял, что произошло. Как понял и то, почему рычала собака.

Это была не машина; это была подделка, созданная пришельцами!

Чужеродное сооружение, которое захватило меня в плен, которое могло стать для меня местом пожизненного заключения, которое по своему желанию могло завезти меня куда угодно, которое могло сотворить все, что ему заблагорассудится.

Я яростно рванул к себе руль, пытаясь высвободить руки, и невольно крутанул его на сто восемьдесят градусов; я мгновенно вернул руль в исходное положение и меня прошиб пот при мысли о том, к чему мог привести такой поворот руля на скорости сто шестьдесят миль в час.

Но тут до меня дошло, что руль-то я повернул, а на ходе машины это не отразилось, и я понял, что теперь могу, не боясь последствий, вертеть руль в любую сторону. Потому что машина полностью вышла из-под моего контроля. Она не подчинялась ни тормозам, ни рулю, ни акселератору.

А иначе и не могло быть. Это же была не машина. Не машина, а нечто иное, нечто иное и страшное.

Но я был убежден, что раньше это была настоящая машина. Это сооружение было машиной еще сегодня к вечеру, когда преследовавшее меня существо рассыпалось на склоне холма от зловонной струи сукса. Оно-то рассыпалось, а машина уцелела; она не превратилась в сотню кегельных шаров, ринувшихся к болотцу, чтобы пуститься в пляс, упиваясь этим смрадом.

Потом машину подменили — скорей всего, в те последние часы, которые я провел у хижины, рассказывая Чарли Манзу свою историю. Ведь когда я въехал во двор, собака не протестовала против машины, она рычала на нее уже в темноте, когда я вернулся.

В мое отсутствие кто-то в этой машине въехал во двор фермерской усадьбы — не в машине, а в ловушке, в которую я сейчас попался, — оставил ее там и уехал в настоящей. Прodelать это было несложно, ведь когда я вернулся, во дворе не было ни души. А если б даже в ту минуту кто-нибудь находился поблизости, такая замена вполне могла пройти незамеченной или, самое большее, вызвать у этого свидетеля только легкое недоумение.

Вначале машина была настоящей; конечно же она была настоящей. Ведь они, вероятно, предвидели, что я тщательно осмотрю ее, и, возможно, боялись, что я сумею обнаружить какой-нибудь дефект в конструкции. А рискнуть они не решились — они непременно должны были обеспечить для меня ловушку. Но, видно, они рассудили, что после того, как я осмотрю машину, после того, как я удостоверюсь в ее подлинности, ее можно заменить безо всякой опаски, поскольку, удовлетворившись этим осмотром, я выброшу из головы все сомнения.

Вполне вероятно, что их возможности ограничены, и они это отлично понимали. Быть может, самое большее, на что они способны, — это копировать внешний вид предметов. И возможно, что даже в этом у них случались кое-какие промашки. Взять хотя бы ту машину, которую я обстрелял по дороге, — ее единственная

фара находилась в центре ветрового стекла. Но та машина была, конечно, сляпана наспех. Они могли работать гораздо лучше и, видимо, отдавали себе в этом отчет, но тем не менее, наверно, не были до конца уверены в своей компетентности или боялись, что существуют какие-нибудь не известные им способы, с помощью которых можно распознать подделку.

Поэтому они действовали наверняка. И их осторожность окупилась сполна. Теперь я был в их власти.

Я сидел там, беспомощный, объятый страхом перед этой своей беспомощностью, но прекратив всякое сопротивление, потому что я был убежден, что никакие физические усилия не освободят меня от этой машины. Для этого могли существовать иные пути, без применения силы, и я мысленно прикинул, что тут можно сделать. Я, скажем, мог бы попытаться завязать с машиной разговор. На первый взгляд, это, конечно, глупость, но все же не лишенная определенного смысла, поскольку это была не машина, а враг, который, несомненно, сознавал мое присутствие. Но я эту идею отверг, так как не был уверен в том, что машина, которая, возможно, услышит меня, снабжена говорящим устройством и сумеет мне ответить. А подобный односторонний разговор смахивал бы на мольбу; мне показалось бы, что к моим словам относятся с презрением, и я почувствовал бы себя униженным. А я, невзирая на свое незавидное положение, был далек от того, чтобы умолять или унижаться.

Я, конечно, испытывал сожаление, но не по отношению к себе. Я жалел о том, что мой план провалился, что теперь все пойдет прахом и что мой выход из игры лишает меня единственного слабого шанса на победу над пришельцами.

Нам встречались другие машины, и я криками пытался привлечь их внимание, но окна моей машины были закрыты, так же, видимо, как и окна тех, других, и меня никто не слышал.

Так мы проехали несколько миль, потом машина снизила скорость и свернула на другую дорогу. Я попытался определить, где мы находимся, но давно уже не следил за путевыми знаками и не смог сориентироваться. Дорога, узкая и извилистая, петляла в густом лесу, порой огибая огромные скалистые бугры, которые выпячивались из плоской равнины.

Глядя на придорожный пейзаж, я не то чтобы понял — скорее догадался, куда мы держим путь. Я присмотрелся повнимательней и пришел к убеждению, что моя догадка правильна. Мы ехали к усадьбе "Белмонт", возвращались туда, где все это началось, где они поджидают меня, быть может, разгневанные, со злоеюще поджатыми губами, если подобные существа способны испытывать гнев и злоеюще поджимать губы.

Естественно, что это был конец всему. На этом можно было поставить точку. Если, конечно, где-то в другом месте над этой проблемой не бьется кто-нибудь еще, и бьется один на один, потому что этому человеку никто не верит. А ведь такое вполне вероятно, подумал я. И в том, в чем я в конце концов потерпел неудачу, ему, быть может, повезет.

В глубине души я сознавал, как мало на это шансов, но это была моя единственная надежда, и в полете фантазии я ухватился за нее и попытался внушить себе, что это правда.

Машина свернула за поворот, но недостаточно круто, и перед нами вдруг возник густой частокол деревьев. Колеса сошли с дороги, и мы ринулись к этим деревьям. Передок машины ушел вниз и она, задрвав бампер, нырнула со склона.

Внезапно она исчезла, и я оказался в воздухе один, без машины, окруженный тьмой и летящий в гущу этого леса.

Я успел издать один-единственный вопль ужаса, прежде чем вмазался в дерево, которое, казалось, стремительно бросилось ко мне из мрака.

35 Я окоченел от холода. Мне в спину дул ледяной ветер, и кругом была непроглядная тьма, хоть глаз выколи. Я лежал на чем-то сыром и холодном, все тело у меня разрывалось от боли, а откуда-то из темноты доносились странные тоскливые звуки, похожие на плач.

Я попытался шевельнуться, но от движения боль усилилась, и я больше не двигался, так и остался лежать в холоде и сырости. Меня не интересовало, кто я и где я нахожусь — не все ли равно. Я слишком устал и слишком страдал от боли, чтобы думать еще и об этом.

Немного погода плач и сырость куда-то исчезли и мое сознание заволело тьмой, а потом, спустя долгий период времени, я вновь стал самим собой, вокруг по-прежнему было темно, а холод даже усилился.

Я снова шевельнулся и снова ощутил боль, но все-таки протянул руку с растопыренными пальцами, пытаюсь до чего-то дотянуться, что-то отыскать, схватить. И когда пальцы сомкнулись, я зажал в кулаке что-то знакомое на ощупь, что-то мягкое и бесформенное.

Мох и опавшие листья, подумал я. Я протянул руку, и она выхватила из мрака мох и опавшие листья.

Какое-то время я лежал, не двигаясь, проникаясь сознанием того, где я, ибо теперь я понял, что нахожусь в лесу. Заунывный плач был шумом ветра в верхушках деревьев, сырость подо мной —

сыростью лесного мха, а запах — запахом осеннего леса. Если б не холод и боль, подумал я, было бы не так уж плохо. Место здесь приятное. А боль я чувствовал только при движении. Быть может, мне стало бы лучше, если б я смог снова вобрать в себя тьму.

Я попытался, но тьма не возвращалась, и теперь я начал припоминать машину, которая сошла у поворота с узкой дороги, и то, как она исчезла, и оставила меня одного, летящего сквозь мрак.

Я ведь жив, подумал я и поразился этой мысли, вспомнив дерево, которое тогда увидел или интуитивно почувствовал его присутствие и которое, как мне показалось, мчалось на меня из тьмы.

Я разжал пальцы, сжимавшие мох и листья, потом вытянул обе руки и попробовал приподняться. Подтянул под себя ноги. И руки и ноги действовали, значит, обошлось без переломов, но к животу нельзя было притронуться, и острая боль расплескалась в грудной клетке.

Значит, они все-таки просчитались, подумал я, эти этвуды, кегельные шары или как их там зовут. Я еще был жив, я освободился от них и, если б мне удалось добраться до телефона, я бы еще успел осуществить свой замысел.

Я попробовал подняться, но не смог. Наконец я все-таки заставил себя встать на ноги и с минуту простоял так, захлестываемый волнами боли. Нервы мои не выдержали, колени подогнулись, и я мягко сел на землю, обхватив себя руками, чтобы не выпустить боль, которая рвалась наружу.

Я долго сидел так, и мало-помалу боль притупилась. Мучительным свинцовым комом она залегла где-то в глубине тела.

Судя по всему, я находился на крутом склоне какого-то холма, а дорога, должно быть, проходила выше, надо мной. Мне необходимо было выбраться на дорогу, потому что, если мне это удастся, появится шанс, что меня там кто-нибудь найдет. Я понятия не имел, какое расстояние отделяет меня от дороги, как далеко меня зашвырнуло, прежде чем я ударился о дерево, и далеко ли я откатился после падения на землю.

Я должен был добраться до дороги — хоть на четвереньках, хоть ползком, если не смогу идти. Дорогу я не видел; я вообще ничего не видел. Я существовал в мире абсолютной тьмы. Ни звезд. Ни огонька. Сплошная чернота без единого проблеска света.

Я встал на четвереньки и пополз вверх по склону. Мне приходилось поминутно останавливаться. Казалось, у меня иссякли все силы. Боль вроде бы мучила меня меньше, но я ослабел до предела.

Я продвигался медленно и с великим трудом. На пути мне попало дерево, и пришлось ползком огибать его. Я запутался в кустарнике, который принял за заросли куманики, и вынужден был

изменить направление и ползти вдоль этих зарослей, пока не обогнул их. Потом дорогу мне преградил полусгнивший ствол упавшего дерева, и ценой невероятных усилий я перевалился через него и продолжил свой путь наверх.

Мне захотелось узнать, который час, и я провел рукой по запястью, чтобы проверить, сохранились ли часы. Часы были на месте — я порезал себе разбитым стеклом пальцы. Поднес их к уху — они не тикали. Впрочем, что толку, если б они и шли, я ведь все равно их не видел.

Издалека до меня донеслось какое-то бормотание, не похожее на стон ветра в верхушках деревьев. Я замер и прислушался, пытаюсь определить, что это за звук. Внезапно он стал громче, и я безошибочно узнал в нем рокот мотора.

Этот звук подстегнул меня, и я, как сумасшедший, стал судорожно карабкаться вверх по склону, но это отчаянное карабканье в основном состояло из бесполезных телодвижений. Они немногим ускорили мой подъем.

Звук усилился, и налево от себя я увидел расплывчатое пятно света фар приближавшейся машины. Свет куда-то нырнул и исчез, потом появился снова, теперь уже ближе.

Я закричал — без слов, только чтобы привлечь внимание, — но машина как раз надо мной быстро свернула за поворот и, судя по тому, что она даже не замедлила ход, меня никто не услышал. На секунду свет и корпус мчащейся машины возникли на вершине холма, заполнив собой горизонт, и она исчезла, а я, оставшись в одиночестве, продолжал ползти вверх по склону.

Я запретил себе думать о чем-либо кроме подъема. Когда-нибудь на дороге появится другая машина или поедет обратно та, что сейчас проскочила мимо.

Спустя какое-то время — мне оно показалось очень долгим — я наконец добрался до дороги.

Я посидел на обочине, передохнул и осторожно поднялся на ноги. Боль еще не прошла, но мне показалось, что она несколько поутихла. Хотя и не очень твердо держась на ногах, я все-таки сумел встать и стоять, не падая на землю.

Длинный же я прошел путь, подумал я. Длинный-предлинный путь с той ночи, когда обнаружил перед своей дверью капкан. Они полагали, что этой ночью игра будет закончена, — я ведь должен был погибнуть. Пришельцы, несомненно, собирались меня убить и сейчас наверняка думают, что меня уже нет в живых.

Но я выжил. Возможно, ударившись о дерево, я сломал себе

одно-два ребра и ушиб диафрагму, но я был жив, стоял на ногах и пока что не сложил оружие.

Есть смысл немного подождать — вдруг по дороге проедет другая машина. Коли судьба за меня, обязательно появится еще одна машина.

У меня мелькнула страшная мысль: а что, если следующая машина, которая проедет по этой дороге, окажется новой подделкой кегельных шаров?

Я пораскинул умом, и это показалось мне маловероятным. Они превращались во что-нибудь только с определенной целью, и, если рассудить здраво, едва ли им снова понадобится машина.

Они ведь не нуждались в машине как средстве передвижения. Где бы они ни находились, они могли через свои норы попасть в любое место на Земле и, по всей видимости, здесь так и перемещались. Не нужно обладать особо богатым воображением, сказал я себе, чтобы представить, что Земля сплошь оплетена густой сетью этих нор. Впрочем, я понимал, что слово "нора", пожалуй, выбрано не совсем удачно.

Я сделал один-два шага и убедился, что в состоянии идти. Быть может, вместо того, чтобы стоять на этом проселке, мне лучше без посторонней помощи добраться до шоссе. Там уж я обязательно дожусь какую-нибудь машину. А здесь, может, до самого утра больше не проедет ни одной.

Прихрамывая, я заковылял по дороге, и все бы ничего, только сильно ныла грудь и каждый мой шаг посылал в нее новый заряд боли.

Пока я так тащился, мне показалось, что ночной мрак немного рассеивается, словно в небе разорвался и стал расплзаться тяжелый облачный покров.

Я то и дело останавливался, чтобы передохнуть, и сейчас, сделав очередную остановку, оглянулся назад в ту сторону, откуда шел, и мне стало ясно, почему так посветлело. Позади меня в лесу пылал пожар; внезапно на моих глазах пламя огненным фонтаном взметнулось к небу и сквозь багровое зарево проступили контуры строил.

Я понял, что это усадьба "Белмонт"; усадьба "Белмонт" горела!

Я стоял, глядя на пожар, и страстно мечтал о том, чтобы хоть часть их сгорела вместе с домом. Но я знал, что они уцелют, что они спасутся в своих норах, которые ведут в какой-то другой мир. Я представил, как, подгоняемые пламенем, спешат они к этим дырам в стенах, как фальшивые люди, фальшивая мебель и прочие под-

делки превращаются в кегельные шары и катятся к черным отверстиям.

Это было великолепно, но ровным счетом ничего не значило, потому что усадьба "Белмонт" была только одним из их штабов. А по всему миру разбросано множество других, есть тысячи других мест, соединенных туннелями с неким неведомым миром, родиной пришельцев. И возможно, что благодаря достижениям их науки и таинственным свойствам туннелей эта их родина находится настолько близко, что попасть домой для них секундное дело.

Из-за оставшегося позади поворота вынырнули две широко расставленные горящие фары и устремились прямо на меня. Я замахал руками, закричал, потом неловко отскочил в сторону, пропуская машину, которая пронеслась мимо. Вслед за этим тормозные огни прожгли в ночи две красные дыры и пронзительно взвизгнули шины. Машина дала задний ход и, вернувшись, поравнялась со мной.

Из окошка водителя высунулась голова, и чей-то голос произнес:
— Что за черт?! А мы вас уже записали в покойники!

Огибая машину, ко мне бежала рыдающая Джой, и Хиггинс заговорил снова.

— Скажите ей что-нибудь, — попросил он. — Ради бога, поговорите с ней. Она совершенно ополоумела. Она подожгла дом.

Джой стремительно налетела на меня. Она схватила меня за руки и изо всех сил стиснула их, словно желая удостовериться, что я не призрак.

— Один из них позвонил, — проговорила она, захлебываясь от рыданий, — и сказал, что ты мертв. Они сказали, что никому не удастся безнаказанно вести с ними двойную игру. Они сказали, что ты попытался их обмануть и они тебя прикончили. Они сказали, что, если у меня есть какой-нибудь план, мне лучше о нем забыть. Они сказали...

— Что это она несет, мистер? — с отчаянием воскликнул Хиггинс. — Ей богу, она свихнулась. По мне, так это сущая бессмыслица. Она позвонила и стала выпрашивать про старика Пустомелю, прямо криком кричала — она и тогда уже была какая-то шальная...

— Ты ранен? — спросила Джой.

— Нет, разве что немного ушибся. Может, треснуло одно-два ребра. Но нам нужно спешить...

— Она уговорила меня отвезти ее к Пустомеле, — продолжал Ларри Хиггинс, — и сказала ему, что вы погибли, но он все равно должен выполнить вашу просьбу. Так он закружил скунсов...

— Что?! — вскричал я, не веря своим ушам.

— Набил грузовик этими самыми скунсами и потрохал в город.

— Я поступила неправильно? — спросила Джой. — Ты ведь тогда упомянул старика со скунсами и сказал, что говорил о нем с шофером такси, которого зовут Ларри Хиггинс, и я...

— Нет, — прервал я ее, — ты сделала именно то, что нужно. Ты не могла поступить правильнее.

Я обнял ее и привлек к себе. У меня слегка заныла грудь, но мне было на это наплевать.

— Включите радио, — сказал я Хиггинсу.

— Но, мистер, нам лучше побыстрее смотаться отсюда. Она ведь подожгла дом. Клянусь, я ни сном, ни духом...

— Включите радио! — заорал я.

Недовольно ворча, он втянул голову в окошко и завозился с приемником.

Мы ждали, и, когда радио заговорило, раздался взволнованный голос диктора:

— ...Их тысячи, миллионы! Никто не знает, что они собой представляют и откуда берутся...

Отовсюду, подумал я. Не только из этого города или из этой страны, а вероятно, со всех уголков Земли, причем это только начало, ведь по ходу ночи известие будет распространяться все дальше.

Тогда под вечер на склоне холма у них не было возможности быстро связаться с остальными, не было возможности донести до всех своих эту радостную весть. Потому что существо в облике человека, которое преследовало меня, и тот маленький осколок, что лежал у меня в кармане в виде денег, — они находились далеко от всех туннелей, вдалеке от каких бы то ни было средств связи.

Но теперь эта добрая весть летит вовсе концы, она дойдет до всех пришельцев, обосновавшихся на Земле, а может, и до их соотечественников за ее пределами, и это только начало. Еще до того, как все будут оповещены, вырастет целая гора из жаждущих насладиться этим новым ароматом.

— ...Вначале появились скунсы, — взволнованно продолжало радио. — В самом центре города, на пересечении Седьмой и Государственной, кто-то выпустил на волю множество скунсов. Излишне объяснять, к чему может привести подобная выходка, когда вокруг полно людей, возвращающихся из ночных клубов и со зрелищ.

Полиции сообщили, что скунсов подбросил какой-то чудаковатый старик с бородкой, который привез их на небольшом грузовике. Но не успела полиция пуститься за ним в погоню, как начали прибывать эти непонятные предметы. Пока никто не может сказать, есть ли какая-нибудь связь между скунсами и этими штуками. Поначалу их было совсем немного, но, раз появившись, они вскоре повалили со всех сторон, нескончаемыми потоками стекаясь к перекрестку. Они похожи на черные кегельные шары, и сейчас они запрудили весь перекресток и четыре ведущих к нему улицы.

Скунсы, когда их выпустили из грузовика, были утомлены и совершенно ошалели, поэтому они весьма интенсивно реагировали на все, что находилось поблизости. Естественно, перекресток довольно быстро опустел. Все, кто там был, поспешили покинуть это место. Кварталы были забиты застрявшими машинами, и куда ни бросишь взгляд, повсюду можно было увидеть бегущих людей. И как раз тогда появились первые кегельные шары. По словам очевидцев, они прыгали, скакали и гонялись за скунсами. Вполне естественно, что скунсы дали на это дополнительную реакцию. К этому времени воздух в районе перекрестка несколько перенасытился их запахом. Люди, сидевшие в машинах на передовой линии уличного затора, побросали свои авто и пустились наутек. А кегельные шары все прибывали.

Сейчас они больше не прыгают и не скачут — для этого не осталось места. Они образовали сплошную колыхающуюся и бурлящую массу, которая, затопив перекресток, растекается по улицам, вздуваясь буграми перед застрявшими машинами.

С крыш "Мак Кендлесс Билдинг", откуда мы ведем этот репортаж, перед нами открывается потрясающее зрелище. Никто, повторяю, не знает, что это за штуки, откуда и зачем они сюда явились...

— Это же старый Пустомеля, — задыхаясь, проговорил Хиггинс. — Это он выгрузил тех скунсов. И похоже, что ему удалось смыться.

Джой взглянула на меня.

— Ты этого и хотел? Того, что там сейчас происходит?

Я кивнул.

— Теперь они знают, — сказал я. — Теперь будут знать все. Теперь они выслушают нас.

— Что это делается? — взревел Хиггинс. — Может, мне кто-нибудь объяснит? Еще один Орсон Уэллес, что ли...

— Садись в машину, — сказала мне Джой. — Нужно найти тебе врача.

— Послушайте, мистер, — взмолился Хиггинс, — я же на знал, что вляпаюсь в такую историю. Она попросила, чтобы я с ней поехал. Я завел свою клячу и покатил. Она сказала, что ей нужно побыстрее добраться до старика Пустомели. Она уверяла, что это вопрос жизни и смерти.

— Успокойтесь, Ларри, — сказал я. — Это действительно было вопросом жизни и смерти. Можете за это не переживать.

— Но она ведь подожгла тот дом...

— Я сделала глупость, — произнесла Джой. — Наверно, это был слепой ответный удар. Сейчас-то я понимаю всю бессмысленность такого поступка. Но я должна была как-то им отомстить, а ничего другого мне не пришло в голову. Когда они позвонили и сказали, что ты мертв...

— Мы их здорово напугали, — сказал я. — Иначе они никогда бы не позвонили. Быть может, они боялись, что мы замыслиаем нечто такое, о чем они даже не в состоянии догадаться. Поэтому они пытались меня убить, поэтому они пытались запугать тебя.

— Полиция настоятельно просит всех, — надрывался диктор, — воздержаться от посещения центра города. Тут колоссальные заторы в движении и вы только осложните обстановку. Оставайтесь дома, сохраняйте спокойствие...

Они допустили ошибку, подумал я. Не позвони они Джой, у них, возможно, все сошло бы гладко. Я, конечно, был еще жив, но им не понадобилось бы много времени, чтобы это обнаружить, и тогда-то они разделались бы со мной по всем правилам, на этот раз без промаха. Но они запаниковали и допустили эту единственную ошибку, и теперь все кончено.

По дороге вприпрыжку бежала какая-то громоздкая неуклюжая тень. Радостная, ликующая тень, которая возбужденно подскакивала на бегу. Она была огромной и косматой, а под ее подбородком болтался вывалившийся из пасти язык.

Она добежала до нас и плюхнулась задом в пыль. Восторженно застучала по земле хвостом.

— Вы сделали свое дело, дружище, — произнес Пес. — Вы выманили их из укрытия. Выставили их напоказ. Теперь ваш народ знает...

— Ты здесь?! — вскричал я. — Ты же сейчас должен быть в Вашингтоне!

— Существует немало средств сообщения, — пояснил Пес, — более быстрых, чем ваши самолеты, а чтобы установить местона-

хождение какого-нибудь существа, есть способы получше ваших телефонов.

Верно, подумал я. Ведь он сегодня был с нами до самого рассвета, а с первыми лучами солнца объявился в Вашингтоне.

— Пришел мой черед свихнуться, — слабым голосом проговорил Хиггинс. — Такого не бывает, чтобы собака разговаривала.

— Мы просим вас сохранять спокойствие! — пронзительно вопил диктор. — Нет никаких оснований для паники. Никто, конечно, не знает, что представляют собой эти объекты, но не может не быть какого-то объяснения этому явлению и наверняка достаточно простого. Полиция контролирует создавшееся положение, и нет никаких оснований...

— Мне кажется, я слышал, — сказал Пес, — как кто-то вроде бы произнес некое слово "врач". А что такое "врач", я не знаю.

— Врач — это тот, кто чинит тела других людей, — объяснила Джой. — Паркер ранен.

— Ах, вот оно что, — протянул Пес. — У нас есть аналогичное понятие, но, вне всякого сомнения, мы это делаем по-иному. Поистине поразительно, какое множество различных методов ведет к достижению одних и тех же целей.

— Количество их растет! — визжало радио. — Громоздясь друг на друга, они уже поднялись до окон шестого этажа и распространились далеко в глубь окрестных улиц. Такое впечатление, будто сейчас они прибывают быстрее, чем раньше. Эта гора растет с каждой минутой...

— А теперь, — проговорил Пес, — когда моя миссия закончена, я должен воскликнуть: "Прощайте!" Мне было приятно навестить ваши края. У вас очаровательная планета. И в грядущие времена вам лучше держаться за нее покрепче.

— Погоди минутку, — сказал я. — Есть еще столько вопросов...

Но я говорил в пространство — Пес уже удалился. Не в каком-нибудь направлении, а просто мгновенно исчез.

— Будь я проклят, — сказал Хиггинс. — Он в самом деле был тут или мне это почудилось?

Я знал, что это в порядке вещей. Он побыл здесь, а теперь отправился к себе домой — на ту далекую планету, в то неведомое измерение, откуда был родом. И я знал, что он никогда бы нас не покинул, если б в нем еще здесь нуждались.

Сейчас дела наши пошли на лад. Люди узнали о существовании кегельных шаров, и теперь они выслушают нас — и Старик, и

сенатор, и президент, и остальные. Они примут все необходимые меры. Быть может, они начнут с того, что объявят мораторий на все деловые операции, пока сделки с участием пришельцев не будут отсортированы от сделок между настоящими людьми. Потому что, с точки зрения закона, сделки пришельцев квалифицируются как мошенничество, если учесть, какими они пользовались деньгами. Но даже если они и не были мошенничеством, это не меняло дела, потому что теперь человечество знало, или узнает в недалеком будущем, что происходит, и предпримет какие-то меры, чтобы этому воспрепятствовать и уцелеть; люди сделают все необходимое, чтобы положить этому конец.

Я протянул руку, открыл заднюю дверцу и жестом пригласил Джой сесть в машину.

— Поехали, — сказал я Хиггинсу. — Меня ждет работа. Нужно написать статью.

Я представил себе физиономию Старика в тот момент, когда я появлюсь в редакции. Я уже мысленно репетировал речь, с которой перед ним выступлю. А ему придется стоять и слушать, потому что в моих руках потрясающий материал. Такой материал был у меня одного, и он вынужден будет меня выслушать.

— Редакция подождет, — сказала Джой. — Сперва мы найдем врача.

— Врача?! — воскликнул я. — Да мне не нужен никакой врач.

Я стоял, пораженный не столько тем, что у меня вырвались эти слова (потому что совсем недавно врач был бы мне очень кстати), сколько спокойствием, с которым я воспринял этот факт, случайно обнаружив нечто, свершившееся без участия моего сознания и осознанное не сразу, так что я даже не удивился.

Я ведь действительно больше не нуждался в медицинской помощи. Грудь не болела, живот успокоился, колени не подгибались. Я подвигал руками, чтобы испытать грудную клетку, и убедился, что не ошибся. Если там раньше и было что-нибудь сломано, то уже все срослось.

— Поистине поразительно, — сказал недавно Пес, в свойственной ему слащаво-сентиментальной манере, — какое множество различных методов ведет к достижению одних и тех же целей.

— Благодарю, друг мой, — столь же жеманно произнес я, взглянув на небо. — Благодарю. Не забудь прислать счет.

36 Лайтнинг швырнул на мой стол газету. Она была влажной от еще непросохшей типографской краски. На первой странице сразу бросался в глаза набранный жирным шрифтом заголовок моей статьи.

Я не взял ее в руки. Сидел, смотрел на нее и только. Потом встал и, так и не притронувшись к газете, пошел к окну, чтобы выглянуть наружу. Там, к северу, освещенная батареями прожекторов, вздымалась гора, к этому моменту уже значительно поднявшаяся над линией горизонта и продолжавшая непрерывно расти. Прошли часы с тех пор, как распростились с надеждой спасти бригаду радиокорреспондентов, которые оказались в ловушке и были погребены на крыше "Мак Кендлесс биддинг". Сейчас люди могли лишь пассивно наблюдать за происходящим, не более.

Гэвин подошел к окну и стал рядом со мной.

— Белый Дом считает, — сказал он, — что следует эвакуировать жителей и сбросить на эту гору водородную бомбу. Только что пришла телеграмма. Подождут, пока покажется, что она перестала расти и пошлют сюда бомбардировщик.

— А какой в этом смысл? — спросил я. — Ведь они нам уже ничем не грозят. Они были опасны только тогда, когда мы о них ничего не знали.

Я отошел от окна и направился к своему столу. Я машинально взглянул на запястье, чтобы посмотреть, который час, забыв, что мои часы разбиты.

Я поднял взгляд на большие настенные часы. Было пять минут третьего.

Старик до этого стоял возле стола отдела городских новостей, но теперь он подошел ко мне и протянул руку: Я взял ее, и он крепко сжал мою руку своей огромной, вдвое больше моей, лапицей.

— Отличная работа, Паркер, — сказал он. — Ценю.

— Спасибо, босс, — поблагодарил я, вспомнив, что так и не сказал ему ни слова из той речи, которую собирался произнести. И, как ни странно, нисколько не пожалел о том, что этого не сделал.

— У меня в кабинете ждет бутылка.

Я отрицательно покачал головой.

Он хлопнул меня по спине и выпустил мою руку.

Я пошел по проходу и остановился у стола Джой.

— Пошли, красотка, — сказал я. — Нам нужно закончить одно дело.

Она поднялась и стоя ждала продолжения.

— Я намерен, — заявил я, — прежде чем ночь подойдет к концу, подгрести к тебе с нескромным предложением.

Я думал, что она обидится, но ничуть не бывало.

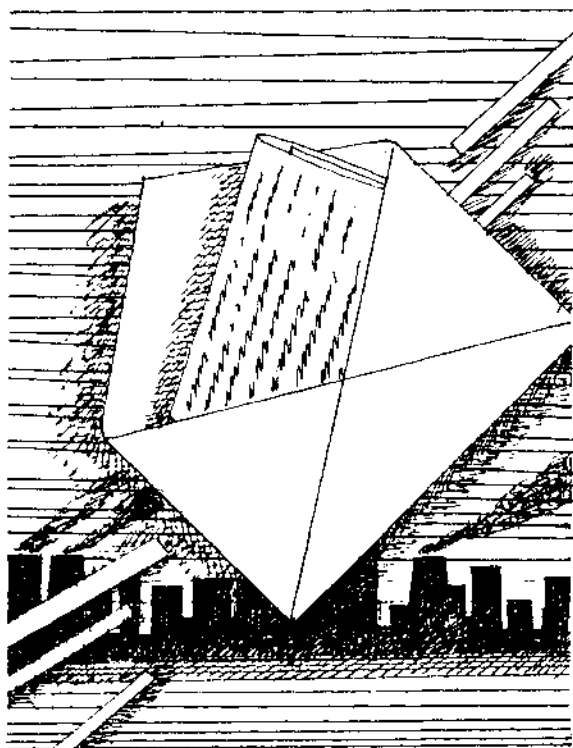
Она подняла руки и при всем честном народе обняла меня за шею.

Проживи вы хоть миллион лет, вам никогда не понять женщин.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Круг замкнулся

1 Полученное письмо словно громом поразило Эмби Уилсона, и он вдруг услышал, как рушится вся его жизнь. Письмо было официальное, его имя и звание выделялись — они были, по-видимому, отпечатаны на свежей машинописной ленте. В письме говорилось следующее:

*Доктору Амброузу Уилсону
Исторический факультет*

С сожалением должен уведомить Вас, что Совет попечителей, собравшись сегодня утром, принял решение по окончании семестра закрыть Университет. Это решение вызвано отсутствием средств и катастрофическим сокращением числа студентов. Вы, разумеется, уже осведомлены о сложившейся ситуации, однако...

Письмо на этом не заканчивалось, но Эмби не стал читать дальше. Он заранее знал, какой набор банальностей содержит оно, и ничего нового не ждал.

Рано или поздно это должно было случиться.

Чудовищные трудности давно донимали попечителей. Университет был практически пуст. А ведь когда-то тут звенела жизнь и пульсировали знания. Теперь он превратился в университет-призрак.

Впрочем, и сам город стал призраком.

А я сам — разве я не стал призраком? — подумал Эмби.

И он признался себе — признался в том, о чем и мысли бы не допустил день или даже час назад: вот уже тридцать лет, а то и больше жил он в призрачном, нереальном мире, всеми силами цепляясь за единственно известный ему старый, смутный образ жизни. И чтобы ощущать хоть какую-то почву под ногами, он лишь изредка позволял себе думать о том мире, который простирался за стенами города.

И на то были веские причины, подумал он, веские и основательные. Все, что находилось за городской чертой, не имело никакого отношения к его собственному, здешнему миру. Кочевой народец

— абсолютно чуждые ему люди со своей некультурой, культурой упадка — наполовину из провинциализмов, наполовину из старых народных поверий.

В такой культуре нет места такому человеку, как я, думал он. Здесь, в университете, я поддерживал слабый огонек старых знаний и старых традиций; теперь свет погас, отныне старые знания и старые традиции канут в Лету.

Как историк он не мог согласиться с подобным отношением к этим ценностям: история — истина и поиски истины. Скрывать, приукрашивать или пренебрегать каким бы то ни было событием — пусть даже самым отвратительным — не дело историка.

И вот теперь сама история взяла его в плен и поставила перед выбором: либо идти и оказаться лицом к лицу с *тем* миром, либо остаться, спрятаться от него. Третьего не дано.

Эмби брезгливо, словно какое-то мертвое существо, приподнял двумя пальцами письмо и долго смотрел сквозь него на солнце. Затем осторожно бросил его в корзинку. Потом, взяв старую фетровую шляпу, напялил ее на голову.

2 Подходя к дому, он увидел на ступеньках своего крыльца какое-то пугало. Заметив приближающегося доктора, пугало подобрало конечности и встало.

— Привет, док, — произнесло оно.

— Добрый вечер, Джейк, — поздоровался Эмби.

— Я совсем уж было собрался на рыбалку, — сообщил Джейк. Эмби не спеша опустился на ступеньку и покачал головой.

— Только не сегодня, не до этого мне. Университет закрыли.

Джейк сел рядом с ним и уставился в пустоту по ту сторону улицы.

— Мне кажется, док, для вас это не такая уж большая неожиданность.

— Я ждал этого, — согласился Эмби. — Кроме отпрысков *лузьерей*, занятий никто уже не посещает. Все новые ходят в свои университеты, если, конечно, то, куда они ходят, можно так назвать. Сказать по правде, Джейк, представить себе не могу, что за знания могут дать им эти школы.

— Но вы хоть обеспечены, насколько мне известно, — сказал Джейк успокаивающе. — Все эти годы вы работали и, наверно, смогли кое-что отложить. А вот мы всегда перебивались с хлеба на воду, и так оно, видать, и дальше будет.

— Да не так уж много у меня денег, — сказал Эмби, — но в

общем-то не пропаду как-нибудь. Не так уж долго осталось — ведь мне почти семьдесят.

— Было время, когда мужчина в шестьдесят пять лет по закону мог выйти на пенсию, — сказал Джейк. — Но эти новые расправились с законами, как и со всем прочим, правда.

Он поднял с земли коротенькую сухую веточку и стал рассеянно ковырять ею в траве.

— Всю жизнь я мечтал — вот скоплю деньжонок и куплю себе трейлер. Без трейлера нынче делать нечего. Теперь, когда времена изменились, без него никуда. Помню, когда я был еще маленький, всякий, у кого был свой дом, мог спокойно доживать свои дни. А ныне и дом не в цене. Ноне нужен трейлер.

Он с трудом распрямил конечности, встал — ветер развеивал его лохмотья, — посмотрел на продолжавшего сидеть Эмби.

— Как насчет рыбалки, док? Может, передумали?

— Я чувствую себя совсем разбитым, — ответил Эмби.

— Теперь, раз вы не работаете, — сказал Джейк, — у нас с вами будет куча времени, поохотимся. В округе полно белок, и крольчата скоро подрастут до нужных кондиций. А осенью нас должны порадовать и еноты. Теперь, раз уж вы больше не работаете, я буду делиться с вами шкурками...

— Стоит ли делить шкуру неубитого медведя, — заметил Эмби.

Джейк засунул большие пальцы рук за пояс и сплюнул на землю.

— Можно будет и по лесам побродить — не все ли равно, как убить время? Кто привык быть мужиком в доме, украдет, а денег заребает. Правда, теперь уж не резон рыскать по брошенным домам в поисках добычи, только время зря потратишь. Кругом все порушено и рушится дальше, так что не знаешь, где какая ловушка тебя поджидает, стоит войти в дом. Разве угадаешь, что там рухнет на тебя, а то, глядишь, — и пол из-под ног уйдет. — Он поправил подтяжки. — Помните, как мы с вами нашли коробку, полную всяких драгоценностей?

Эмби кивнул.

— Помню. Вам их почти хватило бы на трейлер.

— Правда ведь? Хуже не придумаешь, чем пустить на ветер порядочную-таки сумму. Купил я тогда ружье, патроны к нему, кое-какую одежку для домашних — видит Бог, как мы в ней тогда нуждались! — и кучу жратвы. Я и опомниться не успел, как у меня осталось с гульки нос, нечего было и думать о трейлере. Пржеде бывало можно было купить в кредит. Всего и заплатил бы каких-нибудь десять процентов. Теперь об этом и думать нечего. Не осталось даже банков. И контор, где давали займы. Помните, док, сколько их в городе было?

— Все изменилось, — сказал Эмби. — Когда я оглядываюсь назад, все мне кажется неправдоподобным.

И тем не менее, все так и было.

Прекратили свое существование города; фермы превратились в корпорации, а люди больше не жили в своих домах — в них оставались жить только *пузыри* и бродяги.

И такие, как я, подумал Эмби.

3 Это была сумасшедшая идея — по всей видимости, свидетельство старческого слабоумия. Человек в шестьдесят восемь лет, профессор с устоявшимися привычками, не пустился бы в столь дикую авантюру, даже если бы весь мир рушился у него под ногами.

Он пытался не думать об этом, но не мог справиться с собой. Пока он готовил себе ужин, ел, мыл посуду, мысль об этом не покидала его.

Покончив с посудой, он взял кухонную лампу и направился в гостиную. Лампу он поставил на стол рядом с другой лампой, зажег и ее. Когда человеку для чтения нужны две лампы, подумал он, это значит, что со зрением у него дела плохи. Но, с другой стороны, керосиновые лампы дают слабый свет, не то что электрические.

Он достал с полки книгу и принялся за чтение, но не мог читать, не мог сосредоточиться. В конце концов он оставил это занятие.

Взяв одну из ламп, он подошел с ней к камину и поднял так, чтобы свет падал на висевший над ним портрет. А пока поднимал лампу, загадал, улыбнется ли она ему сегодня; он был почти уверен, что улыбнется, потому что всегда, когда он так нуждался в ее улыбке, она с готовностью нежно улыбалась ему.

И все же полной уверенности не было, но вот он увидел — улыбается, и остался стоять, вглядываясь в ее лицо, улыбку.

В последнее время он довольно часто разговаривал с ней, потому что помнил, с каким вниманием она всегда выслушивала его, рассказывал ли он о своих неприятностях или о победах — хотя, по правде говоря, побед у него было не так уж много.

Но сегодня он не мог говорить — она бы его не поняла. Мир, в котором он жил после ее ухода, перевернулся вверх тормашками, ей никогда не понять этого. Если он станет рассказывать ей о нем, она расстроится, встревожится, а он не мог, не смел допустить ничего подобного.

Ты думаешь, сказал он себе с укором, что самое лучшее — все оставить без перемен. Тебе есть где спрятаться. Есть возможность провести остаток дней своих в тепле и безопасности. И он точно знал, что именно такое решение его больше всего устроило бы.

Но занудный голос в мозгу настаивал: ты потерял свою работу и не жалеешь об этом. Ты закрыл на это глаза. Ты потерпел поражение, потому что смотрел только назад. Настоящий историк не вправе жить только прошлым. Он должен пользоваться знанием о прошлом для понимания настоящего; и он должен одинаково хорошо знать и прошлое и настоящее, чтобы видеть, в каком направлении идет развитие, куда устремляется будущее.

Но я вовсе не хочу знать будущее, противился упрямый доктор Амброуз Уилсон.

Но занудный голос настаивал: единственное, что достойно познания, это будущее.

Он молча стоял, держа лампу над головой и пристально вглядываясь в портрет, будто в ожидании, что она заговорит или подаст какой-нибудь знак.

Никаких знаков не последовало. Да и не могло их быть, он знал. В конце концов это был всего лишь портрет женщины, умершей тридцать лет назад. Неразрывная близость, давнишние, горькие воспоминания, улыбка на губах — все это было в его сердце и памяти, а не на куске холста, на который умная кисть нанесла мазки, сохранившие на долгие годы блистательную иллюзию любимого лица.

Он опустил лампу и вернулся в свое кресло.

Как много нужно сказать, и некому, хотя, если, как к старому другу, обратиться к дому, он, может, и выслушает. Он был другом, подумал он. В нем стало одиноко только тогда, когда ушла она, но вне его стен станет еще более одиноко, потому что дом был частью ее.

Ему было покойно в этом старомодном доме, покойно в этом покинутом людьми городе с его пустыми жилищами, одичавшем городе, где бегали белки и кролики, городе многоцветном и полном ароматов — ведь наступило время цветения одичавших лилий и уцелевших нарциссов, городе, полном бродяг, что предавались своим забавам в кустах на многочисленных лужайках и охотились в полуразрушенных строениях за остатками имущества, годного на продажу.

Сомнительны теории, думал он, согласно которым культуру можно создать, это просто рабское следование привычкам, характерное для любого общества.

Впервые распад культуры начался лет сорок назад. Нельзя сказать, что он произошел одномоментно, обвально, рухнуло не все сразу, но согласно историческим меркам это не было постепенным процессом, скорее это был внезапный скачок.

Барабанным боем прогрехотал по земле страх; насколько он

помнил, это произошло в Год Кризиса, и каждый человек тогда ложился в постель, напряженно прислушиваясь, не летит ли бомба, хотя отлично понимал, что, как ни прислушивайся, все равно не услышишь ее приближения.

Страх — вот что послужило началом всего этого, думал он. А когда и каким будет конец?

Скорчившись сидел он в своем кресле, старик, затерявшийся между прошлым и будущим, и ежился от мысли о темном вандализме, господствовавшем там, за пределами его города.

4 — Что за красавец, док! — восклицал Джейк и опять шел осматривать его со всех сторон. — Право же, сэр, — похлопывая металлический бок, повторял он, — подлинный красавец! Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел что-либо красивее этого трейлера, клянусь Богом! А сколько я перевидал их на своем веку!

— Теперь мы можем всласть попутешествовать на нем, — согласился Эмби. — Единственно, чего нам будет не хватать, это хороших дорог. Полагаю, они теперь совсем не такие, какими были раньше. Эти новые урезали дорожные налоги, и теперь у правительства не хватает денег на то, чтобы прилично содержать их.

— Приспособимся скоро, — доверительно сказал Джейк. — Нужно только глядеть по сторонам. И вскорости мы найдем стан, где нас примут. Готов поклясться, нам непременно попадется такой, в котором мы сойдемся.

Он обошел трейлер и стер пыль с его полированного бока рукавом своей драной рубахи.

— Док, с тех пор, как вы сказали нам, мы глаз не могли сомкнуть. Мерт, так она просто поверить не может и все спрашивает меня: "И чего это док решил взять нас с собой? Мы же ему никакие не близкие, всего только соседи".

— Староват я путешествовать в одиночку, — сказал Эмби. — Мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом, помогал вести машину, да и во всех прочих делах. А вы все это время только о том и мечтали, как бы отсюда выбраться.

— Что правда, то правда, — согласился Джейк. — Лучше не скажешь, док. Я так этого хотел, что ощущал прямо на вкус, и, смотрю я, всем нам того же хочется. Вы только взгляните, как идут дела в доме, как все пакуется, что не надо — выбрасывается. Мерт прямо вне себя. Док, говорю вам, не суйтесь в дом, пока Мерт не успокоится хоть немного.

— Да мне и самому нужно было бы кое-что упаковать, — сказал Эмби. — Не очень много, я ведь почти все оставляю.

Но он не сдвинулся с места — не хотелось ему смотреть на все это.

Покинуть свой дом тяжело, хотя уже сама мысль об этом устала: нет больше домов. "Дом" — слово из прошлой эры. "Дом" — ностальгическое слово-рудимент для стариков вроде него, чтобы они переживали его в своих туманных воспоминаниях; это символ застойной культуры, которая сгинула во имя выживания Человека. Остаться, пустить корни и быть погребенным под ворохом барахла — не только физического, но и интеллектуального, традиционного, — значило умереть. Вечное передвижение и неустойчивость, путешествия натошак, на полуголодном пайке, отсутствие лишней обузы — вот цена свободы и жизни.

Круг замкнулся, подумал Эмби. Мы вернулись на круги своя. От кочевой жизни — к городу и теперь опять — к кочевьям.

Джейк подошел и сел рядом.

— Скажите, док, скажите честно: зачем вы это делаете? Я-то, конечно, рад, иначе бы мне ни в жизнь не вырваться из этой крысиной норы. Но моя башка никак не может взять в толк, вы-то какого черта сматываете удочки? Не такой уж вы молодой, док, да и...

— Понятно, сказал Эмби, — но, может, как раз в этом причина. Не так много осталось мне жить, и за оставшееся время я хочу сделать как можно больше.

— Вам хорошо живется, док, вам ничто в мире не грозит. Теперь, когда вы в отставке, вы ж на все можете плевать и наслаждаться за милую душу.

— Мне нужно разобраться.

— Разобраться в чем?

— Не знаю, может, просто в том, что происходит.

Они тихо сидели, поглядывая на трейлер во всем его блестящем великолепии. Издалека слышалось позвякивание кастрюль и баянок. Мерт продолжала упаковывать вещи.

5 В первый вечер они остановились у покинутого становища, расположенного через дорогу от бездействующей фабрики.

Стан занимал большое пространство и казался покинутым совсем недавно — трейлеры укатили всего день или два назад. Оставались еще свежие следы от колес на пыльной дороге, обрывки бумаги шевелил ветер, на земле под водопроводными кранами темнели мокрые пятна.

Джейк и Эмби присели в тени трейлера и смотрели на безмолвные корпуса через дорогу.

— Чудно, — сказал Джейк, — и почему фабрика не работает? Судя по всему, она выпускает продукты питания. Вроде даже — завтраки. А может, елки зеленые, ее закрыли, потому что нет рынка сбыта?

— Может быть, — отозвался Эмби. — Впрочем, рынок для хлебных продуктов должен оставаться, ну, хоть какой-то, чтобы поддерживать работу фабрики, пусть не на полную мощь.

— А не было ли тут каких-нибудь беспорядков?

— Не похоже, — сказал Эмби. — Такое впечатление — просто поднялись и посахали.

— А вон на холме большой дом. Вон, смотрите, там, навсрху.

— Да, вижу, — сказал Эмби.

— Не *пузырь* ли там живет?

— Вполне вероятно.

— Хотелось бы мне побыть *пузырем*. Сидишь себе и поглядываешь, как денешки сами валяются тебе в карман. А другие пусть вкалывают на тебя. Получаешь все, чего твоя душенька пожелает. И ни в чем не нуждаешься.

— А мне кажется, — сказал ему Эмби, — что у *пузырей* теперь свои проблемы.

— Мне бы их проблемы, елки-моталки. Я прямо слюнками истекаю по их, черт бы их побрал, проблемам, хоть бы год или два пожить по-ихнему. — Он сплюнул на землю и выпрямился. — Пойти, что ли, да посмотреть, не попадется ли мне кролик или белочка. Не хотите со мной?

Эмби покачал головой.

— Я немного устал.

— Может, и не попадется ничего. Так близко к стану — небось, все вычистили под метелку.

— Вот отдохну немножко, — сказал Эмби, — и через некоторое время пойду прогуляюсь.

6 Дом на холме был действительно домом *пузыря*. От него так и несло богатством. Он был большой, высокий и широченный, очень ухоженный, окруженный газонами в цветах и кустарнике.

Эмби присел на низенькую каменную изгородь возле газона и посмотрел назад, на тропинку, по которой шел. Там, внизу, виднелась фабрика и покинутая стоянка — большое вытоптанное пространство и на нем — только один его трейлер. Далеко за горизонт уходила белая под летним солнцем дорога, она была совершенно пустынна — ни машины, ни грузовика, ни трейлера — ничего и

никого на ней не было. Все стало совсем другим, подумал он. Было время, эта дорога буквально кишела машинами.

Да, это был совершенно иной, не знакомый ему мир. Эмби пренебрегал этим миром более тридцати лет, и за эти тридцать лет он стал чужим для него. Он сам добровольно отгородился — и вот потерял этот мир; теперь, когда он пытался вновь обрести его, этот мир удивлял, а порой пугал его.

Сзади раздался голос.

— Добрый вечер, сэр.

Эмби повернулся и увидел человека среднего — или чуть старше — возраста, в костюме из твида, с трубкой во рту. Почти в традициях Старой Англии, подумал Эмби. Похож на деревенского помещика.

— Добрый вечер, — отозвался Эмби. — Надеюсь, я не нарушил границ.

— Нет, нет. Я видел, как вы припарковывались внизу; очень вам рад.

— Мой партнер пошел поохотиться, а я вот сюда — прогуляться.

— А вы что, меняете?

— Меняем?

— Ну да, в смысле — меняете стоянку. Все только этим и занимаются... Правда, теперь пореже.

— Вы имеете в виду, что меняют один стан на другой?

— Вот именно. Сам процесс расселения, я о нем. Разочаруются в одном — снимаются с места и ищут другое.

— Пожалуй, — сказал Эмби, — настало время, когда эти перетряски должны прекратиться. Теперь каждый человек должен найти свое место.

Пузырь кивнул.

— Вполне возможно. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом.

— Да и я тоже, — откликнулся Эмби. — Мы только что выехали из города. Прикрыли мой университет, поэтому я купил трейлер. Мои ближайшие соседи составили мне компанию. Сегодня наш первый день.

— Мне частенько приходит в голову мысль, — сказал ему собеседник, — что было бы весьма приятно совершить небольшое путешествие. Когда я был еще мальчиком, мы не раз отправлялись в длительные поездки на машине и посещали разные города, но сейчас их, кажется, не так уж много осталось. Обычно в городах можно было остановиться на ночь в так называемых мотелях. И чуть ли не через каждую милю было где поесть, заправиться на бензоколонке. А теперь поесть или купить горючее можно только в каком-нибудь стане; но, поверьте, немало таких, где вам ничего не продадут.

— Но мы путешествуем не ради удовольствия. Мы намерены поселиться в каком-нибудь стане.

Пузырь подозрительно посмотрел на него и сказал:

— Глядя на вас, я бы никогда не подумал...

— Вы не одобряете мое намерение?

— Не обращайтесь внимания, — сказал пузырь. — В данный момент я порядком зол на них. Вчера они вдруг взяли и укатили от меня. Закрыли фабрику. Оставили меня здесь сидеть.

Он поднялся на горку и сел рядом с Эмби.

— Понимаете, они хотели отнять у меня все, — начал он свой рассказ, уместившись поудобнее. — У меня с ними был контракт, по нему они и нанялись работать на фабрике. Закупали сырье, сами распоряжались работами и поддерживали порядок. Они-определяли производственную политику и выход продукции. Мне даже на посещение фабрики приходилось испрашивать их дозволения. Но и этого им показалось мало. Знаете, что они задумали?

Эмби покачал головой.

— Они задумали овладеть рынком сбыта. А ведь это было последнее, что еще оставалось у меня, и это последнее они решили у меня отнять. Им нужно было окончательно от меня отделаться. Платить мне проценты от прибыли и ничего больше.

— Да-а, — протянул Эмби, — не больно-то это справедливо.

— А когда я отказался подписывать новый контракт, они собрались и уехали.

— Забастовали?

— Пожалуй, другого слова и не подберешь. И весьма эффективно.

— И что вы теперь будете делать?

— Ждать, когда придут другие. Через некоторое время появятся. Увидят бездействующую фабрику и, если они народ рабочий, поднимутся сюда, ко мне, поговорить. Может, и сойдемся. Но даже если не получится с этими, появится еще какой-нибудь стан. Эти станы только тем и заняты, что носятся туда-сюда. Или стан, или стая.

— Стая?

— Это, знаете ли, вроде пчелиного роя. Когда в стане оказывается слишком много людей... слишком много для выполнения работ по контракту, который они подписали... вот тут происходит раскол и кучкование. Обычно молодежь пускается в новую жизнь стаями. С ними легче иметь дело, чем с сезонниками. Сезонники — это чаще всего всем недовольные радикалы, ни с кем ладить не умеют, а молодежь рвется начать свое дело, хоть какое.

— Все это очень интересно, — сказал Эмби, — но что будет с

теми, кто уехал от вас? На какие деньги они позволили себе смотреть?

— Они при бабках, — сказал *пузырь*, — работали здесь почти двадцать лет. Сорвали капиталец — хватит корову придушить.

— Подумать только! — воскликнул Эмби.

Сколько же вокруг такого, о чем я и понятия не имею, подумал он. Не только манера мыслить, привычки, но даже их терминология во многом непонятна.

В прежние времена было совсем другое дело: каждый день газеты — и новое выражение или новая идея становились достоянием публики молниеносно; все сколько-нибудь значительные события на другой же день лежали перед вами, отпечатанные черным по белому. Но не стало ни газет, ни телевидения. Оставалось еще, конечно, радио, но оно не столь мощное средство информации, чтобы удовлетворить человека, да и, кроме того, чтобы это было за радио, горе одно, он его никогда и не слушал.

Не было газет, не было телевидения, не было и многого другого. Не было мебели, потому что в трейлере не нужна никакая мебель: все необходимое уже встроено в него. Не было ковров и занавесей. Мало было предметов роскоши, потому что в трейлере негде их хранить. Не было костюмов для приемов и официальных костюмов — кому они нужны в трейлерном стане, кто будет их надевать, да и не было места для дорогого гардероба, а жизнь в тесном ежедневном общении отбивает охоту от всяких формальностей. В трейлерном стане вся одежда, без всякого сомнения, скатится до единственно приемлемой — спортивной.

Не было банков, страховых компаний, кредитных контор. Государственная социальная защита приказала долго жить. Не стало нужды ни в банках, ни в кредитных компаниях, все это заменили профсоюзные фонды — наследие прежних профсоюзов. Профсоюзные фонды здоровья и благосостояния заняли место государственного социального страхования, медицинского страхования и государственных фондов гражданского благосостояния. И наконец также заимствованная у тред-юнионов идея военного фонда превратила каждый трейлерный стан в самостоятельное, самообеспеченное объединение.

Все шло нормально, потому что у резидента стана мало было денег на посторонние траты. Прежние погоня за развлечениями, потребность в дорогой одежде, расходы на домашнюю утварь — все это кануло в вечность: обстоятельства принуждали к бережливости.

Теперь даже налоги не платили — что о них говорить! Прекратили свое существование правительства штатов, муниципалитеты. Осталось только федеральное правительство, но и оно почти не

контролировало ситуацию — это можно было предвидеть уже тогда, сорок лет назад. Жителям оставалось платить только пустячный налог на оборону и чуть более весомый налог на дороги, причем *новые* громко и страстно выступали даже против него.

— Все изменилось, — сказал *пузырь*, — профсоюзы совершенно отбились от рук.

— Но из всего сохранившегося только они могли как-то гарантировать жизнь людям, — возразил ему Эмби. — Только в них еще сохранялась какая-то логика, что-то надежное, на что могли опереться массы. И, естественно, профсоюзы с их идеологией заменили правительство.

— Правительству следовало бы поступить иначе, — сказал *пузырь*.

— Может быть, оно и поступило бы иначе, но все мы были слишком напуганны. Это все страх наделал; если бы мы не испугались до такой степени, все было бы в порядке.

Пузырь возразил:

— Если бы мы не испугались, нас, может быть, разнесло бы ко всем чертям.

— Вполне вероятно, — согласился Эмби. — Я помню, как это случилось. Вышел указ о децентрализации, и, как я теперь догадываюсь, промышленники были осведомлены лучше нас, они поднялись и рассеялись по всей стране без всяких возражений. Может, они точно знали, что правительство не обманывает, у них на руках могли быть документы, известные узкому кругу лиц. Хотя, насколько я помню, и общественное сознание склонялось к весьма мрачным прогнозам.

— Я тогда был подростком, — сказал *пузырь*, — но помню кое-что. Имущество потеряло всякую цену. Даже за самую мизерную плату ничего из городского имущества нельзя было продать. Рабочие не могли оставаться в городах, потому что их рабочие места уехали — уехали из городов в деревни. Децентрализация охватила большую часть страны. Крупные предприятия раскололись на мелкие, некоторые из них — на множество небольших ассоциаций.

Эмби кивнул.

— Таким образом не оставили ни одной достаточно крупной цели для бомбы. Для уничтожения промышленности теперь им пришлось бы заплатить слишком дорогую цену. Там, где прежде хватило бы одной бомбы, сейчас понадобилось бы не меньше сотни.

— Черт его знает, — сказал *пузырь*, все еще не соглашаясь с концепцией доктора. — Думается мне, что правительство могло бы иначе распорядиться своей властью и не дать событиям развиваться таким путем.

— Полагаю, у правительства тогда проблем было выше головы...

— Согласен, было. Но прежде оно по самые уши увязло в делах строительства, причем в строительстве самых разнообразных дешевых домов.

— Но их главной заботой оставались промышленники, правительство старалось помочь им в создании новых предприятий. А в это время трейлеры решили жилищную проблему.

— Скорее всего, — согласился наконец *лузырь*, — так все и было.

И, конечно, именно так все и было.

Рабочие вынуждены были последовать за своими рабочими местами — или остаться, чтобы умереть с голоду. Лишенные возможности продать свои городские дома, на которые уже почти через сутки не было никакого спроса, они согласились на жизнь в трейлерах; и вскоре возле каждого небольшого промышленного предприятия вырос трейлерный лагерь.

Чем дальше, тем, по-видимому, больше нравилась им жизнь в трейлерах, хотя не исключено, что они просто боялись строить дома при мысли, что все может повториться, — не строили даже те немногие, кто мог позволить себе это, но большинство и не имело на это средств. А может быть, они во всем разочаровались и им все опротивело. Но жизнь в трейлерах распространялась все шире, стабилизировалась, и даже те люди, которых децентрализация коснулась лишь боком, потихоньку присоединившись к жителям трейлерных станов, пока наконец большинство поселков и городов не опустело.

Культ вещей был отринут. Снова возникла кочевая жизнь.

Первым сыграл свою роль страх, а затем свобода, свобода от имущества, свобода встать и ехать без оглядки, а также — профсоюзы.

Трейлеры покончили с гигантскими профсоюзными организациями. Профсоюзные боссы и бизнесмены, которым в свое время удавалось держать под своим контролем крупные профсоюзные организации, оказались совершенно беспомощными перед сотнями разбросанных единиц, на которые раскололись большие местные союзы. Но в каждом отдельно взятом стане местный профсоюз приобрел новую власть и значение. Он способствовал сплочению людей в крепкое единое сообщество. Он стал близок каждой семье, потому что удовлетворял ее интересы. Профсоюзное движение, если говорить с точки зрения простых людей и их интересов, обеспечивало существование трейлерных станов и их кочевой жизни.

— Я еще много чего могу рассказать о них, — сказал *лузырь*.
— Они представляли собой весьма активную группу. Вели дела на

фабрике куда лучше, чем я, всегда знали о дефиците и совершенствовали технологию. За двадцать лет, что работали здесь, они, по сути дела, перестроили производство полностью. Именно на это они и напирали при переговорах. Я объяснял им, что они делали это для себя же, тут они и взъелись и уехали все, как один.

Он постучал трубкой об изгородь, выбивая из нее табак.

— Знаете ли, — продолжал он, — не очень уверен, но думаю, что, по всей видимости, у новых бандюг, которые придут сюда со дня на день, переделка всех этих наспех состряпанных сооружений, оставшихся от только что отбывших бродяг, займет не больше месяца. Вся моя надежда только на то, что они примутся за это не так скоро и не раздолбают все мое заведение.

Он рассеянно погладил свою трубку.

— Нет, поверьте, я хотел бы понять этих людей — просто для себя, раз уж ничего другого я не могу. Ведь стан-то был хороший, в основном здравомыслящий. Они были старательные работники и, вплоть до последних дней, с ними было легко ладить. Большинство из них жили вполне нормально, но было в них что-то, чего я не могу взять в толк. Что-то вроде суеверия, и оно все возрастало. Они разработали огромный регистр запретов и, черт бы их побрал, как бы заклинали, заручались чьей-то поддержкой. Вы, конечно, скажете, что и мы не без греха — скрещиваем, например, пальцы рук, или плюем через левое плечо, или еще там что-то, — но мы ведь сами посмеиваемся над этим. У нас это, скорее, от нежелания расставаться с какими-то символами, связывающими нас с нашим прошлым. Но готов поклясться, эти дикари всерьез верили во все это, они этим жили.

— Сказанное вами, — отозвался Эмби, — лишний раз подтверждает мою мысль о том, что культура деградировала и стала эквивалентной культуре древних кочевников и, вероятнее всего, упала даже глубже, чем я думал. Почвой для этого стала жизнь изолированными, небольшими племенами. В более интегрированной среде нет места подобным суевериям, их убивает ирония; но в отгороженных клочках земли они глубоко пускают корни и произрастают...

— Хуже всего обстоят дела с фермерскими станами, — сказал *пузырь*. — Они танцуют мумбу-джумбу, чтобы вызвать дождь, колдуют ради хорошего урожая и делают много еще всякой всячины. Эмби кивнул.

— Логично. В самой земле и в зерне уже заложена какая-то тайна, они продолжают мистицизм. Вспомните, какое обилие мифологических сюжетов, связанных с земледелием, возникло еще в доисторические времена — обряды в честь урожайного года, лунный календарь посевов и множество других фетишей.

Он сидел на каменной изгороди и смотрел вдаль; казалось, он вернулся в темные глубины начала человечества и слышит шаги огрубевших ног, ритуальное пение, вопли терзаемой жертвы.

7 На следующий день, выехав на вершину холма, они увидели фермерский стан. Он располагался на опушке небольшой рощицы, немного в стороне высились элеваторы, а вокруг стана, на разбежавшихся во всех направлениях равнинах лежали в золоте и зелени необозримые поля.

— Вот место, где бы я с преобладающим удовольствием поселился, — сказал Джейк. — Тут и детей растить хорошо, и, как я полагаю, работенка не на убой. У них тут почти все работы механические: разъезжай себе на тракторе или на комбайне, или на сеновалке, или на чем-нибудь еще. Прекрасная, здоровая жизнь — полно солнца и свежего воздуха, и к тому же страну посмотреть можно. Соберем урожай, и всей оравой, прихватив скарб, тронемся в путь. И отправимся или на юго-запад за салатами и за другими овощами, или даже прямо на юг, на берег океана, за фруктами. А как, по-вашему, док, на юге есть зимние фермы, вы не знаете?

— Нет, не знаю, — ответил Эмби.

Он сидел рядом с Джейком и наблюдал, как тот правит машиной. Лучше Джейка, решил он про себя, никто с машиной не управится, с ним чувствуешь себя в полной безопасности и совершенно спокойно. Он никогда не гонит, не рискует и хорошо понимает машину.

На заднем сиденье дети устроили "кучу малу", и Джейк обернулся к ним:

— Эй, вы, малышня, если вы сейчас же не успокоитесь, я прямо здесь останавливаю авто и начинаю всех вас по очереди пороть. Вы, чертенята, отлично ведь знаете, что, будь здесь ваша мама, не стали бы устраивать весь этот базар. Она бы надрала вам уши и заставила сидеть смирно.

Дети, не обращая на него внимания, продолжали свою возню.

— Я вот думаю, — обратился Джейк к Эмби, считая, по-видимому, что его отцовский долг выполнен, — что это самый ловкий ход в вашей жизни. Только, может, вам стоило бы пораньше так сходиться. Все говорит за то, что такому образованному человеку, как вы, нечего беспокоиться, для него всегда найдется местечко, в любом стане. Похоже, у них не так уж много образованных людей, а образование, я всегда это говорил, образование — это все. Сам-то я не получил никакого образования, может, поэтому и остался бедняком. Пока мы жили там, в городе, я больше всего терпеть не мог, что мои дети бегают по улице и ничему не учатся. Мы уж с

Мерт из кожи вон лезли, чтобы помочь им, но что мы могли им дать, кроме наших "а, б, ц", — какие из нас учителя.

— Вполне возможно, что в станах есть свои школы, — предположил Эмби. — Я, правда, никогда ничего о них не слышал, но знаю, что у них есть что-то вроде университетов, а прежде чем идти в колледж, необходимо хотя бы получить начальное образование. Я склонен думать, что станы зиждятся на хороших общественных программах. Стан — это что-то вроде деревни на колесах, и, скорее всего, в них соблюдаются те же порядки: там должны быть и школы, и больницы, и церкви, и все, что сопутствует жизни в городах и деревнях, хотя на всем этом, как мне представляется, лежит отпечаток тред-юнионизма. Культура — вещь странная, Джейк, но обычно в основных своих чертах и по своим результатам она почти везде одинакова. Различия в культурах примерно такие же, как и различия в подходах к решению одинаковых проблем.

— Клянусь, — сказал Джейк, — сидеть и слушать ваши рассуждения для меня большое удовольствие! И особенно потому, что вы не только произносите все эти умные слова, но, похоже, знаете, что они означают.

Тут он свернул на грунтовую дорогу, которая вела к стану. Он до предела сбавил скорость, но они подсакивали на каждом ухабе.

— Посмотрите-ка, — сказал Джейк, — хорошенькое дело! Вон, видите, белье висит на веревках, цветочки в ящиках в окнах трейлеров и этот низенький забор из кольев, — совсем как раньше у нас были загончики. Я ничуть не удивлюсь, если здешние поселенцы окажутся такими же людьми, как и мы.

Они добрались до лагеря и, свернув с дороги, поставили машину в ряду других трейлеров. Вокруг тут же столпились ребятишки — стояли и наблюдали за ними. Женщина вышла и остановилась на пороге своего трейлера, оперлась на косяк и смотрела на них. К детям присоединились собаки, уселись рядом с ними и стали выкусывать у себя блох.

Джейк вылез из машины.

— Здорово, ребята, — сказал он.

Те в ответ застенчиво захихикали.

С заднего сиденья трейлера соскочили дети Джейка и встали рядом с отцом.

Выкарабкалась из трейлера и Мерт. Она обмахивалась куском картона.

— Ну и ну! — провозгласила она.

Все замерли в ожидании.

Наконец откуда-то появился старик. Ребятишки посторонились, пропуская его. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Чем могу служить, проезжий?

— Мы просто осматриваемся, — сказал Джейк.

— Смотрите, что хотите.

Он взглянул на оставшегося в машине Эмби.

— Здравствуйте, старина.

— Здравствуйте, — откликнулся Эмби.

— Что, старина, что-нибудь особенное присматриваете?

— Можно сказать, мы ищем работу; мы надеемся, что в каком-нибудь стане нас примут.

Старик покачал головой.

— У нас полно людей. Впрочем, поговорите с агентом по труду, ему лучше знать.

Он повернулся к ребятам и крикнул:

— А ну, сорванцы, пойдите найдите Фреда!

Они моментально бросились врассыпную, как вспугнутые куропатки.

— Теперь мало наезжает таких, как вы, — сказал старик. — Несколько лет назад навалом валили в поисках хоть чего-нибудь. По большей части из небольших городков, а многие — и из РФ.

Он заметил недоумение на лице Эмби.

— Это означало "разоренные фермеры", — объяснил старик. — Ну, это которые не справились с хозяйством, все бросили, таких было много. Самые чокнутые. Дерутся, как бешеные. Приходили в расчете стать с нами на равных, думали, им это позволят. Считали, правительство сделало их поденщиками, и, по-моему, так оно и есть. И поденщиками оно сделало не только их, но и многих из нас. Нельзя же было все так разбазаривать, и при этом никто ведь не понес наказания. А по тому, как шли дела, нечего было и думать, что правительство продержится долго, да еще со всеми его программами. Нужно было попроще.

Эмби кивнул в знак согласия.

— Невозможно содержать непомерно раздутую бюрократию в системе, где господствуют доисторические технологии кочевников.

— Совершенно с вами согласен, — в свою очередь согласился старик с Эмби. — Что касается фермеров, то и тут было все так же. Мелкие земельные участки и их хозяева были обречены. Фермер-одиночка на таком участочке не мог развивать дело. Сельское хозяйство шло к созданию корпораций еще до того, как завершился процесс децентрализации в промышленности. Непосильно вести сельское хозяйство без машин, а, с другой стороны, какой смысл покупать технику для обработки нескольких акров хозяину фермы?

Он подошел к трейлеру и погладил крыло сучковатой рукой.

— Хорошая машина.

— Она у меня уже давно, — сказал ему Эмби. — Всегда ухаживаю за ней.

Старик просиял.

— Вот и мы тут придерживаемся того же правила. Каждый должен заботливо относиться ко всему, что у нас есть. Теперь не те времена, когда можно было пропить какую-нибудь вещь, или испортить, или потерять, а потом за ближайшим углом купить себе новую. В этом отношении у нас неплохой народ. Молодежь тратит почти все свое свободное время на возню с машинами. Вы бы посмотрели, что они понаделали с некоторыми из них — прямо очеловечили.

Он встал возле открытого окошка трейлера и прислонился к дверце.

— Ей-богу, хороший у нас стан, — сказал он. — С какой стороны ни взгляни. У нас самые ухоженные зерновые; а как мы землю обрабатываем, вы бы знали. И наш *лузырь*, владелец этих мест, высокого мнения о нас. Вот уже двадцать лет, как мы каждую весну возвращаемся сюда. Если кто другой попробует занять наше место, *лузырь* и разговаривать с ними не станет. Он всегда ждет нас. Вряд ли найдется много еще таких станов. Но уж как наступит зима, нас не удержишь — отправляемся путешествовать, куда глаза глядят. И можем вернуться в любой город, где мы уже побывали зимой, если захотим, и ничего нам не может помешать.

Он внимательно посмотрел на Эмби.

— А вы, случаем, не знаете ли, как вызывать дождь?

— Несколько лет назад я что-то читал о работах на эту тему, — сказал Эмби. — Это, кажется, называлось "засеивать тучи". Но я забыл, что при этом применяли. Скорее всего, серебро. Еще какие-то реактивы...

— Понятия не имею ни о каком "засеивании", — сказал старик, — да и насчет того, применяют они какие-нибудь реактивы или нет... Ясное дело, — добавил он, опасаясь, что его не так поймут, — у нас тут имеются самые прекрасные спецы по дождю, их целый кагал, но в фермерском деле никогда не помешает иметь в запасе одного-двух специалистов. — Он взглянул на небо. — Сейчас-то нам дождь ни к чему, зачем тратить силы на то, чего не нужно. Вот кабы вы появились здесь в пору, когда в дождях большая нужда, тогда вы увидели бы парней за работой. Когда они начинают танцевать, от них глаз не оторвать, все на них оглядываются.

— Я как-то читал о навагос... или нет, о моки, — сказал Эмби.

Но старика не интересовали ни навагос, ни моки.

— А какая у нас бригада овощеводов! — продолжал он свой рассказ. — Не хочу хвастать, но, ей-богу, лучше наших не найти...

Его прервала орущая во всю глотку стайка ребятишек, что неслась. Он оглянулся.

— Вот и Фред.

Легкой походкой Фред приближался к ним. Это был крупный мужчина с непокрытой головой, со спутанными черными волосами, густыми бровями и с полным ртом белых зубов.

— Привет, люди, — сказал он. — Чем могу быть полезен?

Джейк рассказал.

Фред в замешательстве почесал в волосах и смущенно помолчал.

— Да у нас полным-полна коробочка, к тому ж мы вот-вот уедем. И не соображу, на что нам еще одна семья. Если только у вас есть в загашнике что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Я хороший механик, — объяснил ему Джейк, — могу водить любую машину.

— Водителей у нас хватает. А как насчет ремонта? Может, смыслите по сварочному делу? Или по токарному?

— Я... да нет.

— Нам приходится самим ремонтировать машины, содержать их в постоянной готовности. Бывает, сами запасные части делаем, чтобы заменить старые, изношенные. У нас нет времени ждать, когда нам доставят их с завода, так что мы все тут на все руки мастера. Что там вождение машины — каждый умеет водить машину. Даже женщины и дети.

— А еще вот док, — сказал Джейк, — образованный человек. Был профессором в университете, пока тот не прикрыли. Не подойдет ли он вам?

Фред оживился.

— Да что вы говорите! По агрономии...

— История, — сказал Эмби. — Я знаю только историю, ничего больше.

— Это, видите ли, не то... — Фред был разочарован. — Нам нужен специалист по сельскому хозяйству. На отдельных участках мы проводим эксперименты, но слишком мало знаем. В результате ни на одном из них ничего не получается. Идея состоит в том, чтобы вырастить лучшие сорта семян. Только успех эксперимента поможет нам в торговле — вся наша ставка на качественные семена. У каждого стана свой собственный сорт семян, и чем выше качество семян, тем меньше вы зависите от вашего лузья. Мы выращиваем хорошие дурхамы, но теперь мы принялись за кукурузу. Если бы нам удалось вывести, скажем, такой сорт, который вызревает на декаду раньше...

— Весьма интересно, — сказал Эмби. — Но, к сожалению, я бессилён вам помочь. Никакого представления не имею.

— А я бы работал во всю мочь, — сказал Джейк, — если бы только вы позволили мне остаться. Я же двуужильный, другого такого во всем вашем стане не сыскать.

— Прошу прощения, — сказал в ответ агент, — у нас лентяев не водится, все старательные. Если вам нужно пристанище, вам лучше всего обратиться к путешественникам. Они, возможно, примут вас. А такие старые станы, как наш, обычно не берут новичков, разве что они обладают какими-то необыкновенными способностями.

— Ладно, — сказал Джейк, — пусть будет по-вашему.

Он открыл дверцу и влез в машину. Дети нырнули на заднее сиденье. Вскрабакалась в трейлер и Мерт.

— Спасибо, — сказал Джейк агенту. — Извините, что отняли у вас столько времени.

Он развернул машину и поехал к шоссе. Долго молчал, наконец заговорил:

— Что это за штука такая — агроном? — спросил он.

8 И дальше, где бы они ни останавливались, все происходило примерно в том же духе.

— Не кибернетик ли вы? Нет? Жаль-жаль. Нам, конечно, подошел бы кто-нибудь из этих парней-кибернетиков.

— Сожалеем, но нам нужен химик. Колдуем тут, производим топливо. А знаний никаких, кроме того, до чего сами докопаемся. В один прекрасный день наши ребята взорвут к чертовой бабушке весь наш стан.

— Если бы вы были лекарем. Лекарь нам нужен.

— Вы знакомы с электроникой? Нет? Очень жаль.

— Историк... Боюсь, историк нам ни к чему.

— Вы, случайно, не доктор? У нас доктор уже совсем старенький.

— Нам бы инженера по ракетам. Есть у нас тут идейки... Нам бы парня, разбирающегося в ракетах.

— История? Не-а. На кой она нам?

Но есть все же польза и в истории, говорил себе Эмби.

— Я знаю, — говорил он, — есть ей применение. Прежде она всегда служила орудием. Не могла же она вдруг потерять свое значение, даже в нынешнем невежественном обществе.

Он забирался в свой спальный мешок и смотрел на небо.

Дома теперь уже осень, думал он. Падают листья, и стоит его город, захватывающе прекрасный в своем осеннем наряде.

А здесь, на самом юге материка, все еще было лето, и странное, летаргическое чувство навевала темно-зеленая листва и густая синь неба — будто зелень и синева отпечатались на земле и останутся

такими навеки, на земле, которой противопоставлены какие-либо изменения, и матрица ее существования отлита навсегда, без всякой надежды на перемены.

На фоне неба темной глыбой возвышался трейлер; внутри трейлера закончили свои стенания Джейк и Мерт, и стало слышно журчание ручья, протекавшего немного в стороне от их стоянки. Угасал костер, пока не стал похож на розу в белом неплете кострища, а где-то на опушке леса вдруг запела птица, наверно, пересмешник, хотя песня не была такой прелестной, как он ожидал услышать.

И так всегда, подумал он. Наши фантазии никогда полностью не совпадают с действительностью, с тем, что есть на самом деле. Чаще всего в жизни все гораздо менее красиво и более прозаично, чем в воображении человека; но порой вдруг, в самом неожиданном месте, возникнет перед тобой такое, что пригвоздит тебя к месту и затем определит всю твою дальнейшую судьбу.

Побывав в двух-трех станах, доктор убедился, что все они на один манер -- на солидный американский манер, деловой и прагматичный; были в них и свои странности, но они переставали быть странностями, как только он постигал их истоки.

Вот, например, еженедельные военные сборы с их обычными военными играми; в них каждый рядовой должен пройти все ступеньки маневров и со всей серьезностью отработать свою долю, без всяких там уверток и шуточек решить военную задачу, а в это время женщины и дети, как стая перепелок, разбегаются в поисках укромного места, чтобы спрятаться от воображаемого врага.

А дело все заключалось в том, что без этих сборов Федеральное правительство не получило бы даже свой пустячный налог на оборону. А так у него всегда есть предлог держать лод рукой на случай чрезвычайной мобилизации граждан-солдат, готовых биться в страшной тотальной войне как какие-нибудь фронтеры или дикие индейцы, и разорвать на части любого неприятеля, посмевшего высадиться на берегах его родного континента. Федеральное правительство содержало военно-воздушные силы, производило оружие, поддерживало военные исследования и осуществляло общее руководство и планирование. Люди, все до одного, составляли постоянную армию, готовую в любой момент к мобилизации, вымуштрованную до степени пальца на взведенном курке, и притом армия эта ни гроша не стоила федеральному правительству.

Увидев все эти военные игры и муштру, Эмби понял, что такое положение дел приведет в замешательство любого потенциального врага. Это было что-то новое в военной науке. Представьте себе страну, в которой нет ничего, что могло бы представлять достойную цель для бомбардировки, не осталось городов, которые можно было

бы брать приступом и удерживать в своих руках, нет предприятий, подлежащих полному разрушению, и при этом каждый житель мужского пола в возрасте от 17 до 70 лет — готовый к бою солдат.

Так он лежал, размышляя о предметах, удивительно знакомых и незнакомых.

К примеру, народные обычаи, бытовавшие в пределах каждого стана, они образовались из легенд, суеверий, магии, школьных знаний, местного культа героев и всяких других, обязательных для полного завершения картины общественной жизни глупостей. Он понимал, что эти обычаи были частью неистовой, фанатичной верности своему родному стану, ставшей определяющей во взаимоотношениях его обитателей друг с другом. А за пределами этого господствовало фантастическое соперничество между различными станами, которое трудно было порой понять: оно проявлялось и в мелком хвастовстве добытой рыбешкой, и в тупом отказе лидеров стана делиться какими бы то ни было секретами и знаниями со своими соседями. Понять это было бы совсем невозможно, если не учитывать старых американских традиций, представлявших собой душу и тело американского бизнеса.

Странная ситуация, думал доктор Амброуз Уилсон, лежа в своем спальном мешке в самой глубинке теплой, южной ночи, странная ситуация, но вполне объяснимая, если на нее посмотреть с определенной точки зрения.

Все ему понятно, кроме маленькой закавыки, с которой он никак не мог справиться. Это было скорее подспудное чувство, чем что-то реальное, чувство, что за всей этой неразберихой кочевой жизни лежит новый фактор, жизненно важный, его можно ощутить, но трудно найти ему определение.

Он лежал и раздумывал над этим новым, жизненно важным фактором, пытаясь проанализировать свои впечатления и найти ключ к разгадке. Но не было ничего реального, ничего, чтобы протянуть руку и пощупать, ничего, чему можно было бы дать название. Это была как бы солома без единого зерна, дым без огня, это было что-то новое, вероятно, в той же степени объяснимое, как и все другое, нужно только посмотреть с определенной точки зрения. Но где эта "точка зрения"?

Они пересекли огромные пространства, следуя по берегу великой реки с севера на юг, и видели много станов: зерноводческие с их многочисленными акрами хлебных и кукурузных полей; промышленные с дымящими трубами и грохотом машин; транспортные с множеством грузовиков и с фантастическими по масштабам перевозками грузов; станы по производству молочных продуктов со стадами коров и маслобойными и сырными заводами; станы по

разведению кур; по производству грузового транспорта для фермеров; станы углекопов; станы по ремонту дорог, по лесоразработкам и так далее. И то тут, то там встречались им такие же бродяги, путешественники, летяги, как они.

Но куда бы они ни пришли, везде их ждал один ответ: "Очень жаль, но...", и кучки ребятишек, и чешущихся собак, и агенты по труду, сообщавшие, что для них в стане ничего нет.

В некоторых станах их встречали более благожелательно, кое-где они останавливались на день, а то и на неделю, отдыхали, приводили в порядок машину, расправляли затекшие ноги, встречались с разными людьми.

В таких случаях Эмби ходил по стану и, усаживаясь на солнышке или в тени — в зависимости от обстоятельств, — заводил разговоры, и иногда ему начинало казаться, что он постиг этих людей. Но вслед за этим всегда появлялось ощущение неуловимой странности, смутной непохожести, будто кто-то, кого он не мог видеть, сидя в кругу собеседников, уставился на него испытующим взглядом, и тогда он остро осознавал, что между ним и этими людьми лежит пропасть в сорок лет забвения.

Он ловил их радиопередачи и слышал едва различимые голоса из других станов, иногда близких, иногда с другого конца континента, — все это выглядело пародией на любительские репортажи 1960-х годов, словом, радиосеть на деревенском уровне. Транслировалась в основном болтовня, но был в ней порой и вполне официальный смысл — официальные заявления, содержащие требование тонны сыра или грузовика сена, или просьбу заменить какие-либо сломавшиеся части машины, или подтверждение долга одного стана другому после какой-либо сделки или за какой-то продукт, чаще всего разные станы хитрили между собой и платили по большей части обещаниями за обещания же. И все-таки было в этой их болтовне что-то специфическое, свойственное только этой фантастической культуре, которая в течение одной ночи вышла из предместий и превратилась в культуру кочевников.

И во всем присутствовала магия, странная, легкая магия, которая не причиняла людям вреда, служила только им на пользу. Ему казалось, что после продолжительного бегства из материального мира домовые и феи вернулись восвояси. Появились новые, причудливые обряды — они пришли из прошлого; вновь возникли амулеты и заклинания; возрождалась древняя, простая вера, забытая в самом недавнем нашем вчера, простая, детская вера в надежность мира. И, по-видимому, за всем этим скрывается что-то хорошее, подумал он.

Но самое удивительное было в том, что древняя магия и старые

верования совершенно естественно сочетались с современными технологиями: кибернетика шагала нога в ногу с амулетами, танцы во имя пролития дождя сочетались с агрономическими науками.

Пытаясь найти объяснение всему этому он рассматривал проблему с разных сторон, и в целом, и по частям, пытался отойти от стереотипов и вписать модель в определенную историческую эпоху; но чаще всего, когда, казалось, объяснение найдено и модель вписалась в достаточно разумную историческую схему, обнаруживалось в конце концов, что вся его работа не более чем поверхностный взгляд на проблему.

По-прежнему оставались за гранью понимания эти смутные ощущения и жизненно важный фактор.

Тем временем они продолжали свое путешествие под постоянный аккомпанемент всеобщего "Очень жаль, но..." Он знал, что Джейк терзается и имеет на это полное право. Ночь за ночью, лежа в своем мешке, он слышал, как Джейк и Мерт, считая, что он и дети спят, разговаривали друг с другом. И как он ни старался из приличия лечь подальше и хотя бы не слышать каждое сказанное ими слово, по тону их стенаний он догадывался, о чем они толкуют.

Какой стыд, думал он. Как сильно надеялся Джейк, как глубоко он верил. Страшно наблюдать день за днем, как человек теряет веру, как она постепенно покидает его, словно вытекает из раны по капле его кровь.

Устраиваясь поудобнее, он покрутился в своем спальном мешке и закрыл глаза от звездного света. Он чувствовал, как сон, подобно древнему утешителю, успокаивает его; и в смутное мгновение, когда реальность ускользает, но еще не совсем покинула твое сознание, он опять увидел прекрасный портрет-идеал, который висел над камином, и свет от лампы падал на него.

Когда он проснулся, трейлера на месте не было.

Сначала он ничего не подумал: ему было тепло и уютно, свежий ветерок овеивал его лицо, радостно заливались птицы на каждом дереве и кусте, журчал ручей по галечному руслу.

Он лежал и думал, что хорошо жить на этом свете, и смутно представлял себе, чем одарит его новый день, и был благодарен тому, что ему нечего бояться.

А потом он заметил, что трейлера-то нет; еще какое-то мгновение он оставался спокоен, не постигая случившегося, пока гадкой пощечиной по лицу не дошел до него смысл происходящего.

Его охватила паника, но быстро отпустила — холодный ужас одиночества, заброшенности сменился взрывом гнева. Он обнаружил внутри спального мешка свою одежду, вылез из него и сел одеться. Он попытался восстановить картину того, что здесь произошло.

Стан находился глубоко в низине, возле шоссе, и он вспомнил, как они подкладывали под колеса трейлера камни, чтобы он не скатился вниз по склону. Скорее всего Джейк вынул камни, отпустил тормоза и, не заводя мотор, скатился по склону до того места, откуда звук мотора уже не был слышен.

Он поднялся и тупо побрел вперед. Вот и те камни, которые они подкладывали под колеса, а вот и следы на рося.

Вскоре он обнаружил и еще кое-что: прислоненное к сосне стояло ружье двадцать второго калибра — вещь, которой Джейк гордился больше всего на свете, и, кроме того, старый, чем-то набитый рюкзак.

Он присел у дерева и развязал его. Там находились два коробка спичек, десять коробок боеприпасов, его запасной костюм, еда, тарелки, кастрюли, сковородки и старый плащ.

Он склонился надо всем этим хозяйством, разбросанным на земле, и почувствовал, как на глазах закипают слезы. Конечно, это было предательство, но и не совсем предательство — ведь они не забыли о нем. Украли, бросили его с самыми низкими побуждениями, но Джейк оставил ему свое ружье, а оно было как бы его правой рукой.

Их стенания, которые он не раз слышал, — не планировали ли они уже тогда в их ночных разговорах все это? Но что изменилось бы, если б он расслышал слова, а не тон их бесед, что, если бы он подкрался, подслушал и разоблачил их планы — что бы предпринял он тогда?

Он снова уложил рюкзак и потащил его и ружье к спальному мешку. Будет тяжело, но потихоньку-полегоньку он возьмет и понесет все с собой. В конце концов, утешал он себя, дела обстоят не так уж плохо: у него остался бумажник и в нем немного денег. Без особого сочувствия он подивился, на что Джейк, оставшийся без копейки в кармане, будет приобретать бензин и еду.

И ему показалось, что он слышит, как Джейк занудливо говорит: "Это все док. Это из-за него никто не хочет брать нас. Им стоило только взглянуть на него, и они уже понимали, что не далек день, когда он сядет им на шею. А на что им такие, которые через год-два будут бременем для них?"

Или немного иначе, так, например: "Говорю тебе, Мерт, это все из-за дока. Он им вешает лапшу на уши и тем только отпугивает их. Они же соображают, что он не их поля ягода. Ишь нос задирает! Ну, а мы... Мы самые обыкновенные люди. Они бы нас в миг приняли, если бы не доктор".

Или так: "Вот мы, нам любая работа нипочем, а док — специалист. Ничего мы не добьемся, если не отделаемся от дока".

Эмби покачал головой. Смешно, подумал он, на что только не пойдет отчаявшийся человек. Благодарность и честь и даже дружба — все это лишь хилые преграды на пути отчаяния.

А я? — спросил он себя. Что теперь буду делать я?

Не сразу, конечно, но пришла ему на ум мысль о возвращении домой. Но это было невозможно: на севере примерно через месяц выпадет снег, и никаких его сил не хватит, чтобы пробиться сквозь него. Если уж идти домой, то надо дожидаться весны.

А пока оставалось только одно — продолжать свой путь на юг, но не так быстро. Было в его положении и свое преимущество. Теперь он был предоставлен самому себе, и у него появилось гораздо больше времени на раздумья. А в данной ситуации есть о чем поразмыслить, ибо было в ней много поразительного. Он знал, что где-то есть ключ к пониманию того жизненно важного фактора, который он постоянно ощущал в каждом стане, есть ответ на загадку. Стоит ему разобраться в этом явлении, и тогда можно будет сесть и писать историю, и таким образом он выполнит свое назначение.

Он положил ружье и рюкзак на спальный мешок, а сам спустился на дорогу. Остановившись посреди ее, он посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Дорога была длинной и безлюдной, таким же безлюдным и одиноким будет и его путешествие. У него никогда не было детей, а в последнее время — и друзей. Джейк, подумалось ему, был самым близким человеком; но Джейка нет, теперь не только пространство, не только пыльная дорога пролегла между ними, но и его поступок.

Он расправил плечи, изображая уверенность и мужество, которых на самом деле не было, и снова поднялся на стоянку, чтобы подобрать спальный мешок, ружье и рюкзак.

9 Месяцем позже он набрел на стоянку водителей грузовика. Случилось это под вечер; он подыскивал местечко, где бы переночевать, когда на перекрестке двух дорог заметил припаркованный там грузовик с прицепом.

У только что разложенного костра хлопотал мужчина, осторожно подкладывая в костер небольшие ветки. Второй открывал банки с едой. Из леса вышел третий, с ведром, по-видимому, принес воды из ближайшего ручья.

Мужчина у костра заметил Эмби и встал.

— Привет, незнакомец, — произнес он. — Ищете место для ночлега?

Эмби кивнул и подошел к костру. Он сбросил с плеч рюкзак и спальный мешок и бросил их на землю.

— Был бы очень вам признателен...

— Очень рады вам, — сказал мужчина. Он снова склонился над огнем, продолжая подкармливать его. — Обычно мы не останавливаемся на ночевку. Остановимся ненадолго, только чтобы приготовить поесть, а потом пускаемся в путь. У нас в машине есть койка, так что пока один ведет машину, другой спит. Теперь даже Том наловчился водить машину. — Он кивнул на парня, принесшего воду. — Том вообще-то не водитель. Он был профессор в университете, теперь — в отпуске, без сохранения содержания.

Том усмехнулся, взглянув через костер на Эмби.

— В годовом,

— Я тоже в отпуске, — сказал Эмби, — только в перманентном.

— Вот уж сегодня проведем ночь как ночь, — продолжал первый собеседник. — Не люблю спать под шум мотора. Да и нагреваться он стал чего-то. Надо его раскурочить.

— Раскурочить? Прямо здесь?

— Почему бы нет? Чем плохое место?

— Но...

Водитель хихикнул.

— Да мы его в один миг разделаем. Вон Джим, мой помощник, он такелажник. Он его извлечет, перетащит сюда, к костру, и мы тут с ним быстренько разберемся.

Эмби присел возле костра.

— Меня зовут Эмби Уилсон, — сказал он. — Я просто путешественник;

— Вы издалека?

— Из самой Миннесоты.

— Пройти пешком такой кусок — дело нелегкое, особенно для человека ваших лет.

— Часть пути я проехал на машине.

— Что, машина сломалась?

— Мой партнер сбежал вместе с нею.

— Ну, такие вещи я называю мерзким, низким обманом, — рассудительно заметил водитель.

— Да нет, Джейк не хотел причинить мне зла, он просто впал в панику.

— И вы пытаетесь его выследить?

— Какой смысл? Да и при всем моем желании я не смог бы его найти.

— Могли бы нанять фиксатора.

— Фиксатора? Что это такое?

— Отец, ты что, с луны свалился? — удивился водитель.

И Эмби ничего не оставалось, как принять за должное удивление водителя.

— Фиксатор — это телепат, — объяснил Том. — Особый вид телепата. Он почти всегда может проследить мысли и по ним обнаружить человека. Что-то вроде человека-ищейки. Работа тяжелая, и их не так уж много; но мы надеемся, что со временем их станет больше, и они будут совершенствоваться.

Так фиксатор — это телепат!

Вот тебе и на! Никак не ожидал.

"Особый вид телепата", то есть предполагается, что есть и другие виды телепатов.

Эмби сидел сторбившись у костра и внимательно вглядывался в лица своих соседей — не появится ли у кого-либо из них усмешка на губах. Нет, никто не усмехнулся, они продолжали вести себя так, как будто телепаты — вещь самая обыкновенная.

Подумать только, неужели здесь, встретив этих людей, за несколько минут знакомства с ними он впервые раскрыл смысл всего этого головоломного фольклора и магии, о которых он часами раздумывал вот уже сколько дней!

"Фиксатор — это телепат, значит, "такелажник" — это телекинетик, а "лесник-зеленый" запросто может оказаться тем, кто обладает прирожденным даром любить и понимать все живое на Земле.

Может быть, это и есть тот самый "жизненно важный фактор", который он ищет, та "странность", которую он ощущает в каждом стане; и не в этом ли состоит логика действий тех, кто танцами вызывает дождь и выделявает все эти штучки-дрючки, которые он рассматривал как всего лишь побочные явления, свойственные изолированным социальным группам?

Он крепко зажал руки между колен, чтобы они не дрожали. Мой Бог! — думал он. Если это так, то как много становится понятным! Если это тот ответ, который я ищу, то это непревзойденная культура!

Том прервал ход его мыслей.

— Вы сказали, что вы в отпуске, как и я. Только перманентном. Вы тоже учитель?

— Был, — сказал Эмби. — Но университет закрыли. Это был один из старейших университетов, но кончились деньги, и почти не осталось студентов.

— Вы пытались найти работу еще где-нибудь?

— Я пошел бы в любую школу. Но, кажется, я никому не нужен.

— В школах не хватает людей, они бы уцепились за вас.

— Вы имеете в виду эти трейлерные университеты?

— Да, именно их.

— Вы не очень-то высокого мнения о них? — недовольным тоном спросил водитель.

— Я о них просто ничего не знаю.

— Они не хуже любой другой школы, это я вам говорю, — заявил водитель. — И никто не смеет говорить о них плохо.

Эмби наклонился к огню — в голове его все смешалось: надежда, и страхи, и множество всевозможных вопросов.

— Вы тут о фиксаторе говорили, — сказал он. — Вы говорили, что фиксатор — это один из видов телепата. А как же другие... они что, обладают другими способностями?

— Обладают некоторые, — сказал Том. — Похоже, что в наши дни появилось много разных талантов совершенно особого свойства. В наших университетах мы многих из них выявляем и пытаемся даже соответственно воспитывать их, но увя... Да и сами подумайте, как вы или я можем воспитать телепата? С какой стороны к этому подойти? Все, что мы можем, это создавать благоприятные условия для них, чтобы подобный талант имел все необходимое для развития.

Эмби смущенно покачал головой.

— И все-таки не могу понять... У нас ведь раньше никогда их не было — откуда же они взялись теперь?

— А может, они и были до Процесса децентрализации, но немного. Должны были быть, хотя бы в скрытом состоянии, они просто ждали своего часа. А подходящий момент наступил только теперь. Возможно, их убивала конкуренция. Или эти способности гибли под воздействием уравнилельной системы образования. Некоторые из тех, кто были телепатами, скрывали свои способности из страха показаться не такими, как все, а тогда, при той культуре, подобная непохожесть рождала неприязненное любопытство. И из чувства страха люди подавляли в себе эти способности, пока они не исчезали окончательно. Но были среди телепатов и такие, кто втайне использовал свои способности к собственной же выгоде. Представьте себе, какие возможности открываются перед адвокатом, или политиком, или торговцем, обладай он телепатией?

— И вы в это верите?

— Не всегда. Но существует вероятность...

— Люди стали куда умнее теперь, — сказал водитель.

— Нет, Рей, дело не в этом. Люди остаются такими же. Были, конечно, и раньше талантливые люди, но, думаю, им не удавалось проявлять свои способности так часто, как сейчас. Мы освободились от очень многих запретов и условностей. Когда мы покинули свои дома и вместе с ними очень многое из того, что казалось нам необходимым, вместе со всем этим мы сбросили с себя и груз зависти. Оставили в прошлом и многие комплексы. И никто теперь не дышит

нам в затылок. Мы теперь не заботимся о том, чтобы в чем-то не отстать от соседа, потому что сосед стал теперь другим, а не мерилом социального и экономического положения. Теперь у нас нет необходимости уложить двадцать восемь часов в двадцать четыре. Считайте, мы дали себе волю развиваться без всяких ограничений, чего не могли себе позволить раньше.

Джим, помощник водителя, повесил над костром на кованный прут котелок с кофе и принялся резать мясо.

— Сегодня у нас свинные отбивные, — сказал Рей. — Утром мы проезжали фермерский стан, а на дороге оказалась эта свинья. Я ничего не мог поделать...

— Да ты едва машину не разбил, чтобы только заполучить ее.

— Ну, это уж грязная клевета, — возразил Рей. — Я сделал все, чтобы объехать ее.

Джим продолжал резать мясо, бросая куски его на большую сковороду.

— Если вам нужна работа учителя, — сказал Том, — от вас немного требуется: зайдите в один из университетов. Ими тут сейчас пруд пруди. Большинство из них небольшие.

— Но как мне их найти?

— Поспрашивайте в округе. Их тут много околачивается. Наблюдает в одном месте, они перебираются на новое. И вам повезло. Они сейчас сюда перекочевали, на юг. Весной они обычно направляются на север, а осенью — на юг.

Шофер присел на корточки и стал свертывать сигаретку. Он поднес к губам кусочек бумаги с насыпанным табаком, облизнул краешек, склеил и придал форму сигареты. Он сунул ее в рот, и она свободно свисала у него с губы, пока он выжигивал в костре веточку, чтобы прикурить.

— Вот что я вам скажу, — обратился он к Эмби, — почему бы вам не поехать с нами? Места хватит для всех. Наверняка по пути нам попадется целая куча университетов. Вы заглянете туда. А если надумаете, то давайте поедem вместе до самого побережья. И Том едет с нами на побережье, надеется навестить своих дальних родственников.

Том кивнул.

— Верно. Может, поедem с нами?

— Теперь совсем не то, что в прежние времена, — сказал Рей. — Мой старик тоже был шофером. Тогда все носились как сумасшедшие. И ни за что, бывало, не остановятся и не посочувствуют, если что. Едут себе — и никакого внимания.

— Да и все мы были не лучше, — сказал Эмби.

— Теперь нам легче, — сказал шофер. — Не надо спешить, и

жизнь стала веселее, и никому нет никакого дела, приедем мы на день раньше или позже.

Джим поставил сковородку с отбивными на угли.

— Да, машину теперь вести куда проще, — сказал Рей, — особенно если у тебя есть помощник-такселяжник. Если он у тебя есть, никаких проблем с погрузкой и выгрузкой. И в грязи застрять нестрашно — он тебя запросто вытащит. А Джим у меня такой такселяжник — в жизни другого такого не встречал.

Джим продолжал жарить котлеты.

Шофер выплюнул сигарету в направлении костра, она приземлилась на сковородку, прямо посреди котлет. Почти в тот же миг она поднялась со сковородки, описала в воздухе дугу и упала на угли.

Джим сказал:

— Рей, ты эти шутки брось. Думай все-таки, что делаешь. Ты истощишь мои способности, если будешь вот так заставлять подбирать за собой всякую дрянь.

Водитель снова обратился к Эмби:

— Ну, так как, присоединяетесь? Посмотрите страну.

Эмби покачал головой.

— Надо подумать над вашим предложением.

Но он лицемерил. Не было никакой необходимости думать над таким предложением.

Он знал заранее, что не поедет.

10 Он стоял у погасшего костра на перекрестке, прощально махал им рукой и смотрел, как в тумане раннего утра исчезает трейлер с прицепом.

Потом он наклонился, поднял рюкзак и спальный мешок и перебросил их через плечо.

Странное возбуждение охватило его — странное и счастливое. Как хорошо было снова ощутить его после стольких месяцев ничемной жизни. Как хорошо было осознавать, что у тебя опять есть дело!

Он остановился, оглядел место стоянки — неподвижный пепел костра, охапку неиспользованных дров и большое пятно на земле — пятно от машинного масла, которое вылилось из мотора и постепенно просочилось в почву.

Если бы он своими глазами не видел, он бы никогда не поверил, что такое возможно: Джим, когда отвернул гайки, поднял мотор, вынул из машины и перенес его к костру, ни разу не прикоснувшись к нему руками. А потом он наблюдал, как неподатливые, с сорванной

резьбой гайки медленно и неохотно повернулись без всякого инструмента, поднялись над своими отверстиями, а затем спокойно встали в ряд.

Однажды, — как ему показалось давным-давно, — он беседовал с *пузырем*, и тот рассказал ему, как эффективно вели дела фабрики его работники, и жаловался при этом, что они настолько усовершенствовались технологии и механизмы на фабрике, что, по его словам, представителям другого стана понадобится по крайней мере месяц, чтобы разобраться в устройстве.

Эффективно! Бог ты мой, конечно, они работали эффективно! Но, пытался теперь дознаться он, какими новыми, наполовину разгаданными методами смогли они так усовершенствовать фабрику?

А по всей стране, подумал он, сколько задействовано новых принципов и методов? Но люди в станах не считали их чем-то новым, способным многое изменить, на них смотрели просто, как на профессиональные тайны, для них это было преимуществом в торговле, гарантией выживания стана. И сколько таких талантов по всей стране, прикидывал он, какое применение находит все это разнообразие талантов?

Новая культура, думал он, она непобедима тогда, когда осознает свою мощь, ее следует освободить от присущего ей провинциализма, освободить от суеверных наслоений новые силы. А это было самым трудным в его замысле, он понимал это: мистика служила им для того, чтобы закрыть глаза на собственное невежество и как-то объяснить непонятные явления. И, наверно, будет очень нелегко заменить мистику сознанием того, что в настоящий момент ограниченность знаний, недостаточное понимание происходящего приводит нас к простому принятию того, что есть, вызывает к нашему терпению, пока станет возможным понимание всех этих явлений.

Он вернулся к дереву, где оставил ружье, и взял его. Он радостно поднял его над собой и поразился, насколько естественно легло оно в ладонь, как будто было частью его самого, продолжением его руки.

Что-то подобное, по-видимому, и происходило с этими людьми и с их способностями. Они настолько привыкли к своим фантастическим возможностям, что воспринимали их как нечто будничное, совершенно не осознавая всего величия их.

Господи, что же это за чудо! Стоит развить их таланты, и через какие-нибудь сто лет не понадобится теперешнее косноязычное радио, его заменят телепаты, вся страна будет окутана сетью коммуникаций, не подвластной ни разрушениям, ни состояниям атмосферы —

умная, гуманная система связи, без всяких ограничений, неизбежных в электронных системах.

Исчезнут и грузовики с появлением телепортеров, которые легко, быстро и спокойно, без всяких проволочек и задержек будут переправлять суда от одного побережья к другому и в любые точки Земли, и опять же ни погода, ни состояние дорог не будут служить им помехой.

И это совсем немного из великолепных картин, подсказанных ему воображением. Что тут говорить обо всех остальных — отчасти уже известных, отчасти подразумеваемых и отчасти пока невыполнимых?

Он вышел на дорогу и остановился в задумчивости. Куда двинулся тот стан, где их спрашивали, нет ли среди них инженера по ракетам? И где-то рядом с ним был тот, в котором интересовались химиком, потому что ребята что-то там химичили над горючим, а взрослые боялись от этого взлететь на воздух. И еще его мучила мысль, где бы ему достать такелажника. А еще бы лучше — хорошего, на все руки телепата.

Не такие уж грандиозные планы, признался он себе. Но для начала хватит.

— Подарите мне десять лет, — проговорил он. — Я прошу всего десять лет.

Но даже если у него оставалось всего два года, он должен был начать. Ведь если он хотя бы начнет, потом найдется кто-нибудь, кто продолжит его дело. Кому-то нужно начать. И именно он подходит для этой роли как человек, обладающий объективным взглядом на этот несовершенный мир в свете исторического прошлого. И ведь таких, как я, сохранилось не так уж много, — подумал он.

Ему предстоит нелегкая работенка, он это знал, но считал, что дело свое знает хорошо.

И он пошел по дороге, весело насвистывая.

Вроде и дело не такое уж большое, но если удастся осуществить его, это будет сенсация. Стоит только сделать это, и каждый стан будет шпионить, интриговать, обманывать и пускаться во все тяжкие, чтобы овладеть тайной.

А пока, насколько он понимал, ему самому придется заняться чем-то вроде этого, чтобы хоть немного просветить их, чтобы они в конце концов поняли, какой силой владеют, нужно заставить их задуматься над тем, как использовать их необычайные возможности, что произросли на почве нового социума.

Но все же — где тот стан, в котором нуждались в инженере по ракетам?

Где-то возле этой вот дороги, дороги пыльной, наводившей на него когда-то уныние, но не теперь.

Нужно пройти какую-то часть этой дороги. Не так уж далеко — каких-нибудь сто или двести миль. А может, и больше?

Он шагал вперед, пытаясь вспомнить. Но не просто было это сделать. Столько дней промелькнуло и столько станов. Дорожные ориентиры, подумал он, я всегда хорошо запоминал дорожные ориентиры. Но кругом их было слишком много.

11 Он все продолжал свой путь, останавливаясь во встречных станах и на свой вопрос везде получал один и тот же ответ: — Ракеты? Да нет, на кой они? Какому дураку нужны нынче ракеты?

И у него стали уже возникать сомнения — а был ли вообще такой стан, в котором проявили заинтересованность в инженере по ракетам. Действительно, какому дураку нужны нынче ракеты? Какая от них польза?

Его вопрос уже опережал его — то ли благодаря телепатии, то ли радио, то ли слухам, — но скоро он стал легендой. И он вдруг увидел, что его уже ждут, как будто предупрежденные, и встречали его везде одним и тем же приветствием, которое уже звучало как шутка:

— Не вы ли тот джентльмен, который ищет ракету?

Но именно это шутовское приветствие и легенда о нем сделали его своим среди них; однако превратившись в одного из них, он оставался и сторонним наблюдателем: он видел величие, которого они не замечали, величие, сознание которого он должен был — *должен был!* — пробудить в них. Но ни слова, ни проповеди не способны были оживить в них это чувство.

Вечерами он, бывало, сидел с ними за общими беседами, спал с ними в трейлерах, если ему находилось место, помогал им по мелочам и слушал их побасенки. И сам рассказывал их. И при этом все чаще возникало в нем ощущение чего-то неординарного, чуждого, но теперь, когда он немного разобрался в природе этого явления, не тревожился больше, а иногда даже, оглядев кружок собеседников, вычислял того, кто возбуждал в нем это ощущение.

По ночам, лежа в постели, он много думал надо всем этим, и в конечном счете кое-что прояснилось для него.

Человек, даже, может быть, пещерный, всегда обладал этими способностями, но тогда, как и теперь, Человек не понимал своей силы и не развивал этого качества в себе. Он предпочел совсем другой путь прогресса — не разум совершенствовал он, а свои руки,

и построил удивительную, потрясающую культуру — культуру машин. Своими руками и самоотверженным трудом он построил огромные, сложные машины, которые могли делать то, что сам мог бы делать всего лишь усилием собственного разума, догадайся он в свое время сделать правильный выбор. Но он предпочел упрятать способности разума за делами рук своих, за изобретениями, а потом, пытаясь определить свой менталитет, насмешками дискриминировал тот самый желанный дар, которого искал.

То, что в конце концов произошло, рассуждал Эмби, вовсе не причуда какая-то в развитии человечества, появление этого было так же неизбежно и необходимо, как появление солнца. Это было всего лишь возвращение на тропу, по которой и надлежало Человеку идти по мере своего развития. Заблуждавшееся на протяжении многих веков человечество снова оказалось на верном пути. И даже если бы никакой децентрализации не произошло и прежняя культура оставалась бы неизблемой, рано или поздно это случилось бы, потому что в самой технологии есть такой пунктик, на котором она обязательно должна была прекратить свое существование. Машины все увеличивались в объемах, все усложнялись. Наступала сверхусложненность, которая была обречена на гибель как в машинах, так и в жизни.

Децентрализация ускорила процесс примерно на тысячу лет, но вся ее заслуга только в этом и состояла.

Но и здесь опять Человек изобрел умные — пошлые — слова, чтобы приглушить блеск того, чего он не мог постичь. Телекинетиков обозвали такелажниками, телепатов — фиксаторами, или болтунами, способность передвигать пространство на небольшой промежуток в будущее нарекли вторым видением, а того, кто это делает, водилой. А ведь существовало множество всяких других способностей — неопознанных, едва угадываемых — они все вместе, без разбору шли под маркой "магия". Но не в названиях дело. Банальное, упрощенное слово служило в конечном счете не хуже, чем научная терминология, и даже могло бы служить более легкому восприятию явления. Но на сей раз самое главное заключалось в том, чтобы люди не отказались от вновь обретенных талантов, не утратили их. Нужно, обязательно нужно, чтобы случилось что-то такое, что повергло бы людей в шок и заставило бы их правильно оценить свой дар.

Так он шел от стана к стану, и не было нужды задавать свой вопрос, потому что вопрос опережал его самого.

Шел он по дороге, живая легенда, и тут услышал другую легенду — о человеке, который, переезжая из стана в стан, везде своим лекарством излечивал людей.

Вначале он отнесся к этому, как к очередной побасенке, но все чаще и чаще слышал легенду и наконец набрел на стан, где лекарь был за неделю до него. В этот вечер, сидя у костра, он услышал удивительные истории.

— Вот, к примеру, — рассказывала ему одна старуха, — миссис Купер, она страдала много лет. Все время болела. Целыми днями валялась в постели. Желудок уже ничего не принимал. А потом выпила бутылку этого снадобья, и все как рукой сняло. Посмотрели бы вы на нее теперь — веселая, как птичка.

Старик по другую сторону костра согласно кивнул.

— Я страдал ревматизмом, — сказал он. — Казалось, никогда от него не избавлюсь. Слабость в ногах днем и ночью. Наш доктор уже ничего не мог поделать. Выпил я эту бутылочку и...

Он встал и в подтверждение сказанного ловко станцевал джигу.

И не только в этом — в двадцати других становах он слышал подобные рассказы о тех, кто вставал с одра и начинал ходить: болезни отступали, на другой же день прекращались боли.

Ну, вот и еще один из них, сказал себе Эмби. Еще один маг. Человек, у которого даже в кончиках пальцев заложено искусство врачевания. И нет им конца, подумал он.

И наконец он повстречал того лекаря.

Как-то в сумерки, в послеобеденный час, когда посуда уже убрана и люди располагаются вокруг костра и начинают свои разговоры, он подошел к стану и никого в нем не обнаружил. Возле трейлеров не было ни души, только одна-две собаки вылизывали консервные банки; улочки, образованные трейлерами, были настолько пустынными, что в ответ на каждый звук раздавалось эхо.

Он стоял в центре стана и думал, не закричать ли, чтобы как-то привлечь к себе внимание, но остерегся. Внимательно осмотрелся вокруг — так внимательно, что ни малейшее движение не осталось бы незамеченным. И тут увидел свет в южном конце стана.

С особой осторожностью он двинулся по направлению к свету и, еще не достигнув его, услышал говор толпы. На мгновение он остановился, сомневаясь, стоит ли идти дальше, но все же медленно пошел.

Наконец за станом, на опушке рощи, он увидел людей. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на одинокий трейлер перед собой. Сцену освещали с полдюжины воткнутых в землю осветительных патронов.

На ступеньках лесенки, что вела в трейлер, стоял человек, его голос едва долетал до Эмби; но как ни тих и неразборчив был этот голос, что-то в нем показалось очень знакомым. Оставаясь на месте, Эмби вспомнил вдруг свое детство и маленький городок, о котором

он не вспоминал уже давным-давно, и звуки банджо, и беготню по улицам. Как же было весело, подумал он, и сколько было всяких разговоров. Он вспомнил, как старая леди Эдамс клялась на своем амулете, который некогда приобрела на выставке, а теперь терпеливо ждала, когда в город опять приедут с выставкой, чтобы приобрести там еще амулет. Но выставка так и не приехала.

Он стал пробираться сквозь толпу поближе к трейлеру, какая-то женщина повернулась к нему и прошептала истоно: "Это он!", как если бы это был сам Всевышний. И снова вся обратилась в слух.

К этому времени оратор на ступеньках трейлера достиг апогея. Голос его не был громким, но увлекал, были в нем и спокойствие и пафос одновременно, но при этом еще и человечность и властность.

— Друзья мои, — говорил он, — я простой человек, не больше того. И не хочу, чтобы вы принимали меня за кого-нибудь другого. Не хочу и обманывать вас, говоря, что я что-то там особенное, потому что ничего подобного нет. Я даже говорить-то не умею правильно. И грамматики я не знаю. Впрочем, наверно, и среди вас есть немало таких, кто слаб в правописании, и, мне кажется, многие поймут меня, так что — все в порядке. Я мог бы спуститься к вам, в толпу, и разговаривать с каждым из вас по отдельности, но вы услышите лучше, если я буду говорить с вами отсюда, со ступенек. Не от желания важничать перед вами — не поэтому я взобрался сюда, повыше. Я не ставлю себя выше вас.

Ну вот, я сказал вам, что не собираюсь дурить вас. Я скорее вырву свой язык и брошу его на съедение свиньям, если скажу хоть одно слово лжи. Так что я не собираюсь превозносить до небес своё лекарство. Я просто начну с вами дела честь честью. Должен сказать вам, что я даже не врач. Никогда не учился медицине. И не понимаю в ней ничего. Я так думаю: я всего лишь посыльный — значит тот, кто приносит новое.

С этим лекарством связана целая история, и если вы еще не собираетесь расколоться, я расскажу ее вам. Началось все очень давно, и кое во что сейчас даже трудно поверить, но мне хотелось бы, чтобы вы поверили, потому что тут каждое слово — правда. Прежде всего я должен рассказать вам о своей старенькой бабушке. Много лет прошло с тех пор, как она умерла, царство ей небесное. И не знаю я женщины лучше и добрее, чем она; помню, был я тогда совсем пацаном...

Эмби отошел в сторонку и улегся прямо на землю.

Какой наглец! — подумал он. И сколько нахальства!

Когда все кончилось, когда все бутылки до последней были распроданы, когда люди вернулись в стан, а владелец лекарства

собирал с земли осветительные патроны, Эмби встал и подошел к нему.

— Здравствуй, Джейк, — сказал он.

12 — Ах, док, должен вам признаться, — сказал Джейк, — что я был просто прижат к стенке. Ничто нам не светило. Не было денег на горючее, не было еды, а просить милостыню не так уж приятно. И в этом отчаянном положении я начал думать. И решил, что, если человек всю свою жизнь был честен, это не значит, что таким он должен оставаться вечно. Но и в бесчестье я никак не мог найти свою выгоду, не мог придумать, как оно поможет нам прожить — разве что воровством, но это опасно. Хотя я уже готов был на самое худшее.

— Верю, — сказал Эмби.

— О, док, — взмолился Джейк, — и что вы все дуетесь? Какой вам смысл злиться? Мы рассказали уже в тот момент, когда уехали от вас; мы хотели почти сразу повернуть назад и вернулись бы, да я побоялся. И все-таки — все ведь обернулось к лучшему.

Он слегка покрутил баранку, чтобы объехать камень на дороге.

— Так-то вот, сэр, — продолжал он. — В жизни все получается совсем не так, как думаешь. Только покажется тебе, что все, ты тонешь, как тебя подхватывает какая-то волна. Остановились мы как-то вот у этой реки половить рыбки, а детишки нашли мусорную кучу и давай в ней рыться — ну, вы же знаете, как это бывает. И нашли целую кучу бутылок — четыре или пять дюжин, — и все совершенно одинаковые. Я представил себе человека, который волочил их с трудом на помойку. Я сидел, смотрел на бутылки — других дел у меня тогда не было — и соображал, смогу ли я пустить их в прибыльное дельце или они просто займут место в трейлере, и я зря поволоку их с собой. И тут будто что кольнуло меня. Все они были грязные, а некоторые — с отбитым горлышком, но мы взяли и перемыли их, отполировали, и...

— Скажи мне, что ты налил в бутылки?

— Ладно уж, док, вам я скажу все, как есть: я не помню, чем я пользовался в первой партии.

— Насколько я могу судить, к лекарствам ваша смесь никакого отношения не имела.

— Док, да у меня нет никакого представления о том, из чего делается лекарство. Единственное, чего я опасался, это чтобы в бутылки не попало ничего такого, от чего люди могли бы умереть или серьезно заболеть. Но требовалось, чтобы оно было горьким, иначе они решат, что снадобье так себе, неважное. Мерт, она

сначала так волновалась, а сейчас ничего, привыкла. Особенно с тех пор, как люди стали заявлять, что снадобье им помогает, хотя, сказать по совести, никак не могу понять, почему, елки зеленые. оно им помогает. Док, ради всего святого, скажите, как эта гадость может им помочь?

— Она им и не помогает.

— Но люди твердят, что помогает. Вот была тут одна старушонка...

— Это связано с верой, — сказал Эмби. — Они живут в мире магии и готовы поверить во что угодно. Они просто жаждут чуда.

— Так вы считаете, что это у них в голове?

— Все, до последней капли. Они не имеют никакого представления о том, что такое ложь, обман, иначе у тебя никогда ничего не вышло бы, они принимают на веру все твои слова. Они пьют твоё снадобье и при этом так глубоко верят в то, что оно поможет, что оно действительно им помогает. Им никогда не забивали мозги мощными рекламными воззваниями, по крайней мере до известного возраста. Они не знают, что такое мошенничество, вранье или угроза. Поэтому они так легко верят всему.

— Да, пожалуй, так оно и есть, — согласился Джейк. — Я рад, что узнал об этом, а то что-то не давало мне покоя.

На заднем сиденье дети устроили очередную потасовку, Джейк прикрикнул на них, но они продолжали свою возню. Все было совсем так же, как в прошлые времена.

Эмби удобно откинулся на спинку сиденья, наблюдая за всем, что мелькало за окнами трейлера.

— Ты точно помнишь, где находится этот стан?

— Прямо вижу его перед собой, будто это было только вчера. Помню, как смешно эти парни говорили, что им нужен инженер по ракетам. И зачем он им?

Он сбоку посмотрел на Эмби.

— И что за охота на вас напала непременно найти именно тот стан?

— Есть идея, — ответил Эмби.

— А знаете, док, у меня тоже есть идея: почему бы нам, раз уж мы снова вместе, не составить одну команду. Вы с вашей седой головой и умением так много и складно говорить...

— Об этом забудь, — сказал Эмби.

— И чего плохого вы в этом углядели? — удивился Джейк. Мы устроили такое шоу! Ведь именно с этого все и началось и привлекло их ко мне. У них ведь теперь жизнь совсем не та, что была раньше — ни тебе телевизора, ни кино, ни бейсбольных сражений, ничего

такого нет. Не слишком-то развлечешься в нынешнее время, и даже просто послушать нас они обязательно придут.

Эмби ничего не ответил.

Это хорошо, что мы опять вместе, думал он. Следовало бы рассердиться на Джейка, но он не мог сердиться. Они все так искренне обрадовались, увидев его, — даже дети и Мерт, — и так старались загладить свою вину.

А случись им снова оказаться в подобной ситуации, и Джейк решит, что им выгоднее уехать от него, они так же точно бросят его. Но сейчас ему было хорошо с ними, и они ехали туда, куда ему было нужно. Он был доволен. Сколько еще времени промаялся бы он в поисках нужного стана, не подвернись ему Джейк с трейлером, подумал он. Да и вообще весьма сомнительно, что он сам смог бы отыскать его.

— А знаете, — продолжал разговор Джейк, — я тут надумал: почему бы мне в конгресс не податься? Мой лекарский опыт дал мне немалую практику публичных выступлений, и я придумал уловку, на которой я бы хорошо сыграл, — запретить дорожный налог. Ничто другое так не раздражает наш народ, как эти налоги.

— Тебя не примут в конгресс, — сказал Эмби. — У тебя нет постоянного местожительства. Ты даже не принадлежишь ни к какому стану.

— Вот об этих вещах я как-то не подумал. Может, если я немного поживу в одном из станов...

— Да нельзя запретить подорожный налог, если хочешь, чтобы дороги содержались в порядке.

— Наверное, вы правы, док, но ведь это позор — так докучать людям этим дорожным налогом. Они ужасно раздражены.

Он взглянул на часы.

— Если ничего не случится, — сказал он, — будем в вашем стане завтра к вечеру.

13 — Она не заработает, — заявили они.
Но он и раньше знал, что они так скажут.

— Она не заработает, если вы не скооперируетесь, — сказал Эмби. — Чтобы задействовать ее, нужно горючее.

— У нас есть горючее.

— Оно не годится, — возразил Эмби. — Оно негодное... А вот в соседнем стане получают горючее...

— Вы хотите, чтобы мы с протянутой рукой...

— Зачем же "с протянутой рукой"? У вас есть кое-что; у них тоже есть кое-что. Почему бы вам не наладить торговлю?

Они переваривали услышанное, сидя вокруг костра под старым дубом, что рос посреди стана. Он наблюдал за процессом переваривания, за их грубыми, озабоченными лицами, морщинистыми лицами янки девятнадцатого века, за их сжатыми между колен руками с глубоко въевшейся в них грязью и машинным маслом.

Их окружали трейлеры с прицепами, сушившееся на веревках белье, женские и детские лица, выглядывавшие из окон и дверей, на удивление молчаливых; проходил очень важный совет, и они знали свое место.

А за трейлерами возвышались корпуса завода сельскохозяйственных машин.

— Должен вам сказать, мистер, — начал агент по труду, — эти ракеты не более как наше хобби. Было такое дело: ребята нашли где-то книги о них, заинтересовались. А через некоторое время весь стан читал их и загорелся идеей. Но это для нас все равно что бейсбол или соревнования по стрельбе. Не такие уж мы одержимые. Дело это для нас вроде забавы.

— А если бы вы смогли пользоваться этими ракетами?

— Никаких предубеждений против использования ракет у нас нет и не было, но сначала нужно серьезно это обдумать.

— Вам понадобится несколько такелажников.

— У нас есть такелажники, у нас их много. Мы можем поднимать все, что угодно. С их помощью мы снизили себестоимость продукции и теперь можем платить им столько, сколько они пожелают. Они работают у нас в основном в сборочном цехе.

Поднялся один из тех, кто помоложе.

— Есть один вопросик в связи с этим. Такелажник может поднять самого себя?

— А почему бы нет?

— Предположим, вы берете кусок трубы. Без всяких усилий вы поднимаете трубу. Но попробуйте встаньте на нее — тогда можете пыжиться сколько влезет, но с места ее не сдвинете.

— Такелажник может поднять себя, точно вам говорю, — сказал агент по труду. — У нас есть один парень в сборочном, так он летает на тех деталях, с которыми работает. Заявляет, что так у него быстрее получается.

— Ну, так вот, — сказал Эмби, — посадите вашего такелажника в трейлер — как вы думаете, сможет он его поднять?

Агент по труду кивнул.

— Запросто.

— И управлять им? И приземлится, не взорвавшись?

— Конечно.

— Но все равно — далеко-то он не уедет. Скажите-ка, какое расстояние он может преодолеть?

— Ну, миль так пять... или десять. Это только так выглядит, что ему все это нипочем, а на самом деле это для него большой труд.

— Но если снабдить трейлер ракетным двигателем, тогда таке-лажнику останется только поддерживать его на весу. Под силу это ему?

— Ну, точно я не скажу, — ответил агент по труду, — но, пожалуй, это для него не такой уж большой труд. Он хоть целый день может держать его в подвешенном состоянии.

— А если что-нибудь случится, например, загорится ракета — он сможет посадить трейлер на землю невредимым.

— И посадит.

— Тогда чего ж это мы зря время теряем?

— Мистер, к чему вы ведете?

— К летающим станам, — сказал Эмби. — Неужели вы все еще ничего не поняли? Предположим, вы захотели перебраться на другое место или просто отправиться на отдых. Тут весь стан поднимается в воздух, и почти в тот же миг вы оказываетесь на месте.

Агент по труду потер подбородок.

— Может, так и будет, — допустил он. — Скорее всего, получится. Но чего ради нам суетиться? Если мы задумаем куда-нибудь поехать, мы соберемся и поедем. А торопиться нам некуда.

— И в самом деле, — подтвердил кто-то из присутствующих, — нам-то чего ради во все это влезать?

— Ну, хотя бы из-за дорожного налога, — сказал Эмби. — Если вы не будете пользоваться дорогами, то и дорожный налог вам не придется платить.

В наступившей тишине он оглядел всех и понял, что он их достал.

Ван Гог Космоса

Планета была столь незначительной и находилась в такой космической глуши, что не имела названия, а только кодовое обозначение и номер, которые определяли ее местонахождение. У деревни же название было, но ни один человек при всем старании не мог произнести его правильно.

Перелет с Земли на эту планету стоил немалых денег. Вернее, не "перелет", а обычное полтирование. Однако, чтобы получить информацию, необходимую для уточнения координат этого полтирования, следовало изрядно раскошелиться: та планета находилась настолько далеко от Земли, что компьютеру нужно было произвести расчеты по высшему разряду — с точностью до одной десятимиллионной. В противном случае вы могли материализоваться эдак в миллионе миль от пункта назначения, в неизведанных глубинах космоса; или же, если вы все-таки оказывались неподалеку от намеченной планеты, материализация могла произойти в тысяче миль над ее поверхностью, либо, что еще хуже, под поверхностью, на глубине в двести-триста миль. И то и другое было, естественно, крайне неудобно, а вернее — неизбежно приводило к гибели.

Ни у кого во всей Вселенной, за исключением Энсона Лэтропа, не возникало желания посетить эту планету. А Лэтроп должен был побывать на ней, потому что именно там ушел из жизни Рибен Клэй.

Итак, он отвалил солидную пачку купюр за то, чтобы ему помогли постичь нравы и обычаи аборигенов и обучили их языку, и еще мешок банкнот за вычисление параметров своего полтирования на эту планету, а также обратного — для возвращения оттуда на Землю.

Он появился там около полудня, но материализовался не в самой деревне — для этого было недостаточно даже расчета с точностью до одной десятимиллионной, — а, как выяснилось позже, не более чем в двадцати милях от нее и футах в двенадцати над поверхностью планеты.

Он поднялся на ноги, стряхнул с одежды пыль и мысленно

поблагодарил свой рюкзак, который уберег его от ушибов при падении.

Поверхность планеты, во всяком случае та ее часть, которая представилась его взору, выглядела довольно-таки уныло. Стоял пасмурный день, и окружающий Лэтропа ландшафт был настолько бесцветным, что трудно было различить границу между линией горизонта и небом. Вокруг него простиралась равнина без единого дерева или холма — только кое-где виднелись чахлые заросли какого-то кустарника.

Он упал неподалеку от тропинки и решил, что ему повезло, поскольку из той информации, которой его напичкали на Земле, следовало, что на этой планете не было никаких дорог, да и протоптанные дорожки попадались весьма редко.

Он подтянул ремни рюкзака, крепче укрепил его и шагал по этой тропинке. Пройдя около мили, он увидел изъеденный непогодой столб с указательным знаком, и хотя Лэтроп не был до конца уверен, что разобрался в нацарапанных на дощечке символах, из надписи вроде бы следовало, что он идет не в ту сторону. И он повернул назад, надеясь, что правильно понял текст на дорожном знаке.

Уже смеркалось, когда он добрался до деревни — он прошел в полном одиночестве много миль, не встретив ни души, если не считать какого-то странного свирепого на вид животного, которое, словно ошеломленное появлением незнакомца, поднялось на задние лапы и издало резкий свистящий звук.

Да и в самой деревне он увидел немногим больше.

Как Лэтроп представлял, эта деревня более всего напоминала обиталище стаи степных собак — такие поселения этих животных встречаются на его родной планете, Земле, в западной части Северной Америки.

На окраине деревни он заметил участки возделанной почвы, на них росли какие-то незнакомые ему растения; на некоторых делянках в сгущающихся сумерках копошились маленькие, похожие на гномов фигурки. Когда он окликнул их, они лишь взглянули на него и снова принялись за работу.

Он пошел по единственной в деревне улице, которая была чуть пошире хорошо утоптанной тропы, пытаясь угадать, почему перед лазом в каждую нору, которые тянулись по обе стороны улицы, возвышались холмики земли, извлеченной в процессе рытья. Все эти холмики выглядели почти одинаково, а лазы в норы практически ничем не отличались друг от друга.

То там, то здесь перед этими норами играли крошечные гномики

— Лэтроп предположил, что это дети, а когда приблизился к ним, они быстро юркнули в темные лазы и больше не показывались.

Он прошел всю улицу до конца и остановился. Невдалеке перед ним возвышался холм побольше, на котором стояло нечто вроде грубого обелиска, похожего на обрубок копья, точно указующий перст нацеленного в небо.

Это его несколько удивило, ибо в полученной им на Земле информации не упоминались ни памятники, ни какие бы то ни было культовые сооружения. Однако он сообразил, что в сведениях о такой планете наверняка есть пробелы: не так уж много известно о ней и ее жителях.

Однако почему не допустить, что у этих гномов есть своя религия? На других планетах то и дело прослеживались зачатки верований. В ряде случаев они зарождались на самой планете, а иногда это были пережитки культов, привнесенных извне — с Земли или с каких-нибудь планет других солнечных систем, где некогда процветали могущественные религии.

Он повернулся и зашагал по улице назад. Посреди деревни он остановился. Никто не вышел ему навстречу, и он сел на тропу и стал ждать. Из рюкзака он вытащил пакет с завтраком, поел, напил воды из термоса, который прихватил с Земли, и задумался над тем, почему Рибен Клэй решил провести последние дни своей жизни в таком унылом месте.

Этот вопрос возник у него не потому, что в этой планете он усмотрел какое-то несоответствие с личностью Клэя. Напротив. Все здесь выглядело предельно скромно, а Клэй был человек скромный, замкнутый; когда-то его даже прозвали Ван Гогом Космоса. Он жил больше своей внутренней жизнью, чем жизнью Вселенной. Он не искал ни славы, ни оценок, хотя мог претендовать и на то и на другое. Порой даже казалось, что он бежит от них. Всю свою жизнь он производил впечатление человека, который пытается от всех скрыться. Человека, который от чего-то убегает, или, наоборот, — за чем-то гонится, человека ищущего, которому никак не удается завладеть тем, что он пытается найти. Лэтроп покачал головой: трудно определить, кем на самом деле был Клэй — охотником или преследуемой добычей. Если добычей, то чего он боялся, от чего бежал? А если охотником, то за кем гнался, что искал?

Лэтроп услышал какое-то тихое шарканье и, повернув голову, увидел, что по тропе к нему идет одно из гномоподобных существ. Он понял, что это старик. Поседевший волосистой покров на его теле казался серым, а когда он подошел ближе, Лэтроп разглядел и другие признаки старости: слезящиеся глаза, морщинистую кожу, поникшие кустики бровей, скрюченные пальцы рук.

Существо остановилось перед Лэтропом и заговорило, и тот понял его.

— Да будут зорки ваши глаза, сэр. (Не "сэр", конечно, а самый близкий по смыслу перевод этого слова.)

— Да будет острым ваш слух, — отозвался Лэтроп.

— Крепкого вам сна.

— Приятного вам аппетита, — продолжал Лэтроп.

Когда наконец все добрые пожелания были исчерпаны, гном внимательно оглядел Лэтропа и произнес:

— Вы похожи на того, другого.

— На Клэя, — уточнил Лэтроп.

— Только вы моложе, — сказал гном.

— Моложе, — согласился Лэтроп. — Но ненамного.

— Верно, — вежливо согласился гном, словно желая доставить этим собеседнику удовольствие.

— И вы не больной.

— Да, я здоров, — сказал Лэтроп.

— Клэй был большой. Клэй... (Не "умер". Слово скорей переводилось, как "прекратился" или "иссяк", но смысл его был ясен.)

— Я знаю. Я пришел, чтобы поговорить о нем.

— Он жил с нами, — произнес гном. — Мы были рядом с ним, когда он... (Умер?)

А давно ли это произошло? Как спросить "давно ли?" Лэтроп вдруг смеялся, осознав, что в языке этих гномов не было слов, подходивших по смыслу для обозначения продолжительности отрезка времени. Глаголы в нем, конечно, употреблялись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но не было ни одного слова для измерения протяженности времени или пространства.

— Вы... — Не было слов, переводимых, как "похоронить" и "могила" — Вы закопали его в землю? — спросил Лэтроп.

Он почувствовал, что этот вопрос привел гнома в ужас.

— Мы... его.

Съели его? — мучительно соображал Лэтроп. На Земле, да и на некоторых других планетах жили в древности племена, которые поедали своих усопших, воздавая тем самым покойникам высшую почесть.

Но это не было слово "съели".

Тогда что же они сделали с Клэем? Сожгли? Повесили? Куда-то забросили?

Нет. Ни то, ни другое, ни третье.

— Мы... Клэя, — настойчиво повторил гном. — Он так хотел. Мы любили его. Мы не могли сделать для него меньше, чем он просил.

Лэтроп с благодарностью поклонился.

— Этим вы оказали честь и мне тоже.

Гном вроде бы несколько успокоился.

— Клэй был безвредный, — произнес он.

"Безвредный" — не совсем точный перевод. Быть может, "мягкий". "Не жестокий". Да еще "слегка чокнутый". Естественно, что из-за психологической несовместимости, недопонимания, любой пришелец не может не показаться аборигенам "слегка чокнутым".

Словно прочтя его мысли, гном проговорил:

— Мы не понимали его. У него были какие-то вещи, и он называл их "кистикраски". Он делал ими полосы.

Полоски?

Кистикраски? Ну, конечно же — кисти и краски.

Полоски? И это понятно — ведь местные жители видели все в одном цвете. Для них живопись Клэя, вероятно, была лишь совокупностью "полосок".

— Он их делал здесь, у вас?

— Да. Здесь.

— Интересно! А можно мне взглянуть на эти полосы?

— Можно, — сказал гном. — Пойдемте со мной, и вы их увидите.

Они перешли улицу и приблизились к лазу в одну из нор. Согнувшись, Лэтроп стал спускаться вслед за гномом по узкому туннелю. Когда они прошли футов десять—двенадцать, туннель расширился, и они очутились в комнате — некоем подобии вырытой в земле пещеры.

В этой пещере было относительно светло. Но свет был неяркий, слабый — его испускали небольшие кучки какого-то вещества, разложенного по грубой работы глиняным мискам, которые стояли на земле.

Это гнилушки, подумал Лэтроп. Фосфоресцирующее гнилое дерево.

— Вот, — сказал гном.

Картина была прислонена к одной из стен комнаты-пещеры, чужеродное яркое пятно в этом странном месте. Обычную картину при слабом свете, испускаемом гнилушками, рассмотреть было бы трудновато, но эти мазки, оставленные кистью на холсте, казалось, светились сами по себе, и создавалось впечатление, будто этот красочный прямоугольник — окно в какой-то иной мир, находящийся вне сумрака едва освещенной гнилушками пещеры.

Когда Лэтроп вгляделся в вертикально стоящее полотно, ему показалось, почудилось, что свечение красок усилилось и картина постепенно как бы проявилась и стала видна незаконченность мазков. Да это же не свечение, подумал Лэтроп. Это *сияние*.

Тут было все — высокое мастерство живописца, искусное сочетание сдержанности и недосказанности, деликатная манера письма и пронзительная яркость цветовой гаммы. И что-то еще — ощущение радости, но не торжествующей, а тихой.

— Он не закончил эту работу, — произнес Лэтроп. — Ему не хватило... (Не было слова, чтобы перевести слово "время".) Он (иссяк?), не успев ее закончить.

— Иссякли его *кистичраски*. Он сидел тут и смотрел на свои полоски.

Так вот в чем причина! Вот почему картина не закончена. У Клэя не осталось красок, а где и как мог он пополнить свой запас? Да и времени на поиски, наверно, уже не было.

И Рибен Клэй сидел в этой пещере и смотрел на свое последнее творение, зная, что больше ничего не напишет, и понимая, что нет никакой надежды закончить это великолепное полотно. Впрочем, сам Клэй, скорее всего, не считал эту картину великолепной. Для него создаваемые им живописные полотна всегда были лишь способом самовыражения. С их помощью он выплескивал наружу то, что таилось в глубине его души и ждало воплощения в произведении искусства, которое увидит Вселенная — так Клэй общался со своими братьями по духу.

— Отдохните, — сказал гном. — Вы устали.

— Спасибо.

И Лэтроп сел напротив картины на плотно утрамбованный земляной пол, прислонившись спиной к стене.

— Вы его знали? — спросил гном.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Но вы же пришли сюда, чтобы с ним повидаться.

— Я искал того, кто бы мне о нем рассказал.

Каким образом можно объяснить этому гномику, что именно так заинтересовало его в личности Клэя; почему он шел по его следу, когда вся Вселенная уже предала его забвению? Как можно растолковать это таким вот аборигенам, видевшим все в одном цвете и наверняка не имевшим никакого представления о том, что такое живопись, — разве им объяснишь, каким великим художником был Клэй? Разве расскажешь о совершенстве техники его письма, удивительном чувстве цвета, почти сверхъестественной способности к проникновению в суть окружавшего его предметного мира? О способности к познанию истины и воплощению ее в своих живописных произведениях — причем не какого-нибудь одного ее аспекта, а целиком, во всех ее ипостасях, в присущей ей цветовой гамме; о способности передать смысл и настроение изображаемого с такой

точностью, что достаточно было взглянуть на его творение, чтобы все понять.

Быть может, поэтому-то я и искал его, подумал Лэтроп. Быть может, поэтому я потратил двадцать земных лет и кучу денег, чтобы побольше узнать о нем. Монография, которую я когда-нибудь напишу, будет лишь слабой попыткой осмыслить цель моих поисков, логическим обоснованием моего труда. Но главные усилия я вложил в поиски истины. Да, это окончательный ответ — я пытался познать ту истину, которая открылась ему и которую он отобразил в своих творениях. Ведь и я некогда тоже к этому стремился.

— Колдовство, — сказал гном, глядя на картину.

— В некотором роде, — согласился Лэтроп.

Возможно, именно поэтому они так тепло отнеслись к Клэю, надеясь, что его умение колдовать в какой-то мере распространится и на них, принесет удачу. Но, скорее всего, они не приняли его безоглядно, ибо Клэй не был тем простодушным духовно однозначным человеком, которого могли бы полюбить такие примитивные существа.

Вероятно, кончилось тем, что они стали относиться к нему, как к своему соплеменнику, быть может, и не помышляя взимать с него плату за жилье и пищу. Не исключено, он немного работал с ними в поле и занимался каким-нибудь несложным ремеслом. Но в сущности Клэй был здесь лишь гостем, ибо ни один инопланетянин не сумел бы приспособиться к такой отсталой экономике и культуре.

Они оказали ему помощь в последние дни его жизни, ухаживали за ним умирающим, а когда он скончался, из уважения к нему воздали его телу какие-то особые почести.

Что же означало то слово? Лэтроп не мог его припомнить. Обучение, которое он прошел на Земле, оставляло желать лучшего: скудный словарный запас, пробелы в информации, то и дело ставившие его в тупик, что естественно, раз уж он оказался на подобной планете.

До него вдруг дошло, что гном ждет, чтобы он объяснил ему суть этого колдовства, причем объяснил лучше, чем сам Клэй. А может. Клэй и не пытался им что-либо объяснить, ибо вполне вероятно, что они его ни о чем не спрашивали.

А гном все ждал, надеясь, что Лэтроп растолкует ему особенность этого колдовства. Ждал молча, ибо не осмеливался спросить его напрямую. Ведь не принято выспрашивать инопланетян, как именно они колдуют.

— Это... (в его бедном словарном запасе не было слова, означавшего "картина")... это место, которое видел Клэй. Он захотел

показать его, оживить, рассказать вам и мне, что он там увидел... Ему хотелось, чтобы мы тоже это увидели.

— Колдовство, — еще раз произнес гном.

Лэтроп отказался от дальнейших объяснений. Это было бесполезно. Ведь для такого аборигена творчество Клэя — не более чем колдовство. Пусть уж для него это останется колдовством. Колдовством, да и только.

На этом полотне Клэй изобразил долину, по которой в тени стройных, строгих деревьев, почти слышимо журча, протекал ручей, и все это купалось в каком-то необычном свете — не не солнечном, что лился на долину сверху. И нигде ни одного живого существа, что было характерно для творений Клэя, ибо, как пейзажист, он не писал ни людей, ни каких-либо иных существ инопланетного происхождения.

Счастливый уголок, подумал Лэтроп, но в этом счастье чувствуется какая-то торжественность, даже суровость. Словно он создан для того, чтобы бегать и смеяться, но бегать не слишком быстро, а смеяться вполголоса. Этот пейзаж вызывал какое-то безотчетное благоговение.

— Клэй видел много мест, — сказал Лэтроп гному. — И показал их на... (опять нет слов, чтобы сказать на языке аборигена "холст", "доска" или "полотно")... на этой равнине. Он побывал на множестве разных планет и постарался своими полосками показать на таких вот равнинах их... (нет слова "настроение")... как они выглядят.

И снова гном произнес:

— Колдовство. Клэй был могущественным колдуном.

Он прошел к дальней стене комнаты и поворошил в примитивной глиняной печи торфяные брикеты.

— Вы голодный, — сказал он.

— Я недавно поел.

— Вы должны поесть и с нами. Сейчас придут остальные. Уже слишком темно для работы в поле.

— Хорошо, я поем с вами, — согласился Лэтроп, ибо ему следовало разделить с ними трапезу. Для того чтобы его миссия увенчалась успехом, он должен сблизиться с ними. Быть может, не настолько, как Клэй, но по крайней мере стать для них менее чужим, чем сейчас. Как бы ни была отвратительна их пища, он обязан отведать ее вместе с ними.

Но может статься, их еда не так уж противна на вкус. Наверняка они питаются кореньями и овощами, ведь у них есть огороды. А возможно, и маринованными или подсоленными насекомыми, да еще каким-нибудь возбуждающим, подобно алкоголю, варевом, которое он должен есть (или пить) с некоторой осторожностью.

Так что, хочет он того или нет, он должен делить с ними трапезу и ночлег и относиться к ним столь же дружелюбно и тактично, как и Клэй.

Ведь они могут многое поведать ему, рассказать то, узнать то, о чем он уже не надеялся: как прожил Рибен Клэй свои последние дни. А вдруг ему еще удастся получить ключ к разгадке тех "потерянных лет", которые Клэй провел неведомо где, исчезнув из его поля зрения?

Лэтроп спокойно сидел, вспоминая, как след Клэя оборвался на самом краю Галактики в немногих световых годах от планетки, на которую он только что явился. Год за годом он шел по его следу от звезды к звезде, собирая о нем сведения, беседуя с теми, кого тот встречал на своем пути, пытаясь выяснить, где находятся его живописные полотна. И вдруг этот след оборвался. Клэй покинул одну определенную планету, и никто не знал, куда он оттуда направился. Лэтроп потратил немало времени, чтобы обнаружить хоть намек на то, где мог находиться Клэй, и уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг узнал, что Клэй объявился на этой планете и вскоре умер. Но в полученной им информации Лэтроп нашел веские доказательства того, что Клэй прибыл сюда вовсе не с той планеты, где оборвался его след, а провел несколько лет в каком-то другом месте. Так что в его жизнеописании, которому посвятил себя Лэтроп, все еще оставался пробел — пробел из "потерянных лет", а сколько их было, этих лет, определить он не мог.

Кто знает, ведь не исключено, что именно здесь ему удастся найти ключ к разгадке того, где провел Клэй эти годы.

Однако, подумал Лэтроп, это будет лишь конец нити, которая, возможно, приведет меня к разгадке. Не более. На точные сведения рассчитывать не приходится, ибо эти крошечные существа не имеют представления о том, что такое время и пространство.

Скорее всего, разгадка тайны кроется в самом живописном полотне, стоящем в этой пещере. Вполне вероятно, что на нем изображен уголок никому не ведомой планеты, которую посетил Клэй перед тем, как отправиться сюда умирать. Но если это так, решил Лэтроп, тогда плохи дела — ведь можно потратить три жизни, а то и больше, прочесывая планету за планетой в тщетной надежде найти и узнать место, которое Клэй изобразил на этом холсте.

Он наблюдал, как гном бесшумно возится у плиты: единственным звуком, который улавливал его слух, было завывание ветра в трубе и у входа в туннель, что привел их в эту пещеру. Ветер, торфянистая, поросшая какой-то невысокой травой равнина, да скученные в деревушки землянки — вот и все, что здесь есть, на самом краю

Галактики, на ободе огромного колеса из множества солнц. А что, собственно, мы знаем, подумал он, об этом шарике материи, точно заброшенном в глубины Космоса могучей Рукой какого-то игрока в гольф? Мы не знаем, когда он зародился, для чего существует и когда перестанет существовать. Мы подобны слепцам, которые ищут во мраке нечто реально осязаемое, и то небольшое, что нам удастся отыскать, мы познаем не лучше, чем слепой — вещи в своей комнате, определяя свойства предметов на ощупь. Ибо в сущности мы так же слепы, как он, — мы все, все наделены разумом существа, населяющие Галактику. И несмотря на свою вводящую в заблуждение слепоту, мы самонадеянные выскочки, ибо прежде чем попытаться проникнуть в тайны Галактики, нам следует познать самих себя.

Мы ведь еще не разобрались в себе, даже приблизительно не представляем, для чего существуем. Мы придумывали всякие теории, чтобы объяснить смысл своего бытия — теории материалистические, теории идеалистические, используя при этом чисто логические выкладки, которые были отнюдь не так уж чисты. И мы лгали себе — пожалуй, это главное, в чем мы преуспели. Мы смеялись над тем, чего не понимали, подменяя этим смехом знания, пользуясь им, как щитом, чтобы прикрыть свое невежество, пользуясь им как наркотиком, чтобы заглушить в себе чувство страха. Некогда мы искали утешение в мистицизме, отчаянно сражаясь против каких бы то ни было его объяснений, ибо мистицизм давал нам утешение, пока оставался мистицизмом, то есть чем-то необъяснимым. Было время, когда мы уверовали в Бога и боролись за то, чтобы наша вера не подкреплена вескими доказательствами, ибо в нашем искаженном мышлении укоренилось представление, будто вера куда сильнее, чем реально существующие факты.

А разве стали мы лучше, размышлял Лэтроп, изгнав из сознания веру и мистицизм, поспешив рассовать по тайникам древние верования и религии под приглушенный смех Галактики, которая верит в логику и все надежды возлагает лишь на реальность предметного мира. Мы ведь только на шаг, думал он, не более чем на шаг приблизились к истинной логике и познанию объективной реальности, возведя в культ поклонение этому фетишу. Быть может, в далеком будущем наступит день, когда мы познаем иную реальность, сохраним к ней логический подход и вновь обретем душевный покой, который утратили, когда потеряли веру в божественное начало.

Гном принялся за приготовление еды, и от его стряпни в пещере распространился приятный запах. Почти земной. Быть может, это блюдо окажется не таким уж противным на вкус, чего поначалу боялся Лэтроп.

— Вы такой, как Клэй? — спросил гном.

— Стараюсь быть таким же — он мне очень нравился.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Вы делаете то же, что и он? Такие же полоски?

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Сейчас я ничего не делаю. Я... (как сказать на их языке, что он ушел от дел?)... я закончил свою работу и теперь играю в одну игру. (Он сказал "играю" и "игру" за неимением других слов.)

— Играете?

— Я больше не работаю. Делаю, что хочу. Вот сейчас мне хочется узнать, как жил Клэй, и я... (нет слова "писать")... я рассказываю о его жизни полосками, но не такими, какие делал он. Совсем, совсем другими.

Садясь на пол, Лэтроп поставил рядом свой рюкзак. Теперь он поднял его себе на колени, открыл и вынул из него блокнот и карандаш.

— Я делаю вот такие полоски, — сказал он.

Гном подошел к нему и стал рядом.

Лэтроп написал на листке блокнота:

Я был ученым-футурологом. С помощью логики на основе фактического материала я пытался заглянуть в будущее человечества. Я искал истину.

— Вот такие полоски, — произнес он. — Я их сделал очень много, чтобы рассказать о жизни Клэя.

— Колдовство, — снова сказал гном.

В этом блокноте было записано все, что он узнал о Клэе. Все, кроме того, где и как он провел эти таинственные "потерянные годы". Страницы, заполненные информацией, которую нужно было систематизировать и облечь в форму связного повествования. Заметки, рассказывающие о странной жизни странного человека, который путешествовал в Космосе от звезды к звезде, изображая на своих полотнах одну планету за другой и разбрасывая эти пейзажи по всей Галактике. Человека, скитавшегося словно бы в поисках чего-то иного, чем ландшафты, которые возникали перед его взором на этих планетах, чего-то нового, что он мечтал написать. Точно эти его пейзажи были всего лишь данью преходящему капризу, не более чем причудой и удобным способом заработать деньги, которые нужны были ему на пропитание и для того, чтобы оплатить очередное полтирование. За эти деньги он посещал по желанию любые солнечные системы. Он никогда не оставлял себе свои картины, продавая их все до единой, а иногда просто бросал их, перемещаясь на другую планету.

Но это не потому, что его пейзажи были плохи. Они были

изумительны. Они с почетом экспонировались в картинных галереях (или помещениях сходного назначения) на многих планетах.

Клэй нигде надолго не задерживался. Он всегда спешил.словно какая-то определенная цель, некий замысел, гнали его от одной звезды к другой.

И его метание, его погоня за чем-то неведомым в результате привели к тому, что он кончил свои дни в этой пещере, годившейся лишь на то, чтобы укрыться в ней от ветра и дождя.

— А для чего? — спросил гном. — Для чего нужно делать полоски о жизни Клэя?

— Для чего? — переспросил Лэтроп. — Для чего это нужно? (И мысленно добавил: "Сам не знаю!")

Но в ответ на то, почему Клэй так стремительно перемещался с планеты на планету и почему он, Лэтроп, мчался по его следам, возможно, где-то совсем близко, стоит только протянуть руку. Наконец после долгих поисков он, возможно, получит ответ именно здесь.

Для чего вы делаете эти полоски?

А что на это ответить?

Что ответил на такой вопрос сам Клэй? Они же наверняка и его спрашивали об этом. Не о том, *как* он их делает, ибо если речь идет о колдовстве, подобный вопрос задавать не положено. Но *для чего* — об этом спросить можно. Не о таинстве самого колдовства, а о цели, которую преследует своими действиями колдун.

— Для того чтобы мы узнали, — произнес Лэтроп, подбирая слова, — чтобы все мы — и вы, и я, и жители других планет — узнали, каким существом (человеком?) был Клэй.

— Он был... (добрый?). Он был нам близок. Мы любили его. Это все, что нам нужно знать о нем.

— Все, что нужно знать *вам*, — возразил Лэтроп. — Но этого недостаточно для других.

Хотя, вероятно, немногие прочтут его монографию, когда она будет написана. Жалкая горстка мыслящих существ потратит на это время, если вообще захочет ее читать.

Теперь наконец я понял то, подумал он, что знал всегда, но не хотел признавать это даже в глубине души: я собираю материал о Клэе не для других, а для себя. И делаю это не потому, чтобы заполнить свободное время, отработав свое и уйдя от дел, а по какой-то более важной причине, испытывая неодолимую тягу в такой деятельности. Из-за некоего еще не известного фактора, а может быть, желания (которого у меня прежде не было) удовлетворить эту пока не осознанную мною потребность. Чтобы достичь цели, смысл которой поразит меня, если я когда-либо вникну в него.

Гном вернулся к печи и снова взялся за свою стряпню, а Лэтроп продолжал сидеть на земляном полу, прислонившись спиной к стене пещеры. Теперь только он почувствовал, насколько устал. У него сегодня был трудный день. Само по себе полтирование не требовало особых усилий, его процесс субъективно казался легким, однако человека он выматывал. Вдобавок, чтобы добраться до этой деревни, Лэтроп прошел пешком миль двадцать.

Полтирование могло бы быть легким, но таковым не было, поскольку работа над усовершенствованием его процесса некогда была приостановлена из-за каких-то ошибочных представлений, а избавились от них только тогда, когда удалось покончить с некоторыми суевериями и надуманными предубеждениями, которыми человек прикрывал свое невежество. Так уж повелось — если люди не понимали сути какого-либо явления, они относили его к категории суеверий и не пытались объяснить с научной точки зрения. Род человеческий мог с легкостью пренебречь такой глупостью, как суеверие, но не мог, не чувствуя за собой вины, отмахнуться от очевидных фактов.

Из туннеля донеслось шарканье, и в пещеру вошли четыре гнома. Они несли грубо сделанные орудия для полевых работ, которые прислонили к стене, а сами выстроились в ряд и молча уставились на сидевшего на полу человека.

Старый гном произнес:

— Это еще один, такой как Клэй. Он будет жить с нами.

Все четверо подошли к Лэтропу и стали полукругом, обратив к нему лица. Один из них спросил стоявшего у плиты гнома:

— Он поживет с нами и... (умрет?)

— Этот, кажется, пока не... (умирает?), — возразил другой.

Похоже, они заранее предвкушали его смерть.

— Я не собираюсь здесь умирать, — пожившись заявил Лэтроп.

— Мы бы тогда... вас, — произнес еще один из четверки, повторив то слово, которое обозначало, что они сделали с Клэем, когда тот скончался, причем таким заискивающим тоном, словно предлагал человеку взятку за то, чтобы он остался с ними и умер.

— Но, может, он не захочет, — предположил другой гном. — Клэй сам сказал, чтобы мы так сделали. А этот может не захотеть.

От слов, произнесенных гномами, от их выжидающих взглядов в пещере повеяло ужасом, и у Лэтропа побежали по спине мурашки.

Старый гном прошел в дальний угол пещеры и взял там какой-то мешок. Вернувшись, он поставил этот мешок перед Лэтропом и потянул за шнур, которым была затянута горловина. Остальные с благоговением наблюдали за его действиями. Было ясно, что для них это — событие огромной важности, и если б можно было

вообразить почти невероятное: что эти приземистые неуклюжие существа способны торжественно приосаниться, то сейчас они выглядели так, будто всецело прониклись величием происходящего на их глазах действия.

Старый гном наконец распутал шнурок, перевернул мешок и, схватив его за основание, вывалил содержимое на земляной пол. В образовавшейся куче Лэтроп разглядел кисти, множество пустых тюбиков от масляных красок (почти из всех краска была полностью выдавлена), потрепанный бумажник и еще какой-то предмет. Старый гном поднял его с пола и протянул землянину.

Лэтроп взял его в руку, внимательно осмотрел и вдруг понял, что они сделали с Клэем, понял, ни на миг не усомнившись в том, что за великие последние почести ему отдали гномы, когда он скончался.

В горле у Лэтропа что-то заклокотало — но не хохот над забавным открытием, ибо в этом не было ничего смешного. Он хохотал над превратным восприятием ценностей, над противоречием концепций, над головомолкой, которую преподнесли ему гномы, решив воздать Клэю именно такие последние почести. И еще над своим внезапным прозрением.

Сейчас он даже мог себе мысленно все представить: как они день за днем носили землю, чтобы насыпать холм, который он видел сегодня в поле за деревней; трудились в поте лица, зная, что их друг, неизвестно откуда прибывший к ним, вот-вот умрет; как они обошли всю планету в поисках дерева — ведь на ней в основном рос чахлый кустарник — и в конце концов нашли его и принесли сюда на своих согбенных спинах, ибо не ведали, что такое колесо: как они маялись, когда деревянными гвоздями соединяли куски дерева, старательно проколував для этих гвоздей отверстия, поскольку не были знакомы с плотницким ремеслом.

И все это они делали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими на это время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, что они совершили с такой любовью.

Он взглянул на распятие и, казалось, наконец понял, в чем заключалась странность личности Клэя и причина его бесконечных поисков, безумных лихорадочных метаний из одной солнечной системы в другую; отчасти это даже объясняло, откуда взялся его блестящий талант с такой ясностью выражать истину, едва проглядывавшую сквозь многие другие, о которых повествовала его кисть.

Ибо Клэй наверняка был одним из немногих, доживших до этого времени членов благородной древней секты землян; одним из тех представителей рода человеческого, ныне логическим мыслящего и

изучающего лишь доступные чувственному восприятию явления окружающего его мира, одним из тех, кто некогда был привержен к мистицизму и вере. Впрочем, видно, Клэю одной веры было недостаточно так же, как духовные потребности его, Энсона Лэтропа, порой не удовлетворяла реальность предметного мира. И тем не менее ему и в голову не приходило, что порывы Клэя объяснить настолько просто — ведь все защищают свою веру от издевательских ухмылок вселенской Логики.

А скорее всего ни вера, ни реальность не могут существовать порознь; должно быть, они взаимосвязаны и воздействуют друг на друга.

Впрочем, сказал себе Лэтроп, мне лично вера не нужна. Работая, я долгие годы изучал факты и объяснял их суть, исходя из законов логики, — это все, что человеку нужно. Если у него возникает иная потребность, то ее стимулирует какой-то другой, пока еще не изученный фактор. У нас нет нужды возвращаться к вере.

Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам и вы получите нечто полезное для жизни. Подобно тому как давным-давно Человек, очистив от насмешек такое явление, как полтергейст, открыл механизм и принцип полтирования и стал перемещаться из одной солнечной системы в другую с той же легкостью, как в древности, гуляя по улице, доходил до полюбившегося ему бара.

Однако Клэй, несомненно, относился к этому иначе: приемля лишь то, что реально существует, он не мог бы писать такие поразительные пейзажи, если б свет, который согревал его душу, не исходил от веры и он во имя веры всецело не посвятил бы себя творчеству — вот почему его картины так зачаровывали.

И именно вера побудила его в поисках неведомо чего скитаться всем планетам Галактики.

Лэтроп взглянул на картину и увидел, сколько в ней благородной простоты, нежности, счастья и как ощутимо прекрасен заливавший пейзаж свет.

Именно такой свет, думал Лэтроп, правда выписанный не столь совершенно, я видел на иллюстрациях старинных книг, которые изучал, проходя на Земле курс сравнительного анализа древних религий. Он вспомнил преподавателя, посвятившего несколько учебных часов толкованию символики света.

Он выронил из руки распятие и поднял с пола три-четыре пустых тюбика из-под краски.

Клэй не завершил работу над этой картиной, сказал при встрече Лэтропу гном, потому что у него кончились краски. И верно, тюбики были плоскими и сплюснутыми до самых крышечек — можно было

даже разглядеть отпечатки пальцев, которые выдавливали из них последние драгоценные капли.

Он метался по Галактике, подумал Лэтроп, но я его все-таки догнал.

Даже после того, как он умер, я нашел его, внюхиваясь, точно ищейка, в остывающий след, который он оставил меж звезд. И я шел по этому следу, ибо я любил его — не человека по имени Клэй (я ведь не знал — да и откуда мне было знать? — каким он был человеком), — я следовал за ним потому, что почувствовал в его произведениях то, на что не обратили внимание искусствоведы. То, что нашло отклик в моей душе. Быть может, во мне пробудилась та самая древняя, ныне утраченная вера. Простая, наивная вера, еще в незапамятные времена задуманная элементарной логикой.

Но теперь-то я понял Клэя, сказал себе Лэтроп. Понял с помощью миниатюрного распятия, символика его последнего произведения и грубой реальности холма, что высится на этой нищей планете в поле за деревней.

И он понял, почему Клэй выбрал такую нищую, убогую планету.

Потому что в этой нищете, как в самой вере, есть смирение, которым никогда не отличалась логика.

Лэтроп мог с закрытыми глазами все представить себе, как наяву: и мрачные облака в пасмурном небе, и унылую пустошь, и торфянистую равнину без конца и без края, и белую фигуру на кресте, и толпу низкорослых существ у подножия холма, на века отмеченных действием, смысл которого они не понимали, но которое вершилось благодаря их необычайно доброму отношению к тому, чья вера растрогала их сердца.

— Клэй когда-нибудь говорил вам, где он побывал перед тем, как появился здесь? — спросил гномов Лэтроп. — Откуда он пришел сюда?

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, не говорил, — ответили они.

Он был там, подумал Лэтроп, где растут такие деревья, которые он изобразил на этом полотне. Там, где все преисполнено покоем, нежностью и чувством собственного достоинства. И где светло.

Человек очистил от шелухи суеверий такое явление, как полтергейст, и обнаружил под ней рациональное зерно — принцип полтирования. То же самое Человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими парапсихологическими явлениями, но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под ней это самое рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности. Какой же она представлялась тем, кто верил в Бога, таким разным по своей психологической

структуре да еще говорившим на разных языках? Счастливая загробная жизнь, рай, ад, небеса, дарованное немногим свыше блаженство? Что из всего этого порождено фантазией верующих, а что, быть может, существует в действительности? Этого не знает ни одно мыслящее существо, если только оно не живет одной только верой, а сейчас никто, за немногим исключением, так не живет.

А не может ли оказаться, что на последнем столь значительном пути, по которому течет жизнь Галактики и где она набирается знаний, есть какой-то другой принцип, более важный, чем объективная реальность и вера, — принцип, пока еще никем не познанный, и осмыслят его лишь спустя тысячелетия. Не наткнулся ли Клэй, чей интеллект намного опередил свое время, а разум не подчинялся всеобщему процессу эволюции, на этот принцип, и кто, благодаря такой личностной особенности, получил о нем некоторое представление?

Вера потерпела поражение, ослепленная сиянием своей славы. А может, и объективно существующий предметный мир погубят резкие лучи испускаемого им света?

И разве человек, используя куда более мощное орудие — свою проникаемость, отказавшись как от веры, так и от исследования объективно существующих явлений, — разве не может он, обойдясь без поисков, найти искомое и с успехом достичь конечной цели, к которой сознательно или бессознательно стремится все живое с той поры, как у обитателей мириада планет Галактики появились первые проблески разума?

Лэтроп нашел тюбик из-под белой масляной краски, отвинтил крышечку и выдавил капельку белой субстанции. Зажав тюбик в одной руке, другой он поднял с пола кисть и бережно перенес на нее эту драгоценную каплю.

Он отбросил в сторону пустой тюбик, подошел к стоящей у стены картине, присел на корточки и в полумраке слабо освещенной пещеры стал пристально вглядываться в нее, стараясь найти точку, откуда льется на пейзаж этот удивительный свет.

Он обнаружил ее в левом верхнем углу картины, над горизонтом, хотя не был до конца уверен, что она находится именно там.

Лэтроп протянул к этому месту руку с кистью, но сразу же отвел ее.

Да, должно быть, свет льется отсюда. Человек, видно, стоял под этими могучими деревьями, обернувшись лицом к его источнику.

А теперь действуй осторожно, говорил он себе. Очень, очень осторожно, ибо это не более чем символ. Лишь намек на цветное пятно. Один перпендикулярный штрих и другой покороче, горизонтальный, под прямым углом к первому, ближе к его верхнему концу.

Он держал кисть неловко, как человек, впервые взявший ее в руку.

Кисть коснулась холста, но он вновь отвел ее в сторону.

Что за глупость, подумал Лэтроп. С ума я схожу, что ли? У него ничего не получалось. Он не умел писать маслом, но знал, что даже легчайшее прикосновение кисти к холсту может оставить грубый неверный след, который все осквернит.

Кисть выпала из его разжавшихся пальцев и покатилась по полу.

Я попытался, — мысленно сказал он Кляю.

День Перемирия

1 Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой, истерзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось, и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена лишь против одной цели. А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто точно не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно было избежать засады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скрываться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем-чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук-Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район Оук-Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было чувствовать себя в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного

разрушенного дома на другой. Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искаженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитатель Кроуфорда возвышалась в Оук-Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она стояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими вьющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс, — донеслось из портативной рации, что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду, — закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустился вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запер ворота.

— Действительно, все тихо, — заметил мистер Кроуфорд. — Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году. — Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувствовали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр, — ответил Макс. — Можете положиться на меня.

Какая это глупость — День Перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел, брошенных через высокий забор гранат. Но уже спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук-

Мэнор. Но Макс дал слово, что пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона укреплялась, и дневные рейды превратились в безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были закрыты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей проволоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Максу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесполезно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

„Сзади слышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель, — сказал Макс обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и притиснулась к его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к чему не приведет. Было время, когда в дом летели горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и посмотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук-Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и дуплистым, его нужно было убрать, потому что он склонился в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был неравнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его тросами, чтобы дерево по крайней мере не упало на забор... Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха...

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел на патио. Наклонившись, он провел далонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало.

Однако это право понемногу, с течением времени исчезло.

2 Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шумных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились, сломя голову, по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребятишки выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребятишки начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили на куски садовые шланги, неосторожно оставленные на ночь без присмотра, ломали стулья и столы в патио, чертили по стенкам и штaketнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бывшие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору, мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо плещущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День Перемирия, и мы придем в гости...

— Да, я это знаю, — ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй, — медленно произнес Макс. — Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы, — сказал Билли.

— Спасибо, — сказал Макс. — Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое, вдоль, и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс. — Не касайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. Послышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминающий звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража, Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — откликнулся он.

— Это я, Макс, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны, — кивнул Макс. — Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. — Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно, — сказал Макс. — Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь, — возразил Макс. — Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью Эйкерс.

— Так вот, они разнесли его на части, — сказал Макс. — По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек. Они свалили все деревья и затем порубили их. Вывали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать к себе в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребятишки начали ходить по твоей лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они наружились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради сохранения добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли слишком далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой.

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. — Он пошел к машине, затем повернул голову: — Чуть не забыл, — сказал он. — Завтра — День Перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла вдали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня, — сказала Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить в полицию. Макс покачал головой.

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно, — сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула.

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора. — Макс встал из-за стола. — Ты так вкусно готовишь.

— Кончай льстить, — ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал все усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и откинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о мине и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные

часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хоряка — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей тайтся осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3 Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и усталили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались цветами. Они сидели на траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Максу Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники. Просто вы сами ведете себя вызывающе.

— Да, — сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в крошечной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке, стоял мужчина.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День Перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — почему бы тебе не забыть о нас? Не старайся, можешь надорваться. Пойщи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час, — ответил Стоуни. — Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть, — ответил Стоуни. — Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордами и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Макс, — что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — сказал Стоуни, — и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь бы сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними

больше времени, вместо того чтобы предоставить их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не подумал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

— Совсем неплохо, — сказал Поллард через ворота. — Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком, — ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдаль.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Будет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще одна, контактная, мина. Стоит попробовать извлечь мину с часовым механизмом, и сработает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосягаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к радию и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил, что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннесси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня, — ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаимы?

— Конечно, — ответил Хеннесси. — Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес... Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция и ему конец. Но это будет чистой оборона. Никто не сможет придаться. Да, такой шанс упустать нельзя.

4 Макс быстро встал и прошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутылки концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннесси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он. — За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннеси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена колышками, — сказал Макс. — Давай просунем ящики под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколол сетку к земле.

Хеннеси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой.

— Ты не мог бы посветить фонариком? — попросил он. — Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннеси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но...

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю поезжай как можно быстрее, — сказал Макс.

— Панки могут устроить засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что они различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максиму весьма маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не finding себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекнут последние секунды Дня Перемирия.

Штуковина

Штуковину он заметил в кустах ежевики, когда гонялся за коровами. В тени высоких тополей он не мог хорошо разглядеть ее, а задерживаться здесь ему не позволяло время, потому что дядя Эб был очень зол на него из-за этих двух отбившихся телок, и, если бы он к тому же сейчас долго разыскивал их, ему снова не миновать бы порки, а он свою дневную порцию и так с лихвой получил. Без ужина его тоже наверняка оставят, потому что он забыл принести воды из ручья. И тетя Эм весь день напускалась на него за плохо прополотый огород.

— В жизни не видывала такого никудышнего мальчишку! — визжала она, а потом пошла твердить, что ожидала хоть капельку благодарности за то, что она и дядя Эб взяли его к себе, избавив от сиротского приюта, но нет, он никогда не был благодарен им, он доставлял им одни хлопоты, никакой помощи они от него не видели, и вообще только небу известно, что из него вырастет!

Он нашел телок на опушке леса, возле орешника, и погнал их домой, а сам поплелся сзади, опять строя планы бегства, но зная при этом, что никуда не убежит, потому что бежать ему некуда. Хоть, говорил он себе, нигде, наверно, не может быть хуже, чем здесь, у тети Эм и дяди Эб, которые на самом деле вовсе никакие ему не дядя и тетя, а просто чужие люди, взявшие его на воспитание.

Дядя Эб кончал уже доить коров, когда он пригнал этих двух телок, и дядя Эб снова принялся отчитывать его за то, что он упустил их, когда собирал все стадо.

— Вот, — сказал дядя Эб, — мне пришлось одному всех их доить и только потому, что ты их не пересчитываешь, сколько я тебя ни учу. Теперь просто, чтобы тебе это было уроком на будущее, ты сам подоишь этих двух.

Пришлось Джонни взять свою трехногую скамеечку и ведро и заняться доением молодых коров, которых доить очень трудно, а эти две были еще с норовом, и рыжая лягалась и расплескивала молоко.

Дядя Эб, видя это, взялся за кнут и с его помощью объяснил Джонни, что надо быть внимательнее и что молоко стоит денег.

А потом, когда Джонни закончил доение, они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал, что от некоторых мальчишек больше убытка, чем прибыли, а тетя Эм встретила их у двери, чтобы напомнить Джонни о необходимости вымыть как следует ноги, потому что она не хочет, чтобы он пачкал ее прекрасные простыни.

— Тетя Эм, — сказал он, — я ужасно голоден.

— И не мечтай! — Она поджала губы. — Может, поголодав разок, не будешь больше таким забывчивым.

— Только ломтик хлеба, — попросил Джонни. — Без масла, без ничего. Только ломтик хлеба!

— Молодой человек, — сказал дядя Эб, — ты слышал, что тебе сказала тетя. Мой ноги и марш в постель!

Итак, он помыл ноги и лег и уже в постели вспомнил, что он видел в кустах ежевики, а также вспомнил, что ни словом об этом не обмолвился, потому что дядя Эб и тетя Эм сами все время что-нибудь говорили, а ему не давали и рта раскрыть.

И вот тут он принял решение ничего им о своей находке не рассказывать, потому что, если он им о ней расскажет, они отберут ее у него, как всегда все отбирают. А если не отберут, то испортят, чтобы лишить его удовольствия.

Единственной вещью, которая действительно принадлежала ему, был старый перочинный нож с отломанным на кончике лезвием. Больше всего на свете хотелось ему иметь новый такой нож, но он знал, что просить об этом напрасно. Один раз он попросил, и дядя Эб с тетей Эм много дней потом твердили еще, какое он неблагодарное и алчное создание; они подобрали его с улицы, а ему все мало, он требует, чтобы они еще на перочинный нож потратились! Джонни было невыносимо слышать насчет улицы, потому что он не помнил, чтобы когда-нибудь валялся на улице.

Сейчас, лежа в кровати и глядя в окно на звезды, он старался понять, что же такое он сегодня видел, и не мог толком вспомнить, потому что не успел разглядеть эту штуковину. Но было в ней что-то очень любопытное, и чем больше он думал о ней, тем сильнее хотелось ему хорошенько ее рассмотреть.

Завтра, думал он, я схожу туда. Схожу, как только выдастся случай. Но потом он понял, что такого случая у него завтра не будет, потому что сразу после утренней уборки дома тетя Эм заставит его пропалывать огород и глаз с него не спустит.

Он все думал и думал, и ему стало ясно, что если он действительно хочет поглядеть на штуковину, идти надо сейчас же.

По доносившемуся до него храпу он мог определить, что дядя Эб и тетя Эм уснули. Итак, он встал, быстренько натянул рубашку и брюки и, старательно избегая скрипящих ступенек, скатился по

лестнице вниз. В кухне он залез на стул, чтобы достать с еще не остывшей старинной высокой печи коробок. Он набрал полную горсть спичек, но, поразмыслив, высыпал почти все обратно, взяв лишь полдюжины, так как боялся, что тетя Эм может заметить пропажу.

Трава была мокрой и холодной от росы, и он, чтобы не намочить обшлага брюк, закатал их повыше. Потом он направился в лес. Кое-где в этих местах водилась нечистая сила, но он не очень трусил, хотя в ночном лесу каждому бывает, конечно, немножко страшно.

Наконец он добрался до участка с ежевикой и остановился, раздумывая, как пролезть в темноте через эти кусты, не изорвав одежды и не исколов шипами босые ноги. Он подумал также, здесь ли еще та штуковина, и вдруг понял, что она здесь, потому что она излучала странное дружелюбие, точно хотела сказать ему, что она все еще на прежнем месте и чтобы он не боялся.

Но он немного разнервничался, потому что дружелюбие было ему непривычно. У него был только один друг — Бенни Смит, но встречались они лишь в школе и то не всегда, потому что Бенни часто и подолгу хворал. А так как жил он в другом конце школьного округа, в каникулы Джонни совсем не видел его.

Глаза немного привыкли к темноте, и Джонни стал различать контуры штуковины, недоумевая, как он мог *почувствовать* дружелюбие, когда перед ним было не живое существо, а вещь, наподобие какой-то машины или фургона. Если бы он допускал, что она живая, вот тогда он по-настоящему испугался бы.

Но все-таки она излучала дружелюбие.

Поэтому Джонни попытался руками раздвинуть кусты. Если бы ему удалось пробраться к самой штуковине, он мог бы воспользоваться спичками, чтобы поглядеть на нее вблизи.

— Стоп! — сказала дружелюбие, и он остановился, хотя уверенности, что он слышал это слово, у (Не смотри на нас слишком пристально, — сказала дружелюбие, и Джонни даже вздрогнул, потому что он пока еще ни на что слишком глуповато не смотрел.

— Хорошо, — сказал он. — Я не стану глядеть. — И он подумал, может, это такая игра, вроде прятков.

— Когда мы подружмся, — сказала штуковина, — мы сможем глядеть друг на друга, тогда каждый будет уже знать, каков другой в действительности и не станет обращать внимания на внешность.

И Джонни подумал, что они, верно, уродливые, если не хотят, чтобы он видел их, а штуковина тут же сказала:

— Мы покажемся тебе уродливыми. А нам ты кажешься уродливым.

— Тогда, может, к лучшему, что я не вижу в темноте.

— Ты не видишь в темноте? — спросила штуковина, и Джонни сказал, что не видит, и на какое-то время воцарилось молчание, хотя Джонни почувдилось, что там удивляются, как это он может не видеть в темноте.

Затем штуковина спросила, может ли он еще что-то, и он не понял даже, о чем речь, а она как будто сама догадалась, что он этого — что бы там оно ни было — не может.

— Тебе страшно, — сказала штуковина. — Не надо нас бояться.

И Джонни объяснил, что он боится не их, кто бы они ни были, потому что они дружелюбны, а боится он, что будет, если дядя Эб и тетя Эм обнаружат его самовольную отлучку. Тогда его стали расспрашивать о дяде Эбе и тете Эм, и он постарался объяснить, но его не понимали; кажется, там сочли, что он говорит о правительстве. Он еще раз стал объяснять, но было совершенно очевидно, что его так и не поняли.

В конце концов он со всей вежливостью, чтобы не обидеть их, сказал, что должен распрощаться, и, так как пробыл он здесь куда дольше, чем собирался, бегом пустился в обратный путь.

Он незаметно прошмыгнул в дом и лег, и все сошло спокойно, однако утром тетя Эм обнаружила у него в кармане спички и прочла ему лекцию об опасности пожаров, подкрепив ее так убедительно, что Джонни, несмотря на все старания держаться мужчиной, судорожно дергался и орал от боли.

Весь день он возился с прополкой, а перед заходом солнца отправился загонять коров.

Чтобы наведаться на участок, где росла ежевика, ему не пришлось отклоняться в сторону, потому что коров надо было искать в этом направлении, но он хорошо знал, что, не будь их здесь, он свернул бы с дороги, так как весь день помнил о встреченном в этом месте дружелюбии.

Было еще светло, едва начинало смеркаться, и теперь он мог окончательно убедиться, что штуковина, чем бы она там ни являлась, определенно не живая, а просто здоровенный кусок металла, напоминающий по форме две глубокие тарелки, положенные одна на другую так, что края их в месте соединения образовали выступ. Похоже было, что она давно уже валяется без присмотра: металл потемнел, как бывает, когда какую-нибудь технику надолго бросят под открытым небом.

Своей тяжестью штуковина придавила кусты ежевики, и позади футов двадцать почвы было глубоко перепахано. Джонни посмотрел туда, где этот след обрывался, и увидел, что у росшего там высокого тополя сломана верхушка.

Как и накануне, штукавина проявила по отношению к Джонни чувства дружбы и товарищества, хотя этого последнего слова он до сих пор вообще не знал — в школьных учебниках оно отсутствовало. Штуковина сказала:

— Можешь теперь немножко взглянуть на нас. Только сразу же отвернись. Долго пока смотреть не надо. Просто глянь разок и отведи глаза. Привыкать к нам тебе следует постепенно.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Да здесь же, — сказали они.

— Внутри? — спросил Джонни.

— Да, внутри, — сказали они.

— В таком случае я не могу вас видеть. Я не вижу сквозь металл.

— Он не видит сквозь металл, — сказал один из них.

— Он не видит, когда нет света, — сказал другой.

— Значит, он и нас не может видеть, — сказали оба вместе.

— А вы выйдите оттуда, — сказал Джонни.

— Мы не можем выйти. Мы умерли бы, если б вышли.

— Значит, я никогда вас не увижу.

— Никогда не увидишь, Джонни.

Ему стало ужасно тоскливо от того, что он никогда не увидит этих своих друзей.

— Мы не понимаем, кто ты, — сказали они. — Расскажи нам о себе.

И, откликаясь на их доброту и дружелюбие, он рассказал им, кто он и как он осиротел, и как его взяли к себе дядя Эб и тетя Эм, которые на самом деле вовсе не тетя и дядя ему. Он не говорил, какие ему приходится сносить унижения, как его секут и мучают, и отправляют без ужина спать, но все это без слов стало ясно его новым друзьям, и теперь они преисполнились к нему больше, чем дружелюбием, больше, чем чувством товарищества. Теперь от них исходило сострадание и нечто являвшееся у них эквивалентом материнской любви.

— Оказывается, он еще ребенок, — сказали они друг другу.

Они как будто обняли Джонни и крепко прижали его к себе, а он, сам того не сознавая, опустился на колени и, протянув руки к лежащему среди сломанных кустов предмету, выплакал все, что наболело у него на душе, как если бы действительно касался чего-то живого и теплого, приносящего утешение, которого ему всегда не хватало и которое он сейчас наконец обрел. И хотя просить он не осмелился, ему ответили на его невысказанную мольбу:

— Нет, Джонни, мы тебя не покинем. Мы не можем покинуть тебя, Джонни.

— Обещаете? — спросил он.

На сей раз ответ прозвучал печально:

— Обещания не нужны. Наша машина сломалась, и починить ее мы не в силах. Один из нас умирает, и второй тоже вскоре последует за ним.

Джонни показалось, что этого он не вынесет: найти двух друзей и тут же их потерять!

— Джонни! — позвали они.

— Да? — сдерживая слезы, откликнулся Джонни.

— Хочешь с нами меняться?

— Меняться?

— Ну, в знак дружбы. Ты даешь нам что-нибудь, и мы тебе что-нибудь даем.

— Но, — сказал Джонни, — но у меня ничего... — И сразу же вспомнил о своем перочинном ноже. Не бог весть какая ценность, с этим сломанным лезвием, но это все, что у него есть.

— Вот и славно, — сказали они. — Как раз то, что нужно. Положи его на землю, рядом с машиной.

Он вынул нож из кармана и положил его возле машины. И хотя он очень старался уследить за тем, что произойдет, но произошло все так быстро, что он ничего не успел заметить. Просто нож исчез, а на его месте появилось что-то другое.

— Спасибо, Джонни, — услышал он. — С твоей стороны было очень мило пойти на этот обмен.

Он протянул руку и взял лежавший на земле предмет. Даже в темноте было видно, как тот сверкает. Было похоже, что это какой-то драгоценный камень, но только светился он изнутри, и грани его переливались всеми цветами радуги.

Только теперь Джонни заметил, что уже совсем стемнело, и понял, как он задержался, а поняв это, он со всех ног бросился бежать, даже не противившись.

Разыскивать коров в такой тьме было бесполезно, и он понадеялся, что они сами уже двинулись домой и что он догонит их по дороге. Он скажет дяде Эбу, что собрать их было нелегко. Он скажет дяде Эбу, что те две телки снова отбились и их пришлось разыскивать. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Он задыхался от быстрого бега, и сердце у него так и скакало, и на плечи все сильнее наваливался страх — страх от сознания

своего ужасного проступка — проступка тем более непростительного, что совершен он был после многих других: после того, как не была принесена вода из ручья, после того, как потерялись две телки, после того, как в кармане обнаружили спички.

Коров он не догнал — они были уже в хлеву и, конечно, подоены, потому что он задержался еще больше, чем ему думалось.

Подходя к дому, он буквально трясся от страха. В кухне горел свет, и ясно было, что там уже готовы к встрече.

Он вошел в кухню, и они сидели у стола, и их освещенные лампой лица казались высеченными из камня.

Дядя Эб встал, возвышаясь почти до потолка, и видно было, как напряглись мускулы под его засученными по локоть рукавами.

Он потянулся к Джонни, и Джонни отступил, но крепкая рука уже ухватила его за ворот, оторвала от пола и тряхнула с дикой яростью.

— Я тебе покажу! — сквозь зубы процедил дядя Эб. — Я тебе покажу! Я тебе покажу!..

Что-то стукнулось об пол и покатилося, оставляя за собой огненно-яркий след.

Дядя Эб перестал трясти Джонни и, немного подержав в воздухе, отпустил.

— Это выпало из твоего кармана. Что это такое?

Джонни отодвинулся, мотая головой.

Он не скажет, что это. Ни за что не скажет. Пусть дядя Эб делает с ним, что хочет, — он не скажет. Пусть хоть убивает!

Дядя Эб быстро нагнулся, поднял камень и, вернувшись к столу, положил под лампу. Тетя Эм подалась вперед со стула.

— Бог ты мой! — только и сказала она.

Оба они уставились на камень; глаза их расширились и засияли; дыхание стало прерывистым; они словно застыли. Наступил сейчас конец света, они его не заметили бы.

Потом они выпрямились и посмотрели на Джонни, отвернувшись от камня, как если бы он перестал интересоваться их, как если бы у него было свое предназначение, которое он выполнил, и перестал быть нужен. Вид у них был странный... нет, не то что странный, но необычный, не такой, как раньше.

— Ты, верно, умираешь с голоду, — обратилась к Джонни тетя Эм. — Я разогрею тебе ужин. Сварить яиц?

Джонни оторопело кивнул.

Дядя Эб сел, не обращая никакого внимания на камень.

— Знаешь, — сказал он. — На днях я видел в городе хороший складной нож. Такой, как тебе хочется...

Но Джонни почти не слышал. Он прислушивался к другому: к приятни и дружелюбию, проникшим в этот дом.

Однажды на Меркурии

Старый Крипи сидел в контрольном отсеке и вдохновенно пиликал на визжащей скрипке. Вокруг Меркурианского Силового Центра, на опаленной солнцем равнине, Цветные Шары, подхватив настроение Крипи, обратились в жителей гор и скакали в неуклюжей кадрили. Кошка Матильда сидела в холодильнике, сердито смотрела на пластины замороженного мяса, висевшие у нее над головой, и нежно мяукала. В кабинете над фотоэлементной камерой — центром станции — Курт Крейг с раздражением глядел через стол на Нормана Пейджа. За сотню миль от них Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий защитный космический костюм, настороженно следил за вихревым искажением пространства.

У Крейга неожиданно ожила линия связи. Он повернулся на стуле, снял трубку и буркнул в телефон что-то невнятное.

— Шеф, это Кнут. — Излучения исказили голос, делали его расплывчатым.

— Ну, как? — прокричал Крейг. — Нашли что-нибудь?

— Да, очень большое, — ответил голос Кнута.

— Где?

— Даю координаты.

Крейг схватил карандаш и стал быстро записывать; голос в трубке шипел и трещал.

— Такого огромного еще не бывало, — прокричал голос. — Все дьявольски закручено. Приборы полетели к черту.

— Придется шарахнуть по нему снарядом, — возбужденно сказал Крейг. — Уйдет, конечно, уйма энергии, но ничего не поделаешь. Если эта штука придет в движение...

Голос Кнута шипел, трещал и расплывался в пространстве, Крейг не мог разобрать ни слова.

— Возвращайтесь немедленно обратно! — заорал он. — Там опасно. Не подходите близко...

До него донесся голос Кнута, заглушаемый воем поврежденной линии связи.

— Тут еще кое-что есть, чертовски забавное...

Голос умолк.

Крейг закричал в микрофон:

— В чем дело, Кнут? Что забавное?

Он замолчал, потому что внезапно шипенье, треск и свист прекратились. Крейг протянул левую руку к пульту управления и нажал рычаг. Пульт загудел от притока колоссальной энергии. Чтобы поддерживать связь на Меркурии, требовалась гигантская энергия. Ответного сигнала не последовало, связь не восстановилась.

Что-то там стряслось.

Побледневший Крейг встал, глядя через иллюминатор со светочистителем на серую равнину. Беспокоиться еще рано. Пока рано. Надо подождать, когда Кнут вернется. Это будет скоро. Ведь он приказал ему возвращаться немедленно, а эти вездеходы гоняют шустро. А если Кнут не вернется? Что если пространственный вихрь сдвинулся с места? Кнут сказал, что такого громадного еще не бывало. Правда, встречаются эти штуки часто, все время держи ухо востро, но обычно они не так уж велики, чтобы стоило волноваться. Просто небольшие искажения, вихри там, где пространственно-временной континуум колеблется, раздумывая, в какую сторону качнуться. Не столько опасно, сколько мешает. Надо быть осторожным и постараться не въехать в него, вот и все. Но если крупное завихрение начнет двигаться, оно может поглотить даже Станцию.

Шары, все еще в виде горцев с земных холмов, отдыхали после трудового дня; шаркая ногами, они подымали пыль, подпрыгивали и размахивали руками. В них было что-то нелепое — точно плясали пугала.

Равнины Меркурия простирались до самого горизонта — равнины с клубящейся пылью. Ярко-синее Солнце казалось чудовищным на фоне мрачно черного неба; алые языки пламени рвались из него, извиваясь, словно щупальца. Меркурий находится ближе к Солнцу, чем другие планеты, на расстоянии всего лишь двадцати девяти миллионов миль. Поэтому, вероятно, и рождались искажения — из-за близости к Солнцу и появления на нем пятен. А впрочем, солнечные пятна могли и не иметь к этому никакого отношения. Кто знает?

Крейг вспомнил про Пейджа, только когда тот кашлянул. Крейг всрнулся к столу.

— Надеюсь, — проговорил Пейдж, — вы передумали. Мой план значит для меня очень много.

Крейга внезапно охватил гнев: до чего навязчивый тип.

— Я вам уже ответил, — отрезал он. — И хватит. Своих решений я не меняю.

— Не понимаю, почему вы против, — не отставал Пейдж. — В конце концов эти Цветные Шары...

— Не дам я ловить Шары, — оборвал его Крейг. — Ваш план просто безумие, это вам любой скажет.

— Ваше отношение меня удивляет, — настаивал Пейдж. — В Вашингтоне меня уверяли...

— Плевать мне на Вашингтон, — заорал Крейг. — Вы отправитесь обратно, как только прибудет корабль с кислородом. И отправитесь без всяких Шаров.

— Кому от этого вред? А я готов заплатить за все услуги.

Крейг не обратил внимания на предложенную взятку.

— Попробую объяснить вам еще раз, — он наставил на Пейджа карандаш. — Я хочу, чтобы вы наконец поняли: Цветные Шары — уроженцы Меркурия. Они первые появились здесь. Они жили здесь, когда пришли люди, и наверняка останутся на Меркурии после того, как люди покинут его. Они не трогают нас, а мы не трогаем их. Мы оставляем их в покое по одной дьявольски простой причине: мы их боимся, мы не знаем, на что они способны, если их растревожить.

Пейдж открыл было рот, чтобы возразить, но Крейг жестом остановил его:

— Организм у них представляет собой сгусток чистой энергии; они черпают энергию Солнца, как вы и я. Только мы получаем ее окольным путем, в результате химических процессоров, а они — прямо от Солнца. Благодаря этому они мощнее нас. Вот почти и все, что можно о них сказать. Больше мы ничего не знаем, хоть и наблюдаем за ними уже пятьсот лет.

— Вы полагаете, это разумные существа? — с насмешкой спросил Пейдж.

— А почему бы и нет? — повысил голос Крейг. — Думаете, если человек не может с ними общаться, так у них нет разума? Да просто им этого не очень хочется. Быть может, их мышление не имеет ничего общего с человеческим. А может, они считают человека существом низшей расы и просто не желают тратить на нас время.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Пейдж. — Ведь они тоже наблюдали за нами все эти годы. Они видели, что мы умеем делать. Они видели наши космические корабли. Видели, как мы построили Станцию. Видели, как мы посылаем энергию на другие планеты, отстоящие на миллионы миль от Меркурия.

— Верно, — согласился Крейг, — они все видели. Но произвело ли это на них впечатление? Откуда у вас такая уверенность? Че-

ловек считает себя великим строителем. Станете вы лезть из кожи, чтобы поговорить с муравьем, с ласточкой, с осой? Держу пари, что нет. А ведь они все тоже великие строители.

Пейдж сердито заерзал в кресле.

— Если они находятся на более высоком уровне развития, — фыркнул он, — где те вещи, которые они создали? Где их города, машины, цивилизация?

— А может быть, — предположил Крейг, — они на тысячелетия переросли машины и города? Может быть, они достигли той ступени цивилизации, когда механизмы больше не нужны?

Он постучал карадашом по столу.

— Послушайте. Шары бессмерты. Это несомненно. Ничто не может их убить. Как видите, они не имеют тела, — это просто сгустки энергии. Так они приспособились к среде. И вы еще имеете наглость думать, что понимаете кого-нибудь? Ровно ничего о них не зная, вы хотите привезти их на Землю и показывать в цирке или вместо придорожной рекламы на обозрение зевакам!

— Но люди специально прилетают сюда посмотреть на Шары, — возразил Пейдж. — Вы же знаете. Туристическое бюро рекламирует их всюю.

— Это другое дело. Здесь они у себя дома и могут вытворять, что угодно, нам до этого нет дела. Но вывозить их отсюда и демонстрировать на Земле невозможно. Это повлекло бы за собой кучу неприятностей.

— Но если они так чертовски умны, — выпалил Пейдж, — то чего ради так кривляются? Не успеешь о чем-нибудь подумать — готово, они уже изображают твою мысль. Величайшие мимы в Солнечной системе. И ничего-то у них не получается правильно — все вкривь и вкось. В чем тут штука?

— Ничего удивительного, — отозвался Крейг. — В человеческом мозгу не рождается четко оформленных мыслей. А Цветные Шары их в таком виде улавливают и тут же воплощают. Думая о чем-нибудь, вы не даете себе труда разрабатывать мысли детально — они у вас обрывочные. Ну, так чего же вы хотите от Шаров? Они подбирают то, что вы им даете, и заполняют пробелы по своему разумению. Вот и получается, что стоит вам подумать о верблюдах — и к вашим услугам верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами — бесконечная вереница дурацких верблюдов.

Он раздраженно бросил карандаш.

— И не воображайте, что Цветные Шары делают это для нашего развлечения. Скорее всего они думают, что это мы имеем намерение их позабавить. И они забавляются. Может, они и терпят-то нас

здесь только потому, что у нас такие забавные мысли. Когда люди впервые тут появились, здешние обитатели выглядели просто как разноцветные воздушные шары, катавшиеся по поверхности Меркурия. Их так и называли — Цветные Шары. Но потом они переставали всем, о чем только думает человек.

Пейдж вскочил.

— Я сообщу о вашем поведении в Вашингтон, капитан Крейг.

— Черт с вами, сообщайте, — рявкнул Крейг. — Вы, кажется, забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взятки, подхалимство и насилие дают человеку почти все, что он пожелает. Вы в Силовом Центре на солнечной стороне Меркурия. Это — главный источник энергии, снабжающий все планеты. Если Станция испортится, если поток энергии прервется, то в Солнечной системе все полетит вверх тормашками.

Он с силой стукнул по столу.

— Здесь командую я, и вы будете подчиняться мне, как все остальные. Мое дело следить за работой Станции, за регулярной подачей энергии на другие планеты. Я не позволю, чтобы какой-то невежда и выскочка путался у меня под ногами. Пока я здесь, никто не посмеет тревожить Цветные Шары. У нас и без того достаточно забот.

Пейдж двинулся к двери, но Крейг остановил его.

— Хочу предупредить вас, — мягко сказал он. — На вашем месте я бы не стал выкрадывать вездеход — ни чужой, ни свой. После каждой поездки кислородный баллон вынимается из машины и запирается в стойку. Единственный ключ от стойки — у меня.

Он пристально посмотрел в глаза Пейджу и продолжил:

— В машине, конечно, остается немного кислорода. Его хватит примерно на полчаса, а может, и того меньше. Но не больше. Не очень-то приятно быть застигнутым врасплох. Около одной из станций Сумеречного пояса на днях нашли одного такого парня.

Пейдж вышел, хлопнув дверью.

Шары перестали плясать и лениво катались по равнине. Время от времени один из них принимал форму какого-нибудь предмета, но делал это вяло, нерешительно и тотчас же возвращался в прежнее состояние.

Должно быть, Кристи отложил скрипку, подумал Крейг. Наверно, делает обход, проверяет, все ли в порядке. Вряд ли может что-нибудь произойти. Станция работает автоматически, от человека требуется минимум внимания.

Контрольный отсек был полон пощелкивающих, потрескиваю-

щих, звякающих, булькающих приборов — они направляли поток энергии в район Сумеречного пояса к подстанциям, которые передавали его дальше на кольцевую линию вокруг других планет. Стоит одному прибору сплоскаться, стоит потоку отклониться в пространстве на какую-то долю градуса, и... Крейг содрогнулся, представив себе, как энергетический луч устрашающей силы врзается в планету, в город. Но система не может подвести, никогда этого не было и не будет. Она абсолютно надежна. Давно прошло то время, когда Меркурий посылал в другие миры огромные партии аккумуляторов энергии на грузовых космических кораблях.

Да, это была действительно свободная энергия, неиссякаемая, неистощимая; ее передавали на расстояния в миллионы миль лучевым способом Аддисона. Энергию получали фермы на Венере, шахты на Марсе, химические заводы и лаборатории холода на Плутоне.

Крейг услышал тяжелые шаги Крипи на лестнице и обернулся к двери, как раз когда старик входил в комнату.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал тот. — Станция на Венере приняла добавочный импульс.

Крейг кивнул: все идет по заведенному порядку. Как только Солнце заслоняет от Меркурия какую-нибудь планету, ближайшая подстанция на ближайшей незатененной планете берет добавочную энергию и передает ее на затененную.

Крейг поднялся и, подойдя к иллюминатору, стал смотреть на пыльные равнины. На горизонте появилась точка — она быстро приближалась по мертвой серой пустыне.

— Кнут! — воскликнул он.

Крипи заковылял к двери:

— Пойду встречу его. Мы с ним уговорились сыграть сегодня партию в шахматы.

— Сначала, — сказал Крейг, — пусть зайдет ко мне.

— Ладно, — ответил Крипи.

... Крейгу никак не удавалось заснуть. Что-то тревожило его. Что-то неопределенное, так как никаких причин беспокоиться не было. Локатор показывал, что большое завихрение движется очень медленно, по несколько футов в час и к тому же в обратном от станции направлении. Других опасных завихрений обнаружено не было. Как будто бы все в порядке. И в то же время разные мелочи — смутные подозрения, догадки — не давали покоя. Вот, например, Кнут. Он был такой же, как всегда, но, разговаривая с ним, Крейг испытывал какое-то непонятное чувство. Он бы даже сказал —

неприятное: мурашки бегали у него по спине, волосы на голове вставали дыбом. И в то же время ничего определенного.

А тут еще этот Пейдж. Проклятый дурак, чего доброго, и в самом деле удерет ловить Шары, и тогда неприятностей не оберешься. Странно, каким образом у Кнута испортились сразу обе рации — и в костюме и в машине. Кнут не мог объяснить, как это произошло, даже и не пытался. Просто пожал плечами. Мало ли что бывает на Меркурии.

Крейг отказался от попыток заснуть. Он всунул ноги в шлепанцы, побрел к иллюминатору, поднял штору и выглянул наружу. Цветные Шары по-прежнему катились в пыли. Внезапно один из них превратился в громадную бутылку виски, она поднялась в воздух, перевернулась — жидкость полилась на землю. Крейг хихикнул: Старина Крипи мечтает выпить.

Раздался осторожный стук в дверь. Крейг резко обернулся. Мгновение он стоял, затаив дыхание, и прислушивался, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся. Чуть не свалил дурака. Все нервы. Выпить-то не мешало бы ему. Снова стук, осторожный, но более настойчивый.

— Войдите.

Крипи бочком вошел в комнату.

— Так я и думал, что вы не спите, — сказал он.

— Что случилось, Крипи? — Крейг почувствовал, что снова весь напрягся. Нервы ни к черту не годятся.

Крипи подвинулся ближе.

— Кнут, — прошептал он. — Кнут выиграл у меня в шахматы. Шесть раз подряд, не дал мне ни одного шанса отыграться.

В комнате раздался хохот Крейга.

— Но прежде-то я выигрывал без труда, — настаивал старик. Я даже нарочно давал ему иногда выиграть, чтобы он не заскучал и не бросил совсем играть. Сегодня вечером я как раз приготовился задать ему трепку, и вдруг...

Крипи нахмурился, усы его вздрогнули.

— И это еще не все, черт побери. Я как-то чувствую, что Кнут изменился...

Крейг подошел вплотную к старику и взял его за плечи.

— Я понимаю, — сказал он. — Очень хорошо понимаю, что вы чувствуете. — Опять он вспомнил, как волосы шевелились у него на голове, когда он недавно разговаривал с Кнутом.

Крипи кивнул, бледные глаза его мигнули, кадык дернулся.

Крейг повернулся на каблуках и начал стаскивать пижаму.

— Крипи, — резко произнес он, — сейчас же берите револьвер,

спускайтесь в отсек управления и запирайтесь там. Никуда не выходите, пока я не вернусь. И не пускайте никого.

Он пристально посмотрел на старика:

— Вы понимаете? Ни-ко-го! Если вас вынудят — стреляйте. Но смотрите, чтобы никто не дотрагивался до рычагов.

Крипи вытаращил глаза и сглотнул слюну.

— А что, будут неприятности? — спросил он дрожащим голосом.

— Не знаю, — отрезал Крейг, — но хочу узнать.

Внизу, в ангаре, Крейг сердито глядел на пустое место, где должна была стоять машина Пейджа. Вездеход исчез! Вне себя от злости Крейг подошел к баллонам с кислородом. Замок стойки не был поврежден. Он вставил ключ. Крышка отскочила: все баллоны на месте, стоят рядком, прикреплены к перезарядной установке. Не веря своим глазам, Крейг стоял и смотрел на баллоны.

Все на месте! Значит, Пейдж отправился без достаточного запаса кислорода. Это означает, что он погибнет мучительной смертью в пустынях Меркурия.

Крейг повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился. Нет никакого смысла преследовать Пейджа — мелькнуло у него в голове. Этот болван, наверно, уже мертв. Самоубийство — иначе не назовешь его поступок. Настоящее самоубийство. И ведь он предупреждал Пейджа! Ему, Крейгу, предстоит работа. Что-то случилось там, около пространственного вихря. Он должен утихомирить мучительные подозрения, копошащиеся у него в мозгу. Кое в чем надо убедиться. Ему некогда преследовать покойников. Проклятый дурак, самоубийца. Он просто спятил — вообразил, что поймает Цветной Шар...

Крейг выключил линию, с яростью закрутил вентиль, отсоединил баллон и с трудом вытащил его из стойки.

Когда он направился через ангар к машине, кошка Матильда сбежала по сходням вниз и сразу же сунулась ему под ноги. Крейг споткнулся, чуть не упал, но с большим трудом устоял и вырутался с тем красноречием, которое достигается долгой тренировкой.

— Мя-я-у, — общительно отозвалась Матильда.

Есть что-то нереальное в солнечной стороне Меркурия, и это скорее ощущаешь, чем видишь. Солнце оттуда кажется в девять раз больше, чем с Земли, а термометр никогда не показывает ниже 650 градусов по Фаренгейту. В этой чудовищной жаре люди вынуждены носить скафандры с фотоэлементной защитой, ездить в

фотоэлементных машинах и жить на Силовой Станции, которая сама есть не что иное, как мощный фотоэлемент. Электрической энергией можно управлять, но жара и излучения почти не поддаются контролю. Скалы и почва рассыпаются там в пыль, исхлестанные бичами жары и излучений. А горизонт совсем близко, всегда перед глазами, словно видимый край света.

Но не это делает планету такой странной. Странность скорее в неестественном искажении всех линий, искажении, которое трудно уловить. Быть может, ощущение неестественности вызвано тем, что близость грандиозной массы Солнца делает невозможным существование прямой линии, она искривляет магнитные поля и будоражит самое структуру космического пространства.

Крейг все время ощущал эту неестественность, пока мчался по пыльной равнине. Вездеход заплескал по жидкой лужице, с шипением разбрызгивая не то расплавленный свинец, не то олово. Однако Крейг не заметил этого: в мозгу его громоздились сотни несвязных мыслей. Глаза, окаймленные сетью морщинок, следили через прозрачный щит за углублениями, оставленными машиной Кнута. Баллон с кислородом тихонько свистел, воздушный генератор потрескивал. Но вокруг было тихо.

Оглядевшись, Крейг заметил, что за ним как будто бы следует большой синий Шар, но скоро забыл о нем. Он взглянул на картину с нанесенными на нее координатами завихрения. Осталось всего несколько миль. Он уже почти на месте...

С виду никаких признаков вихря не было, хотя приборы нащупали его и нанесли на карту, когда Крейг приблизился к нему. Быть может, если встать под прямым углом к завихрению, различишь слабое мерцание, колебание, как будто смотришь в волнистое зеркало. Но, пожалуй, больше ничто не указывало на присутствие вихря. Непонятно, где он начинался, где кончался. Нетрудно было войти в него даже с прибором в руке.

Крейг вздрогнул, вспомнив о первых межпланетниках, которые попадали в такие завихрения. Отважные астронавты дерзали приземляться на солнечной стороне, осмеливались путешествовать в космических костюмах старого образца. Почти все они погибали, испепеленные излучениями, буквально сваривались. Некоторые уходили в сторону равнин и исчезали. Они входили в облако и словно растворялись в воздухе. Хотя воздуха-то, собственно, никакого и не было — не было вот уже много миллионов лет. На этой планете все свободные элементы давным-давно исчезли. Все оставшиеся элементы, кроме разве тех, что залегали глубоко под грунтом,

были так прочно связаны в соединениях, что невозможно было высвободить их в достаточных количествах. По этой же причине жидкий воздух доставлялся с Венеры.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и на камнях, были очень отчетливы — сбиться с дороги было трудно. Вездеход немного подскочил вверх, потом нырнул в небольшую впадину. И в центре впадины Крейг увидел причудливую игру света и темноты, как будто глядел в кривое зеркало.

Вот оно — пространственное завихрение!

Крейг посмотрел на приборы — у него захватило дух. Да, это величина! Продолжая ехать по следам Кнута, Крейг скользнул во впадину, все приближаясь к тому зыбкому, почти невидимому пятну, которое было завихрением. Тут машина Кнута остановилась. Кнут, очевидно, вышел из нее и поднес приборы поближе; его следы пробороздили мелкую пыль. Вот он вернулся обратно... остановился, снова пошел. И там...

Крейг резко затормозил, с ужасом глядя сквозь прозрачный щит. Пульс бешено застучал у него в горле. Он спрыгнул с сиденья и поспешно стал натягивать космический костюм. Выйдя из машины, он направился к темной гряде, лежавшей на земле. Он медленно подступал ближе, ближе, и страх тисками сжимал ему сердце. Наконец, Крейг остановился. Жар и излучения сделали свое дело: сморщили, высушили, разрушили — но сомнений быть не могло. С земли на него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крейг выпрямился и огляделся вокруг. Цветные Шары танцевали на холмах, кружились, толкались — молчаливые свидетели его страшного открытия. Один из них, синий Шар, который был крупнее остальных, последовал за машиной во впадину; сейчас он беспокойно раскачивался метрах в пятнадцати от Крейга.

Кнут сказал: "кое-что забавное". Он прокричал эти слова, голос его трещал и колебался, искажаемый мощными излучениями. А Кнут ли это был? Может, он уже умер, когда Крейг получил послание?

Крейг оглянулся. Кровь стучала у него в висках. Не Шары ли виноваты в смерти Кнута? А если так, то почему они не трогают его, Крейга? Вон сотни их пляшут на холме. Если это Кнут лежит здесь, вглядываясь мертвыми глазами в черноту пространства, то кто же тот, другой, вернувшийся назад?

Значит, Шары выдают себя за людей. Возможно ли это? Они, конечно, превосходные мимы, но не настолько. В их подражании всегда что-то не так, всегда есть что-то нелепое и фальшивое. Ему припомнились глаза Кнута, возвратившегося в Центр, — их холодный, пустой взгляд, какой бывает у безжалостных людей. От это-

го-то взгляда у Крейга по спине и забегали мурашки. И этот Кнут, который прежде так плохо играл в шахматы, выиграл шесть раз подряд.

Крейг снова оглянулся на машину. Цветные Шары по-прежнему плясали на холмах, но большой синий Шар исчез. Какое-то неуютное неприятное ощущение заставило Крейга обернуться и посмотреть на завихрение. На самом его краю стоял человек. Крейг безмолвно глядел на него, не в силах сдвинуться с места.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии не больше сорока футов, был Курт Крейг!

Его черты лица, все его, он сам, второй Курт Крейг, он как будто завернул за угол — и столкнулся с самим собой, идущим навстречу. Изумление обрушилось на Крейга, оглушило его, как гром, он быстро шагнул вперед, затем остановился. Изумление сменилось страхом; возникло острое, как удар ножа, сознание опасности.

Человек поднял руку и поманил к себе Крейга, но Крейг стоял как вкопанный, пытаясь разобраться в происходящем, успокоить сумятицу в мозгу. Это не отражение, на человеке нет космического костюма, в какой одет Крейг. И это не настоящий человек, иначе он не стоял бы так под яростными лучами Солнца. Смерть последовала бы мгновенно. Всего сорок футов — но за ними бушует завихрение, оно поглотит любого, кто перейдет через запретную невидимую границу. Завихрение передвигается со скоростью нескольких футов в час, и то место, где теперь стоит Крейг, и где у ног его лежит тело Кнута, несколько часов назад находилось в сфере действия завихрения.

Человек шагнул вперед, и в тот же момент Крейг отступил назад и рука его взялась за револьвер. Но он успел только наполовину вытянуть оружие: человек исчез. Исчез и все. Ни дымки, ни дрожания разрушающейся материи. Человека не было. На его месте раскачивался большой синий Шар.

Холодный пот выступил у Крейга на лбу и заструился по лицу. Он знал, что был сейчас на волосок от смерти, а может быть, чего-нибудь и похуже. Он повернулся и как безумный бросился к машине, рванул дверцу, схватился за рычаги.

Крейг гнал машину как одержимый. Страх схватил его холодными щупальцами. Дважды едва не произошла катастрофа: один раз вездеход нырнул в облако пыли, в другой раз пронесся по озеру расплавленного олова. Крейг твердо сжимал руль, упорно направляя машину вверх по скользкому от пыли холму.

Проклятье, этот субъект, который вернулся вместо Кнута, был точь-в-точь Кнут. Ему было известно то, что знал Кнут, он вел себя, как Кнут. Те же повадки, тот же голос, даже ход мыслей такой же. Что могут сделать люди — человечество — против этого? Смогут ли они отличать подлинных людей от двойников? Как они распознают самих себя? Существо, которое пробралось в Центр, с легкостью выиграло у Крипи в шахматы. Крипи приучил Кнута к мысли, что он, Кнут, играет не хуже Крипи. Но Крипи-то знал, что может выиграть у Кнута в любое время. Кнут же этого не знал, а значит, и тварь, изображавшая Кнута, тоже не знала. Поддельный Кнут сел за стол и выиграл у Крипи шесть партий подряд к огорчению и недоумению старика. Есть тут какой-нибудь смысл или нет?

Синий Шар прикинулся Крейгом. Он пытался заманить Крейга в пространственное завихрение. Очевидно, Шары способны менять свою структуру и, таким образом, находиться в завихрении без всякого для себя ущерба. Они заманили туда Кнута, приняв вид человеческих существ и возбудив в нем любопытство. Он вступил в завихрение, и тут-то Цветные Шары и напали на него. Они ведь не могут добраться до человека, одетого в космический костюм, потому что Шары — сгустки энергии. В борьбе энергии с фотоэлементом всегда побеждает фотоэлемент.

Они не дураки, подумал Крейг. Метод Троянского коня. Сперва они добрались до Кнута, потом пытались проделать такую же штуку со мной. Окажись в Центре двое Шаров, им было бы нетрудно заполучить и Крипи.

Крейг бешено крутанул руль, давая выход злости. Потом затормозил перед ущельем и свернул на равнину. Прежде всего нужно отыскать Шар, который играл Кнута. Сначала надо его найти, а потом уже решать, что с ним делать.

Найти его оказалось не так-то просто. Крейг и Крипи, одетые в космические костюмы, стояли посреди кухни.

— Он должен быть где-то здесь, будь я проклят, — сказал Крипи.
— Просто он так запрятался, что мы его проглядели.

Крейг покачал головой.

— Нет, Крипи, мы не проглядели. Мы с вами все обыскали, ни одной щели не оставили.

— А может быть, — предположил Крипи, — он сообразил, что игра проиграна и дал тягу. Может, он удрал, когда я сторожил отсек управления?

— Может быть, — согласился Крейг. — Я тоже об этом думал. По крайней мере мы знаем, что он разбил рацию. Наверно, боялся,

что мы вызовем помощь. А это означает, что у него был свой план. И возможно, в этот момент он приводит его в исполнение.

Станция молчала, но тишину подчеркивали и усиливали еле слышимые звуки: слабое пощелкивание приборов в нижнем этаже, шипенье и сдержанное клокотанье в воздушном генераторе, бульканье синтезируемой воды.

— Чтoб ему, — выругался Крппи, — я знал, что этого не может быть. Кнут просто не мог честным путем обыграть меня.

Из холодильной камеры раздалось отчаянное мяуканье.

Крппи двинулся к двери холодильника, захватив по дороге щетку.

— Опять эта чертова кошка, — пробурчал он, — никогда не упустит случая забраться туда.

Крейг стремительно шагнул вперед и отбросил руку Крппи от двери.

— Стойте! — приказал он.

Матильда жалобно мяукала.

— Но ведь Матильда...

— А что, если это не Матильда? — резко сказал Крейг.

Со стороны двери, ведущей в коридор, послышалось тихое мурлыканье. Оба обернулись. Матильда стояла на пороге, и выгнув спину и задрав кверху пушистый хвост, терлась боком о косяк. В этот момент из холодильной комнаты донесся дикий, злобный кошачий вой.

Глаза Крппи сузились. Метла со стуком упала на пол.

— Но у нас же одна кошка!

— Вот именно, — отрезал Крейг. — Одна из них Матильда, а другая — Кнут или вернее тварь, которая изображала Кнута.

Пронзительно затрещал сигнальный звонок, Крейг поспешно шагнул к иллюминатору и поднял штору.

— Это Пейдж! — воскликнул он. — Пейдж вернулся!

Крейг оглянулся на Крппи. Лицо его выражало недоверие: Пейдж уехал пять часов назад, без кислорода, и тем не менее он здесь, вернулся. Но человек не смог бы прожить без кислорода больше четырех часов. Взгляд Крейга стал жестким, между бровей пролегли морщины.

— Крппи, — сказал он внезапно, — отойдите дверь в холодильник, возьмите кошку на руки и держите, чтоб не убежала.

Крппи сделал кислое лицо, но опустил по сходям, открыл дверь и поднял с пола Матильду. Она громко замурлыкала, цепляясь за его руки в перчатках изящными лапками.

Пейдж вышел из машины и направился через ангар прямо к Крейгу, стуча каблуками. Крейг неприязненно смотрел на него сквозь маску космического костюма.

— Вы нарушили мой приказ, — отрывисто сказал он. — Отправились ловить Шары и даже кого-то поймали.

— Ничего страшного, капитан Крейг, — отозвался Пейдж. — Послушные, как котята. Ничего не стоит их приручить.

Он громко свистнул, и из открытой дверцы машины выкатились два Шара — красный и зеленый. Они остановились и принялись раскачиваться.

Крейг посмотрел на них оценивающим взглядом.

— Сообразительные ребята, — добродушно заметил Пейдж.

— И как раз нужное число, — сказал Крейг.

Пейдж вздрогнул, но быстро овладел собой.

— Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их обращению с приборами, но боюсь, что все ракеты полетят к черту, стоит им только приблизиться к приборам.

Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

— Одного я не могу понять, — сказал он. — Я предупреждал, что стойку вам не открыть. И предупреждал еще, что без кислорода вы погибнете. И тем не менее вы живы.

Пейдж рассмеялся.

— У меня было спрятано немного кислорода, капитан. Я как будто предчувствовал, что вы мне откажете.

Крейг вытащил один баллон из стойки.

— Вы лжете, Пейдж, — спокойно сказал он. — У вас не было другого кислорода. Да вам он и не нужен. Любой человек умер бы ужасной смертью, выйди он отсюда без кислорода. Но вы не умерли — потому что вы не человек!

Пейдж быстро отступил, но замер на месте, устремив взгляд на баллон с кислородом, когда Крейг предостерегающе его окликнул. Крейг сжал пальцами предохранительный клапан.

— Одно движение, и я выпущу кислород, — мрачно сказал он. — Вы, конечно, знаете, что это такое — жидкий кислород. Холодной самого пространства.

Он злорадно усмехнулся:

— Небольшая доза перетряхнет весь ваш организм, правда? Вы, Шары, привыкли жить на поверхности, в чудовищной жаре, и не выносите холода. Вы нуждаетесь в колоссальном количестве энергии, а у нас здесь, на Станции, энергии немного. Мы вынуждены беречь ее как зеницу ока, а не то погибнем. Но в жидком кислороде энергии еще несравненно меньше... Вы сами создаете себе защитное поле и даже распространяете его вокруг, и все же оно не безгранично.

— Если бы не космические костюмы, вы бы иначе заговорили, — с горечью сказал Пейдж.

— Они, видно, поставили вас в тупик, — улыбнулся Крейг. — Мы их надели потому, что гонялись за вашим приятелем. Он, по-моему, в холодильнике.

— В холодильнике? Мой приятель?

— Да, который вернулся вместо Кнута. Он притворился Матильдой, когда понял, что мы за ним охотимся. Но он перестарался. Он настолько почувствовал себя Матильдой, что забыл, кто он на самом деле, и забрался в холодильник. И это ему пришлось не по вкусу.

У Пейджа опустились плечи. На какое-то мгновение черты лица его расплылись, затем снова стали четкими.

— Дело в том, что вы перебарщиваете, — продолжал Крейг. — Вот и сейчас вы больше Пейдж, чем Шар, больше человек, чем ступок энергии.

— Не стоило нам делать этой попытки, — сказал Пейдж. — Надо было дожидаться, пока вас кто-нибудь сменит. Мы ведь знаем, что вы не относитесь к нам с презрением, как многие люди. Я говорил, что следует подождать, но тут в пространственное завихрение попал человек по имени Пейдж...

Крейг кивнул.

— Понимаю, вы просто не могли упустить случай. Обычно до нас трудно добраться. Вам не справиться с фотоэлементными камерами. Но вам следовало сочинить что-нибудь поубедительнее. Эта чепуха насчет пойманных Шаров...

— Но ведь Пейдж отправился именно за ними, — настаивал мнимый Пейдж. — Ему бы, разумеется, это не удалось, но он-то был уверен в успехе.

— Очень было умно с вашей стороны — привести с собой ваших ребят, сделать вид, что вы их поймали, и в один прекрасный момент взять нас врасплох. Да, это было умнее, чем вы думаете.

— Послушайте, — сказал Пейдж, — нам ясно, что мы проиграли. Как вы поступите?

— Выпустим вашего друга из холодильной камеры, — ответил Крейг, — потом ототрем двери — и ступайте себе.

— А если мы не уйдем?

— Тогда выпустим жидкий кислород. У нас наверху полные баллоны. Изолируем комнату и превратим ее в настоящий ад. Вы этого не вынесете, погибнете от недостатка энергии.

Из кухни донесся чудовищный шум. Можно было подумать, будто связка колючей проволоки скачет по жестяной крышке. Шум

чередовался с воплями Крипи. По сходням из кухни выкатился меховой шар, а за ним Крипи, яростно размахивающий метлой. Шар распался и превратился в двух одинаковых кошек. Распушившиеся хвосты торчали кверху, шерсть на спине стояла дыбом, глаза сверкали зеленым огнем.

— Мне надоело держать эту проклятую кошку, и я... — выдохнул Крипи.

— Понятно, — прервал его Крейг. — И вы сунули ее в холодильник к другой кошке.

— Так оно и было, — сознался Крипи. — И предо мной разверзлась преисподняя.

— Ладно, — сказал Крейг. — Теперь, Пейдж, скажите, которая ваша.

Пейдж что-то быстро произнес, и одна из кошек начала таять. Очертания ее стали неясными, и она превратилась в Шар, маленький, трогательный бледно-розовый Шар.

Матильда испустила душераздирающий вопль и бросилась наутек.

— Пейдж, — сказал Крейг, — мы всегда были против осложнений. Если вы только захотите, мы можем быть друзьями. Есть ли для этого какой-нибудь способ?

Пейдж покачал головой.

— Нет, капитан. Мы и люди — как два полюса. Мы с вами разговариваем сейчас, но разговариваем как человек с человеком, а не как человек и представитель моего народа. В действительности различия слишком велики, нам не понять друг друга.

Он замаялся и выговорил с запинкой:

— Вы славный парень, Крейг. Из вас вышел бы хороший Шар.

— Крипи, — окликнул Крейг, — ототри дверь.

Пейдж повернулся, чтобы идти, но Крейг остановил его:

— Еще минутку. В виде личного одолжения. Не скажете ли, на чем все это основано?

— Трудно объяснить, — ответил Пейдж. — Видите ли, дружище, все дело в культуре. Культура, правда, не совсем то слово, но иначе я не могу выразить этого на вашем языке. Пока вы не появились здесь, у нас была своя культура, свой образ жизни, свой образ мыслей — они были наши собственные. Мы развивались не так, как вы, мы не проходили этой предварительной незрелой стадии цивилизации, какую проходите вы. Мы начали с того места, до которого вы не доберетесь и через миллион лет. У нас была цель, идеал, к которым мы стремились. И мы продвигались вперед. Мне трудно объяснить это на вашем языке. И вдруг появились вы...

— Дальше догадываюсь, — прервал его Крейг. — Мы привнесли

чужое влияние, нарушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в ваши, и вы становитесь не более, как подражателями, перенимающими чужие идеи и повадки.

Он посмотрел на Пейджа:

— Неужели же нет выхода? Проклятье, неужели надо враждовать из-за этого?

Он еще не договорил, а уже знал ответ: выхода не было. Долгая земная история насчитывала сотни подобных войн: войны из-за различия религий, религиозной терминологии, из-за разницы в идеологии, в типе культуры. И ведь те, кто воевал, принадлежали к одной — людской — породе, а не к двум разным, разного происхождения.

— Нет, — сам же ответил вслух Крейг, — выхода нет. Когда-нибудь мы отсюда уйдем. Найдем другой источник энергии, подешевле, и оставим вас в покое. Но до тех пор... — Он не договорил.

Пейдж повернулся и пошел к двери, за ним последовали два больших Шара и один маленький, розовый.

Стоя у входа плечом к плечу, двое землян смотрели, как Цветные Шары вышли наружу. Сперва Пейдж сохранял человеческий облик, потом очертания его расплылись, съжились, и вот на его месте уже покачивался Шар.

Крипи захихикал.

— Фиолетовый, чтоб он пропал.

Крейг сидел за столом и писал свой отчет в Совет Солнечной энергии; перо быстро бегало по бумаге.

"Пятьсот лет они выжидали, прежде чем начать действовать. Быть может, они медлили из предосторожности или в надежде найти какой-то иной способ. А может быть, время имеет у них другой счет. Для жизни, уходящей в бесконечность, время вряд ли имеет ценность. В течение всех этих пятисот лет они наблюдали за нами, изучали нас. Они читали в нашем мозгу, поглощали наши мысли, докапывались до наших знаний, впитывали нашу индивидуальность. Они, наверно, знают нас лучше, чем мы сами. Что такое их неуклюжее подражание нашим мыслям? Просто хитрость, попытка заставить нас считать их безвредными? Или между их подражанием и нашими мыслями такая же разница, как между пародией и настоящим произведением искусства? Этого сказать я не могу. У меня нет никаких догадок на этот счет. До сих пор мы не пытались защищаться от них, так как считали их забавными существами и ничем больше. Я не знаю, была ли кошка в

холодильнике Шаром или Матильдой, но именно кошка в холодильнике подала мне мысль о жидком кислороде. Несомненно, есть более удачные способы. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Я убежден, что они будут делать новые попытки, даже если им придется ждать еще пятьсот лет. Поэтому я настаиваю..."

Он положил перо. Корзина для бумаг, стоявшая в углу комнаты, зашевелилась, и из нее вышла Матильда. Хвост у нее воинственно торчал кверху. Презрительно поглядев на Крейга, она направилась к двери и стала спускаться вниз по сходням.

Крипи нехотя пробовал скрипку. Настроение у него было скверное, он думал о Кнута. Если не считать споров за шахматами, они всегда были друзьями.

Крейг прикидывал, что делать дальше. Надо съездить за телом Кнута и отправить его на Землю, чтобы его там похоронили. Но прежде всего он ляжет спать. С ума сойти, как хочется спать!

Он взял перо и продолжал писать:

"...чтобы были приложены все старания к изобретению эффективного оружия. Но использовать его мы будем только в качестве защиты. Об истреблении, какое велось на других планетах, не может быть и речи.

Но для этого мы должны изучить их так, как они изучили нас. Чтобы воевать с ними, надо их знать. К следующему разу они, несомненно, выдумают новый способ нападения. Необходимо также разработать систему проверки каждого входящего на Станцию, чтобы определять, человек он или Шар.

И, наконец, следует приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя каким-то другим источником энергии на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступным".

Он перечел докладную записку и отложил ее в сторону.

— Им это не понравится, — сказал он себе, — особенно последний пункт. Но ведь нужно смотреть правде в лицо.

Крейг долго с (умал. Потом поднялся и пошел к иллюминатору.

Снаружи, на равнинах Меркурия, Цветные Шары, разделившись попарно, превратились в громадные гости домино и теперь скакали в пыли. Насколько хватал глаз, равнина была усеяна этими скачущими костяшками.

И при каждом прыжке их становилось все больше...

Мир "теней"

Я выкатился из спального мешка пораньше, чтобы успеть часок-другой поработать над своим сектором в макете до того, как Гризи спроворит завтрак. Когда я вылез из своей палатки, Бенни — моя "тень" — уже ждала меня. Поблизости в ожидании своих людей стояли еще несколько "теней", а все это вместе, если остановиться и подумать, было настоящим сумасшедшим домом. Только никто не останавливался и не задумывался — теперь мы к ним привыкли.

Гризи уже разжег плиту, и из трубы вился дымок. Я мог слышать, как он громко напевает под перестук своих кастрюль. Это была шумная часть суток. В течение всего утра он был шумным и неслучайным, но ближе к середине дня становился тихим как мышка. Наступало время устать в грезоскоп. При этом он действительно серьезно рисковал. К любому владельцу прибора закон был крайне суров. Мэк Болдуин — управляющий нашего проекта — устроил бы изрядный скандал, узнай он, что у Гризи есть грезоскоп. Но знал об этом только я. Я обнаружил его совершенно случайно, и даже Гризи не докадывался, что мне известно о нем, а я держал язык за зубами.

Я поздоровался с Бенни, но она мне не ответила. Она мне никогда не отвечала — чтобы отвечать, у нее не было рта. Не думаю, чтобы она меня даже слышала — ушей у нее тоже не было. Эти самые "тени" были обделены судьбой. У них не было ни рта, ни ушей, ни даже носа.

Но зато у каждой было по глазу. Он был расположен в середине лица, приблизительно там, где должен находиться нос, если бы "тень" таковой имела. И этот глаз с лихвой оправдывал недостаток рта, ушей и носа.

Глаз был около трех дюймов в диаметре, и по сути дела не являлся глазом в прямом смысле слова. У него не было ни радужки, ни зрачка, а сам он напоминал озеро, полное неповторимой игры света и теней. Иногда он был на выкате и слегка косил, как у дурачка, иногда его взгляд был тверд, и он сверкал, как линза

объектива, а иногда в нем сквозили печаль и одиночество, как в грустных глазах собаки.

Эти "тени" уж точно являли собой компанию более чем странную. Больше всего они походили на тряпичных кукол, которым кто-то забыл нарисовать черты лица. Это были сильные и подвижные гуманоиды, и я с самого начала подозревал, что они отнюдь не простачки. По поводу последнего утверждения мнения несколько разделились, многие из ребят до сих пор считают, что они сродни улюлюкающим дикарям. Только они не улюлюкают — нечем, рта у них нет. Ни рта, чтобы улюлюкать или есть, ни носов, чтобы нюхать или дышать, ни ушей, чтобы слышать.

Согласно голой статистике, вероятность их существования должна бы просто отсутствовать. Но они существовали повсюду и существовали отнюдь не плохо.

Одежды они не носили. По чести говоря, она и не была им нужна. Они были лишены признаков пола точно так же, как и черт лица. Это была просто банда тряпичных кукол со здоровенным глазом посреди лица.

Зато они носили что-то, что с равным успехом могло быть и украшением, и простенькой драгоценностью или символом "братства теней". На каждой был узкий пояс, с него свисала то ли сумка, то ли сетка, в которой при каждом шаге позвякивали какие-то безделушки. Содержимого этих "авосек" никто никогда не видел. От пояса крест-накрест через плечи расходились ремни, превращая всю конструкцию в обыкновенную упряжь, а на груди, там, где ремни пересекались, был прикреплен большой драгоценный камень. Благодаря сложной огранке он сверкал как алмаз; очень может быть, что это и был алмаз, но наверняка сказать никто не мог. Приблизиться к нему настолько, чтобы разглядеть, никому не удавалось. Делаешь движение в его сторону, и "тень" исчезает.

Все верно. Исчезает.

Я поздоровался с Бенни — она, естественно, не ответила — и, обойдя стол, начал работать над макетом. Бенни встала у меня за спиной и наблюдала, как я работаю. Она проявляла большой интерес ко всему, что я делаю. Куда я — туда и она. В конце концов, она была моей "тенью".

Есть стихотворение, которое начинается со слов: "У меня есть маленькая тень..." Я часто его вспоминал, но ни автора, ни продолжения припомнить не мог. Я закрываю глаза и вижу яркую картинку рядом со стихами — ребенок в пижаме со свечкой в руке

поднимается по лестнице, а на ступени и стенку позади падает его тень.

Интерес Бенни к макету мне отчасти импонировал, хотя я и понимал, что это, возможно, ничего не значит. Ей было бы точно так же интересно, если бы я пересчитывал бобы.

Я гордился своим макетом и потратил на него больше времени, чем имел на то право. На пластиковом основании было написано мое полное имя — Роберт Эммет Дрейк, а вся штукovina выглядела немного амбициозней, чем я замыслил вначале.

Я позволил своим эмоциям выплеснуться наружу, что не так уж трудно понять. Не каждый день специалисту по охране природы выпадает шанс переустраивать абсолютно девственную планету земного типа буквально с листа. И хотя это был всего лишь один маленький кусочек изначального проекта, он включал в себя почти все черты, присущие переустройству в целом. И я разместил тут все — дамбы и дороги, электростанции и заводы, лесопилки и водохранилища и многое, многое другое.

Не успел я усесться за работу, как со стороны столовой послышался какой-то шум. Я мог различить изрыгающий проклятия голос Гризи и звуки глухих ударов. Дверь кухни распахнулась настежь, и оттуда пулей вылетела "тень", которую буквально по пятам преследовал Гризи. В руке у повара была сковорода, которой он нашел "достойное" применение, и было любо-дорого смотреть, с каким изяществом он ею орудует. Делая каждый очередной шаг, он опускал сковороду на "тень", при этом вокруг разносились угрозы, не предназначенные для деликатного уха.

"Тень" прогаллопировала через лагерь с наседающим Гризи за спиной. Наблюдая за ними, я подумал о любопытном факте: стоит сделать движение в сторону драгоценного камня, как "тень" тут же исчезает, но в то же время терпит насилие, подобное тому, что чинил ей Гризи со своей сковородкой.

Когда они достигли моего макетного стола, повар прекратил преследование. Его спортивная форма оставляла желать лучшего.

Он встал рядом со столом и воинственно упер руки в боки, так что сковорода, которую он продолжал сжимать, встала торчком.

— Я не позволю этой вонючке находиться на кухне, — отдуваясь и пытаясь, сказал мне он. — Хватит того, что она шатается вокруг столовой и подглядывает в окна. Хватит того, что я и так натыкаюсь на нее на каждом шагу. Я не позволю ей совать нос на кухню — она лезет руками во все, что ни увидит. Будь я на месте Мэка, я

бы им устроил. Я бы гнал их метлой так быстро и так далеко, что им бы...

— У Мэка хватает и других забот, — прервал я его довольно резко. — Из-за всех этих неполадок мы отстали от проектного графика.

— Саботаж это, а не неполадки, — поправил меня Гризи. — Могу поспорить на последний доллар, что это все они — "тени". Если б мне дали волю, я бы вообще выгнал их из этих мест.

— Но это их страна, — возразил я. — Они здесь жили еще до нашего прихода.

— Планета большая, — сказал Гризи. — Пусть найдут себе другое место.

— Но это их право — жить здесь. Эта планета — их дом.

— Нет у них никаких домов, — отрезал он.

Он резко повернулся и пошел обратно на кухню. Его "тень", которая все это время стояла в сторонке, рванула вслед. Было непохоже, чтобы взбучка, которой она подверглась, ее волновала. Но что она там себе думала, распознать было невозможно. Внешние их эмоции никак не проявлялись.

Говоря о том, что у них нет никакого дома, Гризи слегка покривил душой. Он имел в виду, конечно, то, что у них не было поселка, что они являли собой всего лишь что-то вроде беззаботного табора цыган. Но для "теней" эта планета была их домом, и они имели право пойти куда угодно и делать там все, что им заблагорассудится. То, что они не жили в определенном месте, или не имели поселков (а возможно, и крова), или не выращивали урожай, не играло никакой роли.

Задумайтесь: зачем выращивать урожай, если у тебя нет рта, чтобы есть? А если ты не ешь, то как ты можешь существовать? А если...

Вы видите, куда ведут подобные рассуждения. Поэтому-то и не стоило о "тенях" особо задумываться. Как только пытаешься что-нибудь о них понять — запутываешься полностью.

Я бросил косой взгляд на Бенни, чтобы посмотреть, как та восприняла избиение своей подруги, но она была такой же, как всегда. Вылитая тряпичная кукла.

Из палаток стали выбираться люди, и каждая "тень" галопом бросалась к своему мужчине. И куда бы ни направился человек, "тень" как привязанная следовала за ним.

Центральная часть проектируемого поселка располагалась на

вершине холма, и с того места, где находился макетный стол, передо мной раскрывалась новая стройка, как если бы оживали чертежи.

Вон там начат котлован для административного здания, а вон там сверкают опоры торгового центра, а за ним — перепаланные клочки того, что со временем станет улицей с ровными рядами домов по сторонам.

Все это не очень походило на результат поистине доблестных усилий первопроходцев на вновь осваиваемой планете, но совсем скоро будет походить. Походило бы и сейчас, если бы нас не преследовали сплошные неудачи. И "тени" ли в них повинны или что-то еще, надо быть стойкими и выправить положение.

Ибо это было важно. Здесь, в этом мире, Человек не повторит старых досадных ошибок, которые он совершил на Земле. Здесь, на планете земного типа — одной из немногих найденных до сих пор, — Человек не станет разбазаривать ценные ресурсы, которым он позволил истощиться на родной планете. Он будет рационально использовать воду и землю, древесину и полезные ископаемые, внимательно следить за тем, чтобы отдавать столько же, сколько он взял. Эта планета не будет разграблена и разорвана, как это произошло с Землей. Ею будут пользоваться разумно, как хорошо отлаженным механизмом.

Мне было бы благо от того, что я просто здесь стою, смотрю по-над колмами и долинами на виднеющиеся вдалеке горы, размышляя о том, каким же уютным будет этот дом для человечества.

Лагерь стал оживать. Снаружи, возле палаток, мужчины умывались перед завтраком. Крутом раздавались приветственные оклики, тут и там возникала дружеская возня. Снизу, со склада оборудования, донеслась громкая ругань, и я точно мог сказать, что произошло. Машины, или по крайней мере часть из них, снова были не в порядке, и половина утра уйдет на то, чтобы их отремонтировать. Конечно, то, что машины выходят из строя каждый Божий день, весьма странно.

Через некоторое время Гризи зазвонил в колокол, сзывая ребят на завтрак. Все все побросали и ринулись к столу, а "тени", толкаясь, струдились у них за спиной. До кухни мне было ближе большинства, и, будучи неплохим спринтером, я занял одно из лучших мест за большим столом на открытом воздухе. Оно находилось прямо рядом с кухонной дверью, так что я мог получить свою порцию первым, как только Гризи вынесет еду наружу. Повар как раз начал обход, что-то ворчливо бормоча под нос, как он это обычно делал во время трапез, хотя иногда мне казалось, что это поза, с помощью которой

он вытался скрыть удовлетворение от сознания, что его стряпня более чем съедобна.

Я сел рядом с Мэком, а секундой позже место с другого от меня бока захватил техник-оператор Рик Торн. Напротив сидел Стэн Карр — биолог, а рядом с ним, у самого края стола, — эколог Джадсон Найт.

Не тратя времени на болтовню, мы набросились на пшеничные булочки, свиные отбивные и жареную картошку. Во всей Вселенной ничто не вызывает такой аппетит, как утренний воздух Стеллы IV.

Наконец, утолив первый голод, мы приступили к светской беседе.

— С утра все та же старая история, — с горечью сообщил Мэку Торн. — Застопорило больше половины оборудования. Чтобы все запустить, потребуется несколько часов.

С угрюмым видом он подгребал еду, при этом пережевывая ее с ненужной тщательностью. Он стрельнул сердитым взглядом поперек стола на биолога.

— Почему ты с этим на разберешься? — спросил Торн.

— Я? — переспросил Карр в легком замешательстве. — С какой стати с этим разбираться должен я? В машинах я ничего не смыслю и не хочу смыслить. Дурацкие изобретения, в лучшем случае.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал Торн. — Нечего винить машины. Они не ломают сами себя. Это все "тени", а ты — биолог, и они, "тени", — твоего ума дело, и...

— Дел у меня и так хватает, — перебил Карр. — Сначала я должен решить эту проблему с земными червями, а как только это будет сделано, Боб хочет, чтобы я изучил некоторые повадки дюжины различных грызунов.

— Да уж хотелось бы, — подтвердил я. — У меня такое предчувствие, что кое-кто из этих маленьких негодников может доставить нам массу неприятностей, когда мы займемся земледелием. Хотелось бы знать загодя, на что способны эти вредители.

Я подумал, что так уж в жизни устроено, что, сколько ни пытайся учесть все обстоятельства, буквально из любой щели, из-под любого куста всегда может появиться что-то неожиданное. Создается впечатление, что никак не можешь дочитать до конца длинный список.

— Было бы неплохо, — недовольно пробурчал Торн, — если бы "тени" оставили нас в покое и дали устранить последствия их грязных делишек. Но как бы не так! Пока мы занимаемся починкой, они будут дышать нам в затылки, совать головы в двигатели по самые плечи, а при каждом движении ты будешь наткаться на одну из них. Вот как-нибудь, — свирепо добавил он, — я возьму разводной ключ и немножко расчищу место вокруг себя.

— Они обеспокоены — что это вы там делаете с их машинами, — сказал Карр. — Они воспринимают машины так же, как людей.

— Это ты так думаешь, — вставил Торн.

— А может быть, они пытаются в них разобраться? — предположил Карр. — Может быть, они их ломают для того, чтобы, когда вы ремонтируете, разобраться в устройстве. До сих пор они не пропустили ни одной детали. Ты на днях мне говорил, что каждый раз ломается что-то новое.

— Я тут долго размышлял о сложившейся ситуации, — с видом мудрой совы сказал Найт.

— О да! — откликнулся Торн, и по тону, каким он это сказал, можно было судить, чего стоят, с его точки зрения, размышления Найта.

— Я искал какую-нибудь мотивацию, — сказал он Торну. Ведь, если "тени" действительно это делают, должен же на то быть какой-то мотив. Ты так не думаешь, Мэк?

— Похоже, ты прав, — ответил Мэк.

— Не исключено, — продолжал Найт, — что по какой-то причине эти "тени" нас любят. Они объявились, как только мы совершили посадку, и с тех пор все время с нами. Их поведение говорит за то, что они хотят, чтобы мы остались. Может быть, они ломают машины, чтобы мы были вынуждены остаться?

— Или убраться прочь, — ответил Торн.

— Все это хорошо, — сказал Карр, — но с какой стати им хотеть, чтобы мы остались? Что конкретно им в нас нравится? Если бы выяснить точно хотя бы только этот вопрос, мы, возможно, смогли бы заключить с ними что-то вроде сделки.

— Ну, не знаю, — признался Найт. — Тут может быть масса самых разных причин.

— Назови хотя бы три из них, — язвительно бросил Торн.

— С удовольствием, — ответил Найт с таким выражением, как если бы всадил в селезенку Торна нож. — Возможно, им что-то от нас очень нужно, только не спрашивай меня, что именно. Или они пытаются обратить на себя внимание, чтобы сообщить нам что-то очень важное. А может быть, они хотят нас перекроить на свой лад, только вот что их в нас не устраивает, я не имею ни малейшего представления. Может быть, они борются с нами, а может, это — просто любовь.

— Это все? — спросил Торн.

— Только начало, — ответил Найт. — Возможно, они нас изучают, а чтобы все разгадать, им необходимо какое-то время. Может быть, они специально нас раздражают, чтобы посмотреть на нашу реакцию и...

— Изучают нас! — гневно пророкотал Торн. — Да это же просто ничтожные дикари!

— Не думаю, — откликнулся Найт.

— Они ходят совсем без одежды! — прогремел Торн, грохнув по столу кулаком. — У них нет инструментов. У них нет поселка. Они не знают, как построить даже лачугу. У них нет правительства. Они не могут ни говорить, ни слышать.

Я почувствовал к нему отвращение.

— Ладно, уgomонитесь, — прервал я. — Давайте-ка за работу.

Я поднялся со скамьи, но не успел сделать и двух шагов, как вниз из радиорубки тяжелой трусцой спустился человек. Он размахивал зажатым в руке клочком бумаги. Это был наш связист Джек Поллард, он же, по совместительству, специалист по электронике.

— Мэк! — вопил он. — Эй Мэк!

Мэк поднялся из-за стола.

Поллард передал ему бумагу.

— В тот момент, когда Гризи протрубил сбор, как раз шла передача, — выдохнул он. — У меня были сложности с приемом. Ретранслировали откуда-то очень издалека.

Мэк прочитал радиограмму, и лицо у него покраснело и стало недовольным.

— Что случилось, Мэк? — поинтересовался я.

— К нам едет ревизор, — сказал он, делая ударение на каждом слове.

— Это может плохо обернуться?

— Возможно, достанется большинству из нас, — сказал Мэк.

— Но ведь нельзя же так!

— Это ты так думаешь. Мы отстали от графика на шесть недель, а проект горит синим пламенем. Земные политикины надавали кучу обещаний, и, если они не отчитаются за их выполнение, им вообще ни черта не придется больше отчитываться. Если мы только не сможем что-то сделать — и сделать это быстро, — нас отсюда вышвырнут, а взамен пришлют новую команду.

— Но если учесть все обстоятельства, мы поработали не так уж и плохо, — мягко заметил Карр.

— Пойми меня правильно, — обернулся к нему Мэк. — Ничем лучше нашей новая команда не будет. Им просто нужно отписаться, что меры приняты, а мы окажемся в роли стрелочников. Если бы смогли устранить этот прорыв, у нас, возможно, оставался бы шанс. Если бы могли сказать этому инспектору: "Да, конечно, на нас

свалились неприятности, но мы с ними справились, и сейчас у нас все в порядке". Если бы могли ему это сказать, то, может, и спасли бы свои шкуры.

— Мэк, ты думаешь, все это из-за "тени"? — спросил Найт.

Мэк поднял руку и поскреб в затылке.

— Должно быть, так. Ничего другого просто не приходит в голову.

— Конечно, это они, чертовы "тени"! — крикнул кто-то из-за соседнего стола.

Мужчины поднялись со своих мест и сгрудились вокруг нас.

Мэк поднял руки вверх.

— Рсбята, давайте-ка за работу. Если у кого-то возникнут какие-то хорошие идеи, приходите в мою палатку, и мы их обсудим.

Люди стали роптать!

— Идеи! — взревел Мэк. — Я сказал идеи! Каждого, кто не выдаст стоящую идею, я уволю по сокращению штатов.

Они немного притихли.

— И еще одно, — продолжил он. — Никакого насилия по отношению к "теням". Вести себя, как и прежде. Расстреляю любого, кто применит к ним силу.

Он обратился ко мне:

— Пойдем.

Я последовал за ним, и Карр с Найтом пристроились сзади. Торн остался, хотя я ожидал, что он пойдет вместе с нами.

Войдя в палатку, мы уселись за стол, заваленный чертежами, исчерканными листочками, бумагами со столбиками цифр и графиками, нарисованными от руки.

— Я полагаю, — сказал Карр, — что все-таки это "тени".

— Какая-нибудь гравитационная аномалия? — предположил Найт. — Какое-нибудь необычное атмосферное явление? Какие-то свойства искривленного пространства?

— Может быть, — отозвался Мэк. — Все это звучит не очень реально, но я готов уцепиться за любую соломинку, которую вы мне протянете.

— Меня удивляет одна вещь, — вставил я, — это то, что команда изыскателей не упоминает о "тенях". Изыскатели были уверены, что на планете отсутствуют какие-либо формы разумной жизни. Они не нашли никаких следов цивилизации. И это было хорошо, ибо означало, что не нужно перекраивать весь проект, приводя его в соответствие с законами о преимущественных правах аборигенов. И все же не успели мы сесть, как "тени" прискакали нас встречать, словно они обнаружили нас заранее и только и ждали, когда мы высадимся.

— Что еще забавно, — сказал Карр, — так это, как они разбились с людьми по парам. Как будто они все спланировали. Словно вышли за нас замуж или что-то в этом роде.

— К чему ты клонишь? — буркнул Мэк.

— Мэк, — сказал я, — где находились "тени", когда здесь была изыскательская команда? Можем ли бы быть абсолютно уверены, что они родом с этой планеты?

— Если они не местные, — возразил Мэк, — то как они сюда попали? Машин у них нет. Нет даже инструментов.

— В этом докладе изыскателей, — сказал Найт, — есть еще одна заковыка, над которой я ломал голову. Вы все его читали...

Мы согласно кивнули. Мы его не то что читали, мы его штудировали и зубрили. За время долгого путешествия на Стеллу IV мы не расставались с ним ни днем, ни ночью.

— В отчете изыскателей говорится о каких-то конусообразных предметах, — продолжал Найт. — Располагались они в ряд — ну, вроде пограничных столбов. Но видели они их только издалека и описались, как о явлении, не имеющем большого значения.

— Они о многом написали, как о не имеющем большого значения, — сказал Карр.

— Так мы ничего не добьемся, — пожаловался Мэк. — Одни разговоры.

— Если бы мы смогли поговорить с "тенями", — сказал Карр, — то, может быть, чего-то и добились бы.

— Но мы же не можем! — возразил Мэк. — Мы пробовали и так и сяк — как об стенку горох. Пробовали общаться и языком знаков, и с помощью пантомимы, извели уйму бумаги на диаграммы и рисунки — все абсолютно без толку. Джек сварганил этот свой электронный коммуникатор и испытал его на "тенях". А они просто сидели — все из себя довольные и дружелюбные — и смотрели на нас этим своим глазом, и вся недолга. Мы даже телепатию пробовали...

— Ну Мэк, тут ты не прав, — возразил Карр. — Телепатию мы не пробовали потому, что понятия не имеем, что это такое. Просто мы уселись в кружок, держась с ними за руки, и сосредоточенно думали. Ну и, конечно, опять же без толку. Они, наверно, восприняли это просто как игру.

— Послушайте, — взмолился Мэк. — Этот инспектор будет у нас не позже, чем через десять дней. Необходимо что-то придумать. Так что давайте-ка, ближе к делу.

— Если бы каким-нибудь образом удалось убрать "тени" подальше, — сказал Найт. — Если бы мы смогли их напугать так, что...

— Ты знаешь, как их напугать? — спросил Мэк. — Можешь хотя бы намекнуть, чего они больше всего боятся?

Найт отрицательно покачал головой.

— Первым делом, — сказал Карр, — нужно разобраться, что они собой представляют. Нужно узнать, что это за животное. Забавное животное — это мы знаем. У него нет ни рта, ни носа, ни ушей...

— Он просто невозможен! — взвыл Мэк. — Нету никакого такого животного.

— Но оно же существует, — возразил Карр, — и вполне благополучно. Нам нужно разобраться, как оно добывает пищу, как общается с себе подобными, каковы условия его обитания, каковы его реакции на различные раздражители. Нам ничего не удастся сделать до тех пор, пока мы не будем иметь хоть малейшее представление о том, с чем имеем дело.

— Надо было заняться этим гораздо раньше, — согласился Найт. — Конечно, кое-что сделать мы пытались, но всерьез душа у нас к этому не лежала. Нам слишком не терпелось поскорее приступить к реализации проекта.

— И куда как преуспеть в этом, — с сарказмом сказал Мэк.

— Прежде чем что-то исследовать, это что-то нужно иметь, — ответил я Найту. — Похоже, нам стоит попытаться прикинуть, как поймать "тень". Только сделаешь к ней резкое движение — как она исчезает.

Но даже произнося эти слова, я знал, что не совсем прав. Я вспомнил, как Гризи гонял свою "тень", охаживая ее сковородкой.

И тут мне припомнилось кое-что еще и меня буквально осенило, но я побоялся что-либо говорить. Какое-то мгновение мне и самому себе было страшно признаться в том, что пришло мне в голову.

— Нужно каким-то образом застать одну из них врасплох и "вырубить", прежде чем она исчезнет, — сказал Карр. — И делать это надо наверняка, ибо если мы попробуем и потерпим неудачу, то "тени" будут уже начеку и другого шанса мы лишимся.

— Никаких грубостей, — предупредил Мэк. — Нельзя совершать насилие, не зная, чем это обернется для тебя самого. Нельзя убивать, будучи неуверенным в том, что это не повлечет за собой твою собственную смерть.

— Никаких грубостей, — согласился Карр. — Если "тень" способна разнести вдребезги внутренности большой землеройной машины, мне не хотелось бы увидеть, что она может сделать с человеческим телом.

— Все надо провернуть мгновенно и наверняка, — сказал Найт, — а мы даже не знаем, что именно. К примеру, что будет, если

огреть ее по голове бейсбольной клюшкой, — клюшка отскочит или раздробит ей череп? И так на данный момент буквально во всем.

— Это верно, — кивнул Карр. — Газом отравить нельзя, потому что "тени" не дышат...

— А может, они дышат через поры, — предположил Найт.

— Очень даже может быть, но, прежде чем использовать газ, мы должны в этом убедиться. Можно вкатить одной из них паралитик, но какой препарат использовать? Можно попробовать гипноз...

— Насчет гипноза я сомневаюсь, — перебил Найт.

— А как насчет Дока? — спросил я. — Если удастся вырубить "тень", займется ли Док ее обследованием? Насколько я его знаю, он может поднять изрядный шум. Будет утверждать, что "тень" разумное существо и, пока не доказано обратное, исследовать ее было бы нарушением врачебной этики.

— Вы поймите "тень", а уж с Доком я разберусь, — мрачно пообещал Мэк.

— Будет много крика.

— С Доком я разберусь, — повторил Мэк. — Этот инспектор будет здесь что-то через неделю...

— Нам не обязательно разбираться со всем этим досконально, — сказал Найт. — Если мы сможем продемонстрировать инспектору, что находимся на верном пути, что прогресс — налицо, он должен бы сыграть за нашу команду.

Я сидел спиной к выходу и услышал, как кто-то неловко возится с входным клапаном.

— Заходи, Гризи, — пригласил Мэк. — Придумал что-нибудь толковое?

Гризи вошел и приблизился к столу. Край его фартука был заткнут за пояс брюк — как всегда, когда он не готовил, — а в руке он сжимал что-то непонятное. Он водрузил это что-то на стол.

У нас перехватило дыхание, а волосы на голове Мэка встали дыбом.

Это была одна из сумочек, которые "тени" носили на поясе.

— Где ты это взял? — потребовал ответа Мэк.

— У своей "тени", пока она не видела.

— Пока она не видела!

— Ну, вы понимаете, Мэк, дело было так. "Тень" вечно сует свой нос куда не надо. Я натыкаюсь на нее на каждом шагу. А сегодня утром она почти до половины сунулась в посудомоечную машину, а эта "авоська" болталась у нее на поясе. Ну я и взял кухонный нож и срезал эту штуку.

Поднявшись из-за стола, Мэк распрямился во весь свой рост, и

по его виду можно было судить, каких усилий ему стоило не ударить Гризи.

— Итак, это все, что ты сделал? — угрожающе спросил он низким голосом.

— Конечно, — ответил Гризи. — Тут нет ничего сложного.

— Ну да, ты просто отвлек ее пустой болтовней. Ты просто так, походя, совершил непоправимое...

— А может быть, и нет, — поспешил вставить Найт.

— Уж коль скоро урон нанесен, — сказал Карр, — стоило бы глянуть на содержимое. Может быть, там, внутри, мы найдем какой-то ключ?

— Я не смог ее открыть, — ворчливо пожаловался Гризи. — Пробовал и так и сяк — она вообще не открывается.

— А что делала "тень", пока ты пробовал? — спросил Мэк.

— Да она даже не заметила. Она засунула голову в посудомоечную машину... Эта "тень" глупа, как...

— Не говори так! Я не желаю, чтобы о "тенях" говорили, что они глупы. Может быть, это и так, но пока не доказано обратное, считать их глупыми не имеет смысла.

Найт приподнял сумку и стал крутить и вертеть ее в руках. При этом внутри сумки что-то позвякивало.

— Гризи прав, — сказал он. — Я что-то не вижу, как ее можно открыть.

— Убирайся! — гаркнул на Гризи Мэк. — Займись работой. И чтоб больше даже поползновений таких не было!

Гризи повернулся и вышел, но не успел он сделать и шага, как издал такой вопль, от которого кровь стынет в жилах.

Я едва не опрокинул стол, выскакивая наружу, чтобы посмотреть, что там еще случилось.

А происходило там всего лишь восстановление справедливости.

Гризи улететывал во все лопатки, а сзади на него наседали "тень" со сковородой в руке. И делая очередной шаг, она каждый раз опускала ее на Гризи, притом у нее это получалось ничуть не хуже, чем у повара.

Гризи кружил и петлял, пытаясь прорваться на кухню, но каждый раз "тень" его перехватывала и продолжала гонять по кругу.

Все побросали работу, чтобы поглазеть. Одни выкрикивали советы Гризи, другие — подбадривали "тень". Мне хотелось бы остаться и понаблюдать, но я знал, что, если я хочу осуществить свой замысел, — другого случая может не представиться. Я повернулся и поспешил вниз по улице к своей палатке. Нырнув в нее, схватил сумку для образцов и выбрался наружу.

Я увидел, что Гризи направился к складу с оборудованием, а

"тень" все также не отстает от него ни на шаг. Рука ее работала исправно, и сковорода ни разу не опустилась мимо цели.

Я побежал на кухню. Перед дверью я остановился и оглянулся назад. Гризи карабкался по стреле экскаватора, а "тень" поджидала внизу. Она помахивала сковородкой, как бы приглашая повара быть настоящим мужчиной и спуститься вниз. Всех занимало происходящее, и я был уверен, что никто меня не заметит.

Я открыл дверь на кухню и вошел внутрь.

Я опасался, что, возможно, столкнусь с трудностями при поисках, но с третьей попытки нашел то, что искал, на топчане под матрасом.

Достав грезоскоп, я сунул его в сумку и поспешил выскочить наружу.

В своей палатке я поставил сумку в угол, завалил ее старой одеждой и снова вышел.

Страсти потихоньку стихали. "Тень", зажав сковороду под мышкой, возвращалась в сторону кухни, а Гризи спускался со стрелы. Все мужчины толпились вокруг экскаватора, стоял дикий гомон, и я подумал, что пройдет немало времени, прежде чем ребята перестанут подтрунивать над поваром. В то же время я понимал, что в конечном счете он сам на это напророчился.

Вернувшись в палатку Мэка, я обнаружил там остальных. Все трое стояли возле стола, разглядывая то, что лежало на нем.

Сумка исчезла, а на ее месте осталась кучка безделушек. Глянув на них, я рассмотрел миниатюрные сковородки, кастрюли и другую утварь, с которой работал Гризи. И там же полускрытая всем этим торчала маленькая фигурка повара.

Я протянул руку и взял ее. Ошибки быть не могло — вылитый Гризи. Это была неправдоподобная тонкая резьба по камню. Прищурившись, я смог рассмотреть даже морщины на лице.

— Сумка просто исчезла, — сказал Найт. — Когда мы бросились наружу, она лежала здесь, а когда мы вернулись, она исчезла, а на столе валялось все это барахло.

— Не понимаю, — сказал Карр.

И он был прав — я тоже ничего не понимал.

— Не нравится мне это, — медленно сказал Мэк.

Мне это тоже не нравилось. В голове крутилось слишком много вопросов, а ответы на некоторые из них вызывали весьма неутешительные подозрения.

— Они делают модели наших вещей, — заключил Найт. — Вплоть до чашек и ложек.

— Я не придавал бы этому большого значения, — сказал Карр.
— А вот "модель" Гризи действительно меня волнует.

— Давайте-ка присядем, — предложил Мэк, — и не будем разбрасываться мыслями. Это как раз то, чего и следовало ожидать.

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы делаем, сталкиваясь с незнакомой культурой? То же самое, что и "тени". Другими методами, но цель та же. Мы пытаемся узнать об этой культуре все, что только можно. И не забывайте, что для "теней" мы не только чужая, но и захватническая культура. Поэтому, если они обладают хоть долей здравого смысла, то попытаются узнать о нас как можно больше и в кратчайшие сроки.

В этом, конечно, что-то было. Но мне казалось, что изготовление моделей с этой целью выходило за рамки необходимого. И если у них есть модели чашек и ложек, посудомоечной машины и кофеварки, тогда у них есть и модели землеройных машин, экскаваторов, бульдозеров и всего остального. А если у них есть модель Гризи, значит, у них есть модели Мэка, Торна, Карра и остальной команды, включая меня самого.

Интересно, насколько они правдоподобны? Насколько глубже простирается сходство с оригиналом, нежели просто внешне?

Я попытался не думать об этом, ибо и так запугал себя едва ли не до смерти.

Но я не мог остановиться. Я продолжал размышлять.

Они выводили из строя оборудование так, что механикам приходилось разбирать машины по частям, чтобы запустить их вновь. Почему "тени" этим занимались? Никакой другой причины, кроме как разобраться во внутреннем устройстве машин, похоже, не было. Любопытно, а что если модели машин совпадают с оригиналами на самом тонком, самом сложном уровне?

А если это так, то до какой степени совпадает с оригиналом фигурка Гризи? Есть ли у нее сердце и легкие, кровеносные сосуды, мозг и нервы? Не присущи ли ей черты характера Гризи, его мысли, манера поведения?

Не знаю наверняка, думали ли остальные в эту минуту о том же, но тревожный блеск их глаз говорил сам за себя.

Мэк пошевелил кучку пальцем, и миниатюрные предметы рассыпались по всей столешнице. А потом рука его дернулась и что-то выудила, в то время как лицо управляющего покраснело от гнева.

— Мэк, что это? — спросил Найт.

— Грезоскоп! — воскликнул Мэк, слова застревали у него в гортани. — Модель грезоскопа — вот что это такое!

Все сидели, широко раскрыв глаза, и я почувствовал, как меня прошиб холодный пот.

— Если у Гризи есть грезоскоп, — произнес Мэк деревянным голосом, — я сверну его грязную шею.

— Успокойся, Мэк, — сказал Карр.

— Ты знаешь, что такое грезоскоп?

— Конечно, знаю.

— Ты когда-нибудь видел, что делает грезоскоп с человеком, который им пользуется?

— Нет, никогда.

— А я видел, — Мэк бросил модель обратно на стол, повернулся и вышел из палатки. Остальные последовали за ним.

К нам в окружении посмеивающихся ребят приближался Гризи.

Мэк ждал, уперев руки в боки.

Гризи подошел к нам почти вплотную.

— Гризи! — обратился к нему управляющий.

— Да, Мэк?

— Ты прячешь у себя грезоскоп?

Гризи лишь моргнул, но не колебался ни секунды.

— Да что вы, сэр, — соврал он и без зазрения совести продолжил:

— Я даже понятия не имею, как он выглядит. Конечно, я о нем слышан, но...

— Мы заключим с тобой сделку, — перебил Мэк. — Если у тебя есть грезоскоп, ты мне его немедленно отдашь. Я его разобью, општрафую тебя на полную месячную зарплату, и мы обо всем забудем. Но если ты будешь мне лгать, и мы где-то найдем аппарат, я вышвырну тебя с работы.

У меня перехватило дыхание. Происходящее мне не нравилось, и я подумал, что за редкостное невезение — этому надо было случиться именно тогда, когда я стащил грезоскоп, хотя я был совершенно уверен, что никто не видел, как я шарил на кухне — по крайней мере я так считал.

Гризи упорствовал.

— У меня его нет, Мэк, — покачал он головой.

— Хорошо. — Лицо Мэка стало жестким. — Мы пойдем и посмотрим.

Он направился в сторону кухни, Найт и Карр пошли следом, но я поспешил к своей палатке.

Когда Мэк не найдет грезоскоп на кухне, с него станет обыскивать весь лагерь. Поэтому, чтобы не нажать себе на голову неприятностей, мне следовало улизнуть из лагеря, прихватив с собой грезоскоп.

Бенни, сидя на корточках, ждала меня возле палатки. Она помогла мне вывести роллер, после чего я взял сумку для образцов и пристроил ее в багажнике.

Я сел на роллер, а Бенни запрыгнула на багажник за моей спиной. Она покачивалась из стороны в сторону, пытаясь удержать равновесие подобно мальчишке, который едет на велосипеде без рук.

— Держись крепче, — резко сказал я. — Если свалишься, на этот раз останавливаться не буду.

Уверен, что она меня не слышала, тем не менее она обвила руками мою талию, и окруженные облаком пыли мы наконец-то отбыли.

Если вы не ездили на роллере, значит, вы ничего в этой жизни не испытали. Это все равно, что ехать на мотороллере по ровному береговому песку, только еще безопасней и надежней. Два больших резиновых пончика с двигателем и сиденьем посередине, которые могут, дай им волю, вскарабкаться и по отвесной стене. Слишком норовистые для цивилизованной езды, но то, что нужно, для неосвоенной чужой планеты.

Мы двинулись по равнине в сторону отдаленных сопок. День был прекрасным, хотя с точки зрения погоды на Стелле IV все дни были прекрасными. Идеальная планета земного типа — отличная погода круглый год, неисчерпаемые природные ресурсы, отсутствие опасных животных и смертоносных вирусов — она буквально молила о том, чтобы кто-нибудь пришел и заселил ее.

Наступит время, и так оно и произойдет. Как только будут здесь возведены административный центр и жилые дома, построены дамбы и магазины, завершена электростанция — сюда придут люди. А по прошествии лет сектор за сектором, коммуна за коммуной человеческая раса распространится по всему лицу планеты. Но делаться все это будет планомерно.

Здесь не будет неудачников, которые волей-неволей на свой страх и риск устремляются в пограничье — на ближние планеты, где смерть настигает их раньше, чем сбываются надежды: никаких спекулянтов, никаких погонь за золотым тельцом, никаких разорений дотла. Здесь будет не пограничье, а планомерное освоение. И здесь в кои веки впервые с планетой будут обращаться нормально.

Но дело даже не только в этом, сказал я себе.

Если Человек и дальше намерен осваивать космос, он должен взять на себя ответственность за правильное использование природных ресурсов, которые он там найдет. Простой факт, что их очень много, не оправдывает никакое разбазаривание. Мы уже не дети, и нам нельзя поганить каждый мир, как это было сделано с Землей.

К тому времени, когда разум становится способным завоевать космос, он должен быть взрослым. Теперь настало время человеческой расе доказать, что она повзрослела. Мы не можем опустошить Галактику, как орда жадных детей.

Мне казалось, что освоение этой планеты должно стать одним из многих доказательств, чего стоит на самом деле раса Человека.

Однако если мы хотим, чтобы дело было сделано, если мы вообще хотим что-то доказать, то существует проблема, которую надо решить в первую очередь. Если "тени" являются причиной всех наших неурядиц, то необходимо как-то их остановить. Причем не просто остановить, а понять их самих и мотивацию их поведения. Ибо как можно бороться с тем, спросил я себя, чего ты не понимаешь?

А чтобы понять "тени" — там, в палатке, мы сошлись на этом, — необходимо разобраться, что они представляют собой физически. С этой целью одну из них надо "сцапать". И сделать это четко — ведь если первая попытка не удастся, это насторожит "тени" и второго случая может и не быть.

А вот с грезоскопом, подумал я, попытка будет беспроектной. Если я попробую использовать грезоскоп, но он не сработает, то хуже от этого никому не станет. Это будет неудача, которую никто не заметит.

Мы с Бенни пересекли равнину и подъехали к сопкам. Я направился к месту, которое называл "садом". Не потому, что оно было садом в полном смысле этого слова, а потому, что в этом районе было много плодовых деревьев. Я все собирался добраться сюда и провести тесты с фруктами на их пригодность для человека.

Мы домчались до сада, я припарковал роллер и осмотрелся. И сразу же заметил, что тут что-то изменилось. Когда я был здесь около недели назад, деревья ломились под тяжестью плодов, которые, казалось, почти созрели. Теперь же фрукты исчезли.

Я шмыгнул под деревья посмотреть, не осыпались ли плоды, но там оказалось пусто. Было похоже на то, как если бы кто-то пришел и собрал урожай.

Мне стало интересно, уж не дело ли это "теней", хотя я знал наверняка, что им плоды не нужны. "Тени" не едят.

Я не стал доставать грезоскоп сразу, а уселся под дерево, чтобы перевести дух и немного поразмышлять.

С того места, где я сидел, был виден лагерь. Любопытно, что предпринял Мэк, когда не нашел грезоскоп? Я мог представить, как он выходит из себя. И мог представить себе вздохнувшего с облегчением Гризи, который ломает голову, куда мог подеваться грезоскоп, и даже пеняет Мэку за подозрения.

У меня появилось чувство, что не стоит появляться в лагере по

крайней мере до обеда. Возможно, к этому времени Мэк немного поостынет.

Я подумал о "тнях".

Жалкие дикари, как сказал Торн. Однако они были отнюдь не дикарями. Они были истинными леди (или джентльменами — Бог их знает, какого они пола, если не обоих сразу), а настоящие дикари — отнюдь не леди и не джентльмены по ряду самых основополагающих пунктов. Тени же были умыты, здоровы и хорошо воспитаны. Они обладали определенной культурой поведения. Больше всего они походили на группу цивилизованных туристов, правда, без обычного снаряжения.

Вне всяких сомнений, они скрупулезно нас изучали. Они хотели знать о нас все, что только можно, но зачем им это было нужно? Какой им толк от горшков и сковородок, землеройных машин и всего прочего?

Или они просто прикидывали, как посподручней будет нас извести?

И была еще масса вопросов.

Где они шатаются все остальное время?

Как они исчезают, а когда исчезают, то куда?

Как они питаются и дышат?

Как они общаются между собой?

По чести говоря, признался я себе, "тени" несомненно знают о нас гораздо больше, чем мы о них. Ибо наш список на проверку оказался бы весьма жидковат.

Я еще немного посидел под деревом, в голове роились мысли, но толку от этого было мало. Встав на ноги, я подошел к роллеру и достал грезоскоп.

Я впервые держал аппарат в собственных руках, и мне было интересно и слегка не по себе — с такой вещью не до шуток.

С виду штуковина выглядела просто — коробочка с двумя окулярами и множеством верньеров по бокам и сверху.

Смотришь в нее и регулируешь, пока не получишь желаемую картину. Затем как бы переступаешь через порог и живешь той жизнью, которую обнаруживаешь внутри, — той самой жизнью, которую ты выбрал с помощью настройки. А выбирать было из чего, ибо верньерами можно набрать миллионы комбинаций — от прозрачной мишуры роскошной жизни до самых невообразимых кошмаров.

Естественно, грезоскопы были вне закона — это было хуже алкоголя или наркотиков, хуже самого страшного зла, когда-либо

обрушивавшегося на человека. Они травмировали психику, калечили души и затягивали навсегда. Когда человек обретал привычку, а сделать это было весьма просто, он был уже не способен ее преодолеть. Остаток жизни он проводил, пытаясь отделить события собственной жизни от фантазий, уходил от реальности все дальше и дальше, пока все вообще не становилось для него ирреальным.

Я присел на корточки рядом с роллером и попытался разобраться в верньерах. Их было тридцать девять, все пронумерованы от 1 до 39, и я задумался, что бы могли означать эти цифры.

Бенни подошла, сторбилась надо мной и, коснувшись моего плеча, стала наблюдать, чем я занимаюсь.

Я задумался над цифрами, но толку от этого не было. Существовал лишь один способ добиться того, чего я хотел. Поэтому я выставил все верньеры на "ноль", а затем щелкнул на пару делений номером первым.

Я знал, что на самом деле с грезоскопом так не обращаются. Следовало установить определенные верньеры на определенные цифры, перемешав различные факторы в соответствующей пропорции так, чтобы добиться желаемого образа жизни. Но мне это было не нужно. Все, что я хотел узнать, так это, чем управляет тот или иной верньер.

Потому-то я и перевел первый номер на пару делений и поднес грезоскоп к глазам... И вернулся в поле своего детства — неправдоподобно зеленое, над ним простиралось голубое небо цвета старого застиранного шелка, а неподалеку журнал ручей и порхали бабочки.

Более того, казалось, что этот день никогда не кончится, это место не знало, что такое время, а солнечный свет был ярким отблеском детского счастья.

Я буквально чувствовал прикосновение травы к босым ногам, видел, как солнце отражается в водной ряби ручья. Это было самым трудным в моей жизни, но я это сделал — я оторвал грезоскоп от лица.

Я сидел на корточках, держа аппарат на коленях. Мои руки дрожали от искушения поднести его к глазам и еще раз посмотреть на картины давно утраченного детства, но я заставил их не делать этого.

Номер первый оказался не тот, что был мне нужен, и я вернул его в исходное положение. А поскольку увиденное мною было самым далеким от того, что я искал, я перевел на несколько делений номер тридцать девятый.

Я уже было наполовину поднес грезоскоп к лицу, как вдруг

испугался. Опустив его, я немного посидел, набираясь мужества. Затем снова его поднял и поднес к глазам, и меня захлестнул ужас, пытавшийся затянуть мой разум в какой-то омут.

Я не могу этого описать. Не могу сейчас вспомнить даже отдельные фрагменты того, что увидел. Скорее даже не увидел, а почувствовал. Это были только эмоции — сюрреалистические образы всего самого отвратительного и отталкивающего и в то же время сохраняющего гипнотическую притягательность, которая не давала оторваться от происходящего.

Потрясенный, я отдернул грезоскоп от лица и застыл. Какое-то мгновение в голове было абсолютно пусто, лишь остатки страха напоминали о пережитом кошмаре.

Постепенно они исчезли, я снова сидел на корточках на склоне холма, а сгорбившаяся "тень" касалась плечом моего плеча.

Страшная вещь, подумал я, врагу не пожелаешь, не то что "тени". Всего лишь два деления — и такой ужас; включенный на полную мощность, он просто разрушит чей-то мозг.

Бенни протянула руку, чтобы взять у меня грезоскоп. Я отдернул его в сторону, но она продолжала цепляться. Времени для размышлений оставалось немного.

Я сказал себе, что это как раз то, чего я добивался. С той лишь разницей, что назойливость Бенни облегчала осуществление моего плана.

Я подумал обо всем, что зависело от поимки "тени". Подумал и о собственной душе в том случае, если по приезде инспектор нас выгонит и пришлет другую команду. Такие планеты на дороге не валяются, и второго такого шанса у меня может и не быть.

Поэтому я крутанул пальцем тридцать девятый верньер до упора и отдал грезоскоп Бенни.

Уже сделав это, я вдруг засомневался, сработает ли мой план или я просто строю замки на песке. Может и не сработать, подумал я, ведь аппарат сделан человеком, рассчитан на человека, настроен на человеческую нервную систему и ее реакции.

И тут же понял, что не прав, что принцип действия грезоскопа основан не только на электронике, но и на реакциях мозга и организма его пользователя — он был спусковым крючком, который высвобождает величие и красоту, страхи и ужасы, заключенные в сознании пользователя. И страх для "тени", хотя, возможно, и в другой форме, обличье и проявлениях, останется страхом точно так же, как и для человека.

Бенни подняла грезоскоп к единственному огромному глазу и наклонила голову, чтобы заглянуть в объектив. Тут я увидел, как

она дернулась и застыла. Подхватив падающее тело, я осторожно опустил его на землю.

Я стоял над ней, испытывая триумф и гордость — и, возможно, отчасти жалость — за содеянное. Сыграть подобную шутку с собственной "тенью", которая лишь минуту назад сидела рядом плечом к плечу с тобой.

Я опустился на колени и перевернул ее. Она оказалась совсем не тяжелой, чему я был рад, так как нужно было погрузить ее на роллер и гнать в лагерь на максимальной скорости, ибо предсказать, сколько еще времени она пробудет в подобном состоянии, было невозможно. Я подобрал грезоскоп, пристроил его в багажник и стал искать веревку или провод, чтобы привязать к роллеру Бенни.

Не знаю, послышался мне шум или нет. Я склонен думать, что никакого шума не было — какое-то внутреннее чувство тревоги заставило меня обернуться.

Бенни стала деформироваться под собственной тяжестью. На мгновение меня охватила дикая паника. Я подумал, что она умерла, что она не выдержала шока от ужаса, обрушившегося на нее из грезоскопа.

И тут я вспомнил слова Мэка о том, что нельзя кого-то убивать, не зная наверняка, не повлечет ли за собой убийство твою собственную смерть.

Если Бенни умрет, то на наши головы могут обрушиться все небесные кары.

Если она умирала, то происходило это весьма любопытным образом. Какие-то части тела проваливались внутрь, какие-то рассыпались на мелкие кусочки, а какие-то превращались во что-то, напоминающее прах. В конце концов от самой Бенни не осталось и следа. Лежала лишь сбруя с сумкой и драгоценным камнем. Наконец и сумка исчезла, а на ее месте появилась горсть побрякушек, рассыпавшихся по земле.

И было там еще кое-что...

Там остался лежать глаз Бенни. Глаз являлся основанием конуса, который был встроен в голову Бенни.

Я вспомнил, что команда изыскателей видела похожие конусы, но не смогла к ним приблизиться.

Я был настолько испуган, что не мог двинуться с места. Я стоял и смотрел, а мое тело постепенно покрывалось гусиной кожей.

Ибо Бенни не была разумным существом. Она была всего лишь орудием в руках каких-то разумных существ, которых мы никогда не видели и даже представить себе не могли, кто они такие.

В моей голове мелькали самые разные предположения, но все они были порождением охватившей меня паники и исчезали так быстро, что я не мог сосредоточиться ни на одном.

Но что было ясно как Божий день — эти инопланетяне, которым "тени" служили авангардом, было более чем разумны. Как мудро было с их стороны выслать нам навстречу что-то не только отдаленно напоминающее человека, но и способное вызвать жалость, презрение, гнев — только не страх. Жалкое маленькое существо — карикатура на человека, — глупое настолько, что не способно даже говорить. И в то же время достаточно чуждое, чтобы вызвать озадаченность, чтобы загнать нас в тупик по множеству важных пунктов и отбить всякую охоту даже пытаться что-либо прояснить.

Я бросил быстрый взгляд через плечо и втянул голову; если бы хоть что-нибудь шевельнулось, я задал бы стрекача, как испуганный кролик. Но ничто не шевелилось. Ничто даже не шелохнулось. Кроме собственных мыслей, бояться мне было нечего.

Но я чувствовал настоятельное желание побыстрее отсюда убираться. Опустившись на четвереньки, я стал собирать останки Бенни.

Я сгреб кучку безделушек и драгоценный камень и засунул все в сумку вместе с грезоскопом. Затем я вернулся и подобрал глядящий на меня единственным глазом конус. Было видно, что глаз мертв. Конус был скользкий, на ощупь вроде бы из металла, тяжелый и неудобный, так что я потратил изрядное время, прежде чем ухватился за него как следует. Наконец я впикнул его в сумку и отбыл в лагерь.

Я несся так, словно за мной гнались черти. В мою душу закрался страх, и я выжимал из роллера все, что можно.

Ворвавшись в лагерь, я направился к палатке Мэка, но прежде чем туда попасть, обнаружил, что, похоже, вся команда сооружает самое хитроумное устройство, которое только кто-либо когда-либо мог себе представить. Это было скопище шестеренок, эксцентриков, колес, цепных передач и всякой всячины, размещенное на территории, которая там, дома, выглядела бы съемочной площадкой приличных размеров.

Сбоку возле сооружения стоял Торн и, покрикивая то на одного, то на другого, руководил работой. Я видел, что он доволен собой — это было в его духе.

Я затормозил роллер рядом с ним и опустил ногу, удерживая равновесие.

— Что происходит? — спросил я.

— Мы готовим для них сюрприз, — ответил он. — Мы собираемся свести их с ума.

— Их? Ты имеешь в виду "тени"?

— Им нужна информация, не так ли? — Торн был полон энтузиазма. — Они путаются под ногами днем и ночью, прямо шагу нельзя ступить, вот теперь мы и дадим им кое-что, что отвлечет их внимание.

— Но что эта штукавина делает?

— А ничего. — Торн насмешливо прищмокнул. — В том-то и вся прелесть.

— Ладно, — сказал я, — надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Мэку известно о том, что происходит?

— Мэк, Карр и Найт — те великие умы, которые все это придумали, — сообщил он. — Я всего лишь исполнитель.

Подъехав к палатке Мэка, я припарковал роллер. Хозяин явно был дома, ибо из палатки доносились звуки ожесточенного спора.

Я взял сумку, вошел в палатку и направился к столу. Перевернув сумку, я вывалил ее содержимое.

У меня совершенно вылетело из головы, что вместе с "останками" Бенни там лежит грезоскоп.

Теперь ничего не поделаешь. Грезоскоп во всей своей наготе лежал на столе, и в палатке повисла мертвая тишина. Я видел, что через мгновение Мэк взорвется.

Он уже набрал в грудь воздух, но я его опередил.

— Заткнись, Мэк, — набросился я на него. — Не хочу тебя даже слушать.

Видимо, он растерялся, потому что, посмотрев на меня глупым взглядом, медленно выпустил воздух. Карр и Найт так и застыли на своих местах. Вокруг по-прежнему царила мертвая тишина.

— Это была Бенни, — сказал я, кивнув на стол. — Все, что от нее осталось. Это сделал один взгляд в грезоскоп.

Карр слегка пошевелился.

— Но грезоскоп! Где только мы...

— Я знал, что у Гризи он есть, и, когда мне в голову пришла идея, я его стащил. Вспомните, мы говорили о том, как поймать "тень"...

— Я готов предъявить тебе обвинения! — взревел Мэк. — Я устрою над тобой показательный суд! Я готов...

— Ты готов заткнуться, — сказал я ему. — Ты готов тихо сидеть и слушать, иначе я вышвырну тебя отсюда, как пустую консервную банку!

— Пожалуйста! — попросил Найт. — Джентльмены, пожалуйста, ведите себя прилично.

Если он стал называть нас джентльменами, значит, и вправду запахло жареным.

— Мне кажется, — сказал Карр, — что история с грезоскопом несколько перестала иметь значение, коль скоро Боб нашел для него полезное применение.

— Давайте-ка присядем, — призвал нас Найт, — и, может быть, сосчитаем до десяти. А потом Боб расскажет, что у него на уме.

Это было стоящее предложение. Мы все сели, и я поведал о том, что произошло. Они сидели, слушали и глазели на барахло, особенно на конус, который лежал на боку, откатившись к краю стола, и смотрел на нас мертвым рыбьим глазом.

— Эти "тени", — закончил я, — вовсе не живые существа. Они всего лишь какие-то шпионские устройства, засланные к нам кем-то еще. Все, что необходимо, так это заманить "тени" по одной к грезоскопу и дать им посмотреть в него, установив тридцать девятый верньер на максимум, и...

— Это не решение вопроса, — сказал Найт. — Они будут присылать новые с той же скоростью, с какой мы их будем уничтожать.

— Не думаю. — Я покачал головой. — Какой бы искусной ни была эта чужая раса, вряд ли они управляют "теньями" телепатически. Бьюсь об заклад — здесь не обошлось без машин. И у меня такое предчувствие, что, когда мы уничтожаем "тень", мы выводим из строя какую-то машину. А если мы ломаем достаточное количество, то обеспечим их хозяевам такую головную боль, что они наконец-то перестанут скрываться. Вот тогда-то и можно будет наладить торговый обмен.

— Боюсь, ты не прав, — отозвался Найт. — Эта раса прячется, я бы сказал, по вынужденной причине. Возможно, они создали подземную цивилизацию и никогда не выходят на поверхность из-за враждебной для них окружающей среды. Наверно, они следят за тем, что происходит на поверхности, с помощью этих своих конусов. А когда здесь появились мы, они придали им форму, слегка напоминающую человека — что-то, что мы заведомо примем, — и послали их посмотреть на нас поближе.

Мэк поднял руки и потер ими голову.

— Не правятся мне эти прятки. Я люблю играть в открытую — я вижу их удары, они видят мои. По мне, так было бы гораздо лучше, если бы "тени" оказались настоящими инопланетянами.

— Я не согласен с твоей мыслью о подземных жителях, — сообщил Карр Найту. — Мне кажется, невозможно создать такую

цивилизацию, если живешь под землей. Ты будешь изолирован от всех природных явлений и не...

— Хорошо, — перебил Найт, — а что можешь предложить лично ты?

— Может быть, они умеют перемещать материю на расстояние — факты, как вы знаете, это подтверждают. А это означает, что им вовсе необязательно путешествовать по поверхности планеты, они могут перемещаться с места на место за считанные секунды. Тем не менее им необходимо знать, что здесь происходит, поэтому в качестве глаз и ушей они используют что-то вроде телевизионных радарных систем...

— Слушайте, шутники, — неодобрительно возразил Мэк, — вы все ходите по кругу. Вы даже не подозреваете, на каком вы сейчас небе.

— Полагаю, это знаешь ты? — съязвил Найт.

— Нет, не знаю, — согласился Мэк. — Но я достаточно честен, чтобы прямо это признать.

— Полагаю, Карр и Найт слишком увлеклись, — сказал я. — Возможно, эти инопланетяне будут прятаться до тех пор, пока не разберутся, кто же мы такие, можно ли нам доверять или лучше турнуть нас с планеты.

— Ладно, — сказал Найт, — что бы вы там ни говорили, но нужно признать, что, вероятнее всего, им известно про нас практически все — уровень техники, наши цели, физиология и даже, возможно, язык.

— Они знают слишком много, — сказал Мэк. — Это начинает меня пугать.

У входа в палатку поскреблись, и в проеме появилась голова Торна.

— Послушай, Мэк, — сказал он, — у меня идея. Как насчет того, чтоб вокруг нашей штуковины установить оружие? Когда "тени" столбятся около нее...

— Никакого оружия, — твердо отрезал Найт. — Никаких ракет. Никаких электрических ловушек. Делайте только то, что вам сказано. Как можно больше суетитесь. Как можно больше показной деловитости. Но не более того.

Найт обратился ко мне:

— Мы не надеемся, что это продлится достаточно долго, но может отвлечь их на недельку-другую, чтобы мы смогли спокойно поработать. А когда уловка себя исчерпает, мы сварганим что-нибудь еще.

Все это, конечно, хорошо, подумал я, но особого воодушевления идея во мне не вызывала. В лучшем случае мы выиграем время,

но не более того. И то только в том случае, если нам удастся их обмануть. А я почему-то вовсе не был в этом уверен. Десять против одного, что они раскусят наши хитрости в первую же минуту после запуска машины.

Мэк встал и обошел стол. Он взял конус и сунул его под мышку.

— Отнесу его в мастерскую, — пояснил он. — Может быть, ребятам удастся разобраться, что это такое.

— Я могу и так тебе сказать, — вмешался Карр. — Эту штуку инопланетяне используют для управления "тенями". Помнишь конусы, которые видели изыскатели? Это один из них. Скорее всего это сигнальное устройство, способное передавать информацию на базу или куда там еще.

— Все равно, — сказал Мэк, — мы распилим его и посмотрим, что там находится.

— А грезоскоп? — спросил я.

— Об этом я позабочусь.

Я протянул руку и взял аппарат.

— Ну уж нет! Ты относишься к этому типу слепых фанатиков, которые берут и просто разбивают...

— Но ведь хранить его — незаконно! — запротестовал Мэк.

— Вовсе нет, — поддержал меня Карр. — Отныне это инструмент, оружие, которое мы можем использовать.

Я передал грезоскоп Карру.

— Пригляди за ним. Положи в надежное место. Он нам может еще пригодиться.

Я собрал побрякушки из сумки Бенни, ее драгоценный камень и ссыпал все в карман своей куртки.

Мэк с конусом под мышкой ушел в мастерские. Остальные выползли из палатки, ощущая после всего случившегося легкую дрожь в коленях.

— Гризи может от него достаться, — беспокоился Найт.

— Я поговорю с Мэком, — сказал Карр. — Я постараюсь его убедить, что Гризи, притащив сюда аппарат, возможно, оказал нам услугу.

— Думаю, — сказал я, — мне надо рассказать повару, что случилось с грезоскопом.

— Не надо, — покачал головой Найт, — пусть немного попотеет. Ему это будет полезно.

Вернувшись в свою палатку, я попытался заняться кое-какими бумагами, но никак не мог заставить себя сосредоточиться. Полагаю, я был перевозбужден, напуган тем, что потерял Бенни, меня отвлекали мысли о ситуации, сложившейся вокруг всей этой истории с "тенями".

Мы дали им правильное название, хотя они являлись несколько большим, чем просто тенью, — они были в своем роде нашим отражением. Но даже зная, что это замаскированные шпионские устройства, мне было трудно думать о них, как о чем-то неодушевленном.

Конечно, это были не более чем конусы, а конусы, в свою очередь, являлись не более, чем наблюдательными устройствами тех существ, которые прятались где-то на этой планете. В то время как, возможно, в течение тысячелетий конусы вели наблюдения, их создатели скрывались где-то еще. А может быть, конусы были не только наблюдателями, но и сеятелями, и сборщиками урожая, доставляющими дары дикой природы к столу своих таинственных хозяев. Более чем вероятно, что именно конусы собрали урожай фруктов в "саду".

Но если здесь существовала цивилизация, если другая раса имела преимущественное право на планету, то как быть с притязаниями Земли? Означало ли это, что мы должны не солоно хлебавши покинуть планету земного типа, одну из тех немногих, что удалось найти за столько лет исследования космоса.

Я сидел за секретером и размышлял о наших планах, о проделанной работе, о средствах, уже вложенных в проект, хотя это было и каплей в море капиталовложений, необходимых для превращения планеты во вторую Землю.

Здесь, в центральном поселке, мы только-только завершили нулевой цикл. Но уже через несколько недель корабли начнут доставлять сталепрокатное оборудование. И уже только эта задача сама по себе была грандиозной: привезти и смонтировать оборудование, добыть руду и выплавить металл, наконец, запустить прокатные станы. Но это было бесконечно проще и легче, чем тащить металл, необходимый даже только для поселка, с самой Земли.

Мы не могли позволить, чтобы все наши усилия рассыпались прахом. После всех этих лет подготовки и исследований, учитывая огромную потребность Земли в новом жизненном пространстве, мы не могли просто так бросить Стеллу IV. И в то же время мы не могли игнорировать преимущественное право. Если эти существа, когда они наконец объявятся, скажут, что они не хотят, чтобы мы здесь оставались, мы будем лишены выбора. Мы будем просто обязаны покинуть планету.

Но прежде чем они нас выкинут отсюда, они, конечно, оберут нас до нитки. Несомненно, многие наши вещи окажутся мало пригодными для инопланетян, но некоторые из изобретений будут иметь для них огромное значение. Двусторонний контакт между разными цивилизациями выгоден для любой расы. Но контакт, который

установили эти инопланетяне, был целиком односторонним — информация шла только в их сторону.

Про себя я назвал их просто бандой космических жуликов.

Я достал из кармана предметы, оставшиеся после Бенни, высыпал на секретер и стал сортировать. Там были макет сектора, роллер, секретер, моя маленькая книжная полка, карманные шахматы и копии прочих личных вещей.

Там было все, кроме меня самого.

Тень Гризи таскала с собой фигурку повара. Я своей фигурки не нашел и немного обиделся на Бенни. Могла бы сделать лишнее усилие и изготовить мою статуэтку.

Перебирая копии, я еще раз задумался о том, до каких пределов они совпадают с оригиналом. Может быть, это не модели, а образцы? Возможно, сказал я себе, давая волю воображению, каждая из этих маленьких моделей содержит какой-то код — полный анализ и описание предмета, который она представляет. Человек, анализируя и исследуя, запишет все данные, зафиксирует особенности объекта с помощью символов на двух-трех листочках бумаги. Может быть, эти модели являются эквивалентом нашей записной книжки, своеобразным способом записи.

Я задумался о том, как же они пишут, то есть как они изготавливают модели, но никакого ответа не придумал.

Оставив попытки заняться работой, я вышел из палатки. Поднялся на небольшой взгорок, где Торн с командой строили свою "мухоловку" для "теней".

Они вложили в ее создание массу труда и изобретательности, но смысла — впрочем, как это и было задумано, — в ней не было никакого.

Если удастся отвлечь "тени" этим хитроумным устройством на достаточно долгое время, может быть, они оставят нас в покое и мы сможем немного поработать.

Торн и компания притащили из мастерской полдюжины запасных моторов и установили их как источники энергии. Очевидно, они использовали почти все запасные части, которые только можно было найти. В бессмысленную конструкцию были соединены оси и шестерни, эксцентрики и поршни — самые разные передачи и устройства. Тут и там они установили что-то наподобие панелей управления, которые, конечно же, ничем не управляли, но были так напичканы самыми разнообразными лампочками и циферблатами, что походили на рождественские елки.

Я стоял неподалеку и наблюдал, пока Гризи не зазвонил на обед. Вместе со всеми я потрусил в сторону кухни.

Ребята громко переговаривались и шутили, но никто не терял

времени даром. Заглотив свои порции, они поспешили обратно к "мухоловке".

Перед самым закатом они ее запустили, и это было самое бессмысленное переплетение крутящихся и движущихся деталей, которое кто-либо когда-либо видел. Оси бешено вращались, казалось, миллион шестеренок цеплялись друг за друга зубьями, эксцентрики равномерно вихляли, а поршни сновали верх-вниз, вверх-вниз.

Все было отполировано до блеска и работало как часы; при этом ничего, кроме движения, не производилось, но сам процесс зачаровывал даже человека. Я обнаружил, что стою как прикованный на одном месте, поражаясь плавности и точности хода и убийственной бесцельности рокового изобретения.

А в это время на фальшивых пультах управления сверкали и вспыхивали лампочки, которые последовательно перемигивались то порядно, то целыми группами. При попытке уловить в этом какую-то закономерность глаза начинали слезиться.

"Тени" глазели на происходящее еще с начала монтажа, а теперь они расположились совсем близко и замерли, сомкнувшись плотным кольцом.

Я обернулся — прямо за мной стоял Мэк. Он удовлетворенно потирал руки, а лицо его радостно светилось.

— Все как по маслу, — сказал он.

Я согласился, но у меня были кое-какие сомнения, которые я не смог бы точно выразить.

— Мы добавим еще огня, — сказал Мэк, — так, чтобы они видели их днем и ночью. Считай, что мы их накололи.

— Думаешь, они здесь останутся? — спросил я. — Думаешь, они не догадаются?

— Ни в коем случае.

Я вернулся к себе, налил изрядную порцию выпивки и уселся на стул перед входом в палатку.

Кто-то из мужчин растягивал кабель, кто-то подвешивал к нему гирлянды из лампочек, а с кухни доносилось грустное пение. Мне стало жаль Гризи.

Возможно, Мэк и прав, признался я себе. Наверно, нам удалось соорудить ловушку, способную отвлечь "тени". Что еще, кроме магии чистого движения, могло заставить их оставаться на месте? Она производила завораживающее впечатление даже на человека, и можно было только гадать, какое впечатление она производит на чужое сознание. Несмотря на очевидно высокий технический уровень инопланетян, вполне возможно, что их развитие шло по пути, отличному от земного, и вращающееся колесо, спящий поршень или мягкий блеск металла были для них нове.

Я попытался представить себе технологию, не использующую движение, но подобное просто не укладывалось в голове. И именно по такой же причине мысль о нашей машине могла просто не укладываться в голове инопланетянина.

Пока я так сидел, на небе появились звезды; к счастью, никто не забрел ко мне поболтать — хотелось побыть одному.

Через некоторое время я зашел в палатку, выпил еще стаканчик и решил ложиться спать.

Я снял куртку и бросил ее на секретер. Раздался глухой стук, и как только я его услышал, я уже знал, что это такое. Я совершенно забыл, что "алмаз", который остался от Бенни, я тоже засунул в куртку. Пошарив в кармане, я достал его наружу, все время опасаясь, не разбил ли я хрупкую вещь. С камнем действительно было что-то не в порядке — каким-то образом его перекосило. Лицевая поверхность отошла от остальной части, и я увидел, что это просто-напросто крышка от ящичка.

Я положил мнимый алмаз на секретер, сдвинул крышку до конца, и там, внутри ящичка, обнаружил самого себя. Фигурка была закреплена в каком-то причудливом приспособлении и ничем не уступала в изяществе фигурке Гризи.

Я испытал что-то вроде гордости и удовлетворения. В конце концов, Бенни про меня не забыла!

Я долго сидел, разглядывая фигурку и пытаюсь разобраться в механизме. Я внимательно изучил "алмаз" и наконец разрешил загадку.

Это был вовсе никакой не алмаз — это была фотокамера. С той лишь разницей, что снимки они делали не плоские, а объемные. И, конечно же, именно таким способом "тени" изготавливали модели. Хотя, может быть, это были и не просто модели, а именно образцы.

Я разделся и лег поверх спального мешка, уставившись в полотно палатки. Постепенно фрагменты стали складываться в ясную картину, и она была прекрасной. Прекрасной, естественно, для инопланетян. Мы выглядели как скопище дураков.

С помощью конусов инопланетяне наблюдали за изыскателями, но не позволяли к ним приблизиться. А когда прилетели мы, они были к этому уже готовы. Они замаскировали конусы под что-то, что не испугало бы нас, а скорее рассмешило. И это был самый надежный способ, какой только можно придумать, — подослать жертве что-то чуть-чуть смешное. Ибо кто будет придавать значение выходкам клоуна.

Нам дали волю, а клоун был во всеоружии, и к тому времени, когда мы проснулись, нас уже осмотрели и навесили бирки.

А что они предпримут дальше? Будут придерживаться какой-то

своей программы, продолжать наблюдение, пока не высосут до дна все, что мы можем предложить?

А когда они будут готовы, когда они получают все, что хотели, или решат, что получили, они появятся и покончат с нами.

Я был слегка напуган и зол, чувствовал себя изрядным простофилей, и все это наводило на грустные мысли.

Мэк обманывал сам себя, считая, что решил проблему с помощью своей "мухоловки". Оставались нерешенными другие вопросы. Так или иначе, но было необходимо выследить этих инопланетян и вмешаться в их маленькие игрища.

Как-то незаметно я уснул и тут же проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо и орал в ухо, чтобы я вставал.

Я присел на кровати и увидел, что это Карр. Он нес что-то нечленораздельное. Указывая на вход, он промышчал невнятно насчет забавного облачка, и большего я от него добиться не смог. Пришлось влезть в штаны и ботинки и выйти с ним наружу. Мы припустили к вершине холма. Рассвет только начинался. "Тени" по-прежнему располагались вокруг "мухоловки", а толпа мужчин стояла рядом, глядя на восток.

Мы протолкались вперед и увидели облако, о котором тараторил Карр. Оно было уже довольно близко и плыло медленно и торжественно над равниной. Над ним летела серебристая сфера, которая сверкала и поблескивала в первых лучах солнца.

Больше всего облако походило на кучу хлама. Я видел, как из него торчит что-то похожее на стрелу, тут и там были видны какие-то колеса. Я попытался рассмотреть, что же это такое, но так и не смог, а облако все приближалось и приближалось.

Слева от меня стоял Мэк, я попытался с ним заговорить, но он не отвечал. Совсем как Бенни — он не мог мне ответить. Он был загнипнотизирован.

Чем ближе было облако, тем фантастичней и неправдоподобней оно становилось. Ибо теперь уже не вызывало сомнений, что эта груда техники — точно такое же оборудование, как и у нас. Там были тракторы и землеройные машины, экскаваторы и бульдозеры, а между крупными агрегатами находились всевозможные устройства меньшего размера.

Еще через пять минут облако хлама зависло почти над нами и стало медленно опускаться. Мы наблюдали, как оно коснулось грунта — мягко, почти без стука, хотя и заняло два или три акра. За крупным оборудованием просматривались палатки, чашки и ложки, столы, стулья и скамейки, пара ящиков виски и какое-то исследо-

вательское оборудование. Мне показалось, что там есть почти все, что было у нас в лагере.

Когда все это приземлилось, маленькая серебристая сфера тоже опустилась и направилась к нам. Она остановилась на некотором расстоянии, и Мэк двинулся в ее сторону. Я последовал за ним. Красн глаза я увидел, что Карр и Найт тоже пошли вперед.

Мы остановились в четырех-пяти футах от нее, и теперь было видно, что сфера — это какой-то защитный костюм. Внутри сидел маленький, бледный гуманоид. Не человек, но по крайней мере две руки, две ноги, одна голова. Надо лбом у него торчала спираль антенны, уши были длинными и стояли торчком, а череп был абсолютно голым.

Он опустил сферу на землю, мы подошли еще чуть ближе и сели на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

Он ткнул пальцем за спину, указывая на оборудование, которое притащил с собой.

— Расплата, — объявил он тонким писклявым голосом.

Мы не ответили. Каждый сглатывал ком в горле.

— Расплата за что? — наконец удалось выдавить Найту.

— За удовольствие, — ответило существо.

— Не понял, — сказал Мэк.

— Мы сдела (Мы не знали, чего вы хотите, и сделали всего по одному. К сожалению, два набора потерялись. Возможно, несчастный случай.

— Модели, — сообщил я остальным. — Вот о чем он говорит. Модели были образцами, а модели от "тени" Гризи и Бенни...

— Это не все, — сказала существо. — Скоро будет остальное.

— Подождите-ка минутку, — сказал Карр. — Давайте кое-что проясним. Вы нам платите. Платите за что? Конкретно, что мы для вас сделали?

— Как вам это удалось? — выпалил Мэк.

— По очереди, ребята! — взмолился я.

— Машины могут делать, — ответило существо. — Знать как, и машины могут все сделать. Очень хорошие машины.

— Но почему? — снова спросил Карр. — Зачем вы это для нас сделали?

— За удовольствие, — терпеливо объяснило существо. — За смех. За время. Длинное слово, я не могу...

— Развлечение? — предположил я.

— Так правильно, — подтвердило существо. — Развлечение — верное слово. У нас много времени для развлечения. Мы сидим дома, смотрим развлекательный экран. Мы устали от него. Мы ищем

что-то новое. Вы что-то новое. Даете нам много интересного. Мы пытаемся за это заплатить.

— О Боже! — воскликнул Найт. — Теперь я начинаю понимать. Мы были телевизионной сенсацией, и они послали операторов, чтобы все отснять. Мэк, вы разобрали конус вчера вечером?

— Да, — сказал Мэк. — Насколько мы можем судить, это телекамера. Конечно, не совсем такая, как наши, есть отличия, но мы считаем, что это устройство для передачи информации.

Я обернулся к инопланетянину в этой его блестящей сфере.

— Слушайте внимательно, — сказал я. — Давайте-ка ближе к делу. У вас есть желание расплачиваться до тех пор, пока мы вас развлекаем?

— С удовольствием! — ответило существо. — Вы нас развлекаете — мы даем вам то, что вам необходимо.

— Вместо одной вещи — одной из многих — вы нам сделаете дубликаты в неограниченном количестве?

— Похожих, — сказала существо, — и скажите сколько.

— Сталь? — спросил Мэк. — Вы можете сделать для нас сталь?

— Не знаю, что такое сталь. Покажите. Из чего сделано, размеры, форма. Сделаем.

— Если мы вас развлекаем?

— Да, так есть, — сказала существо.

— Сделка? — спросил я.

— Сделка, — подтвердило оно.

— Начиная с этого момента? И не прекращая, до?..

— ...до тех пор, пока мы счастливы.

— Однако придется кое-что сделать, — заявил мне Мэк.

— Не придется, — ответил я.

— С ума сошел! — воскликнул Мэк. — Они же не позволяют себя обьегорить.

— Да позволяют, позволяют, — начал объяснять я. — Земля пойдет на все, чтобы заполучить эту планету. Неужели ты не понимаешь, что подобный обмен покроет все расходы. Все, что требуется от Земли, так это прислать по одному образцу всего, что нам понадобится. Одного образца будет достаточно. Один инфракрасный излучатель — и они нам сделают миллион. Это лучшая сделка, которую когда-либо заключала Земля!

— Мы делаем нашу часть, — со счастливым видом заверило существо, — пока вы делаете свою.

— Я сделаю заявку прямо сейчас, — сказал я Мэку. — Все напишу, а Джек ее отошлет.

Я поднялся и отправился обратно в лагерь.

— Остальное, — существо указало за плечо.

Я резко повернулся и посмотрел туда.

Еще одна куча очень низко приближалась к лагерю. На сей раз это были мужчины — плотная упаковка мужчин.

— Эй! — закричал Мэк. — Так нельзя! Так делать просто неправильно!

Мне не было надобности смотреть. Я точно знал, что случилось. Инопланетяне скопировали не только наше оборудование, но и нас самих. В пачке мужчин были дубликаты всех членов экспедиции, всех, кроме меня и Гризи.

Напуганный до смерти, возмущенный, как был бы любой на моем месте, я не мог не задуматься о некоторых сложностях, которые могут возникнуть в создавшейся ситуации. Представьте двух Мэков, спорящих, чей приказ выполнять! Представьте двух Торнов, пытающихся работать вместе!

Я не стал задерживаться. Я оставил Мэка и остальных объяснять, почему не нужно копировать людей. У себя в палатке я сел и написал заявку: — *Безотлагательно, вне всякой очереди, насущная потребность — пятьсот грезоскопов.*

Источники

Simak C. The Cemetery World. — New York: 1972.

Simak C. They Walked Like Men. — New York: 1964.

Cimak C. Full Cycle: в сб.: Simak C. Worlds Without End. — New York: 1964.

Simak C. The Spaceman's Van Gogh: в сб. Simak C. Worlds Wothout End. — New York: 1964.

Simak C. Dey of Truce: в сб. Nightmare Age / ed. F. Pohl. — New York: 1970.

Simak C. Operation Mercure: в сб.: Tales of Open Space. — New York: 1956.

Simak C. Shadow World: в сб.: 5 Unearthly Vision / ed. G. Conklin. — Greenwich: 1965.

Содержание

От издателя.....	5
МОГИЛЬНИК	
Перевод К. Королева	7
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ	
Перевод С. Васильевой	139
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
Круг замкнулся	
Перевод Б. Ключевой	323
Ван Гог Космоса	
Перевод С. Васильевой	367
День Перемирия	
Перевод И. Почиталина	385
Штуковина	
Перевод Т. Гинзбург	399
Однажды на Меркурии	
Перевод Н. Рахмановой.....	407
Мир "теней"	
Перевод К. Кузнецова	425
Источники	460

Литературно-художественное издание

Клуб любителей фантастики

КЛИФФОРД САЙМАК

Могильник

Сборник фантастических произведений

Составитель Ариадна Георгиевна Белевцева

Ведущий редактор К.Э. Кузнецов
Редактор М.А. Харузина
Художник Н.Е. Иванова
Технический редактор Л.П. Бирюкова
Компьютерная верстка И.А. Савостьянова
Корректор В.И. Николаева

Подписано к печати 9.10.92. Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсет.
Гарнитура таймс. Объем 14,5 бум. л. Усл. печ. л. 28,13. Уч.-изд. л. 28,8.
Тираж 35000 экз. С 15. Заказ № 1957

Издание подготовлено совместно с МП "Бином" и АО "Эгос"
ТОО "ФЕЯ", 121357, Москва, а/я 236.

Московская типография № 4 Министерства печати и информации РФ.
129041, Москва, Б. Переяславская, 46

Серию
"Мастера мировой фантастики",
которую выпускает издательская фирма
"ФЕЯ",
продолжают два сборника произведений
одного из крупнейших американских
писателей-фантастов
Фрица Лейбера.
В первую книгу
"КЛИНКИ ПРОТИВ СМЕРТИ"
входят его произведения
из "Саги о Фафхрде и Сером Мышелове".
"Веселый город Ланхмар"
(эта повесть получила премии "Небьюла-70"
и "Хьюго-71").
"Клинки против смерти",
"Когда Морского царя нет дома",
"Печаль палача",
"Приманка",
а также фантастические рассказы,
содержащие элемент мистики,
весьма характерные для творчества писателя.

Второй сборник
"НЕОБЪЯТНОЕ ВРЕМЯ"
составляют произведения в жанре "сайнс фикшн"
романы
"Необъятное время" ("Хьюго-58"),
"Страница" ("Хьюго-65")
и повесть
"Серебрянные Мудрецы".

Следите за поступлениями!

В серии
"Мастера мировой фантастики"
выпускаемой издательской фирмой
"ФЕЯ"

в ближайшее время *впервые на русском языке*
увидит свет сборник произведений
одного из самых видных американских
писателей-фантастов

Алфреда Вогта,
который составили вошедшие
в "золотой фонд" мировой фантастики
романы
"СЛАН"

и
**"ЭКСПЕДИЦИЯ К «КОСМИЧЕСКОЙ
ГОНЧЕЙ»",**
а также рассказы.

Следите за поступлениями!

